
МГУ

Издательство Московского университета
1994

КОНЕЦ КРЕПОСТНИЧЕСТВА В РОССИИ

Документы, письма, мемуары, статьи

Составление, общая редакция,
вступительная статья и комментарии
профессора В. А. Федорова

Издательство Московского университета
1994

ББК 63.3(2)51
К64

Рецензент:
доктор исторических наук *Н. И. Цимбаев*

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

Конец крепостничества в России (документы, письма,
К64 мемуары, статьи) / Сост., общ. ред., вст. ст. и коммент.
В. А. Федорова.— М.: Изд-во МГУ, 1994.— 527 с. (Университетская библиотека).
ISBN 5—211—03034—6

Издание посвящено переломиому периоду в истории России—эпохе социально-политического кризиса на рубеже 50—60-х годов XIX в., важнейшее событие которой — отмена крепостного права (1861). В книгу включены официальные записки, проекты, отчеты и донесения, агентурные данные о настроениях различных слоев населения, извлечения из законодательных правовых актов, публицистические материалы н прокламации. Представлены дневники и мемуары лиц разных общественно-политических воззрений, в том числе крупных государственных деятелей (П. А. Валуева, Н. А. Милютина, С. С. Ланского, В. А. Черкасского), писателей и ученых (Л. Н. Толстого, А. Н. Энгельгардта, А. И. Кошелева, П. П. Семенова-Тян-Шанского). Печатаются важнейшие рескрипты и публичные выступления Александра II.

Для студентов, преподавателей вузов, учителей и широкого круга читателей.

К $\frac{4700000000-036}{077(02)-94}$ 153—94

ББК 63.3(2)51

ISBN 5—211—03034—6

ПРЕДИСЛОВИЕ

Крепостное право в России — один из важнейших (если не важнейший) социально-экономических институтов, оформившихся в XVI-XVII вв., получивших свое развитие в XVIII столетии и наложивших свою печать не только на экономическую, социальную, но в не меньшей мере и на политическую, культурную и нравственную стороны истории народа. Именно в России крепостное право наиболее долго держалось и приняло такие грубые формы, что на практике ничем не отличалось от рабства.

Крепостной крестьянин фактически оказался полной собственностью помещика, который мог отнять у крестьянина все его достояние, а его самого с семьей или даже отдельно от семьи продать, подарить, отдать в залог; жену или детей крепостного крестьянина можно было обменять на борзых щенков, проиграть в карты. В своем имении помещик пользовался широкой административной и полицейской властью: он имел право даже содержать свою собственную тюрьму, наказывать крестьян телесно («но без увечья»), ссылать в Сибирь за так называемые «продерзостные поступки» без ограничения срока ссылки и возраста ссылаемых, причем каждый сосланный засчитывался помещику как сданный в рекруты. Помещик мог провинившегося или чем-либо не угодившего ему крестьянина отдать для наказания в полицию, заключить на определенный срок в «смирительный дом» или сдать в «арестантские роты гражданского ведомства». Произвол помещиков не знал границ. В изобретении пыток и истязаний бесправных крестьян некоторые из них доходили до виртуозности. Документы крепостной эпохи (жалобы крестьян, материалы расследований «злоупотребления помещичьей властью») полны фактов диких расправ и утонченного издевательства над беззащитными крестьянами. В музеях можно видеть разнообразные орудия пыток, применявшиеся в помещичьих застенках.

Но крепостное право было не только ужасно, губительно по своему воздействию на мужицкую судьбу, оно было несостоятельно и по своей внутренней сути.

Как убедительно установлено исследованиями советских

историков, возможности крепостного хозяйства как экономической системы в России ко второй четверти XIX в. были полностью исчерпаны, и в последние предреформенные десятилетия (30—50-е годы XIX в.) оно вошло в полосу глубокого кризиса. Развитие новых, капиталистических по характеру явлений в экономике России в предреформенные десятилетия вступило в острый конфликт с крепостничеством, которое стало серьезным тормозом роста производительных сил, промышленности и торговли, крестьянского предпринимательства. Помещичьи хозяйства, базирующиеся на подневольном, крепостном труде, все более приходили в упадок. Резко упала производительность барщинного труда, показателем чего является падение урожайности в помещичьей деревне. По расчетам известного историка И. Д. Ковальченко (см.: Ковальченко И. Д. Русское крестьянство в первой половине XIX века М., 1967), в регионах с преобладанием барщинной формы эксплуатации крестьян средняя урожайность зерновых культур к середине XIX в. составляла 75—80 % по отношению к урожайности первого десятилетия XIX в.

Помещики увеличивают число барщинных дней в неделю и вместе с тем вводят «урочную систему» (т. е. устанавливают определенные нормы дневной выработки на барщине), иногда практикуют частичную оплату барщинных работ. Однако все эти меры «стимулирования» и интенсификации барщины не могли возместить возрастающие потери от падения производительности барщинного труда. Барщинный крестьянин оказывал явное и тайное сопротивление нажиму со стороны помещика. Помещики постоянно жаловались на «лень» и «нерадение» мужика на барской работе, и это несмотря на применение жестоких наказаний. «Взглянем на барщинскую работу. Придет крестьянин сколь возможно позже, осматривается и оглядывается сколь возможно чаще и дольше, а работает сколь возможно меньше,— ему не дело делать, а день убить»,— писал в 1847 г. в статье «Охота пуще неволи» известный славянофил и крупный помещик А. И. Кошелев. Наиболее дальновидные помещики осознавали преимущества вольнонаемного труда перед крепостным, понимали, что крепостная неволя исключает всякие стимулы производительного труда (кроме разве страха наказания). Но осознание этого еще не давало возможности в тогдашних условиях, при узости рынка наемной рабочей силы и ее дороговизне, перейти даже передовым помещикам от крепостного труда к наемному. Кризис в первую очередь поразил барщинные имения (в них в то время числилось более 70 % крепостных крестьян). Однако серьезные трудности переживали и имения оброчные. Начиная с 20-х годов XIX в., как показывают источники, повсеместно растут недоимки в уплате оброков по оброчным имениям. (Недоимочность в оброчных имениях, конечно, служила и показателем непосильности для крестьян оброчных платежей.) Помещичьи имения закладывались и перезакладывались. К мо-

менту отмены крепостного права помещиками было заложено в различных кредитных учреждениях более $^2/_3$ крепостных крестьян, а сумма долга этим учреждениям достигла астрономической величины — 425 млн руб., т. е. вдвое превосходила годовой доход в бюджете страны. Заметим в связи с этим, что реформа 1861 г. спасла помещиков от финансового краха: государство погасило эти долги за счет вычета их из выкупных платежей крестьян.

Выражением социального кризиса явился последовательный рост в предреформенные десятилетия крестьянского антикрепостнического движения. По данным, основанным на материалах наших архивов, за первую четверть XIX в. было зарегистрировано 651 крестьянское волнение (в среднем 26 волнений за год), за вторую четверть этого столетия — уже 1089 волнений (43 волнения за год), а за последнее предреформенное десятилетие (1851—1860 гг.) — 1010 (101 волнение за год). Помимо волнений и восстаний протест крестьянства против крепостничества проявлялся и в других формах: убийства помещиков и управляющих имениями, бегство от помещика, жалобы местным властям и царю, распространение слухов о воле, будоражииших умы крестьян. Высшие полицейские власти указывали на опасность всех этих проявлений крестьянского протеста.

«Простой народ ныне не тот, что был за 25 лет перед сим, ⟨...⟩ — говорится в отчете III отделения за 1839 год, весь дух народа направлен к одной цели — к освобождению... Вообще крепостное состояние есть пороховой погреб под государством, и тем опаснее, что войско составлено из крестьян же». III отделение указывало на появление среди крестьян «рассуждающих голов», которые задумывались над причинами социального неравенства, формулировали крестьянские антикрепостнические требования.

Крестьянский вопрос серьезно беспокоил российское самодержавие, а в царствование Николая I это беспокойство приобрело особую остроту. Николай I понимал, что «крепостное право — зло», заявлял, что он «намерен вести процесс против рабства», однако отменить крепостное право (речь о 30—40-х годах) он считал «еще бóльшим злом». В этих царских словах выражена суть позиции самодержавия в данном вопросе — осознание необходимости и вместе с тем опасности освобождения крестьян. Опасность правительство видело в том, что уничтожение власти помещиков над крестьянами неизбежно затронет и самодержавие, опирающееся на эту власть. Характерны отзывы Николая I о помещиках как о своих «ста тысячах полицмейстерах», охраняющих «порядок» в деревне. Самодержавие опасалось также, что освобождение не пройдет мирно и будет сопровождаться крестьянскими восстаниями. Потому-то десятилетиями и ограничивается в крестьянском вопросе рядом паллиативных мер. Для обсуждения крестьянского вопроса при Николае I было создано

9 секретных комитетов (боялись гласно обсуждать этот острый вопрос), но результаты деятельности этих комитетов были более чем скромны: келейно разрабатывались различные проекты и предположения, причем дело не шло дальше обсуждения. За период 20—30-х годов XIX в. было издано более 100 указов и законов о крестьянах, нисколько не колеблющих основ крепостного права и направленных лишь на некоторое его смягчение, да к тому же в силу своей необязательности для помещиков они оставались пустой бумажкой или же находили крайне ограниченное применение. Необходимо было такое крупное потрясение, как Крымская война 1853—1856 гг., чтобы царское правительство приступило вплотную к отмене крепостного права.

Крымская война способствовала углублению кризиса феодализма, придав ему всеобъемлющий характер. Кризис охватил не только феодальный экономический базис, но и его политическую надстройку — наступил кризис и политики господствующего феодального класса, который уже не мог управлять по-старому. Крымская война раскрыла глаза царизму на социальную опасность дальнейшего сохранения крепостного права, показала, что оно является главной причиной экономической и военно-технической отсталости страны. Громадные расходы на войну серьезно подорвали финансы государства. Частые рекрутские наборы в годы войны, реквизиции скота и фуража, рост денежных и натуральных повинностей, связанных с войной, разоряли население. Все это вызвало заметное нарастание массового антикрепостнического движения крестьянства. В 1854—1855 гг. ясно обозначилась волна побегов крестьян от помещиков.

2 апреля 1854 г. был обнародован царский указ о формировании резервной гребной флотилии («морского ополчения»). В нее могли записаться и помещичьи крестьяне, но с согласия помещиков и с письменным обязательством ополченца о возвращении к своему помещику после роспуска флотилии. Указ ограничивал район формирования флотилии всего четырьмя губерниями: Петербурской, Олонецкой, Новгородской и Тверской. Но весть об указе всколыхнула крестьян центральных и поволжских губерний. Среди крестьян разнеслась молва о том, «что государь император призывает всех охотников в военную службу на время и что за это семейства их освободятся навсегда не только от крепостного состояния, но и от рекрутства и платежа казенных повинностей». Самовольный уход для записи в ополчение вылился по сути в массовое бегство крестьян от помещиков.

Еще более широкий характер приняло это явление в связи с манифестом 29 января 1855 г. о наборе ратников в «подвижное сухопутное ополчение» (на тех же условиях, что и в «морское ополчение»). Оно охватило десятки центральных, поволжских и украинских губерний. Замечательным упорством отличалось «движение» крестьян Киевской губернии, стремившихся «записаться в «вольные казаки».

Вскоре по окончании войны, весной—летом 1856 г., крестьяне южных губерний устремились в Крым, где, как обещали распространяемые слухи, по якобы вышедшему царскому указу, они «будут свободны от крепостного состояния». Дороги, ведущие в Крым, были забиты толпами бегущих крестьян. Воинские отряды, посланные с целью вернуть мужиков, встретили с их стороны отчаянное сопротивление. Эти и подобные массовые выступления крестьян, охватившие уже не отдельные помещичьи имения, а целые губернии, произвели сильное впечатление на помещиков и на правящие круги. Перед ними встал призрак новой «пугачевщины», которая представлялась тем более опасной, что она, как считали помещики, могла «соединиться с глубоко задуманною демократическою революциею»: помещики и власть боялись не только и не столько даже реальных крестьянских бунтов, сколько потенциальной возможности общего крестьянского восстания.

Таким образом, перед российским самодержавием со всей неотвратимостью встали экономические и политические задачи: необходимо было разрешить острые социальные проблемы, выйти из тяжелого финансового и экономического кризиса и при этом сохранить положение России в стане ведущих держав мира.

Впервые о необходимости отмены крепостного права было официально заявлено Александром II в краткой речи, произнесенной им 30 марта 1856 г. перед представителями московского дворянства. В этой речи Александр II, упомянув о своем нежелании сейчас «дать свободу» крестьянам, вынужден был в то же время заявить о необходимости в принципе приступить к подготовке их освобождения ввиду опасности дальнейшего сохранения крепостного права, указывая, что лучше отменить крепостное право «сверху», чем ждать, когда оно само будет отменено «снизу». Противоречивость речи характерна для самой позиции Александра II.

Однако в течение всего 1856 г. практически ничего не было сделано в этом направлении, кроме того, что были предприняты попытки выяснить отношение дворянства к предстоящей реформе и добиться от него собственной инициативы в намечаемом деле. В конце 1856 г. Александр II писал великой княгине Елене Павловне, которая заявила о своем намерении освободить крестьян в принадлежавшем ей обширном имении Карловка Полтавской губернии: «Я выжидаю, чтобы благомыслящие владельцы населенных имений сами высказали, в какой степени полагают они возможным улучшить участь своих крестьян». Однако дворянство упорно уклонялось от каких-либо ходатайств царю по этому вопросу.

Здесь следует отдать должное настойчивости самодержца. Сознавая государственную необходимость проведения ряда реформ, и в первую очередь крестьянской реформы, он последовательно шел к своей цели. Это тем более важно, что подавляющее

большинство российского дворянства было крепостнически настроенным и выступало против каких-либо серьезных реформ.

Царя поддерживала либеральная часть помещиков, хозяйство которых было сильнее втянуто в рыночные отношения. В 1855—1857 гг. эти люди выступили с различными проектами отмены крепостного права. Проекты предусматривали разные условия освобождения крестьян, что определялось в значительной мере различием интересов помещиков в зависимости от конкретных местных условий ведения помещичьих хозяйств.

Интересы помещиков нечерноземных губерний России, с более развитыми в этом регионе товарными отношениями и широким распространением крестьянских неземледельческих промыслов, а также преобладанием оброчной эксплуатации крестьянства, отражал проект тверского предводителя дворянства А. М. Унковского. В своей «Записке», поданной Александру II в 1857 г., Унковский предлагал освободить крестьян с землей без какого бы то ни было «переходного состояния», т. е. сразу, но с «вознаграждением» помещиков как за землю, предоставляемую в надел крестьянам, так и «за самих освобождаемых крестьян». Выкуп земли возлагался на самих крестьян, а выкуп личности крестьянина — «на государство» или, точнее, «на все сословия», что, по существу, выходило на тех же крестьян, составляющих $^{9}/_{10}$ населения страны. Проект Унковского отражал стремление помещиков нечерноземной полосы к быстрейшей ликвидации крепостных отношений и к получению максимального выкупа с целью организации своего хозяйства на капиталистических началах. В проекте Унковского обозначилось характерное для либерального направления в русской общественной мысли требование проведения других буржуазных реформ: в области суда, администрации, печати т. д. Последнее требование наиболее полно было изложено в поданном в 1859 г. Александру II «адресе пяти», текст которого, как и проект Унковского, приводится в публикуемом издании.

Интересы помещиков черноземной полосы, где преобладало барщинное хозяйство, рассчитанное на рынок, и где земля особенно высоко ценилась, воплотил проект крупного полтавского помещика М. П. Позена, изложенный им в двух вариантах «Записок о мерах освобождения крепостных крестьян» (поданы были Александру II в 1856 и 1857 гг.). Проект Позена отражал стремление помещиков черноземных губерний к сохранению в своих руках максимального количества земли, но вместе с тем и их незаинтересованность в полном обезземелении крестьян, ибо сохранение крестьянского хозяйства необходимо было для обеспечения помещиков рабочими руками.

Интересы помещиков степной полосы, относительно слабо заселенной, с преобладанием крупного помещичьего хозяйства, выражал проект Ю. Ф. Самарина (известного славянофила), помещика Самарской губернии. В своем проекте, опубликованном

в журнале «Сельское благоустройство» (1858), Самарин предусматривал необходимость личного освобождения крестьян с землей и предоставления им гражданских прав. Но ввиду недостатка в степной полосе рабочих рук он считал необходимым установить после ликвидации крепостной зависимости крестьян «переходный период» сроком на 10—12 лет, во время которого сохранялись бы обязательная барщина за предоставленный крестьянам надел и право вотчинной полиции за помещиком в его имении.

Несмотря на очевидные различия, эти помещичьи проекты объединяло стремление сохранить помещичье землевладение, власть помещиков, самодержавный политический порядок, но приспособив все это к новым, капиталистического характера социально-экономическим процессам в стране. Помещичьи проекты, предусматривавшие проведение крестьянской реформы «сверху», безусловно, преследовали цель — предотвратить тем самым «пугачевщину» в стране. Во многих помещичьих проектах, поступавших в центральные правительственные учреждения, опасность общего крестьянского восстания рассматривалась как один из важных аргументов проведения крестьянской реформы.

Разработка практических основ крестьянской реформы сначала была поручена Министерству внутренних дел. Летом 1856 г. А. И. Левшин (товарищ министра С. С. Ланского) представил «Записку» с изложением принципов этой реформы. За помещиком сохранялось право собственности на всю землю в имении, включая крестьянскую, которая при освобождении предоставлялась крестьянам, за что они обязаны были нести в пользу помещика регламентированные законом феодальные повинности в виде барщины или оброка. Таким образом, крестьяне получали личную свободу и землю, но последнюю не в собственность, а в пользование.

3 января 1857 г. был образован Секретный комитет под председательством Александра II[1] «для обсуждения мер по устройству быта помещичьих крестьян». Составленный из бывших николаевских сановников, в большинстве своем ярых крепостников, комитет действовал нерешительно и всячески затягивал дело. Однако нараставшая социальная напряженность в стране заставила Александра II принять более действенные меры. При этом он, как и вначале, стремился добиться от самих помещиков, чтобы они проявили свою инициативу в деле подготовки реформы. Первыми изъявили свое согласие помещики трех литовских губерний — Виленской, Ковенской и Гродненской. 20 ноября 1857 г. последовал рескрипт генерал-губернатору этих губерний В. И. Назимову об учреждении из числа местных помещиков трех губернских комитетов и одной «общей комиссии в г. Вильне» для подготовки местных проектов крестьянской

---

[1] Если он не присутствовал в заседаниях комитета, то роль председателя выполнял князь А. Ф. Орлов, позже вел. князь Константин Николаевич.

реформы. В основу рескрипта Назимову, а вскоре и последовавшего циркуляра министра внутренних дел были положены принципы, изложенные ранее в «Записке» А. И. Левшина и одобренные Александром II. 5 декабря 1857 г. последовал аналогичный рескрипт петербургскому генерал-губернатору графу П. Н. Игнатьеву. В течение 1858 г. подобные рескрипты были даны и остальным губернаторам, и в том же году в 46 губерниях, в которых находились помещичьи крестьяне, были учреждены губернские «комитеты об улучшении быта помещичьих крестьян» (правительство боялось произнести слово «освобождение», заменив его эвфемизмом «улучшение быта»).

Примечательно, что рескрипт В. И. Назимову вначале держался в секрете. С текстом его конфиденциально были ознакомлены лишь губернаторы — им были посланы его копии. Впервые он был опубликован 7 декабря 1857 г. на французском языке в издававшейся в Петербурге газете «Le Nord». Первая публикация раскрипта Назимову на русском языке появилась в официальной прессе 24 декабря 1857 г. Таким образом, подготовка крестьянской реформы стала гласной. 16 февраля 1858 г. Секретный комитет был переименован в Главный комитет по крестьянскому делу, а еще ранее в состав комитета был введен деятель либеральных взглядов, энергичный и убежденный сторонник освобождения крестьян — брат царя вел. кн. Константин Николаевич, назначенный впоследствии и председателем этого комитета.

Опубликование рескриптов, с их крайне умеренной программой, большинство помещиков встретило резко отрицательно. Из 45,8 тыс. помещиков 13 центральных губерний только 12,6 тыс. подписали согласие на «улучшение быта» своих крестьян. В связи с этим в губернских комитетах развернулась борьба, иногда принимавшая острый характер, между либеральным меньшинством и крепостнически настроенным большинством дворянства. Лишь в одном Тверском комитете преобладали либерально настроенные помещики.

Обсуждение «крестьянского вопроса» заняло центральное место в вольной русской прессе А. И. Герцена и Н. П. Огарева за границей (в «Полярной звезде», «Голосах из России» и особенно в «Колоколе», который, по выражению В. И. Ленина, «встал горой за освобождение крестьян») и в подцензурной печати в самой России. Здесь тон задавал журнал «Современник», в котором уже с 1854 г. ведущее положение занимал Н. Г. Чернышевский, проводивший в своих подцензурных статьях идею немедленного освобождения крестьян с землей и без всякого выкупа.

Подготовка крестьянской реформы проходила в обстановке заметного подъема крестьянского движения. Если за 1857 г. властями было зафиксировано 192 крестьянских выступления, то за 1858 г., когда подготовка реформы приобрела гласность,— уже 528 таковых случаев. В донесениях губернаторов, губернских

предводителей дворянства, офицеров корпуса жандармов и полиции за 1858 г. постоянно указывалось, что крестьяне часто восставали, «увлекаемые слухами о свободе», «прослышав о вольности из крепостного состояния», «превратно толкуя распоряжения правительства об улучшении их быта». О размахе крестьянского движения в эти годы следует судить не только по количественным показателям волнений. Здесь особое значение приобретает массовое брожение, готовое перейти в вооруженную борьбу. Донося о случаях открытых крестьянских выступлений, местные власти сообщали, что еще большее число крестьян охвачено «скрытым волнением». Мысль о близком освобождении все более и более овладевала умами крестьян, которые следили за малейшими распоряжениями правительства по крестьянскому вопросу, стремясь воспользоваться ими как предлогом борьбы за «полную волю», а в это понятие они вкладывали безвозмездное наделение их достаточным количеством земли, уничтожение податей и повинностей в пользу помещика, рекрутчины, предоставление общинного самоуправления, свободного от вмешательства помещика, чиновника и полиции.

Хотя судьбы крестьянства решались в губернских комитетах и в центральных правительственных учреждениях, готовивших реформу, а сами крестьяне были устранены от участия в деле, касающемся их жизненных интересов, тем не менее ни помещики, ни правительство не могли не считаться с настроениями крестьянства, которое оказывало существенное воздействие на ход разработки реформы. Большое впечатление на царское правительство произвело восстание в 1858 г. в Эстонии («война в Махтра»), на подавление которого пришлось направить крупные воинские силы. Причины его заключались в следующем. Еще в 1816 г. крестьяне Эстонии получили личную свободу, но без земли, при этом устанавливался 14-летний «переходный период», в течение которого помещик в значительной мере сохранял свою власть над крестьянами. В определенной мере и после «переходного периода» сохранялись прежние феодальные повинности за арендованную крестьянами у помещиков землю. Материальное положение эстонских крестьян в результате такого «освобождения» ухудшилось. В 1856 г. было издано новое «Положение», которое явилось даже шагом назад по сравнению с реформой 1816 г., ибо усиливало зависимость крестьян-арендаторов от арендодателей-помещиков и лишало их в перспективе возможности иметь землю. Попытка властей провести новый закон в жизнь и вызвала взрыв возмущения крестьян. Это восстание воочию показало опасность безземельного освобождения крестьян. 4 декабря 1858 г. Главный комитет принял новую программу реформы, предусматривавшую предоставление крестьянам их наделов в собственность посредством выкупа и полное освобождение от феодальных повинностей крестьян, выкупивших свои наделы, правительственное содействие выкупу путем организации кредита,

введение крестьянского самоуправления в рамках сельской общины. Именно эта программа и легла в основу проекта «Положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости».

Вместе с тем еще в начале мая 1858 г. в связи с напряженной обстановкой в деревне Александр II одобрил проект «Положения о временных генерал-губернаторах», которые наделялись, по сути дела, неограниченной властью. В качестве главной обязанности им вменялось обеспечение «общественного спокойствия» в губерниях, наблюдение за деятельностью губернских комитетов и вместе с тем оказание им содействия впоследствии в реализации реформы. Проект, однако, не был реализован, ибо вызвал недовольство местного дворянства, усмотревшего в нем подрыв своих позиций в местном управлении.

4 марта 1859 г. в качестве «рабочего органа» при Главном комитете были учреждены так называемые Редакционные комиссии, чьей целью ставилось рассмотрение материалов, подготовленных и представленных губернскими комитетами, составление проекта закона об освобождении крестьян, который потом надлежало представить на обсуждение в Главный комитет. Одна комиссия должна была подготовить проект «Общего положения о крестьянах...», другая — «местные положения» о их поземельном устройстве применительно к крупным регионам с учетом их особенностей. Но фактически обе комиссии в своей деятельности слились в одну, сохранив множественное наименование — Редакционные комиссии. Это был вневедомственный, «нетрадиционный» орган, сыгравший, по сути дела, основую роль в разработке проекта «Положений о крестьянах». Хотя он формально и числился при Главном комитете, но пользовался самостоятельностью, будучи подчинен непосредственно императору. Редакционные комиссии подразделялись на финансовый, юридический и хозяйственный отделы. В составе их числилось 38 человек (17 представителей министерств и ведомств и 21 эксперт от местных помещиков и ученых). Это были весьма компетентные и в большинстве своем либерально настроенные люди. Председателем комиссии был назначен Я. И. Ростовцев как близкий к царю, но «беспоместный» (не имевший ни земли, ни крепостных крестьян), следовательно, не принадлежавший ни к какой «помещичьей партии». Он последовательно проводил правительственную линию, не поддаваясь влиянию ни «справа», ни «слева». После смерти Ростовцева в феврале 1860 г. председателем Редакционных комиссий был поставлен министр юстиции В. Н. Панин, известный своими крепостническими взглядами; однако он не мог сколько-нибудь существенно изменить деятельность комиссий и повлиять на содержание подготовленных проектов.

Обилие разнообразной документации по крестьянскому вопросу, поступавшей в Главный комитет, вызвало необходимость

создания в марте 1858 г. при Центральном статистическом комитете Министерства внутренних дел Земского отдела, призванного заниматься разбором, систематизацией и обсуждением всех дел, связанных с подготовкой реформы. Первоначально председателем отдела был назначен уже упоминавшийся А. И. Левшин, позже — Н. А. Милютин, один из самых образованных и талантливых государственных деятелей той эпохи, сыгравших чуть позже немалую роль и в Редакционных комиссиях.

Губернские комитеты в целом занимали консервативные позиции, обусловленные корыстными интересами местного дворянства. Большинство губернских комитетов высказалось за бессрочное сохранение временнообязанного состояния крестьян, а остальные выразили пожелание, чтобы в случае прекращения этого состояния помещикам возвращались крестьянские наделы. Редакционные комиссии не пошли навстречу этим притязаниям дворянства. Ими были установлены более высокие нормы крестьянских наделов, нежели те, какие предлагали губернские комитеты, были отвергнуты все проекты и предложения о безземельном освобождении крестьян. Принято было решение вместо вотчинной власти помещиков, какую предлагали оставить губернские комитеты в «освобожденной» деревне, создать особое крестьянское «общественное управление», подчиненное не помещикам, а общим административно-полицейским органам. Однако и в Редакционных комиссиях не было единства: не затихала острая борьба по вопросам о конкретных размерах наделов и повинностей, функциях крестьянского сельского управления.

В августе 1859 г. проект «Положений о крестьянах» был Редакционными комиссиями в основном подготовлен. Предполагалось этот проект широко обсудить с депутатами губернских комитетов, как и обещал местному дворянству Александр II во время своей поездки летом и осенью 1858 г. по центральным губерниям. Но поскольку, как уже выше указывалось, в конце 1858 г. правительство приняло новую программу реформы, идущую значительно дальше первоначальной программы, изложенной в рескриптах, и, естественно, существенно расходившуюся с предложениями губернских комитетов, решено было ограничиться вызовом представителей от комитетов в Петербург отдельными группами. В конце августа 1860 г. было вызвано 36 депутатов от 21 комитета, а в феврале 1860 г. — 45 депутатов от остальных 25 комитетов. Были приняты меры, чтобы парализовать активность вызванных депутатов: им было запрещено подавать коллективные прошения, представления и даже сообщаться между собой, за этим следила полиция. Тем не менее вызванные депутаты подвергли деятельность Редакционных комиссий резкой критике «справа». Депутаты «первого приглашения» представляли преимущественно нечерноземные губернии. Хотя большинство из них были сторонниками наделения крестьян землей, однако они считали установленные комиссиями нормы наделов завышенными,

а повинности заниженными. Либеральная группа этих депутатов во главе с А. М. Унковским выдвинула попутно политические требования проведения реформ в области печати, суда и администрации, что вызвало резкое недовольство со стороны Александра II. Депутаты «второго приглашения», представлявшие главным образом черноземные, земледельческие губернии, с господством барщинной системы ведения помещичьего хозяйства, не выдвигали никаких политических требований, но настаивали на сохранении в руках дворянства всей земли, а также вотчинной власти помещиков. Редакционные комиссии пошли на некоторые уступки требованиям дворянских плантаторов: в некоторых черноземных губерниях были понижены нормы крестьянских наделов, а в нечерноземных, преимущественно промышленно развитых, повышены размеры оброка и предусмотрена так называемая «переоброчка» (т. е. пересмотр размеров оброка, разумеется, в сторону их повышения) через 20 лет после издания «Положений о крестьянах».

Вместе с тем нельзя было не учитывать и настроения крестьянских масс, все более выражавших свое нетерпение затянувшимся решением «крестьянского вопроса». Большое впечатление на правящие круги оказало широкое так называемое «трезвенное движение» в 1859 г., движение против винных откупов, в котором приняли участие сотни тысяч государственных, удельных и помещичьих крестьян. На одном из заседаний Редакционных комиссий, где обсуждался вопрос об отрезке от крестьянского надела, Я. И. Ростовцев под впечатлением от происшедших в 1859 г. массовых разгромов питейных заведений заявил: «Если у нас за бутылку полугара (дешевой водки.— *В. Ф.*) происходили бунты, то что же произойдет, если мы отрежем десятину?»

Во время подготовки реформы помещики предприняли конкретные контрмеры, чтобы «упредить реформу». Если ранее аппетиты помещиков несколько сдерживались желанием сохранить платежеспособность крестьян и тем самым обеспечить поступление доходов со своих имений, то в последний момент, когда помещики были поставлены перед фактом скорой отмены крепостного права, эксплуатация крестьян приняла хищнический характер. По всем губерниям началось массовое ограбление крестьян: продажа их отдельно от земли («на своз»), насильственное переселение на неудобные земли, перевод в дворовые, ссылка в Сибирь и сдача вне очереди в рекруты, сокращение наделов, принуждение зажиточных крестьян за высокую цену к выходу на волю и др. Все это были действия, метко названные А. И. Герценом «предсмертными злодействами помещичьего права». Массовый характер этих «злодейств» заставил правительство в 1858 г. издать против них ряд указов.

10 октября 1860 г. Редакционные комиссии завершили свою работу, и проект «Положений» поступил в Главный комитет по

крестьянскому делу, где он обсуждался до 14 января 1861 г. Здесь проект подвергся новым изменениям в пользу помещиков, прежде всего это дальнейшее понижение норм крестьянских наделов для некоторых местностей, увеличение оброка в местностях, «имеющих особые промышленные выгоды». Наконец 28 января 1861 г. проект поступил на рассмотрение последней инстанции — Государственного совета. Открывая заседание Государственного совета, Александр II указал на необходимость скорейшего решения крестьянского дела. «Всякое дальнейшее промедление может быть пагубно для государства»,— заявил он. Далее он сказал: «Я надеюсь, господа, что при рассмотрении проектов, представленных в Государственный совет, вы убедитесь, что все, что можно было сделать для ограждения выгод помещиков,— сделано». Однако члены Государственного совета сочли необходимым внести новое дополнение к проекту в пользу помещиков: по предложению крупного землевладельца князя П. П. Гагарина был внесен пункт о праве помещиков предоставлять крестьянам (правда, по соглашению с ними) сразу в собственность и бесплатно («в дар») четверть надела. Предполагалось, что перспектива получения бесплатного, хотя и мизерного надела при ликвидации сразу всех обязательств по отношению к помещику привлечет крестьян, а самому помещику даст возможность сохранить в своих руках максимум земельных угодий и обеспечит его дешевой рабочей чилой.

Правительство прекрасно понимало, что подготовленный закон не удовлетворит крестьян. Поэтому был принят ряд чрезвычайных мер для подавления могущих вспыхнуть крестьянских восстаний в ответ на «дарованную волю». Заранее были составлены подробные инструкции и предписания о дислокации и действиях войск «для подавления крестьянских беспорядков». В течение декабря 1860 — января 1861 г. проходили секретные совещания военного министра, министра внутренних дел, министра двора, военного генерал-губернатора Петербурга и начальника III отделения — говорилось об охране правительственных зданий и дворцов, особенно Зимнего, во время объявления царского Манифеста о «воле». На случай возможного возмущения петербургской «черни» царская семья была приготовлена к бегству из столицы. Для борьбы с возможными народными волнениями была привлечена и православная церковь. Согласно правительственным указаниям, духовенство обязывалось применять все средства религиозного воздействия на крестьян, чтобы отвратить их от неповиновения. Читатель найдет в настоящем сборнике интересные распоряжения на этот счет.

16 февраля 1861 г. в Государственном совете было завершено обсуждение пакета проектов «Положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости». 19 февраля (это был день восшествия на престол Александра II в 1855 г.) они были подписаны царем и получили силу закона. Одновременно царь

подписал и Манифест, возвещавший об освобождении крестьян. Первоначальный проект Манифеста был составлен Ю. Ф. Самариным и Н. А. Милютиным, но по повелению Александра II он был переделан московским митрополитом Филаретом, который придал ему форму, призванную воздействовать на религиозные чувства крестьянства.

Манифест проводил идею «добровольности» и «жертвенности» дворянства, от которого исходила якобы инициатива освобождения крестьян и навстречу пожеланиям которого пошел государь. Манифест призывал крестьян к спокойствию и благоразумию, к неукоснительному выполнению определенных законом обязанностей. В тот же день, 19 февраля, был учрежден Главный комитет об устройстве сельского состояния. Он заменил Главный комитет по крестьянскому делу и призван был осуществлять высшее наблюдение за введением в действие Положений 19 февраля, рассматривать проекты законов в дополнение и развитие этих Положений. На местах были образованы губернские по крестьянским делам присутствия. В губернии для обнародования Манифеста и Положений были посланы флигель-адьютанты царской свиты, наделенные широкими полномочиями для подавления могущих вспыхнуть по случаю «освобождения» крестьянских «беспорядков». Само обнародование царской «воли» происходило с 5 марта (в Москве и Петербурге) до 2 апреля (на местах).

Положения 19 февраля 1861 г. распространялись на 46 губерний, в которых насчитывалось 10 528 724 души мужского пола крепостных крестьян (в том числе 723 725 дворовых), принадлежавших 100 428 помещикам.

Ликвидация феодальных отношений в деревне — не единовременный акт 1861 г., а длительный процесс, растянувшийся более чем на два десятилетия. Полное освобождение крестьяне получали не сразу с момента обнародования Манифеста и Положений 19 февраля 1861 г. В Манифесте объявлялось, что крестьяне в течение двух лет (до 19 февраля 1863 г. — такой срок устанавливался для введения в действие Положений) обязаны были отбывать несколько измененные, но, по сути дела, те же самые повинности, что и при крепостном праве. Отменялись лишь особо ненавистные крестьянам так называемые «добавочные сборы» натурой: яйцами, грибами, маслом, льном, холстом, шерстью. Обычно вся тяжесть «добавочных сборов» ложилась на женщин, поэтому их отмену крестьяне метко окрестили «бабьей волей». Кроме того, помещикам запрещалось переводить крестьян в дворовые. В барщинных имениях размеры барщины сокращались со 135—140 дней с тягла в год до 70 (40 дней мужских и 30 женских или 3 мужских и 2 женских дня в неделю), несколько сокращалась подводная повинность; в оброчных запрещалось переводить крестьян на барщину. Но и после 1863 г. крестьяне долгое время находились на положении «временнообязанных», должны были нести регламентированные Положениями феодаль-

ные повинности — платить оброк или выполнять барщину. Завершающим актом ликвидации феодальных отношений в бывшей помещичьей деревне являлся перевод крестьян на выкуп, когда крестьяне становились юридическими собственниками своих наделов (переходили на положение «крестьян-собственников») и вносили выкупные платежи уже не помещику, а государству, взявшему на себя проведение выкупной операции. Переход на выкуп (либо по соглашению крестьян с помещиком, либо по одностороннему требованию помещика) разрешался уже с 1861 г., но окончательная дата завершения этого процесса не была установлена.

По Манифесту крестьянин сразу получал личную свободу. Необходимо подчеркнуть исключительную важность этого акта, еще недостаточно оцененного в нашей обширной исследовательской литературе о крестьянской реформе 1861 г. Борьба за «волю» была ведущим направлением в многовековой истории крестьянского движения. Теперь бывший бесправный крепостной, фактически являвшийся полной собственностью помещика, получал не только возможность свободно распоряжаться своей личностью, но и ряд общих имущественных и гражданских прав: от своего имени выступать в суде, заключать всякого рода имущественные и гражданские сделки, открывать торговые и промышленные заведения, переходить в другие сословия. Все это давало больший простор крестьянскому предпринимательству, способствовало росту отхода на заработки и, следовательно, складыванию рынка рабочей силы, а главное — раскрепощало крестьянина нравственно. Характерно свидетельство Ю. Ф. Самарина в его письме В. А. Черкасскому от 29 ноября 1861 г.: «Народ нравственно выпрямился и переродился... Вчерашний крепостной нынче смотрит прямо в глаза и высказывает без утайки все, что у него на сердце».

Правда, вопрос о личном освобождении в 1861 г. еще не получил окончательного фактического разрешения. Черты внеэкономического принуждения продолжали сохраняться на период временнообязанного состояния крестьян: за помещиком оставалось право вотчинной полиции на территории его имения, ему в течение этого периода подчинялись сельские должностные лица, он мог потребовать смены этих лиц, удаления из общины неугодного ему крестьянина, вмешиваться в решения сельских и волостных сходов. Но с переводом крестьян на выкуп эта опека над ними со стороны помещика полностью прекращалась. Последующие реформы в области суда, местного управления, образования, военной службы расширяли права крестьянства: крестьянин мог быть избран в состав суда, в органы местного управления, ему открывался доступ в средние и высшие учебные заведения. Конечно, этим не снималась полностью сословная неравноправность крестьянства. Оно продолжало оставаться низшим, податным сословием, которое обязано было нести

подушную и разного рода другие денежные и натуральные повинности, было подвержено телесным наказаниям [2], от чего были освобождены другие, привилегированные сословия — дворянство, духовенство, купечество.

В июне — июле 1861 г. в селениях бывших помещичьих крестьян были образованы органы крестьянского «общественного управления» по типу существовавшего «самоуправления» в государственной деревне. Положения 1861 г. сохраняли сельскую общину как низшую административно-хозяйственную и социальную ячейку русской деревни. Крестьяне одной общины составляли сельское общество, а несколько сельских обществ, в которых в общей сложности насчитывалось от 300 до 2 тыс. душ муж. пола,— волость. Домохозяева сельского общества составляли сельский сход, который избирал на 3 года сельского старосту, сборщика податей и от каждых 10 дворов представителей на волостной сход. На волостном сходе избирались, также на 3 года, волостное правление во главе с волостным старшиной и волостной суд, разбиравший крестьянские споры и тяжбы, а также мелкие проступки, руководствуясь нормами обычного права.

Важную роль в проведении в жизнь крестьянской реформы на местах сыграл созданный летом 1861 г. институт мировых посредников, на которых правительство возложило исполнение многочисленных посреднических и административно-полицейских функций: утверждение и введение в действие уставных грамот (определявших пореформенные повинности крестьян и поземельные отношения крестьян с помещиками), удостоверение выкупных актов при переходе крестьян на выкуп, разбор споров между крестьянами и помещиками, надзор над органами крестьянского самоуправления. Мировые посредники назначались исключительно из помещиков (местных потомственных дворян) и, как правило, из числа крупных землевладельцев. Они были подотчетны уездному съезду мировых посредников, а съезд — губернскому по крестьянским делам присутствию. Однако закон предусматривал относительную самостоятельность мировых посредников и их независимость от местной администрации. Мировые посредники призваны были проводить правительственную линию, т. е., выражая в конечном счете общеклассовые помещичьи интересы, учитывать и интересы государственные, пресекать корыстные поползновения откровенных крепостников, требуя от них придерживаться рамок закона. На практике мировые посредники в своем большинстве не были «беспристрастными примирителями» разногласий между крестьянами и помещиками. Представители помещиков, они защищали помещичьи интересы в первую очередь, иногда идя даже на нарушение закона. В материалах данного издания читатель найдет немало ярких

[2] Телесные наказания были отменены в России в 1863 г., но для крестьян, по приговорам волостных судов, они практиковались до 1917 г.

фактов произвола и самоуправства мировых посредников. Однако среди мировых посредников находились и представители либерально-оппозиционного дворянства, критиковавшие несправедливые условия реформы 1861 г. и требовавшие проведения ряда буржуазных преобразований в стране. В числе мировых посредников были декабристы А. Е. Розен и М. А. Назимов, петрашевцы Н. С. Кашкин и Н. А. Спешнев, писатель Л. Н. Толстой и известный хирург Н. И. Пирогов. Немало мировых посредников добросовестно исполняли свой долг, придерживаясь строгих рамок закона, за что навлекли на себя гнев местных помещиков-крепостников. Однако удельный вес прогрессивно настроенных мировых посредников был невелик, многие из них были вскоре удалены с занимаемых ими должностей.

Центральным вопросом реформы 1861 г. был вопрос о земле. Положения 19 февраля 1861 г. исходили из принципа признания за помещиком права собственности на всю землю в имении, в том числе и на крестьянскую надельную, а крестьяне объявлялись лишь пользователями этой землей, обязанными отбывать за нее установленными Положениями повинности (оброк или барщину). Чтобы стать собственником своей надельной земли, крестьянин должен был ее выкупить у помещика.

Как указывалось выше, при подготовке реформы был однозначно отвергнут принцип безземельного освобождения крестьян. Полное обезземеление крестьян было для царизма экономически невыгодной и социально опасной мерой: лишая помещиков и государство возможности получать прежние доходы с крестьян, оно создало бы многомиллионную массу безземельного пролетариата, что грозило всеобщим крестьянским восстанием. На это неоднократно указывали в своих письмах и донесениях помещики и представители власти.

Но если полное обезземеление крестьян в силу указанных соображений было невозможно, то и наделение крестьян достаточным для них количеством земли, которое поставило бы крестьянское хозяйство в независимое положение от помещичьего, было невыгодно помещику. Поэтому задача была — предоставить крестьянам землю в таком размере, чтобы они были привязаны к своему хозяйству, своему наделу, но вследствие недостаточности последнего привязаны и к помещичьему хозяйству посредством аренды недостающей земли у своего бывшего барина, как правило, на кабальных условиях. Отсюда и явились на свет пресловутые отрезки от крестьянских наделов, составившие в среднем по стране 20% и достигавшие в некоторых губерниях 30—40% от прежде принадлежавшей крестьянам надельной земли. Желанная «зависимость» мужика, «отрезки» были результатом заниженных по сравнению с дореформенными норм крестьянских наделов. При определении этих норм учитывались особенности местных природных и экономических условий. Вся территория Европейской России была разделена на три полосы —

нечерноземную, черноземную и степную. В первых двух устанавливались «высшая» и «низшая» (1/3 высшей) нормы наделов, в степной — одна, указная норма. Закон предусматривал отрезку от крестьянского надела, если он превышал высшую для данной местности или указную норму, и прирезку, если надел не достигал низшей нормы. Законом разрешалась отрезка и в тех случаях, когда у помещика оказывалось в имении менее 1/3 земли по отношению к крестьянской надельной (а в степной полосе — менее 1/2) или когда помещик предоставлял крестьянину бесплатно («в дар») 1/4 высшего надела. Разрыв между высшей и низшей нормами (в три раза) сделал на практике отрезки правилом, а прирезки исключением. В то время как отрезка по отдельным губерниям коснулась 40—65% крестьян, прирезка была произведена 3—15 % крестьян. Да и размер отрезки в десятки раз превышал прирезку, причем у крестьян отрезались лучшие, а прирезались им худшие земли. Впрочем, прирезка в конечном счете оказывалась также в помещичьих интересах: она доводила надел до определенного минимума, необходимого для сохранения крестьянского хозяйства, но в большинстве случаев была связана с увеличением повинностей.

Тяжесть отрезков как явления проистекала не только из их размеров. Пожалуй, большее значение имело то, какие земли попадали в отрезку. Как правило, отрезались наиболее ценные, а главное, необходимые для крестьян угодья, без которых невозможно было нормальное ведение крестьянского хозяйства: луга, выгоны, водопои и т. д. Крестьянин вынужден был арендовать эти «отрезные земли». Отрезки превратились таким образом в руках помещиков в весьма эффективное средство нажима на крестьян и явились базисом отработочной системы ведения помещичьего хозяйства в пореформенной России: за взятые в аренду угодья крестьянин за неимением денег обрабатывал в качестве арендной платы помещичью землю.

Землевладение крестьян было «утеснено» не только отрезками, но и чересполосицей, лишением крестьян лесных угодий (лес включался в крестьянский надел только в лесных северо-восточных губерниях). Закон предоставлял помещику право переносить крестьянские усадьбы на другое место, а до перехода крестьян на выкуп обменивать их наделы на свою землю, если на крестьянском наделе открывались какие-нибудь полезные ископаемые или просто эта земля оказывалась необходимой помещику для его хозяйственных нужд, так что, получив надел, крестьянин еще не становился его полноправным хозяином. Даже при переходе на выкуп надел предоставлялся не отдельному домохозяину, а в общинное владение. Это исключало возможность для крестьянина продать свой надел, а сдача последнего в аренду ограничивалась пределами данной общины. При проведении реформы многие помещики отбирали покупные крестьянские земли, пользуясь тем, что при крепостном праве крестьяне могли

заключать сделки о покупке земли только на имя помещика.

Для ограждения интересов мелкопоместного дворянства особые «правила» устанавливали для них ряд льгот, что создавало еще более тяжелые условия для крестьян в этих имениях. Мелкопоместными считались владевшие менее чем 21 душой муж. пола. Таковых числилось около 43 тыс., или 42% от общего числа земле- и душевладельцев. В среднем на каждое владение приходилось по 8 душ крестьян. Этим помещикам предоставлялось право вовсе не наделять крестьян землей, если к моменту отмены крепостного права они ею не пользовались. Эти помещики не обязаны были прирезывать крестьянам землю, если даже их наделы были и меньше низшей нормы. Крестьянам, вовсе не получившим надела, предоставлялось право перейти на казенные земли с пособием от казны для обзаведения. Тем крестьянам, которые получили пусть и совсем мизерные наделы, дозволялось переселяться на казенные земли лишь с согласия помещика. В этом случае крестьянский надел отходил полностью к помещику. Наконец, мелкопоместный владелец получал право передать крестьян с их полевыми наделами в казну, за что получал вознаграждение в размере годового оброка с крестьян, помноженного на 16,7.

Особо надо сказать о положении, в котором оказались «крестьяне-дарственники» (получившие 1/4 надела «в дар»). Их насчитывалось 461 тыс. душ муж. пола; «в дар» им было предоставлено 485 тыс. дес. земли, или по 1,05 дес. на душу. Более 3/4 дарственников находилось в южных степных, поволжских и центрально-черноземных губерниях. Формально, по закону, помещик не мог принудить крестьян взять дарственный надел. Но нередко крестьяне были поставлены в такие условия, когда прямо-таки были вынуждены соглашаться на дарственный надел и даже как будто требовать его, особенно если дореформенный надел приближался к низшей норме, а платежи за землю превосходили ее рыночную стоимость. В этом случае крестьяне предпочитали получить 1/4 часть высшего надела бесплатно, чем 1/3 его за повинности. Получение дарственного надела освобождало от высоких выкупных платежей, дарственник полностью порывал с помещиком. Стремление крестьян перейти «на дар» преимущественно проявлялось в малонаселенных многоземельных губерниях и особенно в первые годы проведения реформы, когда рыночные и арендные цены за землю были сравнительно невелики. К получению дарственного надела особенно стремились зажиточные крестьяне, имевшие свободные денежные средства для покупки земли. Именно эта небольшая категория крестьян смогла наладить предпринимательское хозяйство на покупной земле. Большинство же дарственников оказалось в бедственном положении. В 1881 г. министр внутренних дел Н. П. Игнатьев писал, что эти дарственники дошли до крайней степени нищеты, так что «земства вынуждены им оказывать ежегодные пособия на

прокормление, и со стороны этих крестьян поступают ходатайства о переселении их на казенные земли с пособием правительства».

В итоге около 10 млн. душ муж. пола бывших помещичьих крестьян получили 33,7 млн дес., а у 100 тыс. помещиков осталось 69 млн десятин, т. е. почти в два раза больше крестьянской. Таким образом реформа 1861 г. не только сохранила, но даже увеличила помещичье землевладение за счет сокращения крестьянских наделов. 1,3 млн душ муж. пола (дворовые, в какой-то степени дарственники и крестьяне мелкопоместных владельцев) фактически оказались безземельными. Надел остальных крестьян составил в среднем 3,4 дес. на душу, в то время как для нормального обеспечения необходимого жизненного уровня крестьянина за счет земледелия при тогдашнем уровне агротехники требовалось, по расчетам статистиков, от 6 до 8 дес. на душу (в зависимости от различных районов). Недостаток почти половины необходимой крестьянам земли они вынуждены были восполнять арендой, частью покупкой. Они нуждались в сторонних заработках. Недостаток в земле возрастал по мере естественного прироста населения: после реформы ни помещики, ни казна уже не обязывались наделять землей «прибылые души» из своего резерва. Периодические переделы земли в общине, направленные на смягчение малоземелья, не могли решить острой аграрной проблемы. Вот почему аграрный вопрос приобрел такую остроту на рубеже XIX — XX вв. и явился «гвоздем» революции 1905—1907 гг.

Наделение крестьян землей в 1861 г. носило принудительный характер. Проводился принцип обязательности получения крестьянином надела. В течение последующих 9 лет (до 1870 г.) крестьянин вообще не мог отказаться от надела. Но и по истечении этого срока право отказа от надела было обставлено такими условиями, что фактически сводилось на нет. Далее, в великорусских губерниях (т. е. в большинстве губерний России) земля предоставлялась не отдельному двору, а общине, о чем было сказано выше. Выход из общины был крайне затруднен, хотя по закону и допускался: необходимо было уплатить за год вперед оброк помещику, казенные, мирские и прочие сборы, погасить недоимки и т. д. Поэтому выход из общины, связанный в первую очередь с большими материальными расходами, могли осуществить лишь зажиточные крестьяне, а для бедных он был практически невозможен.

Закон предусматривал на период временнообязанного положения крестьян отбывание ими за предоставленные в пользование наделы повинности в виде барщины или оброка. Размеры того и другого фиксировались в законе. Если для всех барщинных имений устанавливалась единая норма барщины, то для оброчных размеры оброка дифференцировались в зависимости от промысловых и торговых «выгод» крестьян. По закону нельзя было повышать размеры оброка выше дореформенных, если не

увеличивался надел. Однако закон не предусматривал уменьшения оброка в связи с сокращением надела. В результате вследствие отрезки от крестьянского надела происходило фактическое увеличение оброка в расчете на 1 десятину. «Какое же это улучшение быта? Оброк-то на нас оставили прежний, а землю обрезали», — горько сетовали крестьяне. Установленные законом нормы оброка превосходили доходность с земли, особенно в нечерноземных губерниях, хотя по закону формально считалось, что это плата за предоставленную в надел крестьянам землю.

Как уже отмечалось ранее, завершающим этапом крестьянской реформы являлся перевод крестьян на выкуп, однако закон 19 февраля 1861 г. никакого окончательного срока перевода крестьян на выкуп не определял. Перевод на выкуп мог быть произведен либо по обоюдному соглашению крестьян с помещиком, либо по одностороннему требованию последнего: сами крестьяне требовать перевода их на выкуп не имели права.

В 9 губерниях Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины (Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Могилевской, Витебской, Киевской, Подольской и Волынской) правительство указами 1 марта, 30 июля и 2 ноября 1863 г. сразу перевело крестьян на обязательный выкуп, а также сделало ряд существенных уступок: крестьянам были возвращены отрезанные от их наделов земли, а повинности снижены в среднем на 20%. Эти меры исходили из стремления царского правительства в условиях вспыхнувшего в январе 1863 г. восстания в Польше привлечь на свою сторону литовское, белорусское и украинское крестьянство в борьбе со шляхетским национально-освободительным движением и вместе с тем внести «успокоение» в крестьянскую среду. Надо прямо сказать, что эта цель правительством была достигнута.

Иначе обстояло дело в 36 великороссийских, малороссийских и новороссийских губерниях. Здесь процесс перевода крестьян на выкуп занял десятилетия. 28 декабря 1881 г. было издано Положение, предусматривавшее перевод остававшихся еще на временнообязанном положении крестьян на обязательный выкуп начиная с 18 января 1883 г. Таковых к этому времени числилось около 15% по отношению ко всем бывшим помещичьим крестьянам.

Перевод их на выкуп завершился лишь к 1895 г. На 1 января 1895 г. на выкуп было переведено 9 158 574 души муж. пола в местностях с общинным землевладением и 109 791 домохозяин — с подворным землевладением. Было заключено в общей сложности 124 тыс. выкупных сделок, из них 20 % по обоюдному соглашению крестьян с помещиками, 50 — по одностороннему требованию помещиков и 30% — «правительственной мерой», т. е. в «обязательном» порядке.

В основу выкупа была положена не действительная, рыночная цена земли, а феодальные повинности, т. е. крестьянам пришлось платить не только за наделы, но и за потерю помещиком

крепостного труда. По сути дела, это был все-таки выкуп личности крестьянина. Выкупная сумма вычислялась путем так называемой «капитализации оброка». Суть ее заключалась в следующем: ежегодно уплачиваемый крестьянином оброк приравнивался к годовому доходу в размере 6% с капитала (именно такой процент начислялся по вкладам в кредитных учреждениях). Вычисление этого капитала и означало определение выкупной суммы. Так, если крестьянин уплачивал оброк за душевой надел в размере 10 руб. в год, то выкупная сумма за этот надел должна была составить 166 руб. 67 коп.

Дело выкупа взяло на себя государство путем проведения выкупной операции. Она заключалась в том, что казна выплачивала помещикам сразу деньгами или ценными процентными бумагами 80% выкупной суммы, если крестьяне данного имения получали высший надел, и 75%, если им предоставлялся надел менее высшего. Остальные 20—25% выкупной суммы (так называемый «дополнительный платеж») крестьяне выплачивали непосредственно помещику — сразу или в рассрочку. Выкупная сумма, уплачиваемая государством помещику, рассматривалась как предоставленная крестьянам «ссуда», которая взыскивалась с них в виде выкупных платежей ежегодно в размере 6% в течение 49 лет с момента заключения выкупной сделки с помещиком. Нетрудно определить, что за эти почти полвека, на которые растягивались выкупные платежи, крестьянин должен был уплатить до 300% этой правительственной «ссуды». Рыночная цена отведенной в надел крестьянам земли составляла в 1863—1872 гг. 648 млн руб., а выкупная сумма за нее составила 867 млн руб. Проведение государством выкупа крестьянских наделов в централизованном порядке решало ряд важных социальных и экономических задач. Правительственный кредит обеспечивал помещикам гарантированную уплату выкупа и избавлял их от непосредственного столкновения с крестьянами. Кроме того, выкуп оказался весьма выгодной для государства операцией. По статистическим расчетам, с 1862 по 1907 г. (до момента отмены выкупных платежей) помещичьи крестьяне выплатили казне 1 540 570 тыс. руб. Кроме того, они уплатили в виде оброка помещикам в период временнообязанного состояния 527 млн руб. Помимо 1,5 млрд руб., с помещичьих крестьян казна получила еще 2,5 млрд руб. выкупных платежей с удельных и государственных крестьян. Это позволило государству в свое время не только выйти из финансового кризиса, в каком оно оказалось в результате Крымской войны, но и проводить позднее активную экономическую политику: учреждать ссудные банки, строить казенные железные дороги и промышленные предприятия, обеспечивать помещиков выгодным кредитом.

Хотя выкуп надельной крестьянской земли носил несправедливый характер, он, несомненно, способствовал развитию в стране капиталистических отношений. Из-под власти помещика кресть-

янин попадал во власть денег, в условия товарного производства. Перевод крестьян на выкуп означал окончательное отделение крестьянского хозяйства от помещичьего. Выкуп не только способствовал более интенсивному проникновению товарно-денежных отношений в крестьянское хозяйство, но и давал помещикам денежные средства для перевода своего хозяйства на капиталистические основы. В целом, реформа 1861 г. создавала благоприятные условия для постепенного перехода от феодального помещичьего хозяйства к капиталистическому.

Обнародование Положений 19 февраля 1861 г., содержание которых обмануло надежды крестьян на «полную волю», вызвало взрыв крестьянского протеста весной 1861 г. За первые пять месяцев этого года произошло 1340 массовых крестьянских волнений, всего же за год — 1859 волнений. Более половины их (937) было усмирено военной силой. Фактически не было ни одной губернии, в которой в большей или меньшей степени не проявился бы протест крестьян против условий «дарованной» им «воли». Продолжая уповать на «доброго» царя, крестьяне никак не могли поверить, что от него исходят такие законы, которые на два года оставляют их в прежнем подчинении у помещиков, по-прежнему вынуждают их исполнять барщину и платить оброки, лишают их значительной части земли, а оставшиеся в их пользовании наделы объявляют дворянской собственностью. Одни считали обнародованные Положения поддельным документом, который был составлен помещиками и бывшими с ними заодно чиновниками, скрывавшими настоящую «царскую волю», другие пытались отыскать эту «волю» в некоторых непонятных и потому по-разному толкуемых в народе статьях царского закона; появились и подложные манифесты о «воле», один из которых, составленный украинским крестьянином Павлом Приходько, приводится в настоящем издании.

Наибольший размах крестьянское движение приняло в центрально-черноземных губерниях, в Поволжье и на Украине, где основная масса помещичьих крестьян находилась на барщине и аграрный вопрос был особенно острым. Огромное значение имели восстания в начале апреля 1861 г. в селах Бездна (Казанская губ.) и Кандеевка (Пензенская губ.), в которых приняли участие десятки тысяч крестьян. Крестьяне этих сел довольно четко выразили свои основные требования: ликвидация всех феодальных повинностей («на барщину не пойдем и оброков платить не будем») и помещичьего землевладения («земля вся наша, помещику — горы да долы, овраги и дороги, песок и камыш, лесу им ни прута»), независимость общинного управления («мир велик человек», «не слушать помещиков и начальствующих лиц»). Восстания в Бездне и Кандеевке, закончившиеся расстрелом восставших, вызвали большой общественный резонанс в стране.

Весна 1861 г. — высшая точка крестьянского движения в эпоху отмены крепостного права. Недаром министр внутренних

дел П. А. Валуев назвал эти весенние месяцы «самым критическим моментом дела». К лету 1861 г. правительству с помощью крупных воинских соединений (на подавление волнений были направлены 64 пехотных и 16 кавалерийских полков и 7 отдельных батальонов), путем расстрелов и массовых «сечений» удалось сбить волну крестьянского протеста. Воздействовали на крестьян не только розги и пули. «Священники, — писал царю П. А. Валуев, — нравственным своим влиянием и надлежащими разъяснениями весьма много содействовали к прекращению возникавших между крестьянами недоразумений и беспорядков». Хотя летом 1861 г. наметился некоторый спад крестьянских волнений, однако численность их держалась на довольно высоком уровне: в течение второй половины 1861 г. зафиксировано 519 крестьянских волнений, т. е. больше, чем в любые из предреформенных лет. Кроме того, осенью 1861 г. крестьянская борьба приняла новые формы, например: значительно увеличились массовые порубки помещичьего леса, участились отказы от уплаты оброка, но особенно широкие размеры принял крестьянский «саботаж» барщинных работ. Из губерний поступали донесения о «повсеместном неисполнении барщинных работ». В ряде губерний помещичьи поля на одну треть и даже наполовину остались необработанными.

В 1862 г. поднялась новая волна крестьянского протеста, связанная с введением уставных грамот. 52,3% уставных грамот не были подписаны крестьянами и были навязаны им силой. Отказ от принятия уставных грамот часто выливался в крупные волнения; так, в 1862 г. отмечено 844 «возмущений», из них 450 были усмирены с применением военных команд. Упорный отказ от принятия уставных грамот был вызван не только несправедливыми для крестьян условиями освобождения, но и распространившимися слухами о том, что им в ближайшее время царем будет дарована новая, «настоящая воля». Срок наступления этой воли («слушный час») большинство крестьян приурочивало к 19 февраля 1863 г., т. е. ко времени окончания введения в действие Положений 19 февраля 1861 г. Сами эти Положения крестьяне стали рассматривать как временные («первую волю»), которые по прошествии двухгодичного срока будут заменены другими, предоставляющими крестьянам безвозмездно достаточное количество земли и полностью избавляющими их от опеки помещиков и местных властей. Среди крестьян распространилось убеждение в «незаконности» уставных грамот, которые они называли «выдумкой бар», «новой кабалой» или вообще «новым крепостным правом». Публичные заявления Александра II перед крестьянами во время его поездки осенью 1862 г. в Крым, что «иной воли не будет, кроме той, какая дана», не рассеяла крестьянских надежд на «новую волю».

Обострение классовой борьбы в деревне в 1861—1862 гг. оказывало воздействие на развитие революционно-демократического

движения. Возникают революционные кружки и организации («Великорусс», «Земля и воля» и др.), распространяются революционные воззвания и прокламации («Что нужно народу?», «Долго давили нас, братцы», «Народу русскому от его брата», «Мужицкая правда»). Некоторые прокламации читались крестьянами на сельских сходах. Русские революционеры полагали, что, когда минет двухлетний срок введения в действие Положений 19 февраля и крестьяне поймут, что обманулись в своих ожиданиях «новой воли», крестьянское движение примет более последовательный и грозный облик, и они надеялись возглавить и придать ему организованный характер. Следует заметить, что помещики и правительство также допускали возможность завтрашнего восстания. Однако надежды революционной демократии и страхи верхов не сбылись. Борьба крестьянства в 1863 г. не приобрела той остроты, какая наблюдалась в 1861—1862 гг., и ограничилась преимущественно районами Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины, что было результатом польского восстания 1863—1864 гг.

Крестьянское движение, несмотря на свой размах и массовость, выливалось в стихийные и разрозненные бунты. Правительство, используя регулярную армию, полицию и жандармов, идя и на определенные уступки крестьянам, сравнительно легко справилось с положением. С 1863 г. крестьянское движение резко пошло на убыль. Изменился и его характер. Если сразу после обнародования Положений 19 февраля 1861 г. крестьяне с немалым единодушием заявили свой протест против освобождения «по-дворянски», то теперь они больше сосредоточили свое внимание на частных интересах своей общины, на использовании возможностей легальных и мирных форм борьбы, чтобы добиться наилучших условий для организации хозяйства.

Итак, к середине XIX в. в России создались условия вполне достаточные, чтобы падение крепостного права совершилось, но недостаточные для того, чтобы крепостное право пало в результате революции, а не реформы. Реформа 1861 г. была проведена сверху, самодержавием, с сохранением максимальных выгод помещиков. Отсюда ее непоследовательность, крепостнические черты, которые обусловили сохранение крепостнических пережитков в социальном, экономическом и политическом строе пореформенной России. Главным из пережитков феодализма являлось сохранение помещичьего землевладения — экономической базы господства помещиков. Реформа сохранила феодальный сословный строй с социальными и политическими привилегиями помещиков, с сословной неравноправностью крестьянства. Наконец, сохранилась и феодальная политическая надстройка — самодержавие, которое, делая известные шаги по пути к буржуазной монархии, умело приспосабливалось к капиталистическим процессам в стране и даже использовало их для укрепления своих позиций.

Реформа 1861 г. ударила «одним концом по барину, другим по мужику». Нося несправедливый характер по отношению к крестьянству, она в известной мере ущемляла и экономические интересы помещиков: личное освобождение крестьянства ликвидировало монополию помещиков на эксплуатацию крестьянского труда, реформа заставила помещиков отдать крестьянам в собственность их надельную землю. Велико было нравственное потрясение многих бар-«последышей», привыкших бесконтрольно распоряжаться судьбами и даже жизнью своих «крепостных душ». Подавляющее большинство помещиков встретило реформу 1861 г. с раздражением, надеясь, что изданный закон скоро будет изменен в желаемом для них духе. Отовсюду сыпались жалобы помещиков на грозящее им разорение. Помещичья фронда нашла яркое выражение в начале 1862 г. в дворянских губернских собраниях, на которых раздавались открытые протесты против нарушения «священной дворянской собственности» и вносились предложения изменить в пользу дворянства изданный закон. Так, петербургское и московское дворянские собрания заявили, что реформа 1861 г. противоречит Жалованной грамоте дворянству 1785 г. и требовали пересмотра закона 1861 г.

Крестьянская реформа 1861 г., несмотря на свою непоследовательность и противоречивость, явилась в конечном счете важнейшим историческим актом прогрессивного значения. Реформа явилась переломным моментом, гранью между двумя эпохами — феодализмом и капитализмом, создала условия для утверждения капитализма как господствующей формации в России.

За отменой крепостного права последовало проведение других буржуазных реформ: в области местного управления, суда, образования, печати, финансов, в военном деле. Важно отметить, что разработка этих реформ началась практически одновременно с подготовкой реформы крестьянской — в условиях общественно-политического подъема в России на рубеже 50—60-х годов XIX в., характеризуемого состоянием революционной ситуации. В совокупности все буржуазные реформы дали сильный толчок экономическому и социальному прогрессу России.

Реформа «сверху» и революция «снизу», казалось бы, два исключающих друг друга явления. Действительно, реформа 1861 г. даже с учетом взрыва протеста крестьян против грабительских условий в конечном счете сняла социальную напряженность в деревне, помогла «верхам» выйти из экономического и социального кризиса. Но поскольку реформа 1861 г. не разрешила задачи окончательной ликвидации феодальных порядков в стране, те причины, которые привели к революционной ситуации на рубеже 50—60-х годов XIX в. и падению крепостного права, продолжали действовать. Реформа 1861 г. отсрочила, но не устранила будущей революционной развязки. Сама двойственность, непоследовательность, противоречивость реформы придавала особую остроту социально-экономическим и политическим конфликтам в поре-

форменной России: с одной стороны, она стимулировала капиталистическое развитие страны, с другой — сохраняла многочисленные крепостнические пережитки. Таким образом, «реформа породила революцию», но не только потому, что сохранила крепостнические пережитки, а и в силу того, что способствовала созданию новых сил, боровшихся за ликвидацию этих пережитков, в первую очередь такой ведущей социальной силы, как пролетариат, который не менее крестьянства был заинтересован в ликвидации крепостнических пережитков в экономическом, социальном и политическом строе пореформенной России. Это создавало прочную основу для союза пролетариата и крестьянства в предстоящей демократической революции. Тем более что и крестьянство уже существенно отличалось от крестьянства крепостной эпохи. На смену забитому, темному патриархальному крестьянину пришел крестьянин капиталистической эпохи, побывавший на заработках в городе, много видевший и многому научившийся.

В условиях быстрого экономического развития России в конце XIX — начале XX в. и подъема культуры сформировался значительный слой демократической интеллигенции в областях науки и техники, литературы и искусства, школьного и врачебного дела. Демократическая интеллигенция, близкая к народу, выражая свое сочувствие и поддержку народным массам, была важным двигателем прогресса страны. Она соединяла борьбу за интересы своего профессионального дела с участием в революционной борьбе народных масс.

Отмена крепостного права и проведение последующих буржуазных реформ обеспечили прочное положение России в разряде крупнейших мировых держав.

* * *

В предлагаемом читателю издании, посвященном падению крепостного права России, помещены (полностью или в извлечениях) документы и материалы, отражающие быт предреформенной крепостной деревни, подготовку крестьянской реформы, ее содержание, ход ее реализации, отношение к ней различных социальных сил и общественных кругов; основные законодательные акты, официальные предписания и выступления Александра II, циркуляры, распоряжения и отчеты правительственных учреждений, готовивших и проводивших крестьянскую реформу, донесения губернаторов, флигель-адъютантов, жандармских офицеров и полицейских чиновников о «ходе крестьянского дела», донесения агентуры III отделения о настроениях в народе, помещичьи проекты отмены крепостного права, «адреса» и представления императору, дневники и воспоминания, публицистика тех лет.

Авторы этих материалов представляют различные социальные слои и группировки — от последовательных революционеров-демократов до крепостников-ретроградов, от самодержца Александра II до его крепостного подданного. Весь этот разнообразный по характеру материал, представленный в издании, содержит ценные сведения о людях той эпохи, их взглядах и настроениях, политических и нравственных позициях, отражает живую, динамичную картину общественно-политического подъема на рубеже 50—60-х годов XIX в., в обстановке которого разрабатывалась и проводилась в жизнь крестьянская реформа. Для нас очень важны сведения о том, чем жила в то время деревня, как восприняли «волю» крестьяне и помещики, как конкретно действовали правительственные учреждения в центре и на местах, готовившие «волю» и проводившие ее в жизнь. И здесь, может быть, особенно дороги донесения и письма с мест, «из глубинки», путевые очерки и «заметки», написанные «с натуры»: например, рапорты уездных чиновников Калужской губернии губернатору В. А. Арцимовичу о том, как проходило объявление Манифеста 19 февраля 1861 г. в деревнях, или записки «Велик Бог земли русской!» известного писателя-демократа и этнографа П. И. Якушкина, ярко отразившего настроения и социальную психологию крестьянства. Знакомясь с этими материалами, мы видим, на какой степени темноты, отсталости, крайней забитости находилось ко времени своего освобождения крепостное крестьянство, способное лишь на стихийные вспышки разрозненных бунтов без ясных целей. Нам становится понятней трагедия революционной демократии того времени, которая вследствие этого оказалась не в состоянии поднять крестьянские массы, хотя и предпринимались с ее стороны героические попытки.

Настоящее издание подготовлено по образцу опубликованного в 1988 г. документального сборника «Декабристы в воспоминаниях современников» и рассчитано прежде всего на широкого читателя, интересующегося отечественной историей. Однако оно представит интерес и для специалиста, который найдет здесь немало новых материалов о крестьянской реформе 1861 г., извлеченных как из архивов, так и из ставших библиографической редкостью труднодоступных и забытых публикаций.

Предлагаемые документы освещают проведение крестьянской реформы в помещичьей деревне, причем преимущественно в великороссийских губерниях, в которых была сосредоточена основная масса крепостного крестьянства России. Основные принципы реформы 1861 г. впоследствии были распространены на прочие национальные регионы страны и на остальные сословные категории крестьянства.

Издание снабжено обширным комментарием и именным указателем. Содержащиеся в комментариях справки о деятелях реформы и отдельных ее вопросах, терминологические пояснения и пр. являются, по сути, дополнением к настоящей вводной статье.

В. А. Федоров

ДОКУМЕНТЫ
ПИСЬМА
МЕМУАРЫ
СТАТЬИ

РАЗДЕЛ I

КРЕПОСТНОЕ ПРАВО В РОССИИ В ПРЕДРЕФОРМЕННЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ

А. К. Тройницкий

КРЕПОСТНОЕ НАСЕЛЕНИЕ РОССИИ НАКАНУНЕ ПАДЕНИЯ КРЕПОСТНОГО ПРАВА

ЧИСЛЕННЫЙ СОСТАВ КРЕПОСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ В РОССИИ

Общее количество крепостных людей в России по народоисчислению, произведенному в 1858 и 1859 годах, простирается до 23 млн душ обоего пола. В том числе считается: в Европейской России и Сибири по 10-й народной переписи 22,5 млн и в Закавказском крае по вновь поверенным камеральным описаниям[1], 0,5 млн д[уш] об[оего] п[ола], а именно:

	Муж. пола	Жен. пола	Обоего пола
В Европейской России	10 974 944	11 588 142	22 563 086
В Закавказском крае	296 969	236 576	506 545
Итого	11 244 913	11 824 718	23 069 631

Числовые отношения поселенных крестьян[2] и дворовых людей

В главной массе помещичьих крепостных людей, т. е. в общем итоге состоящих на общем крепостном праве, исчислено по 10-й переписи:

	Обоего пола душ	В процентах
Дворовых людей	1 467 378	6,79
Поселенных крестьян	20 158 231	93,21
Итого	21 625	100

Поэтому дворовые составляют около 14-й доли числа поселенных крестьян.⟨...⟩

О числе владельцев по отношению к числу принадлежащих им крепостных людей

Всех дворян, владеющих крепостными людьми, в Европейской

2*

России и Сибири считается по 10-й народной переписи около ста семи тысяч.

В том числе:

			М. п. душ
Беспоместных дворян	3 703	у них дворовых	12 286
Помещиков	103 194	у них крестьян и дворовых	10 683 853
Итого	106 897		10 696 130

Число беспоместных дворян, владеющих крепостными людьми, составляет около 3,5 процента (3,46 %) всего числа владельцев, а число принадлежащих им дворовых людей немногим более 1/10-й доли процента (0,11 %) общего числа крепостных. В средней сложности на каждого из беспоместных дворян приходится по 3,32 души муж. пола.

Помещики, владеющие крепостными людьми, разделяются на следующие категории:

		У них крестьян мужского пола	На одного помещика приходится крестьян
Мелкопоместные, т. е. имеющие до 21-й души крепостных	42 978	339 586	7,9
Помещиков, имеющих от 21 до 100 душ	36 193	1 697 914	46 91
100 до 500 —»—	20 165	3 974 629	197 91
501 до 1000 —»—	2 462	1 597 691	648 94
Более 1000 душ	1 396	3 074 033	2 202 03
Итого	103 194	10 683 853	103 53

ПРИКАЗЫ Н. Ф. ГРИБОЕДОВОЙ БУРМИСТРУ С. ТРОИЦКОГО КОЛОГРИВСКОГО УЕЗДА КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ

Приказ 17 ноября 1816 г.

Сбери сход и объяви крестьянам, что они проданы мне, для чего и отправляю к вам своих дворовых людей Александра Осипова и Тимофея Иванова, чтобы явить купчую и ввести всех вас во владение, сделать опись всем вам и вашему имуществу. Я за вас заплатила очень дорого, для того вас нельзя оставить на прежнем положении. Буде вы хотите жить покойно и на своей родине, то подайте мне по сто рублей с тягла, одну половину

к Рождеству, а другую половину к вешнему Николе[1], по 4 аршина с тягла тонкого холста, по $^1/_4$ аршина черного сукна, по фунту коровьего масла, по $^1/_4$ фунта грибов белых, по $^1/_4$ барана, по 10 яиц, по 1 птице. Как первую половину оброка, так холст, сукно, масло, грибы к Рождеству привези. Я на вас накладываю то, что мне платят все мои деревни, не имев столько угодьев, сколько вы. Ты, как начальник, вразуми и втолкуй всем крестьянам, что лучше заплатить лишнее и быть на свободе и на своей стороне, а не то половина пахотной земли от вас возьмется, посадим вас на пашню[2], заведем винный завод и суконную фабрику, где вам не будет ни дня, ни ночи покою, а подав то, что я на вас накладываю, останетесь при своих местах щастливы и покойны. ⟨...⟩

Приказ 10 марта 1817 г.

Присылай оброк к празднику или Николину дню непременно, да выруби тысячу дерев и тысячу сажен дров вышины в сажень, а длины полтора аршина, тысячу сажен дров вышины в три аршина, а длиннику в 16 аршин; класть в одно полено, а полено в шесть четвертей: смотри, чтоб это было выполнено, а то будет худо вам. Драни приготовьте 10 [тыс. шт.], кирпича наделайте 100 [тыс. шт.], не отговариваться неумением, это дело немудреное, уже у вас его делали, но ежели и не умеете, то возьми мастера, да дай ему работников непременно. Мять глину и женщины могут. Деревья руби среди лесу у реки Кондубы на сухом месте; вы этого не страшитесь, не думайте худого ничего. Которые мужики порядочные и могут платить хороший оброк, я тех не трону, а те, которые не имеют способу к плате оброку, то те поработают.

Уверь всех крестьян, что я госпожа добрая и христианка, после им и слюбится⟨...⟩. Сама же тотчас после праздника буду, как скоро просохнет. Чтоб овес и мука были готовы, обложи с души по 10 фунтов муки и по четверику[3] овса, да присылай деньги непременно к сроку и все выполняй непременно.⟨...⟩

ДОНЕСЕНИЕ ПРИКАЗЧИКА ОСТАШКОВСКО-РЖЕВСКОЙ ВОТЧИНЫ ТВЕРСКОЙ ГУБ. (С. ХИТИЦЫ С 24 ДЕРЕВНЯМИ) ИВАНА БЕЛЕВЦЕВА КНЯГИНЕ М. И. ГОЛИЦЫНОЙ О ПОЛОЖЕНИИ ЕЕ КРЕСТЬЯН

15 сентября 1844 г.

⟨...⟩ После всех попыток приучить оброчных крестьян к заработкам вне вотчины отсылали их опять всех домой, где они занимались все кроме земледелия выделкой кож и саней. ⟨...⟩ От множества производителей изделия продавались и продаются по

цене, не окупающей не только материала и труда, но даже хлеба, съеденного во время работы. От этого и скудных урожаев хлеба с трудом и не сполна уплачивали подати и для заплаты их продавали не только лишний, но даже необходимый скот и хлеб, нужный им на продовольствие и обсеменение полей. Потом, после продажи хлеба, нуждаясь в продовольствии, они занимали у некоторых богатых вотчинных и посторонних крестьян хлеб, понемногу закладывая им постепенно остальной скот, землю под посев ярового и озимого хлеба, сенокосы и наконец даже одежду и все, что не составляло для них во время заклада крайней необходимости. Наступало время выкупа, а у них, вместо средств для него, новые нужды, новые недостатки и новые подати. Не имея возможности выкупить землю и сенокосы, они снова брали деньги и хлеб уже под работу и, таким образом закабаляя себя своему брату-мужику, обрабатывали на него и засевали его семенами и в его пользу собственную свою землю и с своих покосов приготовляли для него сено, оставаясь сами без средств для собственного и скота своего продовольствия, отчего нередко бывал у них такой недостаток в корме, что от этого издыхали весной их лошади, коровы и овцы.⟨...⟩

ПРОШЕНИЕ КРЕСТЬЯН С. МАРЬИНСКОГО БОГОДУХОВСКОГО УЕЗДА ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ НИКОЛАЮ I О ЗАЩИТЕ ИХ ОТ РАЗОРЕНИЯ ПОМЕЩИЦЕЙ ГЛАЗЕНАП

Крестьяне Тимофей Реготуненков и Петр Чуплинский, Давид Колесниченков, Федор Фомов и Герасим Кугненков, Захарий Клашнеченков и женска пола Катерина Петрашенкова и Марья Купянкова просим мы, в.и.в, со слезами и чувствительною душою.

Не оставьте нас, погибающих и многострадальных рабов своих, воззрите святейшим своим взглядом на бедственность страждущих крестьян и освободите от рук ненасытного змея, у которого мы служим по 20 лет и по 25 лет, и во все эти наши лета не вспомним ни одного светлого дня, в который бы она назвала одного человека по имени. Голодом морит в деревне; ну, в деревне хотя как-нибудь оторвешься и выпросишь ради Христа, а здесь еще хуже, на три дня дается денег на провизию для 10 человек 1 руб. 30 коп.

6-й месяц как живем в Питере, терпели, терпели и вышли из терпения, от тиранства невозможно было утерпеть, и разные меры употребляли — никакого средства не сыскали, кроме вашего величества покрова.

Одевать не одевает, сколько кто бы ни служил, жалованья нет ничего во время, как бог послал гнев и не было урожая 3 года, и в эти 3 года было в экономии ее не менее как скирд 60 самой ржи и прочего хлеба, и она, бесчувственная, крестьян своих чем же кормила, бедных,— с дубовьев желудями, и корой, и лебедой,

и соломой резаной, и которое дерево пилит и этими опилками, и много чрез это пошли в гроб, а большая часть разбежались.

И она все ответствовала на ваши предписания, что она кормит и поит своих крестьян. А этот хлеб перемолочует и вино курит. А крестьян бедных до того обнажили, что у иного не осталось и свитка на плечах.

Всемилостивейший и великий государь и защитник, просим со слезами решить наше дело и прикажите освидетельствовать самому вернейшему вам из чиновников ваших в деревне и крестьян ее о их жизни, каково они живут в деревне при ней.
18 июня 1837 г.

«УЛОЖЕНИЕ» ДЛЯ СЕЛА ПОРЕЧЬЕ (ГРАФОВ ПАНИНЫХ) РОСТОВСКОГО УЕЗДА ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ (1842 г.)

Глава I.

Ст[атья] 1. Главное начальство иметь в вотчине бурмистру, а потому и быть у него всем крестьянам в полном послушании.

Ст. 2. В помощь бурмистру выбирать ежегодно двух человек, а ежели рассудит мир, выбирать и более. ⟨...⟩

Глава V.

Об оброке, каким образом раскладывать оный, и об окладчиках.

Ст. 1. Положенный оброк платить бездоимочно, и крестьянам вносить оный самим, без напоминания и понуждения начальства. Для сего определять особых сборщиков.

Ст. 2. Доставлять оброк ко мне в два срока: а именно: половину в марте и другую в декабре. ⟨...⟩

Ст. 8. Для облегчения бедных и маломочных наблюдать следующий порядок: с семейств их снимать приличное число душ[1], а земли от них за снятые души отнюдь не отбирать, дабы они, пользуясь оною без всякой платы, могли поправиться. ⟨...⟩ И сии снятые души накладывать на прожиточных.

Ст. 9. Сие делать всякий год, пред наступлением нового года, и присылать в контору мою роспись, на сколько душ кто облегчен и на кого сколько душ наложено из прожиточных, а в конце оной показывать, сколько всех снятых душ с бедных. ⟨...⟩

Ст. 12. Подушные деньги[2] платить в узаконенные сроки, не ожидая понуждения на сие из правительств. В платеже оных брать квитанции.

Ст. 13. За дворовых моих, приписанных к вотчине вашей, подушные и прочие подати государственные платить от миру, а за покупных людей, [купленных] крестьянами моими для услуг своих, платить тем, кто купил; да нести им, покупщикам, и всю тягость рекрутскую за купленных людей для услуг своих. Итак, миру никаких податей государственных за них не платить.〈...〉

Глава VIII.

О рекрутстве.

Ст. 1. Пред всяким рекрутским набором доносить конторе, сколько налицо рекрутских квитанций[3] и сколько у вас душ, за которых должно ставить рекрут. Сии сведения присылать не позже июля, ибо обыкновенно объявляется от правительства о наборе рекрутском в сентябре и октябре.

Ст. 2. Буде из своих крестьян кто назначен будет к отдаче в рекруты, о таковых писать, по очереди ли, или за худое поведение.

Ст. 3. О заслуживающих быть отданными в рекруты, находящихся в Петербурге или другом месте отдаленном, писать в контору тайно и не разглашать оного, пока [не] получено будет решение и не возьмется назначенный в рекруты под караул, тогда от миру и требовать приговор. Сия третья статья предписывается для того, дабы чрез разглашение не сведал о том тот, до кого следует, и не укрылся бы.

Ст. 4. Если кто, избывая отдачи, будет укрываться во время рекрутского набора, а после оного явится, таковых, не ожидая другого набора, отдавать в рекруты впредь с зачетом. 〈...〉

Ст. 8. Ежели из крестьян кто пожелает купить рекрута за свое семейство, тот вносил бы деньги заблаговременно. 〈...〉

Глава IX.

О крестьянах худого житья и непрочных для вотчины.

Ст. 1. Невоздержных крестьян унимать от всяких пороков.

Ст. 2. Унимать и воздерживать начальству всеми образами по усмотрению своему, и за что кто наказан и чем, записывать ясно и коротко в особую тетрадь, которую для сего нарочно и завести.

Ст. 3. Ежели начальство усмотрит, что, несмотря на все увещевания и сделанные показания, порочный не

исправляется, тогда советуется с миром и представляет в контору мою, отдать ли в рекруты, или за негодностью продать, или удалить на поселение, и ожидать решения. ⟨...⟩

Ст. 5. Крестьян богатых, которые ведут торг немалый, а в пороках обращаются, наказывать сперва деньгами, дабы не подорвать их торгу. Но ежели начальство и мир усмотрят, что они непрочны и для вотчины вредны, то в страх другим позволяется наказывать и сих на теле, а смотря по винам их и представлять об отлучении их от вотчины и ожидать решения. ⟨...⟩

Ст. 7. Начальству и миру наказывать накрепко, чтоб крестьян худого и непрочного житья и в которых к поправлению надежды мало отнюдь не беречь, а представлять по винам их, чему кто достоин. Сей способ есть вернейший и надежнейший для удержания от пороков. Прочие крестьяне, видя такую справедливость, будут иметь страх и от пороков воздерживаться, да и вся вотчина, очистясь от таких негодяев, будет жить покойно и в соседстве похвалена.

Ст. 8. О негодяях, годных в рекруты, представлять в свое время, дабы не пропустить лета, назначенные законом: ибо после 35 лет не принимаются, и останутся без пользы к отягощению вотчины.

Глава X.

О разделе семей.

Ст. 1. От разделу семей крестьяне приходят часто в упадок и разорение, а потому оный и вреден.

Ст. 2. О всех просящих разделу делать рассмотрение бурмистру обще с выборными и лучшими людьми.

Ст. 3. Буде по разбирательству найдется раздел нужным и дельным, таковым позволять делиться, а в противном случае не позволять. Нет нужды об этом уведомлять контору мою.

Ст. 4. Без дозволения начальства отнюдь никому не делиться, а разделившихся самовольно — наказывать. ⟨...⟩

Глава XIII.

О дозволении отдавать девок и вдов замуж за посторонних и о не вступающих в брак.

Ст. 1. Дозволяется отпускать замуж за посторонних с платою предписанного выводу[4].

Ст. 2. Бурмистру давать таковым от крепостных дел выводные[5].

Ст. 3. А ежели у крестьянина имеется одна или несколько дочерей, а сына нет, таковых отнюдь не выпускать замуж, дабы имение в посторонние руки перейти не могло; за крестьян же моих, хотя бы были они из другого селения, идти замуж позволяется и без выводу.

Ст. 4. Сему закону подлежат и вдовы, не имеющие сыновей. ⟨...⟩

Ст. 6. Когда девке совершится 20 лет, таковую старший в семье отдавал бы замуж, а на приискание жениха дать сроку полгода.

Ст. 7. Ежели же в назначенный срок девки выданы не будут, с таковых взыскивать ежегодно: со среднего дома 25 руб., с богатого 50 руб.; бедных же, кои не в состоянии платить, наказывать по рассмотрению начальства.

Ст. 8. Потом начальник, приглася выборных и лучших стариков, приискивают оным девкам женихов по своему рассмотрению и соединяют их законным браком, наблюдая при том тщательно, чтобы они друг друга и дом дома стоили.

Ст. 9. С холостыми, достигшими до 25 лет и далее, не вступающими в брак, поступать, как о девках предписано в 7-й статье. Сему закону подлежат и вдовцы. ⟨...⟩

Ст. 14. Крестьянам, купившим для услуг своих женщин, позволяю выдавать замуж за посторонних; выводу за оных не брать. ⟨...⟩

Глава XV.

О покупке людей.

Ст. 1. Крестьянам, желающим покупать для услуг своих работников или работниц, просить позволения у бурмистра. ⟨...⟩

Ст. 5. Запрещается покупать людей порочных, дабы чрез то не наносить беспокойства и мне и конторе моей, а покупать людей житья доброго и порядочного. ⟨...⟩

Ст. 7. Ежели же ошибкою куплены будут люди худого житья, ленивые и тому подобные, таковых сами хозяева могут наказывать и исправлять; а ежели попросят помощи у бурмистра, то в оной им не отказывать.

Глава XVI.

О паспортах, о запрещениях держать посторонних людей в вотчине без виду[6], о ворах и всякого роду подозрительных людях

Ст. 1. Крестьян по паспортам увольнять хорошего поведения, а порочных не отпускать. ⟨...⟩

Ст. 5. В Херсон и в тамошний край паспортов не давать, ибо в сей стороне много людей пропадает разными случаями: иные там вовсе остаются, иные от пьянства и других пороков вовсе погибают. ⟨...⟩

Ст. 8. Предписывается наистрожайше всем крестьянам, которые желают нанять из посторонних для работы своей, чтобы представляли немедленно паспорты или другие письменные виды бурмистру. Сей рассматривает оные паспорты и виды и решит, можно ли нанять или нет. Тех, которые будут нанимать без позволения бурмистра, наказывать непременно, дабы и другим неповадно было сие делать.

Ст. 9. Начальству смотреть накрепко, чтобы не только в селениях, но и во всех дачах моих не укрывались воры, беглые и всякого роду подозрительные люди, и о искоренении оных иметь всевозможное попечение.

Ст. 10. Всем рядовым крестьянам наведываться о таких худых людях и извещать немедленно начальство, у кого где укрываются; а кто знал о сем и не донес, тех наказывать по усмотрению, дабы и другим, видя строгое взыскание, неповадно было то же делать. 〈...〉

Глава XVII.

О порядке, который наблюдать для сохранения кредита, и о других обстоятельствах, относящихся до торговли.

Ст. 1. Для распространения торгу и для цветущего состояния оного ничто так не нужно, как кредит или добрая воля. Сие приобретаем мы чрез содержание нашего слова или обещания. И для того предписывается наблюдать сие правило со всякою верностию и честностию, а паче еще начальству смотреть за оным с полным радением и нарушающих наказывать по винам их. 〈...〉

Ст. 2. Крестьянам через переторжку друг друга не подрывать[7], а паче старались бы подавать взаимную помощь.

Ст. 3. Все, кои по торговым обещаниям вступают в обязательства и условия, делали бы оные письменно между собою, а паче еще с посторонними, дабы в случае споров было удобнее узнать правду. 〈...〉

Глава XVIII.

Об отдаче земли внаем.

〈...〉 Ст. 4. Крестьянам из угодий своих, как-то: земли, лугов и огородной — земли внаем без позволения бурмистра отнюдь не отдавать.

Ст. 5. Бурмистру позволять в таком только случае, буде желающий отдать имеет в том необходимую нужду. 〈...〉

А. П. Заблоцкий-Десятовский

О КРЕПОСТНОМ СОСТОЯНИИ В РОССИИ (1841 г.)

По хозяйственному назначению своему крестьяне разделяются на:

1) Издельных.
2) Оброчных.
3) Заводских или фабричных.
4) Дворовых.

Издельные крестьяне

Издельный крестьянин обязан обрабатывать землю на помещика, который взамен того дает ему землю для собственного хозяйства.

Обыкновенно принято обычаем все расчеты основывать на крестьянском тягле, т. е. на полном работнике с работницею, получающими землю. Впрочем, часто взрослый работник и не имещий семейства принимается за тяглового работника, наделяясь при сем обыкновенно и землею, но в меньшей против семейного пропорции. В большей части помещичьих имений число тягол составляет несколько менее половины ревизского числа душ. Разность сия простирается числом от 10 до 20%, иногда и более.

Количество земли, получаемое крестьянами в надел

Количество земли, получаемое крестьянами на каждое тягло, зависит: во-1-х, от пространства владений помещика, во-2-х, от произвола владельца, всегда более или менее основанного на местном обыкновении.

В северных губерниях помещики считают, что каждому тяглу достаточно в полей 1-й десят[ины], хотя, впрочем, в некоторых имениях крестьяне имеют гораздо более. В средних губерниях, напр., в Тульской, Рязанской и Тамбовской, каждому тяглу дают помещики от $1^1/_2$ до 2-х десят[ин] в поле. Сенокоса дают везде мало, и очень редко более 1 десят[ины] на тягло. В имениях многоземельных обыкновенно есть запасные земли для прибылых тягол при увеличении народонаселения. Но в имениях, где земли, как говорится, в обрез, при увеличивающемся числе тягол обыкновенно переделяют крестьянские земли, не трогая помещичьих.

⟨...⟩ Не должно также упускать из виду того обстоятельства, что земля, предоставляемая крестьянину, всегда почти хуже качеством обрабатываемой на помещика и положение ее всегда отдаленнее, а потому менее выгодно для обработки.

Количество земли, обрабатываемой на помещика

⟨...⟩ Крестьяне часто обрабатывают на помещика более земли, нежели сколько получают сами. Это особенно относится к имениям, находящимся в черноземных губерниях.

Порядок отправления барщины

⟨...⟩ Порядок отправления барщины бывает различный: большею частию существует обычай работать брат на брата, если семейство состоит из двух тягол и наблюдается трехдневный размер [1]. Но ⟨...⟩ замечено, что этот размер не может соблюдаться при усиленных запашках, и потому редко обходится без поголовных сгонов, при которых, разумеется, уже невозможно сохранить нормального расчета. Один поголовный день в неделю существует почти во всех и хорошо управляемых имениях. Внезапные требования барщины особенно разорительны для крестьян в чрезполосных дачах. Крестьянам обыкновенно предоставляются отдаленнейшие поля. Он туда отправляется чуть свет. Вдруг скачет от барина ездок и требует на барщину. Крестьянин бросает свою работу, едет на барщину, а на его поле хоть трава не расти.

В некоторых местах Тульской губернии, например в Новосильском уезде, существует обычай: крестьянин работает три дня себе, три дня помещику, но в воскресенье после обедни есть бенефис помещика, ему крестьяне работают поголовно. Один из помещиков, вступя во владение своим имением, уничтожил этот обычай. Многие из соседей восстали на него. «Вы делаете,—говорили они, — вред себе и нам — балуете мужиков».

Барщина у мелкопоместных владельцев

У мелкопоместных владельцев еще менее соблюдается порядок в распределении земель и в порядке отправления работ; тут крепостной, находясь в ближайших сношениях с господином, вполне и всегда зависит от его произвола и способов.

Оброчные крестьяне

⟨...⟩ Оброчные крестьяне находятся преимущественно в губерниях северо-восточных: в Московской и окружающих ее. В имениях малоземельных крестьяне сии получают по большей части в свое пользование все земли без изъятия, принадлежащие помещику, особенно если их мало. Но иногда количество угодий ограничивается определенным пространством.

Количество угодий, получаемых крестьянами

Количество оброка не всегда соизмеряется с пространством и качеством угодий, оно основано только на возможности взять с крестьян ту или иную сумму. Так, например, в Костромской губернии есть имения, где крестьяне пользуются всею помещичьею землею и даже всем лесом, потребляя его без всякого отчета, и платят оброка от 50 до 70 руб. с тягла или от 20 до 30 р. с души.

В Тамбовской губернии крестьяне, получая в наделе от $1^1/_2$ до 2-х десятин в каждом поле пахотной земли и до $1^1/_2$ десят[ины] сенокосу, платят оброка до 30 руб. с тягла.

В Нижегородской губернии крестьяне, наделенные до 8 десят[тин] на тягло, платят от 75 до 100 руб. Но там же, в имении графа Шереметева (в Ворсме и Павлове), крестьяне 9 т. душ не

имеют вовсе хлебопашества и между тем обложены оброком по 20 р. с души или около 50 р. с тягла.

В Ярославской губернии, также малоземельной, оброки простираются до 120 р., иногда, хоть и редко, даже выше. Оброки особенно высоки в имениях хотя и малоземельных, но промысловых.

В большей части имений крестьяне кроме денежного оброка обложены таким же сбором натурою, как и издельные крестьяне, и сверх того, если в имении есть барская запашка, дают от 4 до 16 рабочих дней в год.

⟨...⟩ Оброчные крестьяне всегда почти соединяют земледелие с промыслами; многие даже совершенно оставляют первое. В таком случае свою часть земли отдают другим крестьянам, а сами занимаются исключительно торговлею или промыслами. Здесь, следовательно, занятия распределяются довольно естественным образом: каждый следует своей склонности.

Многие из помещиков ищут причины распространившейся склонности крестьян к промыслам или к городской жизни — в лености, в наклонности к разврату. Они восстают против оброка, сажают крестьян на пашню и, кроме понудительных мер, не знают другого средства привязать крестьян к земле. Печальное средство — заставлять делать грозою и насилием то, что должно делаться само собою.

Почему оброчные крестьяне не всегда успевают в земледелии

⟨...⟩ Хотя, кажется, оброчный крестьянин находится в положении вольного земледельца, пользуется всеми доходами от земли и платит только известную сумму землевладельцу, и потому должен был бы радеть о своей земле, но на деле это оказывается не всегда так.

В установлении оброка заключаются многие причины, препятствующие усовершенствованию земледелия и, следовательно, содействующие к тому, что владельцы не могут получать тех доходов, какие бы они могли иметь, если бы их земля была обрабатываема теми людьми, которые свободно избрали земледелие единственным своим промыслом.

Оброчный крестьянин редко имеет достаточный капитал для производства выгодного хозяйства. Но если бы и имел, то он не захочет обратить его на улучшение хозяйства, потому что ни земля, ни строения, ни даже рабочий скот и орудия не принадлежат ему по закону в собственность. Самый образ занятий его зависит от произвола помещика, который во всякое время может переселить крестьянина, взять во двор, отдать в солдаты, продать и пр.

Способы уплаты оброка

⟨...⟩Оброк, назначаемый помещиком, уплачивается: а) или общим итогом, за круговым ручательством всех; в таком случае богатые платят за бедных; или б) каждый крестьянин вносит за себя отдельно помещику. В таком случае, если крестьянин занимается про-

мыслом на стороне, помещик требует с него оброк вперед: «принеси, — говорит он ему, — деньги и бери паспорт; я так не верю». Для зажиточных это ничего; но бедные всегда берут у подрядчиков своих деньги, платя им огромные проценты — до 15 % в месяц. От этого многие из крестьян, напр., Ярославской губернии остаются вечно в долгу и не выходят из работников.

Но главное, почти общее средство для собирания оброка есть запашка, содержимая помещиками в оброчных имениях; она служит грозою для неисправных плательщиков. У помещика М-ва есть в Ярославской губернии два оброчных имения; с одного, в котором находится небольшая запашка, он получает по 100 р. с тягла, а с другого, где ее нет, только по 25 р.

Могут ли госуд[арственные] крестьяне платить столько, сколько платят оброчные помещику?

⟨...⟩Размер помещичьего оброка не основан часто ни на каких хозяйственных расчетах, а потому и невозможно вывести никакого отношения между тем, что они платят, и тем, что получают от помещика. Здесь все зависит от произвола владельца, и потому крестьяне, если и платят возвышенный оброк, то одна только часть его приходится за землю, а другая вносится за освобождение их от барщины и [от] всех других требований помещика, не всегда справедливых.⟨...⟩

Смешанные

Есть вещи в высшей степени несправедливые, но столь утвержденные обычаем, что даже и порядочные люди не признают их дурной стороны.

Есть еще крестьяне, так сказать, смешанные, т. е. ходящие на барщину и платящие вместе с тем оброк. Такие крестьяне встречаются преимущественно в губерниях малоземельных и вместе промышленных, какова, например, Ярославская. Летом крестьяне работают три дня на помещика, но зимою, по малому посеву хлеба, на барщине работать нечего всем крестьянам, и потому помещик отпускает часть своих крестьян на зимние месяцы по паспортам в оброк, которого они платят с работника от 20-ти до 25-ти р. асс. На весну они обязаны воротиться домой и работать на барщине.

Несоразмеримое количество дворовых

Нам случалось толковать со многими об излишестве домашней прислуги: «Неужели нашего брата надо заставить в самом деле жить, как немца, с одним слугою?» — говорит деревенский дворянин. Вообще у нас, даже и у образованных людей, понятие о какой-то роскоши, выражающейся в огромности прислуги (роскоши, сопряженной нередко с лохмотьями), соединяется с понятием о достоинстве русского дворянина.

Впрочем, многие из помещиков чувствуют тягость дворовых. Вот что один из них говорит по этому случаю: «Неумеренное число дворовых людей есть совершенная пагуба для помещиков. Это

в наше время сделалось уже аксиомою, которая еще больше будет иметь силы, когда убедимся, что для содержания одного только служителя должно употребить доход от двух оброчных тягол, а полагая в цену приличное для него платье, мало даже трех. Следовательно, чтобы прокормить и одеть только 10 чел. муж[ского] и женского пола, надобно употребить доход с 60 душ оброчных». Конечно, этот расчет преувеличен несколько, но тем не менее основная мысль справедлива.

Дворовые, отпускаемые по оброку

Дворовые люди очень часто отпускаются помещиком по паспортам, с платежом оброка. Оброк сей простирается иногда до 100 р. и выше в год с одного человека, смотря по тому, знает ли он какое-либо мастерство или искусство.

Размеры сего оброка имеют некоторое основание в том: а) что за дворового человека часто платят дороже, нежели за крестьянина-земледельца, б) что помещик, сверх того, может легко потерять весь капитал со смертью дворового, и потому к обыкновенному оброку он причитает еще премию за застрахование, делая это, разумеется, не по расчету, а большею частью инстинктивно.

Но в экономическом отношении это вредно потому, что возвышает цену труда более того размера, который мог бы установить при свободном соперничестве. Всякий знает по опыту, что в Петербурге, напр., нанять труднее в услужение дворового человека, нежели свободного; первый всегда просит выше, поставляя причиною, что он должен-де барину платить оброк. И справедливо. Но справедливо также и то, что тут в проигрыше две стороны: нанимающий, который платит высокую цену, и нанимающийся, который от этого нимало не выигрывает.

Дворовые, отпускаемые по паспортам, более сосредоточиваются в столицах, где их круглым счетом можно полагать около 100 т[ысяч] ⟨...⟩.

Продажа людей раздробительно[2]

Продажа крестьян и дворовых людей с раздроблением семейства воспрещена законами, но, однако, на самом деле она совершается. В этом случае если желают продать детей, то отпускают родителей на волю. Или, не давая отпускных родителям, сочетают браком детей, и, составив таким образом отдельное семейство, продают его, не нарушая закона.

В обширных имениях, с барскою запашкою, управление вверяется большею частию наемным управляющим из людей свободного состояния. В этом отношении должно упомянуть, что в Саратовской губернии в последние годы начало появляться много управляющих из поляков. В сих же имениях бывают второстепенные лица, приказчики из собственных крепостных.

В имениях средних случаются также управляющие из свободных людей. Но вообще помещики, жалуясь на неспособность и корыстолюбие сих людей, чаще всего вверяют

управление собственным крепостным, руководствуясь тою мыслию, что «собственный человек, во-первых, дешевле, а во-вторых, если и плут, то накраденное им от руки помещика не уйдет; накравший откупается».

Наконец, имениями, где живут сами владельцы, большею частию они же сами непосредственно и управляют.

Если о сих имениях нельзя сказать, чтобы они всегда исключительно отличались лучшим устройством крестьян, то по крайней мере на них вообще заметнее стремления, хотя и далеко еще не повсеместные, к улучшению хозяйства.⟨...⟩

Вообще должно заметить, что имения, принадлежащие малолетним и женщинам, управляются слабо, но бывают случаи, где женщина, однажды предавшись страсти хозяйничать, делается строгою до исступления. ⟨...⟩ Так, нап[ример], есть помещица А** — женщина богатая. Она купила имение Балашева, перевела мужиков с оброка на барщину, они не знают трехдневного распорядка. Этого мало: помещица в мужском платье разъезжает по работам, чинит собственноручно расправу и сечет мужиков непременно при себе.

Жилища крестьян

Не только каждая полоса России, но почти каждая губерния представляет большую или меньшую разницу в жилье крестьян. Вообще в сем отношении надо различать два главных рода губерний: одни изобилующие лесом или легко его получающие по сплавным рекам, другие бедные им. В первых заметно нерасчетливое употребление хороших бревен, в других лес мог бы замениться камнем, глиною и проч., но это случается редко; даже в тех местах, где много известкового камня, напр[имер] в Тульской губернии, камень начинают употреблять только для заборов и сараев; избы же строят из осинового и березового дерева, часто столь дурного, что стены разваливаются в течение 5—6 лет; их кое-как подпирают, обкладывают навозом, соломою, землею. Быстрому разрушению жилищ способствуют часто дурные крыши от недостатка соломы, употребляемой на топливо и на корм скоту; о крышах прочнейших, например глиняных, крестьяне наши еще не думают.

Казалось бы, что в северных губерниях богатство в лесе должно иметь прямым результатом улучшение жилищ; но этого, однако же, нет. Крестьянин наш не ощущает никакого желания не только роскоши, но даже удобства. Первою причиною сего есть, конечно, бедность, не дающая народу выйти из грубого состояния.⟨...⟩

Изобилие в лесе не заставляет крестьянина желать сколько-нибудь расшириться в своем житье, у него все та же тесная нечистая изба, в которой помещается вся огромная семья.

По одной наружности жилищ еще нельзя судить об образе жизни; на проезжих дорогах обыкновенно строятся избы с крыльцами и балконами, придающими им вид некоторой мысли об

удобстве. Но взойдите внутрь, и вы убедитесь, что нечистота и теснота суть необходимые элементы крестьянского быта.

Летом такое помещение еще сносно потому, что большая часть семьи спит в сенниках, сараях, на дворе; но зимою все соединяются в одну избу и спят вместе: женатые и холостые, молодая девка в двух шагах от замужней сестры или женатого брата. Так как скот крестьянский телится обыкновенно зимою, на что есть физическая причина, то нередко тут же посреди избы лежит отелившаяся корова с теленком, которых мужик ввел в избу для сбережения от стужи.

Помещики, живущие в своих имениях, никогда не обращали внимания на эту сторону народной жизни, как и на все то, что не приносит им личной, непосредственной выгоды. Примеров такого равнодушия есть множество. Часто встречаются великолепные усадьбы богатых помещиков, окруженные полуразрушенными лачугами. Нигде — ни мысли, ни желания улучшения. Даже избы с трубами составляют в большей части губерний еще только нововведение, не всеми принимаемое; а по большей части встречаются курные, с маленькими окнами, и крестьянин отговаривается тем, что они теплее и менее требуют дров. Помещик не входит в это, ибо ему нужен только работник и рабочая сила.

Случалось, разговаривая со многими помещиками, имеющими славу хороших хозяев, встречать между ними защитников курных изб. Они ссылаются на то, что такой способ постройки у нас необходим для очистки воздуха. Это справедливо при совместном сожительстве человека с домашним скотом. Но разве нет способа доставить крестьянину возможность жить врозь с коровою, теленком и свиньею? Много ли нужно для того, чтобы устроить теплое помещение для скота? Надобно видеть эту пользу курных изб зимою во время топки. Дверь настежь, дым от лавок до потолка наполняет густо избу; взрослые из семейства кое-где хлопочут в сенях или на дворе, но дети сидят или лежат на полу, полуокоченевшие от стужи, завернутые в лохмотья или много-много в отцовский тулуп, если есть лишний. Около печки стряпает баба, жмурясь, кашляя и задыхаясь от дыму. Наконец топка приходит к концу, хозяйка торопится закрыть дверь, чтобы изба была теплее, и закрывает ее часто с угаром. К нему, впрочем, привыкают крестьяне, и подвергаются опасности только тогда, когда он в сильной степени. Но простуды, головные боли, ревматизмы вовсе не редкость между крестьянами, а смертность детей в России в нежном возрасте — до 5-ти лет — составляет особое правило в статистике.⟨...⟩

Пища и одежда

Что касается до пищи и одежды помещичьих крестьян, то в этом отношении они не отличаются от всей массы народа, исключая тех несчастных случаев, когда крестьяне сии особенно дурным управлением доведены до большей, против обыкновенного, нищеты. Есть имения, к счастью немногие, в которых кормиться подаянием есть

нормальное состояние крестьянина; он ходит по соседним селениям и вымаливает под окном кусок хлеба. Но в годы неурожая такое положение вдруг быстро увеличивается, разливается как зараза и создает тысячи нищих.⟨...⟩

Вот что рассказывали нам сами помещики Тульской губернии, весьма хорошо знающие быт крестьян: «В голодные зимы положение крестьянина и его семьи ужасно. Он ест всякую гадость. Желуди, древесная кора, болотная трава, солома — все идет в пищу. Притом ему не на что купить соли. Он почти отравляется, у него делается понос, он пухнет или сохнет, являются страшные болезни. Еще бы могло пособить молоко, но он продал последнюю корову, и умирающему часто, как говорится, нечем душу отвести. У женщин пропадает молоко в груди, и грудные младенцы гибнут как мухи. Никто и не знает этого потому, что никто не посмеет писать или громко толковать об этом; да и многие ли заглядывают в лачуги крестьянина? А ведь то не секрет, что голодные годы не суть явления редкие; они, напротив, появляются периодически».

Эта картина едва ли не ужаснее жизни ирландцев![3]

Богатые помещики, живущие далеко от своих имений, не знают всего этого; бедные же, имеющие всегда перед глазами быт крестьян, не в состоянии пособить сему.

В одежде своей помещичий крестьянин также ничем не отличен, исключая опять случаев необыкновенной нищеты. Но крестьяне, занимающиеся промыслами, и в этом ушли вперед: сапоги, красная рубаха, синий кафтан составляют уже необходимость несколько разжившемуся крестьянину, особливо ежели он посещал города, «бывалый», как они выражаются. Так, напр[имер], в Ярославской губернии старые помещики уверяют, что лет за несколько щеголь-мужик не постыдился бы надеть синего кафтана с разноцветными рукавами или заплатами, но ныне всякий уже понимает, что это неприлично; лапти видны более на стариках; на молодом редко, он старается носить сапоги. Совершенно противное представляют степные, преимущественно земледельческие, губернии; там крестьянин ходит в изорванном зипуне, не знает другой обуви, кроме лаптей; во всем этом бедный не отличается от богатого. Одинаковая неопрятность, одинаковая нечистота.⟨...⟩

Меньшая производительность крепостного труда

⟨...⟩Крепостной труд менее производителен, нежели вольнонаемный. В этом убеждены и крестьяне, создавщие пословицу о ленивом работнике: «ты работаешь словно на барщине», и сами помещики. «Нет сомнения,— говорил нам зарайский предводитель дворянства Титов,— что вольный труд лучше. Напрасно думают, что крестьянин наш, однажды освобожденный, сделается еще ленивее. Неправда! Вольный человек знает, что без работы даром его кормить не станут, и потому трудится прилежно. Вот вам

собственный мой опыт: в 20 верстах от моих Зименок (имение, которое мы посетили) имею я незаселенную землю, которая обрабатывается у меня моими же крестьянами, но не барщиною, а по найму, по вольному соглашению. Те же крестьяне, которые ленятся на барщине, там необыкновенно прилежны, готовы работать в праздник, лишь бы их не согнали, и так дорожат местом, что боятся даже рассердить старосту...»

Влияние крепостного труда на составление капиталов и их обращение

⟨...⟩Все попечения помещика о своем крестьянине ограничиваются только сохранением его физической силы, нужной для обрабатывания земель.

До обогащения крестьянина, составления у него капитала никому нет дела. С одной стороны, заставляют его работать как возможно более и *по праву* употребляют всю силу его в свою пользу, а с другой — вытягивают из него копейку разными ухищренными способами. Конечно, вопреки всему этому, случается, что крестьянин поборет все препятствия, выплывет наверх, разживется. Но сколько же надобно счастливых обстоятельств для отстранения всех препятствий к обогащению? Никто ему в этом не поможет; напротив, большая часть обстоятельств против него, начиная с самого крепостного права.

Совершенная зависимость от произвола владельца и безнадежность освободиться от этой зависимости убивают в крепостном склонность к бережливости и прочному улучшению своего быта, рождая, напротив, или скупость, или страсть к минутным наслаждениям, к пьянству, праздности и разврату. Этим легко объясняется, почему крестьяне, даже у попечительных владельцев, живут большею частию дурно, и почему заведомо богатые из них редко пускают в обороты капиталы свои, но прячут их тщательно на черный день. Да и может ли быть иначе, когда помещик может отнять нажитое кровавым трудом его крепостного?⟨...⟩

Развитие промышленности требует не только ограждения личности и собственности, но и свободы располагать своим временем, трудом и местом жительства. И потому естественно, что крепостное состояние, привязывая насильственно человека к земле, отстраняет развитие промыслов даже между оброчными крестьянами.

Помещик нелегко позволяет удаляться крестьянину (и в особенности тому, который вновь начинает промысел) и менять верное малое на большее, но далекое и неверное; но и, отпустивши его по паспорту, следит за каждым шагом его, давит его оброком, который есть всегда тяжесть для начинающего. Случится дурной год, доходы плохи, у крестьянина нет денег; он не заплатил оброка; помещик требует его в деревню. Крестьянин, быть может, и обернулся бы, но помещик думает, что он замотался, избало-

вался, и сажает его вновь на пашню или берет его во двор. 〈...〉

〈...〉 Другого рода продажа людей, также преимущественно дворовых, совершается для поступления охотниками в рекруты за государственных крестьян. Хотя подобная продажа по закону вовсе не допускается, тем не менее она существует. Нужно только облечь дело в законные формы, что и совершается довольно удобно. 〈...〉

Фабричные и заводские крестьяне

Фабричные и заводские крестьяне требуют также отдельного рассмотрения.

Многие помещики, живущие у себя в деревнях, имеют разные домашние заведения, преимущественно ткацкие, для приготовления изделий на домашний обиход. Так как здесь чаще всего работают дворовые без всякого учета, то и невозможно вывести никакого заключения об экономическом положении работников.

В некоторых помещичьих фабриках работают месячники без всякой заработной платы, сверх того, им задаются уроки, за неисполнение коих следует взыскание. Таким образом в Нижегородской губернии помещик П-н завел недавно суконную фабрику и уничтожил большую часть крестьянских запашек. Мужики переведены частию на месячину[4], частию на запашку и работают каждый день. Они не привыкли к работе, дело отправляют худо, их наказывают. Не выполнившего урока секут и сажают в воскресенье за работу. По отзывам соседей, все эти люди точно вышедшие из тюрьмы. Многие находятся в бегах 〈...〉.

Управление крестьянами

Переходя к способу управления помещичьими имениями, должно заметить, что в сем отношении следует различать имения, в коих владельцы никогда не живут, и те, в коих живут.

В первом случае, если имение оброчное, то чаще всего управляется крестьянами чрез выборного ими самими, с согласия помещика, бурмистра или старосту.

Слухи в губерниях об освобождении крестьян

Слухи о намерении правительства изменить крепостное право распространились более или менее везде. В Нижегородской губернии, напр[имер], знали многие подробности об обязанных крестьянах; в Рязанской и Тамбовской тоже. В прочих губерниях ходили темные слухи с разными нелепыми прибавлениями. 〈...〉

Сами помещики уверяют, что никогда эти слухи не распространялись так быстро, не повторялись так часто, как в настоящее царствование. Большинство убеждено в том, что эти слухи, эти толки рождает не кто иной, *как дух времени,* против которого не может устоять никакая человеческая сила.

Различно понимая причины распространяющихся между крепостными слухов, дворянство сходится в одном — *в чувстве страха восстания крестьян.* До какой степени опасения эти справедливы — решить трудно. Достоверно то, что они не без

основания. В чем же состоят мысли крестьян об изменении их состояния? На этот вопрос никто не в силах отвечать, потому что у крестьян есть только желание свободы, но в каких формах должна явиться для них свобода — они об этом не имеют и не могут иметь мыслей. Они видят только пред собою государственных крестьян и желают быть в их положении.

Что думают дворяне о крепостном состоянии

Что думает дворянство о крепостном состоянии? Из слышанных нами разговоров нельзя вывести одного общего мнения. Взгляд на этот предмет зависит от степени образования, от положения, от богатства помещика.

Те из дворян наших, кои стоят низко на степени образования, видят в крепостном праве необходимое условие своего существования. Они не проникают в глубину вопроса; знают только, что в их власти находятся люди, которые должны им работать даром; что наемнику надо было бы платить наличными деньгами, между тем как крепостному предоставляется только средство к выручке денег, т. е. земля. В глазах таких дворян это всегда выгоднее и, разумеется, легче.

Притом весьма много льстит чувство власти, к которой так привык наш дворянин.

Но это не есть чувство власти публичной, удовлетворяющей благородное самолюбие в образованном человеке, а власти безобразной, дающей возможность употреблять существование человека к своей корысти, для своих выгод или прихотей. Все это вместе и поддерживает во многих убеждение, что крепостное состояние не только необходимо, как установление законное, временем освященное, но как неотъемлемое право дворянства и средство к поддержанию его состояния.

Иные простирают это мнение еще далее, они убеждены, что уничтожение крепостного состояния будет гибельно для государства.

«Как,— говорят,— предоставить людей этих самим себе, когда они и под нашею властию не имеют порядочной нравственности; да они все сопьются и пропадут». Такое близорукое суждение можно услышать от многих, даже и довольно образованных, дворян. Но они не понимают, что крепостное состояние рождает и поддерживает безнравственность; что целое сословие народа не может погибнуть от безнравственности, ежели само государство еще не отжило и не находится в упадающем состоянии. Таковы исторические законы человечества.

Некоторые говорят: «Просветите сперва крестьян и потом освободите их». Конечно, просвещение весьма важно и необходимо для того, чтобы свобода не употреблялась во зло. Но ежели просвещение есть развитие понятий о достоинстве человека, то оно несовместимо с рабским состоянием. Если раба и можно иногда научить искусству механически, то как развить в нем чувство личного достоинства, когда в нем есть сознание, что все

существование его зависит от прихоти господина? Предположим даже возможность развития такого благородного чувства, но к чему же оно приведет крепостного? К большему сознанию всего ужаса своего положения; лучше оставить его в скотообразном положении; тут он терпеливее несет ярмо. Это весьма хорошо понимают те, которые восстают против образования народа. Они не хотят расстаться с лестною для них властию над крепостными и потому боятся просвещать их.

Сперва надо человека сделать человеком, поставить его в естественное состояние, исполнить условия, данные природою, и потом посвятить его в то, что создали уже ум человека, искусственность и усовершенствование, т. е. образовать его как гражданина.

Просвещать же раба — значит создавать чудовищное совокупление света и тьмы, блага и зла. ⟨...⟩

Д. Т. Гнедин

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ

⟨...⟩ В какой-нибудь Курской или Орловской губернии случалось видеть имения в 300 или 400 десятин земли с населением в 100 душ, и владелец такого имения все-таки хотел играть видную роль; у него много дочерей, надо прилично содержать всех, делать выезды в Курск, вести большие карточные игры; ну, а доходы с 100 душ не Бог знает какие. Понятно, что в таком имении земли для крестьян оставалось самое незначительное количество, лишь бы не умерли с голода, вся же остальная земля обрабатывалась в пользу помещика этими самыми крестьянами. В степных же губерниях, при многоземелье и малонаселенности некоторых имений, крестьяне испытывали [другое] неудобство — от малонаселенности: их обращали в экономическую прислугу[1]. В имениях мелкопоместных, где владельцы сами нищие и без всякого образования, мало чем отличались от своих крестьян, душили и высасывали из них, что могли; а что можно высосать нищему из нищего, кроме общего горя? ⟨...⟩

Я, сколько мог наблюдать из моей военной скитальческой жизни быт крестьян в Тверской, Полтавской, Черниговской, Тульской, Курской, Орловской, Рязанской, Новгородской губ., вынес одно впечатление, что чем меньше помещичий поселок, тем крестьяне беднее. Разумеется, не все и многонаселенные поселки пользовались благосостоянием, были исключения, и было их немало. Наравне с богатыми имениями графа Шереметева стояли почти поголовно доведенные до крайнего нищенства крестьяне в имениях гр[афини] Браницкой; но все же общее впечатление было таково, что большие имения пользовались относительно большим благосостоянием, нежели малые. Хотя наши крепостные

были как бы прикреплены к земле или фабрике, но в сущности они были личною собственностью: помещик имел полную возможность употреблять труд крепостных по своему усмотрению и вкусу; очень часто крестьяне обращались из оброчных в барщинные, из земледельцев в фабричные; а псарни, оркестры, театры и разные фантазии самодурства!.. Из этого-то полнейшего бесправия, поддерживаемого законом, крепостничество у нас снизошло до форм невольничества, и произвол помещичьей власти развился до крайних пределов. Правительство не могло не видеть этого и силилось положить преграду этому произволу; но все относящиеся к этому предмету законоположения оставались мертвой буквой. В 30-х годах на базаре в Кременчуге можно было купить девку за 25 р., отчаянные охотники меняли на борзых и гончих собак целые семьи своих крестьян. Правительство если чего-нибудь и достигло, то только одного, чтобы при продаже не было раздробления семейств. Самая же продажа крестьян шла своим чередом до самого обнародования высочайшего Манифеста.

Я как уроженец и житель Новороссийского края хорошо знаком с его бытом. Нигде нельзя было найти большего разнообразия относительно, как благосостояния крестьян, так и системы ведения хозяйства. Посторонний человек, проезжая Екатеринославскую и Херсонскую губернии, на каждом шагу был бы поражен. Вот на пути встречается богатая деревушка или село, дома все чистенькие, белые, на токах изрядное количество хлеба; по загонам, сараям и вырезанному кирпичу (кизяку) можно судить о большом количестве скота и овец, встречаются люди, одетые не бедно. Вы спрашиваете, чей это поселок, вам отвечают: такого-то помещика. Но смежное с этим имение другого помещика вам представляется уже в другом виде. Хотя так же, как и в первом, крестьянские домики здесь чистенькие и на немецкий манер тянутся в два ряда; но возле них ничего нет, даже тына, движения тоже никакого, лишь несколько детишек бегают по улице. Поселок этот обращен в экономическую прислугу; крестьянские семейства получают все содержание от экономии; иметь свое хозяйство крестьяне эти лишены возможности. Далее вы можете встретить немалые поселки изб в 50 или 60, а то и более, выстроенных с претензией; но такие избы плохо укрыты, стены дурно обмазаны, окна выбиты; возле избы кроме небольшой кучи соломы ничего нет; лица как взрослых, так и детей худы и дики, никаких признаков существования овец или скота. Это имение помещика, у которого крестьяне работают пять дней в неделю. Вот встречается и другой подобный же поселок, с тем же количеством соломы в огороде, и вы узнаете, что крестьяне, за исключением нескольких дней осенью во время молотьбы, работают на помещика постоянно, что им после уборки всего господского хлеба отделяется часть, даются экономические волы для развозки снопов по домам. Из сопоставления таких фактов

можно было видеть, что там, где закон исполнялся владельцами, где крестьяне пользовались в достаточном количестве землей, отбывали барщину не более трех дней в неделю и не были обременены никакими налогами, кроме платежа податей, они пользовались благосостоянием. В имениях, где помещик брал на себя обязанности платить подати, за что принуждал крестьян работать ему четыре дня в неделю, крестьяне были бедны. Там же, где помещик по каким-то ему одному известным расчетам брал с крестьян пять дней в неделю, крестьяне были положительно нищими, единственным доходом которых было прошение милостыни (нельзя было проехать по деревне, чтобы вас не преследовала целая толпа нищих). Наконец, в имениях, где крестьяне постоянно работали на помещика, они хотя и не терпели голода, зато кроме скудных средств для поддержания своей жизни не имели ничего и были доведены до состояния полного рабства.

Помещики последних трех категорий по большей части были свирепы. Я помню одного отставного улана-ротмистра, жившего в 40 верстах от меня, страшного картежника и мота. Он за то, что девки его деревни в свободный от барщины день пошли к соседнему помещику заработать немного денег, собрал их всех во двор, велел остричь их и вымазать головы дегтем.

Не могли же подобные безобразия не бросаться в глаза нравственным людям, не могло же правительство не видеть, что закон постоянно обходится и бороться с этим злом нет никакой возможности. Правительство всегда имело в виду обеспечение быта крестьян, для того-то оно и разрешило помещикам переселять крестьян из малоземельных губерний в многоземельные, обуславливая переселения 15-десятинною пропорцией земли на душу. Правительство вовсе не преследовало одни выгоды помещиков, оно заботилось о заселении пустопорожних мест крестьянами для развития земледелия, а получалось как раз обратное. Помещики, покупая дешево крестьян, переводили их, как скотов, на новые места и обращали их в полное рабство. При переселении помещик выстраивал несколько плохих изб, куда на время скучивал крестьян по нескольку семей в одну избу. Затем мужчины распределялись по разным экономическим службам, а женщины и девки оставались по избам, где и отправляли разные женские урочные работы. Если крестьяне брались на экономическую службу или же употреблялись на господские работы, то, естественно, на обязанности помещика лежало кормить и одевать их. Крестьяне, как взрослые, так и подростки, идущие на работу, получали белье, сапоги, серяк[2] и шубу,— это выдавалось на два года. Женщины, которые работали пять дней в неделю, получали белье и полушубок. Там же, где женщина работала три или четыре дня, им не давалось ничего. В некоторых имениях были иные порядки: служащие получали только паек, а на одежду деньги. Из всех видов рабства, за исключением более человечного отбывания трехдневной барщины, более легким и выгодным

крестьяне считали обращение их в экономическую прислугу. Тут они и семьи их были обеспечены от голода и при долголетней службе имели возможность завести для себя достаточное количество скота и овец, да и обращение самого свирепого помещика со служащими было мягче, чем с крестьянами, возделывавшими поля.

Произвол помещика, доходивший до самодурства, неумение вести хозяйство и страсть к роскоши привели некоторых помещиков к полному разорению. Я знал двух помещиков, которые, разоривши сначала себя, разорили и крестьян. Когда не стало средств к жизни, они посылали своих крестьян к другим помещикам и проживали их заработок, а на зиму предоставляли им свободное прошение милостыни. Один из этих господ (некто Бураков) был даже предводителем дворянства. Дела его так расстроились, что, если бы не возврат после Крымской кампании снаряженного дворянством обоза, ему нечем было бы жить: повозок хватило зимой на отопление, а что сталось с лошадьми — неизвестно. Крестьян этого помещика Положение застало сидящими в остроге, куда они после наказания розгами были посажены по подозрению в краже у него водки из подвала. Впоследствии за неимением улик крестьяне были выпущены, но содержались там около двух лет. (Помещик желал спровадить их на поселение, но это ему не удалось.) Между тем, когда за неоплатные долги имение этого помещика было все описано и опечатано, в том числе и винокуренный завод, он сам воровал: описанные вещи из завода, медные части продавал, покупал на них провизию и шампанское и ничем не ответил за это. ⟨...⟩

Н. П. Семенов

БЫТ КРЕСТЬЯН ДО ОБНАРОДОВАНИЯ ПОЛОЖЕНИЯ 19 ФЕВРАЛЯ 1861 ГОДА

Известно, что в народном представлении, как оно держится в крестьянстве и поныне, земля есть Божья; составляющая же нашу русскую территорию — государева, т. е. принадлежит государству, венценосным вождем его олицетворяемому.

Земля, населенная у нас крестьянами и обрабатываемая их руками на себя, издавна состоит в постоянном владении крестьянства.

Обработкой земли крестьяне всегда служили государству, будучи *крепки* земле, так что земля в селах и деревнях без крестьян немыслима, как немыслим и крестьянин без земли. ⟨...⟩

В переходах исторической жизни России выделилось другое, образовавшее впоследствии наше дворянство, высшее сословие служилых людей. Правительство, за неустройством еще у нас

правильного денежного обращения, раздавало им в кормление земли, а затем стало награждать их за заслуги правом собственности на эти земли, впоследствии же поступилось и заветным правом государства на рабочую силу крестьян, что выразилось в нашем законодательстве привилегией дворянства приобретать в собственность населенные имения.

Так в существе дела образовалось у нас крепостное состояние. ⟨...⟩

Каждая семейная (в тесном смысле этого слова) единица, наделенная земельным участком, составляла *тягло,* которое в свою очередь входило в состав более обширного семейного союза — *двора.* Обыкновенно во двор входило и два и более тягол, но были и однотягольные дворы. Их относительное число было незначительно, потому что новое тягло налагалось на молодую, только что возникшую в составе двора, брачную пару, которая по юному возрасту и неопытности не могла еще составить самостоятельного двора, поэтому однотягольный самостоятельный двор образовывался не иначе как упразднением некоторых тягол многотягольного двора или отделением от него одного, конечно, уже немолодого тягла, т. е. *семейным* разделом, который, впрочем, происходил в случаях, вызываемых только необходимостью. ⟨...⟩

В допетровское время тягло было не только единицею рабочей силы и крестьянского надела, но и податною единицею для взимания, как натуральной, так и денежной повинности. С тех пор как Петр Великий, с целью более правильного учета населения при собирании податей, ввел так называемые ревизии, т. е. правильное народоисчисление всех возрастов населения, правительство установило своею фискальною единицею *душу мужского пола,* и в кредитных казенных учреждениях при залоге недвижимых имений принимали в расчет уже души, а не земли и не тягловые участки. Также и в частных сделках, до начала специального полюбовного межевания дач между их владельцами[1] (учрежденного в 1836 году), во всех актах укрепления на населенные имения означалось лишь число душ, с неопределенной оговоркой: «с владеемой землею».

Введением подушной подати, исчисляемой по ревизским душам, правительство вошло уже издавна в разлад с обычаями и бытом народа. Но несмотря на это изменение податной единицы, народ и помещики удержали не только в XVIII, но и в первой половине XIX века тягольный порядок надела. Барщина попрежнему отбывалась тяглами — единицами рабочей силы, и даже в оброчных имениях следовавшие помещикам оброки разверстывались и взимались преимущественно по тяглам, а не по душам. Только казенные подушные подати накладывались и разверстывались неизменно по числу ревизских душ мужского пола, значащихся по спискам в каждой крестьянской семье. Но так как по правилам составления этих списков — *ревизских сказок* — записанные в них ревизские души не исключались из

списков до новой ревизии, то за все выбывшие, хотя бы и за смертию, души община по закону продолжала платить подати. Это и дало повод нашему незабвенному писателю Гоголю прозвать таких умерших, но не выключенных из списков крестьян *мертвыми душами*.

Повинности за эти мертвые души нередко накладывались крестьянскими общинами на зажиточные и богатые числом рабочих рук семьи по собственным крестьянским соображениям. 〈...〉

Обращаясь к бытовому тягольному порядку крестьянского землевладения, заметим, что при нем *общих переделов*, в смысле изменения величины и состава тягловых участков, почти совсем не было, да, за редкими исключениями, и быть не могло, а бывала только *скидка* и *накидка* тягол, то есть наделение возникающих тягол упразднившимися или вновь образуемыми тягловыми участками. Такая скидка и накидка наделов получила в административной практике название *частного передела*.

Скидка тягол производилась не только [тогда], когда брачная пара, составлявшая тягло, уничтожалась смертью одного из супругов, но и тогда, когда тягловый работник от дряхлости, немощи или хронической болезни утрачивал способность к работе. Накидка же тягла происходила всякий раз, когда во дворе появлялась новая брачная пара. Таким образом, однотягольные дворы превращались в двух- и более тягольные, а в многотягольных дворах происходила от времени до времени то скидка, то накидка тягол, причем тягольные участки в полном и неизменном их составе оставались во владении тягол или брачных пар во все продолжение их рабочей жизни, и только по упразднении тягол, владевших этими участками, последние в том же составе передавались вновь возникающим тяглам или того же двора, или других дворов.

Исключительные случаи настоящего, общего передела, именно изменения величины и состава тягловых участков, происходили тогда только, когда помещик изменял по своим нуждам или расчетам установившийся прежде размер тяглового участка или по своим хозяйственным соображениям заменял состоявшую во владении всей общины земельную дачу или хотя и часть ее другою. 〈...〉

Все дела общины, как накидка участков и скидка тягол, редкие общие переделы, распределение податей и сборов, разбор споров и недоумений между членами общины и жителями ее деревни — словом, все внутренние и домашние дела ведала сама община бесконтрольно, хотя помещик, конечно, признавал ее себе подвластною; но он регулировал только отношения ее к себе, а в ее собственные дела и дрязги обыкновенно не вмешивался, если сами члены общины не приходили к нему просить его вмешательства. Так же точно, принимая тягло ответственной перед собой единицей рабочей силы, помещик не вмешивался

и в отношения членов семьи между собою. Таким образом, внутренняя жизнь общины и при крепостном праве развивалась и текла самостоятельно и свободно.

Община управлялась *миром,* который в обширном значении этого слова, по народному понятию, объемлет всех православных, а в тесном крестьянском, значении всех жителей деревни, так или иначе входящих в состав общины и принимавших поэтому участие в сельских сходах, на которых решались безапелляционно ее дела.

Решение по этим делам постановлялось не иначе как *единогласно,* так что если не всеми наличными на сходе было принято, оно считалось несостоявшимся.

Крестьяне и до сего времени не понимают *решающего большинства* голосов. Они знают, что по каждому делу правильное решение может быть только одно, что ему надлежит быть самым умным, т. е. правдивым и наилучшим образом развязывающим дело, что для отыскания истины усилия нескольких умов надежнее усилий одного ума, что поэтому когда такое решение отыскано, то все должны принять его. Из этого выходило, что всякий несогласный с выразившимся общим мнением, когда видел под конец схода, что он остается один или в ничтожном числе с другими и нет ему другого исхода, как совсем отделиться одному или с немногими от мира, т. е. не принадлежит уже и к общине, то сознательно и добровольно подчинялся общему решению, признавая тем самым *главенство* над собою мира. ⟨...⟩

ИЗ ОТЧЕТОВ III ОТДЕЛЕНИЯ СОБСТВЕННОЙ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА КАНЦЕЛЯРИИ О КРЕСТЬЯНСКИХ НАСТРОЕНИЯХ

ОБОЗРЕНИЕ РАСПОЛОЖЕНИЯ УМОВ И РАЗЛИЧНЫХ ЧАСТЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В 1834 ГОДУ

О расположении умов

Год от года распространяется и усиливается между помещичьими крестьянами мысль о вольности. В 1834 г. было много примеров неповиновения крестьян своим помещикам, и почти все таковые случаи, как по произведенным исследованиям оказалось, происходили не от притеснений, не от жестокого обращения, но единственно от мысли иметь право на свободу. В таковых случаях всегда являются злонамеренные люди, которые, пользуясь заблуждением крестьян, из одних видов личной выгоды, поддерживают их в оном и возбуждают к неповиновению. Поныне все случаи сии были отдельны один от другого, не имели между собою никакой общей связи, и потому правительство без особенных усилий имело возможность прекращать таковые беспорядки. Но

могут явиться люди, которым придет пагубная мысль воспользоваться сими обстоятельствами ко вреду правительства, и тогда провозглашением свободы их из помещичьего владения им легко будет произвести великое бедствие.

Благомыслящие люди ожидают, что бдительное правительство наше не упустит из виду сие важное для спокойствия России обстоятельство. Они понимают всю трудность сего дела и с какою крайнею осмотрительностью надлежит в сем случае действовать, дабы не возбудить пагубного между крестьянами волнения, ибо крестьянин наш не имеет точного еще понятия о свободе и волю смешивает с своевольством. А потому сколько, с одной стороны, признается необходимым, дабы правительство исподволь приближалось к цели освобождения крестьян от крепостного владения, столько, с другой, все уверены, что всякая неосторожность, слишком поспешная в сем деле мера должна иметь вредные последствия для общественного спокойствия. Многие размышляющие о сем предмете полагают самым лучшим средством — дать делу сему такое направление, чтобы освобождение крестьян происходило от самих помещиков. 〈...〉

НРАВСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ ЗА 1839 ГОД

Свод мнений насчет внутреннего состояния России и действительное ее состояние

При каждом новом царствовании, при каждом важном событии при дворе или в делах государства, издревле и обыкновенно пробегает в народе весть о предстоящей перемене во внутреннем управлении и возбуждается мысль о свободе крестьян; вследствие этого происходят, и в прошедшем году происходили, в разных местах беспорядки, ропот, неудовольствия, которые угрожают хотя отдаленною, но страшною опасностью. Так и теперь по поводу бракосочетания великой княжны Марии Николаевны[1] в народе разнеслась весть, что крестьяне будут освобождены. Толки всегда одни и те же: царь хочет, да бояре противятся. Дело опасное, и скрывать эту опасность было бы преступлением. Простой народ ныне не тот, что был за 25 лет перед сим. Подьячие, тысячи мелких чиновников, купечество и выслуживающиеся кантонисты[2], имеющие один общий интерес с народом, привили ему много новых идей и раздули в сердце искру, которая может когда-нибудь вспыхнуть.

В народе толкуют беспрестанно, что все чужеязычники в России, чухны, мордва, чуваши, самоеды, татары и т. п., свободны, а одни русские, православные — невольники, вопреки Священному писанию. Что всему злу причиной господа, т. е. дворяне! На них сваливают всю беду! Что господа обманывают царя и клевещут пред ним на православный народ и т. п. Тут же подводят тексты из Священного писания и предсказания по

толкованиям Библии и предвещают освобождение крестьян, месть боярам, которых сравнивают с Аманом и фараоном[3]. Вообще весь дух народа направлен к одной цели — к освобождению, а между тем во всех концах России есть праздные люди, которые разжигают эту идею, и в последние годы преследование раскольников[4] вооружило и их против правительства так, что их скиты сделались центром этого зла. Там наиболее пророчеств и толков, основанных на Священном писании. Вообще крепостное состояние есть пороховой погреб под государством и тем опаснее, что войско составлено из крестьян же и что ныне составилась огромная масса беспоместных дворян и чиновников, которые, будучи воспалены честолюбием и не имея ничего терять, рады всякому расстройству. Благоустройство удельных крестьян[5] и оказываемая им защита сильно подействовали на возбуждение еще большего омерзения к крепостному состоянию. В этом отношении обращают на себя внимание солдаты, уволенные в бессрочный отпуск. Из них хорошие остаются в столицах и городах, а по деревням расходятся люди большею частию ленивые или дурного поведения. Потеряв привычку к крестьянским трудам, не имея собственности, чуждые на родине, они возбуждают ненависть противу помещиков своими рассказами о Польше, Остзейских губерниях и вообще могут вредно действовать на ум народа. Хорошие из бессрочноотпускных[6] не могут противодействовать вредному влиянию, потому что льстящее страстям мнение принимается охотно.

Мнение людей здравомыслящих таково: не объявляя свободы крестьянам, которая могла бы от внезапности произвести беспорядки, можно бы начать действовать в этом духе. Теперь крепостные люди не почитаются даже членами государства и даже не присягают на верность государю. Они состоят вне закона, ибо помещик может без суда ссылать их в Сибирь. Можно было бы начать тем, чтобы утвердить законом все существующее уже на деле (de facto) в хорошо устроенных поместьях. Это не было бы новостью. Так, например, можно было бы учредить волостные управления, сдачу в рекруты по жребию или по общему суду старшин волости, а не по прихоти помещика. Можно было бы определить меру наказания за вины и подвергнуть крепостных людей покровительству общих законов; а что всего важнее — разделив Россию на полосы, по качеству почвы, климату и промышленному положению края,— определить число рабочих дней на господина по мере занимаемой крестьянином земли и определить по той же мере оброк.

Начать когда-нибудь и с чего-нибудь надобно, и лучше начать постепенно, осторожно, нежели дожидаться, пока начнется снизу, от народа. Тогда только будет мера спасительна, когда будет

предпринята самим правительством, тихо, без шуму, без громких слов, и будет соблюдена благоразумная постепенность. Но что это необходимо и что крестьянское сословие есть пороховая мина — в этом все согласны. ⟨...⟩

ЗАПИСКА, ПРЕДСТАВЛЕННАЯ В КОНЦЕ 1857 Г. ИЛИ НАЧАЛЕ 1858 Г. ЧЛЕНУ СЕКРЕТНОГО КОМИТЕТА ПО КРЕСТЬЯНСКОМУ ДЕЛУ М. Н. МУРАВЬЕВУ, О ХАРАКТЕРЕ ВОЛНЕНИЙ КРЕСТЬЯН ПОМЕЩИКА ФЕДОРОВА И ПОМЕЩИЦЫ КИРЕЕВОЙ В 1852—1853 ГГ.

В 1852 г. [в] Нижегородской губ. Ардатовского у. проявилось неповиновение между крестьянами гг. Федорова и Киреевой, основанное на слухах о том, что будто бы класс крепостного состояния должен быть отпущен на волю со всей землей и прочими угодьями, принадлежащими помещикам, на том основании, что в древние времена все крестьяне были казенными, но переходили во владение помещиков постепенно: иные жалованы государями, а другие взяты в крепость в древности насильственным образом. Еще во времена царя Иоанна Грозного они безвозмездно пользовались угодьями, лесами и землями. В вознаграждение же за отобрание вотчин дворяне будут получать для своего содержания ежегодное жалованье.

⟨...⟩ Потом было приступлено к дознанию, какие понятия имеют крестьяне о свободе, к чему скоро представился случай в то время, когда было поручено предводителю привести в порядок бунтовавших крестьян, которые и были спрошены, почему они не платят подушных и отказываются нести земские повинности,— иные сослались на бедность, а другие объявили, что они платить не обязаны оттого, что получили свободу особенным указом, скрываемым губернским начальством. В опровержение им было сказано, что казенные и удельные крестьяне, которых они почитают свободными, несут денежные повинности, но они отвечали, что не почитают их вольными, а принадлежащими государю — какие же они вольные, когда от них требуют разных платежей?

На спрос, почему они выходят из повиновения начальства земской полиции, отвечали, что теперь имеют уже собственное управление обществом на мирских сходках; к правительству доверия не имеют, и оно не вправе более до них касаться; начальство не смеет и не вправе наказать их товарищей, заключенных в тюремном замке уже несколько лет, и если бы крестьяне не были свободными, тогда давно бы их наказали; представляли в пример крестьян с. Абрамова, тоже отказавшихся платить казенные повинности.

⟨...⟩ По исследовании о беспорядках в дер. Голяткине оказалось, что крестьяне стали отвергать всякое право собственности, утверждая, что богатые не вправе одни владеть капиталами, а обязаны делиться с бедными, и коль скоро свобода уравнивает всех лично, то и состояния с правом собственности также должны быть уравняемы.

Из всего этого само собою выводится заключение, что, получив превратные о свободе понятия, они полагают ее безусловною, совершенно неограниченною в уничтожении правительственных мер, заменяемых общественным крестьянским управлением. Опасное брожение черни проявляется не от потребности свободы, благоразумно ограниченной, но есть лишь безрассудное увлечение на удовлетворение грубых страстей; нельзя ручаться за спокойствие черни — они удерживаются одним лишь страхом. Эта мера не только не действительна, но совершенно ненадежна или надежна только до времени. Самое вредное понятие народа о свободе состоит в том, что чернь полагает себя вправе беспрепятственно действовать по своей воле безнаказанно. Она не полагает границ свободе; всякая сильная душевная страсть, лень, нерадение суть в их понятиях проявление свободы; равно пороки, пьянство, буйство, неистовство, своевольство суть лишь одно похвальное удальство, не заслуживающее наказания ⟨..⟩

Ныне, начиная от гор. Владимира, во Владимирской, Нижегородской, Костромской, частью Казанской и Вятской губерниях повсеместно господствует идея о свободе в том виде, как она здесь изложена; после военных экзекуций, употребленных в губернии Нижегородской[1], нигде уже не оказывается между крепостными явных беспорядков, но они приняли в настоящее время лишь выжидательное положение, которое ни в коем случае долго продолжаться не может.

Понятия черни о свободе можно изложить вкратце следующими словами:

1) Государственное управление заменяется общественным крестьянским управлением на мирских сходках, которыми будут обсуживаться преступления и дела гражданские.

2) Коль скоро крепостной получит свободу, то не обязан платить подушных и нести земской и рекрутской повинности.

3) Денежные имущества, т. е. капиталы, должны быть уравниваемы между бедными и богатыми крестьянами.

3) Землями владеет чернь, а не помещики.

РАЗДЕЛ II ПОДГОТОВКА КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ В РОССИИ

М. П. ПОГОДИН О ПОЛОЖЕНИИ РОССИИ В КОНЦЕ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

ИЗ ПИСЬМА 18 ОКТЯБРЯ 1854 Г.

⟨...⟩ Власть нужна и священна, но злоупотреблениями своими власть ослабляется гораздо больше, нежели свободными суждениями об ее действиях. Злоупотребления не скроешь от тех, кого они касаются. Увидя их, например, на сцене, страдающие разве увидят что-нибудь для них новое? Нет, указание злоупотреблений может послужить пособием власти, которая, принимая оное к сведению, подвергая гласности, сложит тем с себя часть вины, докажет свою благонамеренность и вместе твердость. А без гласности, разумеется, в пределах благоразумной осторожности, всякая ложь, неправда, обман получают право гражданства в государстве, чему пример и доказательство мы видим в наших официальных отчетах, по которым Россия благоденствует, Россия на деле алчущая, жаждущая, тоскующая, не знающая, что делать со своими силами, расточающая блудно Божии дары.

Невежи славят ее тишину, но эта тишина — кладбища гниющего и смердящего физически и нравственно. Нет! О такой тишине невыгодно отзовется беспристрастная история! Рабы славят ее порядок. Нет! Такой порядок поведет ее не к счастью, не к славе, а в пропасть!

Государь, очарованный блестящими отчетами, не имеет верного понятия о настоящем положении России. Став на высоту недосягаемую, он не имеет средств ничего слышать: никакая правда до него достигнуть не смеет, да и не может; все пути выражения мыслей закрыты, нет ни гласности, ни общественного мнения, ни протеста, ни контроля.

В каком положении находится он, в таком и все его министры, все начальники, из которых каждый представляет собою в своем ведомстве самодержавного государя и также не имеет никакой возможности узнать правды о своей власти; никто ему не скажет ее, и никто не смеет указать, боясь попасть на замечание, возбудить подозрение. Всякий думает только о снискании благосклонности начальника предусмотрением его мыслей и желаний, предугаданием его намерений. Одуренному беспрерывным каждением лести, развращенному мнимыми успехами, в лентах

и звездах, ему естественно уже счесть себя гением, непогрешительным, подобно далай-ламе[1]. Всякое затмение он вскоре уже считает личным для себя оскорблением, неуважением власти, злоумышлением либерализма. Кто не хвалит его, тот беспокойный человек. Не давать ему ходу. А бездарностям, подлостям, посредственностям то и на руку: как мухи на мед налетают они в наши канцелярии, а еще охотнее в комитеты, где скорее, без всякого труда, награждаются за отличие. Все они составляют одну круговую поруку, дружеское, тайное, масонское общество, чуют всякого мыслящего человека, для них противного, и, поддерживая себя взаимно, поддерживают и всю систему тьмы, зла и разврата в личине подчиненности и законного порядка.

А между тем дела становятся час от часу мудренее; отношения сложнее; умнейших людей старого, даже недавно прошедшего времени недостает для новых обстоятельств... а мы хотим пробавляться не только старыми людьми, но и старыми формами, которые обветшали даже просто от времени, и точно как изнашивается платье, сначала прекрасное, щегольское, дорогое, а под конец повислое в лохмотьях.

О народе, который трудится, проливает кровь, несет все тягости, страдает и между тем дышит любовию, самою чистою преданностию к царю и отечеству, ни у кого и мысли нет. Народ как будто не существует нравственно, известный только по ведомостям казенной палаты!

Таково ужасное состояние России! Я рассматривал его только с некоторых сторон, а что было бы, если бы обозреть все: судопроизводство, жизнь духовенства, дворянское воспитание, столичную роскошь, взяточничество под всеми видами, проникнувшее до самого престола?

Страшная представилась бы картина! Лукавии рабы и невернии, что сделали мы с своими десятью, с своими десять раз десятью талантами[2]⟨...⟩

К вам обращу я речь свою, милостивые государи, глубокомысленные наши политики, тайные и действительные, тайные и явные советники и кавалеры, прошу выслушать:

Мирабо[3] для нас не страшен, но для нас страшен Емелька Пугачев, Ледрю Роллен[4] со всеми коммунистами не найдут у нас себе приверженцев, а перед Никитой Пустосвятом[5] разинет рот любая деревня. На сторону к Маццини[6] не перешатнется никто, а Стенька Разин лишь кликни клич! Вот где кроется наша революция, вот откуда грозят нам опасности, вот с которой стороны стена наша представляет проломы,— перестаньте же возиться около западной, почти совершенно твердой, и принимайтесь чинить восточную, которая почти без присмотра валится и грозит падением!

Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный, сказал Пушкин, которого государственные способности

не умели оценить близорукие и тупые современники, думавшие, что он только стишки писать да шутить умеет.

Казенный крестьянин живет у нас так, удельный иначе, помещики же управляют по-своему крепостными крестьянами, всякий молодец и немолодец на свой образец. Добрым людям до сих пор не приходит еще в голову спросить: да отчего же нам всем неровная жизнь? А может быть, им в самом деле всем ровная жизнь: всем худо! Помещичье спасение в дурном управлении государственных имуществ, которое, впрочем, одно, в пополнение наших противоречий, заботится об освобождении крепостных крестьян, чтоб перевести их из огня да в полымя! Но улучшись жизнь казенного крестьянина — будьте уверены, что этот вопрос в самой нелепой, может быть, форме представится какому-нибудь бессрочноотпускному Оконелю[7], и заварится каша крутая. Да и теперь не убивают ли ежегодно до тридцати помещиков — искупительные жертвы за право тиранства остальных? Ведь это все местные революции, которым недостает только связи, чтоб получить значение особого рода! Они усмиряются порознь, но несчастные крестьяне, которые, выведенные из терпения, берут нож в руки и подвергаются за то кнуту и каторжной работе в сибирских рудниках, неужели не заслуживают лучшей участи? Ведь это те же самые люди, что теперь священнодействуют в Севастополе с таким мужеством, с таким самоотвержением и спасают не только русскую честь, но даже наше значение, нашу будущность!

Мы говорили о великой России, а в каком положении находится западная граница? В Белоруссии крестьяне томятся в нищете и всю свою жизнь только и борются с голодом и холодом: ребятишки, прыгая на станциях около коляски путешественника, кричат: завтра воскресенье, с солью ядуць. ⟨...⟩

⟨...⟩ Беспрестанно встречаются такие обстоятельства, кои приводят правительство в затруднение или фальшивое положение и заставляют принимать меры бесчеловечные. Например, несколько тысяч крестьян, чтобы избавиться от помещиков, вызвались недавно в Киевской губернии идти в казаки, чтоб умереть за отечество, и были разогнаны пушками, преданы военному суду и сосланы за великодушный вызов на поселение. ⟨...⟩

Сколько горючего вещества по всей западной границе, с которой в соседстве Малороссия! Когда-нибудь терпению будет конец, попадет одна несчастная искра, и все вспыхнет! Вспомните Колиивщину[8], вспомните последние ужасы в Галиции![9] А история военных поселений! Не надо забывать, что теперь могут явиться люди подученные, подготовленные за границею для произведения всяких замешательств. ⟨...⟩

Обнаруживаются иногда намерения и благие, например, в особом управлении для казенных крестьян, в постановлении об обязанных крестьянах, инвентари[10], но это только порывы, беглые мысли, случайности, которые приносят больше вреда, чем пользы,

представляясь второпях, из частных видов, недозрелые, недопеченные, необдуманные, не обсужденные со всех сторон, а главное, не подверженные критике, о которой в правительстве у нас помину еще менее, чем в литературе. Они составляют обыкновенно предмет личных распрей, в коих первоначальная цель и общее дело вскоре упускаются из виду и пропадают.

⟨...⟩ Таковы наши внутренние язвы, которые, повторяю, могут быть разбережены и при помощи общего расстройства, произведенного ложною системою, соединиться с внешнею грозою на пагубу России.

Враги, надо отдать им честь, выбрали самое благоприятное для себя время, чтобы нагрянуть на Россию, не допустить ее до постижения своих преимуществ и благого употребления удивительных своих сил, чтоб остановить ее на пути ее побед и величия, оттолкнуть назад, как говорят они, на двести лет и лишить надежды на перемену к лучшему: ум притуплен, воля ослабела, дух упал, невежество распространилось, подлость взяла везде верх, слово закоснело, мысль остановилась, люди обмелели, страсти самые низкие выступили наружу, и жалкая посредственность, пошлость, бездарность взяла в свои руки по всем ведомствам бразды управления. Священный союз между царем и народом потрясен!

Тяжкое время, но жив Бог русский! На него надеемся и не постыдимся. Силен он укрепить ослабелое и поднять ниспадшее! Добро не угасло на святой Руси. Там, в глуши, в захолустьях, в пещерах, в пустынях мерцают святые искры. Да и в нас, развращенных, на дне наших душ, они еще не погасли, они могут возгореться! ⟨...⟩

Опасности вызовут их наружу, и святой огонь загорится, и благодатный свет просияет и озарит тьму, и просветимся и увидим!

Покаяние, терпение, вера, надежда, любовь!

Законов вдруг не сочинишь, людей вдруг не отыщешь, злоупотреблений не уничтожишь, пороков не искоренишь, с привычками вдруг не расстанешься: на все нужно время! Опрометчивая ломка причинит еще больше вреда! Сначала довольно встать на новую точку, посмотреть на вещи с другой стороны и объяснить себе цель.

А лекарство на первый случай, легкое, удобное и безопасное, общее, специальное для облегчения, если не для исцеления всех болезней, естественных и искусственных, своих и наносных, для борьбы с внешними врагами, войною и нейтралитетом[11], для борьбы с внутренними врагами, которые для нас гораздо опаснее и вреднее, есть гласность, то есть то лекарство, которое под угрозою казни запрещала нам западная наша политика.

Посредством гласности будут вразумляться начальники, посредством гласности будет приобретать со всех сторон лучшие и вернейшие сведения правительство, посредством гласности

будут делаться известные способнейшие люди, казниться злоупотребление, посредством гласности возродится и утвердится общественное мнение!

Второе общее лекарство, или лучше другое первое,— образование. Образование основательное, пространное, прикладное, деловое, благочестивое: проведенное желобами по всем удолиям общества, даже до последних земли, в глубочайшие рудники каторжной работы, без всяких исключений, ограничений, стеснений по званиям, а по одному святому правилу «душа — мера», кто сколько по своим силам и желаниям получить его может. Такое образование, проникая во все должности, воздействует благотворнее всяких узаконений, будет постепенно исправлять зло и сеять добро.

Один образованный, усердный, деятельный начальник — и целая часть, вверенная его попечению, при системах гласности устроенная, помогает прочим примером, порядком и подготовлением чиновников! Один губернатор с такими видами — и пятидесятая часть России благоденствует, а другой, третий — и все люди не узнают себя, те же, да и не те станут в таком общем движении. ⟨...⟩

ИЗ ПИСЬМА АЛЕКСАНДРУ II ОТ 3 ЯНВАРЯ 1856 Г.

⟨...⟩ Свобода! Вот слово, которое должно раздаться на высоте самодержавного русского престола! Вот слово, которое соберет под знамя русского царя всю усталую и расстроенную Европу. Числа управляют миром, говорил Платон[12]. Слова господствуют над нашим временем, и во главе этих могущественных, очаровательных слов звучит вожделенное — свобода! На Западе оно износилось, обветшало, опошлело, осквернилось богохульными устами кровожадного разврата и остервенившегося голода. Везде потеряло оно свой смысл: в Германии стало отвлеченностию, во Франции шуткою, в Англии юродством. У нас, доселе неслышное и только теперь провозглашенное торжественно неограниченною властию, найдет оно отголосок во всей Европе, возбуждая сочувствия, и взыграет надежда радостями во всяком благородном сердце! ⟨...⟩

Как бы желал я растолковать нашим государственным людям, что эта свобода не уменьшит нисколько силы правительства, а увеличит, укрепит и утвердит ее; зато она не может причинить никакого вреда, а доставит многообразную пользу; не подвергнет нас никаким новым опасностям, а отвратит многие старые. ⟨...⟩

Слово должно сопровождаться делом для убеждения Европы в искренности и действительности нового решения.

Дайте полякам конституцию, то есть позвольте им сочинить себе конституцию, которую они уже имели и которую, верно, будут сочинять несколько лет.

Провозгласите амнистию всем полякам[13], которые принесут к вам капиталы, знания, способности, опыты и лишат французские, английские и турецкие войска значительной помощи.

Простите наших политических преступников[14], которые, верно, возвратятся тихими агнцами и провозвестниками порядка и спокойствия.

Объявите твердое намерение освободить постепенно крестьян, определяя ежегодно известную сумму из государственных доходов для выкупа их по жребию или в награду за хорошее поведение, по верным свидетельствам мира, которое успокоит крестьян надолго, возбудит деятельность, даст силы для терпения, утешит поднятые без толку толки, а исполниться оно может в неопределенное время, без малейшего ущерба дворянству, по полюбовным соглашениям.

Дайте право приобретать землю кому угодно, с обязанными крестьянами[15], что вдруг освободит их множество.

Облегчите цензуру под заглавием любезной для Европы свободы книгопечатания, которая, без всякого ущерба власти, обогатит вас нужными сведениями, наделит разнообразными советами, доставит полезные предлоги для будущих внешних отношений и приведет в движение русский ум, упавший почти до точки замерзания. Вот вам содержание всемилостивейшего манифеста, еще небывалого в летописях русской истории, который одушевит Россию и выиграет генеральное сражение в Европе, не обнажив шпаги, одним почерком пера.

Касательно внешних отношений объявите систему невмешательства: пусть все народы идут свободно, кто как желает, к своим целям. Покайтесь в ваших ошибках пред всеми, что примирит вас с Венгрией, Италией[16] и всею левою стороною Европы.

Пригласите все правительства покровительствовать национальностям, и вы тем самым докажете бескорыстие вашей новой политики и приобретете благодарность и любовь национальностей, которые будут видеть в вас нравственных покровителей и, опираясь на вас, будут предъявлять свои права. ⟨...⟩

ПИСЬМО ОТ 16 МАЯ 1856 Г. («ПОТРЕБНОСТИ МИНУТЫ»)

Отечество в затруднительных обстоятельствах, если еще не в опасных: союзников благонадежных мы не имеем; друзья нас выдали, враги напирают со всех сторон; все внутренние дела давно уже пришли в страшный беспорядок. Не видать никакого порядочного выхода. Европа выслала против нас сто тысяч, и мы, имея под ружьем полтора миллиона героев, не можем управиться с ними в продолжение двух лет и уступаем везде в количестве; не можем выжить их даже из своих пределов, несмотря на помощь болезней, бурь и их ошибок. Припасы наши истощаются понапрасну, беспрестанные наборы ослабляют население, опустошают землю, торговля остановилась, золото сибирское расточа-

ется дурно, а что всего хуже, правда вышла из общего употребления как ненужная ассигнация и заменилась везде всепроникнувшею ложью, которая со всякою минутою покрывает тьмою глаза правительства гуще и гуще.

Какое заключение с первого взгляда выведет посторонний наблюдатель, обозревая настоящее положение? Старые формы распоряжений, отношений, назначений, отчетов, всего делопроизводства обветшали, оказываются недостаточными, и в новых обстоятельствах должны быть приискиваемы новые средства спасения. Платье износилось, если и было сначала хорошо и красиво: нельзя ходить в лохмотьях, хоть и парчовых, бархатных, атласных.

К числу таких новых средств осмеливаюсь напомнить на одно самое старое — Земскую: пусть велит государь прислать к нему «из небольших, средних и мелких людей, добрых и умных людей, с кем о земском деле говорити»,— и все русские люди авось подымут поникнувшую свою голову, разверзнут уста, прильнувшие к гортани, посоветуются между собою искренно и любовно и представят царю, по древнему обычаю, откровенные мнения о всех современных вопросах, внешних и внутренних, а царь решай, как Бог ему на сердце положит. Не может быть, чтобы из семидесяти миллионов народа, столько даровитого, не нашлось на всякое дело по нескольку умных советников и добросовестных исполнителей. Нашелся же в 1612 году генерал-интендант для действующей армии, нижегородский мещанин Козьма Минин, который управлял своим делом лучше всякого нынешнего Комиссариатского департамента. Нашелся же в осажденном городе капитан Тотлебен[17], который сумел защитить до сих пор город землею от всех вновь изобретенных бомб, картечи и пуль со стороны, оставленной без внимания многими полными генералами.

Верно, найдутся в общем совете и по мирскому приговору новые, способные главнокомандующие, генералы и офицеры, и в гласе народном послышится глас Божий.

Верно, найдутся также разные облегчительные меры для продовольствия и снабжения войск всеми нужными вещами; укажутся новые источники доходов, откроются средства для содействия обращению денег.

Мы все теперь упали духом, ослабели, опошлели, притупели, испортились, отвыкли от участия в общем деле — и лжем без всякого милосердия! Когда новый царь, встреченный с такою любовью, произнесет великое слово и призовет к жизни русский народ, он, верно, возродится, встанет как один человек, стряхнет с себя оковы всех пороков, наследственных и благоприобретенных, будет готов на все пожертвования и оставит всякие мелочные расчеты.

Мы представляем теперь труп, вспрыснутый уже мертвою водою; нас надо вспрыснуть живою водою,— и Европа удивится, может быть, русской силе.

Невежи, злоумышленники, подлецы будут пугать правительство Французской революцией, которая произошла из Assemblée Nationale*,— нелепые опасения! Революция во Франции возникла из семян, брошенных историей еще в начале государства, которых у нас не было, а потому не может быть и их несчастного плода.

Мы соберемся в Думу с любовию, в духе преданности к государю, не питая ни к кому ни злобы, ни ненависти, желая от души пособить правительству в его мудреном и трудном положении нашим словом и делом, как до сих пор были с ним заодно своим помышлением. Народ во Франции требовал почти насильно собрания, а у нас едва ли есть десять человек, которым приходит в голову Земская дума как средство, могущее вывести нас сколько-нибудь из трудного положения. Я сам, пишучи эти строки, предлагаю такую меру как частное, личное мнение и отнюдь не приписываю ей исключительной необходимости. Пусть придумают другую меру, если не нравится эта, например: позволение, хоть на известный срок, выражать всякому печатно свое мнение о внутреннем и внешнем положении государства и о средствах для содействия общему благу. Не понравится и эта мера, пусть правительство постарается всеми зависящими от него средствами узнать способных, честных и деятельных людей по всем сословиям и всем ведомствам, коих оно могло бы употребить по усмотрению, ибо все, все и все зависит от выбора людей. Найдите средство так или иначе угадать их, и все пойдет хорошо. Только не останавливайтесь в старых колеях, с прежнею системою. Прежняя система отжила свой век. Сам Бог, взяв с поприща действий покойного государя, показал нам, что для России теперь нужна другая система. Если бы достаточно было прежней, то Он оставил бы покойника управлять так, как он управлял уже тридцать лет. Предав управление в другие руки, Он сам явил очевидно свою волю. Нам остается внять высшему глаголу и исполнить высшее повеление, ясно выраженное, чтоб не велел Он ввергнуть неключимых рабов[18] в тьму кромешную: тут будет плач и скрежет зубовный!

ИЗ «ЗАПИСКИ» А. И. ЛЕВШИНА «ДОСТОПАМЯТНЫЕ МИНУТЫ В МОЕЙ ЖИЗНИ»

<...>В апреле 1856 года государь император поехал в Москву и при представлении предводителей тамошнего дворянства сказал им краткую речь следующего содержания**: «Слухи носятся, что я хочу объявить (в некоторых списках «сделать») освобождение

---

* Национальная ассамблея *(фр.)*.

** Речь эта была в тот же день записана предводителями, но тем не менее в публике ходили по рукам два экземпляра, один исправленный, другой в сыром виде, то есть как государь говорил, без приготовления; в этом виде я передаю слова его со списка, подписанного предводителями.

крепостного состояния. Это несправедливо, а от этого было несколько случаев неповиновения крестьян помещикам. Вы можете сказать это всем направо и налево. Я говорил то же самое предводителям, бывшим у меня в Петербурге. Я не скажу вам, чтобы я был совершенно против этого; мы живем в таком веке, что со временем это должно случиться. Я думаю, что и вы одного мнения со мною; следовательно, гораздо лучше, чтобы это произошло свыше, нежели «снизу».

Приключение это было вовсе неожиданно, тем более что в последние годы царствования Николая I-го при введении инвентарей в западных губерниях[1] нынешний император, тогдашний наследник, защищал права дворян, а потому московская новость разнеслась по Петербургу с быстротою необыкновенною, хотя все передавали ее друг другу шепотом. Самая мысль об освобождении крестьян считалась тайною. Несмотря на то что в минувшее царствование начинали заниматься этим предметом, но все комитеты, рассуждавшие о том и подготовлявшие работы, были секретные. Тайна была нужна и страшна потому, что боялись преждевременного открытия ее миллионам крепостных людей. К тому же в понятиях наибольшей части пожилых людей, не исключая многих членов высшего правительства, освобождение крестьян должно было неминуемо породить беспорядки, кровопролитие и требование политической свободы или конституции. После этого легко себе представить, что речь государя московским предводителям была громовым ударом для большинства публики и светлым лучом надежды для немногих. 〈...〉

Я был тогда товарищем министра внутренних дел. В должность эту я вступил только в январе 1856 г., следовательно, в апреле не мог еще положительно знать идей министра Ланского[2] по предметам, не входившим в круг обыкновенного управления, тем более что до назначения моего в эту должность я не был знаком с Ланским и не знаю до сих пор, по какому поводу он предложил мне быть его помощником, а потому, прочитав речь московскую[3], я спросил его очень осторожно, читал ли он ее и что об ней думает? Министр, слывший некогда (во времена Александра I-го) либералом[4], отвечал мне: «Читал и весьма сожалею, что речь эта была сказана». Я возразил, что не совсем так думаю, потому что последние слова государя составляют истину, которой отвергать нельзя. На этом разговор наш прекратился. Для первого раза я не хотел вдруг более высказываться; но несколько дней спустя я предложил министру спросить государя, точно ли он то говорил в Москве, что написано и по рукам ходит. Министр послушал моего совета, и император отвечал ему с некоторым нетерпением: «Да, говорил точно то и не сожалею о том». Нетерпение или неудовлетворение в ответе объясняется тем, что вопрос Ланского был не первый и что царю надоело отвечать. Сведение это было для меня важно, потому что я желал действовать или приступить к разработке пущенной в ход

идеи и для того должен был официальным путем удостовериться в точности слухов и рассказов. Когда министр передал мне результат своих переговоров, я счет должным сделать еще шаг вперед и сказал ему: «Вы видите, что государь говорил об освобождении не без намерения и что вам следует слова его принять в соображение и к руководству, дабы им действовать по вашему министерству».

Ответа я не получил и не добивался его.

Здесь следует войти в рассмотрение, отчего Александр II-й, бывший при отце защитником старинных дворянских прав, вдруг заявил себя довольно торжественно освободителем крестьян. Многие думают, что Николай на смертном одре взял с него клятву заняться этим великим делом, в котором сам он имел несколько неудач, несмотря на свою железную волю. Последующие обстоятельства и настойчивость, с которою Александр II-й двигает это дело теперь и которой публика по мягкости его характера вовсе не ожидала, заставляют думать, что тут есть какая-нибудь внешняя действующая причина, и дает правдоподобие предположению о клятве или слове, данном сыном умирающему родителю. ⟨...⟩

Между тем все готовилось к коронации и к отъезду для того в Москву. Мне предстояло управлять текущими делами в Петербурге, и когда министр объявил мне о том, то я, не ослепляясь призраком значения, которое, впрочем, нисколько не давало мне власти действовать, отвечал ему, что гораздо полезнее было бы мне ехать в Москву для того, чтобы во время коронации говорить с предводителями об освобождении крестьян, узнать подробнее мнения их о том и подготовить их хотя слегка к движению. Действительно, случай, имевшийся в виду, был необыкновенно благоприятен для достижения такой цели. Созывать представителей дворянства в Петербург для одних только предварительных разговоров было преждевременно, неполитично и даже опасно, тем более что правительство хотя и определяло цель, но не знало, какими путями пойдет к ней; в эту минуту надо было учиться, выведывать, а не учить или наставлять кого-либо. В Москве же можно было говорить с предводителями мимоходом, без всякой официальности, на праздниках, балах и других собраниях, которые ежедневно должны были повторяться. Ланской согласился с моими предположениями, довел их до сведения государя и получил его соизволение. Вследствие того я прервал кабинетную работу мою и отпросился в месячный отпуск в свои деревни, из которых воротился в Москву к 15 августа.

Тотчас по прибытии моем начались у меня давно задуманные разговоры с приехавшими предводителями дворянства и с некоторыми начальниками губерний. Министр принимал их, предварял о наших намерениях и потом передавал их мне для подробных совещаний. Рассчитывая на это заранее, я поместился в одном доме с ним, хотя семейство мое было в Москве и жило на особой квартире.

Большая часть представителей поземельных владельцев вовсе не была готова двинуться в новый путь, никогда не обсуждала крепостного состояния с точки освобождения и потому при первом намеке о том изъявляла удивление, а иногда непритворный страх. Очевидно, что такие беседы, хотя многократно повторенные, не подвинули меня далеко вперед. Только предводители и некоторые дворяне западных губерний, а особенно Ковенской, Гродненской и частью Виленской, смело вступили со мною в разговор о том, чего все прочие боялись. Это не удивило меня; я и прежде знал по делам Министерства внутренних дел, что помещики помянутых трех губерний, живя в соседстве с свободными земледельцами чужих государств и наших остзейских губерний, не боятся освобождения и даже готовы идти ему навстречу*. Вследствие этого начались у нас совещания с прибывшим в Москву генерал-губернатором тех губерний генералом Назимовым[5], и мы на словах решили, что он будет первым деятелем на новом поприще, что, пользуясь неразрешением вопросов и представлений об изменении инвентарных положений в крае, ему вверенном[6], министерство поручит ему собрать предводителей и объявить им, чтобы они указали необходимые улучшения в устройстве крестьян, не стесняясь прежними постановлениями и инструкциями. Этим путем надеялись привести дворянство трех западных губерний к тому, что оно сделает первый шаг и первое произнесет слово «освобождение». Проект, таким образом начертанный, был словесно доложен государю и предварительно одобрен им; но как все это делалось посреди празднеств, и я боялся писать и докладывать такие важные дела под звуками бальной музыки или неумолкавших народных криков «ура!», то положено было исполнительные бумаги написать в Петербурге после некоторых справок в архиве Министерства внутренних дел.

Как сказано, так и сделано. 26-го октября был представлен доклад ⟨...⟩. Доклад высочайше утверждён в тот же день (26-го октября 1856 г.), а 3 ноября копия с него послана генерал-губернатору Назимову[7]. ⟨...⟩

Бумаги эти должно считать первым решительным шагом на новом пути к неизвестной, но необходимой будущности. ⟨...⟩

В то же время великая княгиня Елена Павловна[8] представила государю записку, в которой, излагая готовность свою приступить к освобождению крестьян, ей принадлежащих, в Полтавской губернии[9], просила: во-1-х, указать общие начала, на которых могут помещики приступить к такому преобразованию, во-2-х, дозволить ей войти по сему предмету в совещание с теми из полтавских дворян, которые убеждены в необходимости заняться освобождением своих крестьян.

Записка эта была мною внимательно прочитана, и заключения

* Но последствия показали, что они имели в виду только освобождение крестьян без земли, подобно остзейским помещикам.

по ней представлены государю.<...> Она поднесена государю министром 20-го декабря при докладе, в котором выражена необходимость составить особый комитет или комиссию для рассмотрения всех сторон великого дела освобождения.<...> В конце доклада я приготовлял себе многотрудную, но полезную роль посредника между комитетами высшим и низшим и правителя дел сего последнего, но не считал приличным назвать себя. Мне казалось, что государь или Ланской сами должны были найти нужным меня назначить. В предположении моем я ошибся только в отношении к себе, но основательность главной мысли моей подтверждена впоследствии опытом и исполнена назначением из членов Главного комитета генерала Ростовцева[10] президентом Редакционных комиссий. Что касается до предложения об открытии особого комитета по освобождению крестьян, то оно встретилось с мыслию государя, по которой комитет в последних числах декабря или первых января и открыт.

Президентом его назначен князь Орлов, председатель Государственного совета, Комитета министров и всех высших комитетов, а правителем дел Бутков, государственный секретарь и неизбежный помощник князя Орлова во всех председательствуемых им учреждениях.

В члены избраны:

граф Блудов, главноуправляющий законодательным отделением Собственной его императорского величества канцелярии, член Государственного совета, член Комитета министров, президент Академии наук, президент комитета приютов и проч.,

граф Адлерберг, министр двора и проч.,

князь Гагарин, член Государственного совета,

Ланской, министр внутренних дел,

князь Долгоруков, шеф жандармов,

генерал Муравьев, министр государственных имуществ, министр уделов, управляющий Межевым корпусом, состоящий в трех министерствах и проч.,

Чевкин, главноуправляющий путями сообщений,

барон Корф, член Государственного совета, впоследствии добровольно удалившийся и замененный графом Паниным, министром юстиции,

генерал Ростовцев,

министр финансов Брок[11].

С открытием комитета (хотя вначале секретного) вопрос об освобождении сделал я предметом общих разговоров и толкований в публике; тогда посыпались с разных сторон проекты.<...>

Начало действий Главного комитета по крестьянскому делу совпадает с началом 1857 года, но первая половина его прошла без важных последствий. Некоторые из членов, и в том числе президент, делу вовсе не сочувствовали, но имели в виду, как бы помешать или затруднить его, не сознаваясь в том перед государем; другие принесли комитету жаркое убеждение о необхо-

димости принести предел крепостному праву, но не знали, как за это взяться; некоторые из них откровенно сознавались в незнании предмета и просили уволить их. Сюда принадлежали Ростовцев и Корф. Последний из них и был спустя несколько времени уволен[12], но первому суждено было против воли сделаться главным деятелем и положить живот в этом труде. Производитель дел комитета, как уже сказано, не только не сочувствовал великому предприятию, но с сущностию вопроса вовсе не был знаком, а приобрести нужную для того опытность канцелярскими справками было невозможно. Вообще состав комитета был весьма неудачный, и потому немудрено, что он первое полугодие только смотрел на зверя, ему указанного, и ходил около него, не зная, с какой стороны к нему приступить.<...>

Комитет составил наконец план действий своих, исполнение которого, смотря по расположению к делу членов комитета и министров, могло продолжиться на несколько десятков лет и дойти до той эпохи, когда вулкан вспыхнул бы неожиданно и узел не развязался бы сверху, а лопнул снизу.

План этот, несмотря на неудовлетворительность, был принят государем с благодарностью и утвержден им 18 августа 1857 года, в надежде чего-либо лучшего и более положительного в будущем. Изложение этого замечательного акта темно, растянуто, наполнено повторениями и указывает намерение, затянув дело, усыпить государя, при невозможности отвратить его от непреклонной решимости идти к цели.

Вот главнейшие мысли и положения, извлеченные из журнала 18-го августа 1857 года.

После тщательного и подробного обсуждения всех вообще обстоятельств, до настоящего дела относящихся, комитет пришел к положительному убеждению, что ныне невозможно приступить к общему освобождению в России крепостных крестьян; что они вовсе не приготовлены к получению внезапно и вдруг свободы; что общее объявление их свободными расстроит вековые отношения их к помещикам и может поколебать спокойствие и порядок в государстве и проч.

Руководствуясь сими убеждениями, комитет полагал весь порядок действий для освобождения крепостного сословия в России разделить на три периода.

Первый период должен быть приуготовительный. В продолжение оного правительство должно всячески смягчить и облегчить крепостное состояние, открыть помещикам все способы и возможность увольнять крестьян по взаимным с ними соглашениям и собрать все вообще материалы, сведения и данные, необходимые для постановления тех мер, кои должны быть впоследствии приняты к освобождению крепостного сословия.

Второй период должен быть переходный. В это время правительство должно принять меры к освобождению крепостного сословия, но не по взаимному уже соглашению помещиков

и крестьян, а обязательному, только не вдруг, а постепенно, шаг за шагом. В этом периоде крестьяне должны постепенно приобретать личные права людей свободного состояния, оставаясь более или менее крепкими земле.

Наконец, третий период, или последний период, должен быть окончательный, когда крестьяне, получив права личные, будут поставлены в отношениях своих к помещикам как люди совершенно свободные.

С первого взгляда на этот план действий нельзя не сказать, что он основателен и изложен по правилам логики, но, вникая в подробности, мы видим, что для исполнения его предназначалось по крайней мере полстолетия и что из членов комитета никто не пережил бы первого периода, а следовательно, о втором и третьем не было и надобности много толковать.<...>

После утверждения журнала 18-го августа многие из участников в составлении его ласкали себя надеждою, что дело уснет; но последствия показали, что государь вовсе не одинаково с ними думал и что по делу предстоял такой скачок, такое сальто-мортале, от которого все государственное управление могло пойти вверх дном.

Выше сказано, что по соглашению министра внутренних дел с генерал-губернатором Виленской, Ковенской и Гродненской губерний с высочайшего соизволения поручено было в ноябре 1856 года чрез посредство инвентарных комитетов тех губерний заняться пересмотром инвентарных правил для управления помещичьими имениями, не стесняясь прежними инструкциями. Вследствие этого генерал-губернатор Назимов в октябре 1857 года представил как отзывы тех комитетов, так и собственное свое по ним мнение. И то и другое было выражено мною в докладе государю.<...>

Доклад этот поднесен государю императору 18-го октября 1857 г. и по высочайшему повелению передан на рассмотрение Секретного комитета.

Отзывы комитетов Ковенского, Гродненского, особенно Виленского, были неопределительны. Можно сказать, что они были уклончивы и выказывали гораздо меньше желания приступить к делу, нежели мы надеялись по многим частным отзывам, изустным и письменным, тамошних помещиков, но я счел долгом моим воспользоваться хотя слабою готовностию их, дабы выйти из бесконечного круга, начертанного Секретным комитетом в журнале 18-го августа, и ускорить действие.

Повторяю слово «ускорить», а не изменить плана, мною прежде начертанного в докладах министра внутренних дел, то есть чтобы комитеты приуготовительные открыть везде, а действия начать только в трех западных губерниях и подвигаться постепенно от запада к востоку.

Дурен или хорош был этот план,— решит время. Может быть, я ошибался от излишней осторожности, но повторяю мою мысль

для того, чтобы с полною откровенностию показать будущему читателю моих записок истинный ход дела.

В то самое время, когда доклад министра внутренних дел от 18-го октября рассматривался в комитете, прибыл в Петербург генерал-адъютант Назимов. Он не привез ничего нового, ничего положительного, но требовал, чтобы ему были даны наставления, как действовать, объясняя, что без точных указаний ему неприлично возвратиться в свои губернии. Секретный комитет рассуждал о требовании этом и, может быть, даже весьма основательно медлил, не чувствуя себя готовым сказать что-либо новое, более определительное после журнала 18-го августа; но государь, почти всякий день встречая генерала Назимова и слыша повторения, что ему не дано еще ответа, пришел в нетерпение и приказал, чтобы в течение осьми дней вопрос был решен. Тогда комитет встрепенулся и впросонках поручил министру внутренних дел вместе с министром государственных имуществ[13] составить в течение трех дней проект рескрипта, в котором указать генералу Назимову, на каких именно основаниях он должен приступить к делу. Поручение это министр Ланской передал мне. Я резко отвечал, что подобный акт не может быть составлен с такою поспешностию, что в нем заключается будущность России, что я не принимаю на свою совесть всех последствий такой опрометчивости, тем более что комитет с 26-го июля до ноября не рассмотрел представленных нами начал, что мне не было дано возможности ни с кем рассуждать об них и что я имел нужду в подкреплении моих убеждений прениями, отзывами людей, понимающих дело.

Начальник мой отвечал мне: «Вы знаете, как дело шло, знаете, что я отменить высочайшего повеления не могу; теперь делайте что следует. В помощь вам будут присланы два чиновника, один из министерства нашего, другой от Министерства государственных имуществ». Вслед за сим он удалился от меня.<...>

На другой день явились ко мне помощники гг. Беклемишев и Лоде и спросили, что им делать. Я отвечал им: «Нам велено написать такой-то рескрипт, но совесть моя препятствует мне взять на себя это дело. Правда, что у меня многое для того приготовлено, кое-что придумано, но я считаю дело не созревшим, потому что оно не было подвергнуто обсуждению, и потому передаю вам мои материалы. Теперь у меня рука не подымается обратить их в форму законодательного документа; потом, может быть, я готов буду вам помогать». Оба лица, данные мне в сотрудники, были люди просвещенные и с предметом знакомы, а потому они доставили мне первую приятную возможность войти в критический разбор моих предположений и, несмотря на мое упорство, постепенно вовлекли меня в общую с ними работу, продолжавшуюся не более 48 часов. Взяв за основание доклад министра внутренних дел от 26-го июля и мысли, мною изложенные в разных других докладах и записках, мы составили не рескрипт, а обзор оснований, на которых он должен быть написан.

Труд этот был представлен на соглашение двум министрам — Ланскому и Муравьеву, каждый из них сделал на него свои замечания, указания, исправления, и после нескольких перемен, за которыми Беклемишев и Лоде скакали по городу как курьеры, оба министра представили за своим подписанием в Главный комитет 6-го ноября 1857 года записку.<...> Записка эта послужила основанием всех рескриптов, генерал-губернаторам, губернаторам данных о мерах к освобождению крестьян; а рескрипты составили основу всего законодательства по сему предмету.<...>

На этих основаниях, большею частию принятых Секретным комитетом, был составлен в нем первый и всем известный рескрипт генерал-губернатору Назимову[14], подписанный государем 20-го ноября, но из предосторожности в него включены только те предметы, которые должны были остаться неизменными и иметь силу закона; все прочие обстоятельства и подробности были отнесены в наставление от имени министра внутренних дел, в конце которого именно сказано, что если губернские комитеты по местным уважениям признают неудобным принять которые-либо из соображений министра, то он просит объяснить причины, препятствующие принятию оных.

Отношение это, которое, разумеется, было поднесено комитетом на высочайшее утверждение, послано секретно 21-го ноября 1857 г. за подписью министра Ланского и моею скрепою[15].<...>

Обе эти бумаги отправлены по секрету, но как полный секрет в таком случае не был ни возможен, ни полезен, то мы с министром полагали известить о новом движении всех губернаторов конфиденциально для собственного их сведения и сообщения изустно тем помещикам и другим лицам, которые обратились бы к ним с вопросами по доходящим до них слухам.

Между тем в комитете уже давно лежало представление наше о том, чтобы разрешить петербургскому дворянству составить предначертание для управления помещичьими имениями сообразно с проектами, составленными в Ямбургском и Петербургском уездах. Эти два уезда сочинили свои предположения не в видах освобождения, но в видах предупреждения слишком решительных мер правительства; тем не менее они составляли улучшение прежнего и могли быть утверждены в виде опыта, пока еще не было избрано нового пути. После рескрипта и наставлений, данных Назимову, комитет, уступая настояниям государя, должен был и Петербургской губернии дать такое же направление, вследствие чего были составлены такой же рескрипт и такое же пояснительное отношение от имени министра внутренних дел петербургскому генерал-губернатору*, но как здесь обстоятельства были менее подготовлены и дворянство вовсе не намекало на освобождение, то сделаны некоторые соответственные изменения в выражениях министерского наставления. Слова «уничтожение

* И тот и другое были посланы 5-го декабря 1857 года.

крепостной зависимости» заменены следующими: «устройство сословия помещичьих крестьян», положение «свободное» названо «окончательным», а освобождение — «улучшением и прочным устройством».

Рассылка по губерниям всех помянутых бумаг не давала права ожидать повсеместного движения дворянства; напротив того, можно было думать, что огромное большинство помещиков, видя в новых намерениях правительства расстройство своего хозяйства, будет ожидать новых и более положительных побуждений; но и тут судьба дала делу толчок совершенно неожиданный, который много ускорил общее движение.

Рескрипты двум генерал-губернаторам, отношения к ним министра и циркуляр его от 24-го ноября были получены в Нижнем Новгороде во время съезда всего дворянства для выборов. Губернатором там был старик Муравьев, либерал времен Александра I-го, бывший в ссылке по делу 14 декабря 1825 г.[16] Сочувствуя воззванию правительства, он уговорил весьма многих дворян сделать патриотическую выходку и написать немедленно государю адрес, которым просить дозволения заняться освобождением крестьян по Нижегородской губернии. Что задумано, то немедленно исполнено, и адрес прислан с нарочным в Петербург, где был принят императором с восторгом, а потому велено немедленно послать Муравьеву такой же рескрипт и отношение министра внутренних дел, какие были посланы Назимову и Игнатьеву. Теперь это уже не составляло труда, ни повода к совещаниям, а потому рескрипт нижегородскому губернатору подписан 24 декабря и послан к нему с его же нарочным.

Несмотря на увлечение, с которым нижегородское дворянство в этом случае отозвалось на общий призыв правительства, последствия показали, что оно действовало бессознательно, что порыв его был более театральный, нежели на рассуждении основанный: получив рескрипт, они прислали сюда благодарить государя двух депутатов, которые объявили, что они находят рескрипт неудобоисполнимым, что они полагали отпустить крестьян без земли и проч.

Несмотря на то, пример нижегородского дворянства так был значителен, что государь после него стал уже с нетерпением ожидать вызова московского дворянства, и так как его долго не было, то под рукою замечено генерал-губернатору Закревскому[17] неприличие этой медлительности для второй столицы. Волею и неволею москвичи отозвались в первой половине января 1858 г., а потому и Закревскому послан такой же рескрипт 16-го января.

О последующих затем вызовах дворянства и ответных рескриптах не будем говорить. Это были уже действия нормальные, более или менее запоздалые, и имели своим источником не энтузиазм, а невозможность какой-либо губернии отстать от других и напоминания, деланные от министерства губернаторам.

Чистосердечного, на убеждении основанного вызова освободить крестьян не было ни в одной губернии; но всеми выше описанными маневрами правительство приобрело возможность сказать торжественно крестьянам помещичьим, что владельцы их сами пожелали дать им свободу. Достижение этой цели не было необходимо, ибо ни один крестьянин, конечно, не поверит тому, кто ему скажет, что помещик увольняет его и устраивает по собственному желанию; но во всяком случае эта форма для начала дела была самая приличная.<...>

К этому следует прибавить еще две причины, задерживавшие помещиков на пути к новому порядку: во-первых, предвидение уменьшения доходов и, следовательно, необходимость в пожертвованиях, во-вторых, неизвестность будущего положения при уверенности, что все старые привычки и вся старая обстановка помещичьего быта должны разрушиться.

<...>Допущение гласности в крестьянском вопросе не могло уже встречать препятствий после обнародования рескриптов. Между тем 8-го января 1858 года и самый Секретный комитет сделался явным и назван Главным комитетом по крестьянскому делу, о чем дан указ Правительствующему Сенату, распубликованный во всех ведомостях. Государь сам себя назначил председателем комитета, а князю Орлову велено председательствовать только в случае его отсутствия. Члены остались все те же, которые выше мною указаны. Граф Панин уже прежде к ним присоединился; в то же время при этом комитете из четырех его членов образована комиссия для предварительного рассмотрения разных проектов. В комиссию вступили: Ланской, граф Панин[18], Муравьев и Ростовцев.

<...>В апреле месяце того же года, то есть когда только открылась в журналах хотя не совсем умеренная, но полезная для дела полемика, Министерство народного просвещения по положению Главного комитета издало два циркуляра против свободы печатания статей о крестьянском вопросе; т.е. после одного шага, сделанного вперед, вдруг делаются два назад[19]. Не лучше ли было идти тихими, но мерными шагами все вперед, как я предлагал?

Последний из двух запретительных циркуляров издан вследствие помещения в «Современнике» статьи профессора Кавелина[20] — статьи вовсе не возмутительной и во многих предметах близко подходящей к смыслу рескриптов, но в ней заранее осуждалось правительство, если оно в окончательном решении некоторых вопросов поступит несогласно с мыслями автора. Преждевременное осуждение это и в выражениях резких было непозволительно, а потому когда цензор Министерства внутренних дел г. Тройницкий[21] прочел эту статью, то не решился пропустить ее и принес ко мне как товарищу министра на разрешение, а я не усумнился отказать в позволении ее напечатать вполне. Статья была без подписи; входить в торг с редактором об исправлении некоторых мест было бы неудобно, а отказ мой был категориче-

ский. Если бы я знал, что статья написана Кавелиным, моим добрым знакомым, человеком рассудительным, умеренным, то я тотчас бы написал ему частным образом два слова, он бы приехал ко мне и мы бы в полчаса сделали бы статью его совершенно позволительною. Вместо того редактор журнала, получив отказ Министерства внутренних дел, обратился к председателю Цензурного комитета и попечителю университета князю Щербатову[22], который дал безусловное дозволение напечатать ту статью.

Лишь только она показалась в публике, закоснелые любители крепостного права бросились на нее и начались крики, очень скоро дошедшие до государя. Впрочем, тут было еще иное побуждение. Кавелин был в числе преподавателей наследника престола, определенный к этой должности по рекомендации тайного советника Титова[23], назначенного по настоянию императрицы главным воспитателем будущего царя вопреки военной партии, которая искала свергнуть и Титова, и всех рекомендованных им наставников. Случай этот был самый удобный, и интрига вполне удалась. Государь, придя в Совет Министров, показал им эту статью и, с гневом объявив князю Горчакову[24], что Кавелин рекомендован Титовым, обратился к Ланскому с приказанием узнать, кто пропустил эту статью. Возвратясь из Совета, Ланской тотчас прислал книжку «Современника» при записке: я все передал Тройницкому, и дело тотчас объяснилось, вследствие чего министр послал государю оправдательный доклад, на котором последовало высочайшее повеление: передать дело шефу жандармов для дальнейших разысканий. Через несколько дней публика узнала, что князю Щербатову объявлен выговор; Титов, Кавелин и другие преподаватели наследника получили увольнения от своих мест, а воспитание наследника перешло в руки военных надзирателей.

Несмотря на запрещения, журналы постоянно наполнялись статьями по крестьянскому вопросу, и нет никакого сомнения, что в это время литература оказала великую услугу России разносторонними воззрениями и объяснениями предмета, который не далее как за год до этой эпохи составлял полную тайну, совершенную терра инкогнита. Но, к сожалению, тут, как и во всех вопросах политических, не было должного беспристрастия. Журналисты и литераторы, принадлежа большею частию к числу людей, не владеющих крестьянами, обращали весьма мало внимания на возможность облегчить потери землевладельцев при введении нового порядка. Имея самые благородные побуждения, они стремились к цели, не останавливаясь на затруднениях и на пожертвованиях; а когда помещики присылали им возражения, они отказывались их печатать. Это произвело в дворянстве раздражение. При объезде мною по званию товарища министра некоторых губерний дворяне и предводители обращались ко мне с жалобою на журналы; я отвечал им, что правительство не может

заставить журналиста принимать те статьи, которые противны его плану или его воззрениям; мне отвечали, что в государстве, где есть цензура, она должна руководить журналистику, а если это невозможно, то пусть правительство даст дворянам орган для защиты от нападений демократов; я же им указывал на «Журнал землевладельцев»[25], основанный частными людьми с этою именно целию, но они его не знали, ибо периодическое издание только что начиналось. Впрочем, оно не имело самостоятельности; главные редакторы его были люди не очень даровитые, и им трудно было завербовать бойких сотрудников; талантливые люди все сгруппировались в противном лагере, частию из убеждения, частию потому, что блестящая и соблазнительная для образованного человека мысль об освобождении крестьян quand même* сделалась вместе и мыслию модною: всякий литератор боялся прослыть плантатором, защищая дворянство.<...>

РЕЧЬ АЛЕКСАНДРА II, ПРОИЗНЕСЕННАЯ ИМ 30 МАРТА 1856 Г. ПЕРЕД МОСКОВСКИМ ГУБЕРНСКИМ И УЕЗДНЫМИ ПРЕДВОДИТЕЛЯМИ ДВОРЯНСТВА

Слухи носятся, что я хочу дать свободу крестьянам; это несправедливо, и вы можете сказать это всем направо и налево; но чувство, враждебное между крестьянами и их помещиками, и несчастию, существует, и от этого было уже несколько случаев неповиновения к помещикам. Я убежден, что рано или поздно мы должны к этому прийти. Я думаю, что вы одного мнения со мною, следовательно, гораздо лучше, чтобы это произошло свыше, нежели снизу.

РЕСКРИПТ ОТ 20 НОЯБРЯ 1857 Г. АЛЕКСАНДРА II ВИЛЕНСКОМУ, ГРОДНЕНСКОМУ И КОВЕНСКОМУ ВОЕННОМУ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРУ В. И. НАЗИМОВУ

Виленскому военному, Гродненскому и Ковенскому генерал-губернатору.

В губерниях Ковенской, Виленской и Гродненской были учреждены особые комитеты из предводителей дворянства и других помещиков для рассмотрения существующих там инвентарных правил.

Ныне министр внутренних дел довел до моего сведения

---

* Даже *(фр.)*.

о благих намерениях, изъявленных сими комитетами относительно помещичьих крестьян означенных 3-х губерний.

Одобряя вполне намерения сих представителей дворянства Ковенской, Виленской и Гродненской губерний, как соответствующие моим видам и желаниям, я разрешаю дворянскому сословию оных приступить теперь же к составлению проектов, на основании коих предположения комитетов могут быть приведены в действительное исполнение, но не иначе как постепенно, дабы не нарушить существующего ныне хозяйственного устройства помещичьих имений.

Для сего повелеваю:

1. Открыть теперь же в губерниях Ковенской, Виленской и Гродненской по одному в каждой подготовительному комитету, а потом для всех 3-х губерний одну общую комиссию в г. Вильне.

2. Каждому губернскому комитету состоять под председательством губернского предводителя дворянства из следующих членов:

а) по одному из каждого уезда губерний, выбранному из среды себя дворянами, владеющими в том уезде населенными имениями, и б) двух опытных помещиков той же губернии по непосредственному назначению начальника оной и

3. Общей комиссии состоять из следующих лиц: а) двух членов каждого из 3-х губернских комитетов по их выбору; б) одного опытного помещика из каждой губернии по вашему назначению; и в) одного члена от Министерства внутренних дел. Председателем комиссии предоставляется вам назначить одного из ее членов, принадлежащих к местному дворянству.

Губернские комитеты по открытии их должны приступить к составлению по каждой губернии, в соответственность собственному вызову представителей дворянства, подробного проекта об устройстве и улучшении быта помещичьих крестьян оной, имея при этом в виду следующие главные основания:

1. Помещикам сохраняется право собственности на всю землю, но крестьянам оставляется их усадебная оседлость[1], которую они в течение определенного времени приобретают в свою собственность посредством выкупа; сверх того, предоставляется в пользование крестьян надлежащее по местным удобствам, для обеспечения их быта и для выполнения обязанностей пред правительством и помещиком, количество земли[2], за которое они или платят оброк, или отбывают работу помещику.

2. Крестьяне должны быть распределены на сельские общества, помещикам же предоставляется вотчинная полиция, и

3. При устройстве будущих отношений помещиков и крестьян должна быть надлежащим образом обеспечена исправная уплата государственных и земских податей и денежных сборов.

Развитие сих оснований и применение их к местным обстоятельствам каждой из 3-х означенных губерний предоставляется губернским комитетам. Министр внутренних дел сообщит вам свои

соображения, могущие служить пособием комитетам при их занятиях.

Комитеты сии, окончив свой труд, должны представить в общую комиссию. Комиссия, обсудив и рассмотрев все предположения губернских комитетов, а также сообразив их с изложенными выше основаниями, должна постановить окончательное по всему делу заключение и составить проект общего для всех 3-х губерний положения с нужными по каждой изъятиями или особыми правилами.

Поручая вам главное наблюдение и направление сего важного дела вообще во вверенных вам Ковенской, Виленской и Гродненской губерниях, я предоставляю вам дать, как губернским комитетам сих 3-х губерний, так и общей комиссии, нужные наставления для успешного производства и окончания возлагаемых на них занятий. Начальники губерний должны содействовать вам в исполнении сей обязанности. Составленный общею комиссиею проект вы имеете с своим мнением препроводить к министру внутренних дел для представления на мое усмотрение.

Открывая таким образом дворянскому сословию Ковенской, Виленской и Гродненской губерний средства привести благие его намерения в действие на указанных мною началах, я надеюсь, что дворянство вполне оправдает доверие, мною оказываемое сему сословию призванием его к участию в сем важном деле, и что при помощи Божией и при просвещенном содействии дворян дело сие будет кончено с надлежащим успехом.

Вы и начальники вверенных вам губерний обязаны строго наблюдать, чтобы крестьяне, оставаясь в полном повиновении своим помещикам, не внимали никаким злонамеренным внушениям и лживым толкам.

Пребываю к вам всегда благосклонный.

В Царском Селе.

20 ноября 1857 г.

ОТНОШЕНИЕ МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ С. С. ЛАНСКОГО К ВИЛЕНСКОМУ ВОЕННОМУ, ГРОДНЕНСКОМУ И КОВЕНСКОМУ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРУ В. И. НАЗИМОВУ (ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ К ВЫСОЧАЙШЕМУ РЕСКРИПТУ ОБ ОТКРЫТИИ КОМИТЕТОВ В ВИЛЕНСКОЙ, ГРОДНЕНСКОЙ И КОВЕНСКОЙ ГУБЕРНИЯХ)

21 ноября 1857 г.

Я имел счастие всеподданнейше представлять государю императору доставленные вашим превосходительством сведения об

изъявленном комитетами, учрежденными в губерниях Ковенской, Виленской и Гродненской из предводителей дворянства и помещиков для рассмотрения инвентарных правил, желания, в видах улучшения быта помещичьих крестьян, освободить их из крепостной зависимости.

Его величество, узнав с особым удовольствием о таковом благородном желании представителей дворянского сословия означенных 3-х губерний, высочайшим рескриптом, вам данным, изволил разрешить дворянству оных приступить посредством особо учреждаемых в каждой губернии комитета и для всех 3-х губерний одной общей комиссии к составлению проектов надлежащих по сему предмету положений[1], указав в этом рескрипте как порядок сих работ, так и главные основания, на которых дело это может быть приведено в исполнение.

В дополнение к правилам, изложенным в этом рескрипте относительно состава и порядка действий учреждаемых по настоящему предмету комитетов и комиссии, государь император высочайше соизволил повелеть:

1. При выборе членов у губернские комитеты от каждого уезда предоставить дворянам, если пожелают, выбрать и уездного предводителя дворянства.

2. Вменить в обязанность дворянам при выборе сих членов избирать для каждого из них кандидата, который мог бы заступать его место в случае болезни или отпуска.

3. Членов и кандидатов, избираемых дворянством, утверждать вашему превосходительству; увольнять же их в отпуски: по губернским комитетам — начальникам губерний, и по общей комиссии — вам, милостивый государь.

4. Предоставить дворянству назначать из своих сумм содержание членам, им избираемым в губернские комитеты и в общую комиссию.

5. Начальники губерний, имея постоянное наблюдение за занятиями губернских комитетов, могут требовать сообщения им журналов оных.

6. Общая комиссия обязана свои журналы представлять вашему превосходительству. Если вы будете не согласны с комиссиею, то предлагаете ей ваши замечания. Когда сии замечания будут приняты, то комиссия переменяет свое заключение, не стесняясь прежним. Если же комиссия с вами не согласится, то вы имеете сообщить о сем мне тогда, когда вся работа комиссии будет кончена или же немедленно, смотря по важности случая.

7. Губернским комитетам кончить порученные им работы в 6-месячный срок со времени поступления в оную всех составленных губернскими комитетами проектов.

8. Если который-либо из губернских комитетов или общая комиссия уклонится от своего назначения и войдет в рассмотрение предметов, не подлежащих их суждению, то предоставляется вашему превосходительству немедленно закрыть их и о таковом

случае сообщить мне для доклада его императорскому величеству.

Вместе с тем его величеству благоугодно было поручить мне сообщить вашему превосходительству мои соображения, могущие служить пособием губернским комитетам при их занятиях.

Во исполнение таковой высочайшей воли, сообразив подробно как те правила, кои были приняты для освобождения крепостного сословия в Остзейских губерниях, так и те мысли и предположения, кои изложены в сообщенных мне вами мнениях инвентарных комитетов, бывших в Ковенской, Виленской и Гродненской губерниях, я, с своей стороны, нахожу, что вновь учреждаемым в сих губерниях для составления проектов положений об освобождении крепостного сословия комитетам необходимо при этой работе иметь в виду сообразить и рассмотреть в подробности, применив к местным обстоятельствам и особенностям каждой губернии, следующие правила и предположения.

I. Уничтожение крепостной зависимости крестьян должно быть совершено не вдруг, а постепенно. Для этого крестьяне сначала должны быть в состоянии переходном, более или менее крепки земле, а потом уже в окончательном и свободном, когда правительство разрешит им переходы из одной местности в другую с надлежащими ограничениями и условиями. Для переходного состояния следует назначить определенный срок, по усмотрению губернских комитетов, не свыше 12-ти лет.

II. На основании начал, указанных в высочайшем рескрипте, помещикам сохраняется право собственности на всю землю: но крестьянам, в видах предотвращения вредной подвижности и бродяжничества в сельском населении, оставляется их усадебная оседлость, приобретаемая ими в течение определенного срока в собственность посредством выкупа; сверх того предоставляется в пользование крестьян надлежащее по местным удобствам, для обеспечения их быта и для выполнения их обязанностей пред правительством и помещиком, количество земли, за которое они платят оброк или отбывают работы помещику. При подробном развитии и применении сих оснований необходимо принять к соображению следующее:

1. Усадебную оседлость крестьянина составляют изба или хата, в которой он живет, с двором и принадлежностями, с огородом и с землей под оными.

2. Права свободного состояния и право собственности на эту оседлость приобретаются крестьянами не иначе как по взносе ими в продолжение переходного срока выкупа, сумма коего не должна превышать ценности приобретаемой ими в собственность оседлости.

3. Уплата сия может быть произведена или деньгами, или особыми работами независимо от тех, которые крестьяне обязаны отбывать за земли, им отводимые в пользование на основании п. 5 сей статьи.

4. Вся остальная земля должна быть разделена по способу

пользования оной на господскую и на отведенную в пользование крестьянам.

5. Земля, однажды отведенная в пользование крестьян, не может быть присоединяема к господским полям, но должна постоянно оставаться в пользовании крестьян вообще: или за отбывание ими для помещика натуральных повинностей и работ, или же за плату помещику оброка деньгами или произведениями.

6. Количество земли, предоставляемой на этом основании в пользование крестьян для обеспечения их быта и выполнения их обязанностей пред правительством и помещиком, следует определить по местным обстоятельствам и обычаям.

7. Порядок пользования этою землею установляется также сообразно местным обычаям. Там, где существует общинное устройство, следует, не нарушая оного, сохранить каждому семейству право на надел землею, стараясь не допускать частого дробления или передела полей. Там, где существует подворное пользование землею и где земля, отведенная в пользование крестьян, разделена на поселки или фермы с хозяевами и батраками, надо принять меры к возможному обеспечению оседлости батраков и к положительному определению отношений их к хозяевам.

8. Отправлению натуральных повинностей и работ или плате оброка в пользу помещика могут подлежать только те крестьяне, кои наделены землею, в тех же местах, где крестьяне разделяются на хозяев и батраков или безземельных работников, сии последние не могут быть требуемы на работу иначе как за вознаграждение.

9. Размер как оброка, так натуральных повинностей и работ должен быть положительно определен соответственно пространству и качеству отведенной в пользование крестьян земли.

10. Натуральные повинности и работы отправляются на основании особых урочных положений, кои должны быть составлены губернскими комитетами на основаниях сколь возможно простых и несложных; и

11. В случае неисправности во взносе оброка помещику предоставляется право обращать неисправного плательщика на работы натурою; при неисправности же крестьянина в исполнении работ натурою помещик может лишать его того участка земли, коим сей крестьянин пользуется.

III. Вотчинная полиция остается помещику. Крестьяне должны быть распределены на сельские общества. Заведование мирскими делами каждого общества и мирская расправа предоставляется мирским сходам или составленным из крестьян мирским судам под наблюдением и с утверждения помещиков [2].

IV. Для надзора за введением и соблюдением новых правил и для разбора недоразумений, могущих возникнуть между помещиками и крестьянами, могут быть установлены особые в каждом уезде присутствия. Для сего было бы полезно применить, хотя в некоторой мере, постановления, существующие

в Остзейских губерниях, сколько применение их окажется возможным и удобным по местным особенностям, составу управления и порядку судопроизводства вообще в губерниях Ковенской, Виленской и Гродненской.

V. Со введением нового положения, когда оно будет утверждено:

1. Продажа, дарение и всякое отчуждение крестьян без земли, равно и переселение крестьян против воли их в другие имения должны быть прекращены, а, с другой стороны, крестьянам до окончательного вступления их в свободное состояние не может быть дозволено оставлять имение без разрешения помещика, на земле коего они водворены.

2. Обращение крестьян в дворовые следует прекратить и вместе с тем принять меры к постепенному сначала уменьшению, а потом и уничтожению этого класса людей посредством обращения их в крестьяне с наделом землею или перечисления в свободное состояние с согласия помещиков. Подробности по сему предмету требуют особого на месте развития и рассмотрения; и

3. Во все время переходного состояния помещикам предоставляется право сдавать нерадивых и порочных крестьян, по соглашению с обществом, в рекруты или отдавать в распоряжение правительства для переселения в другие губернии, но не иначе как с утверждения тех присутствий, кои будут по уездам образованы на основании нового положения; и

VI. В составляемых губернскими комитетами проектах должны быть определены и указаны:

1. Правила отправления крестьянами рекрутской повинности. Поставка рекрут должна быть предоставлена самим обществам с утверждения помещика.

2. Способы обеспечения народного продовольствия и исправного поступления податей. Для сего, может быть, было бы полезно лучшее устройство мирских магазинов и учреждение общественных запашек и мирских капиталов; и

3. Меры, необходимые для распространения между крестьянами грамотности и полезных ремесел, для призрения престарелых и увечных, для пособия больным и т. п.

Сообщая о всем этом вашему превосходительству, я имею честь покорнейше просить вас, милостивый государь, все изложенные выше соображения мои передать в свое время губернским комитетам. Если комитеты, по местным уважениям, признают неудобным принять которые-либо из сих соображений, то я просил бы ваше превосходительство поручить комитетам в своих окончательных мнениях объяснить подробно причины, препятствующие принятию оных.

ЗАПИСКА ПРУССКОГО ЭКОНОМИСТА АВГУСТА ГАКСТГАУЗЕНА О НЕОБХОДИМОСТИ ОТМЕНЫ КРЕПОСТНОГО ПРАВА В РОССИИ, ПОДАННАЯ В ИЮНЕ 1857 Г. МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ А. М. ГОРЧАКОВУ

⟨...⟩ Вопрос освобождения крестьян, будучи специальным вопросом для России, есть вместе с тем и политический, и притом самый важный не только в отношении России, но и для всей Европы. Я убеждаюсь в этом с каждым днем более и более, а особенно с тех пор, как мне достоверно известно, что радикальная партия Мадзини [1] и братии в Англии [2] возлагает теперь главную надежду на социальную революцию в России. Опыт уже указывает нам, что предводители этой партии не пустые мечтатели, но люди, верно рассчитывающие и проницательные ⟨...⟩.

Мы живем в эпоху, когда мысли и мнения не выжидают, как прежде, годов и столетий для своего полного развития и распространения. Распространяемые печатью, паром и электричеством, они, подобно молнии, бороздят Европу с одного конца до другого, и нет народа, нет страны, которые могли бы предохранить себя от их влияния. Я говорю это, дабы напомнить, что России нельзя останавливаться на полпути, что невозможно важнейшие вопросы народного существования предоставить их собственному развитию, но что правительство обязано первое принять в них обдуманное и деятельное участие, дабы события, опередив его, не завладели браздами и не вырвали от него уступок, которые повлекли бы его к падению [3]. ⟨...⟩

ПОМЕЩИЧЬИ ПРОЕКТЫ ОТМЕНЫ КРЕПОСТНОГО ПРАВА

ПРОЕКТ М. П. ПОЗЕНА

Новый порядок этот может быть установлен высочайшим манифестом, который должен служить дополнением нашего законодательства «о правах состояний» и довершить великое дело императрицы Екатерины II, определившей право сословий: дворянства — дворянскою грамотою и горожан — городовым положением [1].

Основные пункты манифеста должны быть следующие:

1) Крестьяне всех наименований в государстве уравниваются во всех гражданских правах и несут одинаковые государственные повинности.

2) Личное крепостное право навсегда отменяется и не может существовать ни под какою формою.

3) Крестьяне крепки земле, на которой они теперь поселены. Из них все поселенные на собственной земле пользуются ею на общем владельческом праве — бесплатно; поселенные же на чужих землях обязываются платежом за них оброка деньгами или работою, в удельных имениях — уделу, в казенных [2] — казне, в помещичьих — помещику.

4) Платеж земли назначается по особой оценке, установляемой на 20 лет, и производится работою, а в некоторых случаях и деньгами.

5) Для сего вместе с оценкою земли определяется и цена поденной работы, тоже на 20 лет.

6) На отвод земли, определение годового платежа и оценку работ назначается один общий срок по всему государству.

7) До истечения сего срока сохраняются настоящие отношения между помещиками и крестьянами, и всякое неповиновение со стороны крестьян или злоупотребление со стороны помещиков строго наказываются.

8) С окончанием отвода и утверждением расценок на землю и работную плату прекращается всякая ответственность со стороны помещиков за уплату податей и за продовольствие крестьян. Земли назначаются и отводятся не отдельно каждому лицу, а целому крестьянскому обществу, которое распределяет участки между своими членами по мере способности каждого, обработки ее и оплаты за нее по оценке трудом или деньгами.

9) Посему и уплата за землю или другим способом лежит тоже на ответственности целого общества.

10) Оброчная цена на землю, равно и цена поденной работы, назначаются помещиком совокупно с выборными от крестьянского общества и утверждаются губернским комитетом.

11) В оброчных имениях сохраняется тот размер оброка, который будет существовать в каждом имении при издании высочайшего манифеста; уменьшение оброка всегда зависит от владельца земли, увеличение же его не допускается без особого утверждения губернского комитета.

12) В имениях задельных [3] годовая плата за землю рассчитывается на деньги, но производится со стороны крестьян работою — по оценке. Дозволяется, впрочем, часть этой уплаты делать и деньгами по взаимному согласию землевладельца и крестьян.

13) Земли отводятся крестьянам в таком количестве, какое признает возможным владелец; но при самом приступе к делу губернские комитеты постановляют минимум наделения на каждую душу. Этот размер наделения обязателен и для помещика и для крестьянина, из которых первый — должен дать его, а последние — принять; увеличение же этого размера зависит от обоюдного согласия землевладельцев и крестьян.

14) Кроме рабочих дней, которые крестьяне задельных имений дают помещику в виде уплаты оброка за землю, губернские комитеты назначают для всех четырех времен года по нескольку

экстренных рабочих дней, которые крестьяне обязаны давать землевладельцу за ту же рабочую плату, при этом комитеты наблюдают, однако, чтобы общее число рабочих дней, очередных и экстренных, отнюдь не превышало существующего ныне трехдневного расчета в неделю. ⟨...⟩

15) Сверх рабочих дней, которые будут определены комитетом, землевладелец может употреблять крестьян на работу не иначе как по добровольному найму.

16) Переход крестьян отдельными семействами, но без земли в другие сословия допускается с согласия крестьянского общества без всякого участия землевладельца.

17) Из сего правила изъемлются образованные попечением помещика: мастеровые, писаря, фельдшера, овчары, винокуры, сахаровары и все вообще специалисты, в благоустроенном хозяйстве необходимые; они остаются в распоряжении землевладельца за установленную, с утверждения губернских комитетов, плату; образование же впредь подобных мастеровых и специалистов из крестьян для службы по имению допускается не иначе как по письменным договорам, заключаемым крестьянским обществом и землевладельцем.

18) С изданием высочайшего манифеста право приобретать заселенные земли присвояется кроме потомственных дворян и дворянам личным, также и потомственным почетным гражданам [4].

19) Для обеспечения успеха нового порядка и управления крестьянами, водворенными на помещичьих землях, устраиваются общинные и волостные управления, окружные попечительства, уездные и губернские комитеты и высший комитет в Петербурге.

20) Каждое населенное место образует одну общину, хотя бы люди и принадлежали прежде разным помещикам. Общинное управление состоит из старосты и двух или трех выборных, смотря по числу душ, составляющих общину. Ближайшее попечительство над ними вверяется владельцу земли, в селениях разнопоместных — одному из помещиков по выбору общины.

21) Волости составляются из нескольких общин, смотря по удобству. Волостное управление состоит из головы, выбираемого всеми общинами, и из всех общинных старост.

22) Несколько волостей вместе составляют округ, который вверяется попечителю из дворян, по выбору всего уездного дворянства. Попечитель имеет товарища, тоже из местных дворян и таким же порядком избираемого.

23) Уездные комитеты составляются из председателей, избираемых уездным дворянством, и всех окружных попечителей. К участию в делах комитета и объяснению по встречающимся случаям приглашаются, смотря по надобности, волостные головы и общинные старосты.

24) Губернские комитеты образуются из председателя и трех членов, избираемых дворянством всей губернии, и из председате-

лей уездных комитетов. Для объяснения дел приглашаются в губернские комитеты, смотря по надобности, окружные попечители и волостные головы.

25) Государственный комитет составляется из председателя и нескольких членов, из высших государственных сановников по высочайшему назначению. Губернские предводители дворянства и председатели губернских комитетов считаются тоже членами государственного комитета и присутствуют в нем, когда бывают в Петербурге по делам службы или собственным.

26) Для самого устройства нового управления принять следующий порядок: прежде всего образовать государственный и губернские комитеты. Губернским комитетам поручить устроить комитеты уездные, а сим последним — образовать волостные и общинные управления.

27) На устройство всех этих управлений назначить шестимесячный срок, а на введение новых отношений между помещиками и крестьянами, отвод земли, составление оценок и издания подробных инструкций управлениям волостному и общинному — трехлетний, со дня издания высочайшего манифеста.

28) Расходы на содержание канцелярии государственного комитета обратить на губернские и земские повинности; для покрытия же расходов по управлениям губернскому и уездному назначить на первые три года до 2 к. с души. Само собою разумеется, что если мысль эта будет принята, то при начертании высочайшего манифеста все пункты, изложенные здесь кратко, потребуют более точного и подробного развития. Вероятно, придется многое пояснить и прибавить. Весьма полезно было бы, чтобы проект, прежде поднесения к высочайшей подписи, был разослан к губернским предводителям дворянства с тем, чтобы они, не касаясь основной мысли, указали, чем именно должны быть пояснены и пополнены самые правила, в проекте предначертанные.

ПРОЕКТ Ю. Ф. САМАРИНА

⟨...⟩ В отношении к личной зависимости задача настоящего времени определяется очень просто, одним словом: *упразднить* — разумеется, не вдруг, а постепенно и с соблюдением благоразумной осторожности.

В отношении поземельной зависимости нам предстоит не только развязать узел, но в то же время *заменить* эту насильственную, неестественную связь иною и *определить* будущее отношение свободного земледельца к земле.

⟨...⟩ Под *землею* мы разумеем ту часть ее, которой крестьяне пользуются *для себя,* включая сюда усадьбу, огород, выгон, пашню, луга и все угодья, без различия.

⟨...⟩ Историческое развитие поземельных отношений в России и современное народное сознание, живой плод этого развития, указывают нам на неоспоримое существование *двух взаимоогра-*

ничивающихся прав на землю: права *пользования,* принадлежащего крестьянам, и права *собственности,* принадлежащего помещикам ⟨...⟩

⟨...⟩ Из совместности двух выведенных нами прав вытекают следующие обоюдные обязательства:

Для вотчинника — обязанность отречься навсегда в пользу крестьян от непосредственного распоряжения землею, им уступленною.

Для крестьян — обязанность держать эту землю на определенных условиях и вознаграждать вотчинника за предоставленное им пользование.

Вотчинник не вправе отобрать у крестьян землю под предлогом выгоднейшего ее употребления; зато и крестьяне не вправе отказаться от земли или отказать помещику в вознаграждении; первое ограничение права полагает второе; ибо, в противном случае, вотчинник, лишившись распоряжения землею и в то же время дохода от земли, утратил бы свою законную собственность.

Вознаграждение за землю возможно в двоякой форме: 1) постоянной, непрерывной ренты или платы за землю в виде барщины или оброка, и 2) единовременного выкупа или уплаты всей капитальной стоимости земли, причем, разумеется, право пользования превращается в право собственности, а право собственности прежнего вотчинника прекращается.

Оба способа одинаково законны и справедливы. Когда право собственности на землю, бесповоротно отданное другому лицу в вечное пользование, проявляется только в праве получать с нее неизменный доход (положим, хоть 6%) и располагать этим доходом, то не все ли равно: получает ли вотчинник ежегодно 6% с капитала, называемого землею, или выдается ему единожды навсегда капитал, называемый облигациями или кредитными билетами, равноценный с землею и приносящий также 6%? В последнем случае право собственности нисколько не нарушается, а только переносится с одного предмета на другой.

⟨...⟩ Окончательная развязка существующих ныне отношений между помещиками и крестьянами требует непременно безусловной отмены обязательной барщины; удержав ее, хотя бы в самом незначительном размере, мы впали бы опять в переходное положение. Барщина действует убийственно на крестьян, балует помещиков, мешает развитию сельского хозяйства — все это неоспоримо, и никто искреннее нас не желает ее упразднения ⟨...⟩, **тем не менее** мы думаем, что внезапная и обязательная отмена ее повлекла бы за собой большие неудобства: ибо на первых порах нечем было бы заменить ее. Доселе вольный труд в применении к сельскому хозяйству составлял у нас предмет самого ограниченного запроса; с упразднением барщины немедленно возникает очень сильно на него требование; но средства к удовлетворению этого требования, то есть свободные руки, не могут явиться в ту же минуту по первому зову. Сперва нужно, чтобы спрос огласился

в местностях густо населенных, чтобы тамошние работники удостоверились в верности заработков, ожидающих в той или иной губернии, наконец, чтобы успели, так сказать, протоптать во все главные пункты постоянного запроса на вольный труд внутренние пути, подобные исстари проложенной и никогда не зарастающей тропе из Пензенской и Курской губерний в Заволжский край, по которой ежегодно движутся многочисленные артели жнецов и косцов. Все это не может сделаться скоро, ибо народные привилегии образуются и меняются вообще очень медленно, а у нас в особенности.

Вникнем ближе в потребности помещичьего хозяйства. Барщинские работы в издельных имениях могут быть разделены на две категории: работы по преимуществу полевые, производимые ежегодно в неизменной последовательности и количестве почти одинаковом, и работы чрезвычайные. Первые могут быть всегда заранее предусмотрены и исчислены; вторые же, по неожиданности своей, не подлежат предварительному учету, ибо ни время, когда в них может встретиться надобность, ни количество сил, потребное на их производство, не могут быть вперед угаданы. Предположим, что для исправления работ постоянных и срочных помещик найдет возможность изворотиться наймом годовых и полугодовых батраков, а в страдную пору — вольноприходящих артелей, там, разумеется, где успел уже образоваться прилив работников из густонаселенных местностей. Но как быть с работами экстренными, спешными, непредвиденными и требующими единовременного сосредоточения значительной массы сил на одно дело?.. На дворе весна, река разлилась, с каждым часом прибывает вода; она уже поднялась выше своего обыкновенного уровня в половодье и грозит подтопить переполненные хлебом амбары, стоящие на берегу реки: нужно, не теряя ни минуты, опорожнить их и вывезти весь хлеб на гору. От продолжительных дождей сделалась водополь; плотина прорвана; надобно поскорее завалить прорыв, чтоб удержать воду. Зимою три дня и три ночи свирепствовала метель; овечьи дворы и хуторские строения, расположенные в степи, занесены снегом по самую крышу; надобно немедленно отгрести его, выслав на эту работу человек 40 или 50. А откуда их взять? Счастливым почтет себя беспомощный помещик, если ближайшие к нему крестьяне согласятся, за какую бы то ни было цену, вывести его из беды — тут уже не до торгу; но будут встречаться и такие случаи, особенно в местностях редко населенных, когда он вовсе ни за какие деньги не найдет охотников. По этим причинам следовало бы, пока не установится само собою равновесие между предложением и запросом на вольный труд — этот почти небывалый у нас товар, — оставить помещику право на несколько обязательных рабочих дней (8 или 10 с тягла), как вспомогательную повинность, лет на 10 или 12 ⟨...⟩.

4—1707

ЗАПИСКА А. М. УНКОВСКОГО ПО КРЕСТЬЯНСКОМУ ДЕЛУ

Освобождение помещичьих крестьян, основанное на началах, изложенных в высочайших рескриптах и отношениях министра внутренних дел к генерал-губернаторам виленскому и с.-петербургскому, должно будет иметь следующие последствия:

1) Свобода будет дарована крестьянам на одних словах, а не в действительности.

2) Права собственника земли помещика, будучи лишены всякого обеспечения, отнимутся без вознаграждения и будут состоять в одном праве заводить с обществами вечные тяжбы, для разбора которых не представляется никакой возможности.

3) Между землевладельцами и освобожденными крестьянами породится повсеместно антагонизм и вследствие того личная ненависть, которых не могло быть и в помине в великороссийских губерниях, где крестьянин подчинялся помещику на основании начал чисто родового патриархального быта и феодального права никогда не было [1], антагонизм, не существовавший даже во времена самой тяжкой крепостной зависимости, которая неминуемо породит борьбу.

4) Так как административная государственная власть при отсутствии феодальных понятий в народе никак не может быть соединена с правом частного землевладельца, то по уничтожении последних патриархальных связей помещика с крестьянином землевладелец, лишенный своей прежней власти и облеченный в звание вотчинного полицеймейстера на основании одного своего права собственника на землю, не будет иметь никакого нравственного авторитета и никаких физических сил заставить уважать свою власть. Такое разрушение прежней власти без учреждения новой действительной приведет неминуемо к всеобщей и повсеместной анархии.

5) Так как между свободой и неволей в частновладельческом отношении нет средины, то постепенно дарование свободы на одних словах будет только поддерживать постоянное раздражение народа, а минутные ожидания перемены будут препятствовать установлению какого-нибудь порядка в хозяйственном их быту.

6) Если барщинная работа крестьян при их крепостной зависимости была вдвое хуже наемной, то обязательная работа свободных поселян в помещичьих усадьбах не может быть допущена, ибо она будет только одной бесполезною тратою времени для крестьян и не вознаградит помещика за пользование его землею, а так как большинство помещиков не имеет наличных капиталов, то при отсутствии денежного капитального вознаграждения за освобожденных крестьян и землю, отводимую им в пользование, приспособление помещичьих хозяйств к обработке земли наемными руками окажется вовсе невозможным, ибо для этого потребуются особенные капитальные пожертвования для

обзаведения машинами, рабочим скотом, помещениями для рабочих и пр.

7) Так как поземельная рента не может быть неизменяема, то крестьянин, освобожденный с одною усадебною землею, не будет обеспечен в выгодном пользовании полевою землей, необходимой для его хозяйственного быта, и потому не может быть в полном смысле оседлым землевладельцем.

8) Административная и полицейская власть в селениях, разделенная между помещиками по настоящему составу их вотчин, не представит никакой возможности централизации сельского управления, без которой невозможен разумный порядок вещей. Имения от одной души до нескольких тысяч душ, весьма часто разбросанные по нескольким уездам и даже губерниям, не имеющим между собою ничего общего, будут иметь в помещике одного полицеймейстера и, находясь случайно между соседними имениями прочих ведомств, имеющих с ними одни и те же интересы и совсем иное управление, представят хаотический беспорядок, при котором не может существовать никакой власти и никакого порядка.

9) Исправное поступление податей при отсутствии собственной земли у крестьянина и прав свободного распоряжения собственностью у помещика не может быть ничем обеспечено.

Вот исчисление всех неудобств такого способа освобождения крестьян. Неминуемыми последствиями его будут совершенное расстройство помещичьих хозяйств, уничтожение оседлости и хозяйственного быта земледельческого сословия, прямой антагонизм и вследствие того, может быть, кровавая борьба двух сословий, которых доброе согласие представляет единственный залог для благосостояния России и ее разумного управления, бродяжничество сельского населения и, наконец, совершенный беспорядок в юридических отношениях всех и каждого сельских жителей, дающих только обильную пищу грабежу чиновников и сильных. Помещичья власть не уничтожится, а лишится только патриархальной стороны, составляющей единственное ее оправдание, и разделяется между землевладельцем, не попечительным уже хозяином своего имения, а вечным и равнодушным кредитором крестьян, поселенных среди его земли, и чиновниками, наезжающими почти ежедневно для разбирательства запутанных отношений владельцев и крестьян и продающих правосудие в пользу богатых.

От такой жизни откажется всякий помещичий крестьянин, и мы уже думаем, что дарование подобной свободы весьма опасно. Объявить народ свободным, оставив его почти в той же неволе и не улучшая его быта, по нашему мнению, хуже, нежели оставить его в крепостной зависимости. Это объявление свободы без дарования ее в действительности уничтожит в народе доверие к правительству, отнимет у него последнюю надежду на улучшение его быта и вследствие этого отчаяния может вызвать

все дикие явления пугачевщины. Пример остзейских губерний к нам неприложим [2].

При существовании феодального права и отсутствии общинного непосредственного владения землею остзейский раб (кнехт) мог подчиниться своему положению. Может быть даже, настоящее ему казалось лучше прошедшего. Но если и предположить, что его подчинили этому положению против воли и он спокойно перенес насилие, то может ли служить примером для целой России, что этой горсти людей, принадлежащей к огромному и иноплеменному для нее государству, не пришла мысль явного восстания.

Наш великорусский крестьянин не испытал никогда феодальной зависимости и бесприютного рабства [3]. Он издавна привык жить своим домом, среди родимой его деревенской общины и непосредственно владеть землею. Он глубоко убежден в своем праве на землю. Достаточно бросить беглый взгляд на историческое происхождение крепостного права и настоящее положение помещичьих имений в Великой России, чтобы понять, насколько законы и обычаи помогали развиться этому убеждению. Всегда и повсеместно община русских крестьян была «крепка земле» и имела в действительности неотъемлемое право и полную возможность пользоваться землею в том размере, в каком она необходима для ее жизни. Хотя помещик и имел по закону право брать крестьян во двор и пользоваться гораздо выгоднее его трудами, но сознание права крестьян на землю было до того сильно, что почти нигде не было примера, чтобы помещики лишали земли целые общества, и везде, где задумывали что-нибудь подобное этому, случались возмущения. Таким образом, община крестьян, продовольствие и повинности которой лежали на ответственности ее владельца, была вечным и единственным фактическим владельцем занимаемой ими земли. Даже все случайные бедствия, как-то: неурожай, пожары и т. п., не имели влияния на это право и падали на одного помещика, который по случаю этих убытков делал долги и часто лишался имения, крестьянская же община оставалась на том же месте и переходила к новому владельцу, сохраняя прежние права на землю. Весьма естественно, что подобная крепость земле в продолжение двухсот лет привела крестьян к полному сознанию своего права владения, и никакие внушения правительства и постановления губернских комитетов не в состоянии поколебать этого верования. Поэтому великороссийский крестьянин, сознавая вполне, что его права на землю существуют не иначе как с условием отбывания повинностей в пользу помещика и личной от него зависимости, охотно согласится за свое освобождение с землею внести определенную сумму, но никогда не пожелает получить свободу в общинном составе, без отделения ему земли в размере, необходимо нужном для хозяйственного быта.

По нашему мнению, освобождение русского крестьянина не иначе может быть соглашено с обеспечением поступления

государственных прямых налогов и собственности помещика, как только двумя способами: личным освобождением без всякого надела землею, с правом свободного переселения; или при совершенном отделении крестьян от их владельцев, *при наделе* их необходимо нужным количеством усадебной, пахотной, луговой и выгонной земли и с вознаграждением за это помещика.

В первом случае свобода крестьян неоспорима и право владельца на землю обеспечено, ибо последний имеет ничем не стеснимое право распоряжения своею собственностью, которая и служит обеспечением государственных прямых налогов. Мы не защищаем этот способ освобождения, а потому и не распространяемся об нем, но указываем только на одну его возможность.

Во втором случае с освобождением крестьян с землею, с отделением их совсем от помещика, т. е. и уничтожением всяких взаимных их обязательных отношений, свобода крестьян, даже при большей или меньшей крепости их земле, неоспорима; помещик, получив за крестьян с землею капитальный выкуп деньгами или облигациями, по возможности вознагражден, а исполнение крестьянами обязанностей перед правительством обеспечиваются землею, отдаваемою им в собственность.

Вот единственное и верное средство *освободить крестьян не словом, а делом, не постепенно, а разом,* единовременно и повсеместно, не нарушить ничьих прав, не порождая ни с какой стороны неудовольствий и не рискуя будущим России.

Справедливость требует, чтобы при таком освобождении крестьян помещики были вознаграждены как за землю, отходящую из их владения, так и за самих освобождаемых крестьян.

Считая неуместным в настоящей записке разбирать все подробности этого дела, мы находим нужным изложить общий взгляд на этот предмет и доказать одну только возможность этого способа упразднения крепостного права.

Рассмотрим сначала, в какой мере должны быть вознаграждены помещики за освобождаемых крестьян с землею и на кого должны падать убытки этого вознаграждения. Мы видим, что закон об укреплении крестьян к земле произвел такие естественные последствия, которые отняли у крепостных людей личную свободу и сделали их товаром.

Мы видим, что помещики покупали крестьян с землею и принимали в расчет при этой покупке не одну их численность, но даже и личные их достоинства.

До сего времени в России беспрепятственно продавались и покупались люди на своз, как имущество. Лица, имеющие по закону право владеть людьми, надеясь на силу законов, до сего времени не опасались употреблять капиталы на покупку людей как имущества, которого обладание дозволено и ограждено законами. Признать это имущество незаконным и изъять без всякого вознаграждения несправедливо потому, что лица, владеющие крепостными людьми в данную минуту, не могут отвечать за

прочность государственных, вековых учреждений и потому, что законы не могут иметь обратной силы. Мы не имеем средств убедиться, насколько древние правительства России имели права распоряжаться землями при раздаче их в поместья и частные вотчины, ибо для этого мы должны восходить до права первоначального занятия земли отдельно по каждому помещичьему имению (что явно невозможно), но видим, что неминуемым последствием этой раздачи земель явилась необходимость прикрепления человека к земле и вследствие того отнятие у него личной свободы. Сверх того, прежние правительства лишали свободы целые массы людей, отдавая их в собственность помещикам и дозволяя их покупать, продавать и закладывать, как вещи.

Из этого ясно, что ценность всякого населенного имения, состоящего на крепостном праве, заключается не в одной земле, но и в людях, за которых помещик должен быть также вознагражден, как и за землю, тем более что в некоторых местностях земля без людей не имеет никакой ценности. Конечно, освобождаемые крестьяне должны сами купить отходящую к ним землю; но кто же вознаградит помещиков за личную свободу крестьян и дворовых людей? Неужели можно допустить, чтобы в этом случае ценность людей была присоединена к ценности земли и те же самые люди, у которых была отнята свобода во имя государственной необходимости, были вынуждены выкупать свою неволю! Они сами менее всех виновны в существовании крепостного права и были принесены в жертву общей государственной пользы. Законы общечеловеческой справедливости не допускают брать с обиженного вознаграждения за нанесенную ему обиду.

Если это правило будет отвергнуто, то все дело дарования свободы не будет справедливым восстановлением прав человечества, и сами освобождаемые люди поймут, что им продают, а не даруют свободы.

На основании непреложных начал справедливости восстановление нарушенных прав должно лежать на обязанности их нарушителей. Мы видим, что учредило крепостное право само правительство, за действия которого должны ответствовать *все сословия* государства равномерно, тем более что распоряжения правительства по этому предмету были совершенно согласны с нуждами, понятиями и правами всего народа и что освобождение крепостных людей составляет интерес всего государства.

Все вышеизложенное ведет к неоспоримому заключению, что в видах сохранения справедливости помещики должны быть вознаграждены за людей и за землю, отходящих из их владения, и что вознаграждение за первых никак не должно падать на одних освобождаемых крепостных людей, а на все сословия государства и имущества всех родов без всякого различия.

Затем неминуемо следует вопрос: как определить количество земли, необходимо нужной крестьянину для обеспечения его

оседлости и свободы, каким способом оценить по справедливости убытки помещика, происходящие от такого освобождения крестьян, и где найти средство для их награждения?

Количество земли, необходимо нужное крестьянину, не может быть определено с точностью ни назначением одною цифрою для какой-либо местности, ни на основании настоящего их владения. Первый способ определения решительно невозможен, ибо разнообразие почвы и экономического быта крестьян не представляет никакой возможности определить одною цифрою это необходимое количество земли не только для известного округа, но даже для двух соседних деревень. Второй способ совершенно неудобен по следующим причинам. Определение количества земли, состоящей в пользовании крестьян, в настоящее время произошло от воли помещиков, а так как распоряжения их зависели от случайных обстоятельств, то настоящее наделение крестьян землею в большей части помещичьих имений далеко превышает их необходимую потребность. Многие помещики, будучи отвлечены от своих имений по разным обстоятельствам и часто не заезжавши в них в продолжение всей своей жизни, довольствовались известным оброком и предоставляли в пользование крестьянам всю имеющуюся у них землю.

Поэтому настоящее распределение земли не может быть принято основанием для будущих наделов. По нашему мнению, единственный и лучший способ определения этого количества может быть — добровольное соглашение помещиков и крестьян, поставленное в известные границы для обуздания произвола. Хотя нельзя указать одну количественную единицу земли, необходимой для крестьян на известной местности, но можно определить количество земли, *менее* которого не может иметь крестьянин известного уезда без потери своей оседлости, и вместе с тем определить местную среднюю ценность земли. Этот минимум обозначит количество земли, которое помещик непременно обязан уступить крестьянам.

С другой стороны, определить количество должной суммы, далее которой не обеспечивается вознаграждение, и затем определение надела земли и следующего за него награждения предоставить полюбовному соглашению обеих сторон, оставив за помещиком право, в случае если этого соглашения не последует, дать крестьянам земли и получить меньшую цифру вознаграждения. Этот способ вернее всех прочих обеспечит будущую участь крестьян. Он имеет и то преимущество, что дает крестьянам возможность, в случае необходимости, прикупить у помещика на собственные свои капиталы известное количество земли, приуроченной к местам их оседлости, или принять другую землю, взамен ими занимаемой, и добровольно переселиться, если они найдут это более выгодным и удобным.

Оценка убытков помещиков при таком освобождении крестьян с землею может быть не иначе как приблизительная, посредством

определения средней ценности людей и земли в известной местности. Оценивать каждое имение порознь нет никакой возможности, не говоря уже о дороговизне и медленности такого кадастра; стоит только вспомнить, что отсутствие всякой бухгалтерии во всех имениях отдает эту оценку в руки произвола и взяточничества, делает его орудием повсеместного грабежа помещиков и крестьян. Вообще при настоящей нравственности лиц, состоящих на государственной службе, нельзя допустить в этом случае никаких отношений между лицами, определяющими цены и имеющими личную выгоду в оценке. Губернские комитеты будут иметь возможность определять для каждой местности ценность рабочих сил и земель. Основанием для этой оценки могут служить, между прочим, купчие крепости на родовые имения (при продаже которых цена не скрывалась), по которым продавались люди с землею и одна земля. Они покажут совершенно близкую среднюю ценность человека и земли.

Весьма легко, что комитеты найдут другие, еще лучшие основания. Если при этом способе оценки и будет какой-либо ущерб для кого-либо, то весьма незначительный в сравнении с тем убытком, который, наверно, падет на всех от произвола оценщиков, и притом этот ущерб может быть значительно понижен добровольным соглашением обеих сторон. Совершенно точное определение убытка помещиков, как бы по весу, в настоящем случае совершенно невозможно, не согласно с духом русского народа и даже совсем не нужно при изобилии наших земель и угодий. Никто из нас не пожалеет этого малого ущерба и лучше согласится понести его, нежели иметь дело с нашими чиновниками и судами.

Мы сказали, что вознаграждение убытков помещиков должно состоять из двух элементов: вознаграждения за людей и выкупа земли, отходящей от их владения, из которых первое должно падать на государство, а второе — на самих освобождаемых крестьян. По нашему мнению, это вознаграждение должно быть рассчитано не иначе как денежный капитал и выдано помещикам облигациями, приносящими проценты и совершенно обеспеченными. Такая выдача капитала совершенно необходима для поддержания помещичьих хозяйств и приспособления их к обработке наемными руками. Поэтому вознаграждение постоянною, ежегодною рентою неудобно; а всякое другое неденежное вознаграждение, как-то: обязательство работы, сельскими производствами и т. п. , не может иметь места в настоящем случае и не согласно с понятиями свободы, иначе не будет места свободе, и крепостное право заменяется какою-то *вечною кабалою,* невыносимой для народа и ничем не обеспечивающею права землевладельца. Мы видели, что такое определение обязательных сельских работ невозможно, а потому произвол будет господствовать попрежнему во всей своей крепостной силе и перейдет только от помещиков в руки агентов правительства, которые будут управ-

лять всем государством на помещичьем праве. Подобное освобождение крестьян не есть их освобождение, а только понижение прав дворянства в один уровень с безнравственностью крепостных людей. Притом вознаграждение помещиков должно быть капитализировано, что возможно только в том случае, если оно будет денежное. Остается один и самый важный вопрос: где найти средства для вознаграждения помещиков? К несчастью, многие отвергают изложенный нами единственно разумный способ освобождения крестьян только потому, что убеждены в недостатке наших государственных средств. Убеждение это в частных людях основано на одних слухах, идущих от наших государственных людей, а у сих последних основано на одних официальных отчетах, всегда противоречащих действительности, и на недостатке средств по бюджету доходов и расходов государства. Этому убеждению сильно помогает и то, что мы всегда привыкли верить слухам и словам авторитетов, созданных табелью о рангах, но никогда не осмеливаемся взглянуть в окружающую нас действительность и проверить их слова своими собственными глазами.

Средства государства существуют не в одном только доме, занимаемом государственным казначейством, и не в одних цифрах, значащихся в бюджете его доходов. Мы не рассчитываем на эти средства. Источники государственного богатства, о которых мы говорим, рассеяны по всей нашей империи. Они существуют во всех местностях и видимы на каждом шагу. На отдельных местностях они видимы даже лучше, нежели в графах министерских отчетов. Стоит каждому поглядеть внимательно вокруг себя, и он увидит, что эти средства даже превышают потребности, но что потребности часто не удовлетворяются только вследствие невыгодных распоряжений средствами.

Мы видим, что весьма часто строятся громадные общественные здания, которые впоследствии ничем не занимаемы; мы видим, что каждое сооружение стоит для казны впятеро более, чем для частных лиц; мы видим казенные фабрики и заводы, приносящие одни убытки и доставляющие только теплые места чиновникам; мы видим государственные леса, служащие только предметом расхищения; мы видим ясно и положительно, что самая значительная статья государственного дохода — винный откуп не приносит половины следующего с него дохода; мы видим множество чиновников, ненужных для службы и ничего не делающих, но получающих большие содержания, тогда как, с другой стороны, множество чиновников, на которых опирается вся администрация, лишены всякой возможности существовать и выпущены на грабительство. Наконец, мы видим, что все эти невыгодные распоряжения суммами, грабежи чиновников, бездна совершенно случайных и потому неравномерных натуральных повинностей, от которых жители откупаются втихомолку суммами, вчетверо и впятеро превышающими их стоимость, не в состоянии подавить благосостояние России и разрушить окончательно

источник ее богатства. Значит, мы богаты! Значит, люди, говорящие о неимении государственных средств, не знают ни государства, ни его производительных сил. В самое бедственное время последней войны, когда сельский житель не имел работ, когда сельские произведения не шли с рук, мы поставили в несколько недель ополчение, стоившее со всем, считая натуральные повинности (подводами и тому подобным), едва ли не более трех рублей с души, и после этого не чувствуем себя беднее. Благосостояние наше нисколько не упало; напротив, судя по состоянию винных откупов, мы видим, что народ в настоящее время, несмотря на значительное повышение цены вина (доходящей до 6 руб. сер. за ведро), выпил все определенное годовое количество за 8 месяцев, и это мы замечаем после огромного пожертвования на дело совершенно непроизводительное, как война. А что же будет, если такое пожертвование принесут все сословия государства и все роды имуществ на дело освобождения крестьян, которое должно по меньшей мере возвращать вдвое все на него пожертвованное, вследствие одной огромной разности, существующей в производительности между свободным трудом и обязательною работою.

Чтобы лучше понять это, рассмотрим, как велики должны быть средства для выкупа крестьян с частью земли в Тверской губернии. Средняя ценность ревизской души с частью земли, для нее необходимой, по нашему мнению, не превысит 150 руб. сер. Крестьяне на своз, при незначительном количестве движимого и недвижимого имущества, продаются от 50 до 60 рублей серебром. Всех помещичьих крестьян и дворовых людей в нашей губернии по 9-й ревизии числится 360 557 ревизских душ.

Поэтому вознаграждение собственно за людей равняется 21 663 420 руб. сер. Если при совершенном неимении наличных средств будут выданы помещикам на эту сумму 4-процентные облигации, обеспеченные налогами со всех сословий и всех родов имуществ, то ежегодный платеж по ним 5 процентов с погашением будет не более 1 081 671 руб. сер., которые, будучи разложены на 630 424 ревизские души мужского пола всех податных сословий с губернии[4], на капиталы и имущества всех родов, составят ежегодное пожертвование вдвое (если не втрое) менее против пожертвования, сделанного одними помещиками и податными сословиями на ополчение 1855 года. Наконец, губернскими комитетами легко могут быть указаны средства, не входящие в бюджеты доходов, которые могут покрыть часть капитального долга за выкуп людей и тем уменьшить цифру ежегодного платежа. К этому разряду можно отнести указание на сокращение многих расходов, на суммы земского сбора, собираемые для разных сооружений, которые легко могут быть отложены до более благоприятного времени, указания на разные казенные имущества, не приносящие государству никакого дохода, которые без всякого неудобства могут быть проданы, и т. п. Мы надеемся

указать на множество таких источников, и для этого комитетам нужно только право получать от всех мест и должностных лиц необходимые для этого сведения; наконец, вышесказанный процент может быть понижен по усмотрению самих комитетов. Что касается до вознаграждения самих помещиков за отходящие из их владения земли, то облигации, на этот предмет выданные, легко могут быть обеспечены самою землею, поступающею в надел крестьянским общинам.

Для произведения этой операции и заведования крестьянскими общинами в финансовом отношении могут быть устроены в каждой губернии, по примеру Австрии и Пруссии, банки, которые можно соединить с существующими приказами общественного призрения и комитетами земских повинностей, поручив их управление выборным лицам из всех сословий в губернии, с публичною отчетностию и личною и имущественною ответственностию выборных. Сие последнее необходимо для того, чтобы облигации пользовались доверием.

В наше время тайному управлению и неответственным чиновникам никто уже не верит. Многочисленные опыты разрушили всякое очарование относительно подобного делопроизводства.

Платеж процентов по облигациям освобожденными крестьянами будет весьма легок. По нашему соображению, стоимость выкупа земель Тверской губернии не может простираться более 36 миллионов рублей серебром, с которых ежегодный платеж 5% не может превышать 1 800 000 руб. сер., что составит не более 5 руб. сер. с души в год; а с тягла 12 руб. 50 коп. — самый легкий помещичий оброк. При строгом взыскании недоимок и объявлении, что в случае неплатежа процентов в известный срок неплательщики будут переселяемы в Сибирь, никакой недоимки быть не может.

Вот наш взгляд по предмету освобождения крестьян и единственный способ разумного, справедливого и спокойного разрешения этого вопроса.

Если нам возразят, что облигации не будут равноценны капиталу, им представляемому, то мы на это может отвечать, что этого никогда быть не может; ибо бумаги, приносящие проценты и достаточно обеспеченные, никогда не наводнят денежных рынков и не потеряют своей нормальной цены.

Примером этому служит Англия с ее несметным количеством банковых билетов, ходящих свободно, как наши кредитные билеты и наши серии, которых нигде нельзя достать. Разумное же и явное управление этим делом никогда не может допустить недоверия к обороту, делающемуся гласно и обеспеченному имуществами его управителей.

Поэтому мы считаем необходимо нужным разрешить губернским комитетам:

1) требовать от всех присутственных мест и лиц все нужные для них сведения и обсуждать финансовые средства губернии;

2) обсуждать необходимо нужные изменения в устройстве сельского управления, местной полиции и некоторых связанных с этим предметом учреждений;

3) не стесняться тесною рамкою инструкций, а излагать и обсуждать все необходимые предметы со всей откровенностью. Сие последнее необходимо потому, что с вопросом об освобождении крестьян связаны многие вопросы нашей государственной жизни. Уединить его от всех прочих вопросов и решить совершенно отдельно нет никакой возможности.

А. И. Герцен

ЧЕРЕЗ ТРИ ГОДА (18 ФЕВРАЛЯ 1858 г.)

«Ты победил, Галилеянин!»[1], и нам легко это сказать потому, что у нас в общей борьбе не замешано ни самолюбие, ни личность. Мы боролись из дела, кто его сделал, тому и честь.

Середь общего сетования, прерываемого дикими криками бесновавшихся реакционеров и солдат, пьяных от крови, середь нелепой войны[2] и глубокого падения всего западного материка мы, со страхом гадая, обращали взгляд наш на молодого человека, шедшего занять упраздненное место на железном троне, которого тяжелые ножки далеко вдавились в нашу грудь.

«От вас ждут кротости,— говорили мы ему,— от вас ждут человеческого сердца — вы необыкновенно счастливы!» и робко, мучимые сомнением, прибавляли: «Дайте свободу русскому слову. Смойте с России пятно крепостного состояния».

И потом мы жаждали, с внутренним трепетом надеясь, негодуя, прислушиваясь к движенью, к вестям. После тридцатилетнего ожидания — нетерпение простительно...

Книга Корфа оскорбила нас, она так грубо дотронулась до воспоминаний, святых нам, она так беспощадно напомнила нам свинцовое время, в которое мы столько страдали[3].

...А там это старье, эта олицетворенная подагра правительства, эти мозоли, мешающие ему идти вперед... надежды удалялись, мы становились все беднее и готовились скрести[ть] руки на груди, остаться печальными обличителями немых злодейств, совершавшихся во мраке канцелярских тайн.

Но с того дня, как Александр II подписал первый акт[4], всенародно высказавший, что он — со стороны освобождения крестьян, что он его хочет, с тех пор наше положение к нему изменилось.

Мы имеем дело уже не с случайным преемником Николая, а с мощным деятелем, открывающим новую эру для России; он столько же наследник 14 декабря, как Николая. Он работает с нами — для великого будущего.

Имя Александра II отныне принадлежит истории; если б его царствование завтра окончилось, если б он пал под ударами каких-нибудь крамольных олигархов, бунтующих защитников барщины и розог — все равно. Начало освобождения крестьян сделано им, грядущие поколения этого не забудут!

Но из этого не следует, чтоб он мог безнаказанно остановиться. Нет, нет, пусть он довершит начатое — пусть полный венок закроет его корону. Гнилое, своекорыстное, дикое, алчное противудействие закоснелых помещиков, их волчий вой — не опасен. Что они могут противупоставить, когда против них власть и свобода, образованное меньшинство и весь народ, царская воля и общественное мнение.

И пуще всего общественное мнение. Лишь бы теперь нашим плантаторам и их противникам позволено было вполне высказаться, помериться... И тут, как во всем, поневоле бьешься в другое великое искомое современной России — в гласность. Гласность их казнит, прежде нежели дойдет дело до правительственного бича или до крестьянского топора.

Посмотрели бы мы право au grand jour* на этих защитников розог и крещеной собственности, забрызганных кровью жертв, на этих грабителей по дворянской грамоте, на этих людокрадов, отнимающих у матерей детей, торгашей, продающих девок, барышников рекрутами. Выходите же на арену — дайте на вас посмотреть, родные волки великороссийские, может, вы поумнели со времен Пугачева, какая у вас шерсть, есть ли у вас зубы, уши? Знаете, что до помещичьего права добираются, до вольности дворянской: это мужика-то и не посечь и не заставить поработать четвертый и пятый день, дворового-то и не поколотить. Помилуйте! Выходите же из ваших тамбовских и всяческих берлог — Собакевичи, Ноздревы, Плюшкины и пуще всего Пеночкины[5], попробуйте не розгой, а пером, не на конюшне, а на белом свете высказаться — померяемтесь!

Вам можно было отпустить грех неправого наследства, преемственного стяжания, преступления ваших злодеев-отцов, ваших извергов-матерей за раскаяние, за умение понести потерю, за угрызения совести. Но вы упорствуете, вы защищаете ваше право... стало, вы сознательно, обдуманно берете на себя всю ответственность. Вы никогда не осмеливались даже поворчать, когда ваших детей ссылали в Сибирь[6], когда с самими вами обращались как с холопами, и вы осмеливаетесь показывать теперь зубы. История вас рассудит с императором Александром II и с народом русским — смотрите только, как бы она для вас не настала слишком скоро. Подумайте об этом!

Что касается до нас — наш путь вперед назначен, мы идем с тем, кто освобождает и пока он освобождает; в этом мы последовательны всей нашей жизни. Как бы слаб наш голос ни

---

* При ясном дне *(фр.)*.

был, но все же он живой голос, и как бы наш Колокол ни был мал, все же его слышно в России, а потому скажем еще раз, что мы убеждены, что Александр II не равнодушно примет приветствие людей, которые сильно любят Россию — но так же сильно любят и свободу, «которым не нужно его бояться и которые для себя лично ничего не ждут, ничего не просят».

Но ничего не прося, они желали бы, чтоб Александр II видел в них представителей свободной русской речи, противников всему останавливающему развитие, во всем ограничивающем независимость, но не врагов! Они потому этого хотят, что им стало дорого мнение освободителя крестьян!

«Ты победил, Галилеянин!»

Искандер.

Н. Г. Чернышевский

УСТРОЙСТВО БЫТА ПОМЕЩИЧЬИХ КРЕСТЬЯН

(материалы для решения крестьянского вопроса)

⟨...⟩ Уменьшать нынешний крестьянский надел для того, чтобы не остаться помещику без работников, нет никакой надобности ⟨...⟩ национальное чувство было бы возмущено таким освобождением, потому что оно непреклонно хочет сохранения земли за крестьянином. Какую же землю хочет оно сохранить за крестьянином? Ту, которой он теперь владеет,— ту самую землю, в том самом объеме, те самые участки. Национальное чувство не принимает тут никаких тонкостей и подразделений, никаких обрезываний и переносов. Одно из двух: если вы можете идти против него, так нечего было и церемониться; зачем было говорить, что освобождение без земли невозможно? А если раздражать национальное чувство нельзя, то нельзя и уменьшать нынешнего надела, нельзя и переносить крестьянских участков принудительным образом с одного места на другое: эти уменьшения и перемены были бы точно так же противны национальному чувству, как и освобождение без земли. Не стоит делать дела наполовину; не стоит пожимать человеку руку правой рукой и в то же время давать ему толчки левой: ведь все равно вы раздражите его, так уж лучше или бейте его обеими руками без всяких дипломатичностей, или сохраните с ним доброе согласие. Если освобождать крестьян с землей, то сохраняйте нынешний надел; иначе не достигнете своей цели, не удовлетворите национальному чувству.

⟨...⟩ Надобно заботиться только о том, чтобы освобождение сделалось без проволочек и удовлетворило национальному чувству.

Если смотреть на дело с этой стороны, которая одна практична, то надобно не пожалеть части леса, потребной для снабжения крестьян всем нужным. Ведь до сих пор, если был у помещика лес, крестьяне пользовались им, и лишить их этой выгоды значило бы, в сущности, обрезать настоящий размер их пользования угодьями.⟨...⟩

Как надобно решить дело о той части леса, которою пользовались крестьяне, так надобно решить его и о других угодьях, которыми они пользовались во всех тех имениях, где кроме пахотной земли, лугов и леса есть другие угодья. В серьезных делах не следует играть словами: не следует толковать их в ином смысле, кроме действительного. Что такое, в сущности, разумелось до сих пор под наделом крестьян? Разумелась вся та сумма угодий, которыми они пользовались. Смысл дела лежит в размере пользования, а не в том, как называются известные угодья — государственными, господскими или крестьянскими. Пользовался угодьем тот, кто им пользовался.

Так и должно остаться относительно лесов, рыбных ловель и т.п.: иначе сумма пользования уменьшилась бы, то есть уменьшился бы надел.

Если вести дело освобождения крестьян с целью удовлетворить национальное чувство, надобно вести его так, чтобы национальное чувство действительно было удовлетворено. В большей части поместьев крестьяне не жалуются на нынешний надел, и потому-то надобно принимать его общей нормой. Но был бы нарушен смысл дела, то есть удовлетворение национальному чувству, если бы надел не был приведен к соответствию с ним в тех поместьях, где нынешний надел служил причиной справедливых жалоб по своей недостаточности. Впрочем, повторяем, что это частный случай и нетрудно решить его в справедливом смысле, если все дело вообще будет ведено с желанием достигнуть справедливости.

В частном случае, о котором мы упомянули, особенного внимания заслуживают луга. Надел ими крестьян чаще бывал неудовлетворителен, нежели надел другими угодьями. И тут справедливость со стороны помещиков должна обратиться в их собственную пользу. Благосостояние поселян — необходимое условие для того, чтобы цены хлеба установились выгодные для помещиков. Достаточное снабжение лугами — самая важная вещь для лучшего устройства крестьянских хозяйств. Уступая десятину луга крестьянину, помещик избавляет его от необходимости спускать на полтину цену четверти хлеба; а с ценою крестьянского хлеба понижается или повышается и цена господского. Выгода от лишней полтины за четверть далеко превысит для помещика цену льготы, которую он оказал поселянину в наделе землею.⟨...⟩

Признается ли национальным чувством хотя какой-нибудь выкуп? Русский народ состоит не из экономистов, он не читал Адама Смита[1]. Но пусть честные люди прислушаются к голосу

народа, и они узнают, что нация думает о выкупе. Хотите ли знать, что думает нация? Нация спорит о том, что должно быть с господскими полями и лугами: останутся ли они за помещиком или также отойдут к крестьянам? И заметьте, о выкупе не бывает в этих спорах и помина. Просим прислушаться к голосу нации и проверить, правду ли мы говорим.⟨...⟩ Мы говорим о национальном чувстве: почему не сказать и о науке? Почему не заметить, что она, с своей стороны, говорит то же самое, что говорит национальное чувство, хотя оно и не знает о ней. Наш взгляд на юридическую величину выкупа не согласен с предубеждениями, которые всосаны многими из нас от крепостного права или, лучше сказать, от его злоупотреблений (потому что законное крепостное право — то право, которое может требовать себе вознаграждения по Своду законов, приводит к таким же соображениям, какие изложены у нас); но спросите любого экономиста, французского, английского, немецкого, какого угодно: каждый скажет о размере юридического вознаграждения то же самое, что должны были сказать мы для ослабления фальшивых и непрактичных претензий, предъявляемых некоторыми. Свод законов, национальное чувство, политическая экономия — все приводит к тому, что требовать выку́па едва ли выгодно и даже едва ли возможно⟨...⟩

Н. П. Семенов-Тян-Шанский

НАЧАЛО ЭПОХИ ОСВОБОЖДЕНИЯ КРЕСТЬЯН ОТ КРЕПОСТНОЙ ЗАВИСИМОСТИ. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ПОСЛЕДНЕГО ОСТАВШЕГОСЯ В ЖИВЫХ УЧАСТНИКА ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ РАБОТ ЭТОЙ ЭПОХИ

⟨...⟩ Главным центром деятельности и сношений со всей Россией по крестьнскому делу было, конечно, Министерство внутренних дел, во главе которого, к счастью, стоял уже в это время человек высокой честности и искренно сочувствовавший великодушным намерениям своего государя по делу освобождения крестьян — Сергей Степанович Ланской.

Родившийся еще в 1787 г. и получивший домашнее воспитание в изысканно культурной среде века Екатерины II, С. С. Ланской получил окончательное развитие в начале царствования Александра I, в то самое время, когда молодой император старался, по собственному выражению его манифеста, «управлять Богом вверенным его народом по закону и по сердцу покойной государыни»[1] (Екатерины II) и направлял все свои усилия к гуманитарным преобразованиям. Когда же после окончания славной Отечественной войны (1812—1815 гг.) преобразовательная деятельность императора Александра I прекратилась, а раз-

вившееся, отчасти под влиянием более близкого ознакомления с цивилизацией Западной Европы, стремление русской интеллигенции приняло новое направление, Ланской не остался чужд этому движению. В это время он уже был мастером провинциальной масонской ложи[2], а в 1818 г. был введен А. Н. Муравьевым в «Союз благоденствия»[3]. Пока Союз этот оставался верным своей первоначальной цели «подвизаться всеми силами на пользу общую, поддерживать все благие меры правительства, препятствовать всякому злу и обличать злоупотребления чиновников и бесчестные поступки частных лиц, а самим быть людьми без страха и упрека»[4], Ланской с увлечением стал в ряды этого тайного общества; но когда, после 1821 г., он заметил, что оно перешло на политическую почву и стало задумывать государственный переворот путем революции, он вышел из этого Союза. В царствование императора Николая I Ланской прошел все степени высшей служебной иерархии, был губернатором в двух центральных губерниях (Владимирской и Костромской), а в 1850 г. был назначен членом Государственного совета.

Замечательно, что пережитая Ланским в двадцатипятилетие, предшествовавшее его назначению в Государственный совет, эпоха косности и обскурантизма не заглушила в нем ни его просвещенных воззрений, ни его гуманных стремлений и что при этом он в своих действиях оставался действительно человеком «без страха и упрека». Несмотря на совершенное отсутствие сильной воли в проведении усвоенных им государственных соображений, Ланской обнаруживал большую стойкость в своих нравственных убеждениях и в своих отношениях к людям, заслужившим полное его доверие. Такою устойчивостью в своих просвещенных и гуманных взглядах во все время своей служебной деятельности в высших чинах Ланской был, конечно, обязан, между прочим, близкому и почти ежедневному общению с одним из самых образованных и гуманных людей этого периода князем Владимиром Федоровичем Одоевским[5], который был женат на родной сестре Сергея Степановича. Деятельность князя Одоевского, как ученого и как мецената в самом лучшем и обширном смысле этого термина, как друга лучших и талантливейших людей русской земли и как активного ревнителя просвещения русского народа, приобрела себе всеобщую известность, и мне остается заметить здесь только то, что хотя Одоевский и не принимал никакого участия в законодательных работах по освобождению крестьян, но во всю великую эпоху этого освобождения (1857—1861) был неизменным другом и союзником лиц, работавших по этому делу, а после 19 февраля 1861 г.— восторженным поклонником великой реформы.

Возвращаясь к характеристике одного из главных деятелей этой великой эпохи, С. С. Ланского, я должен, однако же, заметить, что достигавший в то время 70-летнего возраста Ланской не обладал многими из качеств, необходимых для той

роли, на которую он был призван волею царя-освободителя еще несколько ранее того, как решимость освободить крестьян окончательно созрела в душе самого государя. Это было, когда по вступлении своем на престол в 1855 г. император Александр II сместил министра внутренних дел генерал-адъютанта Д. Г. Бибикова по личному к нему нерасположению, хотя Бибиков имел большие заслуги по крестьянскому делу[6]. Еще в царствование Николая I он ввел ограничившие крепостную зависимость инвентарные правила в юго-западных губерниях, где он был генерал-губернатором, и по своей энергии и личным качествам мог бы быть полезным сотрудником в крестьянском деле. После отставки Бибикова император Александр II назначил временно управляющим министерством С. С. Ланского как одного из наиболее почтенных и заслуженных членов Государственного совета, но окончательно удержал его на этом месте, когда убедился в глубоком сочувствии его делу освобождения крестьян и в стойкой честности его убеждений. Однако сам государь сознавал, что Ланскому недоставало многого для той роли, к которой он был призван. Ни творчеством мысли, ни ясностью и определенностью взглядов государственного человека, ни твердостью воли в исполнении принятых им решений Ланской не обладал, и при таких условиях он не мог быть не только самостоятельным руководителем предпринимаемой государем великой реформы, но даже и могущественным проводником начал или положений, выработанных более способными государственными деятелями вверенного ему министерства. Так же мало мог Ланской провести хорошо усвоенные им взгляды в высших государственных учреждениях и вообще в высших сферах, так как не обладал ни даром слова, ни ясностью мысли, вследствие чего и не пользовался достаточным авторитетом в среде своих коллег.

Вот почему Министерство внутренних дел нуждалось в ту эпоху в таком человеке, который мог бы быть действительно руководителем всей предпринятой реформы и вынести на своих плечах все тяжелое бремя, возложенное Александром II на Министерство внутренних дел. Казалось с первого взгляда, что такую роль может выполнить назначенный в начале 1857 г. в этих видах товарищем министра внутренних дел бывший в министерстве графа Киселева[7] директором департамента сельского хозяйства и хорошо знакомый с экономическим бытом крестьян Алексей Ираклиевич Левшин.

А. И. Левшин был действительно одним из просвещеннейших людей своего времени. Родившись в последнем году XVIIIвека, он окончив высшее образование в Харьковском университете и поступив на службу в управление государственных имуществ, уже с молодых лет сделался основательным исследователем южной и в особенности юго-восточной России и составил себе имя в русской научной литературе целым рядом исследований, имевших серьезный научный характер. Административные свои

способности он проявил с 1830 г. на должности одесского градоначальника (до 1837 г.), где ему пришлось с первого же года своего управления выдержать тяжелую борьбу с страшным народным бедствием — знаменитой холерой 1831 г., надвинувшейся на всю Россию через вверенный его управлению город. По окончании холеры Левшин обнаружил свою просветительную деятельность основанием в Одессе журнала «Одесский вестник» и публичной библиотеки. По окончании своей службы в Одессе он переехал в Петербург и в 1845 г. был одним из учредителей Русского географического общества и в то же время одним из видных сотрудников графа Киселева в качестве директора департамента сельского хозяйства, в том самом министерстве, которое, по шутливому выражению императора Николая I, должно было служить ему под начальством Киселева «главным штабом» по крестьянской части.

Хотя предпринятая императором Николаем I война против крепостного права, по выражению одного из самых видных деятелей его штаба, т. е. Министерства государственных имуществ (А. П. Заблоцкого-Десятовского), совершавшаяся не по одному общему заранее обдуманному плану, имела характер «партизанской войны» и кончилась безуспешно, а самый штаб с начала последующего царствования был расформирован, в особенности после назначения в 1857 г. министром государственных имуществ М. Н. Муравьева[8]; все же многолетняя деятельность графа Киселева во главе министерства дала великой эпохе 1857—61 гг. немало полезных деятелей.

Один из них, А. И. Левшин, призванный в состав Министерства внутренних дел в качестве товарища министра Ланского, в начале 1857 г. принялся за дело по новой своей должности сначала, по-видимому, с большой энергией. Прежде всего он составил для государя краткий исторический обзор крепостного права в России, а затем много способствовал через посредство Ланского учреждению (под председательством государя) Секретного комитета по крестьянскому делу, в начале 1858 г. превращенного в Главный комитет по крестьянскому делу. Вообще влияние Левшина на весь ход крестьянского дела по Министерству внутренних дел в течение 1857 г. было очень велико и ко времени обнародования знаменитого Манифеста царя-освободителя от 20-го ноября 1857-го года достигло своего апогея. Но в этот решительный момент А. И. Левшин обнаружил справедливость французской поговорки «telle étoile, qui brille au second rang, s'éclipse au premier»*. Он показал свою неспособность к творчеству в великом государственном деле и к первой роли в предстоящей реформе. Не было у него ни смелости мышления, ни определенности в воззрениях, ни стойкости в убеждениях. С одной стороны, он опасался смут между крестьянами, с другой —

* Звезда, блистающая во втором ряду, меркнет в первом *(фр.)*.

неудовольствия помещиков, а с третьей — боялся вступать в борьбу с влиятельными лицами, окружавшими государя.

Естественно, что по обнародовании первого рескрипта, когда от руководителя Министерства внутренних дел требовалось более решительности и определенности в направлении, влияние Левшина на министра внутренних дел падало с каждым днем и должно было уступить влиянию другого деятеля министерства, несомненно обладавшего более сильною волею и самыми блестящими качествами государственного человека, а вместе с тем беззаветно преданного великодушным намерениям государя.

Лицом этим был директор хозяйственного департамента Н. А. Милютин[9], которого его высокие дарования и вся история его развития должны были неминуемо привести к первой роли в создании, в период 1858—61 гг., законопроекта об освобождении крестьян.

Н. А. Милютин родился в 1818 г. и получил прекрасное воспитание в очень культурной дворянской семье своих родителей, живших в Москве. Предок его отца был возведен в дворянское достоинство Петром Великим за устройство в Москве первой шелковой фабрики. Она обогатила семейство Милютиных, построивших в Петербурге на Невском проспекте несколько домов, в которых они устроили целый ряд лавок, отдаваемых внаймы и сохранивших еще и доныне название «Милютиных лавок». Но богатства Милютиных, как это часто случается в семьях русских людей, удержалось только в немногих поколениях, и уже дед Николая Алексеевича оказался сильно разорившимся. Он, однако же, успел дать своему сыну прекрасное образование и определить его на гражданскую службу в самое модное из тогдашних государственных учреждений — «иностранную коллегию», где Алексей Михайлович Милютин довольно рано дослужился до чина действительного статского советника. Мать Дмитрия[10] и Николая Алексеевичей, рожденная Киселева, родная сестра Павла Дмитриевича, была женщиной выдающеюся по своему уму и образованию. Она вступила в брак в 1815 г., когда А. М. Милютин был уже бездетным вдовцом. Родители Николая Алексеевича очень заботились о воспитании своих пятерых детей и, по свидетельству самого Николая Алексеевича, имели на них самое благотворное влияние, хотя только самый старший из них (Дмитрий) оказался человеком вполне уравновешенным. Два старших сына (которые лет от восьми до десяти были старше третьего) были помещены родителями в лучшее в то время в Москве среднее учебное заведение — Московский университетский пансион, где они сразу обнаружили свои необыкновенно блестящие дарования. В то время способнейшие из воспитанников пансиона оканчивали в нем полный курс наук в семнадцатилетнем возрасте, и родители, обыкновенно довольствуясь полученным их детьми средним образованием, спешили определить их на государственную службу для того, чтобы они в погоне за чинами не потеряли ни одного

служебного года. Иначе не могли поступить и родители Милютиных, хотя и по другой причине. Обладая очень скромным состоянием и имея на руках еще троих детей, уже достигавших учебного возраста, они вынуждены были стремиться к тому, чтобы их старшие сыновья достигли скорее такого служебного положения, в котором бы уже не нуждались в материальной помощи родителей. Вот почему Д. А. Милютин, родившийся в 1816 г., уже в 1834 г. поступил вольноопределяющимся в гвардейскую артиллерию, а Н. А. в 1835 г.— в Министерство внутренних дел.

Первые годы прохождения низших ступеней служебной иерархии были очень тягостны для обоих братьев. Они должны были пробивать себе жизненный путь исключительно своей трудоспособностью и талантливостью. Чуждый по принципу всякого деспотизма, их высокопоставленный дядя П. Д. Киселев, исключительно преданный своему высокому служению государственным интересам, не обладал душевною теплотою и стоял очень далеко от семейных интересов ближайших своих родных, вследствие чего он приблизил к себе своих племянников не ранее начала 1850-х годов, когда Дмитрий Алексеевич, будучи уже профессором Военной академии, прославил себя несколькими прекрасными сочинениями по военной истории и статистике[11], а Николай Алексеевич, уже в должности директора хозяйственного департамента Министерства внутренних дел, сделался известным своими умными и смелыми реформами в городском управлении.

Первые пять лет служебной деятельности Николая Алексеевича в Министерстве внутренних дел были самым тяжелым и безотрадным периодом его жизни. Служебная деятельность выдающегося своими талантами молодого человека ограничивалась в это время канцелярскою перепискою, не шедшею далее сочинения малосодержательных бумаг по указанию начальников отделений министерства. С этою канцелярскою «хриею», как ее называл Н. А. Милютин, он ознакомился очень скоро и проявил в ней не только ясность, но и виртуозность изложения, и даже некоторое творчество, которое обратило на себя в 1841 г. внимание тогдашнего просвещенного министра графа А. Г. Строганова[12] в дошедшей до него записке о голоде. Но канцелярская деятельность не могла удовлетворить высоким стремлениям Николая Алексеевича. Он употреблял свои досуги на пополнение своего еще недостаточного образования чтением серьезных иностранных сочинений, которое облегчалось данным ему тщательным домашним образованием и знанием двух иностранных языков. Все более интересовали его книги, относящиеся к новейшей французской истории, политической экономии, статистике и социологии. Чтение этих книг выработало из него ревностного поклонника общественной и политической свободы государств Западной Европы и тонкого знатока их государственного устройства.

Но одна кабинетная деятельность не могла еще удовлетворить

пылкой и страстной природы Николая Алексеевича. Живой и общительный по своему характеру, он быстро сближался с даровитыми людьми и легко делался душою всякой дружеской беседы, увлекая своих собеседников своею живостью и остроумием. Да и порыв «юности мятежной» он не в силах был сдерживать в эти годы и одинаково увлекал не только своих серьезных идейных союзников, но веселых своих собутыльников. Однако же замечательно, что и между последними он всегда умел подобрать людей, выдающихся своей тонкой культурностью и талантливостью. Достаточно назвать между ними В. П. Боткина[13], с которыми он даже совершил в 1846 г. поездку в Испанию, дозволившую ему взглянуть на европейскую цивилизацию, с которой он имел до того времени только книжное знакомство; Н. А. Некрасова, с которым его сблизила их общая любовь к народу; высококультурного И. П. Арапетова[14], который сделался впоследствии самым преданным ему другом; очень распространенного в самом высшем петербургском обществе М. Н. Лонгинова[15], не чуждого, впрочем, и серьезным научным работам; известного своими литературными работами И. И. Панаева[16] и, наконец, выдававшегося своей остроумною веселостью М. А. Языкова[17], бывшего другом Белинского до самой его кончины.

Возвращаясь постоянно от порывов мятежной юности к своим высоким идеальным стремлениям, Н. А. Милютин в особенности сочувствовал великим государственным планам своего знаменитого дяди графа Киселева относительно освобождения крестьян, но, не имея еще личных с ним сношений, старался ознакомиться с ними чрез посредство его близких сотрудников и в особенности чрез ближайшего из них — А. П. Заблоцкого-Десятовского, уже бывшего в начале 40-х годов в самых дружеских отношениях с братьями Милютиными, а в 1841 г. совершившего по секретному поручению графа Киселева объезд разных губерний России с целью ознакомления с положением помещичьих крестьян великороссийских губерний. В этом объезде принял негласное участие и Н. А. Милютин, без сомнения, не без ведома графа Киселева, который, впрочем, не входил по этому поводу ни в какие личные сношения с своим племянником.

Эта первая поездка Милютина по России, совершенная под руководством такого умного и опытного исследователя, каким был А. П. Заблоцкий-Десятовский, чрезвычайно расширила кругозор Николая Алексеевича и окончательно сделала его страстным сторонником высокой идеи об освобождении крестьян, а его сотрудничество с таким опытным редактором, который впоследствии в бытность уже статс-секретарем Государственного совета был всеми признаваем обладающим государственным пером, значительно усовершенствовало Н. А. Милютина в ясности изложения предметов государственного значения.⟨...⟩

С 1845 г., по учреждению Русского географического общества[18], братья Милютины явились оба в рядах самых ранних его

деятелей. Отдавшись, как и всегда, страстно этой новой деятельности, особливо в период 1845—52 гг., Н. А. Милютин в значительной мере пополнил здесь недостаточные еще свои научные знания не только серьезными занятиями в богатой библиотеке Общества, но и сближением со многими светилами русской науки, сгруппированными в Обществе. Обладая необыкновенною живостью и общительностью, он очень скоро успел сгруппировать вокруг себя юных деятелей русской науки, которые с развитием своих умственных знаний и сил начинали уже тяготиться зависимостью от своих немецких учителей, стоявших в это время во главе Общества. Все эти молодые русские люди жаждали не только сближения с русским народом и изучения его быта и национальных особенностей, но и освобождения его от крепостной зависимости.⟨...⟩

Семилетняя кипучая деятельность Милютина в Географическом обществе была для него, можно сказать, эквивалентом высшего академического образования. Целый ряд слышанных им в Обществе научных бесед и сообщений, личные сношения с первоклассными русскими учеными и пользование обширной библиотекой вполне заменили ему чтение профессорских лекций, а предпринятые им собственные научные работы помогли ему усвоить строгие научные методы исследований. Наконец, лидерство, стремящееся к определенной партийной цели, дало ему крылья для предстоящей ему в будущем политической борьбы в интересах русского народа, разумея под народом совокупность всех сословий русского государства.

В 1852 г. Милютин был уже назначен на еще более самостоятельную должность директора хозяйственного департамента Министерства внутренних дел, а в 1856 г., по заключению Парижского мира, он уже как истинный государственный человек пришел к глубокому убеждению, что при доказанной несчастным окончанием Крымской войны несостоятельности общественного и государственного строя России наступила пора его полного обновления, и первым актом этого обновления должно было быть освобождение крестьян от крепостной зависимости.

В эту-то эпоху Н. А. Милютину, при его государственном уме и обаятельных общественных качествах, нетрудно было сделаться настоящим лидером собиравшейся около него партии, которая стремилась к освобождению крестьян и состояла не только из лучших деятелей Географического общества, но и из лиц, бывших на службе в Министерстве внутренних дел и в разных других министерствах и государственных учреждениях, а также и при двух великокняжеских дворах (великой княгини Елены Павловны и великого князя Константина Николаевича).

Между этими лицами высокое место по своим блестящим дарованиям, глубокому знанию бытовой истории русского народа и пламенной, страстной и полной самоотвержения преданности идее освобождения крестьян занимал Константин Дмитриевич

Кавелин, связанный тесною и неизменною дружбою не только с Н. А. Милютиным, но и со старейшим его другом А. П. Заблоцким-Десятовским. Хотя Кавелин и не принимал непосредственного и, так сказать, официального участия в законодательных работах по освобождению крестьян, но услуга, оказанная им этому великому делу, так велика, что она делает его имя незабвенным в истории этой эпохи. Вот почему разъяснение этой услуги и характеристика его личности, заслуживающей всеобщие симпатии современников, представляются мне здесь как нельзя более уместными.

К. Д. Кавелин родился, как и Милютин, в 1818 г., принадлежал к древней дворянской фамилии и вырос в поместье своих родителей посреди тяжелых условий крепостного права. Уже в юношеские годы пылкая душа Константина Дмитриевича и пытливый его ум, на развитие которого повлиял один из ранних его учителей В. Г. Белинский, представили ему окружающее крепостное право в самом неприглядном виде и выработали из него страстного его противника. Окончил он высшее образование в Московском университете в 1839 г. под руководством целой плеяды бывших там в его время блестящих профессоров по юридическому факультету, получив золотую медаль за первую научную работу о римском землевладении, написанную, очевидно, под влиянием высокоталантливого учителя профессора Крылова[19] и напечатанную в 1841 г. В 1844 г. Кавелин, будучи уже магистром, получил кафедру в Московском университете по истории русского законодательства. Его воодушевленные и изящные лекции и беседы о юридическом быте Древней Руси привлекали к нему многочисленных слушателей и почитателей, но в 1848 г. его страстный характер вызвал резкое столкновение с его знаменитым учителем профессором Крыловым и заставил его оставить университет. Приехав в Петербург, он искал здесь средств к существованию, так как в это время уже был семейным человеком. В Петербурге он возвратился в среду любимых друзей, приобретенных им во время его прежнего пребывания в Петербурге (1841—43 гг.). Старейший из них, В. Г. Белинский, в то время был уже близок к смерти; остальные не только приветливо встретили Кавелина, но и доставили ему новых друзей, с которыми он быстро и близко сошелся на дорогой им идее освобождения крестьян, в то время еще не принявшей определенного характера.

Введенный своими новыми друзьями в состав Русского географического общества, он принял живое участие в затеянной в то время под влиянием Милютина борьбе русской партии против немецкой и много способствовал победе, одержанной этой партией и повлекшей за собой замену немецких руководителей Общества русскими. Переворот этот имел последствием то, что новые деятели Общества обратили усиленное внимание на изучение русского народного быта и аграрных отношений между помещиками и крестьянами, несомненно подготовившее великую реформу

последующего царствования. Сам Кавелин принял, конечно, живое участие в этих работах.

После сближения Кавелина с Милютиным, и в особенности в конце Крымской войны, все помыслы обоих были направлены на дело освобождения крестьян, которое они оба считали первою и самою необходимою реформою при обновлении русского государственного строя. При обсуждении этого вопроса в кругу сочувствующих ему лучших людей столичной интеллигенции Кавелину бесспорно принадлежит первенство в установлении принципа земельного, а не безземельного освобождения крестьян. Указание на то, что это может быть достигнуто только путем правительственного выкупа крестьянских наделов, принадлежит К. Д. Кавелину и составляет его бессмертную заслугу в истории великой эпохи.

Идеи свои по этому предмету Кавелин выразил в первой записке, написанной им еще в марте 1855 г.[20], ходившей по рукам в начале царствования императора Александра II, сблизившей его с лучшими деятелями эпохи освобождения (в особенности с Н. А. Милютиным, А. П. Заблоцким-Десятовским, Ю. Ф. Самариным и князем В. А. Черкасским) и приблизившей его к великой княгине Елене Павловне. Последняя поручила ему вместе с Н. А. Милютиным составить положение для освобождаемых великой княгиней из крепостной зависимости собственных ее крестьян поместья Карловка Константиноградского уезда Полтавской губ., что и было им исполнено в 1857 г. Будучи уже профессором С.-Петербургского университета, он был приглашен к преподаванию правоведения наследнику цесаревичу Николаю Александровичу.

Наибольший контингент лиц, способных для служения великому делу освобождения крестьян, приготовило, конечно, из всех государственных учреждений то министерство, которое император Николай I называл своим «главным штабом» по крестьянскому делу, а именно Министерство государственных имуществ. В действительности хотя «партизанская война», которую император Николай I вел против крепостного права со времени учреждения министерства (1837—1848 гг.), прекратилась вследствие того, что государь отказался от своего великодушного намерения, но на министерстве осталась еще забота об улучшении быта государственных крестьян. Вследствие этого, когда граф П. Д. Киселев покидал свое министерство в 1856-м году, он оставил после себя целую плеяду сравнительно молодых деятелей, прекрасно подготовленных для активного участия в великих реформах царствования императора Александра II.

Бесспорно, самым талантливым и самым опытным между ними был ближайший сотрудник Киселева именно в вопросе об освобождении крестьян А. П. Заблоцкий-Десятовский. Этот действительно выдающийся по своему уму и таланту человек родился в 1807 г. в Северной Руси (Новгород-Северского уезда

Черниговской губернии). Фамилия его принадлежала к древнему малороссийскому дворянскому роду. Его отец, получивший высшее образование в лучшем в то время высшем учебном заведении в Малороссии — Киевской духовной академии, остался, вследствие полного разорения своей осиротевшей родительской семьи, как старший брат во главе ее и должен был со своей учебной скамьи непосредственно обратиться к земледельческим занятиям. Выработав из себя очень скоро дельного агронома, он занял место управляющего обширным имением в одном из богатейших поместий Черниговской губернии. Это обстоятельство поставило его в близкие ежедневные отношения к крепостным крестьянам и дало возможность его детям с ранних лет непосредственно знакомиться с бытом малороссийских крестьян. Старший из его сыновей, Андрей Парфенович, окончив среднее образование в Новгород-Северской гимназии, поступил по желанию отца в Московский университет, где его замечательные дарования обратили на себя особенное внимание профессоров и дали ему окончить высшее образование в 1831 г. с дипломом магистра математических наук. Переехав в Петербург, Заблоцкий-Десятовский поступил на службу в Министерство внутренних дел, где очень скоро его математические и в особенности замечательные редакторские способности обратили на себя внимание начальства, и на него были возложены сначала первые самостоятельные работы по статистике населения всей империи, а затем редакция Журнала Министерства внутренних дел.

По учреждении в 1837-м году Министерства государственных имуществ граф Киселев привлек его в свое министерство уже в качестве опытного редактора и очень скоро оценил его замечательные редакторские способности до такой степени, что кроме возложенной на него редакции Журнала Министерства государственных имуществ Заблоцкий-Десятовский сделался «пером» графа Киселева во всех случаях, где требовалось ясное и отчетливое изложение по важнейшим государственным вопросам. Такой близкий сотрудник был тем необходимее для графа Киселева, что при необыкновенной ясности и определенности своего истинно государственного ума, граф всегда любил сам набрасывать сжатый конспект того, что он желал высказать по существу дела в своих официальных сношениях с разными местами и лицами и в особенности в своих предписаниях и распоряжениях; между тем он, при менее совершенном владении (как это зачастую случалось в то время в высших сферах) русским, чем французским, языком, несколько затруднялся в правильном изложении своих мнений и намерений на родном языке. При возникших вследствие того частых и близких сношениях графа Киселева с Заблоцким-Десятовским последний сделался постепенно ближайшим его конфидентом и советчиком по живо интересовавшему не только их обоих, но и императора Николая I вопросу об освобождении крестьян. Вот почему,

когда был учрежден еще в 1839 г. под председательством самого государя Секретный комитет для рассмотрения предположений Киселева об ограничении крепостного права[21], которые встречали постоянный и сильный отпор со стороны ближайших советников государя, граф Киселев поручил Заблоцкому-Десятовскому в 1841 г. объехать внутренние губернии России для собрания необходимых ему сведений не только об экономическом положении государственных крестьян, но попутно и о положении крестьян помещичьих.

Результатом этой командировки была замечательная записка Заблоцкого-Десятовского «О крепостном состоянии в России», законченная и представленная графу Киселеву в 1842-м году. Записка эта впервые затронула глубоко и разносторонне (со стороны сельскохозяйственной, политической и нравственной) вопрос о необходимости будущего освобождения крестьян. К сожалению, противодействие, встреченное графом Киселевым в Секретном комитете со стороны всех остальных советчиков государя по делу освобождения крестьян, было так велико, что граф не решился представить государю записку Заблоцкого-Десятовского. К концу 1840-х годов государь окончательно отказался от своих благих намерений, и графу Киселеву оставалось ограничиться заботами об улучшении быта состоявших в исключительном ведении его министерства государственных крестьян. В этом деле Заблоцкий-Десятовский оказался самым деятельным его сотрудником, облекая в ясную и определенную редакционную форму все инструкции и распоряжения министра государственных имуществ и даже вносимые на рассмотрение Государственного совета законопроекты, относящиеся к государственным крестьянам. Вместе с тем Заблоцкий-Десятовский много заботился об открытии сельских школ и о распространении просвещения между государственными крестьянами, а когда сильно начал чувствоваться недостаток книг для народного чтения, то Заблоцкий-Десятовский вместе с своим просвещенным другом князем В. Ф. Одоевским издал в 1843 г. под названием «Сельское чтение» первую популярную книгу для крестьян, которая так удовлетворила тогдашним потребностям народа, что разошлась в первые два года своего издания в 30 000 экземплярах.

Впоследствии Заблоцкий-Десятовский в течение многих лет редактировал другое популярное издание по сельскому хозяйству — «Земледельческую газету»[22]. В то же самое время Андрей Парфенович, избранный в 1848 г. в председатели статистического комитета Русского географического Общества, явился не только прекрасным исследователем русского народного быта, но и руководителем других исследователей. Нет сомнения, что многолетнее общение с таким выдающимся государственным человеком, каким был граф Киселев, вместе с научными занятиями по исследованию русского народа в Географическом обществе выработали из

Заблоцкого-Десятовского истинно государственного человека.

Будучи, после назначения А. И. Левшина товарищем министра внутренних дел, избран графом Киселевым на должность директора департамента земледелия, Заблоцкий-Десятовский не только в этой должности, но вообще в течение своей двадцатилетней деятельности в Министерстве государственных имуществ и Географическом обществе (1838—1858 гг.) оказал громадное влияние, в качестве самого талантливого инструктора, на подготовку полезнейших деятелей для великой эпохи реформ императора Александра II. Достаточно назвать между ними Н. А. Милютина, И. П. Арапетова, Я. А. Соловьева и К. И. Домонтовича по крестьянскому делу, К. С. Веселовского и В. П. Безобразова по статистике и политической экономии, по которым они были выбраны в члены Академии наук (а первый из них как отличный редактор — и в непременные секретари Академии), В. И. Вешнякова и братьев Щепкиных по сельскому хозяйству, Е. И. Ламанского, А. Ф. Гильфердинга, А. Н. Куломзина, С. А. Ольхина[23] и многих других по государственным финансам. С назначением Заблоцкого-Десятовского директором хозяйственного департамента вместо А. И. Левшина особенное значение было придано в Министерстве государственных имуществ работам кадастровым[24] в различных губерниях России. Между чиновниками, работавшими по этой части под руководством А. П. Заблоцкого, самые большие услуги оказал впоследствии делу освобождения крестьян Я. А. Соловьев.

Я. А. Соловьев родился в 1820 г. в Петербурге в дворянской семье, принадлежавшей не к поместному провинциальному, а к городскому служилому дворянству; окончил высшее образование в С.-Петербургском университете и в 1843-м году поступил на службу в Министерство государственных имуществ, где замечательная его трудоспособность была оценена очень скоро. Случай пополнить то, чего ему более всего недоставало, а именно знакомство с русскою землею, в которой он не имел корней, скоро представился. После канцелярских работ в департаменте земледелия деятельность Соловьева была обращена на кадастровые работы под руководством А. П. Заблоцкого сначала во Владимирской, а потом и в Смоленской губерниях. Результатом этих работ, занявших несколько лет, была «Сельскохозяйственная статистика Смоленской губернии» — сочинение, обратившее на себя внимание Императорского Русского географического общества, удостоившего автора одной из самых высших наград — «Жуковской премии». Что еще важнее, кадастровые работы Соловьева в Смоленской губернии ознакомили его с экономическим положением как государственных, так попутно и помещичьих крестьян этой губернии, еще не успевших даже и в то время оправиться от постигшего их разорения после Отечественной войны 1812-го года.

В 1857 г. Я. А. Соловьев уже как знаток экономического быта крестьян был приглашен А. И. Левшиным в Министерство

внутренних дел ввиду разраставшейся переписки по крестьянскому делу со всею Россиею. Делопроизводство всего министерства по крестьянскому делу было возложено на особый отдел Центрального статистического комитета, во главе которого был поставлен Я. А. Соловьев, сделавшийся, таким образом, главным официальным докладчиком министра по крестьянским делам.

Выбор Соловьева нельзя было признать неудачным: он соединял в себе некоторые качества для предстоявшей ему роли правителя дел исполнительной канцелярии Министерства внутренних дел по быстро развивающемуся крестьянскому вопросу, а именно: необыкновенную трудоспособность, стойкость в неуклонном исполнении ясно формулированных ему предначертаний правительства и практическое знакомство если не с обычным правом, регулировавшим в то время отношения между крепостными крестьянами и их помещиками, то по крайней мере с экономическим бытом крестьянского сословия (особливо государственных крестьян некоторых нечерноземных губерний России). Но для роли более или менее самостоятельного вершителя судеб крестьянского сословия или законодателя по крестьянскому делу Соловьеву недоставало многих качеств, и прежде всего широкого взгляда государственного человека и творческого гения. Высокочестный, прямолинейный и даже радикальный в своих убеждениях, беззаветно преданный великому делу освобождения крестьян, Соловьев в своих отношениях с равными себе часто обнаруживал самое мелочное самолюбие и упрямство, а в своих сношениях с подчиненными — высокомерие, излишнюю, и притом мелочную, требовательность, раздражительность, иногда и сухой формализм, а следовательно, совершенную неспособность воодушевить своих сотрудников к выпадавшему на их долю тяжелому труду подобно тому, как это имел делать Милютин.

При таких свойствах Соловьев мог быть, однако же, крайне полезным в данное время деятелем, но не иначе как под руководством человека, обладающего всеми теми качествами, которых он не имел, и в особенности государственным умом и творческим гением. Такого Соловьев не имел ни в своем министре С. С. Ланском, ни в его товарище А. И. Левшине. Но, к счастью, все эти качества, необходимые для твердого руководителя крестьянского дела, нашлись в Н. А. Милютине, обаятельному влиянию которого Соловьев подчинился очень скоро, несмотря на то что не состоял к нему ни в каком служебном подчинении; в нем он нашел твердую точку опоры перед слабым и колеблющимся министром внутренних дел. К чести Соловьева должно заметить, что преданность его делу освобождения крестьян была так велика, что она исключала в нем всякую зависть к влиянию Милютина, которое он при своих личных докладах министру старался не только не подрывать, а, напротив, поддерживать. Это было тем более полезно и необходимо, что Милютин со свойственною ему ясностью государственного ума понял (как раз в это

время), что дело освобождения крестьян не было так просто, как оно представлялось в то время в высших сферах и что за вопросом о личной свободе, неразрывно связанной с уничтожением крепостной зависимости и освобождением народного труда, стоит более грозный *аграрный вопрос:* вопрос о необходимости обеспечения быта и существования крестьян земельным пользованием,— вопрос, во имя которого крестьяне и помещики были связаны в каждом поместье неразрывными узами выработавшегося веками обычного права, делавшего крестьян крепкими земле, на которую они всегда сохраняли бесспорное право пользования при полном личном подчинении помещику. Разрубить эти вековые узы без правильного разграничения прав помещиков и крестьян на землю их кондоминиума, называемого поместьем, было невозможно, и это сознание привело большинство столичной интеллигенции, группировавшейся около Н. А. Милютина, как около своего лидера, к глубокому убеждению о необходимости земельного, а не безземельного освобождения крестьян. В этом смысле была написана уже в конце 1856 г. по инициативе Милютина другом его К. Д. Кавелиным замечательно талантливая записка, которая ходила по рукам в 1857 г. между лицами, сочувствовавшими великому делу, и извлечение из которой он имел мужество напечатать в начале 1858 г., что навлекло на него целый ряд гонений и неприятностей[25].

Во всяком случае, когда я решился в январе 1858-го года отправиться на родину для изучения положения крестьянского дела в черноземных губерниях России после обнародования высочайших рескриптов, победа идеи, усвоенной Кавелиным, Заблоцким-Десятовским и Милютиным, о земельном освобождении крестьян в среде столичной интеллигенции была уже вполне подготовлена.⟨...⟩

⟨...⟩Уже с самого начала моей активной деятельности по освобождению крестьян мне хотелось выяснить для своих соображений весь характер эволюции, происходившей в высших сферах до начала 1858 г. и приведшей императора Александра II к решимости осуществить реформу государственного и общественного строя, необходимость которой быстро входила в сознание всей России.

Хотя весь ход крестьянского дела до начала 1858 г. выяснился для меня только впоследствии, после окончательного моего сближения с Я. И. Ростовцевым и великой княгиней Еленой Павловной, удостоившей меня своего полного доверия только после кончины Ростовцева, однако же я нахожу уместным изложить здесь все, что мне сделалось известным только впоследствии, так как это дает ключ к уразумению всего происходившего по крестьянскому делу в течение 1858 г.

В начале царствования Александра II была очень распространена легенда о том, что император Николай I на смертном одре завещал своему сыну и наследнику осуществление неудавше-

гося ему намерения освободить крестьян от крепостной зависимости.

Я могу смело утверждать, что легенда эта лишена основания. По свидетельству Я. И. Ростовцева, стоявшего во время кончины императора Николая I ближе всех к наследнику цесаревичу, император Александр II в самых интимных с ним беседах о крестьянском деле отрицал эту легенду, да и не в характере императора Николая I было бы возложить, умирая, на своего сына, в котором он не усматривал особой твердости воли, такие обязательства, какие он сам, несмотря на всю силу своего характера, не решился принять на себя.⟨...⟩

При самом вступлении своем на родительский престол (19-го февраля 1855 г.) император Александр II еще не думал об осуществлении идеи освобождения крестьян. На нем прежде всего лежала тяжелая ответственность в решении важнейшего государственного вопроса: продолжать ли войну или закончить мир. Такое решение было для него тем более тягостно, что сторонниками продолжения войны были самые горячие патриоты, в душе которых запечатлелся стих Аксакова[26]:

Пока один из нас родное слово слышит,
До тех пор длиться будет бой,
До тех пор договор постыдный не подпишет
Европа русскою рукой.

Иначе думали опытные и компетентные по своему положению советники нового государя: министр иностранных дел граф Нессельроде[27], министр военный — старый генерал-адъютант Сухозанет[28], министр финансов Брок[29], выражавший мнение всего русского финансового мира, с бароном Штиглицем[30] во главе, и, наконец, самый выдающийся по дружбе к нему покойного государя из преданных ему сановников князь А. Ф. Орлов. Все они считали дальнейшее продолжение войны невозможным как по несостоятельности нашей военной организации, отсутствию удовлетворительного вооружения и боевых припасов, так и вследствие полного расстройства наших финансов, не выходивших во все время предшествовавшего царствования из дефицитов, которые достигли ужасающих размеров. Мнение это, конечно, одержало верх, и государь решился на вступление в переговоры о мире, уполномочив на них князя Орлова.

Между тем сознание несостоятельности всего русского государственного и общественного строя и необходимости его обновления распространилось во всем образованном русском обществе. Общественное мнение большинства столичной и меньшинства провинциальной интеллигенции указывало на то, что предстоящие реформы могут начаться только с освобождения крестьян. В то же время при вступлении на престол императора Александра II решительными противниками великой реформы были не только большинство поместного дворянства, но и большая часть стоявших у престола старейших государственных сановни-

ков, с князем Орловым, князем Меншиковым, графом Адлербергом, князем Гагариным и графом Паниным во главе[31].

Энергическими сторонниками освобождения крестьян были, однако же, при вступлении на престол императора Александра II оставленные ему родителем в качестве двух важнейших для крестьянского дела министров: государственных имуществ — граф П. Д. Киселев и внутренних дел Д. Г. Бибиков, бывшие деятельными сподвижниками императора Николая I в его борьбе против крепостного права.

Хотя император Николай I, пораженный общим революционным движением в Европе в 1848 г., совершенно отказался от своего намерения провозгласить освободительный акт, он все же не отказался от партизанской войны против крепостного права путем ограничения власти и произвола помещиков над крестьянами. В особенности не мог он помириться с помещичьею властью и ее произволом в губерниях Киевского генерал-губернаторства, где «вещью, принадлежащею другому», были миллионы русских людей, а их господами — мятежное польское дворянство, побежденное им в 1830 г., но продолжавшее пользоваться неограниченною властью над русским народом[32]. Вот почему император Николай I начал ограничение прав дворян-помещиков с трех юго-западных губерний и поставил там генерал-губернатором сильного волею, энергичного генерал-адъютанта Д. Г. Бибикова[33]. По мысли графа Киселева, единственным верным средством оградить бесправный русский народ от ига польских помещиков и разорения было составление «инвентарей», определяющих все повинности, которыми русские крестьяне были обязаны своим польским помещикам, с укреплением за крестьянами всех тех земель, которыми они владели еще до польского владычества. В 1844 г. были по высочайшему повелению учреждены губернские комитеты для введения инвентарей, а из-за крайней неудовлетворительности и непланомерности их составления были выработаны энергичным генералом Бибиковым при содействии незабвенного Ю. Ф. Самарина общие инвентарные правила; эти последние были высочайше утверждены императором Николаем I 26 мая 1847 г. и торжественно обнародованы. Затем инвентари каждого имения на основании сих правил были просмотрены в губернских комитетах и утверждены окончательно в 1852 г., а сам Бибиков назначен министром внутренних дел, без сомнения,— в надежде, что при его энергическом содействии возможно будет и в литовских и даже в великороссийских губерниях ограничить произвол помещиков над их крестьянами, состоявшими в ведении Министерства внутренних дел, установляя над ними сильную и более непосредственную власть правительства.

Что же касается Министерства государственных имуществ, в ведении которого состояла другая половина сельского податного населения (государственные крестьяне), то император Николай I предоставил полный простор графу Киселеву, стремившемуся

с его ведома к такому улучшению быта, благосостояния и благоустройства крестьян, которое могло бы служить примером для достижения такого же благосостояния и у помещичьих крестьян до тех пор, пока еще не могло осуществиться полное освобождение их от крепостной зависимости[34].

К сожалению, все заботы императора Николая I о благе русского народа, будучи парализованы опасением революции, с 1848 г. были окончательно прерваны политическими событиями, приведшими к турецкой войне, а для императора Александра II по вступлении на престол — другими заботами, стоявшими для него на первом плане, а именно потребностью скорейшего заключения мира. Этими обстоятельствами воспользовались противники освобождения крестьян, а «имя им было легион». Опасаясь, что молодой император все-таки рано или поздно придет к мысли о своевременности предстоящей реформы, они старались удалить от него всех тех советчиков, при помощи которых он мог бы приняться за это великое дело.

С одним из этих советчиков, Д. Г. Бибиковым, справиться им было не особенно трудно. Всем было известно, что он не пользовался расположением молодого государя и что Александр II имел против него какие-то предубеждения и даже личное неудовольствие, еще будучи цесаревичем.

Польские дворяне-помещики Юго-Западного края не могли помириться с утратою власти над миллионами русских людей в трех исконных русских губерниях Днепровской Руси (Киевской, Подольской и Волынской), которых при крепостном праве они считали уже совершенно полонизированными. Они представили молодому государю свой протест против введения инвентарных правил, сильно ограничивавших их власть. Протест этот, поддержанный кровными русскими сановниками, близкими престолу, имел последствием на третий месяц царствования императора Александра II (14 мая 1855 г.) отмену Бибиковых инвентарей и предоставление составления новых не правительственным комитетам, а выбранным исключительно польскими дворянами. Таким образом, в самую тяжелую для России минуту, еще до окончания Крымской войны, русский народ Юго-Западного края был «выдан головою» своим польским властелинам в самый год 25-летия победы, одержанной над ними императором Николаем I. Вслед за тем и верный сподвижник императора Николая I в борьбе его с революционным по отношению к России польским дворянством Д. Г. Бибиков был уволен с должности министра внутренних дел в чистую отставку (1855 г.).

Справиться с графом Киселевым противникам освобождения крестьян было гораздо труднее. Но и здесь был скоро придуман способ более деликатный и безобидный для самого тонкого по своему уму государственного деятеля прошедшего царствования.

Когда князь Орлов возвратился из Парижа с заслуженным им ореолом заключения хотя и тяжелого, но «не постыдного» для

России Парижского мира, то он, как первый из сановников русского государства, доложил государю, жаждавшему заключения мира для предстоявшего ему обновления России, что для обеспечения продолжительности этого мира необходимо назначить послом в Париж такого человека, который соединил бы в себе выдающиеся дипломатические способности с тонкостию истинно государственного ума, обширным образованием и дальновидностью. Таким человеком в глазах князя Орлова был только один граф П. Д. Киселев, и государь не колеблясь назначил его послом в Париж. Таким образом, самый опасный из влиятельных сторонников освобождения крестьян был надолго и даже, как оказалось впоследствии, навсегда удален из Петербурга. Оставалось только подыскать ему подходящего для противников освобождения крестьян преемника, который обладал бы достаточною силою воли и энергиею для того, чтобы уничтожить гнездо освободительного движения, созданное императором Николаем I в Министерстве государственных имуществ.

На такую роль пошел не колеблясь крайне честолюбивый и вместе с тем выдающийся по своему уму и энергии М. Н. Муравьев, бывший до тех пор сенатором, начальником Межевого управления, вице-председателем императорского Русского географического общества и, наконец, членом Государственного совета. Назначенный по настоянию председателя Государственного совета князя Орлова министром государственных имуществ, он начал свою деятельность с того, что в угоду лицам, которые провели его в министры, представил государю частную записку о том, что в освобождении крестьян нет никакой необходимости. Затем со свойственною ему непреклонною энергиею и характеризующей его разрушительной силой он принялся уничтожать во вверенном ему министерстве все то, что было создано многолетними трудами графа П. Д. Киселева и его достойных сподвижников в смысле улучшения быта и благосостояния государственных крестьян. 〈...〉

Возвращаюсь к своему повествованию о том, как развилось в душе царя-освободителя решительное намерение освободить крестьян.

К концу 1856 г. победа противников освобождения крестьян в высших сферах казалась полною, и они были убеждены, что вокруг государя уже не было ни одного человека, могущего помочь ему в осуществлении идеи освобождения крестьян от крепостной зависимости. К счастию, противники освобождения крестьян не сумели разгадать, где таится та несокрушимая для них сила, которая неминуемо склонит победу на сторону великого дела. Им были слишком мало известны те высокие качества, которые с юношеских лет жили в душе нового русского самодержца.〈...〉

Весь ход и результат неуспешной Крымской войны обнаружили перед мыслящею Россиею, так же как и перед ее царственным

вождем, полную несостоятельность тогдашнего государственного строя и не могли не привести молодого императора к самостоятельному убеждению в необходимости обновления России.

Когда же Парижский мир положил конец самым тяжким тревогам и заботам Александра II, то первый вопрос, который представился его уму безо всяких посторонних советов, состоял в том, не следует ли начать обновление России с освобождения крестьян, и он мало-помалу совершенно самостоятельно разрешил в своем уме этот вопрос в положительном смысле.

Уже в своем манифесте 19-го марта 1856 г., по случаю заключения Парижского мира, Александр II высказал свое сочувствие законам, «равно для всех справедливым и равным всем покровительствующим», что вызвало немалую тревогу в среде высшего и наиболее привилегированного дворянства. В том же месяце (марте 1856 г.) государь при проезде своем через Москву заявил встретившим его в первопрестольной столице депутатам от дворянства, что он еще не собирается, как ему приписывают, в настоящее время приступить к освобождению крестьян, но что он вообще не против этого освобождения, что время к нему постепенно приводит и что, когда это со временем случится, лучше, чтобы это произошло не снизу, а сверху. Таким образом, Александр II уже в марте 1856 г. по собственной душевной потребности достаточно определенно высказал свой взгляд на освобождение крестьян, но по деликатности своей души желал, чтобы дело совершилось хотя и «по манию царя»[35], но не иначе как по инициативе самих дворян-помещиков.

После прямодушного выражения своих мыслей по делу освобождения крестьян перед целою Россией весьма естественно было Александру II искать кругом себя, в ком бы то ни было из близких ему сановников, пользовавшихся его доверием и расположением, точку опоры в своих уже определившихся стремлениях и в то же время лицо, которому можно было бы сообщить все, что было у него на душе.

Но такого лица Александр II не нашел в среде окружающих его государственных людей. Два передовых министра, ратовавшие против крепостного права при императоре Николае I, были уже устранены от всякого общения с государем, а остальные государственные люди предшествовавшего царствования, оставленные императором Николаем I в наследие своему преемнику, были ему очень далеки до вступления его на престол, да и большинство их относилось враждебно к только что высказанным им стремлениям и было совершенно чуждо его идеалам.

В течение последнего шестилетия до вступления на престол Александра II только два лица, уже пожилого возраста, имевшие близкие к нему отношения по своему служебному положению, заслужили по своим качествам полное его доверие, и им-то государь нашел возможным поверить все то, что волновало его душу и в чем он не находил себе отзыва в близких

державному его родителю сановниках. Лица эти были генерал-адъютант Назимов, бывший военным инструктором цесаревича до своего назначения виленским генерал-губернатором, и еще более генерал-адъютант Ростовцев, бывший начальник штаба военно-учебных заведений во все время управления ими цесаревича. Генерал-адъютанту Назимову государь сообщил свои стремления к освобождению крестьян по тому поводу, что на нем как на виленском генерал-губернаторе лежала обязанность введения в Северо-Западном крае инвентарей и инвентарных правил, ограничивающих власть польских помещиков над литовским и белорусским народом. Назимов, проникнувшись взглядами государя на крепостное право, первый сообщил ему, что дворянство литовских губерний, хорошо знакомое с положением крестьян в соседних остзейских и польских губерниях, уже не относится враждебно к мысли об освобождении крестьян от крепостной зависимости, в особенности если ему самому будет предоставлено установить условия этого освобождения; оно даже охотно примет на себя инициативу в этом деле, если будет знать, что последнее соответствует желаниям государя. Сообщение это было принято государем с особым удовольствием и по отъезде Назимова служило предметом неоднократных его разговоров с другим конфидентом в деле освобождения крестьян — генерал-адъютантом Ростовцевым, в котором он нашел уже вполне все то, чего искал — умную и энергичную поддержку в своих стремлениях и полную готовность отдать все свои силы на служение государю в этом деле.

Ростовцев отдался беззаветно и со свойственным ему энтузиазмом высказанной ему государем идее освобождения крестьян, которая была уже идеалом его юношеских лет, когда, вступая в «Союз благоденствия», он дал обет поддерживать все благие намерения правительства, имевшие целию благо народа. Как же он мог иначе ответить на призыв своего государя, как отдав все свои силы и даже свою жизнь на служение «без корысти, безо лжи и в крепкой правде» великому делу, задуманному царем-освободителем? Такое служение оправдывало в его собственных глазах ту тяжкую роль, которую он принял на себя тридцать лет тому назад, руководимый, несомненно, не какими бы то ни было личными интересами, а глубоким своим убеждением в том, что в случае успеха задуманного насильственного переворота отечество подвергнется крайней опасности[36]. Единственное личное соображение, бывшее одним из стимулов деятельности Ростовцева в деле освобождения крестьян, заключалось в том, что если он сослужит отечеству последнюю, самую крупную службу, принеся сознательно ей в жертву свою жизнь, то он перед Россией и потомством найдет себе оправдание в лежавшем на нем тяжким бременем суровом общественном приговоре современников над его прошедшим.

Император Александр II своею чуткою душою угадал все то,

что происходило в душе Ростовцева. Он понял, что нашел наконец человека, который способен служить предпринятому им делу «без корысти и безо лжи». Вот почему Александр II окончательно избрал Ростовцева своим главным сподвижником в деле освобождения крестьян, даровав ему свое беспредельное доверие и дружбу; дружба эта служила со стороны государя живым протестом против нападений, которым Ростовцев подвергался со стороны лучших людей отечественной интеллигенции.

Только в апреле 1856 г. Я. И. Ростовцев явился впервые советником государя по крестьянскому делу, в трудную для монарха минуту, когда ему пришлось разрешить первый конкретный вопрос по этому делу, представленный на его благоусмотрение исполнительным по крестьянскому делу органом его власти — Министерством внутренних дел. Вопрос этот состоял в следующем: министр Ланской по настоянию своего товарища А. И. Левшина представил на разрешение государя, следует ли ограничиться по вопросу об освобождении крестьян принятием некоторых постепенных и частных мер или заняться составлением одного общего систематического плана по этому делу.

Резолюция государя на доклад министра внутренних дел от 9-го апреля 1856 г. была, впрочем, совершенно в характере самого государя и окончательно не разрешала возбужденного вопроса. В ней было сказано: «постепенные меры в этом смысле должны быть предпринимаемы; но вместе с тем необходимо заняться и общим планом, дабы действовать систематически и с большой осторожностью».

Очевидно, государь выжидал, что дворяне-помещики сами примут на себя инициативу освободительной реформы. Еще яснее выразились его ожидания в его ответе на дошедшее до него 26-го октября 1856 г. предложение великой княгини Елены Павловны освободить своих крестьян полтавского имения (Карловки) от крепостной зависимости. Условия этого освобождения были очень великодушно выработаны великой княгиней при помощи Н. А. Милютина и К. Д. Кавелина и по совещании с некоторыми благомыслящими помещиками, ее соседями по Полтавской губернии, как, например, с Кочубеем. В ответе своем государь объяснил, что он желает, чтобы эти благомыслящие помещики сами высказали, в какой степени они полагают возможным улучшить участь своих крестьян на началах, для обеих сторон неотяготительных и человеколюбивых, а до тех пор он не может дать общих указаний для руководства по этому делу.

Озабочиваясь, однако, своевременною выработкою общего плана по улучшению быта крестьян, император Александр II учредил 7-го января 1857 г. особый Секретный комитет под председательством председателя Государственного совета князя Орлова.

Летом 1857 г. император Александр II при проезде своем на воды за границу (в Киссинген, через Вильну, где он виделся

с генерал-адъютантом Назимовым) был обрадован известием, что дворянство северо-западных губерний, призванное генерал-губернатором к обсуждению вопроса о введении инвентарных правил, склоняется к тому, чтобы пойти навстречу желаниям государя — предложениям об освобождении своих крестьян от крепостной зависимости.

По прибытии своем в Киссинген император Александр II в первый раз после воцарения встретился и сошелся с пламенной сторонницей освобождения крестьян и носительницей идей по этому предмету императора Николая I — великой княгиней Еленой Павловной, которая пробыла за границею всю зиму 1856 г. и почти весь 1857-й год.

В это-то время великая княгиня, со свойственной ей живостью и деликатностью, передала Александру II все, что происходило в душе ее покойного друга императора Николая I, посещавшего ее в тяжелое для него время Крымской войны, исхода которой он не в силах был пережить; также передала она Александру II, как его незабвенный родитель горевал о том, что он оставляет своему сыну почти непосильные для него заботы о благосостоянии России, но все же надеялся, что, может быть, последнему удастся совершить то, чего не удалось совершить ему, императору Николаю I, несмотря на все его стремления.

Великая княгиня пригласила в Киссинген графа П. Д. Киселева, которому государь охотно сообщил представленные Секретному комитету записки по крестьянскому вопросу.

Во все время своего пребывания за границей великая княгиня находилась в оживленном общении (через баронессу Э. Ф. Раден и А. В. Головина) с великим князем Константином Николаевичем, на участие которого в законодательных работах по освобождению крестьян она возлагала большие надежды. Но великий князь по возвращении своем в Петербург в июне 1857 г. положительно высказывал свое намерение устранить себя от всякого непосредственного участия в крестьянском деле, и только в начале августа, по настоянию самого государя, принял назначение в члены Секретного комитета.

В октябре приехал в Петербург виленский генерал-губернатор Назимов и привез с собой ожидаемое государем ходатайство дворян северо-западных губерний о дозволении им освободить крестьян в принадлежащих им поместьях от крепостной зависимости.

Дальнейший ход дела, происходившего уже на моих глазах, по возвращении моем из путешествия в ноябре 1857 г. был мною описан выше.

Высочайшие рескрипты нижегородскому губернатору от 24-го декабря 1857 г. и московскому генерал-губернатору от 16-го января 1858 г. окончательно убедили Россию в том, что дело освобождения крестьян было решено волею царя-освободителя бесповоротно. Соответственно этому Секретный комитет был

обращен в Главный комитет по крестьянскому делу. Состав Комитета остался тот же, но новыми его членами явились М. Н. Муравьев, как министр государственных имуществ, и В. Н. Панин, как министр юстиции, несмотря на то что оба они были заведомыми противниками освобождения крестьян. Министерство внутренних дел, как исполнительный орган правительства по крестьянскому делу, принялось за него с тем большей энергией, что влияние А. И. Левшина совершенно пало после того, как ему удалось ввести в высочайшие рескрипты идею об отдельном выкупе усадеб с целью вознаграждения помещиков за потерю обязательного труда, что составляло маскированный выкуп личности освобождаемых крестьян; в особенности же пало это влияние после того, как при объезде, уже в начале лета 1858 г., вновь учрежденных комитетов он высказал перед представителями орловского дворянства, что они могут быть спокойны, так как крестьянский вопрос еще очень далек от разрешения, и что самое обсуждение этого вопроса в губернских комитетах не вызовет со стороны правительства никаких окончательных мер по его разрешению. Это заявление дошло до императрицы Марии Александровны[37], и хотя она вообще неохотно принимала участие в суждениях по делу освобождения крестьян, тут, однако же, она выразила свое негодование на заявление Левшина. Последнее в такой степени дискредитировало его в глазах государя, что уже осенью 1858 г. он ходатайствовал о своем увольнении, в особенности убедившись, что все влияние на Ланского по крестьянскому делу перешло с начала 1858 г. в руки Н. А. Милютина.

Обновленное таким образом Министерство внутренних дел стало действовать решительно и вступило в открытую борьбу со всеми лицами, влияние которых оно считало вредным и опасным для крестьянского дела и в особенности [в связи] с усилившимся влиянием Я. И. Ростовцева. К сожалению, самым деятельным органом этой борьбы явилось заграничное русское периодическое издание «Колокол» Герцена, избравшее себе орудием самые страстные нападения на личность Ростовцева. Но этот способ борьбы, усилившийся по мере новых конфликтов Министерства внутренних дел с Ростовцевым, не мог достигнуть своей главной цели и был крупною ошибкой со стороны талантливого лидера освободительной партии[38], так как он не только не дискредитировал Ростовцева в глазах государя, но возбудил его неудовольствие против Министерства внутренних дел и против руководимой Милютиным освободительной партии, которую противники освобождения крестьян заклеймили прозванием «красных» и на которую возвели нелепое обвинение в намерении достигнуть цели насильственным и кровавым переворотом. К сожалению, столь пагубная для великой реформы распря между Министерством внутренних дел и Ростовцевым продолжалась до самого его отъезда за границу в июле 1858 г.

Только там, при успокоительном отдыхе от волнений, вызван-

ных упорными на него нападками, Ростовцев имел возможность разобраться в основных вопросах реформы и пришел к убеждению, что освобождаемые крестьяне могут быть «царскими» или «барскими», но что земля, которая их кормила, отойти от них не может.

Так, по мере того как Ростовцев в полном одиночестве передумывал вопрос об условиях освобождения крестьян, настоятельная необходимость окончательного разрешения крестьянского вопроса путем земельного, а не безземельного освобождения крестьян все глубже и глубже западала в его душу, и он сделался решительным противником желаемого большинством его коллег в Главном комитете безземельного освобождения крестьян, которому он сам придумал характерное название «птичьей свободы».

Однако ж в первом своем письме государю от 17-го августа 1858 г. Ростовцев еще не имел смелости вполне отрешиться от мнения Позена, которого считал великим финансистом, указывая на него как на самого способного кандидата в будущие министры финансов обновленной России; он полагал еще вместе с Позеном, что выкуп крестьянами их земельных наделов (кроме усадеб) представляется совершенно невозможным в финансовом отношении. В последнем же письме, от 3-го сентября, Ростовцев уже явился самым убежденным сторонником совершенной необходимости земельного освобождения крестьян и высказался, хотя и очень осторожно, за выкуп крестьянских наделов при деятельном содействии правительства.

Письма Ростовцева государю (17 августа — 3 сентября) сослужили крестьянскому делу великую историческую службу. Царь-освободитель передумал также на досуге все великое дело освобождения крестьян и после впечатлений, полученных им летом во время поездки по России и личных сношений с Ростовцевым в конце сентября 1858 г., окончательно убедившись, что «птичья свобода» для крестьян немыслима, сделался навсегда решительным и совершенно непоколебимым сторонником земельного освобождения крестьян от крепостной зависимости.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ СЕНАТОРА Я. А. СОЛОВЬЕВА «КРЕСТЬЯНСКОЕ ДЕЛО В 1856—1859 гг.»

⟨...⟩ Для того чтобы понять то значение, которое имели Редакционные комиссии в истории крестьянского дела, надо припомнить, что было сделано до них и что предстояло им сделать.

История разрешения крестьянского вопроса есть история борьбы двух направлений: прогрессивного и охранительного. У нас не было и нет до сих пор политических партий в том смысле, в каком они существуют на Западе, т. е. нет тех единомысленных

групп, действующих сообща для достижения ясно понятых целей, которых они стремятся достигнуть. Вследствие долговременной политической жизни политические партии европейских государств усвоили себе правила дисциплины и выработали известные приемы действий. У нас ничего подобного нет. Но тем не менее зародыши всего этого существуют, и в крестьянском вопросе, который первый подлежал общественному обсуждению, партии эти, хотя в несколько хаотическом виде, проявились. В течение этого времени люди известных убеждений не один раз соединялись в более или менее большие группы и условливались в способах достижения предположенной цели. Поэтому я в своих «Записках» употребляю выражения: партия охранительная — консервативная, ретроградная, реакционная, крайне помещичьего направления, крепостников и т. п.— в противоположность партии прогрессивной — либеральной, эмансипаторов и т. п. Для удобства в редакционном отношении я буду употреблять упомянутые мною выражения для обозначения людей: с одной стороны, содействующих делу освобождения крестьян с землей в возможно либеральном смысле, с другой — затрудняющих ход дела или вовсе не признавая преобразования необходимым, или сочувствуя единственно только безземельному освобождению. 〈...〉

Государь, вознамерившись освободить крестьян, сделал поверенным своей мысли и сотрудником при приведении ее в исполнение своего министра внутренних дел Сергея Степановича Ланского, который с этого времени становится во главе прогрессивного движения. Как мысль эта ни держалась в секрете, но смутные слухи о ней начали пугать представителей помещичьих интересов. К ним принадлежал, между прочим, председатель Государственного совета князь А. Ф. Орлов, который сам, не замечая того, стал во главе оппозиционного движения. В то время, когда Ланской с помощью своего товарища А. И. Левшина составлял первые соображения о крестьянском деле, один из представителей противоположного направления московский генерал-губернатор граф Закревский просил во время пребывания государя императора в Москве успокоить взволнованное ходившими слухами об освобождении крестьян дворянство. В ответ на это ходатайство государь император объявил дворянам о твердом, непременном намерении освободить крестьян. По поручению его величества министр внутренних дел ведет во время коронации в Москве переговоры с предводителями дворянства по этому предмету. Видя общее несочувствие со стороны предводителей к делу, Министерство внутренних дел останавливается на мысли начать уничтожение крепостного состояния с западных губерний. Получив одобрение этой мысли со стороны государя, министр входит в соглашение с виленским генерал-губернатором В. И. Назимовым о приглашении дворян представить всеподданнейший адрес с ходатайством об освобождении крестьян. По докладу Ланского образуется, под председательством самого государя

императора, Секретный комитет для обсуждения мер по устройству быта крестьян.

3-го января 1857 года было первое заседание этого комитета. Государь император, открывая это заседание, соизволил изъяснить присутствовавшим, что вопрос о крепостном праве в России давно занимает правительство. Введенное сначала неточными и неясными постановлениями и распоряжениями правительства, впоследствии же получившее настоящие размеры и свойство от недоразумений, неправильных толкований закона и от злоупотреблений власти, крепостное у нас состояние почти отжило свой век. В бозе почившие августейшие предшественники его императорского величества постоянно старались об уничтожении или, по крайней мере, улучшении сего состояния; но, к сожалению, старания их не имели и по обстоятельствам того времени не могли иметь полного, ими желаемого успеха. Следя за ходом и развитием всех мер, касающихся до сего вопроса в продолжение царствования государя императора Николая Павловича, его величество государь император Александр Николаевич со времени вступления своего на прародительский престол изволил обратить особое внимание на сей важный предмет. С этой целию было поручено министру внутренних дел составить общее обозрение всех мер, кои были предположены в разное время правительством к уничтожению крепостного состояния в России. Составленную вследствие того означенным министром записку его величество изволил предложить на обсуждение собрания.

Записка эта была прочтена государственным секретарем В. П. Бутковым[1], после чего государь император предложил собранию вопрос: следует ли приступить теперь к каким-либо мерам для освобождения крепостных людей?

При обсуждении этого вопроса собрание признало, что в настоящее время (1857 г.) как помещики, так и крестьяне находятся в каком-то ожидании и что вообще в России замечается брожение умов относительно освобождения крестьян. Крепостное состояние уже само по себе есть зло, требующее исправления. Бывшие попытки правительства к уничтожению этого зла почти не имели никакого успеха. Так, закон 1803 г. о свободных хлебопашцах, действуя более 50-ти лет, не привел почти ни к каким положительным результатам: в течение этого долгого времени уволено в свободные хлебопашцы всего только 238 000 душ[2]. Закон 1842 г. об обязанных поселянах, действуя почти 15 лет, также не имел почти никакого применения: в это время обращены в обязанные только три имения, в которых числится всего около 26 000 душ[3]. При таком неуспехе всех мер, доселе принятых или указанных правительством к постепенному освобождению крепостных крестьян, собрание вполне убеждено, что в настоящее время и для упрочения будущего благосостояния государства необходимо приступить безотлагательно к подробному пересмотру как всех

доныне изданных постановлений о крепостных людях, так и всех бывших и имеющихся в виду предположений по сему предмету, с тем чтобы при этом пересмотре были положительно указаны начала, на которых может быть приступлено к освобождению у нас крепостных крестьян, впрочем, к освобождению постепенному, без крутых и резких переворотов, по плану, тщательно и зрело во всех подробностях обдуманному.

Эти рассуждения были вполне одобрены государем императором, причем его величество изволил объявить собранию, что, одобряя мысль о приступе теперь же к пересмотру постановления и указанию начал, на которых может и должно быть совершено постепенное освобождение в России крепостных крестьян, изволит учреждать для сего в непосредственном своем ведении особый под председательством председателя Государственного совета генерал-адъютанта князя Орлова комитет из всех тех лиц, из которых состояло настоящее собрание, с тем, чтобы в сей комитет были переданы на рассмотрение как все находящиеся в Министерстве внутренних дел бумаги о предположениях, относящихся до сего предмета, так и записка о мерах освобождения крепостных крестьян, в нынешнем собрании читанная. Его императорское величество изволил присовокупить, что в важных случаях сей комитет будет собираться в личном присутствии его величества.

Комитет этот был составлен из следующих лиц: председатель князь А. Ф. Орлов (он же председатель Государственного совета), граф Д. Н. Блудов (председатель Департамента законов), граф В. Ф. Адлерберг, С. С. Ланской, статс-секретарь [П. Ф.] Брок (министр финансов), шеф жандармов Василий Долгоруков и члены Государственного совета князь П. П. Гагарин, барон М. А. Корф (вскоре сложивший с себя звание члена этого комитета), генерал-адъютанты К. В. Чевкин и Я. И. Ростовцев. Вскоре в состав комитета по высочайшему повелению назначен членом бывший тогда министр государственных имуществ Михаил Николаевич Муравьев.

Большинство членов Секретного комитета с князем Орловым во главе не скрывало надежды остановить дальнейшее развитие дела.<...> Государь император был недоволен деятельностью комитета. В видах усиления его состава, именно его либеральной партии, назначен членом комитета его императорское высочество великий князь Константин Николаевич (15-го июля 1857 г.).

Дело получило новый толчок, и на этот раз решительный.

Министр внутренних дел внес в комитет привезенный генерал-губернатором Назимовым адрес дворян виленского генерал-губернаторства с ходатайством об освобождении крестьян. В основании последовавшего 20-го ноября 1857 года рескрипта об открытии губернских комитетов в северо-западных губерниях положены были те соображения Министерства внутренних дел, которые были внесены в виде ответов на представленные к разрешению Секретному комитету вопросы и сущность которых

сейчас мною была изложена. Если рескрипт этот и дополнительные к нему отношения прошли через Секретный комитет, то единственно только вследствие настоятельного требования со стороны государя императора.

Немедля после опубликования первого рескрипта началось реакционное движение в самом комитете. Такое движение поддерживалось и питалось видимым сочувствием большинства тогдашнего общества как в Петербурге, так и в губерниях; с своей стороны, обнаружившаяся оппозиция делу в Петербурге развивала и одобряла оппозиционные направления в губерниях. Хотя не совсем сознательно, но представители охранительной помещичьей партии начали стремиться к осуществлению как бы наперед составленного плана. Целями стремления были: или совершенное остановление дела, или если этого уже нельзя, то безземельное освобождение крестьян, с получением вознаграждения за личную свободу крепостных людей. Средством к достижению одной из предположенных целей была принята система застращивания волнениями крестьян и демократическою революцией, а также общим экономическим потрясением государства. Кроме того, все усилия напрягались к тому, чтобы оттеснить от крестьянского дела всех людей, сочувствовавших освобождению. Ко всему этому присоединилась беспощадная критика тех начал, и в особенности тех министерских соображений, которые были сообщены виленскому генерал-губернатору в особом дополнительном к рескрипту отношении.<...> Сильное реакционное направление охранительная партия вознамерилась поддержать не менее сильными военно-полицейскими мерами. С этою целью состоялись предположения о временных генерал-губернаторах и о военной уездной полиции[4].<...>

От министра внутренних дел требовали войска и строгих полицейских мер, а он настаивал на опубликовании начал предпринятого преобразования; ему со всех сторон говорили, что в таком деле нельзя торопиться, а он своими предписаниями, исполняя священную волю государя императора, настоятельно и постоянно требовавшего не откладывать дела в дальний ящик, торопил с своей стороны дворянство к скорейшему представлению адресов, поставляя предводителям на вид, что не от поспешности, а от медленности в изъявлении согласия дворян на освобождение крестьян можно ожидать пагубных последствий. Плодами этих распоряжений были немедленное представление дворянами адресов об открытии комитетов и терпеливое ожидание народом обещанной свободы.

Кроме того, злоупотребления помещичьей власти могли вредить делу в двух отношениях: они могли раздражать крестьян и побуждать их к беспорядкам и в то же время способствовать или к обезземелению крестьян, или к предоставлению им дурных земель взамен хороших. Рядом преследования частных случаев и испрошения разрешения на принятие общих мер министерство

в течение 1858 года положило предел подобным злоупотреблениям[5].

Но, несмотря на все это, реакционная партия не теряла надежды ниспровергнуть дело. Она посредством особой записки, наполненной искаженными статистическими данными и неверными историческими фактами, хотела доказать, что предпринятое преобразование опасно для государства и что в нем «таится глубоко задуманный план демократической революции в России». Между прочим, доказывалось также, что производительность земли до того уменьшится, что отпуск хлеба за границу вовсе прекратится, а внутри России не будет доставать хлеба для внутреннего потребления. В заключение автор записки советовал «как можно более замедлить ход дела и вместо прочного устройства быта крестьян приготовить только сведения для инвентарей». Записка эта шефом жандармов была представлена государю и по высочайшему повелению была передана министру внутренних дел для внесения ее на обсуждение Главного комитета. Представленная записка не могла выдержать серьезной критики; но при той обстановке, при которой она поступила в Министерство внутренних дел, пренебрегать ею было нельзя, тем более, что требовалось также заключение и от министра государственных имуществ. В составленном в Министерстве внутренних дел подробном разборе препровождаемой записки опровергнуты были все приведенные автором данные, примеры и факты. По получении в Главном комитете представления Ланского дело это было оставлено без всяких последствий.

<...>Наконец, когда наступило время рассмотрения трудов губернских комитетов, Министерство внутренних дел представило план рассмотрения губернских проектов, причем настоятельно высказало мысль о необходимости призвать к этому рассмотрению не одних чиновников, но и помещиков, сочувствующих освобождению крестьян. На этих именно основаниях были образованы Редакционные комиссии по представлению Я. И. Ростовцева.<...>

Губернские комитеты в конце 1858 и в начале 1859 годов стали вносить в Главный комитет по крестьянскому делу выработанные ими проекты об освобождении и устройстве крестьян. Для предварительного рассмотрения этих проектов была учреждена при комитете особая комиссия из четырех его членов: П. П. Гагарина, Я. И. Ростовцева, С. С. Ланского и М. Н. Муравьева. Этой комиссии высочайше предоставлено было «порядок рассмотрения сих проектов учредить по собственному ее усмотрению и распоряжению».

Руководствуясь этим, комиссия 4-го февраля 1859 г. определила порядок составления сводов из губернских проектов и начертания проектов Положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости, предположив учредить для этого две особые Редакционные комиссии под председательством управляющего

делами Главного комитета д[ействительного] с[татского] сов[етника] Жуковского[6]: одну — из чиновников от трех министерств и II-го отделения Собственной его величества канцелярии для составления проекта Общего положения, а другую — из экспертов по избранию комиссии Главного комитета из представителей министерства внутренних дел и государственных имуществ — для составления проекта Местных положений[7].

На всеподданнейшей докладной записке кн. Орлова, по изложенному выше предположению, государь император 13-го февраля 1859 г. написать соизволил: «Исполнить, но с тем, чтобы председательство в Редакционных комиссиях было поручено генерал-адъютанту Ростовцеву, если он согласится принять эту обязанность на себя».<...>

17-го февраля 1859 года князь Орлов объявил высочайшее повеление об учреждении «Редакционных комиссий для составления Общего Положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости», следующего содержания:

«Государь император, рассмотрев журнал комиссии, учрежденной при Главном комитете по крестьянскому делу от 4-го февраля относительно порядка предварительных работ по составлению законоположений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости, высочайше одобрив предположения комиссии в главных основаниях, соизволил повелеть:

1. Для составления систематических сводов из всех проектов губернских дворянских комитетов и для начертания проекта Общего Положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости, и других законоположений, до этого предмета относящихся, учредить две Редакционные комиссии.

2. На одну из сих комиссий возложить составление проектов общих положений, а на другую — местных, которые должны быть применены к особенностям каждой местности и изданы совокупно с общими положениями.

3. Председателем и непосредственным начальником обеих Редакционных комиссий назначить члена Главного комитета по крестьянскому делу генерал-адъютанта генерал-лейтенанта Ростовцева.

4. Управляющему делами сего Главного комитета действительному статскому советнику Жуковскому и состоящему при этой комиссии члену Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел коллежскому советнику Соловьеву быть непременными членами обеих Редакционных комиссий.

5. Редакционную комиссию общих положений составить из чиновников от министерств внутренних дел, юстиции и государственных имуществ и от II-го отделения Собственной его императорского величества канцелярии, на которое возлагается рассмотрение проектов собственно для соображения с общим духом законодательства. Чиновники сии назначаются по соглаше-

нию сих министров и главноуправляющего с председателем Редакционных комиссий.

6. Редакционную комиссию местных положений составить: а) из экспертов, избранных председателем обеих комиссий из членов губернских комитетов или других опытных помещиков по его ближайшему усмотрению, и б) из представителей министерств внутренних дел и государственных имуществ, назначаемых сими министрами по соглашению с председателем Редакционных комиссий.<...>

Весть об учреждении Редакционных комиссий и о назначении председателем их Я. И. Ростовцева произвела весьма благоприятное впечатление во всех кружках, сочувствующих освобождению крестьян. «Всеподданнейшие письма» и вообще участие Ростовцева в крестьянском деле по возвращении из-за границы сблизили с ним людей прогрессивного направления.

<...>Прежде открытия Редакционных комиссий Яков Иванович неоднократно приглашал С. М. Жуковского и меня на предварительное совещание об организации комиссий. На этих совещаниях присутствовал также П. П. Семенов, которого он пригласил в члены-эксперты с возложением на него заведования делами Редакционных комиссий. Главным предметом этих совещаний было назначение членов от разных ведомств и членов-экспертов из помещиков, а также о порядке производства и распределения работ между членами.<...>Всех членов [Редакционных комиссий] от разных ведомств было 11<...>членов-экспертов было приглашено: из членов губернских комитетов — 12, из дворян-помещиков, не бывших членами комитетов,— 8. <...>На самом деле число членов-экспертов, присутствовавших в комиссиях, было 18.<...>Это число распределялось по категориям: [принадлежащих] к либеральному направлению — 9, к консервативному — 5, к представителям западных губерний — 4. Представителей западных губерний я поставил особо потому, что для оценки их направления необходим был другой масштаб. Русские помещики, по крайней мере огромное большинство, при разрешении крестьянского вопроса опасались одного — потери материальных выгод; польские, кроме того, в той же степени боялись утраты своей власти над крестьянами. Они очень хорошо понимали, что с свободными, совершенно независимыми крестьянами, притом большею частью русскими, трудно вести политические интриги и заговоры.<...>

Открытие Редакционных комиссий последовало 4-го марта в 8 часов вечера на казенной квартире Я. И. Ростовцева (на Васильевском острове, по Кадетской линии), по званию его главного начальника военно-учебных заведений. К первому заседанию комиссии собралось 10 членов, получивших уже назначение и бывших в то время в Петербурге*. Заседанию

* Непременные члены: С. М. Жуковский и Я. А. Соловьев, члены от разных ведомств: Н. А. Милютин, А. К. Гирс, М. Н. Любощинский, Н. П. Семенов, В. И. Булыгин и Н. В. Калачов, члены-эксперты: П. А. Булгаков и П. П. Семенов.

предшествовал молебен с коленопреклонением. Само же заседание началось несколькими словами председателя, который в конце своей речи сказал: «Мы приступаем к делу щекотливому. Мы можем быть разных мнений и взглядов. Между нами могут произойти горячие и раздражительные споры и несогласия, а потому мы все должны заранее простить друг другу огорчения, если бы у нас вышло что-нибудь неприятное, и я первый теперь же прошу у всех вас прощения, если бы неумышленно, хотя одним словом, кого-нибудь обидел».

⟨...⟩С самого начала Яков Иванович хотел изгнать из заседаний Редакционных комиссий все стеснения бюрократического характера. В это только заседание члены комиссий были в форменных или простых фраках, а затем в последующие заседания всегда собирались в сюртуках и во время самих заседаний пили чай и курили.

Через день после открытия комиссий, именно 6-го марта 1859 г., все наличные члены комиссий представлялись государю императору в Зимнем дворце; но предварительно, по приглашению Якова Ивановича, мы все отправились к председателю Государственного совета и, за отсутствием государя, заступавшему место председателя в Главном комитете князю А. Ф. Орлову.⟨...⟩

Государю императору мы представились в проходной комнате между приемной и кабинетом его величества. Яков Иванович нас расставил так, что «непременные члены»[8] стояли выше всех, потом следовали представители Министерства внутренних дел и т. д.; поэтому я стоял вторым, между Жуковским и Милютиным. При выходе государя Яков Иванович представил каждого из нас особо. Затем государь вышел на средину комнаты и взволнованным голосом произнес:

— Я желаю только блага России. Вы призваны, господа, совершить большой труд. Я буду уметь оценить его. Это дело щекотливое. Я знаю; мой выбор пал на вас; обо всех вас я слышал от вашего председателя: он мне всех рекомендовал. Я уверен, что вы любите Россию, как я ее люблю, и надеюсь, что исполните все добросовестно и оправдаете мое к вам доверие. Я надеюсь, что с вами мы приведем это дело к благополучному окончанию. Да поможет вам Бог в этой трудной работе, а я вас не забуду. Прощайте.

После этого государь обратился к Якову Ивановичу, подал ему руку и поцеловал его.⟨...⟩

Первые три месяца комиссии употребили на организацию работ, на что было употреблено 17 заседаний общего присутствия комиссий и по нескольку заседаний каждого из трех отделений, на которые разделились Редакционные комиссии. В течение этого времени были приглашены и вступили в состав комиссий большая часть членов-экспертов. В одно из упомянутых 17-ти заседаний были объявлены председателем комиссий как высочайшее повеление об образовании Финансовой комиссии, так и список членов

этой комиссии. Но, кроме организации своих работ, комиссии занимались рассмотрением предложений своего председателя, состоящих в дальнейшем развитии начал, данных в руководство комиссиям; а некоторые члены по приглашению председателя занимались извлечениями из проектов частных лиц и журнальных статей по предмету освобождения крестьян.⟨...⟩

При первом приступе к занятиям разделение Редакционных комиссий на две особые комиссии — общих и местных положений — оказалось неудобным. Во-первых, устранение экспертов из первой из означенных комиссий лишило бы эту комиссию местных представителей.⟨...⟩ Во-вторых, по предположению, как нашему, так и Я. И. Ростовцева, комиссия общих положений должна была выработать проекты как по юридическим, так и по административным вопросам крестьянского дела, между тем как каждая из этих двух сторон дела составляла особый предмет, точно так же, как и разрешение хозяйственных вопросов. В-третьих, в обоих предположениях не предвиделось надобности в соединении комиссий в одно общее присутствие. Все это до такой степени представилось ясным, что исправление этих недостатков было принято по предложению председателя единогласно, без малейшего возражения. Средство к устранению замеченных недостатков заключалось в высочайшем повелении 17-го февраля об учреждении комиссий. В одной из статей этого повеления было сказано:

«Председателю обеих Редакционных комиссий предоставить право дать сим комиссиям внутреннее устройство и образование по его ближайшему усмотрению.⟨...⟩ Равным образом председателю⟨...⟩ предоставить право соединять обе комиссии в один состав и одно присутствие в тех случаях, когда это будет необходимо для рассмотрения предметов, требующих общего и совокупного обсуждения».

Согласно вышеизложенному, во втором же заседании комиссий председатель предложил разделить их на три отделения: 1) юридическое, 2) административное и 3) хозяйственное. Вместе с тем было положено, что отделения будут рассматривать проекты губернских комитетов и составлять свои предположения, каждое специально по своему предмету, и затем вносить доклады на обсуждение и утверждение общего присутствия комиссий. Финансовая комиссия как бы составляла четвертое отделение Редакционных комиссий. Члены этого четвертого отдела были назначены и приглашены прямо в означенную комиссию. Что же касается до членов собственно Редакционных комиссий, то каждый из них выбрал для себя то или другое отделение согласно своему желанию и сообразно своей национальности. Некоторые изъявили желание участвовать в двух отделениях, а С. М. Жуковский и я, как непременные члены, вошли в состав всех трех отделений⟨...⟩.

Говоря о личном составе Редакционных комиссий, в заключение следует упомянуть, что Я. И. Ростовцев в одно из первых

заседаний заявил, что, по его мнению, весьма полезно было бы иметь для присутствия в отделениях с правом совещательного голоса «несколько помещиков небогатых, достаточно образованных», распоряжавшихся лично своим хозяйством. Это предложение хотя и было принято комиссиями, но осуществление его ограничилось приглашением по моей рекомендации бывшего члена от правительства Владимирского комитета по устройству быта крестьян А. П. Смирнова и приглашением старших делопроизводителей Земского отдела Н. Колошина и П. А. Шульца в заседания хозяйственного отделения, в которых присутствовал и Смирнов. Что же касается до другого предложения председателя — о выборе, до десяти, или управляющих имениями, или старост из разных местностей России для приглашения их в отделения поодиночке с целию отобрания от них полезных сведений, то это предложение также было принято комиссиями, но вовсе не осуществлялось〈...〉

По сношении председателя с министром внутренних дел были вытребованы из губерний подлинные сведения о помещичьих имениях, которые на основании программы для занятий губернских комитетов были представлены в комитеты каждым помещиком. Для того чтобы сделать сведения эти полезными для комиссий, их надо было разобрать и, сведя в общие однообразной формы ведомости, напечатать. Эта работа послужила поводом к приглашению К. И. Домонтовича в состав Редакционных комиссий. По представленному им соображению оказалось, что на напечатание всех сведений потребовались бы значительные издержки и весьма много времени, ибо сводные ведомости составили бы 700 печатных листов. Положено было сделать извлечение только из сведений об имениях с населением в 100 и более душ[9].〈...〉

Еще в первое заседание комиссий председатель объявил о сделанных им распоряжениях по устройству при комиссиях библиотеки книг, статей, брошюр и журналов, относящихся к крестьянскому вопросу. Печатных сочинений, относящихся до крестьянского дела, набралось до 1000, из них на русском языке до 400. В состав этой же библиотеки поступали во все время существования Редакционных комиссий проекты и записки: 1) из Главного комитета по крестьянскому делу (числом 124) и 2) те, которые получались двумя председателями Редакционных комиссий (Ростовцевым и графом Паниным[10]),— числом 266; всех таких проектов и записок поступило в библиотеку во все время существования комиссий 390.

Я. И. Ростовцев, искавший повсюду разъяснения крестьянского вопроса, «находя, что, кроме проектов положений губернских комитетов 〈...〉 весьма важные для соображений могут заключаться и в мыслях частных лиц по предмету освобождения крестьян, предложил членам комиссий заняться составлением сводов также и из всех журнальных статей, отдельных сочинений или брошюр

и вообще из всего, что доселе представляет по сему предмету литература отечественная и иностранная, как в изданиях печатных, так и в сочинениях рукописных». При этом Яков Иванович прибавил: «Я должен сообщить вам, господа, что из III-го отделения Собственной его императорского величества канцелярии по особому разрешению будут присылать в комиссии один экземпляр «Колокола» для того, чтобы мы все знали, что будут писать о нас за границей; я буду вас просить, чтобы вы и из «Колокола» заимствовали и приняли в соображение все, что только может быть полезно и применимо к исправлению наших трудов и усовершенствованию проекта положений». Такое заявление со стороны председателя не могло не произвести значительного впечатления на членов комиссий: в то время не только читать, но даже упомянуть о «Колоколе» и его издателе Герцене было небезопасно. На возражение одного из членов Яков Иванович отвечал: «Что нам за дело до личностей? Кто бы ни сказал полезное, мы должны воспользоваться».

Послесловие редакции «Русской старины»

К приведенному выше отрывку из Записок сенатора Соловьева присоединим несколько страниц, хотя бегло напоминающих о дальнейшем ходе трудов по составлению Положений об освобождении крепостного сельского населения.

Результатом деятельности Редакционных комиссий, менее чем [в] четыре месяца после их учреждения, явились три объемистых тома трудов 1-го периода их занятий, которые Я. И. Ростовцев 8 сентября 1859 года имел уже счастие представить государю императору.

За сим мысль его все более и более сосредото́чивалась на одном предмете: благополучно довершить, как он выражался, «святое дело»; но этому не удалось осуществиться при его жизни. В октябре 1859 г. Яков Иванович заболел простудой; в это время (23-го октября) он обратился с письмом к государю императору, возвратившемуся тогда из путешествия в южную Россию, в котором представил обзор различных мнений, которые ходили тогда в обществе между лицами, так или иначе принимавшими участие в деле освобождения крестьян, причем он старался указать, к чему именно стремились Редакционные комиссии. Между тем хотя болезнь Якова Ивановича продолжала развиваться, тем не менее он не прерывал своих занятий, торопил сотрудников скорейшим окончанием 2-го периода работ, состоявшего в пересмотре и дополнении прежних заключений комиссий на основании проектов губернских положений позднейшего поступления и словесных сообщений, сделанных депутатами. Когда развившаяся болезнь не позволила уже ему выезжать, он собирал комиссии в своей квартире и, превозмогая себя, участвовал в рассуждениях, длившихся по нескольку часов.

Наконец присутствие его в комиссиях прекратилось; но ежедневно и во все часы принимал он некоторых членов комиссий и во всей подробности следил за их работами. В январе 1860 г. болезнь приняла угрожающий вид и, несмотря на все усилия медицинской науки, делала быстрые успехи. Наступило полное истощение физических сил. Едва слышным голосом говорил он с ближайшими лицами о ходе крестьянского вопроса, требовал откровенного мнения о трудах комиссий, о возражениях людей, не согласных с их заключениями, о возможности выполнения их проектов. «Если я умру теперь,— говорил он,— то умру со спокойной совестью. Мы исполнили долг свой перед государем, действовали открыто, без всякой интриги, разъяснили вопрос и, может быть, подвинули вперед святое дело. В твердости государя я уверен, а Бог России и святого дела не оставит». Как бы чувствуя, что дни его сочтены, он еще в начале болезни набросал план отчетной записки о всех заключениях, постановленных комиссиями по крестьянскому вопросу, с изъяснением по некоторым предметам собственного взгляда и с присовокуплением указания на то, что, по его мнению, особенно подлежало еще пересмотру и новому обсуждению. Будучи уже не в силах ее окончить, он поручил ее одному из ближайших своих сотрудников (Ф. П. Еленеву). Эта записка составляла его последнюю заботу в жизни; он желал поскорее видеть ее готовою, боясь, что будет уже не в состоянии ее выслушать. «Заключения комиссий,— говорил он,— разбросаны в журналах; я желаю представить государю сжатое, но полное их изложение. Это будет моя политическая исповедь, а может быть, и мое последнее слово в крестьянском вопросе». Записка осталась, однако, не подписанною, так как был уже не в силах владеть рукою свободно, но была удостоверена в подлинности сыном его и скреплена заведовавшим делами Редакционных комиссий П. П. Семеновым. В таком виде она была представлена в день кончины Я. И. Ростовцева 6-го февраля 1860 года государю, который, принимая ее, сказал:

— Покойный оставил нам здесь как бы завещание, которое должно быть для нас священно.

Тогда же эта записка с высочайшего соизволения была напечатана в ограниченном количестве экземпляров для членов императорской фамилии, Государственного совета, Главного комитета по крестьянскому делу, а также и для немногих других лиц, принимавших непосредственное участие в деле. В напечатанных экземплярах дано ей заглавие: «Всеподданнейшая записка председателя Редакционных комиссий генерала Ростовцева, представленная его императорскому величеству 6-го февраля 1860 г.» Этим предсмертным трудом закончилась деятельность Я. И. Ростовцева по крестьянскому вопросу.

Редакционные комиссии под председательством графа В. Н. Панина, преемника Я. И. Ростовцева, окончили свои работы в октябре 1860 года, составив пять проектов общих и местных положений об устройстве крестьян; собрание же всех вообще материалов, разработанных, обсужденных и составленных Редакционными комиссиями, заняло собою 35 печатных томов.

При подробном обозрении обширной работы комиссий Главный комитет счел долгом отдать справедливость замечательному обилию собранных ими материалов и примерной деятельности комиссий. Трудясь постоянно в продолжение года и семи месяцев, комиссии успели в это время разобрать во всей подробности 82 проекта губернских комитетов, составить общий свод всех предложений, в этих проектах заключающихся, изложить свои соображения и выводы по вопросам, касающимся крестьянского дела, рассмотреть эти вопросы в совокупности, разобрать замечания, сделанные вызванными членами губернских комитетов, проверить множество статистических сведений и данных и наконец после такой предварительной работы составить окончательные проекты разных положений, обнимающих крестьянское дело во всей его полноте.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Н. Н. ПАВЛОВА «РЕДАКЦИОННЫЕ КОМИССИИ 1859—1860 ГОДОВ»

⟨...⟩Весною 1857-го года (кажется) представлялись мы государю императору Александру Николаевичу в Большом Кремлевском дворце внизу и удостоились слышать его слова о необходимости освободить крестьян от крепостной зависимости, с приглашением передавать его слова всем[1]. Прямо из дворца мы собрались у Воейкова[2], и там я собственноручно на полулисте писчей бумаги записал по памяти слова государя; записка эта через генерал-губернатора Закревского была представлена на просмотр государя, который, исправив карандашом одно или два выражения, возвратил ее к нам. Она и поныне должна храниться в секретных бумагах при предводительских делах. В тот же день вечером был раут у Закревского, и отбоя не было от любопытствующих услышать слова, сказанные государем. Сенсация была сильнейшая. В 1858 году открылся губернский комитет об улучшении быта помещичьих крестьян; я, как предводитель, считал за лучшее остаться в комитете. ⟨...⟨ Я придерживался партии либерального меньшинства (14 человек), возбуждая подаваемыми мнениями негодование крепостничества, во главе которых стоял от Клинского уезда князь Александр Сергеевич Меншиков и от Московского — Головин. ⟨...⟩ В январе 1859 года [я] был определен исправляющим должность управляющего Московской палатою государственных имуществ с производством в надворные советники. ⟨...⟩

Когда я поступил в Министерство государственных имуществ ⟨...⟩ начиналось образование Редакционных комиссий по выбору Якова Ивановича Ростовцева, причем много влияли Николай Алексеевич Милютин и Яков Александрович Соловьев; этот последний, постоянно следя за деятельностью губернских комитетов, знал направление всех почти их членов, в том числе и мое, хотя лично мы никогда не видались. Нужно было назначить от Министерства государственных имуществ двух членов. Муравьев, вероятно желая дать Булыгину средство получить награду, частью же, может быть, видя в нем покорного проводника в Комиссиях своих крепостнических убеждений, назначил его, но Ростовцев со своей стороны согласился на это назначение только под условием, чтобы другим членом от министерства назначен был я. Муравьев это исполнил, но потребовал, чтобы я не оставлял управления палаты и ежемесячно ездил в Москву. В феврале 1859 г. я переехал в Петербург и поселился у Александра Максимовича Княжевича[3]. Заседания Редакционных комиссий еще не начинались, но частные совещания уже происходили. Я причислился к хозяйственному отделению, которое по вечерам собиралось в квартире Милютина, в доме Фридрихса на Владимирской. Постоянными посетителями были: Соловьев, князь Черкасский, Самарин, Арапетов, Петр Петрович Семенов, я и граф Петр Павлович Шувалов — петербургский губернский предводитель дворянства. Прения продолжались далеко за полночь, велись очень сдержанно, хотя с оживлением и страстью; все мы в основных чертах были более или менее согласны между собою, особенно я, который никогда не играл первой скрипки и всегда подчинялся мнению вожаков — Милютина, Черкасского и Самарина, но оппозицией являлся Шувалов, стоявший за бессрочное пользование и патримониальную власть помещика[4] и не допускавший обязательного выкупа. С особенным удовольствием вспоминаю эти наши сборища, в обществе стольких умных людей, в которое Черкасский и Самарин, а также Милютин вносили, кроме того, много юмора и оживления.

Общие собрания Редакционных комиссий открылись 4-го марта, когда меня в Петербурге не было — я в это время подробно ревизовал палату по столам, приехал же я в Петербург позже и первый раз присутствовал на заседании 23 марта. Заседания комиссий происходили в I-м кадетском корпусе на Васильевском острову, в очень большой зале, разделенной высокими шерстяными зелеными занавесками на три части, из которых в самой просторной, средней, стоял большой стол, за коим мы и помещались во время заседаний, в простенках же стояли шкафы с книгами, относящимися до крестьянского поземельного вопроса, которые Ростовцев считал необходимым приобретать, но которые я не помню, чтобы кто-либо читал. В ближайшей к входу в залу части находилась канцелярия и комиссии под начальством Острякова, а в третьем отделении приготовлялся, смотря по

времени дня, завтрак или ужин, всегда очень обильный и сытный. На столе заседания помещалось несколько подносов с сельтерской и содовой водой, которые всегда пил Ростовцев; привык и я пить. Являлись мы все в сюртуках и пиджаках, кроме впоследствии гр. Панина, одевавшегося, сколько помню, постоянно в вицмундир. Летом, когда Ростовцев занимал казенную дачу на Каменном острову, не доходя до театра, в саду была разбита большая палатка, в которой происходили заседания. Во время заседаний все курили. Заседания продолжались иногда до рассвета, и я с большим удовольствием вспоминаю, как на рассвете, переходя с Черкасским, Милютиным и Самариным Неву, мы любовались на опаловый свет и очаровательный вид на реку и дворцовую набережную. Увы! уже никого из них нет в живых, и одного только Милютина я видел в Москве уже больного и почти умирающего, а Черкасского и Самарина видел в последний раз, не подозревая, что смерть близка. Летом Милютин переезжал на министерскую дачу на Аптекарском острове на берегу Невы, и тут, пока в ожидании сбора мы сиживали, на пристани появлялся иногда министр Сергей Степанович Ланской в светленьком сюртуке и голубеньком небрежно повязанном галстуке. Помню, что на этой пристани в первый раз увидел Салтыкова (Щедрина), с которым потом встречался на Ярославской железной дороге, когда жил в Пушкине у Колли, а он езжал в свое Витенево.

Не помню, когда это именно было, но только одно лето, в то время, когда Княжевич уже был министром финансов, он занимал казенную дачу на Каменном острову, а другое лето жил в городе и только к осени в августе переехал на Охту на дачу Кушелева-Безбородко, уступившего ему большой дом в Полюстрове. Я там помещался в одной из башен, той самой, в которой гостил у Кушелева Александр Дюма[5]. Черкасский и Самарин постоянно летом занимали помещение в дворцовых строениях великой княгини Елены Павловны на Каменном острову. Заседания у Милютина (хозяйственного отделения), продолжавшиеся и во время действий Редакционных комиссий, оканчивались зачастую по восходе солнца. Мы вообще занимались крайне ретиво, и помню случаи, когда после заседаний комиссий возвращались в 4 утра домой, я садился за исправление корректуры своего доклада по замечаниям комиссии и, окончив работу к 7 часам утра, спешил отправить ее в типографию. И нас никто не понукал, не заявлял требований, а работали мы, как работает редкий чиновник, из одного усердия, из любви к нашему делу, из одного желания сделать лучше и скорее, не вносили никакого личного самолюбия в дело, охотно подчинялись замечаниям и мнениям товарищей. Хорошее было время! Хорошо было общее наше настроение, о котором отрадно вспомнить. Все шло у нас очень дружно, исключая двух эпизодов с Шуваловым и Паскевичем[6], а потом с Позеном. Граф Шувалов, как я уже говорил, принимал деятельное, хотя отчасти оппозиционное участие в деле, придер-

живаясь направления остзейских баронов, стараясь право собственности на землю и преобладающее влияние над крестьянами сохранить за помещиком, но графа Паскевича мы положительно не слыхали и почти не видали и только читали его подпись под мнениями и протестами, которые вносил гр. Шувалов. Произошел разлад между ними и комиссиями, и они, согласно их желанию, были вскоре по высочайшему повелению уволены. Позена же пригласил Ростовцев. Это был человек чрезвычайно умный, делец, в свое время всемогущий в военном министерстве, где он был, кажется, правителем канцелярии, и поэтому привыкший к преобладающему влиянию, которое он старался приобрести в комиссиях, причем не выказывал особенного уважения к авторитету нашего президента. Хотя в заседаниях он сидел рядом с ним, но это не мешало Ростовцеву, как он мне сам это говорил, замечать его усмешки и гримасы в то время, когда он слушал его слова, что Ростовцев простить ему не мог, и результатом, конечно, был выход Позена из комиссии. Ростовцев был человек искренно преданный нашему делу, по крайней мере настолько, насколько искренность входила в его характер. Мне сдается, что преданность его делу была больше преданность воле государя и средство сохранить расположение государя, не находившего между своими приближенными лицами людей, сочувствующих предпринятым им преобразованиям. Особенно последнее время, после нападок на работы комиссий от губернских комитетов прибывших депутатов, из которых весьма многие сочувствовали преобразованию, но обиженные тем, что не были приглашены к деятельному участию, явились противниками трудов комиссий, он сильно поддавался желанию угодить недовольным и все только говорил, что нужно полировать нашу работу. Я боюсь сказать, что, проживи он дольше, Бог знает, до чего бы дошла эта переработка. Петр Петрович Семенов, исполнявший должность секретаря комиссий, уезжал осенью 1859 г. на месяц в отпуск, и Ростовцев пригласил меня на время его отсутствия занять его место, почему я каждое утро был у Якова Ивановича. Он уже был болен и не вставал с дивана. Диктовал мне разные памятные записки с указанием будущих работ комиссий и направления этих работ, в которых предполагаемая шлифовка играла немалую роль. При этом он любил рассказывать о доверии к нему государя и о том, как он к нему близок.⟨...⟩

Меня не было в Петербурге, когда умер Ростовцев; назначен председателем комиссий министр юстиции граф Виктор Никитич Панин, и для комиссий настала иная эпоха. Председатель стал к ним во враждебные отношения; не сочувствуя самому делу, он по аристократической гордости презирал всех входивших в состав их. Существовавшая при Ростовцеве связь между комиссиями и государем прекратилась и изредка только поддерживалась неофициальными докладными записками, подаваемыми Милютиным через Ланского государю и нередко возвращавшимися

с собственноручными отметками государя. Панин не только не поддерживал комиссий, но и старался всячески вредить им, представлять нас людьми вредными и сплетничать. Государь, лишенный возможности знать правду через Панина, обыкновенно время от времени приезжал к великой княгине Елене Павловне, постоянно интересовавшейся ходом крестьянского дела и знавшей через Милютина, Черкасского и Самарина все, что в комиссиях делается, и обращался к ней с вопросом: «Eh bien, ma tante qu'est que ce fait dans les commissions?»* И затем, выслушав молча ее рассказ, уезжал. Осенью, когда двор жил в Гатчине, туда приглашались разные аристократические лица, составлявшие интимное общество царской фамилии, и на это сближение рассчитывали они, чтобы интриговать против крестьянской реформы, но государь, оставаясь крайне милостив и любезен, вел дело так, что никому не удавалось слова сказать о крестьянском деле, и они ни с чем возвращались из Гатчины.⟨...⟩

Обращаясь теперь к деятельности членов наших комиссий, я не могу быть сколько-нибудь компетентным судьей по вопросам, относящимся до предметов хозяйственного отделения. О деятельности финансовой комиссии мы никаких сведений почти не имели. В докладах административного отделения принимали все мы в общих заседаниях деятельное участие, но к докладам хозяйственного отделения почти совершенно безучастно относились: Николай Петрович Семенов (вел постоянно записки комиссий), Любощинский, Ламанский, Бунге, Христофари, князь Сергей Павлович Голицын, Арапетов. Из других приглашенных экспертов Николай Петрович Шишков, князь Борис Дмитриевич Голицын, граф Виктор Апраксин никогда в комиссиях не присутствовали[7]. Вообще деление членов на командированных от министерства и приглашенных в качестве экспертов никакого существенного значения не имело, и как те, так и другие могли по степени желания и усердия работать или ничего не делать. Так, Черкасский и Самарин были эксперты и работали неустанно, Христофари же был член от Министерства финансов и ничего решительно не редактировал.⟨...⟩

За труды в Редакционных комиссиях, кроме объявленного нам через министра внутренних дел благоволения и пожалования золотых медалей с надписью «благодарю», мы, чиновники, получили еще награды... По поводу полученных наград ходил о Самарине рассказ, ни подтверждения, ни опровержения которого я ни от кого не слыхал. Говорят, что Самарину был пожалован орден Владимира третьей степени, но он не пожелал его принять, о чем и написал графу Панину; в таком щекотливом положении граф Панин поступил с большим тактом: не делая никакой огласки, он на отношении или письме Самарина положил

---

* Итак, тетушка, что делается в комиссиях? *(фр.)*.

резолюцию: «хранить пожалованный Самарину орден при делах канцелярии впредь до востребования им его».

Когда 19 февраля 1861 года было объявлено «Положение», я был в Москве и не помню, чтобы оно произвело особенное впечатление в обществе или народе, исключая несколько кружков, сочувствовавших освобождению крестьян лиц, которые собирались в разных местах праздновать это радостное событие.〈...〉

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ П. Д. СТРЕМОУХОВА «ЗАМЕТКА ОДНОГО ИЗ ДЕПУТАТОВ ПЕРВОГО ПРИЗЫВА»

〈...〉 Не касаясь общего хода дела, с которым тесно была связана моя давно прошедшая деятельность*, позволю себе отметить лишь кое-какие свои личные впечатления, оставшиеся в моей памяти о времени пребывания в Петербурге депутатов первого призыва, в числе которых я состоял по выбору от большинства Нижегородского комитета.

Прибытие в Петербург депутатов внесло чрезвычайное оживление в столичную жизнь. От деятельности их ожидали независимо от исполнения прямого их назначения также и почина во всяких преобразованиях, более или менее связанных с крестьянскою реформою. В среде самих депутатов было немало думавших, что миссия их не ограничится правом отстаивать мнения своих комитетов и что на долю их в силу вещей выпадет и участие в разрешении других нарождавшихся вопросов 〈...〉 Настроение общества было приподнятым и возбужденным как открывавшимися после долголетнего застоя новыми перспективами, так и под влиянием идей, навеянных излюбленным тогда изучением истории Франции в период, предшествовавший первой революции. Незадолго перед тем появилось и широко распространилось в Петербурге новое сочинение Токвиля «L'ancien regime et la Revolution»** и я как теперь вижу зеленую обложку этой книги, красовавшуюся на столе любого кабинета и даже гостиной; читали ее с захватывающим интересом, применяя изложенные в ней факты с ее выводами и заключениями к существуемым или предусматриваемым у нас социальным и политическим явлениям. Вопросы об административной централизации и ее влиянии на нашу государственную жизнь; об отрицательной роли наших общественных сил в правительственной деятельности; о разобщении этих сил и дальнейшем их развитии в отношениях как между собою, так и к государству; о положении поместного дворянства по утрате им вотчинных прав — абсентизме со всеми его

* Я был членом Нижегородского комитета для составления Положения о крестьянах и одновременно горбатовским уездным предводителем, а с 1861 года нижегородским губернским предводителем дворянства.

** «Старый порядок и революция» (*фр.*).

последствиями — и тому подобные вопросы занимали и волновали общество не менее вопроса об освобождении крестьян и устройстве их быта. Рассуждения о всяких недостатках во внутреннем нашем управлении, финансовом нашем положении, потрясенном Крымскою войною, и тому подобных делах приводили к заключению о невозможности их разрешения без содействия призванных для сего представителей от образованных классов.⟨...⟩ Среди всего этого движения в интеллигентных и в особенности в аристократических наших сферах развилось политическое доктринерство на иноземной подкладке, которое стало не то модой, не то манией, уносившей нередко в область представлений самого фантастического свойства. Раз, встретившись со мною на рауте у министра Ланского, известный англоман граф В. П. Орлов-Давыдов[2], отведя меня в сторону и многозначительно спросив, что я думаю о роли депутатов от губернских комитетов, приглашенных в Петербург, стал догматически доказывать, что депутаты не только вправе, но и обязаны сомкнуться в дружную оппозиционную силу против правительства, действия которого в крестьянской реформе явно ведут к подрыву не только материального благосостояния дворянства, но и политического его значения как сословия, служащего исконным оплотом престола; что организованная в таком смысле оппозиция «имела бы значение оппозиции его величества, подобно английской парламентской оппозиции, которая, служа охранительною для королевы силою против ошибок, заблуждений и вообще ложной политики ее министров,— по праву именует себя Her Majesty's opposition*.

Съехавшиеся в Петербург депутаты разбились на группы. Одна из этих групп собиралась у А. М. Унковского (бывшего тверского губернского предводителя)**. К этой группе примкнули самые горячие реформаторы. Здесь в связи с крестьянскою реформою происходило широкое обсуждение вопроса о преобразованиях в области суда и администрации — преобразованиях, в зависимости от которых ставились и благие последствия самой крестьянской реформы. С особенною настойчивостью выдвигался здесь и вопрос о свободе печати. Столь широкая и по существу радикальная программа придавала собраниям сказанной группы особенную политическую окраску.

---

* «Оппозиция ее величества» *(англ.)*.

** Я знал А. М. Унковского еще с лицейской скамьи. По прикосновенности к какой-то истории политического свойства он вместе с другим нашим товарищем Константиновым был арестован и уже в лицей не возвращался; впоследствии окончил свое образование в Московском университете. Поборник самых либеральных идей, друг Салтыкова (Щедрина) и известного публициста Головачева[4], А. М. Унковский был одним из тех депутатов, которые своими откровенными и смелыми отзывами наиболее доставляли Редакционным комиссиям что называется du fil à retord (трудную задачу — *фр.*). Ему же, если не ошибаюсь, принадлежала идея всесословной волости, идея, которую он проводил с особенной настойчивостью, но которая встретила сильнейший отпор с многих сторон, и притом по причинам совсем разнородного характера.

Более спокойными, а по содержанию и более корректными были совещания, происходившие у саратовского губернского предводителя князя Щербатова или у симбирского депутата Шидловского[3] (не помню хорошенько, у которого именно из них). Здесь прения ограничивались предметами, непосредственно относившимися к крестьянской реформе, и на первом плане были земледельческие интересы, подвергавшиеся всестороннему и обстоятельному обсуждению; иных, насколько помню, вопросов здесь не касались; о домогательстве же некоторых членов этой группы разрешить крестьянский вопрос созванием сословных выборных я узнал лишь впоследствии.

Совсем аристократический характер, даже по внешности, имели собрания, происходившие у петербургского губернского предводителя графа Шувалова. Здесь собирались преимущественно представители крупного землевладения. Проведший, кажется, большую часть жизни в Англии и усвоивший не только взгляды, но и привычки и приемы тамошней аристократии, хозяин дома в пространных, хотя по оборотам и выражениям и не всегда ясных речах докторально защищал и отстаивал идею сохранения за помещиками полного права собственности на всю землю; идея эта, как известно, имела многочисленных приверженцев в среде крупных землевладельцев, в числе которых, однако, было немного веривших в возможность отстоять ее. Прения на эту тему никаких, конечно, практических результатов иметь не могли.

Помимо специальных депутатских собраний происходили и в частных домах оживленные беседы как о самой крестьянской реформе, так и в особенности об ее последствиях, экономических, финансовых и политических. Обычная в иных домах вечерняя карточная игра оставалась на втором плане, до того умы были заняты другим.

Всего интереснее были вечера у Н. А. Милютина. Здесь собирались представители нашей либеральной интеллигенции и выдающиеся деятели Редакционных комиссий. Здесь, можно сказать, лежал и центр тяжести преобладавшего в то время в высших сферах направления, душою которого был Н. А. Милютин. Несмотря на официальное положение лиц, составлявших большинство в этой среде, происходивший здесь обмен мыслей по вопросам, волновавшим тогдашнее общество, был свободный и непринужденный, причем немало оживления вносило в разговор и личное участие высокопросвещенного хозяина. Нельзя не заметить, что в этой среде интересы дворянства находили весьма мало защитников, а еще менее какие бы то ни было права его на преобладающее в государственном строе значение. Сам Н. А. Милютин относился к этой последней теме с каким-то особенным раздражением: не допуская за дворянством никаких особых политических прав, он энергически восставал против всякой инициаторской его деятельности в делах, касавшихся общих нужд и интересов. Не забуду, как раз, когда в особом разговоре

я коснулся этой темы, и притом в смысле, не совсем согласном с его взглядом, он вскочил как ужаленный. «Никогда,— сказал он,— никогда, пока я стою у власти, я не допущу каких бы то ни было притязаний дворянства на роль инициаторов в делах, касающихся интересов и нужд всего народа. Забота о них принадлежит правительству; ему и только ему одному принадлежит и всякий почин в каких бы то ни было реформах на благо страны. Tout pour peuple, rien par peuple»*,— при этом добавил он словами, кажется, Наполеона III-го. В приведенной тираде резко выразился характер Н. А. Милютина как государственного человека и той политики, которою он руководился в продолжении своей государственной деятельности.

Представления депутатов, как известно, не могли существенно изменить уже предначертанных в Редакционных комиссиях главных оснований проекта Положения о крестьянах. Некоторые со стороны депутатов попытки к тому, чтобы разрешено было им представить свои соображения на окончательные труды Редакционных комиссий до поступления оных в Главный комитет по крестьянскому делу, успеха не имели.

<...>После 6—7-недельного пребывания в Петербурге депутаты получили извещение, что миссия их окончена и что они могут разъехаться по домам. Большинство тотчас уехало, некоторые же депутаты продолжали оставаться в Петербурге вопреки сделанному указанию и, кажется, подпали под наблюдение полиции.

Вспоминая вышеприведенную эпоху, нельзя, мне кажется, не признать, что каковы бы ни были увлечения дворянства, каковы бы ни были те или другие его стремления, широкие или эгоистические, со всеми человеческими заблуждениями и ошибками, никогда не проявляло оно столько жизни, энергии и деятельности, сколько оно проявило в это достопримечательное время. Вызванное исключительными обстоятельствами, столь же исключительное — и не в одной только дворянской среде — возбуждение умственных сил должно было, разумеется, иметь и свою реакцию.<...>

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ А. М. УНКОВСКОГО

<...>Когда началось крестьянское дело в реальности, стало входить в жизнь, осуществляться, я остался за штатом, не принимал официального активного участия. Тем не менее крестьяне массой притекали ко мне за советом. Я охотно безвозмездно давал советы в делах, которые я понимал. При спутанности возникавших взаимных отношений помещиков и крестьян много было вопросов, на которые дать ответ нельзя было

* Все для народа — ничего через народ *(фр.)*.

легко. Это доверие ко мне крестьян внушило мне мысль заняться частной адвокатурой. Кроме того, нужно же было девать куда-нибудь свои познания и молодые силы. Занимаясь адвокатурой, мне пришлось, между прочим, столкнуться с покойным графом Д. А. Толстым[1]. У него я выиграл 16 дел.<...>Столкновения с ним не обошлись мне даром. С сильным не борись, а больше всего с богатым не судись,— это мудрое изречение более, чем нужно, ясно в моем сознании, когда я припоминаю то отдаленное время до судебной реформы... Следствием моих юридически-правовых отношений к некоторым делам графа было то, что от меня отняли право подавать прошения в присутственные места, вести дела, быть защитником. Был получен циркуляр, по которому воспрещалось принимать где бы то ни было мои деловые бумаги. Всему образу моего поведения был придан характер вредный в политическом отношении. Осажденный такими нелегкими обстоятельствами, я обратился в Петербург к Василию Андреевичу Долгорукову[2], что мне делать. Долгоруков посоветовал пойти временно на такую службу, определение на которую зависит от высочайшего утверждения. Этим маневром я мог достигнуть того, что из человека, в глазах правительства мало надежного, неспокойного, я мог сделаться человеком надежным. Но куда идти, я задумался. Да вот, писал Долгоруков, контрольная палата, к Татаринову[3]. Татаринов поехал с докладом к государю. Государь разрешил мне принять обязанность управляющего контрольной палатой, только не в Твери. Таким образом, опала отверженности этим актом была снята с меня. Девять месяцев я был управляющим. Это относится к 1865 г. Вскоре по обстоятельствам я добровольно вышел в отставку. Отставка моя рассердила покойного императора Александра II. Но я немного забежал вперед.

Всего курьезнее, что вслед за разрешением выезжать из Твери всюду, кроме Петербурга, я получаю коробочку пилюль от великой княгини Елены Павловны, которая слышала, что я страдаю одышкой. Великая княгиня знала про мое активное участие в вопросах о крепостном праве до моей ссылки[4]. Но увы! Пилюли имели действие не на одни только легкие. В конце пятидесятых годов, когда я был в Петербурге, подавал ответы на вопросы Редакционной комиссии, я был представлен великой княгине по ее желанию. Удивительная это была личность! Помню, меня поразил ее разговор со мной о крепостном праве. Она заметила мне, что так писать и говорить, как я, едва ли хорошо и полезно, потому-де надо знать, с кем имеешь дело; ведь государь — человек весьма расположенный делать все, что возможно, но надо принять во внимание, что он не получил такого воспитания, но что вот она-де в несколько иных, лучших обстоятельствах воспитана. Тут же она выразила живейшую готовность познакомиться с крепостным правом в подробностях и просила доставить ей мой проект. Я предложил.

Получив право выезда из Твери, я, повторяю, уехал в Москву. Тут-то я застал акт освобождения. Как раз мне пришлось быть в таком кружке, который праздновал чрезвычайно долго это событие. Обеды в клубах, ряд нескончаемых празднеств — словом, сердце России — Москва, пульс ее усиленно бился в те далекие, прошедшие дни. Глядя со стороны на Москву, можно было думать, что что-то такое великое происходит в России. Оно так и было. Вспоминая свои посещения Москвы, вспоминаю и те встречи, которые я имел с писателями. Ни один мой приезд в Москву не обходился без того, чтобы не повидать Каткова[5], например. С ним я был довольно близок. Взгляды его, как и других литераторов, на реформы того времени всем хорошо известны. В одно из посещений я застал его за чтением подпольного издания. Раз как-то вхожу к нему на Покровке в его громадный кабинет. Это было в начале его издания «Московских ведомостей». Вижу, читает подпольную газету «Великорусс»[6]. «Что вы скажете про газету эту, Михаил Никифорович?» — «Да что, кроме глупости в ней ничего путного нет,— отвечает он,— впрочем, вот третий номер довольно содержательный. В нем говорится о необходимости у нас конституции». Мы начали читать этот номер. В это время поднялась высокая фигура Тургенева. Фигуральное выражение «поднялась» вполне передает то впечатление, какое произвел он на нас своим приятным вторжением к нам в эту минуту: обширный кабинет Каткова был неравномерно освещен; зад кабинета был во мраке, а между тем здесь были двери, ведшие в кабинет. И представьте себе, подымается из мрака высокая фигура Тургенева, да прибавьте то впечатление очарованья, какое он производит своею, тогда еще молодою, личностью. Разговор у нас перешел на другую почву — чисто литературную.

Много приходилось мне слушать Каткова. Это не был оратор. Он больше брал тонким, проницательным умом. В контраст ему был Иван Сергеевич Аксаков, с которым дружба у меня завязалась теснее по поводу моего сотрудничества в его «Дне»[7]. Это был урожденный оратор. Припоминая его тогдашнее, в начале 60-х годов, умственное настроение, должен сказать, что он не имел тогда вовсе политического образа мыслей, так резко преобладавшего и существенно сказавшегося в 70-х и 80-х годах во всей его публицистической деятельности вплоть до знаменитого подозрения его в неблагонадежности[8]. Идеализм — это тот кумир, которому он приносил тогда курения и возлияния. Идеалистическое настроение его сказалось, например, в утверждении, что церковь нужна не для того, чтобы молиться, а для единения душ. Откровенно сказать, я ничего в этом единении не понимал. <...>

Кроме литературных я храню воспоминания и об исторических лицах. Хоть бы взять, наприм[ер], Милютина. Это был истинно даровитый человек, но чиновник. Этот злосчастный чиновник заглушал в нем чрезвычайную любезность — вторую его природу,

то остроумие, которым он был так щедро наделен. И немудрено: всю жизнь он провел в канцелярии, чуть ли даже не в одной и той же комнате — в Министерстве внутренних дел. От этого произошло то, что он не имел, кроме чиновничьего, иного образа мыслей, не знал, кроме канцелярских, иных способов. А ведь известно, раз канцелярия вмешается в дело, тормоз уже готов... Поэтому-то с Милютиным нелегко было вести дело. Куда Ростовцев был удобнее, покладистее Милютина. Наприм[ер], последнему втемяшилась мысль о невозможности выкупа, и хоть ты кол теши ему на лбу, он ни с места. Он сочувствовал совершенному прекращению отношений между помещиками и крестьянами и представлению земли в собственность, но считал выкуп делом совершенно невозможным. Но что больше всего возбуждало меня против него, это его несогласие допустить приехавших депутатов до каких-либо общих совещаний, полагая, что эти совещания могут быть бурными и повести к тому, что правительство склонится на сторону крепостников. Нельзя отказать в прозорливости уму Милютина. Тем не менее ничто не заставляло непременно предположить, что совещания будут бурными. А между тем допусти живое отношение приехавших депутатов к делу, допусти совещания, дебаты — при умелом руководстве получилась бы несомненная польза. К мнению Милютина присоединился Черкасский[9].

Не нравился мне этот человек: искренность его всегда казалась мне сомнительной. Из подробной истории великого акта 19 февраля, тщательно приведенной в колоссальном и глубокопочтенном труде доктора Александра Скребицкого «Освобождение крестьян в царствование Александра II»[10], известно отношение Черкасского к освобождению: он стоял за освобождение без земли возможно большего количества крестьян и дворовых людей за деньги. Известно также его отношение к полякам: равнодушно он не мог говорить о них. Вообще был человек, признаться, трудноперевариммый. Недаром, будучи в Москве головой, он не был избран на второе трехлетие[11]. Черкасский близко сходился со славянофилами во взгляде на политические реформы. Известна его проповедь о каких-то началах самоуправления... О, Аксаков Иван, Самарин — эти славянофилы отвергали всякие политические реформы и пренебрегали политическим положением государства. Они утверждали, что абсолютизм есть форма идеальная, что в нашем народе развита свобода духа, что русский человек не ищет такой свободы, какой жаждет европеец, что первый стремится быть свободным в духе. Сколько правды во всем этом — оставляю на совести их. Самарин, впрочем, был много симпатичнее Черкасского по взглядам. Прежде всего это был прекрасный, искренний человек; под внешней, казавшейся сухой оболочкой в этом человеке билось прекрасное сердце. Не будь он испорчен славянофильскими воззрениями, он был бы идеальнейший человек. <...>Отношения Самарина к Кошелеву, Афросимову и Вол-

конскому[12] были отрицательны; Милютин, Черкасский и Самарин расходились с нами больше в началах освобождения, чем в деталях. Резкие споры поднимались у нас всегда, как только возбуждался насущный вопрос времени. Меня всегда возбуждало к спору с Милютиным то обстоятельство, что вызвали депутатов в Петербург и вместо того, чтобы послушать их в общих совещаниях, собраниях, на сходках и этим путем выяснить основания освобождения, правительство заблагорассудило засадить депутатов в номера гостиницы и заставило давать ответы на заданные вопросы в Редакционных комиссиях или же стало вызывать поодиночке в комиссию для разговоров. Приехав в Петербург и не получив официального разрешения собираться всем вместе, мы устраивали собрания у Петра Павловича Шувалова, бывшего предводителя дворянства. На одном из них было решено обратиться к государю с просьбой позволить собираться всем. Выбрали Шувалова, Кошелева и меня писать петицию. Засели — сидели два дня. Натерпелся же я с Кошелевым от Шувалова: что ни слово — не так, все резко, все невозможно. Мы бросили писать. Угодническая натура Шувалова, признаться, была противна. Наконец стали сочинять письмо к Ростовцеву. И тут боязнь не угодить Ростовцеву резко давала себя знать. Кошелев стал кипятиться. Кажется, из 15 строк нашего письма к Ростовцеву больше половины было не по душе Шувалову. Кошелев впал в отчаяние; опрокинется, бывало, на кресло и поставит на лоб табакерку: это признак самого сильного возбуждения. Вполне понятны волнения Кошелева: он был предан крестьянскому делу, хотя в своих имениях, как слышно было, что-то неладное сотворил. Впрочем, продаю за то, за что купил[13].

Кошелев и Самарин, сколько противоположного в этих двух личностях при всем том, что они одинаково сходились в вопросе об освобождении, сочувствовали ему, жили им, служили ему. Одинаково богатые люди (Кошелев, например, оставил чуть ли не половину Сапожковского уезда Рязанской губернии)[14]; Самарин отличался чертой, делавшей его смешным: скупость его доходила до комизма: например, курил он много сигар и докуривал до того, что пальцы у него горели и были обожжены. Не могу забыть того, что сделали ему его же письма. Он был послан в Ригу с каким-то поручением. Оттуда стал писать письма к великосветским знакомым. Письма эти ходили по рукам: в них он говорил, что все немцы этого края — враги России, что они верноподданные только царствующего дома, но России терпеть не могут. Дошли эти письма до Николая Павловича. Рассердился государь ужасно, приказал вызвать автора их и посадить в крепость. За что же такая немилость обрушилась на Самарина? Государю не понравилась мысль, что Самарин делит царя от России и обратно. Домогнулся Самарин аудиенции. На аудиенции представил царю он какие-то объяснения. Государь говорит: «я верю — ты очень хороший человек», и поцеловал его в лоб. «Но тебя надо сделать

лучше», и послал его для исправления к Бибикову[15] в Киев, в канцелярию генерал-губернатора, где он и прослужил несколько лет. С тех пор клеймо подозрительного либерализма не сходило с него; а между тем это был человек ученый, и довольно серьезный ученый. Совсем в другом свете представляется мне личность Якова Ивановича Ростовцева. Это был человек не совсем цельный. Приходилось слышать упреки по его адресу за декабрьскую историю[16]. Что же касается меня, я не могу поставить ему в упрек ее. Он действовал тогда совершенно благородно, в увлечении. Рылеев и другие товарищи-декабристы знали его взгляд на эту историю; в ней он видел вред государству и считал обязанностью довести до сведения правительства обо всем, что знал. «Хотите, чтоб я не выдавал вашего дела, вы свяжите меня». Его не связали, и он довел до сведения правительства. Но что дальше было, то было уже скверно: когда он был начальником военно-учебных заведений, он вздумал поправлять историю в видах самодержавия; помните его циркуляр о преподавании истории, ничем не объяснимый. Но как этот человек, отличавшийся умеренным консерватизмом, воспитал сына-либерала, трудно себе представить. Этот сын ездил в Лондон к Герцену. За это с него снял император аксельбанты[17]. Другой сын Якова Ивановича — начальником штаба в Одессе и поднесь. От людей, близко знавших Якова Ивановича, я слышал, что в крестьянском деле он начал как-то странно. Возможно, что его стесняло какнибудь невпопад высказанное мнение под влиянием лиц, близких к императору Николаю. Между прочим, ему приписывают в начале царствования Александра II записку о необходимости безземельного освобождения крестьян.

Интересно проследить, как на человека, поставленного у важных государственных дел, влияет семейная обстановка. Эта забытая страница многое разъяснила бы в истории, и совершившееся яснее предстало бы потомству. В жизни Якова Ивановича был случай, который и лег в основание всех его дальнейших действий в крестьянском деле. В начале 1857 г., если не ошибаюсь, один из его сыновей заболел опасно в Гейдельберге. Отец поехал к нему. Один из Бакуниных был неотлучно при его сыне. Доктор говорит отцу, что сын в опасности. Глубоко тронуло Якова Ивановича несчастие сына. На смертном одре умирающий сын обратился к отцу с такими словами: «Батюшка! Я обращаюсь к вам с предсмертной просьбой вот какого рода: вы настолько замараны по декабрьской истории и по военно-учебным заведениям, что мне хотелось бы умереть с мыслью, что вы чем-нибудь загладите свою память. Теперь предстоит вам очиститься, есть минута такая, и вы можете. Дайте слово, что вы будете помогать делу освобождения крестьян». Говорят, он при этих словах прослезился и клялся, что все средства, какими он будет в состоянии распоряжаться, употребит в пользу этого дела. И действительно, после этого случая он стал писать всеподданней-

шие письма уже совершенно в ином тоне. Я отчасти доверяю рассказу Бакунина[18], что Ростовцев раз даже поклялся служить крестьянскому делу. «Я дал клятву своей семье служить честно крестьянскому делу» — слова Якова Ивановича. Сам Яков Иванович утверждал в моем присутствии, что император Николай, умирая, сказал своему сыну Александру II: «30 лет я царствовал, но, к стыду своему, не успел освободить крестьян. Передаю тебе это дело». Я доверяю этим словам. Ростовцев близок был к царю. Знакомство наше произошло у него же на квартире, в здании Кадетского корпуса на Васильевском острове. Он просил к себе всю нашу депутацию на вечерний чай. Мы поехали. Сидим за столом и беседуем. Само собою разумеется, с первых же слов Ростовцев говорил, что сочувствует делу и что иначе и работать нельзя. Припоминаю его слова: «Вы, господа, только примите в соображение, что, несмотря на то что еще ничего важного не сделано, уже и теперь становится легче жить. Ведь новое царствование ознаменовало себя уже такими если не реформами, то действиями, которые делают человека свободным. Вот я записываю все заслуги нынешнего царствования на особом листе; я вам сейчас прочту». Он раскрыл стол, вынул лист бумаги и стал читать.

К сожалению, я не помню, в каких выражениях были изложены у Якова Ивановича заслуги прошлого царствования, во всяком случае в монументальном труде доктора А. Скребицкого читатель найдет обо всем этом. Мне как очевидцу совершившихся событий и счастливо поставленному в отношении к лицам, направлявшим ход дел в то отдаленное время, хочется возобновить в памяти по личным впечатлениям абрисы характеров тех лиц. Да, памятен мне добрый Яков Иванович. Меня всегда останавливала, а иногда оскорбляла мягкость его характера; с мягкостью соединялась уступчивость, которая порой переходила в полную бесхарактерность; порой он просто флюгером казался. Какие куда ветры подуют, он и сам туда. Досадно и обидно бывало в эту минуту на него за ход дела.

Другим характером представляется Яков Соловьев. Когда я его знал, это был молодой еще человек. Что мне в нем нравилось — это честность, прямота и искренность. Он служил у Муравьева[19], но сочувственно относился к крестьянским реформам. Вот уж про кого нельзя сказать, что это был раб минуты и лакей Муравьева.

Нигде ни в чем такая сшибка взглядов не происходила, как в хозяйственных вопросах. Милютин меньше всего занимался хозяйственными вопросами: хотя все внимание было обращено на хозяйственные вопросы, но члены Редакционных комиссий как-то смотрели через очки, какие-то совершенно кривые. По правде сказать, ведь обеспечить крестьян можно было только одним способом — дать надел, обеспечивающий их быт, в собственность разом. Я иначе не понимал этого. Между тем они придумывали

как-то с переоброчками[20] через 20 лет, утверждая, что выкуп невозможен, что принудительность выкупа нельзя допустить одновременно, потому что это значит уронить цену государственных бумаг; тогда как оказалось, это совершенный вздор. Сколько же бумаг оказалось тогда выпущено? Освобождение Болгарии[21] стоило после вдвое дороже, нежели освобождение крестьян. Надо сказать, что у меня были чрезвычайно ожесточенные споры с этими людьми (Милютин, Черкасский, Самарин и иногда Соловьев). Соловьев принимал и ту и другую сторону, смотря по тому, как разговор идет. Дело в том, что я и большинство тверского комитета стояли на том, чтобы одновременно с освобождением крестьян были произведены все реформы, которые требовались изменением отношений между помещиками и крестьянами[22]. Мы требовали одновременно и финансовых реформ в отношении поземельного кредита, и реформ в отношении воинской повинности, наконец, реформ в управлении и реформы судебной; мы говорили, что это все зараз надо сделать, иначе будет галиматья, которая и произошла. Ведь глупей, как освободили крестьян, нельзя было и придумать. Со времени Екатерины выдавались помещикам ссуды из казенных кредитных учреждений за дешевый %, когда ссуды не были нужны, когда даровой труд был. Очевидно, ссуды проживались. Как только освободили крестьян и помещики оказались в необходимости иметь оборотный капитал, вдруг прекратились ссуды. Ведь первое общество поземельного кредита стало действовать в [18]56 году, потом пошли банки. Воинская повинность к чему повела? В помещичьих имениях назначались рекруты волей помещика. У государственных крестьян было два способа отправления воинской повинности: очередной и жеребьевый. Когда освободили крестьян, то им предложили выбрать один из способов, которые существуют у государственных крестьян; там оба способа эти основаны на численности семьи. Теперь выходит такая история, что способ очередной, да и жеребьевый все равно ставят вас в такое положение, что если семья велика, то она на первой очереди состоит и первому жеребью подлежит; если семья мала, то сзади других стоит. К чему это повело? К насильственным разделам крестьян. У меня в имении одна очень громадная семья разделилась собственно вследствие необходимости, ввиду бестолковщины по выполнению воинской повинности — надобно было солдат ставить. Мой отец, управляя имением, не мешал разделам, очень охотно соглашался на разделы, а что касается меня, я с [18]52 года, когда умер отец, никому не запрещал делиться. По-моему, если три брата живут в одном доме и начинают ссориться, тогда, конечно, выгодней разделиться, но и при этом хотя делились очень часто, но многие оставались все-таки неразделенными.<...>

О воинской повинности мы ставили только вопросы: а что касается суда, то прямо говорили, что суд присяжных нужен

и [нужно] словесное состязательное судопроизводство. Мы в этот проект ввели и о мировых судьях[23]; мы говорили, что это нужно сразу. Черкасский и Милютин говорят: «Помилуйте, как это можно? Вы все испортите, все дело погибнет» и т.п. Вот какого рода разговоры были. Меня подозревали, что я красный человек.<...>

Из записки члена Главного комитета по крестьянскому делу, министра государственных имуществ М. Н. Муравьева «Замечания о порядке освобождения крестьян»

<...>Крестьяне по большей части не расположены к помещикам, но исполняют беспрекословно все работы и повинности и ожидают, с обычным для русского народа терпением, так называемой свободы, которую, однако ж, понимают превратно и преимущественно полагают оную: а) в своеволии и полной необузданности, с прекращением всяких работ и платежей за землю; б) в безограниченном пользовании всеми землями помещиков, которые, по их мнению, должны будут выехать из имений в города, ибо земля, по понятиям крестьян, принадлежит им, а не теперешним владельцам, в) некоторые даже считают, что они не станут платить государственных податей, говоря, что будет полная свобода и что будут иметь собственные мирские судилища, которые заменят ныне существующие от правительства.

Подобные убеждения поддерживают и возбуждают в них отчасти бессрочноотпускные и отставные солдаты.

Превратные эти понятия поддерживаются подобными же убеждениями государственных крестьян, которые считают землю своею неотъемлемою собственностию и некоторые полагают даже, что мирские сходы и расправа их имеют право судить и рядить все роды дел; словом, здесь противные общественному порядку понятия помещичьих крестьян отчасти находят опору и в существующем вообще направлении мыслей и убеждениях прочих свободных сельских сословий.<...>

ПРОГРАММА ОТМЕНЫ КРЕПОСТНОГО ПРАВА, ПРИНЯТАЯ 4 ДЕКАБРЯ 1858 Г. ГЛАВНЫМ КОМИТЕТОМ ПО КРЕСТЬЯНСКОМУ ДЕЛУ

<...>Государь император высочайше соизволил повелеть: при рассмотрении как предварительно учрежденной в Главном комитете комиссии[1], так и окончательно в Главном комитете губернских проектов руководствоваться следующими началами:

1) При обнародовании нового Положения о помещичьих крестьянах предоставляются сим крестьянам права свободных сельских сословий, личные, по имуществу и по праву жалобы.

2) Крестьяне сии входят в общий состав свободного сельского сословия в государстве.

3) Крестьяне распределяются на сельские общества, которые должны иметь свое мирское управление. Для всех губерний мирское управление обязательно только в отношении административном; в тех же из губерний или уездов, где, по народному обычаю, уже существует общинное пользование угодьями, мирское управление заведовает и сими угодьями.

4) Власть над личностью крестьянина, по исполнению или нарушению им обязанностей сельского общества, сосредоточивается в мире и его избранных<...>

5) Помещик должен иметь дело только с миром, не касаясь личностей.

6) Мир отвечает круговою порукою за каждого из своих членов по отправлению повинностей казенных и помещичьих.

7) Необходимо стараться, чтобы крестьяне делались постепенно поземельными собственниками.

ПИСЬМО ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННЫХ КОМИССИЙ Я. И. РОСТОВЦЕВА АЛЕКСАНДРУ II, ПРЕДСТАВЛЯЮЩЕЕ ОБЗОР РАЗЛИЧНЫХ МНЕНИЙ, ХОДИВШИХ В ТО ВРЕМЯ В ОБЩЕСТВЕ, О СПОСОБАХ ОСВОБОЖДЕНИЯ КРЕСТЬЯН

23 октября 1859 г.

Ваше императорское величество!

В последнее наше свидание Вы изволили объявить мне желание Ваше знать, в каком положении находится наше святое дело.

С некоторою частью депутатов мы еще не сошлись в подробностях, но это более или менее по возможности уладится. С некоторыми из них мы не сошлись в общих основаниях; уладить это не будет никакой возможности.

Главное противоречие состоит в том, что у комиссий и у некоторых депутатов различные точки исхода: у Комиссий государственная необходимость и государственное право; у них право гражданское и интересы частные. Они правы с своей точки зрения, мы правы с своей.

Смотря с точки гражданского права, вся зачатая реформа от начала до конца несправедлива, ибо она есть нарушение прав частной собственности; но как необходимость государственная

и на основании государственного права эта реформа законна, священна и необходима.

Огромное число врагов реформы, не уясняя себе этой неотложной необходимости, обвиняет, и словесно и письменно, Редакционные комиссии в желании обобрать дворян, а иные даже и в желании произвести анархию, называя некоторых из членов Комиссий красными.

Желать обобрать дворян было бы мыслью и бесчестною и бесцельною, тем более что 8/10 из членов Комиссий суть сами помещики, а некоторые из них весьма богаты.

Об обвинении последнем не стоит и говорить: оно придумано людьми, которые желали, чтоб именно их теории были приняты в руководство Комиссиями, и, видя иное, прибегли к клевете.

Усилия Комиссий заключались и заключаются:

Во-первых, спасти Россию.

Если одиннадцать миллионов жителей, тешимые в продолжение двух лет надеждою на свободу и на улучшение своего состояния, будут обмануты, разочаруются, потеряют доверие и любовь к верховной власти и неисполнение своих ожиданий припишут, разумеется, своим помещикам, то Россия спасена не будет.

Во-вторых, преобразование произвести не паллиативно, а рационально, то есть не на какой-либо срок и не вполовину, а навсегда и вполне, дабы избавить и Россию, и наследников Вашего величества от будущих потрясений.

В-третьих, чтобы исторической будущности России не завязывать новых, незнакомых России узлов, подобных тем, которые Европа в продолжение двух столетий распутывает или разрубает.

В-четвертых, стараться, чтобы интересы помещиков были сколь возможно ограждены и чтоб этот почтенный и самый просвещенный класс, составляющий, так сказать, цвет России, не потерпел потерь не необходимых.

В какой степени Комиссии успели дойти до означенных своих целей — позвольте разъяснить Вашему величеству впоследствии.

Между тем положения губернских комитетов и мнения членов сих комитетов, сюда вызванных, можно разложить на шесть главных категорий:

а) Одни желают уплаты за освобождаемых крестьян и вместе с тем удаления их по истечении некоторого времени с земли помещика.

б) Другие желают уплаты за крестьян и прикрепления их к месту не для обеспечения их быта, а для того только, чтобы рабочие силы находились у помещика под рукой.

в) Третьи, не требуя уплаты за личность, полагают, что поземельные отношения крестьян к помещикам, равно как и оставление первых в их усадьбах, должны продолжаться лишь несколько лет, т.е. в период срочнообязанного положения, а потом крестьяне без изб и без полей вступали бы в договоры с помещиками.

г) Четвертые домогаются, чтобы крестьяне навсегда землею только пользовались.

Все эти четыре категории далеко не желали бы выкупа крестьянами земли; хотя иные и говорят о нем, но останавливают его непреодолимыми затруднениями.

д) Пятые желают немедленного отделения крестьян от помещиков и немедленного же общего обязательного выкупа, видя в этом, может быть и очень справедливо, исход всего вопроса самый простой и самый удобный.

е) Шестые предпочитают выкуп полюбовный и постепенный, дабы крестьянин входил в новую жизнь и в новые отношения не вдруг, а приучаясь мало-помалу к новому порядку вещей[1].

Эти две последние категории, составляющие значительное большинство, с главными высочайше указанными началами согласны и полного освобождения крестьян желают искренно.

Об отношениях освобождаемых крестьян к помещикам мнения также разделились.

Одни желают немедленного прекращения власти помещиков над крестьянами, видя в сохранении такой власти над человеком уже свободным ежедневную борьбу, а потому и ежедневно усиливающуюся взаимную ненависть.

Другие, для обеспечения помещику повинностей, находят необходимым удержать сильную власть помещика только в имениях, которые будут находиться на барщинном положении.

Третьи для этой же цели признают нужным, чтобы сильная власть помещика сохранялась над крестьянами и барщинными и оброчными на все время окончательного выкупа земли или до окончания срочнообязанного положения.

Наконец, четвертые желали бы продлить власть помещиков над крестьянами на вечные времена, хотя бы даже крестьяне и выкупили землю, т.е. они желали бы создать в России феодальное право.

Некоторые хотели бы для дворянства новых сословных прав в управлении местном.

Считаю долгом всеподданнейше заявить, что хозяйственно-распорядительное управление уездом (кроме собственно полиции) действительно было бы полезно основать на выборном начале и подчинить влиянию сословному.

Во всех мнениях депутатов только и есть одна идея, равно всеми разделяемая: это — несчастное устройство и жалкое состояние нынешнего местного управления и судов, и действия их произвольные, злоупотребительные, скрытые и необличимые. Все убеждены, что при подобном устройстве суда и полицейского порядка приведение реформы в действие может привести к вредным последствиям и благосостояние как помещиков, так и крестьян не может быть устроено надежно и прочно.

Из этого краткого очерка Ваше императорское величество

изволите усмотреть, как разнообразны мнения губернских комитетов, а с ними и их членов и самой публики.

Если же заключения Комиссий не согласны во многом с положениями губернских комитетов и с мнениями некоторых из их членов, то положения этих комитетов и мнения их членов еще более не согласны между собой.

Сверх того значительная часть вызванных сюда членов считает себя обязанною (может быть и справедливо) отстаивать мнения своих губернских комитетов, признавая невозможным отделить себя от солидарности со своим дворянством.

При этом обязанностью считаю присовокупить, что многие из членов говорили мне, не как председателю, а как человеку, что они согласны со многими предположениями Редакционных комиссий, предположениями, которые в мнениях своих они оспаривают, высказать же этого на бумаге не могут, потому что будут виноваты против своего дворянства.

Обращаясь к началу моего письма, приемлю смелость поставить вновь некоторые жалобы:

Труд Редакционных комиссий не сходится с трудами губернских комитетов и некоторых из их членов, потому что у них точки исхода различны: у Комиссий истекают они из права государственного, а у комитетов и депутатов из права гражданского.

Главная цель Комиссий — спасать Россию и, как средство для достижения этой цели, освободить крестьянина действительно, т.е. с надлежащим улучшением его быта, на основании высочайшей Вашей воли.

Произвести это не паллиативно, а рационально и

Не завязывать новых социальных узлов, которых пришлось бы впоследствии России, по примеру Европы, или распутывать, или разрубать.

Смею думать, Ваше величество, что главные основания Редакционных комиссий верны; в подробностях, может быть, есть еще много и ошибок, и недомолвок, и неясностей; в этом последнем отношении мнения депутатов будут для нас очень полезны.

Комиссии желали от всей души уравновешивать интересы крестьян с интересами помещиков. Если они равновесия этого доселе еще не достигли, если и есть действительно в иных вопросах некоторый перевес на стороне крестьян, то это происходит, конечно, уже не от того, чтобы Комиссии желали огорчить помещиков и чтоб они не уважали священных их прав, во-первых, оттого, что только одна Минерва родилась прямо вооруженная[2], а главное, оттого, что при особенно затруднительных вопросах, как наклонить свои весы, Комиссии иногда наклоняли их на сторону крестьян и делали это потому, что наклонять весы потом от пользы крестьян к пользе помещиков будет и много охотников, и много силы, а наборот — иначе, так что быт крестьян мог бы не улучшиться, а ухудшиться.

Конечно, Комиссии с радостью воспользуются всем для установления елико возможного равновесия. Комиссии, чуждые недобросовестного искательства, смотрят на дело освобождения не как на приходскую работу своей канцелярии, а как на дело своего отечества, ему на благо, а Вам во славу.

Имею счастье быть Вашего императорского величества верноподданный

Я. Ростовцев.

АДРЕС ПЯТИ ДЕПУТАТОВ ТВЕРСКОГО, ЯРОСЛАВСКОГО И ХАРЬКОВСКОГО ГУБЕРНСКИХ КОМИТЕТОВ ОБ УСТРОЙСТВЕ БЫТА ПОМЕЩИЧЬИХ КРЕСТЬЯН НА ИМЯ АЛЕКСАНДРА II. 16 октября 1859 г.

Всемилостивейший государь!

Державным словом вашего императорского величества об освобождении крестьян Россия пробуждена к новой жизни. Это — поворот в истории нашего отечества. Ему предстоит два пути развития: один — мирный и правомерный; другой — путь насилий, борьбы и печальных последствий. Первый истекает из любви вашей, государь, к России и ее счастию. Второй может быть последствием неудовлетворительного решения вопроса, которое не оправдает ожиданий и потребностей народа.

В неизреченной милости вашей, великодушный монарх, к дворянству вы призвали наше сословие к участию в великом деле преобразования быта земледельцев. Столь высокое доверие налагает на нас, членов от дворянских комитетов, священную обязанность верноподданнически высказать вашему величеству мнения наши о направлении, полученном ныне крестьянским делом.

Если мы выходим из пределов данного нам полномочия, то это мы совершаем во имя любви к вам, государь, и живой преданности к престолу и отечеству.

Согласно высочайше утвержденной вашим императорским величеством инструкции, мы представили в Редакционные комиссии наши подробные соображения и замечания, но из внимательного изучения заключений Комиссий мы убедились, что увеличением надела крестьян землею и крайним понижением повинностей в большей части губерний помещики будут разорены, а быт крестьян вообще не будет улучшен по той причине, что хотя крестьянам и представляется самоуправление, но оно будет подавлено и уничтожено влиянием чиновников, и потому, что крестьяне только тогда почувствуют быт свой улучшенным, когда

они избавятся от всех обязательств пред владельцами и когда сделаются собственниками; ибо свобода личная невозможна без свободы имущественной.

В установленных обязательных отношениях между лично свободными крестьянами и помещиками, лишенными общественного значения и участия в управлении народом, лежат зародыши опасной борьбы сословий.

Веруя в благодушие вашего величества, зная волю вашу, государь, чтоб Россия шла путем мирного развития, убедившись, что крестьяне имеют надежду, превратившуюся в верование, охватившее весь народ от мала до велика, получить свободу полную и землю в собственность, и что быт сословий не может быть улучшен без преобразования существующего порядка администрации, полиции и суда, мы дерзаем, государь, всеподданнейше просить ваше императорское величество о нижеследующем:

1. Даровать крестьянам полную свободу, с наделением их землею в собственность, посредством немедленного выкупа, по цене и на условиях не разорительных для помещиков.

2. Образовать хозяйственно-распорядительное управление, общее для всех сословий, основанное на выборном начале[1].

3. Учредить независимую судебную власть, т. е. суд присяжных, и гражданские судебные учреждения, независимые от административной власти, со введением гласного и словесного судопроизводства и с подчинением местных должностных лиц непосредственной ответственности перед судом, и

4. Дать возможность обществу путем печатной гласности доводить до сведения верховной власти недостатки и злоупотребления местного управления.

Убежденные, что крестьянское дело не может решиться спокойно и правомерно иначе как на изложенных основаниях, мы считаем священным долгом, в оправдание высокого доверия, оказанного вашим императорским величеством дворянскому сословию, повергнуть на всемилостивейшее воззрение ваше, государь, наши откровенные убеждения, в полном уповании на милостивое внимание к мыслям, внушенным нам долгом присяги, беспредельной любовью к престолу и отечеству.

ПИСЬМО ИЗ ПРОВИНЦИИ (А. И. ГЕРЦЕНУ).

Милостивый государь!

На чужой стороне в далекой Англии вы, по собственным словам вашим, возвысили голос за русский народ, угнетаемый царскою властию, вы показали России, что такое свободное слово... и за то, вы это уже знаете, все, что есть живого и честного в России, с радостию, с восторгом встретило начало вашего предприятия, и все ждали, что вы станете обличителем царского гнета, что вы раскроете перед Россией источник ее вековых

бедствий — это несчастное идолопоклонство перед царским ликом, обнаружите всю гнусность верноподданнического раболепия; и что же? Вместо грозных обличений неправды с берегов Темзы несутся к нам гимны Александру II, его супруге... Вы взяли на себя великую роль, и потому каждое ваше слово должно быть глубоко взвешено и рассчитано, каждая строка в вашей газете должна быть делом расчета, а не увлечения. Увлечение в деле политики бывает иногда хуже преступления. Помните ли, когда-то вы сказали, что России при ее пробуждении может предстоять опасность, если либералы и народ не поймут друг друга, разойдутся, и что из этого может выйти страшное бедствие — новое торжество царской власти. Может быть, это пробуждение недалеко, царские шпицрутены, щедро раздаваемые верноподданным за разбитие царских кабаков[1], разбудят Россию скорее, чем шепот нашей литературы о народных бедствиях, скорее мерных ударов вашего Колокола... Но чем ближе пробуждение, тем сильнее грозит опасность, о которой вы говорили... и об отвращении которой вы не думаете... По всему видно, что о России настоящей вы имеете ложное понятие, помещики-либералы, либералы-профессора, литераторы-либералы убаюкивают вас надеждами на прогрессивные стремления нашего правительства. Но не все же в России обманываются призраками... Дело вот в чем: к концу царствования Николая все люди, искренно и глубоко любящие Россию, пришли к убеждению, что силой можно вырвать у царской власти человеческие права для народа, что только те права прочны, которые завоеваны, и что то, что дается, то легко и отнимается. Николай умер, все обрадовались, и энергические мысли заменились сладостными надеждами, и поэтому теперь становится жаль Николая. Да я всегда думал, что он скорее довел бы дело до конца, машина давно бы лопнула. Но Николай сам это понимал и при помощи Мандта предупредил неизбежную и грозную катастрофу[2]. Война шла дурно, удар за ударом, поражение за поражением — глухой ропот поднимался из-под земли! Вы писали в первой Полярной Звезде[3], что народ в эту войну шел вместе с царем и потому царь будет зависеть от народа. Из этих слов видно только, что вы в вашем прекрасном далеке забыли, что такое русские газеты, и на слово поверили их возгласам о народном одушевлении за отечество. Правда, иногда случалось, что крепостные охотно шли в ополчение, но только потому, что они надеялись за это получить свободу. Но чтоб русский народ в эту войну заодно шел с царем — нет. Я жил во время войны в глухой провинции, жил и таскался среди народа, и смело скажу вам вот что: когда англо-французы высадились в Крым, то народ ждал от них освобождения; крепостные — от помещичьей неволи, раскольники ждали от них свободы вероисповедания. Подумайте об этом расположении умов народа в конце царствования Николая, а вместе с тем о раздражении людей образованных, нагло на каждом шагу оскорбляемых николаев-

ским деспотизмом, и мысль, что незабвенный мог бы не так спокойно кончить жизнь, не покажется вам мечтою. Да, как говорит какой-то поэт, счастие было так близко, так возможно[4]. Тогда люди прогресса из так называемых образованных сословий не разошлись бы с народом, а теперь это возможно, и вот почему: с начала царствования Александра II немного распустили ошейник, туго натянутый Николаем, и мы чуть-чуть не подумали, что мы уже свободны, а после издания рескриптов[5] все очутились в чаду — как будто дело было кончено, крестьяне свободны и с землей; все заговорили об умеренности, обширном прогрессе, забывши, что дело крестьян вручено помещикам, которые охулки не положат на руку свою. Подняли такой чад от либеральных курений Александру II, что ничего было нельзя разглядеть, но, опустившись к земле (что делают крестьяне во время топки в курных избах), можно еще было не отчаиваться. Вслушиваясь в крестьянские толки, можно было с радостию видеть, что народ не увлечет 12-ть лет рабства[6] под гнетом переходного состояния и что мысль, наделят ли крестьян землею, у народа была на первом плане. А либералы? Профессора, литераторы пустили тотчас же в ход эстляндские, прусские и всякие положения, которые отнимали у крестьян землю. Догадливы наши либералы! Да и теперь большая часть из них еще не разрешила себе вопроса на счет крестьянской земли. А в правительстве в каком положении в настоящее время крестьянский вопрос? В большой части губернских комитетов положили страшные цены за земли, Центральный комитет[7] делает черт знает что: сегодня решает отпускать с землею, завтра без земли, даже, кажется, не совсем брошена мысль о переходном состоянии. Среди этих бесполезных толков желания крестьян растут, при появлении рескриптов можно было еще спокойно взять за землю дорогую цену, крестьяне охотно бы заплатили, лишь бы избавиться от переходного состояния, теперь они спохватились уже, что нечего платить за вещь 50 целковых, которая стоит 7. Вместе с этим растут и заблуждения либералов: они все еще надеются мирного и безобидного для крестьян решения вопроса, одним словом, крестьяне и либералы идут в разные стороны. Крестьяне, которых помещики тиранят теперь с каким-то особенным ожесточением, готовы с отчаяния взяться за топоры, а либералы проповедуют в эту пору умеренность, исторический постепенный прогресс и кто их знает что еще. Что из этого выйдет? Выйдет ли из этого в случае, если народ без руководителей возьмется за топор — путаница, в которой царь, как в мутной воде, половит рыбки, или выйдет что-нибудь и хорошее, но вместе с Собакевичами, Ноздревыми погибнет и наше всякое либеральное поколение, не сумевши пристать к народному движению и руководить им? Если выйдет первое, то ужасно, если второе, и то, разумеется, жалеть нечего. Что жалеть об этих франтах в желтых перчатках, толкующих о демокрасй в Америке и не знающих, что делать

дома, об этих франтах, проникнутых презрением к народу, уверенных, что из русского народа ничего не выйдет, хотя, в сущности, не выйдет из них-то ничего... Но об этих господах толковать нечего, есть другого сорта люди, которые желают народу действительно добра, но не видят перед собою пропасти, и с пылкими надеждами увлеченные в общий водоворот уверенности, ждут всего от правительства и дождутся, когда их Александр засадит в крепость за пылкие надежды, если они будут жаловаться, что последние не исполнились, или народ подведет под один уровень с своими притеснителями. Что же сделано вами для отвращения грядущей беды? Вы, смущенные голосами либералов-бар, вы после первых нумеров Колокола переменили тон. Вы заговорили благосклонно об августейшей фамилии; об августейших путешественниках говорили уже иначе, чем об августейшей путешественнице[8]. Зато с особенною яростию напали на Орловых, Паниных, Закревских. В них беда, они мешают Александру II! Бедный Александр II! Мне жаль его, видите ли, его принуждают так окружать себя — бедное дитя, мне жаль его! Он желает России добра, но злодеи окружающие мешают ему! И вот вы,— автор «С того берега» и «Писем из Италии», поете ту же песню, которая сотни лет губит Россию. Вы не должны ни минуты забывать, что он самодержавный царь, что от его воли зависит прогнать всех этих господ, как он прогнал Клейнмихеля[9]. Но Клейнмихеля нужно было ему прогнать, по известному правилу Макиавелли[10], в новое царствование жертвовать народной ненависти любимым министром прежнего царствования, и вот Клейнмихель очутился козлом очищения за царствование Николая. Согласитесь, ведь жертва ничтожна? Но как бы то ни было, либералы восторгались и этим фактом, забыв, что Николай так же прогнал Аракчеева[11]; что же из этого? Неужели на удочку всегда будут поддаваться? Или, может быть, вы серьезно убеждены, что Александр слушается вашего Колокола? Полноте... Сколько раз вы кричали «долой Закревского! долой старого холопа!», а старый холоп все правил Москвой, пока собственная дочь не уходила его. Да разве Москва за свою глупую любовь к царям стоит лучшего губернатора? Будет с ней и такого... Говорят, что Александр II нарочно держал его губернатором, чтобы показать, что он не слушает Колокола. Это может быть. И это нисколько не противоречит слуху, что вы переписываетесь с императрицей. Что же, она может вас уверить, что муж ее желает России счастия и даже свободы, но что теперь рано. Так обольстил, по рассказу Мицкевича, Николай I Пушкина[12]. Помните ли этот рассказ, когда Николай призвал к себе Пушкина и сказал ему: «Ты меня ненавидишь за то, что я раздавил ту партию, к которой ты принадлежал, но верь мне, я также люблю Россию, я не враг русскому народу, я ему желаю свободы, но ему нужно сперва укрепиться». И 30 лет укреплял он русский народ. Может быть, это анекдот и выдумка, но он в царском духе, т. е. брать

обольщением, обманом там, где неловко употреблять силу. Но как бы то ни было, сближение с двором погубило Пушкина... Как ни чисты ваши побуждения, но я уверен — придет время, вы пожалеете о своем снисхождении к августейшему дому. Посмотрите, Александр II скоро покажет николаевские зубы. Не увлекайтесь толками о нашем прогрессе, мы все еще стоим на одном месте; во время великого крестьянского вопроса нам дали на потеху, для развлечения нашего внимания, безыменную гласность; но чуть дело коснется дела, тут и прихлопнут. Так и теперь, господин Галилеянин запретил писать о духовенстве и об откупах[13]. Нет, не обманывайтесь надеждами и не вводите в заблуждение других, не отнимайте энергии, когда она многим пригодилась бы. Надежда в деле политики — золотая цепь, которую легко обратит в кандалы подающий ее. В то время, как вы так снисходительны стали к августейшему дому, само православие в лице умнейших своих представителей желало бы отделаться от союза с ним. Да, в духовенстве являются люди, которые прямо говорят, что правительство своею опекою убьет православие, но к счастию, ни Григорий, ни Филарет[14] не понимают этого! Так пусть они вместе гибнут, но вам какое дело до этих догнивающих трупов? Притом Галилеянин продолжает так ревновать о вере, что раскольники толпами бегут в Австрию и Турцию, даже вешают у себя на стенах портреты Франца-Иосифа[15] вместо Александра II. Вот подарок славянофилам! Что если Франц-Иосиф вздумает дать австрийским славянам свободную конституцию, ведь роли между Голштинцами и Габсбургами[16] переменятся? Вот была бы потеха! Нет, наше положение ужасно, невыносимо, и только топор может нас избавить, и ничто, кроме топора, не поможет! Эту мысль уже вам, кажется, высказывали, и оно удивительно верно, другого спасения нет. Вы все сделали, что могли, чтобы содействовать мирному решению дела, перемените же тон, и пусть ваш Колокол благовестит не к молебну, а звонит набат! К топору зовите Русь! Прощайте и помните, что сотни лет уже губит Русь вера в добрые намерения царей, не вам ее поддерживать.

С глубоким к вам уважением
Русский Человек.

Я просил бы напечатать вас это письмо, и если вы печатаете письма врагов ваших[17], то отчего бы не напечатать письмо одного из друзей ваших!

ОТ РЕДАКЦИИ (ответ А. И. Герцена автору «Письма из провинции»)

М[илостивый] Г[осударь]!

Я долго сомневался, печатать ваше письмо или нет... и наконец

решился, но считаю необходимым сперва сказать несколько слов об этом.

Вы говорите, что я уже печатал письмо моих врагов, отчего же не напечатать письма одного из друзей, «не совершенно согласное с моим мнением», как прибавляет приложенная к вашему письму записка.

Мне раз случилось поместить враждебную статью[1], но это не достаточная причина, чтоб помещать дружеские письма, с которыми мы не согласны. Печатая враждебные обвинения, мы садимся на лавку подсудимых, и, как все подсудимые, ждем суда, и вперед радуемся, если он будет в нашу пользу. Скажу больше, я предчувствовал, с которой стороны будет общественное мнение, и от всей души желал этого.

Но этого-то я и не желаю в отношении к статьям наших друзей, с которыми мы расходимся. Нам будет больно, если мнение выскажется против нас, и больно, если против них; торжество над своими не веселит. К тому же в наше бойкое время нельзя давать много места междоусобному спору, нельзя слишком останавливаться, а надобно, избравши дорогу, идти, вести, пробиваться.

Россия вышла из той душной эпохи, в которую людям только и оставалось теоретически обсуждать гражданские и общественные вопросы, — и что ни говорят, мы не взошли снова в гамлетовский период сомнений, слов, спора и отчаянных средств. Дело растет, крепнет, и вот почему мы не можем быть беспристрастной, нейтральной ареной для бойцов; мы сами бойцы и люди партии.

Впрочем, это замечание к вашему письму мало относится. Мы расходимся с вами не в идее, а в средствах, не в началах, а в образе действования. Вы представляете одно из крайних выражений нашего направления; ваша односторонность понятна нам, она близка нашему сердцу; у нас негодование так же молодо, как у вас, и любовь к народу русскому так же жива теперь, как в юношеские лета.

Но к топору, к этому ultima ratio* притесненных, мы звать не будем — до тех пор, пока останется хоть одна разумная надежда на развязку без топора.

Чем глубже, чем дольше мы всматриваемся в западный мир, чем подробнее вникаем в явления, нас окружающие, и в ряд событий, который привел к нам Европу, тем больше растет у нас отвращение от кровавых переворотов; они бывают иногда необходимы, ими отделывается общественный организм от старых болезней, от удушающих наростов; они бывают роковым последствием вековых ошибок, наконец, делом мести, племенной ненависти — у нас нет этих стихий; в этом отношении наше положение беспримерно.

Императорство со времени Петра I так притоптало и выпололо

* Последний довод (*лат.*).

прежнее государственное устройство, как этого не сделал 92-й и 93-й годы во Франции[2], так что его нет в живых, что его надо отыскивать в пыльных свитках, в летописях, но для нас больше чужое, чем Франция Людовика XIV.

И это не вся отрицательная заслуга его, важнее этого, может быть, то, что оно и не заменило его ничем прочным, органическим, что бы бросило глубокие корни и выросло бы помехой будущему. Совсем напротив, осадное положение императорства было вместе с тем постоянной реформой.

Сломавши все старое, императорская власть принималась обыкновенно ломать вчерашнее: Павел — екатерининское, Александр — павловское, Николай — александровское, и наконец ныне царствующий государь — сто раз повторяя, что он будет царствовать в духе своего отца, — ничего не оставил от военно-смирительного управления его, кроме сторожей, истопников и привратников.

Императорская власть столько же и строила, сколько ломала, но строила по чужим фасадам, из скверного кирпича, наскоро, здания его разваливались прежде, чем покрывалась крышей, или ломались по приказу нового архитектора. Оттого-то никто не верит теперь не только в прочность Грановитой палаты и теремов, растреллиевских дворцов и присутственных мест, но даже казарм и крепостей.

Если что-нибудь уцелело под ударами императорского тарана, то это сельская община; она казалась немецкому деспотизму до того нелепой и слабой, что ее оставили как детскую игрушку, зная наперед, что она исчезнет, как только благотворные лучи цивилизации ее коснутся.

Другая Россия, Россия правительственная, дворянская по той мере только и сильна, по которой она идет заодно с правительством.

Они поссорились на вопросе об освобождении крестьян, и одной неловкости правительства следует приписать то, что оно не умеет воспользоваться этим.

Дворянская Россия — искусственная, подражательная, и оттого она бессильна, как аристократия. Подумайте о разнице между крестьянским понятием о своем праве и понятием дворянским. Право на землю так кажется естественным и прирожденным крестьянину, что он в крепостной неволе не верит, что оно утрачено. В то время как дворяне знают, что права их — высочайше пожалованные, и притом добровольно дарованные.

Да оно и некогда было забыть.

Сто лет тому назад тронутое дворянство русское решило вылить из чистого золота статую Петра III за то, что он запретил дворян бить кнутом. Сеченая спина долго не может сделаться аристократической, рубцы переходят в наследство на целые поколения.

Аристократизм, как [и] царская власть, должен в себе иметь

долю сумасшествия, без которого он не может быть истинным. Царь, не верящий в помазание Божие, — диктатор. Аристократия, не верующая в свою независимую самобытность, в свое, в крови и белой кости лежащее право, — дворня.

Оттого-то вольноотпущенные вельможи — не западные аристократы, а византийские евнухи, восточные сатрапы, преданные немецкие камердинеры, фавориты и пр. Они не сами по себе, и по понятной логике рабства, чем дальше от трона, тем она самобытнее, чем ближе, тем зависимее и безличнее.

Дворянство наше может приобресть гражданское значение только одним выходом из правительственной касты в неопределенное сословие, называемое образованным. Для этого одна дорога — идти дальше самого правительства в освобождении крестьян с землею.

Где же у нас та среда, которую надобно вырубить топором? Неверие в собственные силы — вот наша беда, и что всего замечательнее, неверие это равно в правительстве, дворянстве и народе.

Мы за какими-то картонными драконами не видели, как у нас развязаны руки. Я не знаю в истории примера, чтобы народ с меньшим грузом переправлялся на другой берег.

К метлам надобно кричать, а не к топорам!

Вы негодуете за то, что дело освобождения застряло, но неужели вы думаете, что это только от тупости одних и упорства других.

Я так не думаю.

Что правительство идет, поворачивая ноги носками внутрь, что оно само испугалось, видя, как крестьянский вопрос потянул за собой все замысловатое петербургское устройство,— это правда. Что большинство дворянства с ожесточением степного волка держится за кость — это правда.

Но позвольте вас спросить, давно ли у нас толковали о том, с землей или без земли следует освободить крестьян, давно ли хотели крестьяне отбоярить с одними усадьбами, а теперь комиссии и несколько губерний согласны, что необходимо отдать крестьянам пахотную землю, и притом не по фантастическому нарезу, а по существующему факту.

Вопросы, теперь волнующие общество, вопросы возникающие, поставленные везде, в книгах и дворцах, в университетах и канцеляриях, в военных школах и духовных семинариях, необычайно трудны; реакционная Европа у нас одернула мало-помалу все мостики, обобрала все пузыри для плавания; с берега нам прямо приходится бросаться в море.

Что нам помогут немецкие юристы, сделавшие из сухого прусского деспотизма философию права, и французские политики, сделавшие из трех революций третьего Наполеона? У англичан можно было бы что-нибудь занять, но их законодательство похоже

на народные песни, которые прекрасны на своем языке и нелепы в переводе.

И что же может в самом деле сказать политическая экономия и религия случайной собственности о нарезке земель крестьянам, об обязательном выкупе, об общинном владении? Мы решительно оставлены на наши силы и на нашу неопытность.

Дайте же сколько-нибудь устояться, прийти в ясность всей этой массе идей, надобно, чтоб одно мнение взяло решительный перевес. Что вы сделаете с топором, когда один полухор говорит, что вопрос об общинном владении решен всеми в русском смысле, а другой полухор уверяет, что он должен быть решен в английском смысле, и не сомневается в том, что он доказал несостоятельность общинного вопроса.

С полемикой в основном вопросе нельзя идти на площадь; 1789 год увлек всех, вот отчего его непреодолимая сила. Тогда были минуты, в которые сердца Мирабо и Робеспьера, Сийеса и Лафайета[3] бились одинаким образом; потом пришло с развитием рассветление, раскаяние и отчаянный бой.

В печальный переворот 1848 г. вы видите совсем иное: той веры одной и нераздельной нет, даже знамени нет одного — социалисты были уверены, что они водворяют социальную республику, а политические демократы думали, что они доказали несостоятельность социализма и детскость его вопросов.

Следствия вы знаете, а я их видел собственными глазами, и, может быть, этот физиологический факт делает между нами большую разницу. Июньская кровь[4] взошла в мозг и нервы, я с тех пор воспитал в себе отвращение к крови, если она льется без решительной крайности.

Но и тогда, в случае крайности, мне кажется, что призыв к топорам — последнее, а не первое. Восстания зарождаются и возрастают, как все зародыши, в тиши и тайне материнского чрева, им надобно много сил и крепости, чтоб выйти на свет и громко кликнуть клич.

Что же у нас готово?.. Мы не знаем. Отступило ли оскорбленное меньшинство в сторону, составило ли тот первый punctum aliens*, к которому притекут родные атомы, рассеянные теперь в неопределенном искании и брожении?

Сделано ли это или нет?

И это не все.

Призвавши к топору, надобно овладеть движением, надобно иметь организацию, надобно иметь план, силы и готовность лечь костьми, не только схватившись за рукоятку, но схватить за лезвие, когда топор слишком расходится. Есть ли все это у вас?

Одно вы мне можете возразить — а что будет делать, если народ, увидя, что его надувают освобождением, сам бросится к топору? Это будет великое несчастие, но оно возможно

---

* Точка отсчета *(лат.)*.

благодаря бесхарактерности правительства и характерности помещиков,— тогда рассуждать нельзя, тут каждый должен поступать, как его совесть велит, как его любовь велит... но, наверное, и тогда не из Лондона звать к топорам. Будемте стараться всеми силами, чтобы этого не было!

Вот все, что я хотел вам сказать.

В заключение одно слово насчет того, что вы называете моим «гимном» Александру II.

Одной награды, кажется мне, я мог бы потребовать за целую жизнь, посвященную одному и тому же делу, за целую жизнь, проведенную как под стеклянным колпаком,— чтоб наконец не сомневались в чистоте моих убеждений и действий.

Я могу ошибаться в пути, много раз ошибался даже, но, наверное, не сворочу ни из страха перед фельдъегерской тройкой, ни из благоговения перед императорской каретой!

Сказавши это, я вас спрашиваю, да полно, ошибся ли я? кто же в последнее время сделал что-нибудь путного для России, кроме государя? Отдадимте и тут кесарю кесарево!..

Прощайте и не сердитесь за длинное предисловие.

25 февраля 1860. И[скande]р.

О ДЕЙСТВИЯХ ПОМЕЩИКОВ С ЦЕЛЬЮ «ПРЕДУПРЕДИТЬ» КРЕСТЬЯНСКУЮ РЕФОРМУ

ИЗ ПИСЬМА ОРЛОВСКОГО ПОМЕЩИКА САФОНОВА ОТ 28 АПРЕЛЯ 1858 г. Н. И. РОЗАНОВУ В МОСКВУ

⟨...⟩У нас в Орловской губернии начались особого рода операции. Из степных губерний приезжают помещики для покупки крестьян с тем, чтобы их переселять в свою сторону, где изобилие земли и совершенный недостаток рук для обработки ее, так что и наемных не достанешь ни за какие деньги. Здешние помещики, у которых мало земли, уступают своих крестьян не только за бесценок, но и даром, лишь бы взяли у них крестьян. Недавно здесь было два подобных случая. Скоро, полагаю, продавцы будут платить покупателям деньги, лишь бы освободиться от лишних крестьян, которые им в совершенную тягость. Не худо бы, если и Катерина Ивановна сделала бы подобную аферу, если представится случай спустить душ двести и более. Если дадут рублей 25 или 30 за душу, то было бы прекрасно. Не знаю только, как бы уладить это дело с Опекунским советом, да, может быть, и крестьяне заупрямятся: но их можно уговорить, представив им все удобства жизни при переселении на богатые местности. ⟨...⟩

ИЗ ДОНЕСЕНИЯ ЖАНДАРМСКОГО ПОЛКОВНИКА АРЦЫШЕВСКОГО ОТ 2 МАРТА 1858 Г. ИЗ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ НАЧАЛЬНИКУ III ОТДЕЛЕНИЯ

⟨...⟩ Некоторые мелкопоместные дворяне, предвидя освобождение крестьян из крепостной зависимости, начинают, пока возможно, из видов корысти, без особенных уважительных причин, сдавать своих крестьян в рекруты — единственно с той целью, чтобы получить квитанции, за которые казенная палата по закону обязана им уплатить 300 рублей серебром за каждого сданного рекрута. ⟨...⟩

ИЗ ДОНЕСЕНИЯ ЖАНДАРМСКОГО ОФИЦЕРА ПОДПОЛКОВНИКА РУНИЧА ОТ 10 ЯНВАРЯ 1860 Г. ИЗ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

⟨...⟩ С недавнего времени некоторые помещики стали употреблять все зависящие от них средства для понуждения зажиточных крестьян и состоящих на оброке дворовых людей выкупаться на волю противу их желания, но усилия подобных помещиков мало имеют успеха, потому что крестьяне их твердо уверены, что и без этой меры они в скором времени должны получить свободу ⟨...⟩

ПИСЬМО НЕИЗВЕСТНОГО ПОМЕЩИКА (НАЧАЛО 1857 Г.) Д. С.-ВУ В РЯЗАНСКУЮ ГУБЕРНИЮ

Я тебя убедительно прошу стараться отпускать на волю по возможности более людей из Сергиевского имения за опекунскую цену[1]. Чем более мы отпустим людей на волю, тем мы более получим земли при освобождении крестьян; а ты сам знаешь, что у нас земли немного. Пожалуйста, убедись в моей правде, что каждый крестьянин, отпускаемый теперь на волю, хотя и с потерею для меня, сохраняет мне в будущем три или четыре десятины земли и что во всяком случае при появлении указа чем у нас будет менее крестьян, тем будет для нас покойнее. В Рязанской губернии за рабочими никогда не станет дело, да нам их и не нужно, потому что всегда будут желающие нанять земли; следовательно, ясно, что при появлении указа нам лучше будет иметь дело и покойнее с 50 мужиками, чем с 200. ⟨...⟩

ИЗ ГОДОВЫХ ОТЧЕТОВ НАЧАЛЬНИКА III ОТДЕЛЕНИЯ ЗА 1857—1859 ГГ. О НАСТРОЕНИЯХ В СТРАНЕ В СВЯЗИ С НАЧАВШЕЙСЯ ПОДГОТОВКОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ

ИЗ ОТЧЕТА ЗА 1857 ГОД

Об улучшении быта помещичьих крестьян

Из всех предметов, наиболее занимающих теперь Россию, самым важным является предположенное освобождение помещичьих крестьян. Слухи об изменении их быта, начавшиеся тому

около трех лет, распространились по всей империи и привели в напряженное состояние как помещиков, так и крепостных людей, для которых дело это составляет жизненный вопрос.

Большинство дворян думает, что наш крестьянин слишком еще необразован, дабы понимать гражданские права, что он на полной свободе лютее зверя, что волнения, грабежи и убийства будут почти неизбежны и что во многих губерниях, особенно приволжских, памятно еще страшное время пугачевщины.

Это опасение хотя и имеет некоторое основание, но кажется преувеличенным. По крайней мере с тех пор, как мысли о свободе занимают умы крестьян, беспорядки происходили довольно редко, самые незначительные, и прекращались весьма скоро.

Опыт этот подает надежду, что и в последующем времени, если не будет каких-либо внешних, неожиданных подстрекательств, мы не увидим ни тех огромных смут, ни тех ужасов, которыми у многих тревожится воображение.

О мерах к сохранению спокойствия империи

Нет сомнения, что строгое наблюдение за сохранением существующего порядка необходимо. Каков бы ни был этот порядок, он должен быть исполняем во всей точности, доколе само правительство его не изменило. В этих видах всякое нарушение помещиками предоставленных им прав подлежит немедленному взысканию, а с другой стороны — всякое волнение или даже неповиновение крестьян должно быть подавляемо в самом его зародыше. Сверх сего, было бы крайне нужно улучшить состав местных властей и земских полиций, особенно же достичь выбора достойных начальников губерний. Г[осподи]н министр внутренних дел убежден в этом лично, несколько губернаторов в последнее время уже переменены. Но, к сожалению, отыскивание людей, соответствующих требованиям нынешнего времени, весьма трудно, и оттого не все новые назначения могут назваться счастливыми.

Спокойствие России много будет зависеть и от сообразного обстоятельствам расположения войск. С разрешения вашего величества я совещался об этом с г[осподино]м военным министром, и он обещал сделать надлежащие по сему предмету распоряжения.〈...〉

ИЗ ОТЧЕТА ЗА 1858 ГОД

〈...〉Было много случаев, что крестьяне и дворовые люди, увлекаемые слухами о свободе, не вносили оброка, отказывались от исполнения разных обязанностей и не хотели повиноваться. Ослушники скоро обращались к повиновению убеждениями владельцев или исправительными наказаниями.

Наконец являлись люди, которые по неблагоразумию или

дерзости входили в неуместные суждения и давали ложный толк настоящим событиям. Так, в С.-Петербурге служащий в одном доме дворецким Петр Курилов в трактире вел разговор насчет освобождения крестьян и осуждал некоторые распоряжения правительства; ему сделано надлежащее внушение. Мещанин Румянцев в одной из здешних гостиниц на вопрос рабочих, помещичьих крестьян Тверской губернии, что нового в газетах, отвечал, как бы читая, что высочайше повелено всем помещичьим крестьянам Тверской губернии выдавать по явке в С.-Петербург вольные, а те, которые пожелают сами остаться в крепостном состоянии, будут платить помещикам вместо оброка по 50 коп. за десятину; слушавшие крестьяне обрадовались было, но на другой день буфетчик гостиницы объявил им, что ничего подобного не было в газетах; это их огорчило, но успокоило: Румянцеву в III отделении сделано строжайшее внушение. В С.-Петербурге же, в одной из портерных лавок крестьянин Михайлов читал составленную им записку, основанную на текстах Св. Писания, о равенстве людей перед Богом, о тягостях зависимости крепостных людей от помещиков и о тех облегчениях, какие могут получить крестьяне по освобождении. С.-Петербургскому обер-полицмейстеру сообщено, дабы в предупреждение подобных поступков приняты были в отношении Михайлова подлежащие меры[1].

⟨...⟩Всех случаев неповиновения крестьян в 1858 г. было в 86 имениях; подстрекателей к ослушанию и побегам обнаружено 22.

О крестьянском деле

События, сопровождающие вопрос об улучшении состояния помещичьих крестьян, по важности последствий, которые они могут за собою повлечь, требуют величайшего внимания.

Некоторые дворяне в отдельном быту выходили из пределов осторожности, требуемой нынешними обстоятельствами. Одни переносили крестьянские усадьбы на новые места или переменяли у них земляные участки; иные переселяли крестьян в другие свои имения, уступали их степным помещикам не только за бесценок, но и даром; третьи отпускали крестьян на волю без земли и, вопреки их желанию, сдавали их в рекруты в зачет будущих наборов, отправляли в Сибирь на поселение — одним словом, вообще употребляли разные средства, чтобы избавиться от излишнего числа людей и чтобы сколь возможно меньшее число их наделять землею. Засим некоторые, но весьма немногие помещики, не изменяя прежнего управления, своими несправедливыми и суровыми поступками выводили крестьян из терпения.

Крестьяне, с своей стороны, при ожидании переворота в их судьбе находятся в напряженном состоянии и могут легко раздражиться от какого-либо внешнего повода. У них, как

выражаются помещики, руки опустились, и они не хотят ни за что приниматься с усердием. Многие понимают свободу в смысле вольницы, некоторые думают, что земля столько же принадлежит им, сколько помещикам; еще же более убеждены, что им принадлежат дома и усадьбы, которые ими обстроены и в которых жили отцы и деды их. Беспорядки, наиболее теперь случающиеся, состоят в том, что крепостные люди уклоняются от платежа оброка и от других повинностей или оказывают неповиновение старостам и самим владельцам. Волнения целых деревень, требовавшие личного действия высших губернских властей или пособия воинских команд, происходили там, где помещики в распоряжениях своих не сообразовывались с настоящим духом времени или где являлись подстрекатели. Такие волнения, более или менее важные, проявлялись в продолжение года в 25 губерниях. Для устранения злоупотреблений помещичьей власти и для прекращения неустройств между крестьянами меры принимались немедленно. В отношении дворян Главным комитетом по крестьянскому делу объявлены высочайшие повеления, чтобы усадьбы не переносились и чтобы крестьяне не были переселяемы даже в одном и том же имении иначе как по очевидной надобности, без малейшего обременения крестьян; чтобы крепостные люди без земли отпускались на волю только по обоюдному согласию обеих сторон; чтобы при представлении крестьян в рекруты и для переселения в Сибирь были соблюдаемы все правила, постановленные законами в отвращение несправедливого произвола владельцев. Сверх того, Главным комитетом потребованы сведения о положении мелкопоместных дворян, в видах заботливости о будущей их участи; предположены меры к размежеванию помещичьих земель и приступлено к соображениям об устройстве как местного управления, так и учреждений для разбора недоумений и споров между помещиками и крестьянами.

В отношении крестьян при ослушаниях их и волнении земские и полицейские власти совместно, в нужных случаях с жандармскими штабс-офицерами, действовали с надлежащею быстротою: иногда являлись на место происшествия сами начальники губерний и требовалось содействие воинских команд. К счастию, русский народ хотя легко увлекается опрометчивыми порывами и верит всяким внушениям, но столь же быстро покоряется твердости и благоразумным действиям. Ни одна смута не принимала значительных размеров и долго не продолжалась. Хотя случаев неповиновения было в сложности довольно много, но в обширной империи они почти незаметны. Если же взять во внимание покорность крестьян в большей части помещичьих имений, то можно сказать, что общее спокойствие сохранено и что беспорядков доселе происходило несравненно менее, чем ожидали и предсказывали.

В заключение я не могу не повторить сказанное мною в обзоре 1857 года, что строгое соблюдение существующего порядка, каков

бы он ни был, улучшение состава местных управлений, в особенности тщательный выбор начальников губерний, и правильное расположение войск должны составлять существенные ручательства за дальнейшее сохранение спокойствия в государстве.

ИЗ ДОНЕСЕНИЙ ПЕТЕРБУРГСКОЙ АГЕНТУРЫ В III ОТДЕЛЕНИЕ

Декабрь 1857 г.

1

⟨...⟩ 19 декабря вечером в трактире отставной чиновник Иванов читал газету от 17 декабря мастеровым и извозчикам, и по прочтении толковал им о нерасположении правительства к судьбе их, ибо, как говорил он, крестьяне никогда не выйдут из воли своего помещика, потому что если не захочет крестьянин платить того, что хочет помещик, то он не даст ему земли; тогда поневоле крестьянин будет соглашаться платить владельцу двойную, а может быть, и тройную плату; что некому будет разбирать жалобы его на помещика, так как и теперь все жалобы крестьян признаются несправедливыми. ⟨...⟩

2

⟨...⟩ Один неизвестный с подвязанными бакенбардами молодой человек явился в гостиницу «Ревель» на 9-й линии и говорил половым о их свободе, добавляя: «достигнуть освобождения крепостных пытались еще добрые люди 14 декабря, но помещики и правительство помешали». ⟨...⟩

3

⟨...⟩ Рескрипты[1] составляют теперь общий и самый важнейший и любопытнейший предмет разговоров и суждений не только во всех публичных собраниях, в частных и семейных кругах высшего и среднего звания, но и между простым народом, наиболее заинтересованным сим важнейшим предметом будущего его благосостояния. В настоящее время, кажется, нет места в Петербурге, где бы документы сии не читались с живейшим участием, особенно в клубах и трактирах, а в простых народных ресторациях и харчевнях, как замечено, даже производят сильнейшее впечатление, ибо вокруг читателей постоянно образуются кружки любопытных слушателей, с жадностию внимающих каждому слову... Между ним [народом.— *Сост.*] рождаются теперь разные суждения и вопросы, как, например: «да тут нигде не сказано о вольности, так, видно, все неправда, что говорили прежде», «12 лет, шутка, 12 лет, да в 12 лет успеешь умереть

12 раз, а вольности не увидишь»[2]. Из этого ясно оказывается, что простой народ ожидал совсем не предварительных мер и опытов к устройству вольности, а просто высочайшего манифеста, объявляющего ему тотчас по издании оного общую, безусловную свободу, а потому опубликованные ныне документы, как слышно, ввели его в какое-то недоумение. ⟨...⟩

4

⟨...⟩ 31 декабря в гостинице «Выборг» у Сампсониевского моста крестьянин Галичского уезда Костромской губернии Михаил Красавин говорил о необходимости немедленно освободить крестьян и о близком манифесте. Говорил, что хочет убить своего помещика, и добавил: «По справедливости, надо бы истребить всех помещиков — ошибки бы не было»; при этом грозил: «Если надежда о свободе не сбудется, то крестьяне подымут бунт и сами освободят себя от помещиков». ⟨...⟩

1858 г.

1

⟨...⟩ 19 января в харчевне на Невском крестьянин Коренев читал рескрипт и с ненавистью говорил: «Хорошо, что правительство обратило на нас внимание, а то каких-нибудь 70 тыс. человек дворян тяготело над большинством, истязало крестьян, драло с них шкуру» и проч. Слушатели его поддакивали. ⟨...⟩

2

⟨...⟩ 19 января в Дементьевском кабаке собрались крестьяне гр. Нироди (?) и говорили: «Нужно послать в деревню письмо о том, чтобы живущие там крестьяне не повиновались нынешнему старосте, выбранному помещиком, так как власть его над ними уже прекратилась, и они уже выбрали нового старосту, который находится тут же». Выбранный староста благодарил за доверие и угостил избирателей водкой. ⟨...⟩

3

⟨...⟩ 19 января в харчевне близ Николаевской железной дороги несколько крестьян, по-видимому зажиточных, вели между собою беседу о предстоящем освобождении крестьян на волю. Они выражали сожаление, что в учрежденные по сему предмету комитеты не назначают депутатов от крестьян, и думают, что положение, которое составят эти комитеты, будет весьма неудовлетворительно для крестьян, ибо дворяне позаботятся о своих выгодах. В этом распоряжении они видят дурное предзнаменова-

ние для себя и полагают, что слухи о том, что даруемая свобода будет хуже нынешней крепости, могут оказаться справедливыми. 〈...〉

4

〈...〉 18 сентября в портерной на Гагаринской улице один мелкий торговец и с ним огородник неприлично отзывались о правительстве, говоря: «Вот установили и комитет, а когда будет толк, неизвестно,— все плати оброки господам, должны еще 50 рублей снести». Причем дерзость первого дошла даже до ругательства. 〈...〉

5

〈...〉 Октября 31-го числа на Николаевской железной дороге агент вступил в разговор с тремя артелями чернорабочих, занимавшихся здесь ломкою барок, числом до 60 человек. Все они оказались рязанскими крестьянами Спасского уезда гг. Полуденского, Шрейдера и Олсуфьева. Очень охотно разговорились об освобождении. Один изъявлял сожаление, что дело идет медленно, а другие выражали сомнения, чтобы оно когда-нибудь и кончилось; жаловались на чрезмерное обременение барщиною и на нищету в деревнях их, от того происходящую, а также на совершенное разорение управляющими крестьян; говорили, что из писем, полученных от своих, видно, что у них в деревнях запрещают даже говорить о свободе; тех же, кто осмелится говорить об этом, даже между собою, секут.

Затем 30 и 31 числа было подслушано и еще несколько разговоров крестьян, заключавших в себе жалобы на помещиков за обременение оброками и барщиною. 〈...〉

1859 г.

1

〈...〉 4 апреля вечером в гостинице «Новгород» на Вознесенской ул. крестьянин Тульской губернии помещика Горскина Иван Кузьмин 30-ти человекам, преимущественно крестьянам, жаловался на поборы и жестокость помещика. «Вот тебе и воля,— добавлял он,— только ожесточила помещиков и сделала жизнь нашу хуже каторги. А если бы вы посмотрели, что делают другие помещики в нашей губернии с своими крестьянами, то у вас бы волосы стали дыбом. Такой нищеты, в коей находятся крестьяне, трудно себе и представить. Будет же когда-нибудь конец, и крестьяне выйдут из своего нравственного усыпления, тогда берегись, помещики; такова натура русского человека: он терпелив, но выведи его из терпения, ему все нипочем». 〈...〉

2

Из сводки агентурных данных за апрель:

⟨...⟩ В здешних оружейных магазинах требование на оружие увеличилось. Покупают в особенности помещики и большею частию револьверы. Все вообще покупающие сильно беспокоятся о самосохранении и ожидают непременно стычек со своими крестьянами при решении крестьянского вопроса, почему и запасаются оружием. Из разговоров со многими покупателями слышны жалобы, что все крестьяне теперь уже вышли из всякого повиновения и что чрезмерная кротость или сильное наказание могут их обращать к обязанностям; если же будет объявлено освобождение, то они готовы будут перерезать всех помещиков. ⟨...⟩

⟨...⟩ Апреля 17-го. Извозчик рязанского помещика Гвоздева говорил с седоком: «Навряд ли крестьяне получат когда-либо освобождение от тягостной для них помещичьей власти, ибо помещики вовсе не думают приводить воли государя в исполнение. Губернские комитеты, учрежденные в городах, только одна фраза, толку же от них нет никакого»; причем бранил государя, что он не хочет принять деятельных мер к обузданию помещиков и к скорейшему окончанию крестьянского вопроса.

4

Из сводки агентурных данных за декабрь:

⟨...⟩ 30 декабря извозчик кн. Оболенского Калужской губернии говорил, что если свободы не будет, то крестьяне откажутся от повиновения, ибо по деревням свободы ожидают очень. Когда агент сказал, что свобода обязательно будет, ибо сам государь этим занимается, извозчик с раздражением ответил: «Где государю заниматься этим делом, будет с него, что почитай каждый день ездит по охотам, а дело наше предоставил нашим же господам; какой же свободы мне ждать хоть бы, например, от нашего барина; он мало того, что получает с меня оброку 20 р., да не дает и работать на себя; в это лето мы и месяца не работали на себя; эдаких господ в России много, а есть и еще хуже — всем бы им отрубить головы, и конец». ⟨...⟩

1860 г.

Из сводки агентурных данных за январь:

⟨...⟩ В день нового года разговоры о крестьянском деле были почти повсеместные в народе, и почти все они выражали злобу на помещиков, останавливающих благополучное окончание дела и пользующихся настоящим положением его, чтобы окончательно разорить крестьян. Во многих разговорах проявлялось сомнение, чтобы освобождение когда-либо осуществилось, говорили, что

мужикам не дождаться воли, потому что все господа непременно осилят одного государя, что вот уже третий новый год, что обманывают мужиков с волею, что если государь не примет более решительных мер против дворян, то будет много несчастных, ибо крестьянам остается один выход — поднять руки на своих помещиков или поднять руки на самих себя.

Донесения всех агентов по этому предмету совершенно сходны.

ИЗ ДОНЕСЕНИЙ ОФИЦЕРА КОРПУСА ЖАНДАРМОВ РУНИЧА ИЗ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ О НАСТРОЕНИЯХ КРЕСТЬЯН ПЕРЕД ОБЪЯВЛЕНИЕМ «ВОЛИ» (август — октябрь 1860 г.)

21 августа 1860 г.

⟨...⟩ Для самих ревностных приверженцев крепостного права становится очевидным, что продолжительность нынешнего кризиса весьма дурно действует на нынешнее население, заметно начинающее уже стремиться к самостоятельности, усиливая в крестьянах все более и более предположение, что недоброжелательство и происки владельцев составляют единственную причину замедления в деле их освобождения. Предположение это укоренилось в умах крепостного сословия до такой степени, что превратилось в полное убеждение, основанное, по мнению крестьян, на неопровержимых фактах. Это убеждение, высказываемое крестьянами при всяком удобном случае, как оно ни кажется с первого взгляда односторонним, весьма, впрочем, естественно, если принять в соображение, что большинство крепостного сословия привыкло с самого, так сказать, младенчества смотреть на помещиков как на отъявленных врагов своих, и видя, что в деле, непосредственно до них касающемся, они не были спрошены, а все дело, относящееся до их освобождения, поступило на рассмотрение только одних их владельцев, не могут полагаться на их добросовестность и беспристрастие.

По этой причине крестьяне и приписывают замедление в деле их освобождения одним только проискам помещиков, влиянию которых припишут, бесспорно, и в будущем неосуществление надежд своих, а такое настроение умов крепостного сословия может легко повести к весьма неблагоприятным последствиям. ⟨...⟩

⟨...⟩ Между помещичьими крестьянами развивается все более и более убеждение в необходимости единодушного с их стороны противудействия намерениям, приписываемым ими своим владельцам. ⟨...⟩ Военные экзекуции начали считаться необходимыми гораздо чаще прежнего. ⟨...⟩

Во всех слоях общества замечается сильное стремление

к самостоятельности и к ограждению себя от административного произвола; все сословия остаются в каком-то убеждении, что настоящий порядок вещей должен неминуемо измениться. ⟨...⟩

22 октября 1860 г.

⟨...⟩ Крестьяне считают, что с освобождением и совершенною независимостью они получат в собственность и землю. По понятиям крестьян, освобождение их должно сопровождаться наделом земли, которую они считают своей собственностью на том основании, что пользовались ею даже и в крепостном состоянии, переходя от одного помещика к другому, и отчуждение от которой всегда возбуждало между ними неудовольствие. ⟨...⟩

О НАСТРОЕНИЯХ ПОМЕЩИКОВ В СВЯЗИ С ПОДГОТОВКОЙ ОТМЕНЫ КРЕПОСТНОГО ПРАВА В РОССИИ

ИЗ ПИСЬМА ВЛАДИМИРА АЛЕКСАНДРОВИЧА Б-ВА ИЗ ТАМБОВА К БРАТУ В ПЕТЕРБУРГ (1857 Г.)

⟨...⟩ Ты спрашиваешь меня насчет проектов уничтожения крепостного права. Я их читал со вниманием и грустью. Ежели теперь в России существует какой-либо порядок в народе, то с уничтожением крепостного права он совершенно разрушится. ⟨...⟩ Крестьяне наши, в которых не исчезли признаки первобытной полудикой жизни, еще не выработались достаточно, чтобы принять в себя новые права и обратить их в свою плоть и кровь. Прежде уничтожения крепостного права нужно уменьшить в народе пьянство и его образумить, нужно образовать духовенство для того, чтобы оно, подобно духовенству лютеранскому, могло действовать на совесть народа и улучшать его нравственность. Скажу тебе: что вместе с дарованием крестьянам вольности государь подпишет мне и многим тысячам помещиков смертный приговор. Миллион войска не удержит крестьян от неистовства. ⟨...⟩

ИЗ ПИСЬМА НЕИЗВЕСТНОГО ПОМЕЩИКА К С. М. ЖУКОВСКОМУ В ПЕТЕРБУРГ (1857 Г.)

⟨...⟩ Все помещики составили себе страшилище, которого пугаются, как самой смерти. Кто-то сказал им, что скоро наступит эмансипация. Утверждают, что остановилась покупка имений, что, теряясь в догадках о будущем, они предполагать могут многое, не зная, на чем остановиться, что мысль крестьян о нераздельности их с землею так в них сильна, что увольнение без нее может произвести пугачевщину. ⟨...⟩

ИЗ ПИСЬМА ПАВЛОВА К НЕИЗВЕСТНОМУ АДРЕСАТУ В ПЕТЕРБУРГ (30 ДЕКАБРЯ 1857 Г.)

Сидя в Питере, вы представить не можете, что теперь за ералаш. В народе смутно. Без гиперболы можно сказать, что теперь помещичья должность есть воинский пост. Делают-то не так. ⟨...⟩ Сбор на удовлетворение за землю отнюдь не должно бы возлагать на помещиков. Это одно; а другое: прежде всего надо и усадьбы и земли разделить. ⟨...⟩ А теперь дележ предстоит кровавый. ⟨...⟩ Слово-то выпущено, а дела ни на грош не сделано, да ничего и не предвидится. Ведь, сидя в Питере, мудрено понять, что такое близость усадьб, что такое общий выгон, общий сенокос. ⟨...⟩ Это ни больше ни меньше как задатки пугачевщины. Не говорю уже об обязательствах. Можно бы, кажется, и в Питере понять, что это верх нелепости. Вероятно, поймут скоро, да будет поздно. Теперь имение покупать все равно что на Малахов курган идти во время Севастопольской осады. Вот вам наши реформы. Я объявил своим старикам [крестьянам], что отдаю им половину имения с тем, чтобы они приняли на себя [опекунского совета] долг (по 13-ти целковых с тягла на 33 года). Они не согласились! Это хороший образчик будущего.

ИЗ ПИСЬМА НЕИЗВЕСТНОГО ПОМЕЩИКА СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ К Н. П. Н-СКОМУ В ТВЕРЬ (1858 Г.)

⟨...⟩ Здешние прапорщики, как справедливо назвал государь симбирских дворян, крепко озабочены предстоящею реформою. Многие спешат закладывать свои имения в том предположении, что долг останется на крестьянах. В проекте об этом ничего не сказано. И если под этим молчанием скрывается какая-либо мысль о правах на землю, то будет трудно объяснить иначе. Между тем и крестьяне громко начинают толковать о милости батюшки-царя и пьют за его здоровьишко. Пока все тихо, но надолго ли? Как примут православные объявление, что земля вся принадлежит помещику, у которого они должны находиться навсегда в кабале? Вряд ли они поверят, что на это есть воля царская? А не мудрено, пока комитеты будут судить да рядить, мир, наскучив долгим ожиданием, примется за дреколье. Говорят, в Пензенской губернии крестьяне возбуждены до nec plus ultra* и что малейшего повода достаточно, чтобы они принялись за расправу.

---

* До крайней степени (*лат.*).

ИЗ ПИСЕМ А. И. КОШЕЛЕВА К КН. В. А. ЧЕРКАССКОМУ ЗА МАЙ — СЕНТЯБРЬ 1860

26 мая 1860 г. С. Песочное.

Дышу я свежим воздухом вдали от всех сует и толков столичных; здесь я ровно ничего не знаю и наслаждаюсь полнейшим спокойствием и тишиною. Хорошо две-три недели провести в полном уединении; но, зная, что теперь решается вопрос, который должен преобразовать весь этот спокойный, громадный мир, не могу оставаться совершенно в равнодушном положении.

Решить вопрос как можно скорее становится с каждым днем большею необходимостью. Решайте хоть недостаточно, хоть неполно, но решайте скорее. Народ спокоен, но наши хозяйства, наши отношения к крестьянам портятся все более и более. Знайте: крестьяне все переделились, все перестали удобрять землю; наемка земель в большом ходу, цены поднялись, но вывозить навоз никто не хочет. Барщинская работа стала еще вдвое хуже; на оброк не выходят, но условий никаких делать не хотят по весьма естественной причине: посмотрим, как царь прикажет. Воровство, пьянство и проч. страшно усиливаются; власть помещика ослабла значительно, а полиция еще не имеет силы. Нет! Решайте как можно скорее и шире, иначе беда. Если замедлите, то может выйти бунт, а если будете вводить большую регламентацию, то дело испортите вконец. ⟨...⟩

30 июня 1860 г. С. Песочное.

Что поделываете, любезнейший князь? Я живу в полнейшей тишине, и до нас даже никаких слухов не доходит; а Вы посреди волн, постоянно возвышающихся и упадающих, и посреди шума, толков и споров. Мы здесь в деревне *все* желаем лишь одного: окончания предпринятого дела. Теперь мы дошли до того, что готовы пойти на жребий между разными предложенными проектами и охотно примем нелепый, лишь бы он обещал окончание общей неурядицы. Крепостное право более не существует, а взамен его нет ничего. Крестьяне не идут на оброк, опасаясь тем принять на себя обязанности, которых им, быть может, не придется нести: «Помещики теперь хотят всех на оброк посадить, потому что знают, что барщины не будет; а оброк утвердят тот, который теперь мы на себя добровольно примем. Нет, малый, потерпим, а на оброк охотой не пойдем» — вот что говорят крестьяне. Барщина стала до того гнусна, что не хочется ехать в поле. Ну, надобно признаться, помещиков посадили на такой кол, что все теперь записались в эманципаторы. Я был в Тамбовской, Саратовской и Самарской губерниях, и везде один говор: лишь бы поскорее.

Ну, скажите: когда дело будет кончено? Т. е. какие по этому делу надежды? когда? и как?

Теперь все так перепуталось, что мы опять не в разных, а в одном стану: и Вы и я желаем конца. Не будет ли он в нынешнем году? Когда введут новую полицию?[1] ⟨...⟩

13 сентября 1860 г. С. Песочное.

⟨...⟩ Желаю от души, чтоб освобождение так или сяк поскорее состоялось, ибо нынешнее положение невыносимо. Ну, посадили помещиков на кол! Все теперь — самые рьяные эманципаторы! У нас в уезде было несколько ослушаний, и были наказания, исследования и пр. У меня кто-то поджег гумно, и из 3000 копен осталась одна зола. У нас по соседству сожжено 3 гумна, и все не у дурных помещиков. Высаживайте поскорее из печи ваш пирог! Право, становится невтерпеж! ⟨...⟩

ИЗ ПРЕДПИСАНИЯ ПЕТЕРБУРГСКОГО ВОЕННОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА УПРАВЛЯЮЩЕМУ СВОЕЙ КАНЦЕЛЯРИИ

...3. Военным чинам, при мне состоящим, и адъютантам немедленно объявить, что они должны находиться безотлучно при мне. Не имеющим верховых лошадей дозволить обратить под верх находящихся на дежурстве жандармских лошадей.

4. Чиновникам особых поручений гражданского ведомства ожидать приказаний в приемном зале и, не ожидая письменных предписаний, исполнять поручения, которые им моим именем передаваемы будут.

5. Дежурство по канцелярии (из надежнейших чиновников) удвоить в числительном составе. Прочим чинам канцелярии быть в готовности явиться на службу по востребовании.

РЕЧЬ АЛЕКСАНДРА II В ГОСУДАРСТВЕННОМ СОВЕТЕ 28 ЯНВАРЯ 1861 Г.

Дело об освобождении крестьян, которое поступило на рассмотрение Государственного совета, по важности своей я считаю жизненным для России вопросом, от которого будет зависеть развитие ее силы и могущества. Я уверен, что вы все, господа, столько же убеждены, как и я, в пользе и необходимости этой меры. У меня есть еще и другое убеждение, а именно что откладывать этого дела нельзя, почему я требую от Государственного совета, чтобы оно было им кончено в первую половину февраля и могло быть объявлено к началу полевых работ; возлагаю это на прямую обязанность председательствующего в Государственном совете. Повторяю, и это моя непременная воля, чтоб дело это теперь же было кончено. Вот уже 4 года, как оно длится и возбуждает различные опасения и ожидания как

в помещиках, так и в крестьянах. Всякое дальнейшее промедление может быть пагубно для государства. Я не могу не удивляться и не радоваться и уверен, что и вы все также радуетесь тому доверию и спокойствию, какое выказал наш добрый народ в этом деле. Желал бы то же сказать и о дворянстве, хотя опасения его до некоторой степени понятны, ибо они касаются до самых близких материальных интересов каждого; при всем том я не забываю и не забуду, что приступ к делу сделан по вызову самого дворянства, и я счастлив, что мне суждено свидетельствовать об этом перед потомством. При личных моих разговорах с губернскими предводителями дворянства и во время путешествий моих по России, при приеме дворян я не скрывал моего образа мыслей и взгляда на занимающий всех нас вопрос и говорил везде, что это преобразование не может совершиться без некоторых пожертвований с их стороны и что все старание мое заключается в том, чтоб пожертвования эти были сколь возможно менее обременительны и тягостны для дворянства. Я надеюсь, господа, что при рассмотрении проектов, представленных в Государственный совет, вы убедитесь, что все, что можно было сделать для ограждения выгод помещиков, сделано, если же вы найдете нужным в чем-либо изменить или добавить представляемую работу, то я готов принять ваши замечания; но прошу только не забывать, что основанием всего дела должно быть улучшение быта крестьян и улучшение не на словах только и не на бумаге, а на самом деле.

Прежде чем приступить к подробному рассмотрению самого проекта, хочу изложить вкратце исторический ход этого дела. Вам известно происхождение крепостного права. Оно у нас прежде не существовало: право это установлено самодержавною властию и только самодержавная власть может уничтожить его, а на это есть моя прямая воля.

Предшественники мои чувствовали все зло крепостного права и постоянно стремились если не к прямому его уничтожению, то к постепенному ограничению произвола помещичьей власти.

С этой целью при императоре Павле был издан закон о трехдневной барщине[1], при императоре Александре в 1803 г.— закон о свободных хлебопашцах, а при родителе моем в 1842 г.— указ об обязанных крестьянах. Оба последние закона были основаны на добровольных соглашениях, но, к сожалению, не имели успеха. Свободных хлебопашцев всего немного более 100 т., а обязанных крестьян и того менее[2]. Многие из вас, бывшие членами Совета при рассмотрении закона об обязанных крестьянах, вероятно, припомнят те суждения, которые происходили в присутствии самого государя. Мысль была благая, и если бы исполнение закона не было обставлено, может быть, и с умыслом, такими формами, которые останавливали его действия, то введение в исполнение этого закона тогда же во многом облегчило бы настоящее преобразование. Покойный мой родитель постоянно был занят мыслию освобождения крестьян. Я, вполне ей

сочувствуя, еще в 1856 г., перед коронациею, бывши в Москве, обратил внимание предводителей дворянства Московской губернии на необходимость заняться улучшением быта крестьян, присовокупив к тому, что крепостное право не может вечно продолжаться и что потому лучше, чтобы преобразование это совершилось сверху, чем снизу. Вскоре после того, в начале 1857 года, я учредил под личным моим председательством особый Комитет, которому поручил заняться принятием мер к постепенному освобождению крестьян. В конце того же 1857 года поступило прошение от 3-х литовских губерний, просивших дозволения приступить прямо к освобождению крестьян. Я принял это прошение, разумеется, с радостию и отвечал рескриптом 20 ноября 1857-го года на имя генерал-губернатора Назимова. В этом рескрипте указаны главные начала, на коих должно совершиться преобразование; эти главные начала должны и теперь служить основанием ваших рассуждений. Мы желали, давая личную свободу крестьянам и признавая землю собственностью помещиков, не сделать из крестьян людей бездомных и потому вредных как для помещика, так и для государства. Эта мысль служила основанием работ, представленных теперь Государственному совету Главным комитетом. Мы хотели избегнуть того, что происходило за границею, где преобразование совершалось почти везде насильственным образом; пример этому, весьма дурной, мы видели в Австрии, и именно в Галиции. Безземельное освобождение крестьян в остзейских губерниях сделало из тамошних крестьян население весьма жалкое, и только теперь, после 40 лет, нам едва удалось улучшить их быт, определив правильнее их отношения к помещикам. То же было в Царстве Польском, где свобода была дана Наполеоном без определения поземельных отношений и где безземельное освобождение крестьян имело последствием, что власть помещиков сделалась для крестьян тяжелее, чем прежнее крепостное право. Это вынудило покойного родителя моего издать в 1846 году особые правила для определения крестьян к помещикам в Царстве Польском[3].

Вслед за рескриптом, данным генерал-губернатору Назимову, начали поступать просьбы от дворянства других губерний, которым были даны ответы рескриптами на имя генерал-губернаторов и губернаторов подобного же содержания с первым. В этих рескриптах заключались те же главные начала и основания и разрешалось приступать к делу на тех же указанных мною началах. Вследствие того были учреждены губернские комитеты, которым для облегчения их работ была дана особая программа. Когда после данного на то срока работы комитетов начали поступать сюда, я разрешил составить особые Редакционные комиссии, которые должны были рассмотреть проекты губернских комитетов и сделать общую работу в систематическом порядке. Председателем этих Комиссий был сначала генерал-адъютант Ростовцев, а по кончине его граф Панин. Редакционные комиссии

трудились в продолжение года и семи месяцев, и, несмотря на нарекания, может быть отчасти и справедливые, которым Комиссии подвергались, они окончили свою работу добросовестно и представили ее в Главный комитет. Главный комитет под председательством моего брата трудился с неутомимою деятельностью и усердием. Я считаю обязанностью благодарить всех членов комитета, а брата моего в особенности, за их добросовестные труды в этом деле.

Взгляды на представленную работу могут быть различны. Потому все различные мнения я выслушаю охотно; но я вправе требовать от вас одного, чтобы вы, отложив все личные интересы, действовали как государственные сановники, облеченные моим доверием. Приступая к этому важному делу, я не скрывал от себя всех тех затруднений, которые нас ожидали, и не скрываю их и теперь, но, твердо уповая на милость Божию, я надеюсь, что Бог нас не оставит и благословит нас кончить его для будущего благоденствия любезного нам Отечества. Теперь с Божиею помощию приступим к самому делу.

МЕРЫ, ПРИНИМАЕМЫЕ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ, ДЛЯ ПОДАВЛЕНИЯ МОГУЩИХ ВОЗНИКНУТЬ НАРОДНЫХ ВОЛНЕНИЙ В СВЯЗИ С ОБНАРОДОВАНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТОВ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ

ОТНОШЕНИЕ ОТ 12 ФЕВРАЛЯ 1861 Г. ИСПРАВЛЯЮЩЕГО ОБЯЗАННОСТИ ВОЕННОГО МИНИСТРА ГЕНЕРАЛ-АДЪЮТАНТА Д. А. МИЛЮТИНА МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ С. С. ЛАНСКОМУ С ПОВЕЛЕНИЕМ АЛЕКСАНДРА II О МЕРАХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И ПОДАВЛЕНИЯ НАРОДНЫХ ВОЛНЕНИЙ В СВЯЗИ С ПРЕДСТОЯЩЕЙ ОТМЕНОЙ КРЕПОСТНОГО ПРАВА

Во всеподданническом докладе государю императору соображений о мерах, которые признается полезным принять для охранения порядка при предстоящих переменах в устройстве крестьянского быта, его императорское величество в Совете гг. министров 26 января высочайше повелеть соизволил:

Не делая общих изменений в настоящей дислокации войск, дабы преждевременными передвижениями не возбудить опасений в народонаселении, предупредить начальников губерний, от каких частей войск требовать им вооруженные команды для охранения порядка, когда они, по известному им положению дел в губернии, будут предвидеть, что присутствие военной силы в скором времени может понадобиться, а начальников войск уведомить в том, в какие именно части края обязаны они высылать вооруженные команды для содействия местным гражданским властям по первому о том востребованию. ⟨...⟩ Вместе с тем имею честь покорнейше просить ваше превосходительство не оставить своим распоряжением:

1. Чтобы в случае надобности содействия вооруженною силою гражданское начальство для выигрывания времени обращалось непосредственно к ближайшему начальнику потребной части войск, а именно — к полковым и батальонным командирам стрелковых батальонов, за исключением только Вятской губернии, начальник коей с требованием о содействии вооруженною силою должен обращаться к начальнику резервной дивизии 4-го армейского корпуса в Казани, о чем сообщено уже и военному начальству.

2. Чтобы при каждом требовании войск для охранения порядка, независимо от донесений воинских начальников, гражданские губернаторы немедленно уведомляли о том Военное министерство.

3. Чтобы команды от войск, находящихся в составе гарнизонов больших городов, а равно и от войск, находящихся на работах, были требуемы по возможности на непродолжительное время и на небольшие расстояния от пунктов расположения оных, дабы отделением их не ослабить тех гарнизонов и рабочих отрядов, к составу коих они принадлежат, почему если присутствие вооруженной команды в крае понадобится на более продолжительное время, то губернатор обязан сделать немедленное сношение, сообразно с относительною близостью к месту происшествия с начальником исключительно тех войск, которые представлены в его распоряжение, о поспешнейшей смене, вытребованной уже от гарнизона команды от командуемой тем начальником части войск.

4. Чтобы в каждое требование войск включаемы были сведения о числе и величине потребных команд, о местах назначения их, о ближайших путях следования к этим местам из пунктов расположения и о заготовленных для ускорения движения средствах. ⟨...⟩

ОТНОШЕНИЕ ПЕТЕРБУРГСКОГО ВОЕННОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА ГР. П. Н. ИГНАТЬЕВА НАЧАЛЬНИКУ III ОТДЕЛЕНИЯ КН. В. А. ДОЛГОРУКОВУ (ДЕКАБРЬ 1860 Г.)

Господину главному начальнику III отделения Собственной его императорского величества канцелярии.

По случаю возникшего[1] в столице беспорядка, к прекращению коего приняты должные меры, государь император высочайше повелеть соизволил:

1) собрать по тревоге войска, составляющие гарнизон столицы;

2) задерживать всех подозрительных людей и никого не впускать ни в город, ни из города без особых мер осторожности;

3) поезда железных дорог, ожидаемых в столицу, остановить на последних перед оною станциях; те же поезда, которые отсюда назначены будут к отправлению, задержать по возможности;

4) до получения особого разрешения не иначе употреблять

оружие, как в оборонительных видах, избегая столкновения с толпою до самой крайней необходимости;

5) независимо от сведений, сообщаемых по телеграфу, посылать донесения и приказания с нарочными, приняв должные меры постоянной осторожности, чтобы повреждение телеграфа или неисправности посланного не могли быть поводом к безотчетному недоставлению по принадлежности донесения или приказания;

6) сообщить министру народного просвещения, что его величество изволит возлагать на личную ответственность его высокопревосходительства, при содействии подведомственных вашему сиятельству чинов, чтобы немедленно учреждено было самое бдительное наблюдение за редакциями газет и журналов, равно как и за находящимися здесь типографиями и литографиями, с тем, чтобы никакие объявления и статьи, имеющие отношение к нынешним обстоятельствам, не могли быть печатаемы и публикуемы без внимательного рассмотрения и особого разрешения высшего дежурного начальства.

Долгом поставляю сообщить вашему сиятельству для зависящих распоряжений сию высочайшую волю, объявленную мною по принадлежности, и прилагаю на случай надобности ведомость, означающую, в каких именно местностях столицы находятся редакции журналов и газет, равно как и типографии.

ПРЕДПИСАНИЕ ПЕТЕРБУРГСКОГО ВОЕННОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА ГР. П. Н. ИГНАТЬЕВА С.-ПЕТЕРБУРГСКОМУ КОМЕНДАНТУ

Господину С.-Петербургскому коменданту.

Вследствие возникшего беспорядка признано нужным собрать по тревоге войска, составляющие гарнизон столицы. Охранение Зимнего его величества дворца возлагается по высочайшему государя императора повелению на личную ответственность вашего превосходительства.

В распоряжение ваше поступают:

1) первый батальон л-гв. Преображенского полка,

2) один из батальонов л-гв. Семеновского полка.

Если один из означенных полков занимает городские корпусы, в таком случае заменяют недостающий батальон или 1-й гвардейский стрелковый, или л-гв. саперный батальон. Командование войсками на Дворцовой площади поручено начальнику 1-й гв. пехотной дивизии.

Государь император соизволил одобрить следующие по сему предложения:

1. Батальон л.-гв. Преображенского полка строится в колонну на главном большом дворе, одна рота сего батальона располагается в главных воротах против монумента. В воротах ставятся два первых прибывших орудия гвардейской пешей артиллерии.

2. Батальон л.-гв. Семеновского полка распределяется: один взвод занимает подъезд государя императора; два взвода

занимают Дворцовый мост; один взвод — на Посольском подъезде, с Невы; полувзвод — на Комендантский подъезд; по полувзводу — на подъезды Государственного совета, Комитета министров и Нового Эрмитажа; по полувзводу — на 1-й и 2-й черные дворики.

Все прочие выходы запираются и становятся к ним парные часовые от остального полувзвода. Дворцовая телеграфная станция подлежит также вашему наблюдению.

3. Войскам быть в походной форме и иметь при себе боевые патроны, а артиллерии — боевые снаряды.

4. Постоянное сообщение между постами должно быть учреждено посредством патрулей.

5. Вход во дворец посторонних лиц не иначе может быть допускаем, как с личного вашего разрешения. Подозрительные люди должны быть задерживаемы. Для наступательного действия должно ожидать приказания высшего начальства. До получения такового употребление оружия дозволяется исключительно в оборонительных видах. Если б толпа затрудняла движение какой-либо части войска или покушалась вломиться, то употреблять преимущественно штык и то не прежде, как уверясь в совершенной к тому необходимости...

ОТНОШЕНИЕ МИНИСТРА ЮСТИЦИИ ГР. В. Н. ПАНИНА ОТ 24 НОЯБРЯ 1860 г. ОБЕР-ПРОКУРОРУ СВЯТЕЙШЕГО СИНОДА А. П. ТОЛСТОМУ [1]

Милостивый государь, граф Александр Петрович!

По милости государя императора помещичьим крестьянам дарованы будут средства к улучшению их быта соответственно их положению и пользам государства. Имея в виду предстоящие по сему случаю перемены в их отношениях к помещикам населенных имений и необходимость принять всевозможные меры к сохранению спокойствия, столь необходимого для успеха предположенных мер, я имею честь, с высочайшего разрешения, обратиться к вашему сиятельству, не угодно ли будет сообразить, до какой степени было бы полезно вменить в обязанность чрез епархиальное начальство приходским по губерниям священникам, чтобы они, не давая поручению вида исполнения предписания начальства, по обнародовании указа и Положения об улучшении быта помещичьих крестьян при каждом удобном случае внушали бы крестьянам, чтобы они и впредь усердно и постоянно исполняли свои обязанности в отношении к государю и установленным от него властям, объясняя притом, что дарованные крестьянам права и льготы упрочат их благоденствие лишь при постоянном их трудолюбии, нравственном поведении в точном исполнении облегченных повинностей к владельцам земли. Вместе с сим приходские священники должны иметь самое бдительное наблюдение, дабы церковнослужители, нередко в самых близких отношениях к крестьянам состоящие, не распространяли никаких ложных

слухов относительно смысла изданных постановлений и, напротив, в случае неправильных толков, объясняли бы Положения согласно буквенному их содержанию и в духе данных начальством предписаний. В предупреждение каких-либо со стороны причетников не свойственных с видами правительства толков и распространения оных между крестьянами нелишним было бы предписать, что если замечены будут со стороны церковнослужителей действия, не согласные с сим предписанием, то приходские священники обязаны немедленно доносить о том своим благочинным для дальнейших по обстоятельствам случая распоряжений.

Пользуясь настоящим случаем, чтобы удостоверить ваше сиятельство в истинном моем почтении и совершенной преданности.

Гр. В. Панин.

ВОЗЗВАНИЕ СВЯЩЕННИКА К ПРИХОЖАНАМ ИЗ КРЕПОСТНЫХ КРЕСТЬЯН И ДВОРОВЫХ ПОМЕЩИЧЬИХ ЛЮДЕЙ ОТ 17 ФЕВРАЛЯ 1861 г.

По имя отца и сына и святаго духа.

Слышу, что между вами, православные, носятся и распространяются слухи, что вот такого-то именно числа или дня объявится вам освобождение от крепостного состояния. Знаем, и все мы знаем, что батюшка царь наш православный крепкую заботу возымел о вас, положил это намерение, и бояре наши русские не спорят о том. Но когда ему, батюшке, угодно о том объявить — никто этого не знает и знать не может, доколе не придет прямая царская грамота. Одни только люди недобрые, т. е. возмутительные, могут сеять злые слухи, что-де пришла воля царская, да не сказывают. А вы не приставайте к пустым толкам; вы ведь не бусурмане какие, а народ православный. Когда придет воля царская, то никто ее скрыть не может; объявится вам и боярам во всеуслышание, а дотоле лишнего не толкуйте, чтобы нетерпение ваше как бы не дошло до батюшки царя, ведь слухом земля полна — да не прогневить бы вам его за его добродетель к вам. Вашим отцам и прадедам и во сне-то не снилось, какое вам и детям вашим являет милосердие батюшка царь наш. Так не опечальте же его каким-либо бесчинием. Ведь он, отец наш, сокрушается о каждом месте, где непорядок, а тем паче больно ему будет, коли от вас, столько облагодетельствованных им, вместо благодарности выйдет какой-нибудь беспорядок. И детям своим закажите крепко положиться во всем на царя-отца и с терпением ждите его воли, а когда придет, то с благодарностью примите все его распоряжения об вас. Не нам уставы писать — сами знаете. Нам господь Бог повелел повиноваться царю как Божией воле над нами; тогда мы и православные, тогда мы и христиане, тогда и церковь —

наша мать и Бог — наш отец. А кто царя не чтит со всею покорностью, т. е. своими глупыми пересудами пересуживает волю царскую, тот Бога не боится, того и церковь извергает. Да сохранит вас, православные, от сего господь Бог наш. Идите же с миром по домам, да и детей своих научите так. **Аминь.**

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ЧЛЕНА ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ЦЕНЗУРЫ Н. МУХАНОВА ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ПЕТЕРБУРГСКОГО ЦЕНЗУРНОГО КОМИТЕТА О НЕДОПУЩЕНИИ В ПЕЧАТИ СВЕДЕНИЙ ПО КРЕСТЬЯНСКОМУ ВОПРОСУ

29 января 1861 г.

По случаю рассматривания ныне в Государственном совете дела по крестьянскому вопросу я покорнейше прошу Ваше превосходительство сделать распоряжение, чтобы в настоящее время цензорами не допускалось к печати никаких известий о ходе сего дела и обстоятельствах, до того относящихся.

Член Главного управления цензуры Н. Муханов.
Правитель дел Пр. Янкевич.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ЧЛЕНА ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ЦЕНЗУРЫ Н. МУХАНОВА ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ПЕТЕРБУРГСКОГО ЦЕНЗУРНОГО КОМИТЕТА ПЕРЕДАВАТЬ ВСЕ СТАТЬИ ПО КРЕСТЬЯНСКОМУ ВОПРОСУ НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ РАССМОТРЕНИЕ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ КАНЦЕЛЯРИЮ И ПЕЧАТАТЬ ИХ ТОЛЬКО ПОСЛЕ ОДОБРЕНИЯ.

14 февраля 1861 г.

Государь император высочайше повелеть соизволил: все сочинения и статьи, касающиеся крестьянского вопроса и вообще настоящих и будущих отношений помещиков и крестьян, а также устройства крестьянского быта на новых началах, прежде пропуска их к напечатанию Общею цензурою, передавать на предварительное рассмотрение не Министерства внутренних дел, как это было до сих пор, но Государственной канцелярии и пропускать к напечатанию только тогда, когда статьи сии будут одобрены государственным секретарем или тем из чиновников Государственной канцелярии, который для того будет им назначен.

О таковой высочайшей воле сообщая Вашему превосходительству, имею честь покорнейше просить Вас, милостивый государь,

сделать распоряжение, чтобы все подобные статьи, для выигрывания времени, были присылаемы на имя Государственной канцелярии прямо от С.-Петербургского цензурного комитета или от цензоров, коим они и будут возвращаться, по предварительном их рассмотрении государственным секретарем до тех пор, пока он не признает нужным обязанность эту возложить на кого-либо из чиновников Государственной канцелярии, о коем в свое время и будет Вашему превосходительству сообщено.

Член Главного управления цензуры — Н. Муханов.
Правитель дел — Пр. Янкевич.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ВОРОНЕЖСКОГО ГУБЕРНАТОРА Д. Н. ТОЛСТОГО

⟨...⟩ Вскоре после известных рескриптов дворянству разных губерний начали составляться губернские комитеты для начертания проектов Положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости, и в то же время в Петербурге был основан для того Центральный комитет под председательством великого князя Константина Николаевича [1].

Я не буду описывать всех действий и мероприятий правительства по этому делу. Ограничусь только теми воспоминаниями, которые выпали на мою долю.

В октябре 1859 года я был назначен ...ским губернатором. В это время дело освобождения крестьян в Петербурге близилось к окончанию, и жители нашего города со дня на день ожидали официального о том известия, но оно не приходило. Сношения центрального правительства с губернаторами не оживлялись особенною деятельностию. Одною из первых по вступлении моем в должность бумаг было циркулярное отношение министра внутренних дел об учреждении в каждом губернском городе под председательством губернатора комитета по крестьянским делам из четырех членов местных дворян-земледельцев: двоих по избранию местного дворянства и двоих, назначаемых от высочайшего имени министром по представлению губернаторов.

Состав такого комитета, особенно в первое время после издания ожидавшегося Положения, я признавал особенно важным. Зная заранее, что со стороны местных дворян-помещиков я не могу ожидать добросовестного пособия при устройстве освобождаемых крестьян, я находился в тем большем затруднении, что в числе самых видных дельцов со стороны дворянства находился бывший некогда губернским предводителем кн. ***. Я давно и лично знал князя. Это был человек чрезвычайно умный и совершенно честный, но в то же время отъявленный крепостник, жаркий ревнитель помещичьих интересов и непримиримый враг эмансипации. Он пользовался в дворянстве огромною популярностию, и слово его было законом для большинства, которое, как

всегда и везде, составляло Панургово стадо. Не было для меня сомнения, что князь будет непременно избран членом от дворянства и таким образом не только по своим убеждениям, но и в силу своего положения станет в оппозицию со мною.

Чтобы избежать затруднений, я решился прибегнуть к дипломатическому способу. Я думал ослабить влияние князя в этом случае, переменив его значение в предстоящей ему деятельности, и если нельзя было изменить его убеждение и правил, то по крайней мере навязать ему роль, которая бы придавала ему по крайней мере извне сочувственное мне положение и чрез то ослабляла влияние его на дворянство. Я решился представить его в члены комитета от правительства. Мне казалось, что таким образом я лишу дворянство возможности выбрать его от себя. Кроме того, мне казалось, что если бы я ошибся и встретил со стороны князя решительное противодействие, то правительство имело бы возможность всегда уволить его из комитета и заменить другим и таким образом, лишив его возможности быть избранным дворянством, устранить окончательно вредное его влияние.

В этих видах я решился написать письмо к князю и просить его согласия на вступление в комитет членом со стороны правительства. Не скрою, что я был почти убежден в отказе с его стороны, потому что он был совершенно уверен в избрании его дворянством. Со всем тем князь согласился, и я представил о том министерству. При этом я собственноручно и в совершенной тайне написал конфиденциальное письмо к министру внутр[енних] д[ел], в котором откровенно изложил все вышеписанное, сам его запечатал и сам отправил на почту, так что никто, кроме меня и адресата, не мог знать его содержания.

В скором времени я получил ответ от министра, который не только не разделил моего мнения, но довольно резко порицал мою решимость представить такое неблагонадежное лицо, как князь ***.

Я понял бы такое решение министра, если бы через него князь *** был устранен из комитета; но любопытно, что тот же самый князь вслед за сим был допущен министерством в комитет членом со стороны дворянства и таким образом был, так сказать, утвержден в качестве моего официального противника!

Не менее любопытно, что по отправлении моего секретного об этом письма, о сохранении тайны которого я так заботился, получил я недели через три газету «Колокол», в которой конфиденциальное письмо мое было напечатано целиком.

Пусть тот из читателей, кому сколь-нибудь знаком порядок служебных сношений, разрешит себе, каким образом конфиденциальная бумага, которая обыкновенно хранится в личном портфеле министра, могла перейти оттуда в редакцию лондонского журнала? Здесь нельзя заподозрить мелкого чиновника, принимавшего участие в революционной прессе. Нельзя и допустить мысли, чтобы сам министр находился в сношении с редакциею.

Кто же, спрашивается, был посредником между ним и Лондоном? И каково было положение губернатора, полагавшего, что он откровенно разговаривает с министром, когда вместо того он беседовал с Герценом! ⟨..⟩

Вскоре по открытии комитета губернаторы получили циркулярное извещение, что пред изданием ожидаемого Положения о крестьянах к ним будут присланы в помощь генерал-майоры свиты его величества и флигель-адъютанты. На мою долю назначался свиты генерал-майор ***. С какою целию назначались нам эти помощники, — объяснено не было. Можно было догадываться, что эта мера была предпринята ввиду того недоверия, которое правительство имело к этим «хозяевам губерний», им самим назначаемым.

Догадка эта, по крайней мере в моих глазах, подтвердилась при следующем случае. Хотя в это время проект судебной реформы еще не был обнародован, но она была уже на очереди. Учреждались в пособие существовавшим судам особые судебные следователи с правами, дотоле у нас неслыханными. Выбор и определение их в должности предоставлялись губернаторам.

Вскоре после этого я получил печатный циркуляр от министра вн[утренних] д[ел], в котором он писал следующими почти словами: «До сведения министерства дошло, что некоторые губернаторы определяют судебных следователей за деньги. Не давая сему полного и безысключительного вероятия, я считаю долгом предупредить вас» и проч.

Признаюсь, такая бумага, и притом не только не секретная, но печатно-циркулярная, меня взорвала. Я отвечал, что циркуляр министерства содержит в себе две несомненные истины. Первая заключается в той откровенности, с какою оно выражает всю степень неуважения своего к губернаторам, а вторая — в признании, что оно само знает губернаторов-взяточников и терпит их на службе, ограничиваясь циркулярами. Не желая принадлежать ни к той, ни к другой категории, я просил министра вн[утренних] д[ел] повергнуть к стопам государя императора всеподданнейшую мою просьбу об увольнении меня от должности, в которой, как публично опозоренный, я не могу уже принести никакой пользы.

Отправляя это прошение, признаюсь, я думал, что из числа моих товарищей найдется несколько человек, которые не согласятся безмолвно перенести эту пощечину. Я ошибся: никто, кроме меня, не выразил оскорбления, и таким образом я один остался как бы взяточником!

Между тем время шло. Все работы по крестьянскому делу в Петербурге приближались к окончанию; внимание местных жителей губернии было напряжено: все ожидали скорого появления Манифеста об освобождении крестьян. В конце февраля я получил секретное отношение министра вн[утренних]

д[ел] *, в котором он уведомлял меня, что в скором времени Манифест будет подписан государем и, как можно полагать, в течение предстоящего великого поста обнародован.

⟨...⟩ Манифест об освобождении крестьян был наконец обнародован одновременно в С.-Петербурге и в Москве 5 марта 1861 г., как уведомил меня шифрованною депешей министр вн[утренних] д[ел], и вскоре после того назначенный в помощь ко мне свиты е. и. в. генерал-майор *** прибыл в город. Он привез с собою несколько тысяч экземпляров Манифеста и только тридцать экземпляров Положения. При этом губернаторам предоставлялось перепечатать у себя под личною своею ответственностию Манифест в том количестве, которое они признают нужным, но Положение перепечатывать было строго воспрещено.

Я распределил полученные мною экземпляры по два на каждый уезд — один предводителю, другой — исправнику (24 экземпляра). Один — губернскому предводителю, 1 — в губернское правление, 1 — в палату государственных имуществ, 1 — в казенную палату, 1 — жандармскому штаб-офицеру и 1 оставил у себя.

Как тогда, так и теперь я не могу объяснить себе причину запрета губернаторам перепечатывать Положение под личной своей ответственностию. Если принять в соображение время года (12 марта), в которое последовало обнародование Манифеста во вверенной мне губернии, и те затруднения в путях от весенней распутицы, какие должны были замедлить единовременное введение в действие последовавшей реформы, то сделается понятным, почему правительство было так щедро на манифесты и так бережливо на Положения. Ужели, возбуждая всеобщую нетерпеливость крепостных людей обнародованием Манифеста, оно не видало, что, замедляя приведение его в исполнение, оно могло произвесть гибельные последствия? Это тем более для меня необъяснимо, что одновременно с запретом губернаторам печатания Положения газетчикам было дозволено помещать его в своих листах in extenso *, причем объявлялось, что Положение можно было приобретать у книгопродавцев по 1 рублю за экземпляр, тогда как мы на требование крестьян выдать им Положение должны были отвечать отказом. ⟨...⟩

Кому хорошо известен крестьянский быт и кто знаком с крестьянским кругозором, тот, конечно, согласится, что свобода в глазах крестьянина того времени прежде всего имела значение полного освобождения от барщины. Не владея отвлеченными понятиями, он определял значение свободы из практики. Он видел и знал по опыту, что крепостные люди отбывают барщину помещику, а казенные крестьяне, которые в глазах его един-

---

* Отношение это было помечено от 21 или 22 февраля, не упомню, но положительно знаю, что оно писано из Петербурга после 19-го.

* Полностью *(лат.)*.

ственно представлялись свободными, барщины не знают. Поэтому если не исключительным, то главнейшим признаком свободы он признавал отсутствие барщины. Освобождение крестьян при сохранении барщинной повинности не могло быть им понято и представлялось ему аномалией. Для того чтобы вполне понять и овладеть новым положением, потребно было время.

Вот почему, когда я был в Петербурге, то говорил, где было нужно, что Манифест об освобождении должно опубликовать по окончании полевых работ и отнюдь не позже декабря, чтобы обе стороны, и помещики и крестьяне, имели достаточно времени до начала полевых работ ознакомиться и изучить новый закон. 〈..〉

На практике вышло, что Манифест был обнародован, по крайней мере в ...ской губернии, в половине марта, т. е. когда уже у нас начинались полевые работы и настала полнейшая распутица, так что чиновники, развозившие Манифест по уездам, не только встречали препятствия в пути, но подвергались и серьезным опасностям.

Я говорю это о Манифесте. Рассылка Положений, как видно выше, замедлена еще долее.

В ту минуту, когда радость освобождения охватила крестьян, явилось и разочарование: их высылали на барщину для обработки яровых полей. Я уже говорил о несовместимости понятий свободы и барщины. Крестьяне усомнились, а поверить дело за отсутствием Положений было нечем. Явилось неповиновение сначала помещикам, а потом и властям. У меня в губернии нашлось более 10 тысяч душ крестьян в одном уезде, оказавших открытое неповинование полиции. Я должен был ехать на место, взяв с собою командированного ко мне генерала свиты его императорского величества. Неповиновение было прекращено только с помощию силы [2]. 〈...〉

Донося об этом министерству и уже зная по опыту, что бумаги губернаторов, адресованные к министру, в то же время поступают к Герцену, я каждый мой шаг, каждое мое действие оправдал буквальным цитатом законов, и министерство не могло обвинить меня; но оно поступило иным, более действенным образом. Поданную мною просьбу об увольнении оно до сих пор держало у себя, не давая ей несколько месяцев никакого хода. Теперь по получении моего донесения оно не замедлило меня уволить по прошению в отставку, а свитского генерала перевести, не помню под каким предлогом, в какую-то другую губернию, назначив на его место другого офицера 〈...〉

П. А. КРОПОТКИН
ИЗ «ЗАПИСОК РЕВОЛЮЦИОНЕРА»

〈...〉 Освобождение крестьян приковывало тогда внимание всех мыслящих людей.

Революция 1848 года глухо отразилась среди русских крестьян. С 1850 года бунты крепостных стали принимать очень серьезные размеры. Когда началась Крымская война и по всей России стали набирать ратников, возмущения крестьян распространились с невиданной до тех пор силой. Несколько помещиков было убито крепостными. Бунты приняли такой грозный характер, что для усиления приходилось посылать целые полки с пушками, тогда как прежде небольшие отряды солдат нагоняли ужас на крестьян и прекращали возмущения.

Эти вспышки, с одной стороны, и глубокое отвращение к крепостному праву в том поколении, которое выдвинулось при вступлении на престол Александра II, — с другой, сделали освобождение крестьян насущным вопросом. Александр II, ненавидевший сам крепостное право и поддерживаемый, точнее, побуждаемый в собственной семье женой, братом Константином и великой княгиней Еленой Павловной, сделал первый шаг в этом направлении. Он хотел, чтобы инициатива реформы исходила от самих помещиков. Ни в одной губернии нельзя было убедить помещиков подать подобный адрес государю. В марте 1856 года Александр II сам обратился к московскому дворянству с речью, в которой доказывал необходимость реформы [1]; но ответом было упорное молчание. Александр II рассердился тогда и закончил речь памятными словами Герцена: «Лучше, господа, чтобы освобождение пришло сверху, чем ждать, покуда оно придет снизу» [2]. Но даже и эти слова не подействовали.

Почин был сделан наконец литовскими губерниями, Гродненской, Виленской и Ковенской, в которых Наполеон уничтожил в 1812 году (на бумаге) крепостное право. Генерал-губернатору Назимову удалось убедить литовское дворянство подать желаемый адрес, и в ноябре 1857 года был опубликован знаменитый рескрипт на имя виленского генерал-губернатора, в котором Александр II выражал намерение освободить крестьян. Со слезами на глазах читали мы знаменитую статью Герцена: «Ты победил, Галилеянин». Лондонские изгнанники заявляли, что отныне не считают Александра II врагом, а будут поддерживать его в великом деле освобождения крестьян.

Отношение крестьян было в высшей степени замечательно. Как только разнеслась весть, что страстно желанную волю скоро дадут, восстания почти совершенно прекратились [3]. Крестьяне ждали. Когда Александр II объезжал Среднюю Россию, они окружали его и умоляли дать волю; но к этим повторяющимся просьбам Александр II относился недружелюбно. Любопытно, однако, до какой степени сильна традиция Великой революции; среди крестьян шел слух, что Наполеон III при заключении мира после Севастопольской войны потребовал от Александра II дать волю. Я часто слышал это. Даже накануне освобождения крестьян сомневались, чтобы волю дали без давления извне. «Если Гарибалка не придет, ничего не будет», — говорил как-то

в Петербурге один крестьянин моему товарищу, который толковал ему, что скоро «дадут волю» [4]. И так думали многие.

За моментом всеобщей радости последовали, однако, годы тревог и сомнений. В губерниях и в Петербурге работали специально избранные комитеты, но Александр II, по-видимому, колебался. Цензура следила особенно строго за тем, чтобы печать не обсуждала вопроса об освобождении крестьян в подробностях. Мрачные слухи ходили по Петербургу и достигали до нашего корпуса [5].

Среди дворянства не было недостатка в молодых людях, которые искренно работали для полного освобождения крестьян. Но партия крепостников все более и более тесным кольцом окружала Александра II и оказывала на него давление. Крепостники нашептывали, что в день освобождения крестьян начнется всеобщее избиение помещиков и что Россию тогда ждет новая пугачевщина, еще страшнее 1773 года. Александр II был человек слабохарактерный и прислушивался к подобным зловещим предсказаниям. Но громадная машина для выработки «Положения» была уже пущена в ход. Комитеты заседали. Десятки записок с проектами освобождения крестьян посылались царю, ходили в рукописи или же печатались в Лондоне. Герцен при содействии Тургенева, уведомлявшего его о положении дел, обсуждал подробности каждого проекта в «Колоколе» и «Полярной звезде». То же делал и Чернышевский в «Современнике». Славянофилы, с своей стороны, особенно Аксаков и Беляев, воспользовались сравнительным облегчением печати, чтобы дать мысли об освобождении крестьян широкое распространение [6]. Они тоже с большим знанием технической стороны дела во всех подробностях обсуждали, как совершить освобождение. Весь образованный Петербург соглашался с Герценом и в особенности с Чернышевским. Я помню, как стояли за него даже конногвардейские офицеры, которых я видел по воскресеньям, после церковного парада, у моего двоюродного брата Дмитрия Николаевича Кропоткина, полкового адъютанта и флигель-адъютанта. Настроение Петербурга в гостиных и на улице показывало, что идти назад уже невозможно. Освобождение крестьян должно было быть выполнено. Отвоеван был и другой очень важный пункт, именно освобождение с землей.

Но партия крепостников не теряла надежды. Она добивалась отсрочки реформы, уменьшения наделов и такой высокой выкупной платы за землю, которая делала бы экономическую независимость призраком. И в этом крепостники вполне успели. Александр II отстранил Николая Милютина (брата военного министра), являвшегося душой дела.

— Мне крайне жаль расстаться с вами, — сказал он, — но я должен: дворянство называет вас «красным».

Комитеты первого созыва, выработавшие проект освобождения крестьян, были распущены. Новые комитеты пересматривали

теперь весь план в интересах крепостников. Печати опять зажали рот.

Дела принимали, таким образом, мрачный характер. Теперь уже возникал вопрос: состоится ли освобождение? Я лихорадочно следил за борьбой и по воскресеньям, когда товарищи возвращались в корпус, спрашивал их, что говорят их родители. Осенью 1860 года вести стали все хуже и хуже. «Партия Валуева одержала верх». «Они хотят пересмотреть заново все дело». «Родственники княжны Долгорукой (приятельницы царя) сильно влияют на государя». «Освобождение крестьян отложено: боятся революции».

В январе 1861 года стали, впрочем, доходить несколько более утешительные слухи. Все надеялись теперь, что 19 февраля, в день вступления Александра на престол, будет объявлен какой-то манифест об освобождении.

Наступил и этот день, но он не принес ничего. В этот день я был во дворце, где вместо большого был лишь малый выход. Пажей второго класса посылали на такие выходы, чтобы приучать к придворным порядкам, и девятнадцатого была моя очередь. Я сопровождал одну из великих княгинь при выходе из церкви, а так как ее муж не показывался, то она меня попросила найти его. Его вызвали из кабинета императора, и я в полушутливом тоне сказал великому князю о том, как беспокоится его жена. Я не подозревал даже, какой важный вопрос обсуждали в тот момент в кабинете. Кроме нескольких посвященных, никто во дворце не знал, что манифест подписан 19 февраля. Его держали в секрете две недели только потому, что через неделю, 26 февраля, начиналась масленица. Боялись, что в деревнях пьянство в эти дни вызовет бунты. Даже масленичные балаганы перевели в этом году с Дворцовой площади на Марсово поле, подальше от дворца, из опасения народного восстания. Войскам были даны самые строгие инструкции, каким образом усмирять беспорядки.

Через две недели, утром 5 марта, в последний день масленицы, я был в корпусе, так как в полдень должен был идти на развод в Михайловский манеж. Я лежал еще в постели, когда мой денщик Иванов вбежал с чайным подносом в руках и воскликнул:

— Князь, воля! Манифест вывешен в гостином дворе (напротив корпуса).

— Ты сам видел манифест?

— Да. Народ стоит кругом. Один читает, а все слушают. Воля! Через две минуты я уже оделся и был на улице.

— Кропоткин, воля! — крикнул входивший в корпус товарищ. — Вот манифест. Мой дядя узнал вчера, что его будут читать за ранней обедней в Исаакиевском соборе. Народа было немного, одни мужики. После обедни прочитали и раздали манифест. Когда я выходил из собора, много мужиков стояло на паперти. Двое из них, в дверях, так смешно мне сказали: «Что, барин? Теперь фиють!»

Товарищ мимикой передал, как мужики указали ему дорогу. Годы томительного ожидания сказались в этом жесте выпроваживания барина. Я читал и перечитывал манифест. Он был составлен престарелым московским митрополитом Филаретом напыщенным языком. Церковнославянские обороты только затемняли смысл.

Но то была воля, без всякого сомнения, хотя и не немедленная. Крестьяне оставались крепостными еще два года, до 19 февраля 1863 года; тем не менее ясно было одно: крепостное право было уничтожено, и крестьяне получают надел. Им придется выкупать его, но пятно рабства смыто. Рабов больше нет. Реакции не удалось одержать верх.

Мы отправились на развод. Когда военная церемония кончилась, Александр II, который все еще продолжал сидеть на коне, громко крикнул: «Господа офицеры, ко мне!» Офицеры окружили царя, и он громко начал речь о великом событии дня.

— Господа офицеры... Представители дворянства в армии... — долетели до нас отрывки речи. — Положен конец вековой несправедливости... Я жду жертв от дворянства... Благородное дворянство сомкнется вокруг престола...

И так далее. Когда Александр кончил, ему ответили восторженными криками ура!

Раздел III

МАНИФЕСТ И ПОЛОЖЕНИЯ 19 ФЕВРАЛЯ 1861 г. О КРЕСТЬЯНАХ, ВЫШЕДШИХ ИЗ КРЕПОСТНОЙ ЗАВИСИМОСТИ

МАНИФЕСТ 19 ФЕВРАЛЯ 1861 ГОДА ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ПОМЕЩИЧЬИХ КРЕСТЬЯН ИЗ КРЕПОСТНОЙ ЗАВИСИМОСТИ

Божиею милостию
Мы, Александр Вторый,
император и самодержец
всероссийский,
царь польский, великий князь финляндский
и прочая, прочая, прочая.
Объявляем всем нашим верноподданным

Божиим Провидением и священным законом престолонаследия быв призваны на прародительский Всероссийский престол, в соответствие сему призванию Мы положили в сердце своем обнимать нашею царскою любовию и попечением всех наших верноподданных всякого звания и состояния, от благородно владеющих мечом на защиту Отечества до скромно работающего ремесленника орудием, от проходящего высшую службу государственную до проводящего на поле борозду сохою или плугом.

Вникая в положение званий и состояний в составе государства, Мы усмотрели, что государственное законодательство, деятельно благоустрояя высшие и средние сословия, определяя их обязанности, права и преимущества, не достигло равномерной деятельности в отношении к людям крепостным, так названным потому, что они, частию старыми законами, частию обычаем, потомственно укреплены под властию помещиков, на которых с тем вместе лежит обязанность устроять их благосостояние. Права помещиков были довольно обширны и не определены с точностию законом, место которого заступали предание, обычай и добрая воля помещика. В лучших случаях из сего происходили добрые патриархальные отношения искренней правдивой попечительности и благотворительности помещика и добродушного повиновения крестьян. Но при уменьшении простоты нравов, при умножении разнообразных отношений, при уменьшении непосредственных отеческих отношений помещиков к крестьянам, при впадении иногда помещичьих прав в руки людей, ищущих только собст-

венной выгоды, добрые отношения ослабевали, и открывался путь к произволу, отяготительному для крестьян и неблагоприятному для их благосостояния, чему в крестьянах отвечала неподвижность к улучшениям в собственном быте.

Усматривали сие и приснопамятные предшественники наши и принимали меры к изменению на лучшее положение крестьян; но это были меры, частию нерешительные, предложенные добровольному, свободолюбивому действованию помещиков, частию решительные только для некоторых местностей, по требованию особенных обстоятельств или в виде опыта. Так, имп*ратор Александр I издал постановление о свободных хлебопашцах[1], и в бозе почивший родитель наш Николай I постановление об обязанных крестьянах[2]. В губерниях западных инвентарными правилами определены наделение крестьян землею и их повинности. Но постановления о свободных хлебопашцах и обязанных крестьянах приведены в действие в весьма малых размерах.

Таким образом, мы убедились, что дело изменения положения крепостных людей на лучшее есть для нас завещание предшественников наших и жребий, чрез течение событий поданный нам рукою Провидения.

Мы начали сие актом нашего доверия к российскому дворянству, к изведанной великими опытами преданности его престолу и готовности его к пожертвованиям на пользу Отечества. Самому дворянству предоставили мы, по собственному вызову его, составить предположения о новом устройстве быта крестьян, причем дворянам предлежало ограничить свои права на крестьян и подъять трудности преобразования, не без уменьшения их выгод. И доверие наше оправдалось. В губернских комитетах, в лице членов их, облеченных доверием всего дворянского общества каждой губернии, дворянство добровольно отказалось от права на личность крепостных людей. В сих комитетах, по собрании потребных сведений, составлены предположения о новом устройстве быта находящихся в крепостном состоянии людей и о их отношениях к помещикам.

Сии предположения, оказавшиеся, как и можно было ожидать по свойству дела, разнообразными, сличены, соглашены, сведены в правительственный состав, составлены и дополнены в Главном по сему делу комитете; и составленные таким образом новые положения о помещичьих крестьянах и дворовых людях рассмотрены в Государственном совете.

Призвав Бога в помощь, Мы решились дать сему делу исполнительное движение.

В силу означенных новых положений крепостные люди получат в свое время полные права свободных сельских обывателей.

Помещики, сохраняя право собственности на все принадлежащие им земли, предоставляют крестьянам за установленные повинности в постоянное пользование усадебную их оседлость и, сверх того, для обеспечения их быта и исполнения обязанностей их

пред правительством определенное в положениях количество полевой земли и других угодий.

Пользуясь сим поземельным наделом, крестьяне за сие обязаны исполнять в пользу помещиков определенные в положениях повинности. В сем состоянии, которое есть переходное, крестьяне именуются временнообязанными.

Вместе с тем им дается право выкупать усадебную их оседлость, а с согласия помещиков они могут приобретать в собственность полевые земли и другие угодья, отведенные им в постоянное пользование. С таковым приобретением в собственность определенного количества земли крестьяне освободятся от обязанностей к помещикам по выкупленной земле и вступят в решительное состояние свободных крестьян-собственников.

Особым положением о дворовых людях определяется для них переходное состояние, приспособленное к их занятиям и потребностям; по истечении двухлетнего срока от дня издания сего положения они получат полное освобождение и срочные льготы.

На сих главных началах составленными положениями определяется будущее устройство крестьян и дворовых людей, устанавливается порядок общественного крестьянского управления и указываются подробно даруемые крестьянам и дворовым людям права и возлагаемые на них обязанности в отношении к правительству и к помещикам.

Хотя же сии положения, общие, местные и особые дополнительные правила для некоторых особых местностей, для имений мелкопоместных владельцев и для крестьян, работающих на помещичьих фабриках и заводах, по возможности приспособлены к местным хозяйственным потребностям и обычаям, впрочем, дабы сохранить обычный порядок там, где он представляет обоюдные выгоды, Мы предоставляем помещикам делать с крестьянами добровольные соглашения и заключать условия о размере поземельного надела крестьян и о следующих за оный повинностях с соблюдением правил, постановленных для ограждения ненарушимости таковых договоров.

Как новое устройство, по неизбежной многосложности требуемых оным перемен, не может быть произведено вдруг, а потребуется для сего время примерно не менее двух лет, то в течение сего времени, в отвращение замешательства и для соблюдения общественной и частной пользы, существующий доныне в помещичьих имениях порядок должен быть сохранен дотоле, когда по совершении надлежащих приготовлений открыт будет новый порядок.

Для правильного достижения сего Мы признали за благо повелеть: 1) Открыть в каждой губернии Губернское по крестьянским делам присутствие, которому вверяется высшее заведование делами крестьянских обществ, водворенных на помещичьих землях.

2) Для рассмотрения на местах недоразумений и споров,

могущих возникнуть при исполнении новых положений, назначить в уездах мировых посредников и образовать из них Уездные мировые съезды.

3) Затем образовать в помещичьих имениях мирские управления, для чего, оставляя сельские общества в нынешнем их составе, открыть в значительных селениях волостные управления, а мелкие сельские общества соединить под одно волостное управление.

4) Составить, поверить и утвердить по каждому сельскому обществу или имению уставную грамоту, в которой будет исчислено на основании местного положения количество земли, предоставляемой крестьянам в постоянное пользование, и размер повинностей, причитающихся с них в пользу помещика как за землю, так и за другие от него выгоды.

5) Сии уставные грамоты приводить в исполнение по мере утверждения их для каждого имения, а окончательно по всем имениям ввести в действие в течение двух лет со дня издания настоящего Манифеста.

6) До истечения сего срока крестьянам и дворовым людям пребывать в прежнем повиновении помещикам и беспрекословно исполнять прежние их обязанности.

7) Помещикам сохранить наблюдение за порядком в их имениях, с правом суда и расправы, впредь до образования волостей и открытия волостных судов [3].

Обращая внимание на неизбежные трудности предприемлемого преобразования, Мы первее всего возлагаем упование на всеблагое Провидение Божие, покровительствующее России.

Засим полагаемся на доблестную о благе общем ревность благородного дворянского сословия, которому не можем не изъявить от Нас и от всего Отечества заслуженной признательности за бескорыстное действование к осуществлению Наших предначертаний. Россия не забудет, что оно добровольно, побуждаясь только уважением к достоинству человека и христианскою любовию к ближним, отказалось от упраздняемого ныне крепостного права и положило основание новой хозяйственной будущности крестьян. Ожидаем несомненно, что оно также благородно употребит дальнейшее тщание к приведению в исполнение новых положений в добром порядке, в духе мира и доброжелательства; и что каждый владелец довершит в пределах своего имения великий гражданский подвиг всего сословия, устроив быт водворенных на его земле крестьян и его дворовых людей на выгодных для обеих сторон условиях, и тем даст сельскому населению добрый пример и поощрение к точному и добросовестному исполнению государственных постановлений.

Имеющиеся в виду примеры щедрой попечительности владельцев о благе крестьян и признательности крестьян к благодетельной попечительности владельцев утверждают Нашу надежду, что взаимными добровольными соглашениями разрешится большая часть затруднений, неизбежных в некоторых случаях применения

общих правил к разнообразным обстоятельствам отдельных имений, и что сим способом облегчится переход от старого порядка к новому и на будущее время упрочится взаимное доверие, доброе согласие и единодушное стремление к общей пользе.

Для удобнейшего же приведения в действие тех соглашений между владельцами и крестьянами, по которым сии будут приобретать в собственность вместе с усадьбами и полевые угодья, от правительства будут оказаны пособия на основании особых правил выдачею ссуд и переводом лежащих на имениях долгов.

Полагаемся и на здравый смысл нашего народа.

Когда мысль правительства о упразднении крепостного права распространилась между не приготовленными к ней крестьянами, возникали было частные недоразумения. Некоторые думали о свободе и забывали об обязанностях. Но общий здравый смысл не поколебался в том убеждении, что и по естественному рассуждению свободно пользующийся благами общества взаимно должен служить благу общества исполнением некоторых обязанностей, и по закону христианскому всякая душа должна повиноваться властям предержащим (Рим. XIII. 1), воздавать всем должное и в особенности кому должно, урок, дань, страх, честь (7); что законно приобретенные помещиками права не могут быть взяты от них без приличного вознаграждения или добровольной уступки; что было бы противно всякой справедливости пользоваться от помещиков землею и не нести за сие соответственной повинности.

И теперь с надеждою ожидаем, что крепостные люди при открывающейся для них новой будущности поймут и с благодарностию примут важное пожертвование, сделанное благородным дворянством для улучшения их быта.

Они вразумятся, что, получая для себя более твердое основание собственности и большую свободу располагать своим хозяйством, они становятся обязанными пред обществом и пред самими собою благотворность нового закона дополнить верным, благонамеренным и прилежным употреблением в дело дарованных им прав. Самый благотворный закон не может людей сделать благополучными, если они не потрудятся сами устроить свое благополучие под покровительством закона. Довольство приобретается и увеличивается не иначе как неослабным трудом, благоразумным употреблением сил и средств, строгою бережливостию и вообще честною в страхе Божием жизнию.

Исполнители приготовительных действий к новому устройству крестьянского быта и самого введения в сие устройство употребят бдительное попечение, чтобы сие совершалось правильным, спокойным движением, с наблюдением удобности времен, дабы внимание земледельцев не было отвлечено от их необходимых земледельческих занятий. Пусть они тщательно возделывают

землю и собирают плоды ее, чтобы потом из хорошо наполненной житницы взять семена для посева на земле постоянного пользования или на земле, приобретенной в собственность.

Осени себя крестным знамением, православный народ, и призови с Нами Божие благословение на твой свободный труд — залог твоего домашнего благополучия и блага общественного.

Дан в Санкт-Петербурге, в девятнадцатый день февраля, в лето от Рождества Христова тысяча восемьсот шестьдесят первое, царствования же Нашего в седьмое.

ОБЩЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ О КРЕСТЬЯНАХ, ВЫШЕДШИХ ИЗ КРЕПОСТНОЙ ЗАВИСИМОСТИ

Введение

1. Крепостное право на крестьян, водворенных в помещичьих имениях, и на дворовых людей отменяется навсегда в порядке, указанном в настоящем Положении и в других, вместе с оным изданных Положениях и Правилах.

2. На основании сего Положения и общих законов крестьянам и дворовым людям, вышедшим из крепостной зависимости, предоставляются права состояния свободных сельских обывателей, как личные, так и по имуществу.

3. Помещики, сохраняя право собственности на все принадлежащие им земли, предоставляют, за установленные повинности, в постоянное пользование крестьян усадебную их оседлость, и сверх того, для обеспечения их быта и для выполнения их обязанностей пред Правительством и помещиком, то количество полевой земли и других угодий, которое определяется на основаниях, указанных в Местных Положениях.

4. Крестьяне за отведенный на основании предыдущей статьи надел обязаны отбывать в пользу помещиков определенные в Местных Положениях повинности: работою или деньгами. ⟨...⟩

15. Крестьяне, вышедшие из крепостной зависимости, но состоящие в обязательных поземельных отношениях к помещикам, именуются временнообязанными.

16. Крестьяне, вышедшие из крепостной зависимости и приобретшие в собственность поземельные угодья на основаниях, в Положениях изложенных, именуются крестьянами-собственниками.

17. Вышедшие из крепостной зависимости крестьяне составляют по делам хозяйственным сельские общества, а для ближайшего управления и суда соединяются в волости.

18. Помещику, впредь до прекращения обязательных к нему отношений крестьян, на его земле водворенных, предоставляется

вотчинная полиция и попечительство над обществом сих крестьян. ⟨...⟩

19. Крестьяне и общественные их учреждения подчиняются общим губернским и уездным управлениям. ⟨...⟩

Раздел первый

О правах крестьян, вышедших из крепостной зависимости

Глава первая

О правах личных и по состоянию

21. На крестьян, вышедших из крепостной зависимости, распространяются общие постановления законов гражданских о правах и обязанностях семейственных. На сем основании для вступления крестьян в брак или распоряжения в их семейственных делах не требуется дозволения помещиков. ⟨...⟩

Примечание. Попечение о личности и об имуществе малолетних сирот возлагается на обязанность сельских обществ. В назначении опекунов и попечителей, в поверке их действий и во всех сего рода делах крестьяне руководствуются местными своими обычаями. ⟨...⟩

22. Крестьяне как отдельно, так и целыми обществами могут входить, на основании общих постановлений, во всякие законом дозволенные договоры, обязательства и подряды:

1) с частными лицами, по взаимному с ними согласию, без ограничения суммы [1] с той и другой стороны;

2) с казною: без уплаты гильдейских пошлин только по предметам крестьянской промышленности и по содержанию оброчных статей и почтовых лошадей, а со взятием установленного на торговлю свидетельства или со внесением соответствующей суммы — по всякому роду дел, на общем для свободных сельских обывателей основании. ⟨...⟩

23. Крестьянам, вышедшим из крепостной зависимости, предоставляется право наравне с другими свободными сельскими обывателями и с соблюдением установленных в общих законах и в сем Положении правил:

1) производить свободную торговлю, предоставленную крестьянам, без взятия торговых свидетельств и без платежа пошлин;

2) открывать и содержать, на законном основании, фабрики и разные промышленные, торговые и ремесленные заведения;

3) записываться в цехи, производить ремесла в своих селениях, так и в городах;

4) вступать в гильдии, торговые разряды и соответствующие оным подряды; ⟨...⟩

24. Крестьянам предоставляются следующие права по искам, жалобам, ходатайству и суду:

1) по делам гражданским: отыскивать свои права, вчинять иски и тяжбы и ответствовать за себя лично или чрез поверенных, а равно быть поверенными как крестьян своего общества, так и лиц посторонних;

2) по делам уголовным и полицейским: подавать жалобы и охранять свои права всеми дозволенными законом способами лично или чрез поверенных в тех случаях, когда участие поверенного допускается в делах уголовных, и

3) быть свидетелями и поручителями на общем основании ⟨...⟩

25. Крестьяне не могут быть подвергаемы никакому наказанию иначе как по судебному приговору или по законному распоряжению поставленных над ними правительственных и общественных властей. ⟨...⟩

Главая вторая

О правах по имуществу

31. ⟨...⟩ Все движимое имущество крестьян, как-то: домашний и рабочий скот, земледельческие орудия и пр., на основании существующих постановлений принадлежат вполне крестьянам; мирские денежные капиталы и мирские же хлебные запасы составляют собственность крестьянского общества.

32. Земли, дома и вообще недвижимые имущества, приобретенные крестьянами в прежнее время на имя их помещиков, укрепляются за крестьянами или их наследниками окончательно, по утверждении за ними сих имуществ самими помещиками или решением мирового учреждения, на основании особых правил, при сем приложенных.

33. Каждый крестьянин может приобретать в собственность движимые и недвижимые имущества, а также отчуждать оные, отдавать их в залог и вообще распоряжаться ими, с соблюдением общих узаконений, установленных на сей предмет для свободных сельских обывателей.

34. Сельское общество может также, на основании общих законов, приобретать в собственность движимые и недвижимые имущества. Землями, приобретенными в собственность независимо от своего надела, общество может распоряжаться по своему усмотрению, разделять их между домохозяевами и предоставлять каждому участок в частную собственность или оставлять сии земли в общем владении всех домохозяев.

35. Право на участие в общем владении собственностью, приобретенною обществом, каждый крестьянин отдельно может уступить постороннему лицу не иначе как с согласия мира.

36. Каждый член сельского общества может требовать, чтобы из состава земли, приобретенной в общественную собственность, был ему выделен в частную собственность участок, соразмерный с долею его участия в приобретении сей земли. Если такой надел

окажется неудобным или невозможным, то обществу предоставляется удовлетворить крестьянина, желающего выделиться, деньгами по взаимному соглашению или оценке. ⟨...⟩

37. Приобретенными в собственность на основании 11-й и 12-й статей сего Положения землями крестьянского надела и выкупленными усадьбами крестьяне пользуются и распоряжаются как своим достоянием на правилах, изложенных в предыдущих статьях (33, 34, 35 и 36), с соблюдением тех условий, на основании коих усадьбы и земли приобретены, и во всяком случае с тем ограничением, что в продолжение первых девяти лет со времени утверждения сего Положения означенные земли не могут быть отчуждаемы или закладываемы посторонним лицам, не принадлежащим к обществу; но переуступка и отдача в залог таких земель членам того же сельского общества не воспрещается. ⟨...⟩

38. В порядке наследования имуществом крестьянам дозволяется руководствоваться местными своими обычаями.

39. Имущество, оставшееся после крестьян, умерших без наследников (выморочное), поступает в пользу того сельского общества, в пределах коего имущество находится.

Раздел второй

Об устройстве сельских обществ и волостей и общественного их управления

Глава первая

Об образовании сельских обществ и волостей

40. Сельское общество составляется из крестьян, водворенных на земле одного помещика: оно может состоять либо из целого селения (села или деревни), либо из одной части разнопоместного селения[2], либо из нескольких мелких, по возможности смежных и во всяком случае ближайших между собою поселков (как-то: выселков, починков, хуторов, застенков, односелий[3] или отдельных дворов и т.п.), пользующихся всеми угодьями или некоторыми из них сообща или же имеющих другие хозяйственные выгоды. ⟨...⟩

42. Волости образуются из состоящих в одном уезде и по возможности смежных сельских обществ. При соединении в волости сельские общества не раздробляются.

43. Для волости полагается наименьшее число жителей около трех сот ревизских душ мужского пола душ, а наибольшее — около двух тысяч. Наибольшее расстояние отдаленнейших селений волости от средоточия управления оной полагается около двенадцати верст. ⟨...⟩

Глава вторая

О сельском общественном управлении

46. Сельское общественное управление составляют:

1) сельский сход и

2) сельский староста.

Сверх того, общества, кои найдут то необходимым, могут иметь: особы сборщиков податей, смотрителей хлебных магазинов, училищ и больниц, лесных и полевых сторожей, сельских писарей и т.п.

Отделение первое

О сельских сходах

47. Сельский сход составляется из крестьян-домохозяев, принадлежащих к составу сельского общества, и, кроме того, из всех назначенных по выбору сельских должностных лиц. Не воспрещается домохозяину, в случае отлучки, болезни и вообще невозможности лично явиться на сход, присылать вместо себя кого-либо из членов своего семейства; с дворов же многотягольных дозволяется присылать на сход двух и более крестьян, если сие согласно с местным обычаем.<...>

48. Первое место на сельском сходе и охранение на нем должного порядка принадлежит старосте. Из сего общего правила исключаются только те случаи, когда сходы собираются: 1) для учета должностных лиц и 2) для рассмотрения принесенных на сии лица жалоб. В сих случаях первое место на сельских сходах предоставляется волостному старшине.

49. Сельский сход созывается, смотря по надобности, старостою, преимущественно в дни воскресные и праздничные.

50. Мировой посредник, когда представится надобность, приказывает старосте или другому должностому лицу собрать сельский сход. Право это предоставляется и помещику, если он признает нужным собрать сход.

51. Ведению сельского схода подлежат:

1) выборы сельских должностных лиц и назначение выборных на волостной сход;

2) приговоры сб удалении из общества вредных и порочных членов его; временное устранение крестьян от участия в сходах не долее как на три года;

3) увольнение из общества членов его и прием новых;

4) назначение опекунов и попечителей; поверка их действий;

5) разрешение семейных разделов;

6) дела, относящиеся до общинного пользования мирскою землею, как-то: передел земель, накладка и скидка тягол, окончательный раздел общинных земель на постоянные участки и т.п.;

7) при участковом или подворном (наследственном) пользова-

нии землею распоряжение участками мирской земли, по какому-либо случаю остающимися праздными или не состоящими в подворном пользовании;

8) совещания и ходатайства об общественных нуждах, благоустройстве, призрении и обучении грамоте;

9) принесение, куда следует, жалоб и просьб по делам общества через особых выборных;

10) назначение сборов на мирские расходы;

11) раскладка всех лежащих на крестьянах казенных податей, земских и мирских денежных сборов, равно как земских и мирских натуральных повинностей[4], и порядок ведения счетов по означенным податям и сборам;

12) учет должностных лиц, сельским обществом избранных, и назначение им жалованья или иного за службу вознаграждения;

13) дела по отбыванию рекрутской повинности в той степени, в какой они касаются сельского общества;

14) раскладка оброка и издельной повинности по тяглам, по душам или иным принятым способом там, где повинности в пользу помещика отбываются за круговою порукою целого общества;

15) принятие мер к предупреждению и взысканию недоимок;

16) назначение ссуд из запасных сельских магазинов и всякого рода вспомоществований;

17) дача доверенностей на хождение по делам общественным.<...>

Отделение второе

Об обязанностях старосты и других сельских должностных лиц

58. По делам общественным сельский староста исполняет в пределах ведомства сельского общественного управления следующие обязанности:

1) созывает и распускает сельский сход и охраняет должный на оном порядок;

2) предлагает на рассмотрение схода все дела, касающиеся нужд и польз сельского общества;

3) приводит в исполнение приговоры сельского схода, распоряжения волостного управления и мировых учреждений;

4) наблюдает за целостию меж и межевых знаков на землях, в пользовании крестьян находящихся или принадлежащих им в собственность;

5) наблюдает за исправным содержанием дорог, мостов, гатей, перевозов и пр. на землях, отведенных сельскому обществу в надел или приобретенных крестьянами в собственность;

6) наблюдает за исправным отбыванием крестьянами податей и всякого рода повинностей, как казенных, земских и мирских, так и оброка или издельной повинности в пользу помещика и собирает сии подати в тех обществах, где не будет особых сборщиков;

7) понуждает к исполнению условий и договоров крестьян

между собою, а равно заключенных с помещиками и посторонними лицами, когда такие договоры не оспориваются самими крестьянами;

8) надзирает за порядком в училищах, больницах, богадельнях и других общественных заведениях, если они учреждены сельским обществом на свой собственный счет;

9) наблюдает за своевременным составлением ревизских сказок и подает оные куда следует;

10) по просьбам крестьян о выдаче им установленных билетов и паспортов на отлучки или увольнения вовсе из общества дает волостному старшине надлежащее удостоверение в том, что к увольнению означенных крестьян препятствия нет;

11) заведовает в порядке, установленном обществом, мирским хозяйством и мирскими суммами; надзирает за целостию запасного общественного хлеба и за правильным распоряжением оным, и

12) охраняет от растраты те имущества неисправных плательщиков, коими обеспечивается взыскание недоимки.

59. Пока крестьяне состоят в обязательных отношениях к помещику, на земле коего они водворены, сельский староста должен: отправляющих издельную повинность наряжать на работу, а с оброчных взыскивать оброк сообразно с требованием помещика, основанным на правилах Местных Положений, и вообще немедленно исполнять законные требования помещика под своею личною ответственностию, согласно с изданными о крестьянах Положениями.

60. Сельский староста исполняет все приказания волостного старшины по делам полицейского ведомства, в ст. 83-й упомянутым. Сверх того, не ожидая приказаний, староста обязан в пределах своего общества:

1) принимать необходимые меры для охранения благочиния, порядка и безопасности лиц и имуществ от преступных действий, а равно предупреждать, чтобы не было потрав хлеба, побоя травы, лесных пожаров и порубок в лесах;

2) задерживать бродяг, беглых и военных дезертиров и представлять их земской полиции для дальнейшего распоряжения;

3) распоряжаться подачею помощи в чрезвычайных случаях, как, например: при пожарах, наводнениях, повальных болезнях, падеже скота и других общественных бедствиях, немедленно извещая волостного старшину, а в случае надобности — донося прямо и полиции о важнейших происшествиях в сельском обществе;

4) в случае совершения преступления делать предварительное дознание; задерживать виновных и охранять следы преступления до прибытия полиции или судебного следователя;

61. По предметам, в предшедшей статье указанным, сельский староста обязан безотлагательно исполнять все законные требования помещика.<...>

62. Ведомству сельского старосты подлежат все проживающие на землях, отведенных сельскому обществу в надел или приобретенных крестьянами в собственность, лица податного состояния, а также отставные и бессрочноотпускные нижние военные чины и их семейства.<...>

63. Сельский староста обязан исполнять беспрекословно все законные требования мирового посредника, судебного следователя, земской полиции и всех установленных властей по предметам их ведомства.

64. Сельскому старосте предоставляется право за маловажные проступки, совершенные лицами, ему подведомственными, подвергать виновных: назначению на общественные работы до двух дней или денежному в пользу мирских сумм взысканию до одного рубля, или аресту не долее двух дней. Кто считает себя неправильно подвергнутым взысканию, тот может принести жалобу в семидневный срок мировому посреднику.<...>

Глава третья

О волостном управлении

69. Волостное управление составляют:
1) волостной сход;
2) волостной старшина с волостным правлением;
3) волостной суд<...>.

Отделение первое

О волостных сходах

71. Волостной сход составляется из сельских и волостных должностных лиц, замещаемых по выбору и исчисленных в ст. 112-й, из крестьян, избираемых от каждого селения или поселка, к волости принадлежащего, по одному от каждых десяти дворов, как пользующихся землею за повинности, так и приобретших участки в собственность.<...>

78. Ведению волостного схода подлежат:

1) выборы волостных должностных лиц и судей волостного суда;

2) постановление о всех вообще предметах, относящихся до хозяйственных и общественных дел целой волости;

3) меры общественного призрения; учреждения волостных училищ; распоряжения по волостным запасным магазинам, где они есть;

4) принесение, куда следует, жалоб и просьб по делам волости чрез особы выборных;

5) назначение и раскладка мирских сборов и повинностей, относящихся до целой волости;

6) поверка действий и учет должностных лиц, волостью избираемых;

7) поверка рекрутских списков и раскладка рекрутской повинности;

8) дача доверенностей на хождение по делам волости<...>.

79. Решения волостного схода признаются действительными, когда на сходе были: волостной старшина или заступающий его место и не менее двух третей крестьян, имеющих голос на сходе.<...>

Отделение второе

О волостном старшине

81. Волостной старшина ответствует за сохранение общего порядка, спокойствия и благочиния в волости. В этом отношении ему вполне подчиняются сельские старосты.<...>

83. По делам полицейским волостной старшина в пределах ведомства волостного управления обязан:

1) объявлять, по предписаниям земской полиции, законы и распоряжения правительства и наблюдать за нераспространением между крестьянами подложных указов и вредных для общественного спокойствия слухов;

2) охранять благочиние в общественных местах и безопасность лиц и имуществ от преступных действий, а также принимать первоначальные меры для восстановления нарушенной тишины, порядка и безопасности, впредь до распоряжения земской полиции;

3) задерживать бродяг, беглых и военных дезертиров и представлять их полицейскому начальству;

4) доносить земской полиции о самовольно отлучившихся из волости и о преступлениях и беспорядках, случившихся в волости;

5) наблюдать за точным исполнением установленных настоящим Положением правил о приписке, увольнении и перечислении крестьян из одного общества в другое и доносить о сем земской полиции для уведомления уездного казначейства и казенной палаты;

6) распоряжаться в чрезвычайных случаях, как, например: при пожарах, наводнениях, повальных болезнях, падеже скота и других общественных бедствиях, и немедленно доносить полицейскому начальству о чрезвычайных происшествиях в волости;

7) предупреждать и пресекать преступления и проступки, принимать полицейские меры для открытия и задерживания виновных и представлять их на дальнейшее распоряжение подлежащего начальства, и

8) наблюдать за исполнением приговоров мировых учреждений и волостного суда.<...>

85. Волостной старшина обязан исполнять беспрекословно все законные требования мирового посредника, судебного следователя, земской полиции и всех установленных властей по предметам их ведомства.<...>

86. За маловажные полицейские проступки, совершенные лицами, подведомственными волостному старшине, он может подвергать виновных взысканиям в тех размерах, как сие предоставлено сельскому старосте.

Отделение третье

О волостном правлении

87. Волостное правление составляется из старшины, всех сельских старост или помощников старшины и из сборщиков податей там, где есть особые сборщики.<...>

89. Решению правления, единогласному или по большинству голосов наличных членов, подлежат только следующие дела: 1) производство из волостных сумм всякого рода денежных расходов, утвержденных уже волостным сходом; 2) продажа частного крестьянского имущества по взысканиям казны, помещика или частного лица, кроме тех случаев, которые по закону возлагаются на общую полицию, и 3) определение и увольнение волостных должностных лиц, служащих по найму. Старшина по всем другим делам его ведомства только советуется с правлением, но распоряжается по своему усмотрению под личною своею ответственностию.<...>

Отделение четвертое

О волостном суде

I. Состав суда и время собраний

93. Для составления волостного суда избирается ежегодно волостным сходом (или сельским, если волость состоит из одного сельского общества) от *четырех* до *двенадцати* очередных судей. Определение числа сих выборных и установление между ними очереди предоставляется сходу на следующих основаниях:

1) присутствие суда должно состоять не менее как из трех судей;

2) судьи могут быть избраны или для бессменного, в течение целого года, исправления своей должности, или для отправления оной по очереди, заранее определенной сходом;

3) в последнем случае из избранных в числе 4-х до 12-ти судей должны выбывать в назначенные сроки (как, например: через два, четыре или шесть месяцев) не более половины, и затем выбывшие замещаются другими избранными судьями по очереди.<...>

II. Предметы ведомства и пределы власти волостного суда

95. Волостной суд ведет на основании следующих статей как

споры и тяжбы между крестьянами, так и дела по маловажным проступкам.

96. Волостной суд решит окончательно: все споры и тяжбы собственно между крестьянами ценою до ста рублей включительно, как о движимом и недвижимом имуществах в пределах крестьянского надела, так и по займам, покупкам, продажам и всякого рода сделкам и обязательствам, а равно и дела по вознаграждению за убытки и ущерб, крестьянскому имуществу причиненные.<...>

102. Волостной суд властен <...> приговаривать виновных: к общественным работам — до шести дней, или денежному взысканию — до трех рублей, или к аресту — до семи дней, или, наконец, лиц, от телесного наказания не изъятых,— к наказанию розгами до двадцати ударов[5].<...>

104. Волостной старшина и староста не должны вмешиваться в производство волостного суда и не присутствуют при обсуждении дел.

105. Все дела в волостном суде производятся словесно.<...>

109. Приговоры волостного суда по проступкам, подлежащим его рассмотрению, считаются окончательными.

110. Приговоры волостного суда как по спорам и тяжбам, так и по проступкам приводятся в исполнение сельскими старостами или, когда волость состоит из одного сельского общества, помощником волостного старшины, под наблюдением старшины и за общею их ответственностию.<...>

Глава шестая

О вотчинной полиции и попечительстве помещиков в сельских обществах временнообязанных крестьян

148. Помещику предоставляется на основаниях и в пределах, ниже сего означенных, вотчинная полиция в сельском обществе временнообязанных крестьян, на земле его поселенных, и с сим вместе помещик есть попечитель того сельского общества.

149. Помещик имеет право надзора за охранением общественного порядка и общественной безопасности на пространстве принадлежащего ему имения.<...>

153. В случае злоупотреблений и вообще неисправного исполнения своей должности старостою или помощником старшины помещик имеет право требовать смены их.<...>

158. Помещику в продолжение первых девяти лет по утверждении сего Положения предоставляется право, если он признает присутствие какого-либо крестьянина в обществе вредным и опасным, предложить самому обществу об исключении того крестьянина и представлении его в распоряжение правительства.<...>

160. Помещик, буде усмотрит в мирском приговоре распоря-

жение, противное существующим постановлениям, или вредное для благосостояния сельского общества, или же нарушающее права помещичьи, то, приостанавливая исполнение такового приговора, доводит о сем до сведения мирового посредника, который обязан немедленно удовлетворить законные требования помещика.<...>

Раздел третий

О казенных, земских и мирских повинностях

Глава первая

О казенных и земских повинностях

164. Крестьяне, вышедшие из крепостной зависимости, обязаны нести следующие казенные и земские денежные повинности: 1) подушную подать, 2) сбор на обеспечение продовольствия[6], 3) земские сборы, как государственные, так и общие губернские и частные, и 4) сбор на заготовление окладных листов[7] по податям и сборам.<...>

Глава вторая

О мирских повинностях

177. К мирским повинностям относятся те повинности, которые отправляются каждым обществом, сельским или волостным, особо, для удовлетворения внутренних его потребностей.

178. Крестьянские общества могут, смотря по надобности и по своим средствам, установлять мирские сборы на устройство и поддержание церквей, заведение сельских училищ, содержание учителей и на удовлетворение других общественных и хозяйственных потребностей крестьян.

179. На крестьянские общества возлагается обязательное отправление следующих мирских повинностей:

1) содержание общественного управления;

2) расходы по оспоприviванию и принятие мер, предписываемых Уставом врачебным в случае появления заразительных болезней и скотских падежей;

3) устройство и содержание сельских запасных магазинов;

4) содержание в исправности проселочных дорог, меж и межевых знаков, проточных вод и канав на землях, принадлежащих в собственность мирским обществам или состоящих в их постоянном пользовании;

5) содержание караулов в деревнях;

6) призрение престарелых, дряхлых и увечных членов общества, не могущих трудом приобретать пропитание, у которых нет

родственников или же у которых родственники не в состоянии содержать их; призрение круглых сирот и

7) принятие мер в случае пожаров (в том числе и лесных), наводнений, а также для истребления саранчи, хищных зверей, сусликов или овражков[8] и при других тому подобных бедствиях.

ПОЛОЖЕНИЕ ОБ УСТРОЙСТВЕ ДВОРОВЫХ ЛЮДЕЙ, ВЫШЕДШИХ ИЗ КРЕПОСТНОЙ ЗАВИСИМОСТИ

I. О правах дворовых людей, вышедших из крепостной зависимости

<...> 3. С обнародованием Положений о крестьянах дворовые люди приобретают все права личные, семейственные и по имуществу, предоставляемые крестьянам, вышедшим из крепостной зависимости.<...>

4. На сем основании дворовые люди обоего пола могут вступать в брак, не испрашивая разрешения владельца; но владелец не обязан давать помещение и содержание жене и детям дворового, вступившего без его согласия в брак[1].

5. Движимые имущества, приобретенные дворовыми людьми до обнародования сего Положения, остаются их собственностью. На недвижимые имущества, приобретенные дворовыми в прежнее время на имя их владельцев, распространяются постановления ст. 32-й Общего о крестьянах Положения.<...>

6. Право на участие в пользовании полевым наделом на одинаковом с крестьянами основании предоставляется только тем из дворовых людей, которые до обнародования указа 2-го марта 1858 года[2] сами лично пользовались полевым наделом или по поступлении к помещику в услужение либо в хозяйственную должность, не преставали пользоваться наделом, или же несли издельную повинность при обработке пахотных полей.<...>

II. Об обязательных отношениях дворовых людей к владельцам

9. Со дня утверждения сего Положения дворовые люди обязаны в течение двух лет платить своим владельцам оброк или служить им на основании правил, в следующих статьях постановленных, оставаясь в полном на основании законов повиновении владельцев.

10. Дворовые люди, при обнародовании Положений состоящие на оброке и проживающие на стороне, по паспортам, не могут быть требуемы владельцем на обязательную работу или службу, и платимый ими владельцам оброк не может быть увеличен свыше того, который платился ими до утверждения сего Положения. Вообще оброк, взимаемый владельцем, ни в коем случае не должен превышать тридцати руб. в год с взрослого дворового мужчины и десяти руб. с дворовой женщины.

11. Дворовые люди, состоящие на оброке и проживающие на стороне, по паспортам, не могут ни отказываться от платежа

оброка, ни требовать от владельца помещения или средств содержания. За неисправный платеж оброка дворовые люди могут быть по требованию помещика обращены в заработки.

III. О прекращении обязательных отношений дворовых людей к владельцам

<...>25. По истечении двухлетнего срока со дня утверждения Положения дворовые люди увольняются навсегда от всяких обязанностей к их владельцам. С этого времени все отношения между ними могут быть определяемы не иначе как добровольными условиями.<...>

IV. О приписке дворовых людей к городским и сельским обществам

29. Дворовые люди, уволенные от обязательных отношений к владельцам, как в продолжение, так и по истечении двухлетнего срока, могут приписываться к городским и сельским обществам всех ведомств на основании существующих для сего правил.<...>

ПОЛОЖЕНИЕ О ГУБЕРНСКИХ И УЕЗДНЫХ ПО КРЕСТЬЯНСКИМ ДЕЛАМ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Введение

1. Для разбора недоразумений, споров и жалоб, могущих возникать из обязательных отношений между помещиками и временнообязанными крестьянами, и для заведования особыми, указанными в настоящем Положении делами крестьян, вышедших из крепостной зависимости, учреждаются: мировые посредники, уездные мировые съезды и губернские по крестьянским делам присутствия. Настоящее Положение определяет состав, образование, предметы ведомства, пределы власти и порядок действий всех сих учреждений.<...>

Глава первая

О мировых посредниках

<...> 6. В должность мировых посредников избираются местные потомственные дворяне-помещики, которые кроме условий, поименованных в пунктах 1-м и 3-м ст. 34-й Уст. о служ. по выб.[1], соединяют в себе еще одно из следующих условий:

1) или владеют, хотя бы в разных губерниях, удобною землею как в непосредственном их распоряжении находящеюся, так и отданною в пользование крестьянам в количестве не менее пятисот десятин;

2) или, владея меньшим количеством земли, но никак не менее ста пятидесяти десятин, окончили курс в учебных заведениях с правом на чин XII класса или оному соответственный;

3) или, по существующим ныне законам, имеют право избирательного голоса в Губернском дворянском собрании[2].<...>

9. За недостатком потомственных дворян-помещиков, за которыми числится земля в определенном статьею 6-ю размере, избираются личные дворяне, владеющие землею в двойном количестве против размера, означенного в ст. 6-й.<... >

23. К делам, подлежащим ведомству мировых посредников, относятся: во-первых, споры, жалобы и недоразумения между помещиками и временнообязанными крестьянами или дворовыми людьми, возникающие из обязательных их отношений, а также жалобы крестьян и обществ на волостные сходы и сельские и волостные должностные лица; во-вторых, засвидетельствование разных актов, совершаемых помещиками с временнообязанными крестьянами и дворовыми; в-третьих, некоторые распорядительные действия по крестьянским делам, особо поименованные в Положениях о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости; и в-четвертых, некоторые особенные ниже перечисленные дела по судебно-полицейскому разбирательству.<...>

27. К распорядительным действиям мировых посредников в пределах власти, указанных изданными о крестьянах Положениями и Правилами, принадлежат:

I. По отношениям поземельным между помещиками и временнообязанными крестьянами

1) дела по составлению уставных грамот;

2) по применению к отдельным имениям размера наделов, установленного для другой ближайшей местности;

3) дела по возвышению и понижению повинностей против установленных размеров;

4) по распределению усадеб на разряды[3];

5) по отводу угодий, обязательному разверстанию оных, перенесению крестьянских усадеб и обмену земель;

6) по выкупу, на основании особого Положения, крестьянских земель и угодий;

7) по взысканию с крестьян недоимок по повинностям их в пользу помещика;

8) по предоставлению мирской земли во временное распоряжение помещика;

9) по приему и увольнению из общества крестьян в некоторых особенных случаях, Местными Положениями указанных;

10) по отпуску крестьянам топлива, если по сему предмету не состоится добровольных соглашений;

11) по увольнению дворовых людей, независимо от воли помещиков, в случаях, указанных в Положении о дворовых людях, и

12) дела по некоторым другим предметам, подробно исчисленным в Положениях и Правилах о крестьянах и дворовых людях, вышедших из крепостной зависимости.

II. По общественному крестьянскому управлению:

1) утверждение волостного старшины в сей должности и вообще дела по избранию должностных лиц сельского и волостного управлений;

2) по взысканию с должностных лиц сельского и волостного управлений, вследствие жалоб на них или вообще нарушения ими служебных обязанностей;

3) по удалению крестьян из общества мирскими приговорами и

4) дела по некоторым другим предметам, подробно поименованным в Положениях и Правилах о крестьянах. ⟨...⟩

30. По некоторым родам дел, особо поименованным в Положениях о крестьянах и о дворовых людях, мировой посредник:

1) виновных должностных лиц сельского и волостного управлений за маловажные проступки по должностям присуждает к замечаниям, выговорам, денежному штрафу до пяти рублей и аресту до семи дней;

2) сельского старосту и помощников волостного старшины, в случаях более важных нарушений по их должностям, присуждает к временному удалению или же окончательному отрешению от должности, и с утверждения начальника губернии, испрашиваемого установленным для того порядком,— окончательному от оной отрешению;

3) в обществах, неисправных к отправлению повинностей, сменяет, по ходатайству помещика, на основании Общего и Местных Положений о крестьянах, избранных крестьянами должностных лиц сельского управления и назначает новых по своему усмотрению и

4) присуждает виновных к некоторым другим взысканиям, поименованным в Положениях.

31. К делам судебно-полицейского разбирательства, возлагаемым на мировых посредников, принадлежит лишь разбор споров: по найму землевладельцами людей в разные работы, в услужение и хозяйственные должности (в том числе и управляющих); по отдаче внаем земель, по потравам полей, лугов и других угодий и по порубкам во владельческих лесах.

32. Из дел, поименованных в предыдущей 31-й статье, мировой посредник присуждает:

1) лиц всех сословий — либо к имущественному вознаграждению, сообразно причиненному ущербу, либо к денежному взысканию до пяти рублей;

2) лиц податного состояния — к общественным работам до шести дней или аресту до семи дней либо к наказанию розгами до двадцати ударов.

Глава вторая

Об уездных мировых съездах

97. Уездный мировой съезд составляется под председательством местного уездного предводителя дворянства из всех

мировых посредников в уезде и члена от правительства[4]. ⟨...⟩

105. К предметам ведомства уездных мировых съездов относятся: во-первых, споры, недоразумения и жалобы, возникающие из обязательных поземельных отношений между помещиками и крестьянами, а также жалобы крестьян и обществ на волостные сходы и на волостных должностных лиц, и, во-вторых, некоторые распорядительные действия по крестьянским делам, особо поименованные в Положениях о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. ⟨...⟩

Глава третья

О губернском по крестьянским делам присутствии

123. Губернское присутствие состоит под председательством начальника губернии из губернского предводителя дворянства, управляющего Палатою государственных имуществ, губернского прокурора, двух членов из местных дворян-помещиков, приглашенных по сношению с начальником губернии министром внутренних дел, с высочайшего соизволения, и двух членов из местных дворян-помещиков, избранных собранием губернского и уездных предводителей дворянства. При Губернском присутствии полагается секретарь. ⟨...⟩

126. К предметам ведомства Губернского присутствия принадлежат: во-первых, жалобы на действия мировых посредников и уездных мировых съездов, во-вторых, дела по добровольным между помещиками и крестьянами соглашениям, в-третьих, некоторые особо указанные в Положениях о крестьянах распорядительные действия по крестьянским делам.

ПРАВИЛА О ПОРЯДКЕ ПРИВЕДЕНИЯ В ДЕЙСТВИЕ ПОЛОЖЕНИЙ О КРЕСТЬЯНАХ, ВЫШЕДШИХ ИЗ КРЕПОСТНОЙ ЗАВИСИМОСТИ

1. Правила сии определяют: 1) права, приобретаемые крестьянами по обнародовании Положений, и отношения их к помещикам до введения в действие уставных грамот и до учреждения волостей, и 2) порядок составления, поверки, утверждения и введения в действие уставных грамот, коими определяются постоянные поземельные отношения помещиков и крестьян.

Отделение первое

Права, приобретаемые крестьянами по обнародовании Положений, и отношения их к помещикам до введения уставных грамот и до учреждения волостей

2. Со дня обнародования высочайше утвержденных Положений о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, прекращаются:

1) перекрепление личных прав на крестьян и дворовых людей[1] и переуступка сих прав в каком бы то ни было виде от нынешних владельцев другим лицам;

2) переселение крестьян с одних земель на другие иначе как на основании правил, установленных Местными Положениями о поземельном устройстве крестьян;

3) отдача крестьян и дворовых людей владельцами посторонним лицам в услужение или работы, а также отдача малолетних из крестьян и дворовых людей в обучение ремеслу или на воспитание без согласия на то их родителей или воспитателей и

4) отдача крестьян и дворовых людей без разрешения надлежащего учреждения в исправительные заведения или в распоряжение правительства. ⟨...⟩

4. Со дня обнародования Положений о крестьянах и впредь до введения в действие уставной грамоты крестьяне, продолжая пользоваться теми самыми усадьбами и полевыми угодьями, которыми до того пользовались, обязаны: состоящие на оброке — платить оброк владельцу в прежнем размере, а состоящие на барщине — отправлять оную в прежнем же размере, с теми облегчениями, кои указаны в нижеследующих статьях.

5. Со дня обнародования Положений немедленно и повсеместно отменяются всякие существовавшие доселе добавочные сборы с крестьян или дани сельскими произведениями, как-то: птицею, баранами, маслом, яйцами, ягодами, грибами, разными съестными припасами, холстом, сукном, пряжею, шерстью и т. п. Не отменяются лишь те, существующие в некоторых местностях, сборы зерновым хлебом, свекловицею и льном, на которые прямо указано в Местных положениях.

6. Со дня обнародования Положений крестьяне не могут быть переводимы с оброка на барщину или на смешанную повинность или со смешанной повинности исключительно на барщину, разве крестьяне сами изъявят согласие на замену денежного оброка работами в пользу помещика и заключат с ним временное о том условие на основании Местного положения о поземельном устройстве крестьян. Помещики не могут также увеличивать тех оброков, которые уплачивались крестьянами до дня утверждения Положений о крестьянах.

7. В губерниях великороссийских, новороссийских и белорусских, исчисленных в особом Местном для сих губерний Положении, вводятся немедленно, прежде утверждения уставной по каждому имению грамоты, нижеследующие облегчения в барщинной повинности:

Во-первых, женская барщина не допускается свыше двух дней в неделю с тягла, а мужская барщина должна впредь до утверждения уставной грамоты отбываться по-прежнему, но не

свыше узаконенных до сего времени трех дней в неделю с тягла.

Во-вторых, в тех имениях, где барщина разверстывается не по тяглам, а по участкам, дворам или хозяйствам, женская барщина уменьшается на одну треть против размера, ныне существующего, с тем, чтобы с двора или хозяйства сходило не более двух женских дней в неделю; мужская же барщина отбывается до утверждения уставной грамоты в прежнем размере, но не свыше трех дней в неделю с каждого взрослого работника, наделенного полевою землею, а с крестьян, наделенных одною усадебною землею, барщина, также до утверждения уставной грамоты, требуется по местному обычаю, но не более того, что требовалось до сего времени.

В-третьих, отменяются все добавочные и сгонные работы и наряды, кои отбывались сверх трехдневной барщины. ⟨...⟩

14. Помещик, руководясь по вотчинной полиции и попечительству над обществом водворенных на его земле временнообязанных крестьян, статьями 148—163-й Общего о крестьянах положения, сверх того, до учреждения волостей, сохраняет право в пределах той власти, которая предоставляется по Общему о крестьянах положению волостным судам:

1) разбирать и судить взаимные споры и иски водворенных на его землях крестьян, и

2) подвергать их взысканиям и наказаниям с тем, чтобы наказаниям телесным они были подвергаемы не иначе как чрез полицию[2].

15. Впредь до устройства волостей выдача крестьянам и дворовым людям билетов и паспортов зависит также от владельца имения.

16. Впредь до устройства волостей на обязанности владельца остается побуждение законным порядком, и буде нужно, при содействии земской полиции, водворенных на его землях крестьян ко взносу государственных податей и к отправлению денежных и натуральных повинностей. Владелец не отвечает своим имуществом за те недоимки по государственным податям и сборам, кои накопятся на крестьянах по обнародовании Положений о крестьянах.

17. Впредь до утверждения и введения в действие по каждому имению уставной грамоты на владельце остаются прежние обязанности по продовольствию и призрению крестьян. ⟨...⟩

Отделение второе

Составление, рассмотрение, поверка, утверждение и введение в действие уставных грамот

I. Составление грамот

⟨...⟩ 21. Уставная грамота по каждому имению должна быть составлена и представлена помещиком в течение одного года со

дня получения Положений о крестьянах в губернском городе той губернии, где имение находится.

22. Уставные грамоты должны быть окончательно введены в действие по всем вообще имениям в течение двух лет со дня утверждения Положений о крестьянах.

23. Уставная грамота может быть составлена, смотря по удобству, или для каждого селения особо, или на целое имение, состоящее из нескольких смежных селений одного владельца. ⟨...⟩

32. В уставную грамоту включаются только те условия, которыми определяются постоянные хозяйственные отношения владельца к водворенным на его землях крестьянам. Всякие же срочные сделки между помещиком и крестьянами не вносятся в уставную грамоту, но могут быть прилагаемы к ней в виде отдельных условий, составляющие особые к грамотам приложения. ⟨...⟩

36. От усмотрения владельца зависит призвать крестьян к участию в составлении грамоты или составить оную без их участия. ⟨...⟩

II. Рассмотрение и поверка уставных грамот

43. Окончательно составленная владельцем или его уполномоченным и ими подписанная уставная грамота представляется местному мировому посреднику по принадлежности, с объяснением, если грамота крестьянами не подписана, была ли она им предъявлена или нет. ⟨...⟩

48. Для проверки уставной грамоты избираются мирскими обществами шесть уполномоченных. Уставная грамота прочитывается от слова до слова в их присутствии при владельце или поверенном и при трех добросовестных посторонних свидетелях; затем сии лица входят с мировым посредником во все нужные объяснения, участвуют в производстве всех поверок на местах и т. п. ⟨...⟩

III. Утверждение и введение в действие уставных грамот

64. Мировой посредник все вообще рассмотренные и поверенные им уставные грамоты утверждает и сам вводит в действие, за исключением случаев, в нижеследующих статьях изложенных.

65. Мировой посредник обязан представлять уставные грамоты немедленно при рассмотрении и поверке оных на местах на утверждение Губернского по крестьянским делам присутствии в следующих случаях:

1) когда в грамотах предположено, по соглашению с крестьянами, уменьшение следующего им по Местным положениям надела;

2) когда вследствие особенных местных условий в имении предположено применить установленный для другой ближайшей местности размер надела;

3) когда предположено повышение или уменьшение повинности, Местным положением определенной, и

4) когда предположено отнесение усадеб к высшему из допускаемых каждым Местным положением разрядов. ⟨...⟩

66. На утверждение Мирового съезда посредник обязан представлять уставные грамоты равным образом немедленно, по рассмотрении и поверке оных на местах, в следующих случаях:

1) когда в грамоте предполагается отрезка от крестьянского надела на основании предоставленного Местным положением в некоторых случаях помещику права;

2) когда предположено отнесение усадьб к третьему (а в губерниях Киевской, Подольской и Волынской — ко второму) разряду[3] и

3) когда предположено перенести все или часть крестьянских усадеб и вместе с тем заменить крестьянские угодья, все или часть, другими. ⟨...⟩

69. Для введения в действие уставной грамоты мировой посредник прочитывает ее крестьянам на полном сходе при посторонних добросовестных в числе от трех до шести человек, при этом он объясняет крестьянам точный смысл всех статей, разъясняет могущие возникать недоразумения и затем выдает с нее списки, надлежащим образом скрепленные за своею подписью и печатью, как владельцу, так и крестьянам, подлинная же грамота препровождается для хранения в Губернское по крестьянским делам присутствие. ⟨...⟩

77. Как помещику, так и крестьянам предоставляется приносить в Губернское по крестьянским делам присутствие жалобы на неправильные по введению и утверждению уставных грамот действия мирового посредника и Уездного мирового съезда. Срок на принесение жалоб полагается трехмесячный. ⟨...⟩

ПОЛОЖЕНИЕ О ВЫКУПЕ КРЕСТЬЯНАМИ, ВЫШЕДШИМИ ИЗ КРЕПОСТНОЙ ЗАВИСИМОСТИ, ИХ УСАДЕБНОЙ ОСЕДЛОСТИ И О СОДЕЙСТВИИ ПРАВИТЕЛЬСТВА К ПРИОБРЕТЕНИЮ СИМИ КРЕСТЬЯНАМИ В СОБСТВЕННОСТЬ ПОЛЕВЫХ УГОДИЙ

⟨...⟩. 2. Крестьянам, вышедшим из крепостной зависимости, предоставляется право выкупать в собственность усадебную их оседлость.

3. Приобретение в собственность крестьянами вместе с усадебною оседлостию полевых земель и угодий, отведенных им в постоянное пользование, допускается не иначе как с согласия помещика.

4. При приобретении крестьянами в собственность вместе

с усадебною оседлостию полевого надела оказывается в определенных в сем Положении случаях содействие от правительства посредством выкупной операции (выкупа). Содействие сие заключается в том, что правительство ссужает под приобретаемые на этом основании земли определенную сумму, с рассрочкою крестьянам уплаты оной на продолжительный срок, и само взыскивает с них платежи как в счет процентов по выданной сумме, так и на постепенное погашение долга. Означенная сумма выдается помещику процентными кредитными бумагами, по коим правительство принимает на себя уплату процентов и капитала.

Раздел первый

О выкупе крестьянами одной их усадебной оседлости

Глава первая

О праве на выкуп усадебной оседлости

⟨...⟩ 8. Крестьянские общества и каждый крестьянин-домохозяин порознь, пока находятся в составе общества, сохраняют право выкупать предоставленную им в постоянное пользование усадебную оседлость. Если на крестьянах состоит казенная или помещичья недоимка, то они могут приступить к выкупу усадебной оседлости не прежде, как по уплате недоимки. ⟨...⟩

9. Усадебная оседлость в каждом селении может быть выкупаема: или в полном ее составе одновременно целым обществом, имеющим одну общую оседлость, или отдельно каждым домохозяином. ⟨...⟩

Глава вторая

Об определении размера выкупной суммы за усадебную оседлость

⟨...⟩ 13. Для исчисления денежного оброка за усадебную оседлость относится на оную в каждом селении определенная доля из общей суммы оброка, назначенного с крестьян за весь отведенный им надел.

14. Для определения сей доли усадьбы каждого селения причисляются к одному из четырех разрядов, установленных в означенном Местном положении. Из оброка, причитающегося за весь крестьянский надел в селении, относится собственно на усадебные земли: первого разряда — не более 1 руб. 50 коп., второго разряда — не более 2 руб. 50 коп., третьего разряда — не более 3 руб. 50 коп. на ревизскую душу. В четвертом разряде, к коему причисляют усадьбы в селениях, обложенных на

основании означенного Положения за предоставленные крестьянам особые выгоды возвышенным оброком, денежная повинность за усадьбы может быть определяема порядком, указанным в том Положении, и свыше 3 руб. 50 коп. на душу.

15. Для исчисления выкупной суммы за усадебную оседлость причитающаяся с нее по уставной грамоте часть оброка помножается на шестнадцать и две трети; таким образом за каждый рубль ежегодного оброка, падающего на усадьбы, полагается выкупная сумма в 16 руб. 67 коп.[1]

Раздел второй

О содействии правительства к приобретению крестьянами в собственность полевых угодий вместе с усадебною оседлостию

Глава первая

Положения общие

⟨...⟩ 27. Определенная по правилам сего Положения сумма, выдаваемая помещику под приобретаемые крестьянами в собственность мирские земли и угодья обеспеченными (гарантированными) правительством кредитными бумагами, именуется выкупною ссудою.

28. Всякие добавочные сверх выкупной ссуды платежи, какие крестьяне обяжутся уплатить помещику по взаимному с ним соглашению, не обеспечиваются (не гарантируются) правительством. ⟨...⟩

Глава четвертая

О размерах выкупной ссуды и о порядке выдачи оной

⟨...⟩ 65. В основание для определения размера выкупной ссуды принимается денежный оброк, назначенный с крестьян в пользу помещика по уставной грамоте ⟨...⟩ за предоставленный крестьянам в постоянное пользование усадебный и полевой надел. Если приобретается не полный по уставной грамоте надел, а часть оного, то для определения выкупной ссуды означенный оброк понижается соответственно уменьшению при сем надела и согласно правилам, установленным в помянутых Местных положениях, для исчисления денежных оброков.

66. Указанный в предыдущей статье годовой оброк за приобретаемую землю капитализируется из шести процентов, т. е. помножается на шестнадцать и две трети. Из исчисленной на сем основании капитальной суммы назначается в ссуду крестьянам для выдачи помещику на основании ст. 4-й сего Положения определенная часть, а именно: 1) при приобретении в собственность крестьянами полного по уставной грамоте надела —

четырех пятых (т. е. 80 коп. на рубль), при приобретении надела уменьшенного — три четверти (т. е. 75 коп. на рубль)[2]. ⟨...⟩

Глава шестая

О выкупных платежах

113. Крестьяне, приобретшие в собственность землю при посредстве выкупной операции, обязаны вносить в казну ежегодно, взамен следовавшего помещику за сию землю оброка, по шести копеек за рубль с назначенной правительством выкупной ссуды впредь до погашения оной. Таковые платежи именуются выкупными.

114. Выкупная ссуда погашается взносом выкупных платежей в продолжение сорока девяти лет со дня выдачи ссуды[3]. ⟨...⟩

126. Выкупные платежи взыскиваются с крестьян преимущественно перед частными их долгами, а потому до погашения выкупной ссуды взыскание с крестьян по таковым долгам не может быть обращено на приобретаемую при посредстве выкупной операции землю и необходимые принадлежности хозяйства и сельского промысла крестьян. ⟨...⟩

Раздел третий

О правах и обязанностях крестьян-собственников

Глава вторая

О правах крестьян-собственников на выкупленные земли

⟨...⟩ 161. В течение первых девяти лет со времени утверждения сего Положения общество не может отчуждать приобретенных им в собственность земель.

162. По истечении девяти лет, но до уплаты выкупной ссуды общество может отчуждать приобретенные им земли, под которые выдана сия ссуда, не иначе как с разрешения Губернского присутствия и со взносом вырученных за проданные земли денег в счет остающегося по выкупной ссуде долга. ⟨...⟩

170. До погашения выкупной ссуды приобретенная сельским обществом или отдельным крестьянским двором земля не может быть представлена в залог ни для получения ссуды из кредитного установления, ни по обязательствам с казною или частными лицами.

171. Никакою частною сделкою крестьян и крестьянских обществ по отдаче внаем выкупленных ими земель или по другим обязательствам не стесняется право правительства обращать законное взыскание на сии земли в случае неисправности во взносе выкупных платежей и вообще во всех тех случаях, в которых общими законами и Положениями о крестьянах такое взыскание допускается. ⟨...⟩

МЕСТНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ О ПОЗЕМЕЛЬНОМ УСТРОЙСТВЕ КРЕСТЬЯН, ВОДВОРЕННЫХ НА ПОМЕЩИЧЬИХ ЗЕМЛЯХ В ГУБЕРНИЯХ: ВЕЛИКОРОССИЙСКИХ, НОВОРОССИЙСКИХ И БЕЛОРУССКИХ

10. Настоящим Положением определяется поземельное устройство вышедших из крепостной зависимости (временнообязанных) крестьян: а) в двадцати девяти Великороссийских губерниях: Астраханской, Владимирской, Вологодской, Воронежской, Вятской, Казанской, Калужской, Костромской, Курской, Московской, Нижегородской, Новгородской, Олонецкой, Оренбургской, Орловской, Пензенской, Пермской, Псковской, Рязанской, Самарской, Санктпетербургской, Саратовской, Симбирской, Смоленской, Тамбовской, Тверской, Тульской, Ярославской и части Харьковской; б) в трех Новороссийских губерниях: Екатеринославской, Таврической и Херсонской и в) в двух Белорусских: Могилевской и части Витебской[1]. ⟨...⟩

Раздел первый

О наделе и пользовании землею и другими угодьями

Глава первая

О наделе землею и другими угодьями

⟨...⟩ 10. Губернии, поименованные в ст. 1-й настоящего Положения, разделяются для определения в каждой из них размеров душевого надела на три полосы: первую, вторую и третью. ⟨...⟩

14. Каждая из трех полос ⟨...⟩ делится на местности, именно:

первая (нечерноземная) полоса делится на девять местностей;

вторая (черноземная) делится на восемь местностей;

третья (степная) делится на двенадцать местностей: пять великороссийских и семь новороссийских. ⟨...⟩

16. В полосах первой и второй для определения количества мирской земли, предоставляемой в постоянное пользование сельским обществам, установляется по каждой местности два размера наделов на душу: высший и низший. ⟨...⟩ Низший душевой надел полагается в одну треть против высшего. ⟨...⟩

18. Если нынешний крестьянский надел превышает высший размер надела, рассчитанный на целое сельское общество ⟨...⟩, то помещику предоставляется отрезать сей излишек в свое непосредственное распоряжение. Если помещик предложит крестьянам оставить такой излишек в их постоянном пользовании, то условия

сего пользования определяются по добровольному соглашению помещика с крестьянами.

19. Если нынешний крестьянский надел менее низшего размера надела, рассчитанного на целое сельское общество ⟨...⟩, то помещику предоставляется: или прирезать недостающее количество земли, или же понизить повинности крестьян соразмерно количеству земли, недостающему против низшего размера надела. Впрочем, если крестьяне предпочтут уменьшение их повинностей увеличению их надела, то дозволяется им отказаться от прирезки к оному.

Примечание. В селениях малоземельных, в коих быт крестьян обеспечен промыслами, предоставляется Губернскому по крестьянским делам присутствию допускать в изъятие из определенного сею статьею правила возвышенный против действительного надела оброк соразмерно с промысловыми выгодами крестьян.

20. Если бы в первой и второй полосах за оставлением в пользовании крестьян их надела ⟨...⟩ осталось в непосредственном распоряжении помещика менее одной трети общего количества принадлежащих ему угодий, то помещик имеет право удержать в своем непосредственном распоряжении до одной трети общей совокупности удобных земель[2]. ⟨...⟩ При этом соблюдается правило, чтобы тот надел, которым крестьяне пользовались до утверждения настоящего Положения, ни в коем случае не был уменьшаем против установленного низшего размера.

Примечание. Крестьянам предоставляется право из земли, подлежащей на основании статей 18-й и 20-й отрезке, сохранить пахотную землю и постоянные покосы в своем пользовании в течение пяти лет с утверждения сего Положения.

21. В полосе третьей (степной) для каждой местности устанавливается один указный (определенный законом) размер надела на душу. ⟨...⟩

22. Крестьяне в третьей полосе наделяются указным для их местности на каждую душу количеством земли, кроме тех только случаев, когда за отводом крестьянам указного надела осталось бы в непосредственном распоряжении помещика менее половины общего количества угодий; в таком случае помещик может удержать в своем непосредственном распоряжении до половины общей совокупности принадлежащих ему удобных земель. ⟨...⟩

25. Помещик ни в коем случае не обязан увеличивать впоследствии надел, отведенный в постоянное пользование крестьян на основании сего Положения. ⟨...⟩

29. Леса не включаются в состав крестьянского надела.

30. Лесные участки, состоящие в постоянном пользовании не всего мира, а отдельных крестьянских дворов или семейств, оставляются в их пользовании в счет следующего им надела. ⟨...⟩

44. Торговые и базарные площади, состоящие в исключительном пользовании крестьян и доход с коих собирался в пользу мира, а не помещика, включаются в состав крестьянской

усадебной оседлости. Но помещику предоставляется ходатайствовать, чтобы в селении, где крестьяне пользуются такими площадями, был определен возвышенный оброк. ⟨...⟩

47. Помещики не обязаны отпускать крестьянам лес для построек.

48. Помещики не обязаны также отпускать крестьянам топливо безвозмездно. ⟨...⟩

50. Действия по отводу временнообязанным крестьянам их поземельного надела состоят: 1) в первоначальном утверждении надела, 2) в разверстании помещичьих и крестьянских угодий к одним местам и 3) в перенесении крестьянских усадеб. ⟨...⟩

52. На первоначальное утверждение надела назначается двухгодичный, со дня обнародования сего Положения, срок. ⟨...⟩

65. По истечении двухлетнего срока, назначенного на первоначальное утверждение надела, определяется шестилетний срок, в течение которого помещик может требовать обязательного для крестьян разверстания общих и чересполосных угодий с мирскими.

Примечание. Крестьяне не имеют права требовать разверстания мирских угодий с господскими. ⟨...⟩

68. Обязательное по требованию помещика разверстание угодий не допускается более одного раза по каждому селению. ⟨...⟩

75. Помещику предоставляется право требовать обязательного для крестьян перенесения усадеб без согласия на то крестьян в следующих случаях:

1) если крестьянское усадебное строение находится ближе 50 саж., а овины, кузницы или другие огнем действующие заведения — ближе 100 саж. от тех существующих помещичьих строений, которые возведены до обнародования Положения;

2) если вне черты селения или поселка посреди господских земель находится отдельная крестьянская усадьба, к которой не приурочено надела полевыми угодьями;

3) если для разверстания[3] помещичьих полевых угодий с крестьянскими встретится необходимость в перенесении нескольких или всех усадеб селения. ⟨...⟩

77. Требование об обязательном перенесении крестьянских усадеб и строений помещик имеет право заявлять в течение как двух лет, назначенных для первоначального утверждения надела, так и последующих за тем шести лет, определенных для разверстания угодий. ⟨...⟩

80. Более одного раза крестьянская усадьба или отдельное строение обязательно переносимы быть не могут.

81. Обязательное перенесение усадеб допускается не далее как на 10 верст, а в степных местностях (третьей полосе) — не далее как на 15 верст от прежних усадеб, и притом не иначе как в пределах крестьянского надела: или прежнего, или того, который отводится при разверстании угодий. ⟨...⟩

85. Новые усадьбы для переселяемых крестьян должны быть

устроены помещиком на его собственный счет со всеми постройками, какие находились в старых усадьбах. 〈...〉

87. Переселенные на новые места крестьяне имеют право в продолжение трех лет со времени начала их переселения пользоваться безвозмездно на старых усадьбах прежними огородами, конопляниками и другими возделанными местами. 〈...〉

91. Если вне мирского надела на господской земле находятся промышленные или торговые заведения крестьян, как-то: фабрики, заводы, маслобойни, мельницы, лавки и т. п., то находящаяся под ними земля ценится вдвое против усадебной земли в том селении, и предоставляется помещику право по собственному его усмотрению или требовать выкупа оной по означенной оценке, или же предоставить крестьянам пользоваться ею с платою по 6 % оценочной суммы в год. В последнем случае, по прошествии известного времени (для плетневых строений — 2-х, для мазанок и глинобитных — 6-ти, а для деревянных — 12-ти лет со дня утверждения настоящего Положения), помещик имеет право требовать переноса с своей земли означенных строений на счет того, кому они принадлежат. В случае несогласия крестьянина ни на выкуп, ни на пользование землею за установленную плату он обязан строения перенесть в течение годового срока со дня утверждения уставной грамоты. Для строений каменных или хотя с одним нижним этажом каменным вышеозначенный срок увеличивается до 24-х лет, после коих помещик имеет право требовать сломки и свозки строения или же может оставить оное за собою по оценке, определяемой порядком, указанным в ст. 86-й сего Положения.

Глава вторая

Об обмене земель и угодий

〈...〉 93. Независимо от полюбовных соглашений помещику предоставляется во всякое время для приведения в исполнение своих хозяйственных предприятий в случаях, в последующей статье означенных, требовать от крестьян обмена необходимых ему участков и земли, отведенной в постоянное пользование крестьян.

Примечание. Право обмена не распространяется на выкупленные крестьянами угодья.

94. Обмен не выкупленных крестьянами земель и угодий допускается в случаях:

1) открытия в землях крестьянского надела источников минеральных вод и ценных ископаемых, в том числе торфа;

2) предполагаемого помещиком устройства действующих водою: мельницы, фабрики или иного промышленного заведения, когда один или оба берега реки состоят в пользовании крестьян;

3) неизбежности подтопа крестьянских угодий вследствие устройства на господской земле действующих водою заведений;

4) необходимости провести по крестьянским угодьям канавы: для осушения или орошения господских угодий, для устройства дренажа или для употребления воды как движущей силы;

5) необходимости провести по крестьянским угодьям дороги или прогон;

6) предпринимаемого помещиком устройства на крестьянских угодьях пристани или перевоза. ⟨...⟩

Глава третья

О пользовании землею и другими угодьями

98. Земля, отведенная в крестьянский надел на основании уставной грамоты, предоставляется под названием мирской земли за установленные повинности в постоянное пользование сельского общества.

99. С переходом в другое сословие или другое общество крестьянин теряет право на пользование мирскою землею того общества, из которого он вышел. ⟨...⟩

110. Усадебная земля каждого крестьянского двора остается в потомственном пользовании проживающего в том дворе семейства и переходит к наследникам согласно существующему в каждой местности обычному порядку наследования. ⟨...⟩

113. Мирская земля (пашня, покосы и другие угодья) остается в общинном пользовании крестьян, которым она отведена.

114. При общинном пользовании переделы земли между крестьянами допускаются по приговору двух третей всех домохозяев селения.

115. Каждому крестьянскому обществу предоставляется заменить общинное пользование наследственным, то есть: отменив переделы и разверстку мирской земли, разбить ее раз навсегда на подворные участки и раздать их домохозяевам в потомственное пользование с соблюдением при этом двух условий: во-первых, чтобы мирской приговор был составлен на основании ст. 54-й Общего о крестьянах положения, во-вторых, чтобы на такую замену было всегда согласие помещика. Сохранение при этом круговой поруки в исправном отбывании повинностей в пользу помещика или же возложение на каждого домохозяина ответственности за отбывание повинностей, причитающихся с его участка в пользу помещика, предоставляется обоюдному соглашению помещика и общества[4].

116. По отмене общинного пользования землею крестьянское общество может развести наследственные подворные участки к одним местам. ⟨...⟩

120. В течение первых девяти лет со времени утверждения сего Положения крестьяне обязываются держать в своем пользовании за установленные в пользу помещика повинности отведенную им мирскую землю. ⟨...⟩

130. По прошествии установленного девятилетнего срока каждый крестьянин, приобретший в собственность свою усадебную оседлость, может отказаться от пользования полевыми угодьями, не лишаясь права пользования на свою усадьбу. Но крестьянин, не выкупивший еще своей усадьбы, не имеет права отказаться только от полевых угодий, удерживая в своем пользовании одну невыкупленную усадьбу. ⟨...⟩

134. По прошествии девяти лет со времени утверждения сего Положения <...> та часть мирской земли, от которой общество откажется навсегда, отчисляется от крестьянского надела и присоединяется немедленно и окончательно к господским угодьям.<...>

Глава четвертая

Об увольнении крестьян из сельских обществ и о приеме в оные посторонних лиц

<...>140. Если домохозяин, желающий выйти из сельского общества, внесет в особый мирской капитал <...> сумму, равную капитализированному, из 6-ти процентов, оброку, следующему по мирской раскладке с того домохозяина в пользу помещика, то ни общество, ни помещик не могут препятствовать выходу такого домохозяина из общества.

141. Если помещик согласится сложить навсегда с общества, без уменьшения предоставленного оному надела, всю ту долю повинностей, в пользу помещика следующих, которая по последней мирской раскладке сих повинностей приходится со двора, желающего получить увольнение из сельского общества, то такой двор может выйти из общества, не испрашивая на то согласия оного.

142. С согласия помещика сельское общество может по мирским приговорам дозволять своим членам выход из общества, обязываясь за круговою порукою исправно отбывать все повинности помещику, лежащие на увольняемых крестьянах.

143. Если на общество накопились недоимки в повинностях, следующих в пользу помещика, то никто из крестьян, участвующих в круговой ответственности за сии повинности, не может быть уволен из общества без согласия помещика.<...>

148. Каждому крестьянину, если он приобрел в собственность вне мирского надела участок земли, равный по крайней мере двум душевым наделам высшего (в первой или второй полосах) или указанного (в третьей полосе) размера, установленного Положением для той местности, где приобретен означенный участок, предоставляется право во всякое время по увольнении из прежнего общества требовать приписки, без участия в пользовании мирским наделом, к которому-либо из сельских обществ, находящихся от купленного участка на расстоянии не далее 15-ти верст.<...>

Раздел второй

О повинности крестьян в пользу помещиков

Глава первая

Общие правила

<...>160. Отбываемые крестьянами повинности разделяются на денежные (оброк) и издельную (барщина). <...>

Глава вторая

О повинностях денежных или оброке

168. За установленные Положением высший (в первой и второй полосе) и указный (в третьей полосе) душевые наделы определяются высший душевой оброк в следующих размерах:

1) Для имений, отстоящих не далее двадцати пяти верст от С.-Петербурга,— двенадцать рублей.

2) Для всех прочих имений С.-Петербургской губернии, для Московской и Ярославской, а также для уездов Владимирской губрении: Владимирского, Вязниковского, Покровского и Ковровского, по левую сторону реки Клязьмы, и Нижегородской губернии для имений, отстоящих не далее 15-ти верст от Волги по правому ее берегу, а равно лежащих непосредственно на берегу по левую ее сторону,— десять рублей.

3) Для остальных местностей первой, второй и третьей полос, за исключением губерний и уездов, поименованных в следующем 4-м пункте,— девять рублей.

4) В губерниях Витебской, Вятской, Могилевской, Олонецкой и в уездах губерний: Казанской — Казанском и Царевококшайском, Орловской — Брянском, Севском и Трубчевском, Пензенской — Городищенском и Краснослободском, Псковской — Великолуцком, Новоржевском, Опочецком, Островском, Псковском, Торопецком и Холмском, Смоленской — Бельском, Дорогобужском, Духовщинском, Ельнинским, Краснинским, Поречском, Рославльском и Смоленском и Тамбовской губернии — Елатомском, Спасском, Темниковском и Шацком — восемь рублей.

169. В тех сельских обществах, в которых крестьяне получают в пользование земли менее установленного для той местности высшего (в первой и второй полосах) или указного (в третьей полосе) количества десятин на душу, там крестьяне облагаются оброком в меньшем противу высшего душевого оброка размере.<...>

173. Губернскому по крестьянским делам присутствию предоставляется, если будет о том ходатайство помещика, возвысить причитающийся с крестьян на основании сего Положения оброк не более, однако, как на один рубль с души, по следующим уважениям: 1) если крестьяне наделены особенно ценными

поемными лугами, 2) если селение, находящееся не далее как в пятиверстном расстоянии от города, имеющего по крайней мере 20 000 жителей или значительную торговую пристань, представляет для крестьян особенные выгодные промыслы, 3) если в самом селении находится значительная торговая пристань, доставляющая крестьянам существенные выгоды, 4) если крестьяне при незначительном поземельном наделе обеспечиваются в средствах к жизни предоставленною им рыбною ловлею и 5) если помещик докажет, что крестьянам предоставлены такие выгоды и удобства, которые могут служить справедливым основанием к возвышению оброка.<...>

185. Определенный в уставной грамоте денежный оброк остается неизменным в продолжение двадцати лет со дня утверждения сего Положения.

186. По истечении двадцатилетнего срока, по требованию помещика или крестьян, производится переоброчка на новое двадцатилетие, на тех основаниях, кои правительством будут указаны.

Глава третья

О повинности издельной (барщине)

<...>189. За высший (в первой или второй полосах) или указный (в третьей полосе) душевой надел назначается во всех трех полосах 40 мужских и 30 женских рабочих дней в год.

190. В тех селениях, где крестьяне в силу Положения будут наделены меньшим количеством земли противу установленного для той местности высшего <...> или указного <...> размера, там следующая с крестьян барщина соразмерно уменьшается.<...>

193. Из общего числа рабочих дней, как мужских, так и женских, следующих в пользу помещика с целого сельского общества, *три пятых* отбываются крестьянами в течение летнего полугодия, а *две пятых* — в течение зимнего. <...>

217. Число рабочих часов в рабочем дне определяется только для работ безурочных и не должно превышать: в летнее полугодие — 12-ти, а в зимнее — 9-ти часов. В число это не включается время, назначаемое для отдыха рабочих.<...>

236. До истечения двух лет со времени утверждения сего Положения как сельские общества, так и отдельные дворы или тягла, отбывающие издельную повинность, могут переходить с нее на оброк не иначе как с согласия помещика. По истечении этого двухгодового срока право переходить с издельной повинности на оброк предоставляется как целым сельским обществам, так и отдельным дворам или тяглам без согласия помещика или сельского общества, но во всяком случае не иначе как предварив о том заблаговременно помещика.<...>

239. О желании своем перейти на оброк крестьяне обязаны

заявить помещику за год вперед; к наступлению же времени перехода на оброк внести причитающуюся с них оброчную сумму за полгода вперед.<...>

Глава пятая

Об обеспечении исправного отбывания повинностей

245. При общинном пользовании мирскою землею и при разверстании повинностей между домохозяевами по распоряжению общества все временнообязанные крестьяне, к тому обществу приписанные, отвечают друг за друга круговою порукою в исправном отбывании установленных в пользу помещика повинностей.<...>

261. При круговой поруке сельское общество обязано, не ожидая вмешательства помещика или местных властей, непременно вносить помещику всю следующую с общества оброчную сумму к положенному сроку, разлагая в случае нужды недоимку на все общество по мирской раскладке или пополняя сию недоимку из запасных сумм или иных общественных средств.<...>Для взыскания недоимок с неисправных плательщиков общество может принять следующие меры:

1) обратить на возмещение недоимки доход с принадлежащего недоимщику в собственность недвижимого имущества;

2) отдать самого недоимщика или кого-либо из членов его семейства в посторонние работы в том же уезде или соседственном, с условием выработанные деньги обратить в мирскую кассу; отдавать же в заработки и в другие, неотдаленные, губернии дозволяется только по приговору сельского схода, утвержденному мировым посредником, и притом только таких неисправных плательщиков, кои не платят повинностей по упорству, нерадению или распутству;

3) определить к недоимщику опекуна, без разрешения которого не дозволять неисправному хозяину отчуждать что-либо из его имущества и из его доходов до пополнения недоимки, или вместо неисправного хозяина назначать старшим в доме другого члена той же семьи;

4) подвергнуть продаже принадлежащее недоимщику личное недвижимое имущество, за исключением лишь выкупленной крестьянином усадьбы;

5) продать ту часть движимого имущества и строений недоимщика, которая не составляет необходимости в его хозяйстве;

6) отобрать у недоимщика часть отведенных ему полевых угодий или даже весь его полевой надел[5].

262. Если к назначенному для платежа оброка сроку само сельское общество не внесет всей следующей помещику суммы, то мировой посредник, удостоверившись в справедливости прине-

сенной о сем помещиком жалобы, определяет новый для взноса оброка крайний срок. В случае же неуплаты крестьянами оброка и в этот срок мировой посредник может принять следующие меры:

1) Предписать сельскому начальству несостоятельного общества никого не увольнять по паспортам из селения без письменного на то согласия помещика и не возобновлять паспортов находящимся в отлучке крестьянам, если помещик того потребует.

2) Вместо избранных обществом должностных лиц назначить других по своему усмотрению.

3) Распорядиться, чтобы общество ставило неисправных крестьян на заработки по контрактам.

4) Произвести чрез земскую полицию опись всего крестьянского движимого имущества и, исключив из оного то, что составляет необходимость в крестьянском хозяйстве и не может быть продано без разорения крестьян, распорядиться чрез земскую же полицию продажею остальной части означенного имущества.

5) Отобрать у крестьян на три года часть земель, состоящих в постоянном их пользовании.<...>

Раздел IV

ПРОВЕДЕНИЕ В ЖИЗНЬ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ 1861 ГОДА

ИЗ ДНЕВНИКОВ П. А. ВАЛУЕВА

<...> 28 января [1861]. Сегодня в 12 часов государь император открыл заседание Государственного совета по крестьянскому делу краткою речью, в которой напомнил о предшедших фазисах этого дела и повторил требование, чтобы оно было рассмотрено к 15-му февраля. Замечено, что во время его речи что-то обрушилось с потолка с сильным треском и что сегодня годовщина смерти Петра Великого. Заседания продолжались до 3/4 6-го часа. В прениях принимали участие почти все владеющие языком члены. Сильно восставал против нарушения прав собственности дворянства министр иностранных дел кн. Горчаков. Гр[аф] Сергей Строганов, кн. Гагарин[1] говорили в том же смысле. Кн. Долгоруков с ген. Муравьевым защищали свою систему. Главным оратором большинства Комитета был гр. Панин, который говорил беспрерывно, отвечая каждому, кто изъяснялся с противной стороны. Ген. Анненков[2] с обычным бледным словоизобилием рассказывал длинную историю о каком-то саратовском помещике из севастопольских героев, которому надлежит выдать дочь в замужество и которого разорит проект Редакционных комиссий. Гр. Блудов по поводу вотчинной полиции сказал государю, что дворянство подносит ему кнут и плеть для сечения крестьян и т.д. <...>

19 февраля. Сегодня, вместо ожидаемых демонстраций, ничего, кроме грязи и ям на улицах. Эти ямы не помешали, впрочем, блистательному петербургскому свету собраться на раут кн. Юсуповой, которая при этом случае показывала новое устройство своего великолепного дома на Литейной.<...>

20 февраля.<...> Между тем были приняты вчера странные меры. Не только консигнировали* войска или часть войск в казармах и командировали по полувзводу в каждую полицейскую часть, но роздали боевые патроны и держали наготове артиллерию; кроме того, оба Адлерберга[3] и кн. Долгоруков будто бы ночевали во дворце и, incrédibile dictu**, имели готовых

* Консигнировать от фр. consigner — держать взаперти.

** Трудно поверить (*лат.*).

лошадей для государя! Придворная прислуга даже рассказывает, будто бы государь не ночевал в своих апартаментах, но перешел на ночь на половину вел.кн. Ольги Николаевны[4]. Об[ер]-полицмейстер Паткуль[5] между тем сек дворников и одному из них дал 250 розог за то, что он будто бы сказал, что когда объявят свободу, то он закричит «ура!»...

5 марта. Новая эра. Сегодня объявлен, в Петербурге и Москве, Манифест об отмене крепостного состояния. Он не произвел сильного впечатления в народе и по содержанию своему даже не мог произвести этого впечатления. Воображение слышавших и читавших преимущественно остановилось на двухгодичном сроке, определенном для окончательного введения в действие уставных грамот и окончательного освобождения дворовых. «Так еще два года!» или: «Так только через два года!» — слышалось большею частью и в церквах и на улицах. Из Москвы тамошнее начальство телеграфировало, что все обошлось спокойно «благодаря принятым мерам».

Государь на разводе собрал офицеров и сказал им речь по поводу совершившегося события. При выходе из манежа народ приветствовал его криком «ура!», но без особого энтузиазма. В театрах пели «Боже, царя храни!», но также без надлежащего en train***. Вечером никто не подумал об иллюминации. Иностранцы говорили сегодня: Comme votre peuple est apathique!**** Это не столько апатия, сколько сугубое последствие прежнего гнета и ошибок во всем ходе крестьянского дела. Правительство почти все сделало, чтобы подготовить сегодняшнему Манифесту бесприветную встречу.<...>

19 апреля.<...> Из губерний тревожные вести. Случаи неповиновения крестьян умножаются. В Казанской губернии дошло до стрельбы и, говорят, убито 60 человек. Туда командируется ген[ерал]-ад[ъютант] Бибиков. В Пензе взбунтовалась уваровская вотчина и взяла в плен исправника и сотского[6]. Везде крестьяне недоумевают насчет земли, которая будто бы им дается в надел, но дается не даром, а большею частью за прежние повинности. Само правительство здесь частью виновато. Оно твердило и ободряло других твердить печатно, что безземельный крестьянин немыслим, что он должен быть собственником и т.п. Когда дошло до практики, разъяснение этих понятий оказалось затруднительнее на деле, чем на бумаге.

Разным начальственным лицам прислан по городской почте пародированный манифест 19 февраля[7]. При том же вступлении и заключении в нем говорится о предоставлении дворянству конституционных их прав на поземельную их собственность.<...>

12 февраля.[1862] <...> Из Твери получено известие, что вследствие постановленного на последнем чрезвычайном съезде

*** Подъем (*фр.*).
**** Как наш народ апатичен! (*фр.*).

дворянства заключения о несостоятельности Положений 19-го февраля и неумении правительства справиться с делом оба члена губернского присутствия по назначению от правительства (Бакунин и Толстой) подали в отставку, и 13 лиц, в том числе 2 уездных предводителя Алексей Бакунин и Балкашин, члены от правительства Николай Бакунин и несколько посредников и кандидатов формально заявили губернскому присутствию и разослали в уезды объявления, что они впредь признают Положение «враждебным обществу» и будут руководствоваться в своих действиях только убеждениями общества впредь до созыва общего земского собрания, о котором просило дворянство. Государь поручил мне представить вместе с гр. Паниным соображения о мерах к направлению дела судебным порядком. Был вечером у Панина, где видел и кн. Долгорукова. Вечером написал докладную записку с согласия Панина, предлагая командировать в Тверь ген.-адъютанта с особым полномочием, потому что Бакунин и другие, решившись на сделанный ими шаг, вероятно, приготовились к последствиям оного. Могут возникнуть беспорядки. Все мировые посредники могут разом выйти в отставку и т.п., а губернатор доказал, что он не в состоянии справиться с губернией. Затем арестовать главных зачинщиков, доставить их в с.-петербургскую крепость и предать суду Сената[8].

ВОЗЗВАНИЕ АРХИЕПИСКОПА ПОЛОЦКОГО И ВИТЕБСКОГО ВАСИЛИЯ К ДУХОВЕНСТВУ ПОЛОЦКОЙ ЕПАРХИИ (10 МАРТА 1861 Г.).

Высокопреподобные и преподобные отцы!

Вами без сомнения уже получены епархиальным начальством копии обер-прокурорского циркуляра от 17 февраля сего года за № 872 по предмету улучшения быта помещичьих крестьян. Из них, равно как и из препровожденного вместе с ними указа духовной консистории, вы уже знаете свои обязанности, степень и способ участия вашего в деле, касающемся великого государственного сословия. Вы остаетесь в тех же указанных вам Спасителем пределах пастырей и учителей вверенных вашему руководству прихожан и имеете в настоящем случае только применять общее учение веры и нравственности к особому, вновь возникшему обстоятельству в жизни вашей паствы. Чтобы сие применение не затруднило вас при новости обстоятельства и чтобы по недоразумению или по чьему-либо другому в своих церковных и домашних собеседованиях с прихожанами вы не уклонились от своей законной речи, стеснив или расширив предметы ее более надлежащего, что может потом отразиться в чувствах и действиях ваших прихожан, я, ваш архипастырь, обязанный за ваши действия ответственностию пред Богом и государем императором, счел своим долгом рекомендовать вам следующую программу

ваших церковных поучений и домашних собеседований с прихожанами по предмету улучшения быта помещичьих крестьян:

1. Объясняя своим прихожанам важность монаршего благодеяния по случаю дарования им новых прав и льгот, объясняйте, что по истечении двухлетнего, начавшегося уже с 19 февраля сего года, срока переходного их состояния, они сами, в пределах закона и общественного порядка, будут распоряжаться своими трудами, сами будут делать свое дело и отвечать за него пред Богом, государем и установленным от него правительством, что через два года, то есть когда все приготовления для нового состояния крестьян по всем имениям будут кончены, им будет дарована свобода распоряжаться, согласно новому законоположению, своими средствами, своими силами и своим временем на пользу общую и свою и на славу Бога и государя, их благодетеля, который в благодарность за благодеяние теперь ничего от них не требует, кроме спокойного и терпеливого подчинения своим помещикам, текущему порядку и настоящим условиям их быта, а через два года, когда мирскими управлениями будет везде определено количество земли для пользования крестьянами и размер причитающихся с них повинностей, потребует только труда спокойного в пределах порядка и закона: пусть они ценят благодеяние и память об нем передадут своим потомкам и постараются оправдать делами монаршее об них попечение и доверие к ним, к их способности самостоятельно служить пользе государства и своей собственной.

2. Постарайтесь внушить и уяснить им истинное, евангельское и единственно здравое и законное понятие о свободе человеческой, то, что в высшем своем проявлении она равносильна необходимости и полнейшему подчинению божественным и гражданским законам, что она состоит в исполнении требований человеческой природы и общественного порядка, а не требований плоти и страстей, что свобода там, где дух Господень, что тот только обладает свободой и ходит в широте, по словам псалмопевца, кто старается соблюдать заповеди Божии[1] и законоположения установленной от Бога власти; постарайтесь внушить, что свобода не есть произвол безотчетный и неограниченный, что ни в обществах, ни в мире нет ничего такого, что не подчинялось бы законам и требованиям предустановленного порядка, и что, наконец, всякое существо, которое выходит из подчинения указанным для него законам, неминуемо погибает; объясните это примерами и подобиями, которых у вас так много под рукой, возьмите их из быта поселян и из жизни окружающей их природы.

3. Объяснив поселянам их обязанности и ответственность пред законом и порядком, указывайте в подробностях предметы, на которые вскоре должна быть устремлена их свободная деятельность, именно: отчетливое усвоение истин веры и возможное полезное в их положении просвещение ума, заботливость об исправном выполнении всех, какие будут в свое время соединены

с их новым положением, повинностей, усердное и самостоятельное попечение обо всем, что принадлежит до пользы государственной, до пользы их ближних, их семейств, их детей, их хозяйства, хранение себя от всего, что противно их благу и общему, от всех пороков, от лености и беспечности, от самоуправства и своеволия и т.д. Напоминайте им, что те обязанности заботиться о благополучии, какие теперь лежат на помещиках, будут через два года возложены на них самих как на людей свободных, что тогда они уже сами будут отвечать перед Богом и государством и за себя, и за свое благополучие.

4. Объясняйте все вредные последствия, какие произойдут от нарушения порядка, от необузданного произвола, от своеволия и беспечности, объясняйте, что, не оправдав доверия государя, выказав нетерпеливость, неподчинение текущим условиям своего быта в двухлетнее переходное состояние, они покажут себя недостойными благодеяний и неспособными самостоятельно располагать своею жизнию, своими силами и средствами ко благу общему и своему и из самого благодеяния произведут для себя злополучие.

5. Из препровожденного при указах консистории высочайшего Манифеста вы усмотрите, что в настоящее время требуется от верноподданных, и в частности от крестьян: новые условия крестьянского быта постепенно, в течение двух лет, будут окончательно определены и возымеют законную силу. Потому до тех пор ваш долг приглашать своих прихожан к соблюдению всех своих обязанностей и отношений к помещикам и объяснять, как сказано в 5 пункте вышеупомянутого циркуляра, что государь, внимая закону справедливости и своей отеческой любви ко всем верноподданным, не мог не позаботиться и о благосостоянии помещиков.

Вот программа для ваших собеседований с прихожанами. Выполнение ее предоставляю вашему благоразумию и усердию, высокопреподобные и преподобные отцы, и надеюсь, что вы и в этом, как и во всяком другом, случае исполните свои обязанности, как прилично служителям и приставникам Божиим, и оправдаете доверие своего архипастыря.

Да поможет вам Господь Бог! Посылаю вам архипастырское благословение, а себя поручаю вашим теплым молитвам.

Архиепископ Полоцкий и Витебский.

ПРОКЛАМАЦИЯ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО «БАРСКИМ КРЕСТЬЯНАМ ОТ ИХ ДОБРОЖЕЛАТЕЛЕЙ ПОКЛОН»

Ждали вы, что даст вам царь волю, вот вам и вышла от царя воля.

Хороша ли воля, какую дал вам царь, сами вы теперь знаете. Много тут рассказывать нечего. На два года остается все по-

прежнему: и барщина остается, и помещику власть над вами остается, как была. А где барщины не было, а был оброк, там оброк остается либо какой прежде был, либо еще больше прежнего станет. Это на два года, говорит царь. В два года, говорит царь, землю перепишут да отмежуют. Как не в два года! Пять лет либо десять проволочут это дело. А там что? Да почитай, что то же самое еще на семь лет; только та разница и будет, что такие разные управления устроят, куда, вишь ты, можно жаловаться будет на помещика, если притеснять будет. Знаете вы сами, каково это слово «жалуйся на барина». Оно жаловаться-то и прежде было можно, да много ли толку было от жалоб? Только жалобщиков же оберут, да разорят, да еще пересекут, а иных, которые смелость имели, еще и в солдаты забреют либо в Сибирь да в арестантские роты сошлют. Только и проку было от жалоб. Известно дело: коза с волком тягалась, один хвост остался. Так оно было, так оно и будет, покуда волки останутся, значит, помещики да чиновники останутся. А как уладить дело, чтобы волков-то не осталось, это дальше все рассказано будет. А теперь покуда не об этом речь, какие новые порядки надо вам завести; покуда об том речь идет, какой порядок вам от царя дан,— что, значит, не больно-то хороши для вас нонешние порядки, а что за порядки, какие по царскому манифесту да по указам заводятся, все те же самые прежние порядки. Только в словах и выходит разница, что названья переменяются. Прежде крепостными либо барскими вас звали, а ноне срочнообязанными вас звать велят; а на деле перемены либо мало, либо вовсе нет. Эки слова-то выдуманы! Срочнообязанные, вишь, глупость какая! Какой им черт это в ум-то вложил такие слова! А по-нашему надо сказать: вольный человек, да и все тут. Да чтобы не названием одним, а самым делом был вольный человек. А как в исправду бывает вольный человек, и каким манером вольными людьми вам можно стать, об этом обо всем дальше написано будет. А теперь покудова о царском указе речь, хорош ли он.

Так вот оно как: два года ждите, царь говорит, покуда земля отмежуется, да на деле земля-то межеваться будет пять либо и все десять лет; а потом еще семь лет живите в прежней кабале, а по правде-то оно выйдет опять не семь лет, а разве что семнадцать либо двадцать, потому что все, как сами видите, в проволочку идет. Так, значит, живите вы по-старому, в кабале у помещика все эти годы, два года, да семь лет, значит девять лет, как там в указе написано, да с проволочками-то взаправду выйдет двадцать лет, либо тридцать лет, либо и больше. Во все эти годы оставайся мужик в неволе, уйти никуда не моги: значит, не стал еще вольный человек, а все остается срочнообязанный, значит, все тот же крепостной. Не скоро же воли вы дождетесь,— малые мальчики до бород, аль и до седых волос дожить успеют, покуда воля-то прийдет по тем порядкам, какие царь заводит.

Ну, а покуда она прийдет, что с вашею землею будет? А вот

что с нею будет. Когда отмежевывать станут, обрезывать ее велено против того, что у вас прежде было, в иных селах четвертую долю отрежут из прежнего, в иных третью, а в иных и целую половину, а то и больше, как придется где. Это еще без плутовства от помещиков да без потачки им от межевщиков по самому царскому указу. А без потачки помещикам межевщики делать не станут, ведь им за то помещики станут деньги давать; оно и выйдет, что оставят вам земли меньше чем наполовину против прежней: где было на тягло по две десятины в поле, оставят меньше одной десятины. И за одну десятину либо меньше, мужик справляй барщину почти что такую же, как прежде за две десятины, либо оброк плати почти что такой же, как прежде за две десятины.

Ну, а как мужику обойтись половиной земли? Значит, должен будет прийти к барину просить: дай, дескать, землицы побольше, больно мало мне под хлеб по царскому указу оставили. А помещик скажет: мне за нее прибавочную барщину справляй либо прибавочный оброк давай. Да и заломит с мужика сколько хочет. А мужику уйти от него нельзя, а прокормиться с одной земли, какая оставлена ему по отмежевке, тоже нельзя. Ну, мужик на все и будет согласен, чего барин потребует. Вот оно и выйдет, что нагрузит на него барин барщину больше нонешней либо оброк тяжелее нонешнего.

Да за одну ли пашню надбавка будет? Нет, ты барину и за луга подавай: ведь сенокос-то, почитай, что весь отнимут у мужика по царскому указу. И за лес барин с мужика возьмет, ведь лес-то, почитай, что во всех селах отнимут; сказано в указе, что лес — барское добро, а мужик и валежнику подобрать не смей, коли барину за то не заплатит. Где в речке или в озере рыбу ловили, и за то барин станет брать. Да за все, чего ты ни коснись, за все станет с мужика барин либо к барщине, либо к оброку надбавки требовать. Все до последней нитки будет барин драть с мужика. Просто сказать, всех в нищие поворотят помещики по царскому указу.

Да еще не все. А усадьбы-то переносить? Ведь от барина зависит. Велит перенести — не на год, а на десять лет разоренья сделает. С речки да на колодцы пересадит, на гнилую воду, да на вшивую, с доброй земли на солончак, либо на песок, либо на болото,— вот тебе и огороды, вот тебе и конопляники, вот тебе и выгон добрый, все поминай как звали. Сколько тут перемрет народу, на болотах-то да на гнилой-то воде! А больше того ребятишек жаль: их лета слабые, как мухи будут на дрянной-то земле да на дрянной-то воде мереть. Эх, горькое оно дело! А гробы-то родительские — от них-то каково отлучаться?

Тошно мужику придется, коли барин по царскому указу велит на новые места переселяться. А коли не переселил барин мужиков, так они, значит, уж в чистой, как есть, в кабале у него: на все есть у него одно такое словцо, что в ноги ему упадет мужик да завопит:

«Батюшка, отец родной, чего хочешь, требуй, все выполню, весь твой раб». А словцо это у барина таково: «Коли не хочешь такую барщину справлять, как я хочу, переноси усадьбу». Ну, и сделаешь все по этому словечку.

А вот что еще скажет: ты на меня работал этот день, да его в счет не ставлю: плохо ты работал, завтра приходи отрабатывать. Ну, и прийдешь. На это тоже власть барину дана по царскому указу.

Это все об том говорится, как мужикам будет жить, покуда их срочнообязанными звать будут, значит, девять лет, как в бумагах обещано, а на деле дольше будет, лет до двадцати либо до тридцати.

Ну, так; а потом-то что будет, когда, значит, мужику разрешено будет отходить от помещика? Оно, пожалуй, что и толковать-то об этом нечего, потому что долго еще ждать этого по царскому указу. А коли любопытство у вас есть, так и об этом дальнем времени рассудить можно.

Когда срочнообязанное время покончится, волен ты будешь отходить от помещика. Оно так и в указе обещано. Только в нем вот что еще прибавлено: а коли ты уйдешь, так земля твоя останется за помещиком. А помещик и сам, коли захочет, может тебя прогнать с нее. Потому, вишь ты, что земля, которая тебе была отмежевана, все же не твоя была, а барская, а тебе барин только разрешение давал ее пахать либо сено с нее косить; покуда ты срочнообязанным назывался, он тебя с нее прогнать не мог; а когда перестал ты срочнообязанным называться, он тебя с нее прогнать может. В указе не так сказано напрямки, что может прогнать, да на то выходит. Там сказано: мужик уйти может, когда срочнообязанное время кончится. Вот вы и разберите, что выходит. Барину-то от мужиков землю отнять хочется; вот он будет теснить их да жать, да сожмет так, что уйдут, а землю ему оставят,— оно, попросту сказать, и значит, что барин у мужиков землю отнять может, а мужиков прогнать.

Это об том времени, когда срочнообязанными вас называть перестанут. А покудова называют, барину нельзя мужиков прогнать всех с одного разу, а можно только по отдельности прогонять: ноне Ивана, завтра Сидора, послезавтра Карпа, поочередно; оно, впрочем, на то же выходит.

А мужику куда идти, когда у него хозяйство пропало? В Москву, что ли, али в Питер, али на фабрики? Там уже все полно, больше народу не требуется, поместить некуда. Значит, походишь, походишь по свету, по большим-то городам да по фабрикам, да все туда же в деревню назад вернешься. Это спервоначала пробу мужики станут делать. А на первых-то глядя, как они нигде себе хлеба не нашли, другие потом и пробовать не будут, а прямо так в том околотке и будут оставаться, где прежде жили. А мужику в деревне без хозяйства да без земли что делать, куда деваться, кроме как в батраки наняться. Ну, и наймешься.

Сладко ли оно батраком-то жить? Ноне, сами знаете, не больно вкусно; а тогда и гораздо похуже будет, чем ноне живут батраки. А почему будет хуже, явное дело. Как всех-то погонят с земли-то, так везде будут сотни да тысячи народу шататься да просить помещиков, чтобы в батраки их взяли. Значит, уже помещичья воля будет, какое житье им определить, они торговаться не могут, как ноне батрак с хозяином торгуется: они куску хлеба рады будут, а то у самого-то в животе пусто, да семья-то приюта не имеет. Есть такие поганые земли, где уж и давно заведен этот порядок; вот вы послушайте, как там мужики живут. У вас ноне избы плохи, а там и таких нет: в землянках живут да в хлевах, а то в сараях больших, в одном сарае семей десяток набито, все равно как там табун скота какого. Да и хлеба чистого не едят, а дрянь всякую, как у нас в голодные годы, а у них вечно так. У нас, в русском царстве, есть такая поганая земля,— где города Рига, да Ревель, да Митава стоят; а народ там тоже христианский, и вера у него тоже хорошая; да не по вере эта земля поганая, а по тому, как в ней народ живет: коли хорошо мужику жить в какой земле, то и добрая земля: а коли дурно, то и поганая.

Так вот оно к чему по царскому-то манифесту да по указам дело поведено: не к воле, а к тому оно идет, чтобы в вечную кабалу помещики вас взяли, да еще в такую кабалу, которая гораздо хуже нонешней.

А не знал царь, что ли, какое дело он делает? Да сами вы посудите, мудрено ли это разобрать? Значит, знал. Ну, и рассуждайте, чего надеяться вам на него. Оболгал он вас, обольстил он вас. Не дождетесь вы от него воли, какой вам надобно. А почему не дождетесь от него, тоже рассудить можно.

Сам-то он кто такой, коли не тот же помещик? Удельные-то крестьяне чьи же? Ведь они его крепостные. Да и вас-то в крепостные помещикам все цари же отдали, иных давно, так что вам уж и не памятно, а других не больно давно, так что деды помнят; пробабка нонешнего царя Екатерина отдала в крепостные из вольных[1]. А есть еще такие неразумные, что ее матушкою Екатериною величают. Хороша матушка, детей в кабалу отдала.

Вы у помещиков крепостные, а помещики у царя слуги, он над ними помещик. Значит, что он, что они — все одно. А сами знаете, собака собаку не ест. Ну, царь и держит барскую сторону. А что манифест да указы выпустил, будто вам волю даст, так он только для обольщения сделал. А почему сделал, вот почему. У французов да у англичан крепостного народа нет, вот они ему глаза и кололи, что у тебя, говорят, народ в кабале. Ему и стыдно было перед ними. Вот он им пыль-то в глаза и подпустил; для похвальбы это сделано, для обману сделано.

Волю, слышь, дал он вам! Да разве такая в исправду-то воля бывает? Хотите знать, так вот какая.

Вот у французов есть воля. У них нет розницы: сам ли человек землю пашет, других ли нанимает свою землю пахать; много

у него земли — значит, богат он; мало — так беден; а розницы по званью нет никакой, все одно как богатый помещик либо бедный помещик — все одно помещик. Надо всеми одно начальство, суд для всех один и наказание для всех одно.

Вот у англичан есть воля, а воля у них та, что рекрутства у них нет: кто хочет, иди на военную службу, все равно, как у нас помещики тоже юнкерами или офицерами служат, коли хотят. А кто не хочет, тому и принужденья нет. А солдатская служба у них выгодная, жалованье солдату большое дается; значит, доброй волей идут служить, сколько требуется людей.

А то и вот еще в чем воля и у французов, и у англичан; подушной подати нет. Вам это, может, и в ум не приходило, что без рекрутчины да без подушной подати может царство стоять. А у них стоит. Вот, значит, умные люди, коли так устроить себя умели.

А вот еще в чем у них воля: суд праведный. Чтобы судья деньги с кого брал, у них это и не слыхано. Они и верить не могут, когда слышут, что у нас судьи деньги берут. Да у них такой судья одного дня не просидел бы на месте, в ту же минуту в острог его запрятали бы.

А вот еще в чем у них воля: никто над тобою ни в чем не властен, окромя мира. Миром все у них правится. У нас исправник, либо становой, либо какой писарь, а у них ничего этого нет, а заместо всего староста, который без миру ничего поделать не может и во всем должен миру ответ давать. А мир над старостою во всем властен, а кроме мира никто над старостою не властен, и ни к кому староста страха не имеет, а к миру страх имеет. Полковник ли, генерал ли, у них все одно: перед старостою шапку ломит и во всем старосту слушать должон; а коли чуть в чем провинился генерал, али кто бы там ни был, перед старостою, али ослушался старосты, староста его, полковника-то аль генерала-то, в острог сажает,— у них перед старостою все равно: хоть ты простой мужик, хоть ты помещик, хоть ты генерал будь, все одно староста над тобою начальствует, а над миром начальствовать никто не может, потому что мир значит народ, а народ у них всему голова: как народ повелит, так тому и быть. У них и царь над народом не властен. Потому что у них царь, значит, для всего народа староста, и народ, значит, над этим старостою, над царем-то, начальствует. Хорош царь, послушествует народу, так и жалованье ему от народа выдается; а чуть что царь стал супротив народа делать, ну так и скажут ему: ты, царь, над нами уж не будь царем, мы тебя сменяем, иди ты с Богом, куда сам знаешь, от нас подальше; а не пойдешь, так мы тебя в острог посадим да судить станем тебя за твое ослушанье. Ну, царь и пойдет от них, куда сам знает, потому что ослушаться народа не может. А как провожать его от себя станут, они ему на дорогу еще и деньжонок дадут, из жалости. Христа ради там складчину ему сделают промеж себя по грошу аль по копейке

с души, чтоб в чужой-то земле с голоду не умер. Добрый народ, только и строгой же: потачки царю не любят давать. А на место его другого царя выберут, коли захотят, а не захотят, так и не выбирают, коли охоты нет. Ну тогда уж просто там на срок староста народный выбирается, на год там, на два ли, на четыре ли года, как народ срок ему полагает. Так заведено у народа, который швейцарцами зовется, и у другого народа, который американцами зовется. А французы и англичане царей у себя пока держут. И надобно так сказать, когда народный староста не по наследству бывает, а на срок выбирается и царем не зовется, а просто зовется народным старостою, а по-ихнему, по-иностранному, президентом, тогда народу лучше бывает. А то и при царе тоже можно хорошо жить, как англичане и французы живут, только, значит, с тем, чтобы царь во всем народу послушанье оказывал и без народа ничего сделать не смел и чтобы народ за ним строго смотрел, и чуть что дурное от царя увидит, сменял бы народ его, царя-то, и вон из своей земли выпроваживал, как у англичан да у французов делается.

Так вот какая в исправду-то воля бывает на свете: чтобы народ всему голова был, а всякое начальство миру покорствовало, и чтобы суд был праведный, и ровный всем был бы суд, и бесчинствовать над мужиком никто не смел, и чтобы пачпортов не было и подушного оклада не было, и чтобы рекрутчины не было. Вот это воля так воля и есть. А коли того нет, значит, и воли нет, а все одно обольщенье в словах.

А как же нам, русским людям, в исправду вольными людьми стать? Можно это дело обработать; и не то чтобы очень трудно было; надо только единодушие иметь между собою мужикам, да сноровку иметь, да силой запастись.

Вот вы, барские крестьяне, значит, одна половина русских мужиков. А другая половина — государственные да удельные крестьяне. Им тоже воли-то нет. Вот вы с ними и соглашайтесь, и растолкуйте им, какая им воля следует, как выше прописано. Чтобы рекрутчины, да подушной, да пачпортов не было, да окружных там, да всякой чиновной дряни над ними не было, а чтобы у них тоже мир был всему голова. И от нас, ваших доброжелателей, поклон им скажите: как вам, так и им одного добра мы хотим.

Государственным и удельным крестьянам от их доброжелателей поклон.

А вот тоже солдат — ведь он опять из мужиков, тоже ваш брат. А на солдате все держится, все нонешние порядки. А солдату какая прибыль за нонешние порядки стоять? Что, ему житье, что ли, больно сладкое? Аль жалованье хорошее? Проклятое нонче у нас житье солдатам. Да и лоб-то им забрили по принужденью, и каждому из них вольную отставку получить бы хотелось. Вот вы им и скажите всю правду, как об них написано. Когда воля мужикам будет, каждому солдату тоже воля

объявится: служи солдатом, кто хочет, а кто не хочет, отставку чистую получай. А у солдата денег нет, чтобы домой идти да хозяйством или каким мастерством обзавестись, так ему при отставке будут на то деньги выданы, сто рублей серебром каждому. А кто волей захочет в солдатах остаться, тому будет в год жалованья пятьдесят рублей серебром. А и принужденья никакого нет, хочешь — оставайся, хочешь — в отставку иди. Вы так им и скажите, солдатам: вы, братья-солдатушки, за нас стойте, когда мы себе волю добывать будем, потому что и вам воля будет: вольная отставка каждому, кто в отставку пожелает, да сто руб. серебром награды за то, что своим братьям мужикам волю добыть помогал. Значит, и вам, и себе добро сделают. И поклон им от нас кажите: солдатам русским от их доброжелателей поклон.

А еще вот кому от нас поклонитесь: офицерам добрым, потому что есть и такие офицеры, и немало таких офицеров. Так чтобы солдаты таких офицеров высматривали, которые надежны, что за народ стоять будут, и таких офицеров пусть солдаты слушаются, как волю добыть.

А еще вот о чем, братцы, солдат просите, чтобы они вас учили, как в военном деле порядок держать. Муштровки большой вам не надо, чтобы вам в ногу идти по-солдатски да носок вытягивать,— без этого обойтись можно; а тому надо учиться вам, чтобы плечом к плечу плотнее держаться, да команды слушаться, да пустого страха не бояться, а мужество иметь во всяком деле да рассудок спокойный, значит, хладнокровие. И то вам надо узнать, что покуда вперед прешь да плотно держишься, да команды слушаешься,— тут мало вреда терпишь; только тогда и опасность большая бывает, когда дрогнешь да мыться начнешь, да еще коли побежишь назад,— ну, тут уж плохо дело. А покуда вперед идешь, мало тебе пушка вреда делает. Ведь из сотни-то ядер разве одно в человека попадет, а другие все мимо летят. И о пулях тоже надо сказать. Тут грому много, а вреда мало.

А кроме того, ружьями запасайтесь кто может, да всяким оружием.

Так вот оно какое дело: надо мужикам всем промеж себя согласие иметь, чтобы заодно быть, когда пора будет. А покуда пора не пришла, надо силу беречь, себя напрасно в беду не вводить, значит, спокойствие сохранить и виду никакого не показывать. Пословица говорится, что один в поле не воин. Что толку-то, ежели в одном селе булгу поднять, когда в других селах готовности еще нет? Это значит, только дело портить да себя губить. А когда все готовы будут, значит, везде поддержка подготовлена, ну тогда и дело начинай. А до той поры рукам воли не давай, смиренный вид имей, а сам промеж своим братом мужиком толкуй да подговаривай его, чтобы дело в настоящем виде понимал. А когда промеж вами единодушие будет, в ту пору и назначение выйдет, что пора, дескать, всем дружно начинать. Мы уж увидим, когда пора будет, и объявление сделаем. Ведь

у нас по всем местам свои люди есть, отовсюду нам вести приходят, как народ да что народ. Вот мы и знаем, что покудова еще нет приготовленности. А когда приготовленность будет, нам тоже видно будет. Ну, тогда и пришлем такое объявление, что пора, люди русские, доброе дело начинать и что во всех местах в одну пору начнется доброе дело, потому что везде тогда народ готов будет, и единодушие в нем есть, и одно место от другого не отстанет. Тогда и легко будет волю добыть. А до той поры готовься к делу, а сам виду не показывай, что к делу у тебя подготовка идет.

А это наше письмецо промеж себя читайте да друг дружке раздавайте. А кроме своего брата-мужика да солдата ото всех его прячьте, потому что для мужиков да для солдат наше письмецо писано, а к другому ни к кому оно не писано, значит, окроме вас, крестьян да солдат, никому и знать об нем не следует.

Оставайтесь здоровы да вести от нас ждите. Вы себя берегите до поры до времени, а уж от нас вы без наставленья не останетесь, когда пора будет.

Печатано письмецо это в славном городе Христиании[2], в славном царстве Шведском, потому что в русском царстве царь правду печатать не велит. А мы все люди русские и промеж вас находимся, только до поры до времени не открываемся, потому что на доброе дело себя бережем, как и вас просим, чтобы вы себя берегли. А когда пора будет за доброе дело приниматься, тогда откроемся.

ПИСЬМО ЯКОБЫ ОТ УМАНЬСКИХ КРЕСТЬЯН К КИЕВСКОМУ, ВОЛЫНСКОМУ И ПОДОЛЬСКОМУ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРУ, ОБНАРУЖЕННОЕ 19 ФЕВРАЛЯ 1861 Г. В МЕСТЕЧКЕ ГОРОВАНЕВКЕ БАЛТСКОГО УЕЗДА ПОДОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ

С радостью приступаю к высказыванию вам той тайны, кроющейся в сердцах наших, которой никому другому я бы ни за что не поверил, и тех отчаянных, уготовляемых нами предприятий, которые последствием общего кровопролития и жестокой борьбы должны освободить наше племя от ига ляхов, много веков нас терзающих, сосущих кровь нашу и всячески усиливающихся не допустить малейшего в нас развития, поставляя род наш, род коренных славян, наравне или ниже своей скотины. Плачевная летопись, бывшая и нынешняя, представляет лишь ряд нашего неистового невольничества, более и более становящегося несносным и принуждающего нас жертвою крови искупить свободу. Мы намерены уничтожить ляхов. Государь император повелел освободить крестьян, распространить среди них грамотность, дать понять

крестьянам-человекам, что предназначение их не одно лишь скотское раболепство кичливым ляхам, не более быть полезными гражданами великого отечества. Но ляхи посулами преклонили на свою сторону власти, и увольнение осталось ложной надеждой, крестьяне подвергаются еще большему истязанию.

В плачевном положении влачится горемышная жизнь наша! Есть закон, но он не имеет силы и действия, он мертв; есть власть, но у нее на цели материальные свои пользы и выгоды. Если и пожаловаться иногда власти, то какие же последствия? Закричат, застучат, обвинят нас в самом прямом деле, а лях, оставшись прав, более усугубляет свои истязания. Все думает только, чтобы бить, гнать на невольническую повинность и обдирать нас, а о благосостоянии нашем и соблюдении справедливости никто и слышать не хочет. 〈...〉

Давнишное уманьское кровопролитное событие[1], тщательно сохраняемое в сердцах наших, окончательно убеждает нас, что блаженной памяти достойные предки наши имели справедливую месть, и соображение нынешнего с тогдашним ясно доказывает, что не предстояло им и не предстоит нам, несчастным, ничего другого более.

Зверские поступки и тиранство ляхов вызвали на брань, на достойный подвиг предков наших; невольничество, рабство, страшная зависимость, бессовестное пренебрежение и адское посрамление рода нашего заставляют нас последовать их примеру. Мы предвидим от сего смелого нашего предприятия, исполненного самоотвержения, пагубные для нас последствия, но они тем более пагубны для ляхов, искони наших противоставителей и в сердцах коих кроется змеиный для нас яд.

Как Спаситель св. кровию своею избавил мир, так и мы приносим в жертву кровь свою для искупления детей и жен наших из рода невольных. История вновь запятнает наш великодушный подвиг и напишет: «бунт крестьян в 1861 году», но так и быть! Во имя св. Троицы и во славу великого нашего государя Александра II начнем наше дело согласно начертанному плану нашим батюшкою, разделяющего нашу мысль и чувства и руководителя сего важного дела.

Да поможет нам Бог! Ура!

Всепреданные слуги крестьяне.

Весть эту посылаем из Умани, достопамятного места, где земля изсекла (?) кровию мучеников — предшественников наших — в добром деле для спасения.

«МАНИФЕСТ О ВОЛЕ», ОБНАРУЖЕННЫЙ В МАЕ 1861 Г. В ЛЕБЕДИНСКОМ УЕЗДЕ ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Апрель 1861 г.

Статья 1. Е[го] и[мператорское] в[еличество] объясняет: любезные мои дети, что я вам посылаю свою благодать. Не слушайте ни панов, ни попов, они вас будут обманывать, а найдите себе благодетельного человека, он вам прочтет мою милость правильно и вы ему заплатите с души по копейке серебром. Слушайте, что он будет читать, так и делайте, если будут насылать на вас чиновников, бейте, держитесь кучей, не выдавайте из себя и того, кто будет читать, и каким-нибудь способом приходите ко мне и правы будете.

Статья 2. Работать на барщине мужикам два, а женщинам один день с тягла, земля помещичья отдается вся крестьянам; помещикам оставляется очерета[1], болота, чтобы было где гнездиться, как чертям; вода сойдет — земля останется, и то людское, а около дома помещика на два ступеня вокруг.

Статья 3. Во время жатвы на работу к помещикам не ходить, пусть собирает хлеб со своим семейством, что соберет, то и его, а если будет оставаться несобранный хлеб, то собрать миром и миром разделиться.

Статья 4. Податей и повинностей пять лет никаких не платить, государь прощает.

Статья 5. Помещик должен пахать на своем участке сам сохою, и если не умеет направить сохи, то крестьянин, который тут случится, и пан его будет просить, должен направить, но не смеяться.

Статья 6. Пан должен жить с крестьянами в соседстве хорошо, и если скот или птица сойдет на огород или же на участок его земли, и он будет прогонять, то дом и все его постройки его раскидать, место расчистить и его из села выгнать.

Статья 7. Дворовым каждому семейству пон должен построить хату с постройками, дать лошадь, корову, соху, борону и все хозяйственные принадлежности и по 100 руб. сер. на каждого, а буде сего не исполнит, то все его имущество и постройки продать и раздать на мир.

Статья 8. Помещику оставляется земли пахотной участок на его семью такой же, как и мужику, а больше ничего.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Г. Д. ЩЕРБАЧЕВА ОБ ОБЪЯВЛЕНИИ МАНИФЕСТА 19 ФЕВРАЛЯ 1861 Г. В ПЕТЕРБУРГЕ

⟨...⟩ 17 февраля 1861 года было последнее заседание Государственного совета[1], а 19 февраля государь подписал Положения. ⟨...⟩

По подписании государем Положений нужно было время, чтобы их напечатать; а потому объявление Манифеста об освобождении крестьян отложено до 5 марта[2]. Положения печатались в сотнях тысячах экземпляров в типографии Второго

отделения Собственной его величества канцелярии и в двух частных типографиях, которым было объявлено, что если чрез кого-либо из служащих в народ проникнет слух о печатаемых Положениях, то типография будет закрыта и служащий подвергнется ссылке. Несмотря на такую угрозу, слух проник в народ, в чем я мог убедиться из следующего обстоятельства. У нас в доме жил кавалергардский офицер, который присылал мне деньги за квартиру обыкновенно с своим бывшим дядькой из крепостных. В конце февраля пришел ко мне этот дядька и, зная, что я интересуюсь крестьянским делом, объяснил, что Положения уже печатаются, что у него есть родственник-наборщик, который дал ему прочесть даже несколько корректурных листов. Я был немало удивлен этим известием, так как ни от кого не слыхал еще об окончании крестьянского дела. Случилось и тут, как всегда бывает, что чем строже секрет, тем скорее он проникает в ту среду, от которой хотят сохранить тайну. Двух дворников, как я слышал, высекли даже в полиции за то, что они говорили в трактире о подписанной государем воле, и, странное стечение обстоятельств, их высекли в тот самый день, когда Манифест был объявлен.

5 марта, в воскресенье, последний день масленицы, я пошел к обедне в Сергиевский собор, чтобы услышать чтение Манифеста и посмотреть, какое он произведет впечатление. Манифест написал, как говорили, московский митрополит Филарет; слог его был тяжел и малопонятен для простого народа; читал Манифест протоиерей Духовской весьма невнятно. Когда окончилось чтение и все стали выходить из церкви, я заметил на всех лицах какое-то недоумение вроде вопросительного знака. Сначала шли молча, но, выйдя на улицу, в разных местах составились кучки человек по 5 или 6 и начались оживленные разговоры. В 2 часа я поехал на Царицын луг, где было народное гулянье; плац был полон народом. Издали послышались крики «ура!» Государь ехал с развода; по мере того как он приближался, крики «ура!» становились громче и громче; наконец, когда государь подъехал к плацу, толпа заколыхалась, шапки полетели вверх, раздалось такое «ура!», от которого, казалось, земля затряслась. Никакое перо не в состоянии описать тот восторг, с которым освобожденный народ встретил своего царя-освободителя. Я счастлив, что мне пришлось в моей жизни видеть этот народный энтузиазм, не поддающийся описанию!

ПИСЬМА ИЗ ПРОВИНЦИИ, ПЕРЛЮСТРИРОВАННЫЕ НА ПЕТЕРБУРГСКОМ ПОЧТАМТЕ, ОБ ОБЪЯВЛЕНИИ МАНИФЕСТА 19 ФЕВРАЛЯ 1861 Г. (МАРТ — АПРЕЛЬ 1861 Г.)

ВЫПИСКА ИЗ ПИСЬМА М. БУЦКОВСКОГО ИЗ КИЕВА ОТ 9 МАРТА 1861 Г. К ВЛАДИМИРУ НИЛОВИЧУ ЛАВРОВУ В С.-ПЕТЕРБУРГ

Сегодня у нас было обнародование манифеста о свободе крестьян, который они, должно быть, не поняли, потому что ни на одной физиономии я не заметил радости. Зато помещики очень довольны Положением; они как никак не ожидали такого выгодного для них разрешения этого дела. Любопытно знать, что у вас делается и говорят? Пробежав наскоро Положение, я не понимаю, из-за чего было так много толков и неудовольствия в петербургских жителях.

ВЫПИСКА ИЗ ПИСЬМА И. НИКИТИНА ИЗ ВОРОНЕЖА ОТ 13 МАРТА 1861 Г. К НИКОЛАЮ ИВАНОВИЧУ ВТОРОВУ В С.-ПЕТЕРБУРГ

10 марта у нас был объявлен ожидаемый так давно и с таким нетерпением высочайший манифест об освобождении крестьян. Вы без сомнения спросите: Ну что? Какое впечатление произвел он на народ? — Ровно никакого. Мужики поняли из него только то, что им остается еще два года ожидания. В два года, говорят они, много утечет воды. Большая часть дворовых будто бы горюет, что им некуда будет деваться без земли; что ремеслам они не обучались, стало быть, положение их в будущем ничем не обеспечивается. Это равнодушие народа в такую минуту весьма понятно по двум причинам: во-первых, он еще не знает, как он устроится, станет ли ему легче в том положении, которое ему предоставляется, с теми средствами, которые он имеет в своих руках в настоящее время, а ведь эти средства так скудны; во-вторых, он до того привык к тому воздуху, которым дышал доселе, что теперь, когда пахнул на него новый, более свежий, не чувствует его живительной силы, не успел даже и понять, есть ли в этом новом воздухе живительная сила.

ВЫПИСКА ИЗ ПИСЬМА ЗА ПОДПИСЬЮ «Р. М.» ИЗ ТУЛЫ ОТ 16 МАРТА 1861 Г. К МИХАИЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ФИЛОСОФОВУ В С.-ПЕТЕРБУРГ

Чтение манифеста последовало в Туле 5 марта, а в деревнях 12 марта, и на народ никакого впечатления не произвело; крестьяне, как водится, не поняли манифеста и начали по-своему перетолковывать, давая себе небывалые преимущества. Когда прочли манифест в Стубленской церкви, то народ, именно стубленский, начал негодовать на нашего священника, что он неправильно читал манифест, они говорили, что земля должна оставаться в их собственности, а не собственностью помещика и что барщины никакой не должно быть. Священник убеждал их сколько мог, но они оставили это в подозрении. Наши же крестьяне на второй день после объявления, без всякого дозволения, отправились в Тулу для работ, разбранили старосту, что он им ничего не может говорить теперь, и женам даже запретили выходить на барщину, и работают по настоящее время, не знаю где. Староста хотел их собрать и скрыть от меня об этом случае, но только некоторые из них явились, а остальные не хотят

ничего знать. Поэтому староста вчера приехал ко мне и сообщил об этом. Сегодня я посылаю становому письмо, в котором прошу водворить порядок, и не знаю, как он там распорядится. Сумеет ли что-нибудь сделать? При нашем уездном начальстве и с нашими мужиками просто нужно с ума сойти. Если бы мне дозволили какую угодно сделать жертву, чтобы теперь же развязаться с ними, то я с удовольствием исполнил бы это, потому что спокойствие и здоровье дороже всего.

ВЫПИСКА ИЗ ПИСЬМА ЕКАТЕРИНЫ ЕЛАГИНОЙ ИЗ ОРЛА ОТ 17 МАРТА 1861 Г. К ИВАНУ СЕРГЕЕВИЧУ АКСАКОВУ В МОСКВУ

Сегодня прочли у нас манифест о свободе. Увы, мало произвел он радости в народе. Мужики заметно повесили носы, когда поняли, что им от помещика земли не прирезывается, а, напротив, еще с той части, что теперь имеют, плати оброк или барщину тяни.

Василий позвал их к себе, чтобы потолковать и расспросить, как и что они поняли и что думают делать; иные думают, что раздел между ними барской земли, без всякого с них налога, выкупа или оброка, отложен на два года, а покуда по-старому тяни барщину.

Другие, пессимисты, кажется, убедились, что ничего не будет, и полагают, что лучше уж оставить по-старому, т. е. работать, как работали. Барщина легче станет, прочие помещики не осилят обрабатывать своей земли и станут внаем ее отдавать, а они будут задешево нанимать, на своего же помещика работать два дня в неделю. ⟨...⟩

В Орле по прочтении манифеста 9 марта народ разошелся с убеждением, что это не та, а на днях пришлют другую, настоящую вольную.

Много во всем этом разочарования для мужиков, но все думали, что не до такой степени повесят носы. После обедни пришел к нам старик-конторщик, кланяется в землю и просит, чтобы между нами с ним осталось все по-старому. Он служит уже лет 40 и испугался, что теперь будет иметь дело со становым; мужики тоже просили, чтобы мы по-прежнему заступались за них перед становым или другими, какие будут теперь, чиновниками; а все же года через три и подумать нельзя будет взять назад то, что даровано сегодня, что сейчас посеяно.

Но как бы то ни было, все же нынче посеяны семена свободы, года через три, а может быть и меньше, пустят могучие корни.

Дай бог расти.

И все же этот день — счастливый, великий день.

ВЫПИСКА ИЗ ПИСЬМА В. ФРИБЕСА ИЗ БЕЛОСТОКА ОТ 24 МАРТА 1861 Г. К АЛЕКСАНДРУ ВИКЕНТЬЕВИЧУ ФРИБЕСУ В С.-ПЕТЕРБУРГ

(Перевод с польского)

Скверно у нас! Крестьяне бунтуют, не хотят отправлять барщину, собираются толпами. Флигель-адъютант с попом,

предводителем, стряпчим, исправником, батальонным командиром и офицерами разъезжают по имениям, а им вслед несколько сот мужиков кричат: «Не пойдем, мы вольные, не позволим бить наших!» Губернатор ничего не делает, а флигель-адъютант Нарышкин, как видно, в подобных делах еще не бывал, не знает, что делать с толпой; войска здесь мало; попа мужики обругали пьяницей; Нарышкину сказали, что он не флигель-адъютант, что помещики его переодели в адъютантский мундир и выдают за флигель-адъютанта! Жизнь помещиков не в безопасности; я хотел уехать в Белосток, но боюсь оставить свой дом, потому что и дворовые люди разбегутся, а мужики готовы все сжечь. Вот как понимают Положение! Если бы просто объявили личную свободу, землю оставили бы за помещиками, не назначая вовсе земли крестьянам в постоянное пользование, ничего бы и произойти не могло; каждый помещик сговорился бы со своими крестьянами, а те, которым не понравились бы предлагаемые условия, те пошли бы к другому помещику, а вместо их являлись бы или же другие мужики, или вольные поселенцы. Если бы по крайней мере правительство разрешило помещикам нанимать рабочих из государственных крестьян за установленную плату, и то было бы лучше, а теперь одному богу известно, чем это кончится! Положение помещиков чрезвычайно грустное — все духом упали.

ВЫПИСКА ИЗ ПИСЬМА ЮРИЯ САМАРИНА ИЗ САМАРЫ ОТ 22 АПРЕЛЯ 1861 Г. К ИВАНУ ПАВЛОВИЧУ АРАПЕТОВУ В С.-ПЕТЕРБУРГ

В течение одного месяца мы здесь пережили два периода и теперь вступаем в третий. Период грустного разочарования начался с обнародования манифеста. Затем наступил период выжидательного сопротивления или пассивного уклонения от исполнения повинностей. Были поводы опасаться, что единовременные и почти повсеместные попытки (большей частью совершенно безнаказанные) вовсе не выходить на работу перейдут в общую стачку; но этому помешали многие обстоятельства, между прочим: отдаленность селений друг от друга, трудность сообщений, распутица и т. д. Теперь, кажется, начинает проникать в сознание крестьян убеждение, что повинности не отменены. Они говорят: «Помещики упросили царя еще на два года дать им попользоваться, а там объявят настоящую волю. Нечего делать, два года потерпим». Тепреь весь вопрос в том: в эти два года настолько ли улучшится положение крестьян, чтоб убедить их в возможности правильного и законного хода реформы до полного выкупа земли и заставить их отказаться от надежды на coup d'état*.

Теперь все толкуют в деревнях Положение, каждый по своему, и потому едва ли кому-нибудь удастся около себя сгруппировать

* Государственный переворот *(фр.)*.

целую массу. Гораздо важнее другое явление, конечно, не новое, не неожиданное, но которое теперь обнаружилось перед всеми с сокрушительной ясностью. Это полное, безусловное недоверие народа ко всему официальному, законному, pour tout ce qui est constitué**, т. е. ко всей той половине русской земли, которая не народ. Обыкновенно официальность и образованность относятся к народу как власть, т. е. передает приказания и требует послушания. В настоящем случае пришлось толковать, объяснять, убеждать, резуверять. Мы встретились с народным убеждением и сами убедились, что оно не только не подвластно нам, но что вообще слово не берет его, не действует на него нисколько. Спор возможен только при одном условии, когда у спорящих есть хоть одна общая исходная точка, хоть один факт, в котором они не сомневаются. Этого-то и не оказалось на сей раз. Манифест, мундир, чиновник, указ, губернатор, священники с крестом, высочайшее повеление — все это ложь, обман, подлог. Всему этому народ покоряется, подобно тому как он выносит стужу, метели и засуху, но ничему не верит, ничего не признает, ничему не уступает своего убеждения. Правда, носится перед ним образ разлученного с ним царя, но не того, который живет в Петербурге, назначает губернаторов, издает высочайшие повеления и передвигает войска, а какого-то другого, самоданного, полумифического, который завтра же может вырасти из земли в образе пьяного дьячка или бессрочноотпускного.⟨...⟩

ИЗ ДОНЕСЕНИЙ УЕЗДНЫХ ЧИНОВНИКОВ КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ ГУБЕРНАТОРУ В. А. АРЦИМОВИЧУ ОБ ОБНАРОДОВАНИИ В УЕЗДАХ МАНИФЕСТА И ПОЛОЖЕНИЙ 19 ФЕВРАЛЯ 1861 Г.

ИЗ ДОНЕСЕНИЯ МЕЩОВСКОГО КВАРТАЛЬНОГО НАДЗИРАТЕЛЯ ВЫСОЦКОГО

⟨...⟩ Во время объявления Манифеста все было тихо, чинно, спокойно, не было никаких выражений особенного восторга и радости.⟨...⟩ Они ожидали полной, по их понятиям, свободы, совершенного освобождения от всех повинностей, дарового надела землею и усадьбами.⟨...⟩ Что касается до издельной повинности, они никак не ожидали встретить ее в новом Положении. Условие этой ненавидимой ими повинности и ответственность за неисправности в работах решительно не понравились им, что ясно заметно было из их разговоров, одним словом, что это не по них. Дворовые же люди, как заметил я, твердо уверены были получить надел землею наравне с крестьянами, готовые усадьбы с полным обзаведением всего хозяйства, но они совершенно ошиблись

** Ко всему тому, что установлено *(фр.)*.

в своих ожиданиях, и новое Положение произвело на них неприятное впечатление, и [они] совершенно упали духом; замечено же это было мною во всех имениях.〈...〉

ИЗ ДОНЕСЕНИЯ КОЛЛЕЖСКОГО СЕКРЕТАРЯ Б. РАЗУМОВСКОГО

〈...〉 Вообще при таком знаменательном событии не выразилось ничего достойного замечания в народном сочувствии. Начались у них между собою различные толки: «И волю объявили, а в понедельник опять погонят на работу»,— говорили одни. «Теперь в эти два года-то из нас последний выжмут сок»,— рассуждали другие. Хотя они поняли, что для устройства дела нужно время, что ни волостей не установлено, ни посредников не назначено, со всем тем два года оставаться в прежнем повиновении помещику для крестьян было неприятно. Они ожидали со дня объявления Манифеста совершенной независимости от помещика.〈...〉

ИЗ ДОНЕСЕНИЯ КОЛЛЕЖСКОГО АСЕССОРА ГУБИНА

〈...〉 По сборе народа зажигались [в церкви] местные свечи[1], священники облачались в праздничные ризы, выходили с Манифестом в руках в царские врата к поставленному на амвоне аналою; выход священника встречен был народом с усердною мольбою иконам, сопровождавшеюся глубокими вздохами; затем следовала мертвая тишина и начиналось чтение Манифеста. Люди, услыхав в Манифесте исторический образ крепостного над ними права и существовавший порядок пользования сим правом, все проникнуты были самым напряженным вниманием, но из этого внимания ничего на лицах их, кроме грусти, не проявлялось. Когда чтение дошло до слов «Призвав Бога в помощь, мы решились дать сему делу исполнительное движение», тут лица крестьян мгновенно оживились, но это оживление было ненадолго. При чтении Манифеста о праве собственности помещиков на землю и последующих за сим пунктов на крестьянах более и более выражалась грусть, а при последнем пункте сего отдела Манифеста, где назначается для новых перемен двухлетний срок, у всех крестьян отразилась на лице безысходная неопределенная грусть, а у более смелых и энергических заметно было неудовлетворение〈...〉.

ИЗ ДОНЕСЕНИЯ ЧИНОВНИКА ОСОБЫХ ПОРУЧЕНИЙ КАРИЖЕНСКОГО ИЗ МАСАЛЬСКОГО УЕЗДА

〈...〉 Огромное большинство крестьян осталось, по-видимому, равнодушно при чтении Манифеста, причем многие из крестьян, с которыми мне приходилось говорить, из всего Манифеста выводили одно лишь общее заключение, что остаются в продолже-

ние двух лет в прежнем повиновении помещикам и прежней от них зависимости, и высказывали при этом опасение, что помещики, пользуясь этим двухлетним сроком, обложат их новыми поборами и повинностями и что на них нельзя будет найти управ, ибо дела их будут разбирать уездные предводители, такие же помещики. ⟨...⟩

ИЗ ДОНЕСЕНИЯ МЕЩОВСКОГО СУДЕБНОГО СЛЕДОВАТЕЛЯ ВИТКОВСКОГО

⟨...⟩ Крестьяне были разочарованы в своих ожиданиях; они предполагали, что со дня объявления им Манифеста не будут ни от кого зависимы, сделаются собственниками всех земельных угодий, которыми пользовались до настоящего времени без всякого вознаграждения за то их владельцам; а еще более привело их в грустное и затруднительное положение, узнав горькую истину, что они обязаны за надел земли отбывать в пользу помещиков или издельной повинностью, которой так долго были угнетаемы, или же платить оброк, но в этом случае боялись высокой платы, назначенной помещиками за предоставленные им участки земельных угодий. ⟨...⟩ Что же касается до дворовых людей, то они, узнав настоящее их отношение к своим помещикам и будущую свою участь, совершенно упали духом; надежда их простиралась получить полную оседлость, землю и все необходимое заведение для хозяйства. ⟨...⟩

ИЗ ДОНЕСЕНИЯ УЕЗДНОГО СТРЯПЧЕГО ТОМАШЕВСКОГО ИЗ ЖИЗДРИНСКОГО УЕЗДА

⟨...⟩ В имении графа Толстого крестьяне по окончании чтения [Манифеста.— *Сост.*] с грустью отозвались: «Все это хорошо, что мужичка перестанут теснить насчет женитьбы там и прочего, да мы и не видели тяготы ни в этом, ни в подводах и ни в чем, а сборов с нас птицею и другим никогда не было; но вот мы о чем думаем: по новым порядкам, говорят, что дадут по 4 десятины на душу и заставят платить оброк по 9 руб. с души. Это нас в корень разорит. Земли наши худые, песчаные, яровина почти совсем не родится. Теперь мы платим графу по 12 руб. с тягла и то еле-еле, а по новым порядкам придется платить с тягла около 20 руб. Это будет нам невмоготу». О размерах душевого надела землею и о платеже за оную крестьяне знали уже прежде раздачи Положений.

ИЗ ДОНЕСЕНИЯ ПОЛИЦЕЙСКОГО ИСПРАВНИКА МАЛОЯРОСЛАВЕЦКОГО УЕЗДА ЧЕЛИЩЕВА

⟨...⟩ Нужно было, согласно с данным [мне] наставлениям указать на новые сборы [денег] для содержания собственного их [крестьян] управления. Начали мужики переминаться с ноги на ногу.

— Что вы, ребята?

— Да вот, батюшка, хотим спросить, ты все говоришь и читаешь о правах да о свободе, стало, на барщину ходить уже не нужно?

— Нет, братцы, нужно, ведь вы владеете помещичьей землей, стало, за нее надо работать помещику, кто работал, или платить оброк, кто платил его прежде; только работа определена для женщин два дня и для мужчин три дня с тягла.

После этого объяснения крестьяне задумались, видно было, что они смекали: как же это? говорят нам, будет лучше, а барщина остается, да при этом еще новый сбор, тут что-то неладно. Дальше я боялся говорить об этом предмете прямо, а из разговоров стороной убедился, что они не того ожидали. ⟨...⟩

ИЗ ДОНЕСЕНИЯ СТАНОВОГО ПРИСТАВА ЛИХВИНСКОГО УЕЗДА Н. КОЛЕНИУСА

⟨...⟩ В с. Грязном крестьяне восторженно слушали чтение так долгожданной ими воли до тех пор, пока священник не прочитал, что, пользуясь наделом земли, крестьяне обязаны исполнять в пользу помещика определенные повинности. Не неудовольствие, а какое-то тяжелое, грустное раздумье выразилось тогда на лицах крестьян.

Чтобы понять их впечатление, надобно вспомнить, какой свободы они ожидали. Когда при случившихся в прошлых годах волнениях крестьян говорили им, что и свободные люди работают или платят за землю, которою пользуются, когда случалось, что крестьяне препятствовали помещику продать лес, отдать внаймы луг или пахотную землю и им доказывали, что право помещика на землю есть неотъемлемое право собственности, возражение крестьян было всегда одинаково: «А для нас разве и земли нет? Мы тут спокон веку живем, и неужели на наши христианские души господь и землю не сотворил?»

Пользуясь позволением не стесняться в представляемой записке выражениями, я сравниваю эти простые слова с мыслями более развитых людей. Между составителями различных проектов общественной жизни, политикоэкономами, являлись не раз проповедники общности имуществ. Один из представителей такой школы, Прудон, сказал то же, что и крестьяне, и даже больше:

«Кому следует арендная плата за землю? Без сомнения, производителю земли. Кто сотворил землю? Бог. Если так, то ты, владелец, пойди прочь»[2].

Если у человека развитого, и притом такого, для которого лично пользование землею не было исключительным средством к существованию и который, следовательно, не был заинтересован правом безвозмездного пользования земельным участком настолько, насколько заинтересованы крестьяне, могла явиться подобная мысль, то при отсутствии юридических понятий в крестьянине-

земледельце, сроднившемся со своим участком земли, такая мысль естественная уже и потому, что помещик владел крестьянским наделом только de jure, de facto владели своим наделом сами крестьяне; в их пользовании находились их участки; то им и в голову не могло прийти продавать землю даже и тогда, когда бы она действительно им принадлежала; что, пользуясь наделом земли, они работали помещику или платили оброк, то ведь и дворовые, у которых земли не было, точно так же платили и работали. Крестьяне считали данные им наделы своею собственностью, а повинности в пользу помещика — следствием одного только крепостного права, с уничтожением которого ожидали и уничтожения этих повинностей. ⟨...⟩

После объявления Манифеста распространилось между крестьянами ожидáние нового Манифеста о предоставлении им земли в собственность. Свобода без земли была для них немыслима. Потом, когда объявлено было Положение, крестьяне говорили между собою, что воля должна объявляться до трех раз, и ожидали третьего объявления о предоставлении им земли в собственность. ⟨...⟩

ИЗ ДОНЕСЕНИЯ ЗАСЕДАТЕЛЯ ТАРУССКОГО УЕЗДНОГО СУДА КОНДЫРЕВА

⟨...⟩ Нельзя было сделать положительное заключение о степени народного сочувствия к совершающейся реформе как потому, что настоящего преобразования они еще не поняли совершенно ясно, так и потому, что не имели еще времени семейно и на своих совещаниях обсудить все проекты Положения. Но при внимательном наблюдении мне казалось, что бóльшая часть крестьян понимала освобождение из-под крепостной зависимости в более обширном смысле, т. е. что повинности их относительно помещиков будут гораздо легче. Дворовые же люди в большей части имений говорили: «Наше положение не такое, как положение крестьян, им хорошо, а мы должны, прослуживши еще два года, на том же положении отправиться куда знаешь, да если кому и можно взять у общества землю, то кто же нас обстроит и обзаведет всем тем, что нужно для хлебопашца. ⟨...⟩

ИЗ ДОНЕСЕНИЯ ЖИЗДРИНСКОГО УЕЗДНОГО СЛЕДОВАТЕЛЯ КАТКОВА

⟨...⟩ Один крестьянин при раздаче Положений обратился ко мне со следующими словами: «Батюшка, послушай, что я тебе скажу: нас опась берет, как бы вместо одного помещика не развелось у нас много на свободе. Мы готовы трудиться, ах, батюшка, как не трудиться, мы бы и день и ночь трудились и не изнемогли б, если бы труды наши шли на нас и на детей наших. Вот ты, батюшка, чай, сам семейный человек и деток, чай, имеешь,

может быть, ты и сам не поспишь да поработаешь, а для кого все это, как не для детей. А мы также ведь люди, нам также жаль своей крови. А то, бывало, работаешь, работаешь — что в решето сеешь, ничего тебе не остается. А когда бы мужичок работал на себя, и вам бы, господам, было лучше, и у вас было бы побольше хлебца.⟨...⟩

ИЗ ДОНЕСЕНИЯ ДЕПУТАТА ОТ ДВОРЯНСТВА МЕДЫНСКОГО УЕЗДА МОГИЛЕВИЧА

⟨...⟩ В некоторых местах крестьяне понимали в превратном виде дарованные им права свободы: иные полагали, на основании народных толков, что земли за помещиками не останется ничего, исключив их усадьбы и сады, а другие убеждены были, что за предоставляемые им определенной пропорции земли они уже никому, никогда и ничего платить или отбывать работами не будут. ⟨...⟩

ИЗ ДОНЕСЕНИЯ СТАНОВОГО ПРИСТАВА МАЛОЯРОСЛАВЕЦКОГО УЕЗДА НЕДУМОВА

⟨...⟩ По прочтении им некоторых параграфов они, выслушав, спрашивали вновь: да в чем же заключается наша воля — ходи на барщину или плати оброк, эка воля! ⟨...⟩

ИЗ ДОНЕСЕНИЯ УЕЗДНОГО СТРЯПЧЕГО МЕДЫНСКОГО УЕЗДА МУРАВЬЕВА

<...> Чтение Манифеста и распорядительного указа Сенату было принято довольно холодно. <...>При прочтении Манифеста в Капустинском приходе из народа раздалось несколько голосов: «Как долго еще ждать?» Подобные слова я слышал почти везде. Чтение указанных параграфов Положения также не совсем утешительно подействовало на крестьян: тот же двухлетний срок мешал полному сочувствию народа к уничтожению крепостной зависимости.<...>

ЗАПИСКИ СЕЛЬСКОГО СВЯЩЕННИКА. 1861 Г.

В марте 1861 г. ко мне приехал из города чиновник от уездного исправника с требованием, чтобы я немедленно приезжал к нему в город для объявления по селам высочайшего Манифеста об улучшении быта крестьян, находящихся в помещичьей зависимости. При отношении исправника был приложен и указ консистории, которым предписывалось мне, как благочинному, находиться при священниках в качестве наблюдателя при чтении ими в церквах высочайшего Манифеста. Я тотчас же с этим же чиновником поехал. С исправником мы были коротко знакомы давно.

В городе мы тотчас принялись с ним вместе читать Положение о крестьянах, так как его не читал и исправник. На другой день, утром рано, мы поехали с ним в первое ближайшее к городу село. Становые пристава, сотские и десятские оповестили уже крестьян всех деревень этого прихода, чтобы они утром рано все были в церкви. Погода была теплая и дорога убийственная: снег таял, текли ручьи, и зажоры в каждой лощинке решительно не давали нам ходу; поэтому мы тащились шагом. В первой деревне, в верстах пяти от города, все жители деревни, и старый и малый, высыпали нам навстречу. На всех лицах ясно были видны и радость, и недоверие. Низкими поклонами встретили они нас, и видно было, что они не знали, радоваться им нашему приезду или плакать; все жадно всматривались в нас и торопились поскорее прочитать в глазах наших весть об ожидавшей их дальнейшей судьбе. И исправника, и меня крестьяне знали хорошо, но теперь как будто не узнавали; все стояли без шапок, в каком-то забвении: и радость, и горе, и надежда, и недоверие — все ясно выражалось в этом стоявшем народе. Один старик не вытерпел: кланяясь нам и со слезами на глазах, закричал:

— Что вы нам, отцы родные, везете, кормильцы наши?

Исправник закричал: «Волю, братцы, волю; волю мы везем вам! В церковь, братцы, идите, мы будем читать вам волю!»

Старик заплакал и перекрестился; за ним начали креститься все, а ребятишки запрыгали: «воля, воля!»... Мы ехали шагом, и вся толпа шла за нами. Деревнею, в одной лощине, мы было завязли; мужики подхватили наши сани и вынесли на себе.

— На себе донесем вас,— закричали все, смеясь,— лишь волю-то нам дайте!

Вся деревня пошла с нами в село. По пути, верстах в двух от этой деревни, стоит другая деревня. Крестьяне и этой деревни стояли и ждали нас. Лишь только мы показались из-за горки, как сопровождавшие нас замахали шапками и закричали им:

— Воля, воля! Волю везут, волю!..

Крестьяне и этой деревни пошли за нами. Шествие наше поэтому было очень торжественно. Не давши нам подъехать саженей 200, все мужики расступились на две стороны, давая нам дорогу. Мы вошли в церковь; местный священник ждал уже нас там; за нами вошел народ, сколько могло вместиться. В приходе этом было помещиков человек пятнадцать, по крайней мере, но в церковь никто из них не пришел. Священник надел ризы и вышел на амвон; в глазах народа я дал ему Манифест и попросил прочитать его. По одну сторону священника стал я, по другую исправник; становые и сотские стояли вокруг амвона, чтоб не было давки. Настала мертвая тишина, да такая, что буквально было бы слышно, если б пролетела муха. Перекрестившись, священник начал читать. Как только прочел он слова Манифеста: «Добрые отношения помещиков с крестьянами ослабевали и открывался путь к произволу, отяготительному для крестьян

и неблагоприятному для их благосостояния», народ зашумел. Зашумел сперва едва слышно, потом шум стал возрастать, но нельзя было разобрать ни слова. Исправник обратился к народу, тихо и протяжно произнес: тс!.. Все разом умолкли. Священник прочел: «Самому дворянству предоставили мы, по собственному вызову его, составить предположения о новом устройстве быта крестьян». ...Народ загудел опять. Исправник остановил опять. При словах: «Крепостные люди получат в свое время полные права свободных обывателей. Помещики, сохраняя право собственности на все принадлежащие им земли, предоставляют крестьянам за установленные повинности в постоянное пользование усадебную их оседлость» — крестьяне зашумели опять. Исправник опять остановил их. Когда прочтено было: «Пользуясь сим поземельным наделом, крестьяне за сие обязаны исполнять в пользу помещиков определенные в Положении повинности» крестьяне, видимо, были огорчены и повесили головы. Один из стоявших впереди крестьян сказал вслух: «Да какая же это воля?» Но становой пристав дернул его за рукав, и он замолчал. Когда прочтено было: «Как новое устройство, по неизбежной многосложности требуемых оным перемен, не может быть произведено вдруг, и потребуется для сего время, примерно не менее двух лет, то в течение сего времени, в отвращение замешательства и для соблюдения общественной и частной пользы, существующий доныне в помещичьих имениях порядок должен быть сохранен дотоле, когда по совершении надлежащих приготовлений открыт будет новый порядок», народ зашумел опять. А этот же крестьянин, стоявший впереди, вслух сказал: «Да господа-то в два-то года-то все животы наши вымотают». Но порядок опять был восстановлен. Священник прочел: «До истечения сего срока крестьянам и дворовым людям пребывать в прежнем повиновении помещикам и беспрекословно исполнять прежния их обязанности». Крестьяне зашумели не на шутку. Поднялся ропот и крик до того, что священник должен был остановиться чтением. Унимая шум, исправник сказал им:

«Не смейте прерывать царского слова! То, что читает батюшка, говорит вам государь император. Если он говорит вам не волю, а каторгу, то вы и тогда должны молчать, слушать и повиноваться. Вам государь дарует милость, дает волю, а вы осмеливаетесь кричать. Молчите и ни слова больше!»

Крестьяне мгновенно утихли и до конца чтения Манифеста стояли, как будто не было ни души в церкви. После Манифеста был отслужен благодарственный молебен с многолетием государю императору. После молебна исправник велел тотчас же выйти всем из церкви затем, что он хочет разъяснить им кое-то из прочтенного Манифеста и имеющегося у него «Положения». Не прикладываясь к кресту, народ тотчас вышел и стал около крыльца в ограде и за оградою. Мы с исправником стали на крыльце, и исправник начал объяснять им не понятые ими слова

Манифеста. Вместе с этим объяснил им, что они с этого времени имеют право отдавать дочерей своих в замужество куда угодно и брать себе в жены и снохи кого угодно — из других барщин, из государственных крестьян, мещан и вообще кого хочешь, не спрашивая господ. С этого времени господа не будут собирать с них шерстью, яйцами, курами, баранами, маслом, грибами, ягодами, нитками, холстом и ничем ровно. «Малолетков и стариков на барщину посылать не будут, ни у кого ваших рабочих дней отнимать не будут», словом, он выяснил им все, что могло служить для полного их успокоения.<...>

ИЗ РАПОРТА СВИТСКОГО ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА А. М. ДРЕНЯКИНА ОТ 13 МАЯ 1861 Г. АЛЕКСАНДРУ II О ВОЛНЕНИЯХ КРЕСТЬЯН В ЧЕМБАРСКОМ И КЕРЕНСКОМ УЕЗДАХ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ И О РАСПРАВЕ С НИМИ

<...> 12-го числа [апреля] утром получено было в Пензе известие, что Чембарского у[езда] крестьяне имений гр[афа] Уварова и других владельцев, до 26 сел и деревень, совершенно отказались от повиновения своим помещикам, невзирая на вразумления уездного предводителя дворянства и земской полиции, прибывших в дер. Черногай того же уезда, место сборища крестьян окружных селений. Чембарский предводитель дворянства по неуспешности увещеваний принужден был оставить помянутое селение, куда собралась толпа до 3000 человек, и вытребовать для водворения порядка квартирующую в одном переходе 10-ю роту Тарутинского великого герцога Ольденбургского полка. Но и 9 апреля по размещении ее в дер. Черногае по дворам толпа все прибывала, причем буйство дошло до того, что 10-го числа земский исправник Чембарского у. Андреев и вызванный крестьянами из с. Чернышева управляющий имениями гр. Уварова Пичугин не избегли тяжких оскорблений, побоев, которых не успела даже отвратить вызванная по сбору рота, проложившая себе дорогу прикладами и успевшая выручить одного только станового пристава. Исправник же, рассыльный его и Пичугин остались в руках бунтовщиков, закованы ими в железа и отданы под крестьянский караул. Наутро им сулилась мученическая смерть.

Одновременно с захватом поименованных лиц вооруженные в толпе кольями, вилами, пешнями иные кидали с крыши кирпичи, бросались на роту и, хватаясь за штыки, пытались ее обезоружить до того, что командующий ротой поручик Лиденбаум, охраняя военную честь, вынужден был открыть пальбу и отступать, боясь быть отрезанным до перехода через плотину толпою, бросившеюся в обход, причем сам чуть было не сделался жертвою озлобления

крестьян, если бы выстрелом из револьвера не удалось ему убить замахнувшегося на него колом. Отступив же за ручей, избегая вообще большого кровопролития, он остановил роту и, видя, что толпа готова была снова сделать нападение, он отвел свою роту далее и потом на свои квартиры в с. Ершово. Последствиями неожиданной стычки было убито крестьян 3, ранено 4, захвачен крестьянами раненный колом в голову, ушибленный по руке вольноопределяющийся из дворян унтер-офицер Мешвиц и 1 рядовой.

Видя в этом событии не только одно неповиновение помещику и неправильное понимание высочайше дарованных крестьянам прав, но явное возмущение с посягательством на власти и войска даже с оружием в руках, я по соглашению с начальником губернии того ж 12 апреля в полдень с майором корпуса жандармов Лаксом выехал на место происшествия, отстоящее от гор. Пензы в 150 верстах. Но по причине разлития рек, снесения нескольких мостов и весьма дурной дороги, причем должен был менять колеса на сани и обратно, после 36-часовой езды до гор. Чембара только 14 апреля мог прибыть в мирное с. Поим гр. Шереметева, ближайшее к Черногаю. Сделав еще общее с начальником губернии 8-го числа из Пензы распоряжение о сборе в Поиме 1-го батальона Казанского пехотного е.и. высочества вел.кн. Михаила Николаевича полка, где узнал, что 3-й батальон Тарутинского полка начальником штаба 6-го армейского корпуса направлен в Чембарский у. в мое распоряжение. <...>

С 14-го числа того же месяца в числе донесений я получил от керенского уездного предводителя дворянства сведения, что Керенского у. в с. Кандеевку г. Волкова из окружных деревень 4 соседних уездов Пензенской и Тамбовской губерний собирается масса народа, доходившая до 10 000 человек, что крестьяне с криками «Воля, воля!» развозят по селениям красное знамя, оскорбляют священников, бьют старшин и сотских, угрожая сделать то же самое с управляющими и с гражданскими и военными начальниками; разъезды и пикеты их перехватывают рассыльных, несмотря на ничьи увещевания, кричат: «Земля вся наша. На оброк не хотим и работать на помещика не станем».

Вследствие этих донесений для пресечения зла я решился из Черногая двинуться в Кандеевку; по дороге же заехать в с. Высокое, имение г. Кожина, временнообязанные крестьяне коего еще 2 апреля заставили убежать управляющего, запечатали дом, сопровождая свои бесчинства оскорблениями его семейству. В ночь на 16-е число по требованию ныне генерал-лейтенанта барона Винценгероде отпустив 3 роты Тарутинского полка в его распоряжение Тамбовской губ. в Моршанский у., 16 апреля утром с 3 ротами Казанского полка прибыл в с. Высокое. Крестьяне сказанного селения просили прощения, каковое и было им дано, после того как собранная мною сходка выдала мне зачинщиков

возмущения. Главный же возмутитель Леонтий Егорцев того же села не мог быть мною захвачен, ибо (как позднее дознано), узнавши о приближении военной команды, он еще накануне был вывезен в Кандеевку в возу соломы. Как оказалось впоследствии, он был самый опасный из бунтовщиков. Принадлежа к секте молоканов, каковые существуют в губернии, он в короткое время успел приобрести огромное влияние во всем краю. Вследствие его ложных толкований и присвоения себе особых прав вера в него была так сильна, что из разных деревень присылали за ним тройки с приглашением прибыть к ним для разъяснения им Манифеста, водили его под руки, нося за ним скамейку, становили на возвышение, с которого он по-своему возвещал им волю. Власть его наконец возросла до того, что он начал делать денежные поборы и, дабы успех возмущения склонить на свою сторону, грозил вешать тех, которые его ослушаются, а потом и начальников усмирения. Вместе с тем он убеждал всех угрозами, что в случае прибытия войска «никто под опасением смерти не должен выдавать своих» и никто не должен верить ни земской полиции, ни предводителю, ни даже мне, по его выражению, «царскому послу», подкупленному будто бы помещиками.

По ходу событий видя, что виновных может накопиться, и, кроме того, усматривая из новых донесений керенского уездного предводителя дворянства и командированного мною 14 апреля из с. Поима в Кандеевку жандармского штаб-офицера, что в сказанном селе волнение начинает принимать угрожающие размеры (народ толпами не перестает прибывать с разных сел и деревень, расхаживая по улице с кольями, дубинами), я, предвидя, что здесь дело не может обойтись без быстрых решительных мер и для того, чтобы подавить возмущение, разлившееся уже по Чембарскому, Керенскому и соседним уездам Тамбовской губ., 16 апреля телеграммой через шефа жандармов испрашивая поведения в.в. решить виновных по моему суду, отправился с 2 ротами Казанского полка в Кандеевку, оставив в с. Высоком для поддержания спокойствия роту его высочества, в Поиме же — 1-ю стрелковую для принятия пересылавшихся туда арестантов и для конвоирования их до гор. Чембара, откуда они отправились в гор. Пензу.

Опередив направленные мною в Кандеевку 2 роты, 16-го же апреля около вечера с состоящим при мне по распоряжению начальника 16-й пехотной дивизии подпоручиком Углицкого пехотного полка Худяковым и с жандармом вестовым подъехал к усмотренной мною на улице сказанного села значительной толпе. Начав с ласкового привета к стоявшему впереди толпы старому отставному солдату, по-видимому, заслуженному, с произвольными, впрочем, красными полулацканами и орденскими лентами от плеча до плеча, как оказалось, в двойном количестве нашитыми, он на обычные вопросы отвечал мне уклончиво с прибавлением слов, не касавшихся дела: «За Бога и за царя

умереть готовы», увлекая тем народ. На мои приказания меня оставить не отходил, продолжая свой говор. Тогда я приказал находившемуся при мне жандармскому рядовому Михайле Торурову захватить его, что, сверх чаяния, было удачно исполнено и о чем бунтовщики, как было дознано, сожалели. Солдат этот, 72 лет, Елизаров, по показанию самих крестьян, оказался одним из главных возмутителей и, кичась своими военными заслугами, называл себя гр. Толстым.

Перейдя приветливо к толкованию крестьянам высочайше дарованных им прав, я предлагал им смириться и до уставной грамоты повиноваться помещику, работая в его пользу по новому Положению, или же перейти на определенный законом оброк. Вместе с тем уговаривал крестьян покаяться в ослушании и оскорблениях, нанесенных ими уездному предводителю дворянства и земской полиции, объяснив им, что если они не поверили их истолкованиям, то наконец мне, как присланному в.в., они обязаны верить беспрекословно. Но вместо ожидаемого раскаяния все в один голос кричали: «Не будем работать на помещика и на оброк не хотим, хоть всех нас перевешай». Видя, что толпа начинает волноваться, к каковому, впрочем, времени явились ко мне предводитель дворянства, исправник и командир Казанского полка, я вышел из толпы и отправился к прибывшему заранее войску (2, 9, 10 и 11-я роты Казанского полка), расположенному бивуаком около господского дома на половине селения, вне оного, с военными предосторожностями, мною еще усиленными. С вступившими же вслед затем на бивуак 3-й и 4-й ротами того же полка в моем распоряжении у с. Кандеевки с прибывшею на другой день 3-ю стрелковою ротою находилось всего 7 рот.

Другой день, т.е. 17-е число, празднуемое всей Россией[1], я оставил крестьянам на размышление и через наемного бурмистра требовал от нерасходившейся толпы присылки ко мне нескольких разумных стариков-домохозяев для объяснения им новых законоположений, с тем чтобы, выслушав мое толкование вне подстрекательства толпы, они могли бы образумить прочих. Но бунтовщики не отпустили ко мне ни одного человека и прогнали посланного. Тогда я отправил к ним приходского священника с крестом, поручив ему уговаривать бунтовщиков. Но и увещевания священника остались тщетными. Вечером еще посылал сотских с приказанием, чтобы толпа опомнилась и разошлась. Но все было безуспешно. Явно, что бунтовщики были уверены в мнимой правоте своей и что успех остается на их стороне.

18 апреля, вторник страстной недели[2], утром в 8 часов мною получена телеграмма шефа жандармов от 17 апреля, в коей было изображено, что мне высочайше предоставляется решить дело о виновных по моему суду. Убедясь, что ничто не действует на бунтовщиков, я решился прибегнуть к крайним мерам со всею за них ответственностью. Не переставая отовсюду получать самые

печальные сведения, что возмущение разлилось по 4 смежным уездам, откуда крестьяне, выжидая развязки моих действий, толпами стекались в с. Кандеевку. Сверх того, я дознал, что между бунтовщиками в том крае вкоренилось твердое убеждение, что если они не отобьются (приняв слово «отбывать барщину» за «отбивать оную») к святой неделе, то на вечные времена останутся в крепостном состоянии, не веря, что из оного уже вышли. На крышах и на гумнах всюду видны были крестьяне, зорко следившие за каждым распоряжением в отряде. Из всего этого, равно из предуведомления, что на некоторых крестьянских дворах сложены топоры, колья с насаженными на них косами и другими орудиями, уразумев всю необходимость действовать решительно и вместе с тем с крайнею осторожностью, я безотлагательно решился на то и потому собственно, что наступали страстные дни, недалеко уже было до праздника, и что если не обратить бунтовавшихся к полевым работам, к посеву ярового хлеба, то голод неминуем.

Сделав предварительные распоряжения о прибытии на одни сутки из Моршанского у. 2 рот Тарутинского полка, с тем чтобы к 9 часам утра, не доходя 2 верст до с. Кандеевки, куда сходятся дороги из многих волновавшихся селений, они ожидали дальнейших распоряжений, а до того захватывали бы бегущих, если бы таковые были, я, оставив одну роту Казанского полка для охранения господского дома, откуда я накануне ознакомился с местностью, с 4 ротами в 10 часов утра направился ко входу в селение с площади противу господского дома, разделяющей село на 2 крыла, где в правой улице длиною более версты увидел шумящую толпу.

Остальным 2 ротам в предотвращение нападения на меня во фланг с правой стороны и с тыла (с левой — речка) приказал держаться в 200 шагах правее на одной высоте со мной, положив отнюдь не штурмовать селения, дабы не вызвать рукопашного боя и не потерять ни одного из вверенных мне чинов. В случае же отчаянного сопротивления думал зажечь село и тем заставить бунтовщиков выйти в поле, где управа с ними была бы легче. Через незначительную речку, как после дела оказалось, в нескольких местах были наскоро настланы переезды и к ним подвезено крестьянское имущество, уложенное в возах.

Остановив колонну у крайних дворов в 300 шагах от массы бунтующих, они по моему знаку нерешительно подошли ко мне шагов на 100. Тут я снова обратился с увещеваниями, предлагал им, просил до времени разойтись и засевать свои и помещичьи поля. Но слова мои были заглушены криком: «Не повинуемся, ничего не хотим. Умрем за Бога и царя».

Тогда грозил им, что если они добровольно не покорятся, то прикажу стрелять в них как в ослушников высочайшей воли и Манифеста. Но все угрозы мои были тщетны. Желая ограничиться как можно меньшим числом жертв и дабы толпа более

1000 человек (всего же в деревне, считая оставшихся в дворах, было до 7000 человек) не бросилась на войско, я, отогнав ее, насколько послушались, оказалось шагов на 150, и выждав несколько, с прискорбием приказал сделать залп первой шеренге головного полувзвода 9-й роты, разомкнутого на руку дистанции для предоставления большего протяжения фронта, чтобы занять всю ширину улицы.

Раздались выстрелы. В толпе упало несколько крестьян, но масса бунтовщиков не дрогнула. Напротив того, подняв руки, кричала громче и громче. Приняв поднятие рук за просьбу о пощаде, я остановил стрельбу. Но оказалось, что они выражали этим свое желание «умереть за Бога и царя», никому не повинуясь в то же время. «Просите пощады, иначе буду продолжать стрелять»,— говорил я им. Но толпа, придвинувшись несколько ближе к войску, кричала: «Все до одного умрем, но не покоримся». После чего, невооруженные, беспримерно неустрашимые, по счастью без жен и детей, всей массой снова отошли на прежнее место. Тогда по моему приказу сделан второй залп. Несмотря на это, народ, подняв руки, с большим еще жаром продолжал кричать: «Все умрем за Бога и царя». Не без содрогания увидев, что ничто не помогает, я, показав подвинувшейся ко мне толпе находившийся при мне походный образ — благословение матери, клялся перед народом, что говорю правду и правильно толкую высочайше дарованные крестьянам права. Но и клятве моей не поверили и с поднятыми руками снова кричали: «За Бога и за царя умрем все до конца».

Третий залп тоже не привел ни к чему. Толпа не двигалась. С ужасом видел необходимость продолжать стрелять. Изготовившись к тому, решился, однако ж, попробовать отхватить хоть несколько человек, не углубляясь слишком в деревню из опасения, чтобы верные исполнители моих приказаний не были изрублены бунтовщиками, не выходившими из дворов. Приказание мое было быстро исполнено 3-ю стрелковою ротою, причем захвачено и выведено из улицы сверх чаяния 410 бунтовщиков 13 селений 3 уездов.

Остальные же разбежались и попрятались в селении, уйдя из оного к ночи. Выемку их из селения в числе нескольких тысяч человек считал невыгодною и едва ли возможною по незначительности отряда. Поощрение же их тем к бегству вечером оказалось в высшей степени благотворным. В ту же ночь в моем округе, и даже в Тамбовской губ., все утихло, узнав о покорении кандеевцев. Из окон господского дома было видно, как после выстрелов поле покрылось сорвавшимися со дворов лошадьми, на которых верхами приезжали в Кандеевку сторонние участвовать в сопротивлении и узнать, чем кончится дело о «чистой воле». Необъяснимые мною в то время изумительная стойкость крестьян и твердое намерение их умереть, как оказалось впоследствии, происходило оттого, что вышеупомянутый Леонтий Егорцев

(видевший меня 16-го числа пред толпою, но потом скрывшийся и ныне, за всеми разысканиями с оценкой его головы, находящийся в бегах), разъезжая по селениям, говорил: «Если войска будут в вас стрелять, то выдержите только три залпа, и тогда сами начальники объявят вам чистую волю». Иные же, как показал один раненый, думали, что в них будут стрелять горохом, что было ими взято с того, что накануне из имения Виельгорского в числе провизии для солдат провезено неминуемо через пикеты бунтовщиков несколько гороху.

Выведя из деревни захваченную толпу, снова обратился к ней с вопросом: согласны ли повиноваться, добавив к этому, что в случае покорности готов их помиловать. Но и на то все единогласно отвечали: «Умрем все, но не повинимся».

Доведя толпу до господского дома и поручив отряду ее охранять, я велел убрать убитых и принести к дому раненых, что было возложено на собранных исправником в Кандеевке бессрочноотпускных из числа не принимавших участия в бунте. Оказалось, пуль выпущено 41, убито крестьян 8, ранено 27. Последним немедленно поданы должные пособия усердным батальонным лекарем Полумордвиновым, дано особое помещение, нежная пища, для ухода за ними нанята прислуга из отпускных солдат. Для пользования раненых впредь до их выздоровления вытребован из Пензы особый врач, получивший наставления от приезжавшего с ним к раненым инспектора врачебной управы. Хотя из числа раненых некоторые уже умерли, а часть находится в сомнительном состоянии к выздоровлению, но они со слезами высказывали свою признательность за попечительство о них, сознательно говоря, что в их страданиях, кроме их самих, никто не виноват.

Потрясенный душевно посильно описанной кровавой сценой, я принужден был не отказаться от предложенного мне медиком на несколько часов отдыха, полагая притом, что захваченная толпа в это же время одумается и сама будет просить о помиловании. Но крайне все ошиблись в таких ожиданиях: часов чрез 5 я снова увещевал захваченных, которые, несмотря, что были окружены штыками, отвечали по-прежнему: «Все до одного умрем за Бога и царя, но не покоримся».

Тогда я приступил к снятию допроса с замеченных мною 16-го числа при разговоре с толпою и указанных мне предводителем, исправником и становым приставом, как с главных ослушников, упорнее других не соглашавшихся ни на какие предложения. Упорство же и сила вкоренившихся в крестьянах убеждений были так велики, что они стали виниться тогда только, когда исполнялось уже шпицрутенное 29 человек наказание, обещавшееся и всем захваченным. Почему из прочих 16 человек наказаны розгами, а остальные, давшие руки, что будут повиноваться, прощены. С тех пор, не видя уже и в других селениях прежней закоренелости, применяясь к милосердию в.в., наказания по

возможности смягчал и, давая все способы к оправданию, прощал, облегчая вообще участь сознавшихся. Таковой суд и по скорости его был принят с благодарностью. Были, впрочем, и такие закоренелые, которые и после исполнения над ними приговора отвечали: «Хоть убей, но на работу не пойдем и на оброк не хотим».

На другой день с. Кандеевка представляла уже совершенно противоположное прежним дням зрелище: все как бы ожило. Спокойное движение началось, пути сообщения сделались безопасными. Но я еще не решался перевести войско с бивуака на квартиры. В бывшем крестьянском возмущении ненормального размера я постоянно остерегался вероломства. Реквизиция была невозможна. Но благодаря управляющего имениями гр. Виельгорского отставного штабс-капитана Борисовича, умом своим и неустрашимостью удержавшего одно из многолюднейших с. Большой Буртас от полного участия в кандеевском деле, отряд имел от него провизию и по временам винные порции, что способствовало поддержанию здоровья в отряде. 19 апреля в среду было наказано еще трое крестьян, которые как главные буяны были выданы из соседней деревни обществом, приславшим хлеб-соль.

Следующие затем дни по 26 апреля были проведены мною в Кандеевке без определений наказания и для указаний вотчинной конторе необходимости смягчения господских работ. Прятавшиеся до того повсюду, где ни проезжал, женщины и дети, вступив в свою обыденную жизнь, безбоязненно приходили ко мне с просьбою о помиловании осужденных их мужей, отцов, братьев.

23 апреля в ознаменование светлого праздника Христова воскресенья и применяясь к неограниченному милосердию в.в., прощено 22 человека из числа приговоренных к ссылке на поселение без наказания шпицрутенами.

25 апреля, оставив в Кандеевке 2 роты Казанского полка, я с прочими отправился Чембарского у. в с. Покровское г. Веригина на самой границе Тамбовской губ., куда 5 апреля крестьяне местные и собравшиеся с окрестных деревень заставили убежать управляющего, посылали за ним в Моршанск погоню, разделили между собою господский скот, прибили бурмистра, церковнослужителей и, кроме того, с оскорблениями вырвав из рук священника акафист, угрожали его убить.

По прибытии моем в сказанное селение крестьяне встретили меня с хлебом-солью, с раскаянием и выдали мне главных виновников возмущения, в числе 43 человек, как нарушителей их спокойствия. Они признались, что как они, так равно и все окрестные селения, были возмущены вышеупомянутым Егорцевым, который, по показанию священника, более других оскорбил его.

На другой день, т.е. 26 апреля, по сделании необходимых дознаний и снятии допросов, из числа выданных миром 22 челове-

ка по исправительном наказании возвращены семействам, а остальные, в том числе приведенные из Кандеевки, наказаны шпицрутенами и препровождены в Чембарский тюремный замок для их дальнейшего отправления по назначению.

Из с. Покровского 26 апреля я с войском перешел в с. Высокое, куда к вечеру также прибыли вызванные мною и выданные обществом дер. Никольской г. Бородина 10 человек главных виновников бывшего и в том селении беспорядка. 27 апреля по снятии допросов 6 из них и, сверх того, 11 человек, захваченных мною ранее возмутителей с. Высокого, наказаны шпицрутенами и в тот же день препровождены в Чембарский тюремный замок.

Удостоверившись в искренности раскаяния бунтовавшихся селений, того же числа отправился в с. Поим, откуда на другой день, т.е. 28 апреля, с военною силой и с содержавшимися в тамошнем этапном доме преступниками прибыл в с. Чернышево гр. Уварова, где в ночь с 10-го на 11-е апреля крестьяне, собравшись с 10 окружных селений, приступали к вотчинной конторе, намеревались расхитить казначейство, врывались и к главноуправляющему всеми имениями гр. Уварова Черноголовкину с намерением его убить. Но разъяренная, частью хмельная толпа была остановлена у дверей в залу крестьянином с. Сентяпино Андреем Крохиным, который, не убоявшись угроз, решился скорее умереть, чем выдать старика Черноголовкина, незадолго перед тем туда приехавшего.

По снятии допросов с выданных миром преступников 30 из них 29 апреля наказаны шпицрутенами по степеням виновности и отправлены в Чембарский тюремный замок.<...>

Конфирмованные мною преступники с назначением их к ссылке в Сибирь, частью в рудники и на поселение, и к меньшему наказанию, в числе 114 человек, приведены уже в Пензу для дальнейшего отправления. Сюда же привезены и священник с. Студенки Федор Померанцев, по показанию крестьян, один из главных виновников возмущения, и один дьякон, причастный к делу, которые по степени их виновности должны понести заслуженное наказание. Священника Федора Померанцева, вдовца, мнением своим я положил отправить в пример прочим навсегда в Соловецкий монастырь.

Кроме того, имею в виду еще 4 священников, неодобрительно себя ведших по случаю объявления Манифеста. По распоряжению архиепископа пензенского и саранского производится о поступках их следствие[3].<... >

ТЕЛЕГРАММЫ А. М. ДРЕНЯКИНА АЛЕКСАНДРУ II

18 апреля, с. Кандеевка.

С сокрушенным сердцем всеподданнейше доношу. Сегодня вынужден был употребить 41 пулю Казанского полка против

бунтовавших в с. Кандеевке, гнезде возмущения, разлившегося по соседним уездам Пензенской и Тамбовской губерний: убито 8, ранено 26, но не повинились. Удалось захватить толпу с разных сел трех уездов 410 человек, и только после наказания главных зачинщиков первой категории шпицрутенами 29, второй — розгами 16 остальные покорились, кажется, чистосердечно и прощены. Казанцы и тарутинцы молодцы и верны присяге. Повергаю мои прискорбные действия к стопам вашего величества и испрашиваю благосоизволения на представление к наградам всех чинов, быстро действовавших со мною на многих пунктах.

20 апреля, с. Кандеевка.

Имею счастие всеподданнейше донести, что чудовищное неповиновение исчезает. Окрестные селения, выдавая зачинщиков, присылают хлеб-соль. Все ожило! Работы начались! Наказанные преступники вывезены. По знаменательности настоящих дней, применяясь к милосердию вашего величества, отложенные наказания смягчу. Волновавшиеся селения не оставлю без личной проверки. По окончании чего подробности по почте.

29 апреля, с. Чернышево.

Глубоко тронут благоволением вашего величества.

Бунтовавшиеся, волновавшиеся селения Чембарского и Пензенского уездов сознательно покорились.

Повсюду принял хлеб-соль. Войска по возможности отпускаю. Возвращаюсь в Пензу.

Н. С. Худеков

БУНТ В КАНДЕЕВКЕ В 1861 ГОДУ

<...> На одной из окраин Пензенской губернии, куда, конечно, с сотворения мира не проникал ни разу губернаторский глаз, крестьяне, как евреи манны, ждали для объявления манифеста об освобождении их от крепостной зависимости. Люди темные, безграмотные готовы были слушать всякого встречного, лишь бы он явился толкователем Манифеста в крестьянскую пользу. Оно и не могло быть иначе: изогнутые мужицкие спины жаждали освежительного бальзама. Прибавив к этому еще всеобщую нелюбовь к полицейским чинам, которым было далеко не чуждо самое наглое взяточничество, делается понятным, почему в медвежьем углу Пензенской губернии крестьяне не поверили объявленному им местными властями высочайшему

Манифесту, а согласились с милым их сердцу толкованием Манифеста. Нужна была только одна искра; почва для пожара была уже давно готова. Действительно, такая искра была брошена, и пламя сразу охватило три смежных уезда — Керенский, Чембарский и небольшую часть Моршанского.

Крестьянское движение в данной местности началось по нежеланию понять Манифест в том смысле, в каком он был написан. Отставные солдатики-грамотеи перетолковывали его на сходах по-своему, делая своеобразные комментарии, идущие на руку мужичкам. А мужичкам только того и надо было. Они беспрекословно слушались своих новых пророков и не доверяли местным становым приставам, разъезжавшим по селам с листами Манифеста.

На беду крестьянскую явился еще один из священнослужителей с. Высокого, который сам, вероятно, не понял смысла Положения 19-го февраля и имел неосторожность пришедшим к нему за советом крестьянам заявить, что «работать больше на помещиков не следует».

Крестьяне так и сделали — на работу не пошли. А в это время наступала весенняя пахота и посевы яровых. Вызовы бурмистров, управляющих и старост оставались гласом вопиющего в пустыне. Работы стали. Грозило то, что поля могли остаться незасеянными. Но из с. Высокого неповиновение перешло в деревню Ильинское (г. Охотникова); крестьяне и там на барщину не пошли. Управляющий тотчас обратился к становому приставу г. Кандагарову, который немедленно и явился на место происшествия. Собрали сходку.

— Вот, ребята, вам новое Положение! Слушайте, я вам его прочитаю! — начал было становой.

Но толпа не дала ему говорить. «Громада» загалдела в один голос:

— Не тот указ читаешь!.. Тебя господа подкупили... Земля теперь вся наша!.. Сам царь отдал... работать больше не пойдем!..

Так становому и не удалось образумить толпу. Он уехал, и полетело от него донесение исправнику о «бунте».

А между тем молва о том, что от крестьян скрывают настоящую «царскую волю», росла быстро, подобно волне, перекатываясь из одного селения в другое.

— Облыжный указ нам читают! А настоящую золотую царскую грамоту скрывают от нас! — уже в один голос говорили по разным деревням.

Крестьяне с. Высокого Коровяков, Егоров и Кошелев взялись быть миссионерами для распространения настоящей «воли». Так как у них никакой «грамоты» в действительности не было, то они явились устными толкователями Положений 19-го февраля. Толкование это было построено на том, что «землю, мол, царь всю отдал нам, а работать больше на барина не следует».

Переход названных крестьян из одного села в другое имел вид

триумфального шествия. На высокий шест, изображавший знамя, был привешен красный большой платок; шест вставили в колесо, колесо положили в телегу, и в таком виде этот символ крестьянской неурядицы развозили по селениям. За этим оригинальным поездом шли массы крестьян, баб и детей.

Едва они вступали в околицу, как им навстречу с криком «воля, воля!» высыпало из курных изб все крестьянство от мала до велика.

Барщина и хозяйство бросались. Начальство в образе старост, сотских и десятских более не признавалось. У всех в уме было одно только слово: воля, воля!..

Таким образом, выросшая уже до многих сотен толпа пришла в с. Троицкое (гр. Виельгорского). Сельчане высыпали навстречу триумфальному шествию. Выдвинулись местные воротилы, горлопаны.

— Ребята! пойдем в церковь волю выбивать от попа!

— Скрывает поп настоящую царскую волю! Идем!..

Зашумели и направились к дому местного священника о. Сперанского.

— Выходи, батюшка! — требовала толпа.

— Читай нам новую волю!

— Вам Манифест уже читали! — пробовал было урезонивать крестьян священник.

— Не ту, та поддельная! А настоящую читай, в ней сказано, что земля, значит, вся наша!

— Нет у меня такой воли! — отвечал растерявшийся о. Сперанский.

— Скрываешь ее от нас! — шумела толпа.— И ты подкуплен «господами»! Мы ведь знаем, что настоящая воля лежит в церкви на престоле с Егорьевским крестом и со знаменем пресвятыя богородицы!..

— Уверяю вас!.. Клянусь вам!..

Но священнику не дали говорить.

— Врешь! Помни, если мы найдем ее в церкви, то тебе несдобровать, повесим вверх ногами.

Вышла жена священника, которая насильно увела батюшку в комнаты. Толпа пыталась было войти в дом, но затем раздумала. Нашлись старики более благоразумные, которые остановили расходившихся молодцов и не дали им привести в исполнение приговор о «повешении попа».

Необузданность к своему пастырю объясняется очень просто. В среде бунтовавших находилась масса раскольников секты «молокан», не признававших православной духовной власти.

Подобная же сцена разыгралась и со священником в с. Покровском, но тут батюшка отделался не так легко. Толпа ворвалась к нему в дом и, как утверждают, «потрепала маленько отца духовного», оказавшегося бессильным для вразумления

толпы, по-прежнему бессмысленно требовавшей «царской воли с егорьевским крестом».

Таким образом, крестьянское волнение стало принимать все более и более грозные размеры. Оно охватило обширный район трех уездов — Керенского, Чембарского и Моршанского. Район этот заключал в себе около 15 000 душ крестьян; в одних имениях гр. Виельгорского числилось до 4000 душ. Полицейские чины призадумались. И действительно, было отчего. Надо было принять быстрые и энергичные меры, а то стали приходить факты угрожающие. ⟨...⟩

Земская полиция растерялась, не зная, куда ей направить путь для «водворения порядка». Район волнения был слишком обширен. Опасность была действительно немаловажная. Бунтовавшие начали переходить уже от слов к делу. В некоторых помещичьих усадьбах, заведуемых управляющими, крестьяне начали растаскивать скирды на гумнах, выходить же на работы они совершенно отказались. ⟨...⟩

Везде стали собираться сходки. Начали судить и рядить, что делать, что предпринять. Решили собраться всем в центральном селении Черногае, собраться и не расходиться оттуда в ожидании развязки.

— На миру и смерть красна! Погибать, так погибать всем вместе! — решили крестьяне.

И действительно, в Черногай быстро стал стекаться со всех сторон мужской пол, принадлежавший до Манифеста разным владельцам. В этот пункт шли, как в сборное место, одни крестьяне с желанием «послухать», что произойдет, другие торопились узнать про новую настоящую волю, третьи шли «постоять за своих»; были, наконец, и такие, которые спешили в Черногай, сами не сознавая, для какой цели.

Между тем исправник, доложивший предводителю дворянства г. Ранцеву о происшедшем, поспешил направиться в центр волнения. Он приехал в Черногай в сопровождении чернышевского [с. Чернышева.— *Сост.*] управляющего и рассыльного при земском суде отставного солдата. Толпа крестьян точно ожидала приезда властей. Она не расходилась с улицы ни днем ни ночью: питалась все за счет черногаевских крестьян, которые хотя и не рады были непрошеным гостям, но вынуждены были кормить несколько тысяч собравшегося к ним народа.

⟨...⟩Исправник остановился в доме сотского. Не дожидаясь призыва, крестьяне сами направились к начальству. Исправник с сияющим управителем чернышевским, жаждавшим быстрой и скорой расправы, вышел к сходке.

— Чего вы собрались? — обратился исправник к толпе.

— Да вот новую волю от тебя послушать хотим.

— Но ее вам уже читали!

— Читали, да не ту.

Как ни пытался представитель власти разъяснить крестьянам

смысл Положения 19 февраля, но никто не слушал исправника.

— Пока дело не уладится, пока вам будут поставлены новые начальники, мировые посредники, до тех пор я прошу вас работать по-старому...

— То есть как это? На помещика, значит?..

— Да...

— Ни в жизнь!..

— Но ведь закон приказывает... Сам царь приказал...

— Не верим!.. Помещику мы больше не подневольные... Мы теперь государевы...

Говорил в толпе уже не один, а все. Шум и крик были невообразимые...

— Худо вам будет за ослушание! — начал было стращать исправник, видя, что никакие мирные увещания не действуют...

— Хоть вешай нас,— говорили возмутившиеся крестьяне,— за Бога и за царя умираем! А какой будет следовать оброк за землю, мы заплатим не «господам», а самому государю. И работать на помещиков два года тоже не будем, потому что срок этой работе давно прошел...

— Какой срок? — пытался было снова исправник.

— Известно какой!.. Начало этому сроку было еще в 1857 году... Давно прошел...

Сумбур в понятиях крестьян был такой, что привести в порядок разгоряченные мозги оказалось для исправника делом непосильным...

Он решился прибегнуть к мерам строгости. Обратился к своему рассыльному:

— Кандалы с тобой?

— Как же-с, захватил их с собой на всякий случай.

— Вяжи вот этих, что впереди, горлопанов и в холодную... Завтра с вами будет расправа!..

Эти слова послужили как бы сигналом к общему неудовольствию. По толпе сначала пронесся неопределенный шепот, перешедший в гул. Масса воодушевлялась.

— Не выдавать никого из наших!.. Ребята, не выдавай!.. Что на них смотреть!.. Не выдавай!..

Между тем дряхлый ветеран-солдат вышел из избы с кандалами в руках и хотел уже приступить к наложению «железъ» на руки стоявшим впереди «горлопанам».

— Бери их! — еще раз скомандовал исправник.

Этот приказ произвел совершенно неожиданное действие. Прежний гул превратился в ураган. Кто-то из толпы крикнул:

— Да вяжите их сами!.. Они сами царские ослушники... барами подкуплены...

Толпа ринулась вперед. Рассыльный был сбит с ног. Кандалы были у него вырваны. Начались дикий самосуд и крестьянская расправа.

Исправник и управляющий быстро скрылись в избу. Толпа за

ними. Местный администратор не знал, что предпринять. Голос его заглушался криком крестьян:

— Вяжи их!.. Куй их самих в кандалы!.. Для себя принесли...

Принесены были тяжелые цепи; представитель администрации вместе с управляющим беспрекословно отдались в руки крестьян. Обоих положили на скамейки и в лежачем виде приковали кандалами. Несчастные, ожидая дальнейшей, худшей участи, лежали без движения и без помощи.

— А где солдат-то рассыльный? — кто-то полюбопытствовал из толпы.

— Давай и его сюда!.. Хотел на нас «бруслеты» надеть, так мы сами теперь его попотчуем.

И рассыльного приволокли в избу.

— Клади его на скамейку!.. Приковывай! — командовали горлопаны.

— Непристойно! — заметил кто-то,— солдату да на одной линии с господами!.. Те пускай на скамеечке, а этому и на полу будет покойно и вольготно.

Сказано — сделано. И рассыльного, скованного по рукам и ногам, положили на пол, крепко-накрепко приковав к нему неповинного солдатика.

В это время на дворе уже смеркалось. Крестьяне вышли из избы, оставивши своих пленных совершенно одних.

— Теперь не вывернутся! — оповестили они толпе, из которой каждый считал обязанностью подойти к окнам избы и посмотреть на недвижно лежавших «властей».

— А что же, ребята, мы с ними теперь делать будем? — кто-то спросил из толпы.

Последовало молчание. Мужички задумались. Предстояло решить мудреный вопрос.

— А вот стариков поспрошать надо. Да теперь и время-то уж позднее, а утро вечера мудренее.

— Как бы нам за них не ответить! — попытался было кто-то образумить «горяченьких».

Но все накинулись на непрошеного защитника. Голос благоразумия уступил место бесшабашной разнузданности. Для нее был широкий простор.

— А вот ночью покалякаем, поотдохнем, да и порешим с ними...

— А как порешить?

— Знамо как. На ворота перекладину, а на перекладину и повесим, пускай болтаются, воронам на потеху...

— Сначала нам глаза клевали, а теперь пущай им самим воронье глаза повыпотрошит! — поддакнула толпа.

Так и было решено. Для «верности» к избе был приставлен караул под непосредственным наблюдением того же сотского, которому строго было наказано «беречь их пуще глаза, а если чуть что, то ты нам своей шкурой за них ответишь!»

Вооружившись дубинами, караульные оцепили избу и всю ночь обходили ее, зорко следя из окон за каждым движением пленных.

Улица опустела. Усталые крестьяне разошлись по деревне. Избы оказались слишком тесными для вмещения массы пришельцев; поэтому разместились на гумнах и дворах, где все спало вповалку в ожидании утренней расправы.

Между тем местный предводитель дворянства г. Ранцев уже успел распорядиться. Отправивши исправника в Черногай, он командировал в Кирсанов нарочного с просьбой немедленно и безостановочно направить в Черногай военную команду. Хотя Кирсанов и был уездным городом Тамбовской, а не Пензенской губернии, где происходило волнение, но это был ближайший пункт, где квартировали полевые войска, и потому в данном случае г. Ранцев поступил очень благоразумно, обратившись прямо в Кирсанов.

Воинская команда, состоявшая из одной роты Тарутинского пехотного полка под начальством поручика Линденбаума, немедленно тронулась налегке к Черногаю. Она шла безостановочно всю ночь, направляемая становым приставом прямо в Черногай. Крестьяне, усталые от событий предыдущего дня, еще спали. Улица была пуста, только одни караульные мужички ходили дозором около избы, где томились прикованные заключенные.

Этот дозор сразу обратил на себя внимание станового, который в сопровождении солдат немедленно вошел в избу. Несчастные исправник, чернышевский управляющий и рассыльный были тотчас же освобождены. Кандалы были сняты и приговоренные уже не думали более о возмездии. Не принявши никаких мер для «водворения порядка», они, не теряя времени, запрягли свои тарантасы и укатили в уездный город составлять подробное о бывших происшествиях донесение губернатору гр. Толстому.

В Черногае остались становой пристав и рота тарутинцев под начальством поручика Линденбаума. Что нужно было предпринять и как действовать,— никто не знал. Инструкций точных никто не имел. Ротный командир был предоставлен собственному его усмотрению. Он, конечно, не предвидел печальных сцен, которые должны были разыграться в тот же день. Дальнейших событий он, без сомнения, также не мог предусмотреть, а тем более предотвратить.

Прежде всего, заботясь об обеспечении пищею усталых солдатиков, прошедших пешком всю ночь, поручик Линденбаум распорядился расставить их, не вводя в избы, по дворам группами по 5—10 человек. А между тем весть о прибытии воинской команды быстро разнеслась по селению. С гумен, из амбаров сбегались крестьяне толпами. Они в полном смысле слова запрудили всю улицу. А время шло в бездействии. Солнце показывало уже полдень. Поручик Линденбаум находился среди толпы около одной избы.

— Расходитесь, ребята, по домам! — начал было он уговари-

вать крестьян. Его никто не слушал, и толпа шумела все более и более.

— Да это войско не царское! — послышался голос в толпе.

— Это не царские слуги! Это дворянское войско, а настоящее войско только еще идет к нам на выручку...

— Известно так! Войско на войско идет!..

— Чего же на них смотреть!..

Поручик Линденбаум оглядывался по сторонам, попавши точно в ловушку. Не облеченный никакою самостоятельною властью, он только прислушивался и придумывал меры для обеспечения как себя, так и вверенной ему команды солдат.

— Да бей их! чего на них смотреть! — подстрекнул кто-то из толпы.

Это было сигналом общей свалки.

— Солдат-то не трогай! Это свои! А вот бей тех, что со звездочками на шапках.

Крестьяне указывали на офицерские кокарды.

По причине тесноты на улице любопытствующие крестьяне взгромоздились даже на крыши изб, глядя на происходившее. Один старик с седою бородою, приютившийся на крыше той избы, около которой стоял поручик Линденбаум, стащил толстую жердь, придерживавшую солому на крыше, и с высоты занес свое импровизированное оружие над головой ротного командира. Обернувшись, поручик Линденбаум, притиснутый толпою, быстро сообразил, что ему не избежать, может быть, смертельного удара. Моментально выхватил он из кобуры револьвер и прицелился в старика. Раздался выстрел, и седобородый крестьянин как сноп покатился с крыши.

Вместе с тем поручик Линденбаум немедленно приказал стоявшему около него барабанщику «бить сбор». По барабанной трели солдатики с ружьями в руках и очищая себе дорогу прикладами, быстро собрались около своего командира.

Выстрел из револьвера послужил как бы сигналом к общей свалке.

— Нашего убили! — кричала толпа.— Ребята, не выдавай! Напирай!

Несколько тысяч крестьян действительно начали напирать на незначительную команду. Солдаты отбивались прикладами. Крестьяне силились вырвать ружья. Несколько ружей было уже вырвано, они так и остались в руках у крестьян.

Видя, что дело плохо, поручик Линденбаум приказал солдатикам отступать по улице. Шаг за шагом горсть команды, отбиваясь прикладами от толпы, двигалась по деревне, направляясь вниз по спуску горы к мостику, перекинутому через небольшой ручей, за которым уже начинались поля. В таком порядке рота дошла до мостика, лишившись нескольких ружей. Во время этого медленного отступления поручик Линденбаум приказал на ходу заряжать ружья кому возможно.

Толпа же не отставала от удаляющихся солдат, которые вступили уже на мостик.

— Напирай на них сильнее! Ребята, дружнее! А то уйдут ведь! — начали подуськивать крестьяне.

Мужицкая масса с страшным криком бегом двинулась с горки на солдат, стоявших уже на мосту.

— Кладсь, пли! — раздалась команда поручика Линденбаума.

Последовали выстрелы. Несколько крестьян, пронзенных пулями, упали. Толпа дрогнула и остановилась.

— Ну-ка еще раз, ребята, не выдавай! Видишь, наших бьют!..

Крестьяне еще раз двинулись было вперед. Поручик Линденбаум приказал стрелять вверх для острастки; раздались новые выстрелы, и вся толпа не посмела уже более вступать в бой с воинской командой. Тогда рота тарутинцев перешла через мост и поставила ружья в козлы; ротный командир сделал перекличку солдатам, которые оказались все налицо; несколько из них, в том числе и один юнкер, оказались побитыми, но нанесенные им удары не имели никаких для их здоровья дурных последствий. Затем, не зная, что делать, поручик Линденбаум решил отправиться на ночлег в ближайшую деревню [Ершово], дать солдатикам столь необходимый для них отдых. Вся рота, целые сутки остававшаяся без пищи, подкрепила себя и затем, так неудачно окончившая свою экспедицию, отправилась обратно в место расположения своего полка в Кирсанов. По уходе воинской команды в Черногае на спуске горы оказались лежавшими в разных положениях четыре убитых крестьянина и восемь раненых.

Донесение о столкновении крестьян с воинскою командою и об оказании сопротивления вооруженной силе было немедленно отправлено исправником пензенскому губернатору графу Толстому.

В это время находился в Пензе свиты его императорского величества генерал-майор Дренякин, командированный для объявления высочайшего Манифеста 19 февраля об освобождении крестьян от крепостной зависимости и для принятия мер на случай могущих возникнуть беспорядков.

Граф Толстой немедленно передал генералу Дренякину сказанное донесение о кровавом столкновении. Надо было действовать энергически и не теряя времени. В Пензу доходили слухи один другого сбивчивее. Местное население, а преимущественно дворянство, старалось раздуть эти слухи, опасаясь за себя и за свое имущество. В тот же день от керенского уездного предводителя дворянства получено было донесение, что из Черногая крестьяне в количестве нескольких тысяч человек собрались в с. Кандеевке (г. Волкова) и что Кандеевка сделалась центром волнения.

Генерал-майор Дренякин, по соглашению с квартировавшим в Пензе начальником 16-й пехотной дивизии генерал-лейтенантом Астафьевым, распорядился о командировании в Кандеевку двух батальонов Казанского пехотного полка, сам же немедленно с местным жандармским штабс-офицером полковникм Лаксом

и в сопровождении двух жандармских нижних чинов отправился на место происшествия.

В полдень 15-го апреля генералу Дренякину пришлось проезжать через деревню Черногай. Селение как будто вымерло. На улице не было ни одного человека. Генерал приказал экипажу остановиться. Сидевший на козлах жандарм слез и постучался в окно одной избы — ответа не последовало, изба была пуста. Он в другую, третью; наконец, вышла какая-то баба. Испуганная, она с недоумением поглядывала на прибывших гостей.

— Где же ваши мужики? — спросил генерал Дренякин.

Баба тупо озиралась по сторонам. Долго от нее не могли добиться никакого ответа; наконец, она объяснила, что после «побоища» все мужики разбежались из деревни в Кандеевку за «новою волею».

— А где же было побоище?

— Убивство-то?

— Да!.. Где? Укажи!

Баба рукою указала по направлению к крайней избе, стоявшей на пригорке. Экипаж тронулся и при въезде из деревни снова остановился. Глазам генерала представилась неприглядная картина: на пригорке, в недальнем друг от друга расстоянии, лежали четыре трупа, положение их было различно — один лежал навзничь, два же — совершенно скорчившись от предсмертных судорог; лица их были прикрыты грязными тряпицами, из-под которых только торчали клочки бород. Трупы издавали зловоние.

Не успел генерал выйти из экипажа, как к нему подбежал крестьянин с непокрытой головой.

— Ты кто такой?

— Я-то?.. Я сотский... караулю мертвые тела...

— Почему же они не погребены?

— Да поп, вишь, хоронить не хочет.

— Это почему?

— Говорит, что кто их убил, пускай те и хоронят!..

Послали за священником, и сделано было распоряжение о немедленном предании земле убитых крестьян.

Наступал уже вечер, когда генерал Дренякин подъехал к Кандеевке. У околицы на выгоне стояла тысячная толпа мужиков, которые точно поджидали генеральского приезда. Подъехавши к толпе, генерал вышел из экипажа; крестьяне обнажили головы.

— Для чего вы здесь собрались? — обратился генерал к толпе.

Крестьяне молчали, посматривая в недоумении на прибывшего.

— Вы здешние, кандеевские?

— Всякие! Мы из разных мест будем.

— Так для чего же вы сюда пришли?

— А вот тут новую волю послухать!

— Да ведь вам уже читали царский Манифест?

— Читать-то читали, да что-то не «тово»!

— Вероятно, вы понимаете царскую милость не так, как следует!

— Понять-то поняли, да все-таки не «тово»!..

— Ну, так я должен вам сказать, что я прислан к вам самим царем; прислан для того, чтобы объявить вам царскую милость...

— Что же? Нам того и надо!.. Мы тебя, батюшка, и ждали!.. Объясни, а мы послухаем!..

— Помните, ребята, только одно: надо исполнять в точности все, что я вам скажу...

— Коли от самого царя, то, конечно, исполним...

Тут генерал Дренякин, вооружившись полным терпением, начал объяснять крестьянам точный смысл высочайшего Манифеста 19-го февраля. Генерал говорил языком вполне доступным для народного понимания. Он разжевывал и просто в рот клал мужикам дарованные им льготы, не упуская из виду и тех обязанностей, которые они должны были нести на основании Положения 19-го февраля. Крестьяне слушали молча и не перебивали генерала; только изредка из толпы слышен был какой-либо вопросный пункт, на который следовало немедленное объяснение.

— Как же это будет? Мы, значит, теперь вольные, стало быть, и земля вся наша, и барское добро наше? — спрашивали крестьяне.

— Нет, не так вы понимаете волю, которую даровал вам царь! — пояснял генерал Дренякин — Земля вся барская, потому господа за нее либо деньги платили, покупали, либо она им от отцов и дедов досталась, стало быть, отнять ее — незаконно и несправедливо...

— Н-да!.. Это точно!.. Но как же мы-то будем, при чем мы останемся?

— А это все в Положении объяснено... Царь дает вам в помощь ссуду на много лет, чтобы вы могли выкупиить те наделы, которые вам отрежут по уставным грамотам.

Крестьяне слушали, но делали вид, что не понимали объяснения.

— Что это за воля? — сказал кто-то из толпы.

— А вот что за воля! — начал снова Дренякин.— Вы, ребята, должны знать, что вольные только птицы небесные бывают, а человек всегда должен жить по закону, Богом и царем установленному. Прежде у тебя никакой ровно свободы не было; тобой распоряжался твой барин. Не понравился ты своему господину, провинился ты в чем — барин и мог тебя и розгами наказать, и на поселение сослать, да и в солдаты не в очередь отдать, а теперь нет! Ты ему не подневолен: за каждую твою вину судить тебя будут судьи по закону. Прежде, например, полюбилась тебе девка Наташка, захотел ты на ней жениться, ну

и приходишь к барину: «Позволь, мол, повенчаться с Наташкой», а барин тебе указывает на другую. «Нет,— говорит он,— женись на Машке». А Машка-то эта, ох, как не люба тебе. Как ты ни артачься, а все-таки женят тебя на немилой, и коротай с нею весь твой век! Ну, а теперь ты свободен! Выбирай кого хочешь! Благословят тебя родители, и женись на милой! Вот, ребята, в чем воля! Это не то, что прежде!.. А пока вам землю нарежут, нельзя оставлять полей незасеянными. Земля-то, которую вам дадут, все-таки барская, за нее вам и следует платить господину или оброк, или же работой своей выплачивать... Поняли?

— Все это мы поняли, а на работу все-таки больше не пойдем. Потому — довольно!.. Земля вся наша!

Генерал Дренякин начал было снова урезонивать крестьян, но все старания его были напрасны. Крестьяне упорно стояли на своем и никак не хотели отрешиться от неправильно втолкованного им смысла «Положений 19-го февраля». Из толпы начали раздаваться угрожающие возгласы, вскоре перешедшие в неопределенный гул. Слов генерала за шумом не было уже слышно; крестьяне не обращали внимания на увещевания, потому генерал Дренякин, увидевши, что с неразумной толпой ему одному не справиться, предпочел благоразумно удалиться; он сел в коляску и отправился в усадьбу Кандеевки.

Усадьба расположена на полугорке, в полуверстном расстоянии от селения. По приезде в нее генерал Дренякин застал перед домом помещика г. Волкова два батальона Казанского полка, которые прибыли по вызову из места своего расположения из Нижнего Ломова. Тут же ожидали местный исправник, становой, предводитель дворянства и жандармский штаб-офицер.

Совсем уже свечерело, потому тотчас же нельзя было принять никаких мер для вразумления крестьян. Положение во всяком случае было затруднительное. Оно осложнялось еще донесением исправника, который представлял дело в весьма мрачных красках. По его словам, крестьяне решили оказать вооруженное сопротивление войскам. Исправник доложил генералу, что, по собранным им сведениям, на некоторых дворах Кандеевки были заготовлены склады самого разнообразного оружия. Тут, по его словам, были сложены топоры, косы, укрепленные к шестам, ножи на длинных древках и вобще разные предметы домашнего крестьянского обихода, обращенные в холодное оружие.

Ввиду предшествовавших событий поневоле пришлось поверить этим слухам, которые впоследствии оказались совершенно неверными; никакого оружия нигде не найдено; но прежде принятия крутых мер генерал Дренякин решился испробовать еще последнее средство, имеющее вполне миролюбивый характер. В деревню был отправлен нарочный заявить крестьянам, чтобы они избрали из своей среды человек 10—20 депутатов и прислали бы их в усадьбу к посланному царем генералу. Посыльному приказано было объяснить толпе, что генерал не может говорить

с тысячью человек зараз, а что с уполномоченными стариками он охотно побеседует и объяснит высочайший Манифест. Миссия эта не достигла цели. Крестьяне никого не выбрали и не прислали из опасения, чтобы с их выборными «не сделали худа».

— Коли отвечать, так будем отвечать все вместе! На людях и смерть красна! — таков был ответ толпы.

Вся ночь была проведена без сна в томительном ожидании. Никто не знал, что будет предпринято на следующий день, но все ожидали чего-то грозного. Солдатики Казанского полка расположились бивуаком перед домом, где помещался генерал Дренякин, так что Кандеевка приняла вид «военного времени». С одной стороны, по деревне и около нее, вокруг зажженных костров расхаживали крестьяне, представлявшие собою неприятеля, а с другой — вся усадьба изображала другой лагерь с правильно организованной аванпостной службой и патрулями.

На ночь были приняты меры против всяких случайностей. Наступило утро 16 апреля. Погода была великолепная, весеннее солнце светило очень ярко, и, казалось, ничто не предвещало той страшной драмы, которая должна была разыграться в этот памятный день.

Рано утром, одевшись в полную парадную форму, в свитском мундире генерал Дренякин вышел к войскам, стоявшим уже под ружьем на дворе усадьбы. После обычного приветствия генерал обратился к солдатам с краткой речью, в которой объяснил им обязанности повиновения долгу службы; затем был отдан приказ зарядить ружья, и с барабанным боем войска, имея во главе шедшего пешком генерала Дренякина, двинулись под горку к селению Кандеевке.

Селение это представляло одну широкую улицу, по обеим сторонам которой ютились крытые соломой избы. Вся улица была буквально запружена народом, который с любопытством и в каком-то недоумении глядел на приближающиеся войска, представлявшие для крестьян невиданное зрелище.

Батальоны Казанского полка остановились в ротных колоннах перед самым входом в деревенскую улицу. Скомандовали к ноге.

Толпа крестьян находилась не более как в 40—50 шагах от остановившихся казанцев. Она обнажила головы и молча присматривалась к военным эволюциям. Из толпы выделялся только один коренастый, широкоплечий парень с небольшой бородкой; он держал в руке ополченскую с крестом шапку. По-видимому, это был один из вожаков, коноводов, он то и дело помахивал своей шапкой, оборачиваясь к стоявшей позади его толпе.

Генерал Дренякин вышел вперед. Воцарилась мертвая тишина. Все ожидали, что скажет генерал. Он обратился к крестьянам, и голос его громко раздавался, долетая до всех присутствующих. Слова его были приблизительно таковы:

— Еще раз обращаюсь к вам и к вашему благоразумию.

Уверяю вас, что я прислан самим царем, чтобы возвестить вам вашу новую свободу и объяснить вам права и обязанности! Пока высочайшая воля будет приводиться в исполнение, именем царя я прошу вас беспрекословно повиноваться властям и идти теперь же на работу. За землю, которую вам дадут, царь приказал вам обрабатывать помещикам, как указано в Положении...

Ни грозный вид стоявших впереди войск, ни ласковое обращение генерала Дренякина — ничто не действовало на крестьян. Едва только они услышали приказ о том, что следует им идти на помещичью работу, как раздался возглас стоявшего впереди ратника с ополченской шапкой.

— За Бога да за царя умираем, а на работу к господам не пойдем.

Этот возглас как будто по заранее условленному сигналу подхватила и вся толпа.

— За Бога да за царя умираем! — кричали уже все. Эта формула была крестьянским лозунгом.

— Я в вас стрелять буду, если вы не образумитесь! Вы должны мне верить! Отвечайте! Верите ли вы моим словам? — обратился снова генерал к несколько утихнувшей толпе.

— За Бога да за царя умираем! — последовал ответ.

Других фраз от толпы нельзя было добиться; все повторяли одну эту фразу.

— Слышите ли, еще раз прошу вас мирно разойтись по домам и приняться за работу. Если же меня не послушаетесь, то я пулями разгоню вас!

Но и эти слова не произвели никакого действия на упорствующих крестьян, не перестававших кричать: «За Бога да за царя помираем!» Терпение у генерала Дренякина, по-видимому, истощилось.

— Первая шеренга, кладсь! Пли! — скомандовал он.

Раздались выстрелы. Несколько крестьян из стоявших впереди упали, пронзенные пулями. Толпа же от выстрелов не дрогнула; она стояла по-прежнему неподвижно и только закрывала лицо своими шапками, как бы защищаясь от пуль. Впереди стоял тот же ратник, который помахивал руками и ободрял толпу своим неизменным возгласом!

— За Бога да за царя умираем!

Наступило минутное затишье. Затем генерал Дренякин взволнованным голосом снова пытался образумить крестьян:

— Вы видите, что я не шучу! Именем царя я требую, чтобы вы разошлись по своим деревням и спокойно продолжали бы свои работы!

— За Бога и за царя умираем! — в один голос отвечали крестьяне, в недоумении поглядывая на лежавшие около них трупы.

— Вторая шеренга, кладсь! Пли! — раздалась снова начальническая команда.

Последовали новые выстрелы. Попадали и новые жертвы, а толпа стояла неподвижно.

Тогда генерал Дренякин совершенно отделился от воинской команды, снял с головы каску, расстегнул сюртук и с груди своей снял крест и образок Божией матери.

— Видите, ребята, этот образ? Это благословение моей матери. Это — святыня для меня. При вас целую эту святыню и клянусь спасителем, что я говорю правду. Клянусь, что я прислан к вам нашнм милостивым царем для того, чтобы объяснить и растолковать Манифест. Не верьте злым людям, которые толкуют вкривь и вкось и ведут вас в пропасть!.. Надо повиноваться властям!..

При этом генерал приложился к образу и еще раз повторил:

— Клянусь, что говорю вам правду! Прошу со слезами на глазах, умоляю вас, разойдитесь...

У генерала и у многих из присутствующих на глазах действительно были непритворные слезы.

Вместо ответа толпа повторяла свое неизменное: «За Бога да за царя умираем!»

Тогда по команде генерала Дренякина последовал еще третий залп. Крестьяне валились как снопы; остальные же стояли стеною неподвижно, как бы не сознавая того, что эти залпы унесли много жизней.

Присутствовавшие при этом офицеры, участники севастопольской обороны, люди, закаленные в боях, утверждали, что храбрость и стойкость крестьян не имеют подобного примера в летописях военной истории. Во время боя, если в какую-либо часть войск стреляют на близком расстоянии, то обстреливаемая часть никогда не может устоять на месте: она или бросается вперед, или же в паническом страхе рассыпается по сторонам. Кандеевские же крестьяне выдержали три залпа чуть не в упор и все-таки не дрогнули; они стояли неподвижно, смело глядя вперед, как бы ожидая смерти. Они слепо и бесповоротно выполняли свой пароль и лозунг: «За Бога и за царя умираем».

И действительно, крестьяне безропотно умирали, не издавая ни одного вопля. Раненые не стонали, как бы сознавая, что они принимают мученический венец.

— Всем бы этим мужичкам за их стойкость по Георгию повесить на кафтан! — перешептывались между собою офицеры.

А время между тем шло. Расстреливание ни на один шаг не подвинуло дело усмирения. Пули не произвели желаемого действия. Крестьяне и не думали оказывать повиновение. Видя, что этим путем можно расстрелять всю толпу, а не образумить ее и не направить на путь истины, генерал Дренякин сначала было растерялся, не ожидая такого упорства.

Выстрелами он хотел сразу покончить дело с возмутившимися неразумными мужиками; но ему пришлось горько разочароваться в целесообразности принятой им чересчур энергичной меры. Лицо

его было бледно, он дрожал как в лихорадке, не решаясь, что предпринять далее. По-видимому, его назойливо преследовала мысль о могущем быть вооруженном сопротивлении крестьян, чем был уже опасный прецедент в Черногае.

После нескольких минут соображения, казавшихся для всех присутствовавших вечностью, генерал Дренякин изменил систему своих действий и приказал как можно быстрее окружить толпу солдатами.

— Справа-слева заходи, бегом! — последовала команда.

Казанцы с ружьями наперевес кинулись к неподвижной толпе, которая при виде дружного на них натиска бросилась врассыпную. Поднялся хаос невообразимый. Бежали стремглав кто куда попало. С пригорка видно было, как по полям в разных направлениях опрометью бежали крестьяне. Казанцы тем не менее успели отрезать от общей массы и оцепить значительную кучку народа.

Эту кучку под конвоем повели к барскому дому. Таким образом, улица деревни сделалась свободною; тысячи разбежались, а под прикрытием военной команды оказалось 411 человек. Самая же улица представляла крайне мрачную картину. На ней в разных положениях лежало 39 крестьян; из них 11 были убиты наповал, а 28 человек были ранены. В числе убитых был 90-летний старик Фимушкин. Раненые, однако, не подавали ни малейшего признака жизни; не было слышно ни воплей, ни стонов. Надо удивляться упорству, с каким переносили эти люди свои страдания. Немедленно было сделано распоряжение о предании земле убитых, смерть которых была констатирована врачом Казанского полка; раненых же бережно перевезли к усадьбе, где им была оказана медицинская помощь. Тут происходили сцены поистине назидательные. Одному крестьянину пришлось сделать ампутацию ноги. К операции приступили, конечно, без хлороформа. В то время, когда медицинский нож скользил по живому мясу, у раненого спрашивали:

— Ну, вот теперь ты видишь, что надо слушаться начальства и исполнять царскую волю!

Раненый от боли только кряхтел, но не стонал и твердо отвечал излюбленную фразу:

— Режьте меня, но на барскую работу не пойду... а за Бога и царя умираю!..

Это был какой-то роковой фанатизм, это была безусловная вера в правоту своей мысли, не допускавшей никакого поворота.

Для раненых был немедленно устроен временный лазарет, где несколько человек умерли; даже испуская дух, они не хотели отрешиться от идеи, что дело их «правое».

Между тем генерал Дренякин, видя такое беспримерное упорство, телеграфировал в Петербург просьбу о дозволении судить ему виновных на месте, не наполняя острогов. Утвердительный ответ не замедлил последовать.

Приведенные на двор усадьбы были переписаны. Эти 411 чело-

век оказались пришедшими из-за десятков верст: они принадлежали почти к сотне сел и деревень; принявши же во внимание число разбежавшихся, можно составить себе понятие о величине района возмущения.

Началась процедура допроса, перед которым генерал Дренякин снова обратился к толпе с просьбою повиниться.

Слова его не привели ни к чему. Попавшийся ратник, подуськивавший народ по выстрелами, оказался крестьянином Будановым. Он по-прежнему стоял впереди и твердил свое:

— Помрем, а на барина работать не будем! Прошли барские времена.

Из числа наиболее горланивших выделялся временно отпущенный солдат Горячев, 26-ти лет. Это был, по-видимому, один из главных воротил. На него же указал и уездный исправник как на лицо, оказавшее ему полное неповиновение во время чтения высочайшего Манифеста.

Допрос был очень короток. Вынесли на двор небольшой столик, за который уселась комиссия из офицеров. К столу подзывались по одному крестьянину, сначала наиболее замеченные по их упорству, а также и те, на которых указывала местная полиция.

— Имя и отчество! — так начинался допрос.

— Из какой деревни?

— Кто тебя подучал не повиноваться властям?

— Будешь повиноваться и слушаться царской воле?

На последние вопросы крестьяне или решительно отказывались отвечать, или же давали отрицательные ответы, с добавлением своего пароля: «За Бога и за царя умираем».

Краткое дознание это немедленно посылалось в дом к генералу Дренякину, который тут же и тотчас же клал краткую резолюцию вроде, например, следующей: против Горячева значилась такая конфирмация — «лишается военного звания и медали и по наказании шпицрутенами через 100 человек 7 раз ссылается в отдаленные рудники на 15 лет».

Приговоры начали приводить в исполнение на месте. Казанцы были поставлены шпалерами; им дали в руки шпицрутены, и в присутствии безмолвной толпы оцепленных крестьян начали гнать сквозь строй по два и по три человека зараз.

Спины крестьян были обнажены; руки их крест-накрест были привязаны к ружейному прикладу; за дуло же ружья держали два солдата и вели приговоренного по «зеленой роще» под звуки унылого барабанного боя.

Начался второй акт трагедии. Картина была за душу хватающая и невольно вызывала слезы у всех присутствовавших. Клочьями летело мясо от гибких хлыстов, обвивавших, словно змеи, грудь и спины мужичков. Звонко раздавался мерный свист и визг шпицрутенов; но казалось, что эти несчастные фанатики и не чувствовали боли; они шли по «зеленой роще» точно на

праздник и только глухо повторяли: «За Бога да за царя помираем!»

Просвистят две сотни хлыстов — и нарочно остановят печальную процессию.

— Ну, что? Каешься ли? Пойдешь ли теперь на работу? — спросят мужичка, спина которого представляла одну бесформенную массу, из которой торчали куски прутьев, врезавшихся в тело.

Несчастный на время приостановки вздохнет как будто посвободнее и произнесет:

— На работу не пойду! Дорезывайте меня!

И снова льется кровь, без стона, без вопля. Точно и не люди, а какие-то каменные истуканы. В точности, согласно с конфирмацией, были прогнаны сквозь строй десятка два человек.

Казалось бы, при виде этой страшной, душу раздирающей картины должны были содрогнуться и стоявшие в толпе крестьяне. Но нет! Они безмолвно ожидали своей очереди и шли к допросу, спокойно и безмолвно ожидая дальнейшей участи.

И их гнали сквозь строй с теми же приостановками и с теми же вопросами, на которые они, подобно уже потерпевшим товарищам по несчастью, отвечали:

— На барскую работу не пойдем.

Таким образом, сквозь строй шпицрутенов прошло с лишком двадцать человек, повиновения же и раскаяния никто не высказывал. От такого беспримерного упорства властям было действительно «отчего в отчаяние прийти».

Наступили уже сумерки. Вечерело. Дела нельзя было откладывать. Генерал Дренякин приказал приостановить допрос и экзекуцию. Все ожидали, что будет, но ожидания эти были непродолжительны. На двор усадьбы привезли несколько возов с свежими прутьями.

Наступил третий акт трагедии. Из стоявшей толпы, без всякого допроса, взяли десяток крестьян, с приказанием им раздеваться и ложиться. Крестьяне беспрекословно повиновались. По сторонам каждого из разложенных мужичков поставили по два солдата с пучками розог, и началось сечение «по десяти».

После первых двух-трех ударов произошло то, чего не могли сделать ни пули, ни шпицрутены.

Вся толпа, услышав крики наказуемых, пала на колена.

— Помилосердствуйте! — завопили все.

Этот первый приступ к раскаянию был доложен генералу Дренякину, который немедленно вышел к бунтовщикам.

— Ну, что? Каетесь ли? Верите ли, что я вам правду говорил? Пойдете теперь на работу? Будете ли отбывать повинности взамен той земли, которую отдают в ваше вечное пользование?

— Помилосердствуйте! Другу и недругу закажем! Детям и внукам... Попутали нас лиходеи! — раздавалось в толпе.

Удостоверившись еще раз в том, что раскаяние крестьян было непритворное, генерал Дренякин снова обратился к толпе

с разными разъяснениями смысла высочайше дарованной воли и затем дозволил всем разойтись по домам.

— Расскажите односельчанам, что вы видели, и передайте им, чтобы они повиновались царем поставленным властям...

— Детям и внукам закажем! — твердили, крестясь, крестьяне.

Таким образом было покончено кандеевское усмирение. Для более же прочного завершения этого дела генерал Дренякин на другой день предпринял объезд по окружным деревням, где были деланы краткие допросы собранным сходкам. Впечатление произведенной экзекуции было так сильно, что сами крестьяне указывали на своих же, которые «мутили».

Главных виновников оказалось 47 человек; из них 19 было сослано в каторжные работы в рудники и 28 в Сибирь на поселение. Кроме того, один священнослужитель, оказавшийся виновным в превратном толковании и неправильном разъяснении смысла Манифеста, был сослан в Соловецкий монастырь.

В 1864 году все сосланные, по ходатайству генерала Дренякина, были прощены и возвратились из Сибири на прежние места их жительства.

Описав исключительно фактическую сторону дела, я считаю излишним и преждевременным делать какие-либо комментарии к рассказанному мною способу усмирения, где розги оказались действительнее пуль.

Н. А. Крылов

ВОСПОМИНАНИЯ МИРОВОГО ПОСРЕДНИКА ПЕРВОГО ПРИЗЫВА О ВВЕДЕНИИ В ДЕЙСТВИЕ ПОЛОЖЕНИЙ 19-ГО ФЕВРАЛЯ 1861 Г.

I

Черноземный и густонаселенный угол между реками Камою и Волгою занимает три уезда Казанской губернии: Чистопольский, Спасский и часть Лаишевского. Богатые поместья, большие села, полное бездорожье, ничтожная полиция и управление имениями через приказчиков подготовляли преувеличенные ожидания крестьян от воли. С другой стороны, полная безграмотность массы, сибирский тракт, береговое бурлачество и крепкая в народе память о временах Пугачева создали у крестьян убеждение, что не раз цари давали волю народу, но господа и попы ее прятали, и она не доходила до народа.

Года за три до 1861 года народ в каждом необычном проезжающем видел вестника воли. С ярмарок, с базаров, с богомолий всегда крестьяне привозили новости о воле. Рассказы велись на все лады: как царь посылал волю в бочках с икрой, в ящиках засмоленных, но господа успеют пронюхать и выкрадут. Пробовал

царь и через своих верных людей тайно переслать волю народу, но господа людей задерживали, обыскивали, отбирали волю, а людей морили в острогах. Особенно сильно было ожидание воли 19-го февраля 1861 года: ждали ее в церквах и на большой дороге. Когда же и этот день обманул их, то общий говор свалил вину на попов, подкупленных помещиками, и на полицию, выбранную тоже из дворян. Нашлись даже очевидцы, которые утверждали, как волю провезли в Уфу и в Пермь на пяти тройках, а ямщики сказали, что в Казани давно уже получена.

Наконец 9-го марта 1861 года пришло верное известие из Симбирска, что там во время Сборной ярмарки раздавали волю с соборной паперти на площади. Потом слух прошел, что один торговец города Спасска привез листочек воли с ярмарки и не хочет его даже за тысячу рублей продать. Торговец догадливый был: «припечатал эту волю к образу, показывал ее городничему, исправнику и другим господам, а они только руками всплеснули,— красть нельзя!» — добавил рассказчик к удовольствию слушателей.

В это время я был управляющим в имении своей родственницы, в селе Мурасе, Спасского уезда. Это прелестное село, полная чаша всего, воспето когда-то графом Соллогубом[1]. В 6 часов вечера я постоянно сидел в конторе, куда приходили бурмистры, сотники, десятские, садовник, ключник и всегда куча мужиков по своим нуждам. После обычного наряда на барщину и по распределении работ на следующий день начинался разговор о воле. Животрепещущий интерес развязывал всем языки до полной откровенности. Тем более что стесняться было некого, весь состав конторы был из крепостных; только старик садовник Андрей Иваныч да я были наемные. Меня звали приказчиком, за барина не признавали, потому что господа у господ не служили; а по моим военным пуговицам на серой шинели видели, что я служил с пушками, и смотрели на меня, как на выслуженного. Андрей Иваныч был крайний либерал, помнил 14-е декабря, знал некоторых декабристов; много хорошего усвоил от Г. М. Толстого, Ф. И. Топорнина, В. П. Ивашева и др. Село Мураса с окрестными имениями принадлежало прежде Петру Никифоровичу Ивашеву, помещику гуманному и тароватому. По наследству оно перешло к его дочери, владелице в описываемое время[2]; крестьянам жилось легко, знали они только трехдневную барщину, в остальном же во всем ведались полным самоуправлением, даже более демократичным, чем по Положению 19-го февраля.

Вот эти-то разговоры в конторах, на мельницах, на барщинах, в лесу, в обозах и т. д. как со своими крестьянами, так и со сторонними и дают мне тот материал, который я здесь передаю. В конторе начинался обыкновенно разговор выпытыванием, нет ли чего нового в газетах, которых на барский двор получалось довольно много. Когда скажешь, что ничего нового о воле не слышно, то начинались сомнения; кто-нибудь из толпы заметит:

«Да разве они скажут! Вот перевезем весь хлеб на пристань, набьем ледники, навозим дров из лесу, так, может быть, тогда и газеты покажут».

— Я газет от тебя не прячу, хочешь — сам читай!

— Мы читать не умеем, вам вольготно.

— Сам не умеешь, так попроси попа, дьячка или кого из грамотных.

— Разве поп нам скажет! Я вчера по вашему же приказу ему с барского гумна ярового корма отвез, он ваш слуга.

— А я вчера целый день ему из барского леса дрова возил,— добавит кто-нибудь из толпы, и вслед за тем хором решают, что «все закуплены».

— Коли попы закуплены, так ты иди к мулле в Алпарово (татарское село возле Мурасы), он тебе прочтет.

— Прочтет он! Да разве против господ кто-нибудь смеет пойти?

⟨...⟩ На барщине с мужиками шел разговор более солидный; например, их занимали вопросы: давно ли началась барщина? Отчего вся земля и леса помещичьи? Почему русские мужики хуже и насчастнее татар, которые исстари все вольные? И т. п., но главный предмет смеха, шпилек и подчас злых шуток все-таки вертелся на «воле» и на ее утайке господами: «Хоть недельку лишнюю барщину продержать». Многие из крестьян искренне верили, что воля давно уже вышла, да крестьяне ее удержать не умели и она у них ускользнула.

Такое убеждение было не в одной Мурасе, и даже можно сказать, что в Мурасе крестьяне разумнее и терпеливее ожидали развязки своей с крепостным правом. Припоминая свои беседы с окрестными помещиками и управляющими, смело утверждаю, что тем, кто дальше стоял от крестьян, тем меньше тому они верили. На пристанях в Спасске и в Спасском Затоне приходилось сталкиваться и говорить с полицейскими чинами, с купцами, с приказчиками, с торговцами из крестьян и с людьми всякого звания трех прилегающих уездов, и все единогласно подтверждали, что крестьяне думают, что царь волю несколько раз давал, но до крестьян она не доходила, потому что господа обманывали и царя, и их.

После симбирской Сборной ярмарки, где действительно был прочтен Манифест 19-го февраля 1861 года и где с паперти бросали в народ выдержки из «Правил о порядке приведения в действие Положений о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости»,— выдержки эти были напечатаны в симбирской губернской типографии на маленьких листочках. Сначала они раздавались на папертях собора чинно, а когда народ нахлынул густою толпою, то эти листочки бросали в толпу веером, и сотни рук их разрывали на клочки. Прежде чем в город Спасск один такой целый листочек был привезен купцом и припечатан к образу, весть о воле с быстротою молнии разлилась по всем

селениям левого берега Волги и породила нескончаемую путаницу понятий. В народе появились толки о полной воле с настоящего момента, о правах собственности крестьян на все земли и леса, о праве их на запасные хлебные магазины, на раздел господских выпусков и выгонов, а в иных местах даже на раздел хлеба в господских амбарах. Словом, здравый смысл русского народа был взбудоражен настолько, что самые разумные старики сделались легковернее детей. Произошло все это около 9-го марта 1861 года, когда крестьянских работ никаких нет, поэтому начались сходки, на них обсуждали всевозможные выдумки, менялись из села в село нелепыми новостями и разжигались неисполнимые ожидания, в которые верили от души. В это же время всякое благоразумное слово принималось враждебно и сопровождалось криком: «Ты стоишь за господ!»〈...〉

Ждали волю долго, но она упала на помещиков и крестьян как снег на голову. Во все вотчинные конторы являлись крестьяне с вопросами и требованиями, в которых ничего не знали верного, и это породило уверенность у крестьян, что помещики правду от них скрывают и намерены опять украсть волю, «как то было много раз». Во многих имениях крестьяне на основании слухов о воле перестали ходить на барщину. В других имениях сами помещики и управляющие не наряжали на работы, чтобы не иметь столкновения. В Мурасе же и в некоторых больших вотчинах хотя наряды и барщина и шли заведенным порядом, но большинство крестьян работало очень плохо. На замечания, которые им приходилось делать, они вежливо и добродушно отвечали, что «в Симбирской губернии уже объявлена воля, а так как Казанская губерния одной и той же державы, то, значит, и здесь объявлена». Иногда ради остроты кто-нибудь добавлял из толпы: «Да посмотрите в конторе, не завалялась ли воля-то где-нибудь за бумагами?»

Так шло до половины марта, когда в Спасском и Чистопольском уездах была получена какая-то выдержка из Положений о крестьянах, которую раздавали в Симбирске во время ярмарки. Эта выдержка была напечатана в казанской губернской типографии и гласила, что немедленно прекращаются: перекрепление личных прав на крестьян и дворовых людей другим лицам, переселение крестьян на другие земли, отдача крестьян в работу и в услужение и отдача крестьян в исправительные заведения.

В то же время крестьяне получали право: вступать в брак без согласия помещика, приобретать недвижимую собственность, вступать в договоры и подряды, торговать, записываться в цехи и вчинять иски и тяжбы. 〈...〉

Выдержки эти были разосланы во все селения к крестьянам и помещикам, читались, изучались, но так как Положение еще не было известно, то на эти выдержки помещики смотрели как на какое-то пророчество, которое разъяснится с получением Положения. Что же касается до крестьян, то они усвоили себе только то,

что еще через два года придет настоящая воля, а теперь дана только «бабья воля». Однако прежде чем весь неграмотный народ вник в смысл этих выдержек, разнеслась по уездам весть, что вместе с «бабьею волею» прислал царь и «мужичью волю», но ее господа утаили, чтобы еще два года воспользоваться даровым крестьянским трудом.

В Мурасе на миру нашлись преданные миру люди, которые на свой страх и на ничтожные мирские расходы отправились разыскивать «мужичью волю». Явились они в контору за пропускными билетами; откровенно высказали свои намерения пройти до Казани и даже до Петербурга, если понадобится. На совет остаться дома и подождать, когда привезут Манифест и Положение, они ответили, что рады живот свой положить за мир, а уж настоящую волю отыщут.

— Как этому можно верить,— говорили они,— чтобы царь подумал о курах, холстах, яйцах да о бабах, а про мужиков забыл и отложил волю на два года? В два-то года вы нас так обездолите, что нам и воля хуже неволи будет.

Билеты им дали, шлялись они целую неделю, не помню, куда ходили, но к общему всех разочарованию доложили миру, что везде одно и то же: «Бабью волю господа выказали, а мужичью не выказывают». ⟨...⟩

Не успели крестьяне помириться с мыслью, что господа «выказали одну бабью волю», как стали присылать из Петербурга газеты, в которых печаталось Положение о крестьянах. Барская контора всегда была открыта для всех; из дворовых людей много было грамотных, и я нарочно оставлял газеты в конторе, чтобы всякий мог ими пользоваться. Слух о воле в газетах разнесся по вотчине, и много народа приходило слушать волю. Но язык Положения оказался недоступен для понимания ни крестьянам, ни самим плохо грамотным чтецам. Занимался чтением и сам я перед толпой мужиков, сидящих и стоящих в конторе; всегда видел, что самое вразумительное и ясное чтение для них совершенно непонятно. Пробовал толковать статьи Положения своими словами, тогда все ясно понимали, но не верили толкованию. Говорили: «Читаете-то вы хорошо, только толкуете-то все в барскую пользу». Читал им ключник, конторщик, тоже с толкованием, но и их заподозрили, что они барскую руку тянут. ⟨...⟩

Так как мне приходилось ездить по разным местам и разговаривать с помещиками, с управляющими и с мужиками, то могу свидетельствовать, что все, что происходило в Мурасе, то с небольшою разницею повторялось и в других вотчинах Спасского и Чистопольского уездов Казанской губернии и Ставропольского уезда Самарской губернии. Полное недоверие к чтецам, к толкователям и к самым газетам. Крестьяне говорили, что «газеты ведь не от царя приходят, а за деньги у господ же господами покупаются, следовательно, будут ли господа против

господ идти!» Недоверие это не ограничивалось одними толками среди крестьян и разговорами в конторах; во многих имениях начались порубки леса. Начались они ночью в виде похищения, а по случаю безнаказанности скоро перешли в открытый раздел барских лесов, так что на лучшие деревья мужики бросали жребий, кому рубить. Жалобы становым, исправникам и уездному предводителю дворянства подавались со всех концов сотнями. 〈...〉

Весна 1861 года была поздняя; зимняя дорога стояла крепко, и вот за несколько дней до Благовещения[3] подкатила к барскому крыльцу тройка. С облучка соскочил солдат, а из саней вышел полковник Э...; по селу мигом разнеслась весть о том, что привезли волю от царя. Пока полковник завтракал и обедал,— а надо сказать, что повара в Мурасе всегда были прекрасные,— народ собрался у конторы и ждал волю. Солдат из саней достал два больших запечатанных пакета, подал их полковнику, и с ним он отправился на сходку. Сходка в пояс ему поклонилась, и полковник, сколько помню, держал такую речь: «Вот два пакета, одинаково запечатанные, и в них вложены одинаковые книги Положения. Одна книга помещику, а другая крестьянам, которую я и вручаю вашему старосте. В этой книге написаны все ваши права и обязанности; вы в ней все найдете, что царь дал народу. Слушайтесь ваших помещиков и работайте, чтобы на вас жалоб не было!» Крестьяне низко поклонились, ушли толпою за книгою; лошадей подали, и полковник поскакал в другие села.

Так вручена была воля народу в Спасском уезде Казанской губернии.

〈...〉 Врученную старосте книгу Положений понесли всем миром к попу, чтобы отслужить молебен, но поп уехал куда-то с требами, и молебен отложили до воскресенья. Потом все толпой отправились к дому одного грамотного столяра в заречную часть села. С большими осторожностями столяр вскрыл пакет, вынул книгу и начал, разумеется, читать с первой страницы, не пропуская ни единого слова. Столяр был чтец не бойкий; солдатские письма он еще одолевал и даже растолковывал так, что бабы плакали навзрыд, но указ Сената он кончил только к вечеру. По его словам, «всякое слово для меня понятно, а куда что прикладывается — не могут разобрать, не могу и людям растолковать». Вся толпа долго и напряженно слушала длинный указ, никто не понял, как и почему относится он к крестьянам; все ждали, что с первой же страницы столяр скажет, чья земля, лес, луга и другие угодья, а столяр до сумерек их продержал и ничего в дело не определил. 〈...〉 Кончилось тем, что нарядили от мира подводу и послали в одно село за грамотным мужиком. К вечеру подвода явилась пустая, а посланный рассказал в конторе, что такая же книга есть и в этом селе, но грамотей, сколько ни старался, понять ее не мог, и теперь в селе сами ищут чтеца. Подводчик, однако, слышал, что дьячок там хорошо толкует и крестьяне довольны.

Утром мир решил послать за дьячком и сказать ему, что за деньгами мужики не постоят, заплатят, только бы приезжал. Но и с чужим дьячком последовала какая-то неудача.

В воскресенье после обедни священник очень толково и с чувством прочитал царский Манифест 19-го февраля 1861 года. Проповеди же по этому поводу сказать не решился, хотя мы его об этом просили; он отговаривался тем, что без разрешения архиерея на эту новую задачу никто не решится говорить с амвона.

Несмотря, однако, на прекрасное чтение Манифеста, крестьяне усвоили из него только тот смысл, что два года будет все по-старому. К книге мужики охладели; вновь начались разговоры на барщине и в конторе; работы шли нехотя и вяло; прямого ослушания хотя не было, но видно было на каждом шагу, что власть бурмистра и десятских совершенно упала. Помещики и управляющие желали только того, чтобы поскорее ввелись мировые посредники и волостной суд. При разговорах каждый рассуждал, что эти учреждения надо было ввести прежде раздачи воли и что если не введут мировых посредников до пашни, то хоть и не сей ярового; мужики будут ковырять землю, а не пахать. На плохую работу, порубки и неповиновение жалобы к предводителям дворянства поступали десятками, но так как у предводителей не было никого под рукою для разбора и исполнения, то жалобы оставались без удовлетворения и беспорядки усиливались. ⟨...⟩

⟨...⟩ В Мурасу к сотнику рассыльный от исправника привез печатный циркуляр от губернатора. Сотник был неграмотный, принес ко мне этот циркуляр, в котором строго предписывалось надзирать, чтобы отнюдь без дозволения начальства никто не читал крестьянам Положения Всех же превратных толкователей немедленно брать под стражу и представлять к начальству. В тот же день священник Мурасы получил циркуляр и от своего духовного ведомства, в котором запрещалось читать и толковать крестьянам Положение всем церковнослужителям и дозволялось читать только священнослужителям[4]. Мотивов этих циркуляров я не помню, вероятно, общее распоряжение вышло от какого-нибудь частного случая или от жалобы какого-нибудь богатого крепостника. Вслед за этими циркулярами становые пристава объехали все села и строго-настрого запретили читать и толковать Положение. ⟨...⟩

Это распоряжение на крестьян подействовало обратным образом: оно вновь возбудило в них надежду, что в Положении скрывается где-нибудь «истинная воля» и во что бы то ни стало надо ее отыскать. Начались тайные сходбища, на которые привозили чтецов, которые читали и толковали по найму, за деньги, за водку. Общий интерес крестьян и чтецов соединял их; они возили их из села в село, кормили, поили и, разумеется, лучший чтец считался тот, кто больше «правов» найдет в книге. Что делалось в селе Мурасе, то с буквальною точностью

повторялось и во всех селениях трех уездов, по которым мне приходилось разъезжать.

Около 1-го или 2-го апреля (1861 г.) пришло в Мурасу известие, что «истинная воля» найдена в книге. Из всех сел ходоки несут книгу Положений в с. Бездну Спасского уезда, и тамошний грамотный крестьянин Антон Петров показывает тайную страницу, на которой написана «истинная воля». В Мурасе собралась сходка, на которой выбрали двоих надежных хороших стариков, вручили им Положение и отправили в Бездну за 75 верст. Старики оделись в новые зипуны и на пароконной подводе от мира поехали с Положением. Нетерпение крестьян было так велико, что на обратный путь на половину дороги выставлена была от мира другая пара лошадей.

Ходоки скоро вернулись обратно и привезли книгу Положений, в которой Антон Петров безднинский заложил соломинками потайные листки с «истинною волею». Тут первый раз случилось, что вопреки хороших наших отношений, крестьяне не показали книги в конторе, а толковали о «потайных листах» только на сходке, да с тайными чтецами. Приходили эти ходоки в барскую контору, говорили, что в избе у Антона Петровича народу много со всей округи, и он всем толкует истинную волю, а потайные листы отмечает соломенкою. Я дал ходокам экземпляр барской книги Положений, чтобы узнать, на какое место им указали в Бездне, но сколько они ни вертели страниц, найти не могли и решили, что в барской книге этих листков нет. В нашем экземпляре неграмотным старикам «все листы казались одинаковыми, а тот листок, который указал Антон Петрович, так и отливает от всех, а по самой середке на нем потайная печать есть».

Невольно в голову приходила мысль: не вкладывает ли Антон безднинский какой-нибудь революционный листок в книгу Положений? Не служит ли Антон орудием в руках политической партии, желавшей наделать смуту в дни освобождения крестьян? Вопросы эти не выходили из головы, а в это же время крестьяне в конторе открыто говорили, что «воля дана еще с 10-й ревизии, т. е. три года назад, а господа ее украли, а теперь хотят еще два года оттянуть, даже попов подкупили в церкви народ обманывать. Выдумали в остроги забирать тех, кто царскую книгу будет читать! «Бабьею волею» хотели мужиков ублажить! Три года мы зря на господ работали, чем-то вы нам заплатите?»

Подобные вопросы и попреки сделались обычным явлением, и доверие к конторе у крестьян лопнуло.

Поставка хлеба на пристань окончилась. Зимняя дорога рушилась; надо было делать расчет с купцами, с которых приходилось получить значительную сумму, чтобы отвезти ее в Симбирск к помещице с. Мурасы. Надел я полушубок, под него спрятал револьвер и налегке отправился в гор. Спасск. По дороге встретил несколько партий ходоков, которые несли домой Положения с отмеченными Антоном Петровым потайными листа-

ми. В Спасске я заехал к исправнику Шишкину; он только что вернулся из Бездны и сообщил мне свои неудачи в арестовании Антона Петрова. Оказалось, что когда г. Шишкин узнал, что в с. Бездне есть какой-то превратный толкователь, то он послал рассыльного арестовать его и привезти в Спасск. Рассыльному мужики не выдали Антона Петрова, а сотник и староста не оказали никакого содействия; тогда исправник послал в Бездну одного чиновника из полиции. Чиновник возвратился с пустыми руками и доложил, что в Бездне бунт. Безднинские мужики окружают дом Антона Петрова и не допускают войти в избу. Исправник разбранил чиновника и на другой день поехал сам с двумя рассыльными.

II

Бездна от Спасска в 15-ти верстах. Исправник подъехал к избе Антона Петрова; там хотя и стояли безднинские мужики, но не осмелились не пропустить его в избу. В избе исправник нашел много сторонних мужиков с книгами Положений. У некоторых уже были отмечены «потайные листы», а у других еще не успел Антон отметить. Антон сильно оробел при входе исправника: пятился за народ, запинался при разговоре, говорил, что он ни в чем не виноват и готов был даже ехать в Спасск с рассыльными. Но в это время сбежались к избе безднинские мужики, отворили окна и кричали: «Антон, не сдавайся, мы тебя не выдадим!» Из толпы раздавались голоса: «Что он украл, за что его арестуете? Он истинную волю указывает в царской книге, а вы его за это в острог хотите! Не сдавайся! Не выдадим!» Толпа набралась в сени и в избу, так что сделалось очень тесно. Те крестьяне, которые стояли перед исправником, были почтительны и вежливо говорили, что Антон — безобидный и богомольный человек, ничего он дурного не сделает и не за что его в острог сажать. Те же, которые стояли кругом избы и в сенях, кричали: «Не выдавай! Всех нас бери!» и т. п.

Исправник пробовал увещевать, грозить, уговаривать, кричать и даже велел рассыльным Антона силою тащить, но рассыльных оттерли, а к избе сбежалось чуть не все село, более тысячи душ. Исправник уехал в село Три Озера к уездному предводителю В. В. Молоствову, и оба уведомили в Казань военного губернатора Козлянинова, что в с. Бездне оказано явное неповиновение властям и что надо принять чрезвычайные меры.

У исправника я узнал, в чем состоит «истинная воля» и какие «потайные листки» отмечает Антон в Положении. Это настолько курьезно, что я прошу у читателя некоторого внимания. Антон Петров, около 30 лет, среднего роста, худощавый, плохо развитый, полуграмотный сектант. Так как он умел читать свои книги, то крестьяне с. Бездны и принесли ему книгу Положений, чтобы он нашел в ней волю. По-видимому, Антон верил, как и все

крестьяне, что если воля прислана, то она непременно есть в книге, надо только ее найти. Как сектант он был усидчив в чтении, вчитывался в каждую букву и проводил за Положением целые дни. Все шло сообразно его пониманию, и он уже «прогнал» половину книги, как встретил непонятный для него знак 10 %. Знак этот стоял посреди страницы 13-й «Правил о порядке приведения в действие Полож[ений] о крест[ьянах]», именно в ст. 73, в которой говорится: «Если при вызванном жалобою крестьян измерении количество крестьянского надела окажется хотя и менее того, которое или показано владельцем под его ответственностью, или, за непредставлением владельцем положительных сведений, определено мировым посредником, но разность та не превышает 10 % всего следующего крестьянам количества земли (т. е. 10 десятин на 100), то уставная грамота немедленно исправляется и повинность, которою обложены крестьяне, на будущее время понижается в соответствующем размере, но не определяется в пользу крестьян никакого за истекшее время вознаграждения за счет помещика».

Перевернул Антон страницу и увидел еще более непонятный для него «Образец уставной грамоты». Прочитал он в первой строке: «На подлинном собственною его императорского величества рукою написано:

«Быть по сему».

Образец уставной грамоты имел такой вид:

1) В селении (в селениях) значится по 10-й народной переписи мужеского пола душ:

дворовых 00.

крестьян 00.

Из них отпущено после ревизии на волю:

дворовых 00.

крестьян 00.

Затем состоит налицо:

дворовых 00.

крестьян 00.

Эти непонятные для Антона «оники» и выражение «отпущено после ревизии на волю» сбили Антона с ума. Перевернул он опять страницу назад и увидел, что знак 10 % приходится как раз над тем местом, где на следующей странице, т. е. в «Образце уставной грамоты», напечатано: «Из них отпущено после ревизии на волю:

дворовых 00.

крестьян 00».

Антон объявил Бездне, что «воля» найдена, утверждена царем «Быть по сему» и припечатана «крестом святыя Анны». Он, по своей полуграмотности, непонятный для него знак 10 % назвал «печать святыя Анны».

Бездининский мир возликовал; натащили Антону пшеничной муки, вяленой рыбы, солоду, свечей и всего, кто чем был рад. Находка в толстой книге Положений слова «воля» вполне

удовлетворила крестьян. Весть об этой находке разлетелась по заволжским селениям, и в Бездну потянулись ходоки с Положениями, в которых Антон указывал ходокам «истинную волю» и закладывал эти страницы соломинками. Разгадка этих «оников», печать креста св. Анны и царское утверждение «Быть по сему» казались так понятны и логичны неграмотным крестьянам, что они превозносили Антона до небес.

Действительно странно, что во всей толстой книге Положений слово «воля» употреблено только на этой странице. В других местах Положений и Манифеста употреблены выражения «права состояний свободных сельских обывателей», «благоустройство крестьян», «новое устройство быта крестьян», «свободных крестьян-собственников», «улучшение быта» и проч. и проч., очень мало для крестьян понятные. Тут же, на одной странице, Антон открыл столько ясных доказательств, что «дворовые и крестьяне все отпущены после ревизии на волю», что возражения никакие не допускались. Если более грамотный пробовал разубеждать, то на него кричали: «Он за господ стоит! Он подкупной! Нанятой!» и т. п. Так как последняя ревизия была в 1858 году, то крестьянам казалось ясным, что господа у них уже три года украли и два года еще хотят украсть. «Потайные листы» крестьяне берегли больше глаза. Положения спрятали и в разъяснении остальных подробностей довольствовались базарными слухами. Причем принимали на веру только такие вести о земле, лесах и работе, которые им нравились. Вот простая история начала бунта.

От исправника я отправился по купцам, по знакомым и наконец на квартиру. Разговор везде о бунте и об ожидании войск для усмирения его. Вранья и сплетен было три короба; хозяйка моей квартиры, например, говорила, что мужики насадили топоры на длинные колья и выстроены, как солдаты, кругом Антона Петрова.

Лошади поданы, покатил я в Симбирск. ⟨...⟩ Ямщик попался умный и разговорчивый; он мне сообщил, что сегодня проехали через Головкино двое безднинских крестьян к реке Черемшану объявлять народу царскую волю. Эти крестьяне на сходе говорили, что царь письмо прислал к Антону Петровичу и велел народу караулить дом Антона для того, чтобы господа царскую волю от него не отняли. Завтра от нас шесть человек наряжено в Бездну на караул. Мужики едут на переменных; мир дал им тройку лошадей; с Черемшана они много погонят народа Антона караулить, «а через неделю, бают, от царя посланец в Бездну приедет и возьмет Антона в Петербург за то, что волю народу отыскал».⟨...⟩

Подъехал я к ямщику Сидору, который возил всегда всех господ. Мне сказали, что он пошел записываться «в волю»; меня этот новый вариант заинтересовал, и я пошел на сходку. Толпа стариков и молодежи, весьма оживленная, теснилась возле барской конторы, в которую входили записываться «в волю».

Каждый сознавал полное свое право на все барские земли, леса, хлеба, амбары, риги и прочее имущество и оставлял помещику только его усадьбу, на которую не было никакого покушения. Радость и веселье горели на всех лицах, но пьяных я не видал ни одного. Все были разговорчивы, и один перед другим пытались передать мне с буквальной точностью разные вести из Бездны. С такою же точностью постараюсь передать, что помню.

Антон Петрович читал приказ от царя к мужикам: «Берегите моего верного слугу Антона Петрова; караульте его во дни и нощи, конные и пешие, от восхода до заката, от полунощи и от полудня. Никому его не выдавайте, как бы вас, моих верных сынов, ни стращали и ни пугали, хотя бы и огненным боем, хотя бы и сабельным ударом. Но выдайте моего Антона только моему посланцу, у которого на голове будет звезда, на правом плече звезда и на левом плече звезда». Крестьяне мне сказали, что теперь они по царскому приказу отправили в Бездну конных и пеших, что со всех сторон народ валом валит караулить Антона Петровича ⟨...⟩.

Около 7 часов утра приехал в Бездну граф Апраксин, который был командирован в Казанскую губернию с особыми полномочиями для объявления Положения о крестьянах.⟨...⟩

После приезда графа предводитель дворянства и исправник еще раз пошли в толпу к избе Антона уговорить мужиков, чтобы они разошлись по домам. Но в избу их не впустили, отвечали им хотя почтительно, однако с таким упорством, что всякие разговоры пришлось прекратить.

Граф призвал в дом ротного и инвалидного офицеров и отдал приказание, чтобы третья шеренга зарядила ружья холостыми зарядами, а 1-я и 2-я — боевыми,— тогда был еще трехшереножный строй. Под барабанный марш войска прошли по улице к избе Антона, которая помещалась близ окраины села, упирающейся в реку Бездну. Шагах в 60-ти от толпы выстроили солдат фронтом к избе. Крестьяне с любопытством на все это глядели, а становой пристав раздвигал и разгонял мужиков от окон избы Антона, для того чтобы он сам увидел солдат, вышел бы и не губил бы народ. Раздвинуть толпу, однако, не удалось; мужики воображали, что солдаты силою войдут в избу и возьмут Антона, поэтому они все гуще и гуще собирались к избе. Масса народа была так велика, что загораживала собою четыре соседние усадьбы. Возле изб и дворов стояли сани, телеги и другие возвышенные предметы, на которые взобрались мужики, чтобы виднее было солдат и начальство. С телег народ перебрался на заборы, на ворота, на повети и на крыши домов. От фронта солдат, по словам одного унтер-офицера, народ представлял из себя сплошную мишень, сделанную из голов. По словам ротного, это был амфитеатр в 40 сажен шириною и в 4 и 5 сажен вышиною; ни одна пуля не могла пройти мимо; а по близости расстояния и по силе зарядов каждая пуля могла убивать двоих и троих.

Только что рота выстроилась, подъехал граф; скомандовали «на-караул», мужики сняли шапки, барабан бил встречу генералу, а в это время, по словам станового, чей-то голос кричал из окна избы Антона: «Не бойтесь, это вас пужают!» Из окна за толпою не было видно ни солдат, ни приезда генерала.

Барабан и солдаты привлекли толпу мальчишек перед фронт ⟨...⟩ Казаки, исправник и сотники прогнали мальчишек. Надо заметить, что сотские и десятские были собраны как из Бездны, так и из соседних селений во множестве и никогда не выходили из повиновения. Очищенную от мальчишек площадь охраняла цепь пеших казаков с обеих сторон; десятникам велено было прогнать мальчишек по домам.

На площадь вышел священник с крестом и обратился к народу с речью, в которой увещевал «повиноваться и разойтись». В это время из окна избы раздался голос: «Не слушайте его, он подкупной!» Толпа подхватила: «Подкупной, подкупной!»

Встал перед фронт гр. Апраксин и сказал народу, что он прислан от государя императора и именем его повелевает разойтись и выдать Антона. Раздались голоса: «Не выдадим! Не выдадим!» Толпа подхватила: «Не выдадим!»

Встал вплоть к народу [уездный предводитель] В. В. Молоствов и говорил, что будут стрелять, что будут убивать тех, кто не отойдет от избы и не уйдет отсюда. «Мне жалко вас, что вы по глупости своей семьи свои сиротами сделаете, калеками домой явитесь. Пожалейте свои семьи!» Слушали его все без шапок, в пояс кланялись, отвечали: «Знаем, что ты нас жалеешь, без царской воли не уйдем».

Говорил потом исправник, но его скоро прервал общий крик: «Довольно».

Начал было говорить опять гр. Апраксин, но его на первых же словах заглушили криком «Довольно! Слышали!» Тогда он обратился к ротному и приказал пробить «экзекуцию». Барабанщик пробил. Вышел опять В. В. Молоствов, сказал, что «войско не может уйти, не разогнавши вас пулями; после третьего барабана в вас стрелять начнут, уходите по домам»! — «Не уйдем без царской воли!»

Граф порывисто скомандовал: «Барабан!» Дробь окончилась. Подошел к графу священник и попросил сказать напутствие. Священник обратился к народу и почти рыдающим голосом говорил, чтобы покаялись и каждый в душе своей исповедал бы грехи свои, что по их заблуждению смерть идет неминучая. «Кто не готов к смерти по грехам своим и не хочет умереть без причащения, пусть те отойдут, и я их запасными дарами приобщу. Барабан еще не пробил третий раз, есть еще время вспомнить о Боге, о душе. Отойдите от непокорных! Подойдите хоть к кресту приложиться! Перекреститесь хотя издали, молю вас...» Голос из окна ему не дал докончить: «Довольно!» Вдали толпа крикнула: «Довольно, довольно!»

Священник широким крестом осенил народ; вся ближайшая толпа набожно перекрестилась, многие утирали слезы.

Граф твердо скомандовал: «Третий раз барабан!» Дробь окончилась. «Пальба шеренгою, третья шеренга!»

Ротный гаркнул: «Товсь! Третья шеренга, вверх, клац! Пли!» Залп раздался, умолк, а из окна кто-то закричал: «Не бойтесь! Пугают!» Толпа подхватила: «Пугают! Не расходитесь!»

Особенно энергичный крик раздавался из одного угла толпы, которая помещалась на косогоре близ избы Антона. Граф скомандовал: «Пальба отделениями! Пустите-ка туда в этих крикунов!» Ротный подхватил команду: «Пальба отделениями, правый фланг, начинай! Унтер-офицеры, не зевать!» Унтер-офицер командует: «Правое отделение, клац!» Ротный показал солдатам: «Целься вот в тех крикунов! Пли!» В густой толпе казалось, что никакого эффекта эти двенадцать пуль не произвели.

С другой стороны гаркнула кучка: «Стойте крепко! Пугают!» Следующее отделение пустило пули в эту сторону. Из окна крикнули: «Крепко стойте, только три раза стрелять будут!» Толпа завопила те же слова, а унтер-офицеры делали свое дело: «Клац! Пли!» Народ стал падать десятками, а так как ни вправо ни влево за теснотою нельзя было раздаться, то толпа заволновалась и шарахнулась бежать ближе к фронту. Крик, гам, вопли, топот, дым и громкий голос какого-то казака: «Обходят!» — сбили пальбу с очереди, и она превратилась в «беглый огонь»! (пальбу рядами). Паника была, может быть, только одну минуту, но пока скомандовали «отбой», пока барабанщик пробил дробь, народ бежал, падал, кувыркался, прыгали с крыш, прятались во дворы, бросались под кручу берега р. Бездны, перебегали реку, рассыпались по огородам, по полю и густою массою бежали по улице.

В избе и в сенях Антона толпились в страхе мужики и боялись оттуда выйти. Никольский помещик Молоствов схватил двоих десятников и сказал им: «Ступайте и выведите сюда Антона, а то опять будут стрелять!» Через минуту они вывели Антона под руки. Он был в белой длинной рубахе поверх одежды, как эти сектанты одевались на молитву, на голове вроде евангелия он нес Положение и бессознательно бормотал: «Истинная воля, истинная воля...» Казаки его перехватили от десятников и подвели к графу, который, показав на площадь, усеянную трупами и ранеными, сказал Антону: «Посмотри, подлец, что ты сделал, сколько погубил народа!» Антон только твердил «истинная воля» и трясся как осиновый лист. «Связать его и всех, которые были в избе!» Граф отправился в дом, туда же привели и роту.

Когда вывели Антона, то в избе осталась только его семья, все остальные разбежались через зады. Становой тотчас же велел нарядить подводы, чтобы убитых отвезти к церкви, а раненых по домам. Пока десятники бегали по наряду, пока запрягали лошадей, обезумевшие сторонние мужики пришли в себя и стали

разыскивать своих односельцев. Безднинцам как смутчикам всего Заволжья велено даром развозить убитых и легко раненых хоть за сто верст, с них же велено собрать посуду, хлеб, пищу, холсты и все, что потребно для больницы, которая отведена в барском флигеле. Оставшиеся в живых сторонние мужики многие бежали прямо в свои села; туда же доплелись кое-как и легко раненые, которых попутные деревни везли на даровых мирских подводах. Более сострадательные люди разыскивали своих товарищей, чтобы убитых и раненых привезти в их семьи ⟨...⟩.

IV

<...>День 7-го апреля 1861 года прошел в таких треволнениях, что мне очень не хотелось ночевать в Бездне; я нанял лошадь и отправился в Гусиху за 5 верст от Бездны. Приехал туда засветло; народ весь был на улице; делились новостями дня и личными впечатлениями. К Антону Петрову относились с уважением, убитых жалели, но считали, что они приняли венец мученический за правду и за мир православный. Безднинские подводы с ранеными и умершими перенимали в Гусихе, миром давали свои подводы для дальнейшего пути, а безднинские отпускали домой, потому что Бездна служила общему делу.

Весь вечер и ночь провел я среди народа на улице; все знали, что я барский приказчик, но ни единого злобного взгляда или резкого слова я не слышал. Меня даже удивляло, что мною не только никто не чуждался, но, напротив того, все были так просты, миролюбивы, разговорчивы и гостеприимны, что век этой русской доброты не забудешь. Раскрывало мне глаза и на то общее дело, которое сознается в массе народа как «долг». Эти часы смерти и общей беды наблюдательному этнографу напомнили бы эпохи сплочения народа в русской истории. Село Гусиха разнопоместное: там, кажется, более десяти отдельных сельских обществ, которые вечно ведут споры за повинности. Этот день их так сплотил, что все были как одна семья.

Между глупыми рассказами очевидцев, что будто пули пролетали сквозь грудь человека, и он все-таки стоял на ногах, что некоторые пули отскакивали от голов и прыгали по людям, удавалось услышать и характерные выражения.<...>

Со светом поднял меня нанятый крестьянин, чтобы по морозу сделать [за]пряжку. Разумеется, всю дорогу был у нас с ним разговор о вчерашнем дне, о будущей судьбе Антона Петрова, и все эти обстоятельства вселили в моем собеседнике уверенность, что «теперь уже господа волю не украдут». На следующей перепряжке мне сказали, что шли в Бездну и мурасинские крестьяне, наряженные караулить Антона Петрова, но встречные мужики их вернули с дороги, сказав, что все кончено. Я спросил, кто был наряжен; мне ответили, что признали только Василия Елхова, а других не знают. В это село слух о побоище пришел

в изуродованном виде и возбудил те же чувства, что и в Гусихе.

В Мурасу я и мой ямщик привезли первые вести о Бездне. Наряженные в караул Антона крестьяне еще не вернулись, хотя шли прямою дорогою, но слух от ямщика разлетелся по селу. Через полчаса в контору прибежали жены караульщиков узнать от меня, живы ли их мужья. Я сказал, что они не успели дойти, скоро вернутся; тогда жена Елхова сказала: «Уж моего Василия беспременно бы убили, он всегда вперед людей лезет». Оказалось, что через Мурасу точно так же проезжали посланцы из Бездны сгонять народ, и мир дал им тройку лошадей для дальнейшего пути в Чистопольский уезд.

Вечером в контору пришел Елхов узнать от меня, как все было дело. Я рассказал и говорю:

— Счастлив ты, Василий Васильевич, что не дошел до Бездны, лежать бы тебе там в сырой земле.

— Нет, Николай Александрович, тут счастья никакого нет: люди положили за мирское дело свою душу, а мурасинцы словно татары. Надо было на подводах ехать, тогда бы мы поспели, да на подводах-то нельзя было, в Алпарое уже мост разобрали, а на реке обережья оттаяли, поэтому пешком и пошли. Благодарим, что правду нам рассказываете; мужики, которые нас встретили, то же самое говорили, что и вы.

Мало селений осталось в Спасском уезде, которые отделались бы так дешево, как Мураса, но общее впечатление на наших крестьян все-таки было угнетающее. К тому же это происшествие ободрило помещиков и приказчиков и сделало их требовательными и придирчивыми. Слухи доходили, что в некоторых имениях приказчики наверстывали потерянное в работах и задавали уроки больше, чем в крепостное право.<...>

Щекотливо было заводить самому разговор об Антоне, поэтому на барщине велась речь об устройстве волостного суда, об уставных грамотах, о будущих мировых посредниках и проч., которых и крестьяне, и помещики ждали с нетерпением, как развязки переходного времени.

Дней через десять пришло из Спасска уведомление от полиции, чтобы выслать в Бездну из каждого сельского общества сотника и двоих рядовых крестьян для выслушания приговора военного суда над Антоном Петровым. Из Мурасы выехал сотник Павел и двое назначенных миром. Когда возвратились, сотник пришел прямо в барский дом доложить. Вышел к нему барин Н. А. Е. и говорит: «Ты что, Павел, пришел?»

— Да вот вернулся из Бездны, так исправник приказал всем рассказать, что я слышал и видел в Бездне.

— Что ж ты там слышал и видел?

— На барском дворе там две пушки стоят, а потом там Антона Петровича судили<...>.

<...>Надо, однако, заметить, что от крестьян, как развитых, так и от полуидиотов, мне не удавалось слышать ни единого

упрека Антону. Память о нем в виде какого-то смутного «подвига» за народ еще сохраняется в Спасском уезде. Лет пятнадцать назад был я в Бездне уже у нового владельца ее В.П.Р. Пока я беседовал в барском доме, кучер мой из дворовых был в кузнице. Пришли туда безднинские крестьяне, а кучер с кузнецом начали подшучивать над Антоном; тогда крестьяне с полным достоинством такой отпор дали этим дворовым зубоскалам, что кучер поскорее удалился к своим лошадям<...>.

РАПОРТ СВИТСКОГО ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА А. С. АПРАКСИНА АЛЕКСАНДРУ II О ВОЛНЕНИЯХ КРЕСТЬЯН В СПАССКОМ УЕЗДЕ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ И О РАССТРЕЛЕ ИХ В С. БЕЗДНЕ, 16 АПРЕЛЯ 1861 Г.

Со дня обнародования манифеста и до получения утвержденного Положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости, в Казанской губ. все казалось спокойным, хотя помещики уже несколько жаловались на ленивое производство работ крестьянами, говоря, однако, что это замечено ими еще с самого начала вопроса об уничтожении крепостного права. Общая безграмотность помещичьих крестьян так велика, что людей, хорошо читающих и понимающих смысл печатных статей, между ними, можно положительно сказать, что нет, и большая часть таких, которые едва читают по складам. Получив Положение, они сначала обратились для объяснения к помещикам, дворовым людям, священникам и местным начальникам, но видя, что мечтаемой ими воли в Положении никто не вычитывает, т.е. что барщина не уничтожена и земля должна оставаться во владении помещиков, они стали не доверять образованному сословию и искали чтецов между грамотными крестьянами. Эти толкователи, получая за это от крестьян деньги и из видов корыстолюбия, некоторые же, как можно предполагать, из ненависти противу помещиков, поняли, что могут воспользоваться при настоящих обстоятельствах невежеством крестьян, начали делать самые нелепые толкования нового узаконения. Один из главных таких толкователей с. Бездны Спасского у. крестьянин Антон Петров сделался у них каким-то пророком, возбудил даже фанатизм, увлекая крестьян своими рассказами, сообразуясь с господствующею в умах их идеею и понятиями о воле, подкрепляя все доводы именем в[ашего] в[еличества] и всемогущего Бога, даровавшего ему право объявлять крестьянам свободу и избавление от помещиков, к чему делал применение одного из пунктов образца уставной грамоты, в которой сказано: «после 10-й ревизии отпущено на волю столько-то»; он им растолковал, что это значит, что государь дал им волю уже в 1858 г., помещики это скрывали, поэтому вся земля вам

принадлежит и весь хлеб, собранный и проданный в продолжение 2 лет, должно взыскать с помещиков. Другой пример подобного же объяснения относится к правилам о порядке приведения в действие Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, где сказано в пункте втором, что со дня обнародования высочайше утвержденных Положений о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, прекращаются... и затем, не читая, что далее следовало, он объяснял им эту статью так: что слово прекращается — значит все прекращается, или чистая воля, выражение, под которым они понимали совершенную свободу от всех повинностей и обязанностей и право на всю землю. Кроме этих двух примеров было множество других, которых всех исчислить невозможно, но которые произвели совершенное неповиновение крестьян к учрежденным от правительства властям и лицам, могущим иметь на них влияние. Жалобы помещиков об отказе крестьянами исполнять работы начали беспрестанно поступать от предводителей дворянства к губернатору, так что по совещании с ним 8 апреля я отправился в Спасский у., где предводитель дворянства жаловался на важные нарушения порядка. Приехав в гор. Спасск 9-го числа, я послал просить к себе предводителя и исправника, которые находились тогда в одном из самых больших имений Спасского у. с. Бездне помещика д[ействительного] т[айного) с[оветника] Михаила Николаевича Мусина-Пушкина, состоящего в числе 831 души при 10 639 дес. земли. Крестьяне же вообще этого селения все весьма зажиточные. В 5-м часу утра 10-го числа приехал ко мне в гор. Спасск предводитель дворянства и передал мне следующее: в с. Бездне явился толкователь из крестьян той же вотчины Антон Петров, который отыскал в Положении чистую волю и начал проповедовать об этом во всех окрестностях. К нему съезжались крестьяне со всех сторон, даже и довольно дальних селений, днем и ночью охраняли его дом и никого туда не впускали, так что, не имея никакой силы, невозможно было взять проповедника или пророка, как они его почитали. В Спасском у. считается около 23 000 душ помещичьих крестьян. Войск резервной дивизии в этом уезде не расположено, и только в гор. Спасске находится одна инвалидная команда. К тому же Волга и Кама отделяют этот уезд от других той же губернии и препятствуют к скорым сообщениям, в особенности во время распутицы. Предводитель, передав мне, что никакие увещания ни его, ни даже священника не послужили к убеждению крестьян с. Бездны, и как только кто начинал вразумлять крестьян, толпа поднимала крики «воля, воля», желая уничтожить этим всякую возможность привести к повиновению даже тех из них, которые могли бы образумиться. Видя такое положение дел, я немедленно написал предписание командиру 4-го резервного батальона Тарутинского пехотного полка, расположенного в гор. Тетюшах, прислать 2 роты в с. Никольское, отстоящее от с. Бездны в 7 верстах, сам же с уездным предводите-

лем дворянства отправился в с. Бездну, чтобы испробовать меры кротости и увещания. Приехав в контору, я послал исправника сказать собравшейся в деревне толпе, чтобы она пришла в контору селения, куда приехал адъютант государя императора, обязанный разъяснить им все встретившиеся недоразумения, на что они отвечали: «Не пойдем, а пусть сюда идет сам», и потом по обыкновению начался общий крик «воля, воля». После чего отправился к ним уездный предводитель дворянства и также убеждал их без сопротивления идти за ним для объяснений к приехавшему адъютанту государя, представляя им все ужасные последствия их неповиновения властям и средства, к которым должно будет прибегнуть правительство для приведения их в повиновение: но, получив от крестьян тот же ответ, что они не пойдут, предводитель дворянства объявил им, что адъютант государя гр. Апраксин будет их ждать еще полчаса, и если они не одумаются, то он примет строгие меры к обузданию их непослушания. Ответом на это было повторение крика «воля, воля». Прождав безуспешно более часа, я поехал в с. Никольское, решившись не предпринимать ничего противу крестьян с. Бездны до прибытия требуемого мною войска, между тем как из полученных мною известий я узнал, что в с. Бездне собралось и собирается еще огромное число крестьян из окрестных деревень, почему для усиления ожидаемых 2 рот я сейчас послал предписание к начальнику инвалидной команды гор. Спасска привезти в с. Никольское 11-го числа вечером всех свободных от служебных занятий людей. Собрав, таким образом, 11-го числа вечером 231 человека войска, я решился действовать с ним на другой же день, потому что прибытия еще 2 рот из г. Чистополя, двинутых по распоряжению начальника губернии, я не мог ожидать ранее 4 или 5 дней; оставлять же в таком положении дело было опасно, потому что скопище людей в с. Бездне возрастало с неимоверною быстротою, властей никаких уже не признавали. Назначив своих распорядителей по указанию Антона Петрова из крестьян, хвалились, что выгнали из деревни исправника и уездного предводителя дворянства, и в продолжение всей ночи на 12-е число толпы крестьян, конные и пешие, направлялись в с. Бездну, где тот же Антон Петров давал волю, землю, назначал начальствующих лиц, говоря, что в скором времени он совершенно освободит 34 губернии. Вновь прибывающим толпам его не показывали, говоря, что он занят перепискою с в[ашим] в[еличеством]. 12-го числа утром были в его толпе уже люди, приехавшие из Симбирской и Самарской губерний, из казенных крестьян и татар. Видя это, я двинул собранную мною команду в 5 часов утра в с. Бездну. При мне находились в это время уездный предводитель дворянства, исправник и 2 адъютанта губернатора, поручик Половцев и ротмистр Златницкий. Во все время перехода войск толпы народа продолжали сбираться в с. Бездну. При входе в начале селения мы увидели небольшой стол с хлебом и солью

и 2 стариков, стоящих без шапок, которых я спросил: «Для кого это хлеб и соль приготовлены?» На что они отвечали нерешительно: «Для вас, по приказанию начальства». (Начальство же было назначено бунтовщиками.) Но между тем впоследствии объяснилось, что это было сделано для встречи приезжающих записываться в соучастники Антона Петрова. Я приказал убрать стол и старикам идти домой. Дойдя до церкви, стоящей в середине села, я призвал священника, чтобы еще раз испытать меры кротости, причем он объяснил мне, что неоднократно увещевал народ, но безуспешно и что упорство, возбужденное в нем, так сильно, что едва ли остается какая-нибудь надежда к вразумлению его словами и убеждением, но я хотел испытать еще раз те же меры и лично убедиться в бесполезности их, рассчитывая при настоящем случае на моральное действие присутствия войск, почему и просил его идти с отрядом. Впереди нас почти что на конце улицы, около дома Антона Петрова и во всю ширину оной, стояла сплошная масса, числом до 5000 человек. Подойдя на расстояние 180 шагов, остановил команду и для первого увещевания послал 2 адъютантов губернатора, которых слова только старались заглушить криком «воля, воля». Адъютанты возвратились, предупредив крестьян, что если они не выдадут Антона Петрова и не разойдутся по своим домам, то по ним будут стрелять; тогда послал я священника, который с крестом в руках увещевал их долго и говорил, что если не повинуются, то чтобы расходились, иначе будут стрелять; они и после этого увещания священника продолжали свои крики. Тогда я сам, подъехав к толпе, объяснил им возложенное на меня поручение и приказывал выдать Антона Петрова или разойтись, но ничто не могло подействовать на ужасное упорство и убеждение этих людей; они кричали: «Нам не нужно посланного от царя, но самого царя давай нам; стреляйте, но стрелять вы будете не в нас, а в Александра Николаевича». Тогда заставил я их замолчать и сказал им: «Жаль мне, вас, ребята, но я должен и буду стрелять; те, которые чувствуют себя невиновными, удалитесь». Но видя, что никто не уходит и толпа продолжает кричать и упорствовать, я отъехал и приказал одной шеренге сделать залп, после которого снова было сделано увещание, но толпа все же кричала; тогда я вынужден был сделать несколько залпов; к этому побудило меня более то, что крестьяне, заметив значительный промежуток между залпами, начали в большом количестве выходить из дворов с криком за кольями и угрожали окружить и задавить малочисленную мою команду. Наконец толпа рассеялась и послышались крики о выдаче Антона Петрова, который, между тем, хотел скрыться из селения задами, но был предупрежден 2 казаками, захватившими приготовленную для него лошадь. Тогда Антон Петров вышел из дома перед войско, неся Положение о крестьянах над головою, и тут был взят вместе с выданными им мне сообщниками и отправлен под конвоем в острог гор. Спасска.

После выдачи Петрова приступлено было к уборке тел и поданию помощи раненым. По поверке оказалось убитых 51 человек и раненых 77[1].

Решительная эта мера была принята мною по малочисленности войска и ежеминутно возрастающего возмущения, принимающего огромные размеры. Она была необходима для водворения спокойствия не только в этой деревне, но и во всем населении нескольких уездов Казанской губ., вышедшем из совершенного повиновения всякой власти и дошедшем до такой степени дерзости, что приехавшего в свою дер. Щербеть помещика штабс-ротмистра лейб-гвардии гусарского в[ашего] и[мператорского] в[еличества] полка крестьянин на сходке схватил за грудь и сказал ему: «Убирайся отсюда, тебе здесь нечего делать!» В селе Никольском и Трех Озерах при разговоре моем с крестьянами, где я объяснял им, что послан от государя для разъяснения недоразумений и водворения порядка, отойдя от меня несколько шагов, толпа говорила, что я не настоящий адъютант в[ашего] в[еличества], а переодетый в мундир помещиками в серебре; вообще в это время положение не только гг. помещиков, но даже и начальствующих лиц земской полиции было невыносимое, и без употребления решительных мер, предпринятых мною, могло произойти общее восстание в Казанской губ. Ныне же волнение несколько подавлено, за работы принялись, прежние власти восстановлены, но злонамеренные люди распускают еще слухи, что освобождение крестьян с. Бездны совершенно окончено и что посланный от государя граф, потрепав по плечу пророка Антона, надел на него золотое платье и шпагу и отправил к государю, откуда он скоро возвратился уже с совершенною волею.

По моему мнению, для водворения совершенного спокойствия в Казанской губ. остается необходимым несколько усилить число войск, там расположенных, и примерно казнить главных виновников, над которыми вместе с сим учреждается военно-судная комиссия.

ПОКАЗАНИЯ, ОТОБРАННЫЕ В ПОЛЕВОМ СУДЕ, БЫВШЕМ НАД КРЕСТЬЯНИНОМ АНТОНОМ ПЕТРОВЫМ

Сотника с. Бездны Андрея Матвеева.

До объявления высочайше утвержденного Положения между крестьянами не было никаких смут, работы отправлялись безостановочно. В начале апреля месяца, которого числа не упомню, губернаторский чиновник привез к нам Положение о крестьянах и одну книгу передал в контору к управляющему, другую — мне, а третью отдал бывшему в селе старосте дер. Болховской (нашего же имения). Причем чиновник сказал, чтобы мы избрали чтеца, который бы нам читал Положение. В тот день

мы просили читать управляющего, который, прочитав несколько страниц, отдал книгу назад. После обеда читал у меня Положение на дому отставной фельдшер, а потом старики отнесли книгу к бывшему конторщику Волкову, но никто из этих чтецов воли нам не вычитал, а говорили, что надо оставаться по-прежнему два года. В тот же самый день, как читали Положение, болховские крестьяне просили Антона Петрова к себе читать. Антон Петров был в Болховском дня три, и когда возвратился вместе с болховскими мужиками, то стал говорить, что вычитал там волю, после взял у нас Положение и в нем также нашел волю. После того к нему начали сходиться мужики из разных деревень, и он всем объявлял, что крестьяне вольные, на барщину ходить и подводы давать не следует и что земля вся принадлежит не помещику, а крестьянам. Когда прорвет плотину или будет плыть господский лес, то помощи не давать, не препятствовать даже и тогда, когда кто будет воровать из амбаров господский хлеб, но чтобы сами мы ничего барского не трогали, а на господ не смотрели, угроз противу помещиков не говорили. Дней за пять до происшествия в наше селение начало собираться много жителей из других деревень, чтобы послушать Петрова. По этому случаю приехал исправник, стряпчий и становой, но крестьяне их не слушали, а Антон Петров к ним не выходил, только смотрел в окошко и разговаривал с исправником. 10 апреля, когда приехал в наше село граф, он посылал меня собрать в контору стариков, и хотя я ходил к ним и говорил, что послан от графа, который приехал от государя, но старики, спросившись Петрова, отвечали, что они не пойдут. Когда же была приведена команда, я на площади не был и того, как стреляли в крестьян, не видал, говорил ли Антон Петров, что он послан от царя и от Бога, я сам и ни от кого другого не слыхал, а только слышал я от стариков, что Петров рассказывал, будто бы что когда их будут наказывать розгами, то чтобы вместо одного разделись 5; говорил также, что придет команда, будет стрелять два раза назад. Причем просил стариков, чтобы они не выдавали, а стояли бы на своем, что им дана полная воля.

Старосты Павла Михайлова, который показал, что и сотский Андрей Матвеев, с той разницею, что граф не посылал его собирать мужиков, а в то время он находился дома и потому не знает, что отвечали мужики сотскому, что в то время, когда пришла команда и стреляла в мужиков, он выходил на площадь, но стоял отдельно вдалеке, видел, что крестьяне действительно не слушали графа и не хотели выдать Антона Петрова, кричали: «Воля, воля, умрем за царя». Более же ничего не расслышал, дручков[1], а равно и никакого оружия в это время у них не было. К сему добавил, что крестьяне прибили его за то, что он не принимал участия в их деле, что избранные Антоном Петровым

сотские ездили по деревне и запрещали крестьянам ходить в церковь.

Выборного Ивана Исаева.

Когда получили мы Положение о крестьянах, Антон Петров, спросившись у управляющего, пошел в с. Болховское читать по просьбе стариков Положение. Возвратившись оттуда, он стал смущать народ, говоря, что вычитал в Положении совершенную волю, и подъехал прямо к церкви, куда сбирался весь мир, туда вызвали и меня и стали сказывать о вычитанной Петровым воле, а когда я начал Антона Петрова усовещевать и говорить ему, что он делает худо, то крестьяне прибили меня, и я убежал к священнику, куда приходил Петров с другими крестьянами и просил дать им присягу в том, что действительно в Положении объявлена воля, но священник, удивившись таким требованиям, прогнал их из дому. Через два дня я ходил к Антону Петрову [узнать], что он читает и какую проповедует свободу, но Петров сказал, что этот секрет мне открыть нельзя, так как я начальник. Когда я сидел у Петрова, набралось много народу и стали кричать на меня, зачем я пришел, а когда я вышел на двор, то крестьяне меня прибили, называя меня предателем. Об этом я объявил священнику, который мне приказал не ходить к Петрову. После чего я сделался болен и пролежал до приезда генерал-майора гр. Апраксина, которому рассказал все подробно. Свидетелем при том, как стреляли в мужиков, не был.

Крестьянина Антона Петрова.

По получении в с. Бездне Положения об освобождении крестьян от крепостной зависимости в начале апреля месяца меня пригласили старики в деревню Болховскую прочитать Положение. Читавши его, я, не зная хорошо грамоты, неправильно растолковал первую статью уставной грамоты, где сказано: «Из них отпускаются после ревизии на волю О. О». Знаки эти я принял за изъяснение воли и потому стал говорить всем крестьянам, что вышла воля. Чрез два дня я почти со всеми крестьянами с. Болховского, из которых припомню Ивана Николаева, Василия Федорова, Романа Кондратьева, воротился в с. Бездну и явился с теми крестьянами к священнику, прося его дать присягу в том, что мы нашли в Положении волю, но священник не согласился на это. После того мы пошли домой, и я сказал крестьянам: «Давайте вместе выхлопатывать волю». С тех пор я всем приходящим ко мне стал объявлять, что крестьяне вольные, говорил им, чтобы они не слушали помещиков и начальствующих властей, приказывал крестьянам не ходить на барщину, не платить оброков, не давать подвод, даже не препятствовать, когда крестьяне увидят, что другие будут брать из барских амбаров хлеб; если вода разломает

мельницу, то не поправлять самим, от помещиков ничего не брать. Толковал, что вся земля принадлежит крестьянам, а помещику остается только одна треть. Все это я выдумывал из своей головы для того, чтобы привлечь на свою сторону крестьян, полагая, что чем более будет крестьян, тем скорее получу свободу. Многие крестьяне приходили ко мне, и я объявлял им свободу. Когда приезжали в наше селение предводитель дворянства, исправник и становой пристав, то я по глупости своей приказал крестьянам их не слушать и к ним не ходить, боясь, чтобы крестьян не сбили с толку. Чтобы больше привлечь крестьян к себе, я предложил миру избрать новых сотских и посылал их с другими крестьянами по разным деревням собирать крестьян слушать свободу. По прибытии в нашу деревню военной команды я находился в избе и видел, как подъезжали верхами сначала два офицера, а потом священник и увещевали крестьян разойтись, но крестьяне отвечали: «Не хотим, умрем за царя». Когда сделали первый и второй залпы из ружей, я молился и ничего не говорил, после третьего залпа я сказал крестьянам: «Ребята, не сдавайтесь, еще не время теперь, стрелять уже не будут, а станут читать волю». Слова эти я говорил, чтобы отстоять волю. За четвертым залпом я хотел выйти, но пока меня родители благословляли, еще было сделано несколько залпов. Простившись с родными, я взял Положение, вышел к войску, это я сделал потому, что полагал, с царским указом на голове в меня стрелять не будут, бежать же я не хотел, и лошади для меня никто не приготовлял, а она была разъездною, которая назначена была мною для безопасности, чтобы меня не подожгли и не поймали. Предсказателем и пророком я себя не выдавал и никому не говорил, что имею письмо от государя императора, а только накануне 12 апреля татарин дер. Тохталы Савелий, придя ко мне в дом, сказал, что он чрез купца Юнусова сейчас отыщет свободу, при этом брался за 10 руб. сер. сходить к Юнусову и написать прошение, для этого я взял у отца 3 руб. и не помню у кого 7 руб., отдал их татарину Савелию вместе с листом белой бумаги, на которой подписал [свою] фамилию, просил у Савелия и поехавшего с ним моего однодеревенца Гаврилу Тарасова написать в Казани прошение к государю, в котором благодарить его за свободу крестьян. Отправлено ли то прошение, я не знаю, и никакой особой цели в написании того прошения не имел, надеясь только, по заверению Савелия, получить свободу. Во время сборища в Бездне народа крестьяне собирали по 1 коп. сер. с души и приносили их ко мне; для чего это было сделано, я не знаю, а полагаю, что для письменных дел. В произведенном мною волнении участвовали почти все крестьяне с. Бездны и других селений, особых же приближенных к себе сообщников не имел, сотские назначены были не самим мною, а миром, и потому имен их всех не упомню, знаю только Николая Иванова, Егора Леонтьева и Петра Пименова. Они выбирались для того, чтобы

собирать народ и не давать им расходиться. Народу же я не наказывал делать грабежа, убийства, дерзости начальству и тому подобного, напротив, говорил, чтобы никого не обижать, цели же на составление толпы я никакой не имел, кроме желания освободиться от крепостного состояния. Все это показал справедливо и к оправданию своему прибавить ничего не могу, не сознаю себя виновным в смерти товарищей, убитых командою, и готов бы был пострадать за них.

РАПОРТ КОМАНДИРА КАЗАНСКОГО БАТАЛЬОНА ВНУТРЕННЕЙ СТРАЖИ СЛОВЦОВА АЛЕКСАНДРУ II ОБ ИСПОЛНЕНИИ ПРИГОВОРА ПОЛЕВОГО ВОЕННОГО СУДА НАД АНТОНОМ ПЕТРОВЫМ, 29 АПРЕЛЯ 1861 Г.

По приговору полевого военного суда, учрежденного над крестьянином Казанской губ. Спасского у. с. Бездна Антоном Петровым, означенный крестьянин за возмущение и подстрекательство прочих крестьян к беспорядкам и неповиновению расстрелян. Приговор сей исполнен 18 сего апреля в 7 часов утра 4-м резервным батальоном Тарутинского полка.

Подполковник Словцов

РЕЧЬ А. П. ЩАПОВА ПО ВРЕМЯ ПАНИХИДЫ ПО УБИТЫМ КРЕСТЬЯНАМ В С. БЕЗДНЕ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ 16 АПРЕЛЯ 1861 Г.

Други, за народ убитые!

Демократ Христос, доселе мифически боготворимый европейским человечеством, стра[даниям] которого вот люди будут поклоняться на предстоящей страст[ной] неделе, возвестил миру общинно-демократическую свободу во времена ига Римской империи и рабства народов,— и за то военно-пилатовским судом пригвожден был ко кресту и явился всемирно-искупительной жертвой за свободу.

В России за полтораста лет стали являться среди горько страдавших темных масс народных, среди вас, мужиков, свои христы — демократические конспираторы[1]. С половины прошлого столетия они стали называться пророками, и народ верил в них, как в своих искупителей, освободителей. Вот снова явился такой пророк, и вы, други, первые по его воззванию пали искупительными жертвами деспотизма за давно ожидаемую всем народом свободу. Вы первые нарушили наш сон, разрушили своей инициативой наше несправедливое сомнение, будто народ наш

неспособен к инициативе политических движений. Вы громче царя и благороднее дворянина сказали Народу: «Ныне отпущаеши раба твоего»[2]... Земля, которую вы возделывали, плодами которой питали нас, которую теперь желали приобрести в собственность и которая приняла вас мучениками в свои недра,— эта земля воззовет Народ к восстанию и к свободе. Мир праху вашему и вечная историческая память вашему самоотверженному подвигу. Да здравствует демократич[еская] Конституция!

РАПОРТ СВИТСКОГО ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА А. С. АПРАКСИНА АЛЕКСАНДРУ II О ПАНИХИДЕ СТУДЕНТОВ КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА И ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ ПО УБИТЫМ КРЕСТЬЯНАМ В С. БЕЗДНЕ, 14 МАЯ 1861 Г.

В прошлом месяце во время нахождения моего в с. Бездне для усмирения там крестьян, возмущенных Антоном Петровым, студенты университета и Духовной академии произвели демонстрацию. По улицам и на площадях они собирали народ, превратно толковали ему происшедшее в Спасском у. и потом толпой пошли на городское кладбище, где публично отслужили панихиду по павшим крестьянам, коих они называли невинно убиенными.

В городе ожидали, что зачинщики демонстрации подвергнуты будут суду, и из Синода в Духовную академию командирован следователь, между тем поступки таковых же виновников беспорядка, т.е. студентов университета, доселе оставлены без всякого последствия. В доказательство того, что студенты университета по участию своему в подстрекательствах народа весьма вредны и что они даже в уездах бывают в сношении с крестьянами, я повергаю в[ашему] в[еличеству] то обстоятельство, что двое из них отосланы были мною в Казань из Бездны, куда студенты мне объявили, что заехали будто бы из любопытства для свидания с Антоном Петровым. Легковерие народа не имеет границ: чем нелепее слух, тем сильнее действует он на мужика; новое Положение так мало ему понятно, а срочнообязанная зависимость его от помещика кажется ему столь тягостной, что за спокойствие трудно отвечать; от непослушания до явного упорства и возмущения один шаг; необходимость же употреблять силу оружия для восстановления повиновения — крайность столь тяжкая, что для избежания оной не должно пренебрегать никакими мерами предосторожности, клонящимися к предупреждению зла. В губернии уже известно, что на городском кладбище студентами беспрепятственно отслужена панихида, из чего крестьяне выводят заключение, что павшие были точно невинные, а злонамеренными людьми пущен слух, что

Антон Петров был не преступник, а мученик, что над могилой его светится огонь, что ангел в белой одежде виден ночью и что он должен скоро воскреснуть. Смертная казнь Антона Петрова вселила страх в народе, но, к прискорбью, страх этот начинает уменьшаться вестью об отправлении панихиды в Казани. В настоящее время умы в народе до того взволнованы, что всякий безнаказанный поступок, нарушивший общественное спокойствие или дающий пищу к перетолкам, может повлечь за собой самые дурные последствия.

Генерал-майор гр. Апраксин.

ИЗ СТАТЬИ А. И. ГЕРЦЕНА «ИСКОПАЕМЫЙ ЕПИСКОП, ДОПОТОПНОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И ОБМАНУТЫЙ НАРОД» (АВГУСТ 1861 Г.)

<...>О, если б слова мои могли дойти до тебя, труженик и страдалец земли русской! До тебя, которого та Русь, Русь лакеев и швейцаров, презирает, которого ливрея зовет черным народом, и, издеваясь над твоей одеждой, снимает с тебя кушак, как прежде снимали твою бороду,— если б до тебя дошел мой голос, как я научил бы тебя презирать твоих духовных пастырей, поставленных над тобой петербургским Синодом и немецким царем. Ты их не знаешь, ты обманут их облачением, ты смущен их евангельским словом — пора их вывести на свежую воду!

Ты ненавидишь помещика, ненавидишь подьячего, боишься их — и совершенно прав; но веришь еще в царя и в архиерея... не верь им. Царь с ними, и они его. Его ты видишь теперь — ты, отец убитого юноши в Бездне, ты, сын убитого отца в Пензе. Он облыжным освобождением сам взялся раскрыть народу глаза и для ускорения послал во все четыре стороны Руси флигель-адъютантов, пули и розги.<...>

После вековых страданий, превзошедших всю меру человеческого долготерпения, занялась заря крестьянской свободы. Путаясь перевязанными ногами, ринулась вперед, насколько веревка позволяла, наша литература; нашлись помещики, нашлись чиновники, отдавшиеся всем телом и духом великому делу; тысячи и тысячи людей ожидали с трепетом сердца появления указа; нашлись люди, которые, как М. П. Погодин, принесли наибольшую жертву, которую человек может принести,— пожертвовали здравым смыслом и до того обрадовались Манифесту, что стали писать детский бред[1].<...>

Медаль перевернулась скоро. Михаил Петрович еще бредил и не входил в себя от радости, а уж из обнаженной и многострадальной груди России сочилась кровь из десяти ран, нанесенных русскими руками, и согбенная спина старика-крестьянина и несложившаяся спина крестьяна отрока покрывались свежими рубцами, темно-синими рубцами освобождения.

Крестьяне не поняли, что освобождение — обман, они поверили слову царскому — царь велел их убивать, как собак; дела кровавые, гнусные совершились.

Что же, кто-нибудь из иерархов, из кавалерственных архиереев пошел к народу объяснить, растолковать, успокоить, посетовать с ним? Или бросился кто из них <...> перед одичалыми опричниками, заслоняя крестом, мощами Тихона, своей грудью неповинного крестьянина, поверившего в простоте души царскому слову? Был ли хоть один? Кто? Где? — Назовите, чтоб я в прахе у него попросил прощения... Я жду!

А покамест еще раз скажу народу: нет, это не твои пастыри; под платьями, которые ты привык уважать по преданию, скрыты клевреты враждебного правительства, такие же генералы, такие же помещики; их зачерствелое, постное сердце не болеет о тебе. Твои пастыри — темные, как ты, бедные, как ты; они говорят твоим языком, верят твоим упованьям и плачут твоими слезами. Таков был пострадавший за тебя в Казани инок Антоний[2]; мученической, святою кровью запечатлел он свое болезное родство с тобою. Он верил в волю-вольную, в волю истинную для русского земледельца и, поднявши над головою ложную грамоту, пал за тебя.

Об открытии его мощей не попросит за шесть часов ни один архиерей[3] и не позволит ни один петербургский царь. Да оно и не нужно — он принадлежит к твоим святителям, а не к их. Тела твоих святителей не сделают сорока восьми чудес, молитва к ним не вылечит от зубной боли; но живая память об них может совершить одно чудо — твое освобождение.

И [сканде] р.

СТАТЬЯ НЕИЗВЕСТНОГО КОРРЕСПОНДЕНТА «КОЛОКОЛА» «СЕЧЕНИЕ И УБИЙСТВА КРЕСТЬЯН В ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ»

В селе Кудымкар, графа Строганова (Пермской губернии, Соликамского уезда), объявление Манифеста 19 февраля сопровождалось довольно серьезными обстоятельствами, о которых не было никаких печатных известий. Расскажем в общих чертах, как было дело.

Исправник Пейкер прочитал Манифест. Крестьяне не поняли его и просили растолковать. Пейкер за такое тупоумие принялся их сечь. Те молча почесывались и крепились, наконец, видя, что сечению конца нет, связали казаков, исполнявших волю пославшего, и приглашали исправника продолжать. «Ну, теперь, ваше благородие, секи»,— говорили они ему. Его благородие струхнул, вскочил в кибитку и удрал в Соликамск. Отсюда он послал губернатору Лашкареву[1] донесение, что, дескать, крестьяне графа

Строганова бунтуют, и просил выслать команду. Команду отправили; Лашкарев, по обыкновению своему, не мог воздержаться от спича и напутствовал солдат такими словами: «Ребята! Помните, что солдату дается ружье затем, чтобы из него стрелять. Если мужики будут шуметь, валяйте их хорошенько, мерзавцев!» Выслушав такое наставление, солдаты отправились, предводительствуемые батальонным командиром Тальбергом. Прибывшая рота солдат застала в Кудымкаре толпу человек в 500. Инородцы-пермяки и русские толковали о свойстве прочитанной им исправником «гумаги». По их мнению, настоящий «энифест от царя о воле с золотою строчкой[2] исправник скрыл, заместо сво прочитал им графскую гумагу, напечатанную в Перми, за что взял с графа деньги». При первых слухах о нашествии команды толпа возросла до 2000 человек, собравшихся из соседних селений. Тальберг велел мужикам разойтись. Его не послушали, говоря, что собрались толковать о деле, рассказали Тальбергу, как им прочитана была «подложная гумага», как они расспрашивали о ней исправника, как тот вместо объяснения «учал их драть», винились, что «пошалили, связали казаков, лупивших их ни за што ни про што», и просили самого Тальберга растолковать им, «што за гумага, которую нам читал исправник, пошто в ней нет золотой строчки и што то за воля, когда они остаются по-прежнему под графом». Тальберг великодушно предостерег их, что послан не для того, чтобы с ними толковать, а чтобы разогнать, приказал им снова разойтись, угрожая дурными последствиями в случае неповиновения, и назвал их бунтовщиками. «Ну, пошто ваше благородие, бунтовщики? Какие мы бунтовщики? Мы тебя ладом просим вразумить нас, темных людей, а ты говоришь, мы бунтуем». Тальберг тогда сказал им, что имеет приказание стрелять, ежели они не разойдутся добровольно. «Ну что же, ваше благородие, ежели ты послан для озорства, так стреляй! А мы не пойдем, покуда ты не растолкуешь нам, что за гумагу читал исправник». Тальберг скомандовал, раздался залп, и несколько человек из толпы повалилось. Мужики, не ожидавшие исполнения дикой угрозы, смутились было, но передовые, скоро придя в себя, направили дело. «Ребята, подбери их (т. е. повалившихся[ся]),— обратились они к товарищам,— ну, а ты, ваше благородие, стреляй!» Такой неожиданный оборот поставил Тальберга в тупик: он не знал, что делать. «Ну, что же ты стал? — продолжали мужики,— стреляй! Ты ведь баешь, мы бунтовщики, так и стреляй! Ну, стреляй же!» Столбняк Тальберга продолжался. «Ну, вот видишь, ты сам не знаешь, чего доспел (сделал). Пошто ты созорничал, убил мужиков-то? Чем таким они перед твоим благородием провинились? Ты баешь, мы бунтовщики... Да ежели бы мы захотели бунтовать, так тебя бы с твоей г...ной командой комьями снегу забросали. Ты разве не видишь, сколько нас? А мы и пальцем никого не тронули... Стреляй же, коли тебя царь за тем послал!.. Стреляй!» Тальберг

последовал примеру исправника и ускакал в Пермь, оставив команду на произвол судьбы. К счастию, мужики до конца выдержали себя, представив собою новый пример того, насколько они разумнее диких правителей и воителей своих.

В Перми заговорили о Кудымкарской истории, пророчили ссылку исправнику, увольнение или по крайней мере перевод Лашкареву и чуть ли не петлю Тальбергу. (Явление, совершенно противоположное имевшему место в Казани после бездиинской истории и легко объяснимое тем, что в Перми нет помещиков.) Но случилось не так: потолковали в кружках, погорячился втихомолку прокурор, и тем дело кончилось. В газетах не было официальных известий о рассказанном происшествии. Немудрено, что тупоумный Лашкарев, которому растолковали значение его деятельности по отношению к этому случаю, нашел возможным скрыть его.

Убитых в Кудымкаре оказалось 2 и 8 более или менее тяжело раненых, из которых не знаю сколько осталось в живых[3].

ИЗ ПЕРЕПИСКИ А. И. КОШЕЛЕВА, Ю. Ф. САМАРИНА И В. А. ЧЕРКАССКОГО (апрель—ноябрь 1861 г.)

ИЗ ПИСЬМА А. И. КОШЕЛЕВА Ю. Ф. САМАРИНУ ОТ 20 АПРЕЛЯ 1861 Г.

⟨...⟩ Я выехал из Петербурга 4-го марта и приехал в Москву в самое время, в ту самую минуту, как ударили в большой колокол на Иване Великом. Я приехал к себе в дом в 9 часов, тотчас оделся, наскоро выпил стакан чаю и с женою и дочерью мы поехали в Успенский собор, куда мы взошли в половине обедни. Народа было много, но на площади мало, ибо в этот день и в одно и то же время Манифест читался во всех церквах столицы. Манифеста не поняли, но дворовые остались очень недовольны, ибо в объявлении полиции напечатано было курсивом: «Дворовые должны оставаться в полном повиновении своих помещиков в течение двухлетнего срока». После обедни мы походили между народом; видно было только одно — что никто ничего не понял. В течение дня под Новинском не было заметно никакого движения — ни радости, ни неудовольствия. Вечером один мой знакомый, переодевшись, отправился по трактирам и в 12 часов приехал ко мне с известием, что почти все Манифестом недовольны и что всякий только толкует его по-своему.

7-го марта я выехал из Москвы и 8-го вечером был у себя в Песочне. Там слух о распространении Манифеста был распространен в народе, но содержание его было неизвестно. 9, 10 и 11-го я имел сходки и разъяснял крестьянам сущность Положения. Первое, что крестьяне меня спрашивали: «А земля как?» На утвердительный мой ответ они отвечали: «Ну, слава богу — это для нас первое дело». Барщина после освобождения

им казалась вещью невозможной: «Как, мы свободны, а на барщину все-таки должны идти?» Чтобы их примирить с этою необходимостью, я объявил, что я предоставляю им право выходить на оброк и что на барщину должны идти только те, которые не внесут в течение недели оброка. Я объявил им, что это право предоставляю им по собственному желанию, но что через два года все будут иметь эту возможность. Выкуп им очень понравился. «Нет, лучше как-нибудь сколотиться да пятую часть, т. е. 30 руб. с души, внести и тем уплатить деньги за землю, а не век вечный платить оброк». Срок 49-летний возбудил их смех. «Это ведь не один век, а целых два». «А можно ли разделаться с долгом, платя больше?» При утвердительном ответе они несколько поободрились. Я обещал им составить летом уставные грамоты и к осени ввести совершенно новый порядок.

У меня было оброчных по имениям из 2100 тягол около 400. Это число удвоилось в течение недели. К осени предвижу, что количество оброчных дойдет до половины всего количества тягол, а три имения целиком перейдут на оброк. Земли господские лишние я пустил в отдачу и отдал их ценою от 4 руб. 50 коп. до 6 руб.; в сложности с лишком по 5 рублей за десятину.

Очень любопытно видеть, как устроится сельское управление и сельские суды. Думаю, наверно, что не по вашему начертанию.

Положение помещиков в нынешнем году вообще будет очень неприятно, и притесненными будут не крестьяне, а помещики. ⟨...⟩

ИЗ ПИСЬМА А. И. КОШЕЛЕВА К КН. В. А. ЧЕРКАССКОМУ ОТ 4 МАЯ 1861 Г.

⟨...⟩ Не знаю, спокойно ли у Вас в Тульской губернии, а у нас повсеместно страшные беспорядки. Крестьяне в доброй половине имений не работают — в иных вовсе, а в прочих по одному или по два на том основании, что велено работать сорок дней; малолетние и старики от работы освобождены; значит, работники должны работать только с своих душ.

Из Петербурга присланы экземпляры Положения, не переплетенные и в листах. Крестьяне поделили листы по себе и теперь вычитывают из каждого листа, что им нравится.

В Положении имеются в виду три момента: до утверждения уставных грамот, девятилетний период и состояние крестьян-собственников. Крестьяне все это перемешали и из трех периодов выбирают лучшее, а остального знать не хотят.

Власть помещика уничтожена, а новых властей нет. Волости не учреждены, посредников нет, а предводители завалены просьбами, жалобами и не успевают ничего делать.

Беспрестанное упоминание об участковом пользовании страшно пугает крестьян. Они говорят: «Мы землю возьмем миром, а пользуемся каждый про себя». Ну растолкуй им, что все до участкового хозяйства сказанное до них не относится. ⟨...⟩

Царь сказал: «Осени себя крестом и ступай на *твой* вольный труд; а потому мы и не смеем идти на господскую работу». Вот что, между прочим, говорят крестьяне. В головах крестьян сделалась такая каша, что просто с ними не столкуешься.

До моего приезда у меня на работу хотя и ходили, но где нужно двум быть, там они ставили трех; и это на основании слова *улучшение* быта.

Все эти дни я толковал с крестьянами, и хотя они имели ко мне полное доверие, но теперь хотя и говорят, что верят, и исполняют мои приказания, но очевидно, что не верят и что до ослушания лишь один шаг.

Уставных грамот крестьяне решительно подписывать не хотят. Это новая кабала, которую выдумали бары для того, чтобы сказать царю: ведь сами крестьяне желают ходить на барщину или же быть на оброке.

Одним словом, неурядица у нас в губернии и в уезде страшная, и предводитель довел обо всем до сведения губернатора и требует военную силу. В Тамбовской губернии уже была страшная экзекуция. Прогнали многих сквозь строй; человек 30 сослали в Сибирь и пр.[1]

Посев господских полей идет гнуснейшим образом. У многих еще не посеяли овес, у других, как у меня, сеют, но плохо; и им сказать нечего: спасибо, что еще сеют.〈...〉

ИЗ ПИСЬМА А. И. КОШЕЛЕВА К КН. В. А. ЧЕРКАССКОМУ ОТ 12 ОКТЯБРЯ 1861 Г.

〈...〉 У меня желчь в полном разливе. С крестьянами толковал целые шесть месяцев и ничего не уладил: и почти все уставные грамоты составлены у меня без согласия крестьян. Они принимают очень мило навязанные им грамоты, но их подписывать не хотят.

У нас вообще дела идут очень дурно. Крестьяне на оброк не идут; выходят некоторые тягла, но и то неохотно. Барщину справляют отвратительно, и ослушание на каждом шагу. Бессильные мировые посредники скачут, а толку нет никакого. Земской полиции и прежде не было, а теперь ее и вовсе нет. Воровство и самоволие развились в страшных размерах. Посредники бегут, и зимою не знаю, что будет в наших деревнях. К счастью, что еще с неба льет ведром, а то много бы гумен погорело.

Крестьяне все и везде бьют в одно: взять всю нашу землю внаем, и на этом условии согласны даже идти на оброк. А как на это согласиться нельзя (и глупы те, которые на это идут), то крестьяне на оброк не идут, барщину справляют как можно хуже и стараются всячески отбить у нас охоту заниматься хозяйством.

А помещики — сто раз невыносимее крестьян. Мы съезжались несколько раз, но ничего не могли устроить разумного. Между ними нет никакого единомыслия.〈...〉

По Тульской губернии дела идут не лучше нашего; в этом я убедился, проезжая и разъезжая по Хомяковским имениям. А сколько хлеба потравлено и погнило в нынешнем году!⟨...⟩

ИЗ ПИСЬМА А. И. КОШЕЛЕВА К КН. В. А. ЧЕРКАССКОМУ ОТ 20 НОЯБРЯ 1861 Г.

⟨...⟩ Я желал бы думать, что мы пережили самую критическую минуту развития крестьянского вопроса, но все заставляет меня быть при том убеждении, что мы в самом начале запутанности, хлопот и опасностей. Знаете: за будущее лето я несравненно более боюсь, чем боялся за прошедшее. Связь в крестьянстве теперь до того окрепла, что оно не позволит с собою шутить, как с ним шутили в Положении. Не знаю, в каком положении Петербург. Если, как слышно, там в страхе и ужасе и в страшном недоумении, то, слава Богу, значит они там поумнели. Мы теперь — не dansons sur un volcan*, но дремлем у огнедышащего жерла. Не личные опасения меня волнуют — нет!⟨...⟩ Нет, меня особенно тревожит всеобщая неурядица, действия посредников и настроение крестьян.

⟨...⟩ Нам необходимо теперь устроить и усилить местную власть так, чтобы она смогла сдержать могущество крестьянства. Усилить местную власть должно не солдатами, не учреждением уездных начальников; ее можно усилить, только давши законности большее развитие. Необходимо помочь дворянству и купечеству (двум тяжким больным) несколько поправиться, собраться с силами и прийти на помощь правительству. Я скажу, что мы пережили опасную минуту и вступили в правильное развитие нашей общественной жизни, только тогда, когда увижу, что мы с крестьянами начинаем действовать с общего согласия. До того могут явиться и самозванцы, и Бог весть какая кутерьма. Вы предлагаете две меры. Первую — усиление дисциплинарных мер, т. е. телесных наказаний. С этим я вполне согласен: для барщинских имений розга в руках старост необходима. Думаю еще, что необходимо предоставить посредникам право наказывать телесно старост в барщинских имениях. Штрафы недостаточны. Крестьяне платят за старост штрафы, поступающие в мирские кассы[2], и смеются над посредническими оштрафованиями. Что касается до второй меры, т. е. до облегчения к одиночным выкупам земли, то считаю эту меру безбожною и об ней ничего говорить не хочу.⟨...⟩

ИЗ ПИСЬМА Ю. Ф. САМАРИНА К КН. В. А. ЧЕРКАССКОМУ ОТ 29 НОЯБРЯ 1861 Г.

⟨...⟩ Общее настроение крестьян — ожидание нового Положения, недовольство настоящим и чисто венгерская пассивная

* Танцуем на вулкане *(фр.)*.

оппозиция[3]: мы все вынесем, всему покоримся и ничего не примем, ничем не заявим своего согласия. Оттого и переход на оброк (многим крестьянам смертельно хочется откупиться от барщины) идет ужасно туго. Из всех трех видов соглашений самый поплуярный в трех уездах — это принятие $^1/_4$ надела в дар. Народ окрестил его «сиротским наделом» и настоятельно требует от помещиков, но те не дают, где просят, а где предлагают — крестьяне не берут. Я предлагаю вместо $1^1/_4$ десятины $1^1/_2$ десятины в дар и раздать по рукам мирской капитал[4]. Долго спорили, толковали между собою и наконец отказались.

Вот общий факт: где помещики толковали крестьянам Положение, спрашивали их, вызывали на соглашение, убеждали и т. д., никаких сделок не состоялось; последовали соглашения на $^1/_4$ надела или на выкуп (около 10 сделок) там, где помещики не живут или без дальних рассуждений наезжали дня на два или на три.

Старание разъяснить и убедить везде подкрепляло внутреннее сомнение в обязательности Положений. Это понятно. По старой привычке коли царская воля, рядом и палка, а нет ее, так и воля не царская. До сих пор уставные грамоты вводились мирно, но в последнее время в трех уездах пассивная оппозиция достигла крайности. Просто не берут в руки уставных грамот. Пока еще все обходилось розгами и разъездами жандармского офицера с четырьмя солдатами. Дворяне просят принудительного перевода на оброк, принудительного выкупа — всего что угодно, лишь бы скорее развязаться без хлопот.

Барская лень и боязнь труда иногда возвышаются до героического самоотвержения. Я часто вспоминаю рассказ про того человека, который застрелился из страха дуэли. Из девятимесячного испытания Положение вышло оправданным не только в главных основаниях, но и в большей части подробностей. Народ нравственно выпрямился и переродился. Между ним и мировыми посредниками сразу установились отношения прямодушные, откровенные и простые, чуждые лести, лукавства и притворного подобострастия. Этого нет ни в казенном, ни в удельном и ни в каком ведомстве. Вчерашний крепостной нынче смотрит прямо в глаза и высказывает без утайки все, что у него на сердце. После петровской реформы — *первая* встреча двух разлученных между собой сословий. В этом отношении наши крестьяне стоят выше казенных и удельных, по крайней мере стоят в условиях гораздо более благоприятных для гражданского их воспитания. Оно началось с борьбы, с тяжбы, продолжается благодаря этой борьбе, которую можно вести с другим сословием и которой не может быть там, где с одной стороны начальство приказывающее, с другой — подчиненные.⟨...⟩

П. И. Якушкин

ВЕЛИК БОГ ЗЕМЛИ РУССКОЙ!

Никем же враги гонимы, только властию Божиею;
Мудрость бо плотская что соделала?

Кто живал в деревнях далеко от столиц, тот помнит, какой неожиданностью для всех был знаменитый высочайший рескрипт виленскому военному генерал-губернатору; все встрепенулись и с судорожным смирением ждали с минуты на минуту: одни — всех благ земных, другие — всех бед. Этих ожидающих, принадлежащих двум противным лагерям, вы нашли бы во всех классах, во всех сословиях. В рядах и того и другого лагеря было много дворян-помещиков и крепостных мужиков. Одно мне кажется в особенности замечательным: вольные исстари крестьяне (государственные, экономические), решительно все вольноотпущенные, а также решительно все аристократы-крепостные крестьяне смотрели на ожидаемое улучшение крестьянского быта с страшною неприязнию; от этого улучшения они видели для себя совершенную гибель и — не знаю, искренно ли — то же для крепостных.

Толки дворян, сочувствоваших этому преобразованию крестьян, известны: чего они ждали и чего еще и теперь ждут от освобождения крестьян от крепостной зависимости,—мы знаем из литературных статей, появлявшихся без счету во всех наших журналах. Надежды освобождаемых высказывались не так громко. Многие прислушивались к недосказанным речам крепостных и выводили свои решительные заключения.

Большею частью толки крестьян вращались около одного пункта: земля будет наша. Они говорили, что землю «сам Бог зародил, что барин и пахать-то не умеет—что он с землей будет делать?»

Это мнение, что земля будет крестьянская, еще крепче утвердилось, когда было объявлено, что дворовые люди не получают надела землей.

—Дворовые люди не получают земли,— не раз мне случалось слышать,— оттого, что дворовые люди не умеют пахать земли; да ведь и дворяне тоже пахать не умеют; зачем же им земля?

С другой стороны, слышались и слухи другие. Помещики говорили, что они лучшие полицейские чиновники, лучшие сборщики податей. Не будет этих чиновников-помещиков, водворится безначалие.

—Не будет из того пути,—говорили государственные крестьяне.— Как можно господского подневольного человека вольным сделать?

— Вы же вольны, а ведь тоже мужики!

— Мы! Мы дворянской крови, только не пишемся дворянами!

— С мужиком без палки не сладишь! — говорили вольноотпущенные, только накануне почти вышедшие из крепостной зависимости.

— Как же с вами ладят?

— Мы... мы... не всякому Бог дал...

— Как я будут ладить с мужиком? Тогда мужик меня и слушать не станет; теперь написал к барину — кто сам воли на то от барина не имеет, барин велит в солдаты отдать, в Сибирь послать... А тогда что? Пойдет безначальщина!

— Нет, ничего не будет,— говорили другие,— недаром про волю и говорить перестали.

— Как перестали?

— Да так, перестали и перестали!

— Толковали про слободу,— говорили еще другие, а есть, которые и теперь говорят,— толковали, толковали про слободу: слобода всем будет, а теперь стали в сипацу загонять.

Эмансипация — слово, должно быть, и хорошее; но это слово — эмансипация,— перешедшее в устах народа в сипацу, означало что-то не совсем ладное.

Как бы то ни было, а пришлось волею-неволею идти в сипацу. После известных рескриптов все стали ждать манифеста об освобождении крестьян. Тут-то пошли новые толки уже о том, как примет народ на первый раз эту волю, да и какая будет воля.

Замечательно, как созрел в умах помещиков вопрос об освобождении крестьян.

— Да что это значит? — спрашивала одна барыня, когда ей прочитали рескрипт.

— Уничтожается крепостное право,— отвечали ей.

— И крепостных крестьян не будет? Крепостных совсем не будет?

— Ну, этого я не хочу! — объявляла барыня, вскочив с дивана. Все посмотрели на нее с недоумением.

— Решительно не хочу! Поеду сама к государю и скажу: я скоро умру, после меня пусть что хотят, то и делают, а пока я жива, я этого не хочу.

— Как у меня отнимут мое? — слыхал я вскоре после объявления рескрипта виленскому генерал-губернатору.— Ведь я человеком владею: мне мой Ванька приносит оброку в год по пятидесяти целковых! Отнимут Ваньку — кто мне за него заплатит, да и кто его ценить будет?

— Никто не спорит, что владеть человеком, как какою-нибудь вещью, безнравственно! — говорили те же самые люди, едва прошло месяца два после первых толков.

— За людей мы не стоим, крестьян должно освободить, но скажите Христа ради, за что же у меня землю отнимут и отдадут другому?

— Необходимо крестьянам дать землю,— заговорили еще позднее,— это необходимо для нас самих; мужику нечего будет есть: поневоле пойдет на большую дорогу, сядет под мост — проезду никому не будет, дневной разбой пойдет!

Наконец дозволено было просить государя об освобождении крестьян. По губерниям собрались дворяне: надо писать адресы... Дозволено и адресы подавать.

— Мы подпишем адрес безусловный![1] — говорили одни.

— Не должно подписывать безусловного адреса,— толковали другие.

— Дать мужикам землю!.. Мужиков нельзя отпустить совсем без земли.

— Не давать мужикам земли! — шумели в одном собрании. Толковали, толковали и подписали безусловный адрес решительно все.

Дозволили и писать и подавать проекты об освобождении крестьян. Стали и писать и подавать проекты об освобождении крестьян. Благородные дворяне, не бравшиеся никогда за перо, стали писать проекты, стали читать эти проекты, только мало охотников было слушать эти проекты ⟨...⟩

А проекты были великолепные!.. Одни предлагали так, другие иначе. Одни говорили, что, конечно, крестьянам, хотя и составляют они помещичью собственность, необходимо даровать свободу, но при этом не должно забывать и права помещиков на их собственность; а потому предлагали всех крестьян выкупить за цену чрезвычайно умеренную, а именно: так как за человека, отданного в рекруты, казна платит триста рублей серебром, то и за освобождение следует заплатить по тому же расчету; а как сверх того крестьянам нужна земля, то и за землю должны дать помещику из казны: за конопляники двести рублей, а за распашную — по сто пятьдесят рублей.

— Помилуйте,— говорили этому писателю,— да ведь вы хотите взять за часть вашего имения в десять раз больше, чем стоит все имение!

— Этот выкуп должна произвести казна, а казна должна быть великодушна.

— При всем великодушии казне и деньги нужны; а ежели в казне не хватит столько денег, сколько нужно по вашим расчетам? Тогда как?

— Да что казна! Не о том вопрос! Вы согласны ли с моим проектом? — спрашивал писатель своих сограждан, сообщая им вкратце на словах свой проект.

— Все согласны! Все согласны! — ответствовали сограждане.

— На этих условиях все согласны!

И проект об освобождении крестьян переписывался крепостным писарем и отсылался куда следует, а сочинитель проекта получал заслуженное уважение и начинал пользоваться авторитетом государственной головы.

— Читали вы проект такого-то? — спрашивал один господин другого.

— А вы читали?

— Великолепный! Гуманный! Представьте: всех крестьян без всякого возмездия помещики отпускают на волю.

Но тут представляется два вопроса: первый — где мужикам взять землю, потому что мужикам земля необходима, без земли мужик пропадет. Второй вопрос вытекает из первого. Первый вопрос решается удачно и чрезвычайно просто. Земля мужикам нужна. А как земля в наших губерниях вся барская[2] и мужикам отдать эту землю нельзя, то переселить мужиков на вольные земли в Сибирь, разумеется, на казенный счет. Теперь — мужиков переселили в Сибирь, кто же нам будет работать? Это второй вопрос, который тоже совершенно решается: для помещиков должно выписать работников из Германии и Северной Америки, где, как известно, земледельцы очень искусные!

Отсылался и этот проект. Мало этого, все составители проектов задумали печатать свои произведения, редакторы журналов были засыпаны проектами, из которых один был лучше другого... но увы! — читателей этих журналов редакторы не рассудили за благо познакомить с этими великолепными произведениями.<...>

Несмотря на эту несправедливость, во всех журналах было очень много толков, да и теперь продолжаются, об устройстве крестьянского быта; и большая часть журнальных статей по этому вопросу принадлежит помещикам.

Собрались губернские комитеты и разъехались; съездили в Петербург депутаты от губернских комитетов и вернулись; стали ждать манифеста. Простой народ ждал этого манифеста от праздника до праздника: не пришел к Рождеству, придет, думал народ, к светлому празднику, светлый праздник обманул, не обманет Петров день... Образованный класс ждал манифеста к какому-нибудь высокоторжественному дню: к дню коронации, тезоименитства государя или наследника. И тут-то пошли толки, как примет народ на первый раз желанную волю<...>.

Около десятого марта 1861 года был прочитан манифест 19 февраля. Но прочитан он был не везде толково и ясно: отсюда толкованья, отсюда нелепицы. Так, например, мне случалось слышать, что «воля от трех царей пришла». Оказывалось, что такое понимание от того произошло, что высочайший титул был невнятно прочитан[3]...

Другие толки были еще страннее.

— Эта воля, давно, братцы, пошла, — толковал при мне толпе мужиков и крестьян отставной солдат.

— А как давно?

— А так давно, когда еще был жив сам польский король в своем польском королевстве.

— Навряд это так!

— Так! И в указе сказано, что эту волю еще батюшка царь Николай Павлыч задумал, а мы при нем и Польшу-то покончили...

В одном селе старик-поп стал читать с амвона в церкви манифест; разбирал плохо и, плохо разбирая, прочитал: «О сени... о сени... нет, ребята! Осени себя крестным знамением, православный народ!»

Народ вообразил, что в манифесте сказано что-то о сене, чего священник не хочет читать. Заставили читать дьякона, но о сене все-таки ничего не было. Взяли манифест, вышли из церкви и стали читать сами.

Как бы то ни было, а воля от одного царя пришла, стали ждать еще две воли... Ожидания скоро сбылись: пришла и другая воля — прислано высочайшее Положение 19 февраля с царскими послами, как звал народ генералов свиты его величества и флигель-адъютантов. Эта другая воля была в одном городе получена раньше, в другом позже.

— Отчего воля не всем зараз сказана? — допытывались мужики.

Небрежность в рассылке экземпляров Положения была невероятная: во многие деревни было прислано вместо полных экземпляров Положения несколько экземпляров некоторых листов; например, в Орловской губернии раздавали в одной деревне тетрадь несшитую, из двадцати экземпляров правил о людях, вышедших из крепостной зависимости в Бессарабской области; в другой деревне — дополнительные правила о приписных к частным горным заводам... И таких экземпляров было множество.

— У нас что за воля!.. У нас воля восемьдесят семь листов, а вот графским привезли на ста девяноста трех листах, братец ты мой! — с завистью говорил мне один мужик.

Все единогласно говорят, что царская воля везде принята со страхом и трепетом, как что-то священное, святое, несмотря на то что она была объявлена чиновниками, которые неизвестно по чьему приказанию составляли разные легенды.

— Помещики знали, что вам на воле лучше будет; вот они и просили государя дать вам волю, а ваш барин прежде всех! — вразумлял один такой чиновник, объявляя волю мужикам.

Зачем все это говорилось? Затем ли, чтобы мужики, видя явную риторику в одном, не верили ничему вообще?

— Как прослышали мы эту волю,— говорили мужики,— сами себе не верим! Сколько прежде говорили, что уж и всякую веру потеряли! Одначе воля пришла: сам чиновник из губернии приехал, привез волю, собрал сходку, с каждого двора по человеку, а и два ничего. Стал толковать сходке, толковал тот чиновник много пустого. Потолковавши, сколько ему было нужно, говорит: «А кто у вас, ребята, старше всех?» Мы глянули друг на дружку и говорим: «Старше старосты у нас человека нету».— «Нет,— говорит чиновник,— староста старше всех вас чином, а мне укажите, кто старше всех годами?» Мы опять переглянулись

промеж собою. «Годами старше Арсения Петрова у нас старика нету, Арсений Петров самый старый у нас старик!» — «Ну, подойди сюда ко мне, Арсений Петров!» — кликнул чиновник. Подошел этот самый Арсений Петров.

«На,— говорит чиновник,— на тебе волю, держи!» — А сам сует ему в руки книгу, ту самую волю. Арсен так и упал на коленочки. «Я человек,— говорит,— старый, не смогу сдержать воли!» Как загогочет чиновник, а Арсен еще пуще заробел. Кланялся, кланялся, а все-таки волю ему в руки сдали. Взял он эту волю. Читать надо, что в той воле сказано. У нас дьячок есть, Афанасий зовут: малый шустрый и письменный тоже; подрядили того дьячка Афоньку волю читать; запросил полтинник денег, полштофа водки — дали! Только стал читать дьячок эту волю — не могит читать ту волю! А для того не могит, что та воля на четыре грани написана: и туда верни и сюда верни, а нам читай всю волю сряду!.. Так даром и отдали водку и деньги. Может, знаешь, у Афросимовских садовник есть, в Москве учился; вот тот может волю читать. Тот объявил штоф водки и целковый денег... Что же ты думаешь? Ведь еще полштофа надбавили! Как стал читать с утра, так только на другой день к вечеру кончил. Половина барщины спит, другая слушает! Половина барщины спит, другая слушает! Так и прочитал!

— Что же вы поняли? — спрашивал я тех мужиков.

— А что поняли? Тебе говорят, та воля на четыре грани написана!

— Для чего же вы читали ту волю, коли из вас никто и понять ее не может?

— А так, друг любезный, закон велит. А мы, друг любезный, от закону не прочь!

Я бы не стал рассказывать этого случая, если бы он был редким исключением; но, к несчастью, воля была прочитана почти повсеместно таким образом.<...>Чиновникам и помещикам крестьяне не верили; поневоле им пришлось нанимать выгнанных дьячков, подьячих да промотавшихся помещиков. И должно сказать правду: эти люди читали волю добросовестно; желание ли добра крестьянам, боязнь ли страшной ответственности за ложное толкование — то и другое вместе действовало на чтецов, но я не встречал ни одного умышленного толкователя из этих грамотеев-чтецов. Да из чтецов вообще было мало и толкователей: все боялись ошибиться, а ошибиться было легко! Многих из этих чтецов ловила полиция, но, кажется, ни одного, кроме известного Антона Петрова, не нашли виновным.

Весной, в 1861 году я был у П[авло]ва в Мценском уезде[4]. П[авло]в, попотчевав своих мужиков водкой, повел с ними такую речь:

— Вы знаете, что я вас никогда не обманывал ни в чем?

— Знаем, батюшка Иван Васильевич, знаем! Ни в чем, как есть ни в чем никогда ты нас не обманывал! — загомонили мужики.

— Ну так вот что я вам скажу: по положению приказано в два года уставные грамоты написать.

— Так-с!

— В этих грамотах должно сказать, сколько вам надо земли, какая земля и сколько с вас оброку за ту землю по закону следует или какая работа за землю вместо оброка положена.

— Так-с!

— Да ведь вам читали новое Положение?

— Читать-то читали,— как-то недовольно заговорили мужики.

— Ну так ведь в Положении об этих грамотах прямо сказано?

— Разве сказано?

— Да ведь вы сами же читали! Как же вы спрашиваете, сказано ли?

— Да что ж, что читали...

— Разве плохо вам читали? Разве не все поняли в Положении?

— Да ничего не поняли! Где там понять?! Мы люди не письменные!

— Ну так я вам говорю правду: приказано уставные грамоты написать. Ежелы мы согласимся сами об земле — какая вам отойдет, какая мне — сами напишем грамоту; а не сойдемся, заспорим — приедет от казны чиновник, тот нас разведет.

— Нет, Иван Васильевич! До казны не пущать! Расходиться самим! Как ни на есть, а расходиться промеж собой без казны! До казны доводить — последнее дело!

— Отчего же?

— Оттого: ты заплатишь — тебе землю отрежут; наша пересилит — тебя обидят!

— Ну так давайте сами в земле разберемся. Вам отдам всю землю ближнюю, а себе беру дальнюю; так хорошо будет?

— Как же не хорошо! Чего ж лучше, Иван Васильевич! Нам вся ближняя.

— Так и грамоту сейчас напишем. Старики! Станем грамоту писать!

— Грамоту-то, Иван Васильевич, грамоту-то ты писать погоди!

— Отчего же?

— Да так, погоди: ведь над нами не каплет! Куда нам спешить?

— Чего же ждать?

— Да посмотрим, как люди станут делать, так и мы станем с тобой тогда уж! Ведь сам знаешь: теперь дело на целый век идет; стало, надо хорошенько пораздумать да поразмыслить!

— Да вы сами говорите, что я вас не обману, сделаю по закону...

— Как тебе, Иван Васильевич, не верить! Беспременно по закону сделаешь! Об этом и толку нет!

— Отчего же теперь не хотите грамоты писать, когда мне все вы верите?

— А надо правду сказать! — заговорил один старик попьянее и потому, может быть, пооткровеннее других.— Это точно, что ты доселева нас не обманывал, да теперь ведь дело-то вековое! Посмотрим, как другие, как другие, так и мы!

После этого и говорить было нечего, и мой хозяин ушел не только со сходки, но и совсем со двора к своим соседям в гости, а я пошел в дом. Спустя несколько времени ко мне в комнату вошли человека четыре мужиков с «волей» под мышкой у одного; за этими мужиками стали входить и еще по одному, по два, так что в несколько минут в моей комнате собрались все мужики, пировавшие до этих пор на дворе.

— Что вам, старики, надо? — спросил я вошедших ко мне мужиков.

— Да вот, Павел Иванович, сделай такую милость, покажи нам в нашей воле тое место, где сказано: кто эту книгу будет читать, того беспременно сечь! — предложил мне один из пришедших стариков, подавая свой экземпляр «Положения», или, по-ихнему, «волю».

— Нету, братцы, такого места в вашей воле,— отвечал я старикам.

— Есть! Право, есть...

— Да нету, во всей книге нет такого места.

— Поищи, пожалуйста, право, найдешь! — настаивали подгулявшие старики.

— Нету такого места во всей книге; эту книгу я сколько раз читал — такого места не видал! Да и для чего было бы вам давать такую книгу, которую читать не велено; эту книгу и дали всем нарочно, с тем чтобы ее все читали!

— Верно тебе слово говорим, что есть такое место, где сказано: кто эту книгу будет читать — беспременно сечь... Уж сделай такую милость, покажи нам тое только местушко, нам больше ничего не надобно! Пожалуйста, возьми эту самую книгу да поищи нам это местушко.

— Этого места во всей книге этой нет, стало быть, и искать нечего.

— Так нет этого места во всей книге? — спросил один из мужиков.

— Нет!

— А такое место есть, что все сады, все амбары барские нам следуют?

— И такого места нет, а если ты будешь это говорить, то беспременно будут пороть.

— Так нет такого места во всей этой книге, говоришь ты?

— Нету!

— Дай же, я тебе покажу! — и с этими словами он поднес мне «Положение», стал перевертывать листы и нашел последнюю

страницу манифеста по клейму, приложенному вместо печати (мужики были неграмотные).

— На, читай эту страницу!

Я стал читать: «...дабы внимание земледельцев не было отвлечено от их необходимых земледельческих занятий...»

— Читай еще!.. Читай еще! Тут! Тут оно! Читай! — заговорили радостно в толпе,— тут оно сказано...

— «...Пусть они тщательно возделывают землю...»

— Это место! Это место! Читай, читай!

— «...и собирают плоды ея...»

— Ну что? — спросил с торжеством мужик.

— А что?

— А что ты прочитал?

— Прочитал, чтоб вы хорошенько работали землю и собирали тогда...

— Плоды?

— Ну да: будешь хорошо пахать, посеешь рожь — рожь и родится хорошо; вот тебе и плоды...

— Нет, Павел Иванович! Посеешь рожь — рожь и родится, а плодов все-таки не будет! Плоды в садах, а сады-то барские; а как плоды нам, стало, и сады к нам отойдут! Вот что!

— Пустое, братцы, болтаете!.. Здесь не так сказано...

— Читай! Читай еще!

— «...Чтобы потом из хорошо наполненной житницы взять семена для посева на земле...»

— Ну, а это что?

— А это вот что: будете хорошо работать, будут у вас житницы полные, вы и берите семена...

— Ишь куда!.. Не туда, барин, прешь! Какие у нас житницы?! Амбаришки! Куда тут житницы!.. Амбаришки!.. А то — «полные житницы»,— заговорили в толпе.

— Правду вам говорю, старики, сущую правду...

— Правду! Хороша правда!.. Читай! Читай!

— «...На земле постоянного пользования или на земле, приобретенной в собственность...»

— А это что, по-твоему?

— Это значит: засевай землю, которую дает тебе барин пользоваться, или ту землю, которую сам купишь, приобретешь в собственность.

— Про барскую землю тут и помину нет, а говорят: постоянно ты землей пользуйся, а коли хочешь, купи. Только для чего же я покупать стану землю, коли и так можно ее пахать? Хочешь пахать — бери землю, а не хочешь пахать — покупай!.. А нам не пахать — и делать с землей нечего!

— Не так вы, братцы, толкуете...

— Читай-ко еще, так будет! Ты знай свое дело: читай, а мы уж разберем! Читай!

— «Осени себя крестным знамением, православный народ,

и призови с нами божие благословение на твой свободный труд...»

— Это как, по-твоему, Павел Иваныч, обозначает?

— Вы теперь свободные люди; сперва ходили на барщину, а теперь, как землю выкупите, так свободно, как хочешь — так и работай: вот тебе и свободный труд...

— Так, да не так! Сказано: перекрестись и только! Там, значит, и пошел свободный труд! Какая тут купля?

— Ой, братцы, будут вас за эти ваши толки больно наказывать!

— Наказывать долго ли? Было бы за что!

— За самые за эти ваши толки...

— За эти слова сечь не за что: это царская воля!

Этим-то мужикам написано было «Положение».<...>

— Ну как, братцы, у вас воля идет? — спросил я раз в кабаке мужиков, сперва попотчевав их водкой.

— Что ты, брат? — отвечали мне с испугом мужики.— Про волю не толкуй!

— Отчего же?

— Наказывать будут!

— За что же?

— А за то: про волю, сказано, никто толковать не смей! Вот тебе и вся недолга.

— Неправду вы, братцы, говорите; про волю не запрещено говорить, только надо говорить дело, надо говорить то, что сказано в «Положении»; а, конечно, если станешь толковать что-нибудь не так, станешь народ смущать...

— Это все едино!.. Сказано тебе: об воле толковать никак не моги!.. Об воле станешь толковать — беспременно сечь станут! Все тут тебе сказано...

— Во-первых, мы не станем пустого болтать,— настаивал я,— а во-вторых, меж нами, кажется, ни одного пустого и человека нет, и в донос идти некому...

— Теперь, может быть, и нету, а зайдет кто... тут кабак... А мы вот тебе что скажем: бери ты с собой свою водку, пойдем к нам; ты у нас и переночуешь... Дома и толкуй, о чем знаешь: дома свои стены не выдадут!

— Живите, братцы, посмирнее! — сказал я, войдя с ними в избу и садясь за стол.

— Как, братец ты мой, несмирно жить? На последях перед волею бунтовать не приходится! Что и не так — лучше смолчать, на себе перенесть; мы и зарок такой сделали: кто станет бунтовать — своим судом с тем расправиться, а до суда делу не доходить.

— Так-то лучше, братцы,— продолжал я,— а то ведь будет для вас хуже...

— Знамое дело, что хуже!

— Чуть мало что — приведут к вам солдат...

— Да и теперь секут,— перебил меня один из мужиков с изумительным хладнокровием.

— Как? За что? За бунт?

— Какой там бунт! Бунта никакого нет!

— Не может быть, чтоб ни за что ни про что наказывали; вероятно, за какое-нибудь дело?

— А может быть, и за дело какое; только это никому не известно.

— Разве что-нибудь случилось?

— Видишь, приехал чиновник, согнал окольных людей со всего околотка... Человек триста нагнал... собрал сходку, вышел, да как крикнет: «Хочешь голову срубить — голову срублю, хочешь повесить — повешу; хочешь так сказнить — так сказню! Тебе и не надо в Сибири быть — в Сибири будешь, в Сибирь сошлю!» Да и долго, долго он толковал.

— Да об чем же?

— А все о том же! А там как крикнет: «Всех сечь!»<...>

— Как? Всех наказывали?

— А кто их знает: много секли! Василий-батрак... и делов-то его всех было, что в деревню приехал,— отработали! А ведь другие окольные были — тем ничего! Значит, не попались на глаза!

— Да он бы сказал, что он не здешний!

— Скажи!.. Скажут «бунтуешь»! А у нас, брат, бунтовать никто не соглашается!

Еще мне приходилось слышать об одном несчастном в Архарове Малоархангельского уезда Орловской губернии. Должно заметить, что архаровцы, получивши манифест 19 февраля, положили на сходке не бунтовать, а вести волю, как царь велел. Вели они волю, вели, да и довели до усмирения: приехал исправник усмирять архаровцев. Зачинщик недоразумений ушел, кажется, в Иерусалим Богу молиться еще до усмирения, и усмиряли без него. Усмирение было оригинальное: собрали всех мужиков, и как исправнику всех усмирять не было свободного времени, то он усмирял десятого; в числе этих десятых был один мужик, пришедший накануне из Одессы за паспортом; его высекли и дали паспорт, и он, так мирно и патриархально пробывши один день на родине, отправился на другой день опять в Одессу<...>.

<...>Месяца через четыре после объявления манифеста были понемножку назначаемы мировые посредники; скажут нескольким помещикам, что они мировые посредники в таком-то уезде, потом в том же уезде назначат еще, а там еще, так что наконец и набралось достаточное число посредников. Посредники были благодетелями народа: едва мировые посредники вступили в должность, как порядок начал установляться. Хоть многие мировые посредники и секли мужиков, да в одиночку. Суд мировых посредников пришелся по сердцу народу. Этот суд тем хорош, что скор: мировой посредник сейчас рассудит, ежели нужно, здесь же и накажет, и дело кончит без всяких проволочек.

Мировых посредников можно разделить на три разряда. К первому разряду принадлежат такие мировые посредники, которых не любят ни помещики, ни мужики. Этого сорта мировые посредники преимущественно смотрят на себя как на чиновников и, как чиновники, считают себя начальниками надо всеми, кого только захватило Положение на указанных им участках, все их подчиненные: и помещики, и крестьяне, и купцы, и мещане, и попы — все здесь постоянно живущие и все вновь временно, хоть на одну минуту, в их владения зашедшие... Либералы ли они — Бог их знает! Но либеральничают эти чиновники-посредники все; по крайней мере мне не приходилось из таких посредников видеть ни одного, который бы на речах не был либералом. Они отличаются порядочностию: у них и канцелярия в порядке, и число исходящих нумеров бесчисленно.<...>На сходках они держат себя величаво; ежели начнут что говорить сходке, то мужик может любоваться их красноречием сколько угодно, но понять, по своему мужицкому образованию и по непривычке к канцелярскому красноречию, совершенно не может. Таковой посредник карает и мужиков, но распекает и помещиков, действующих не совсем согласно с видами его, посредника... Но, к счастью, таких посредников мало, и теперь они по большей части разбились по другим разрядам. Часть их перешла на сторону посредников, любимых помещиками и составляющих второй класс. Эти второго класса господа решительно все либералы, но либерализм их особенный; этот их либерализм очень любезен помещикам, вроде Пеночкиных тургеневских[5]. Судьба привела меня видеть одного из первых таких либералов-посредников.

В то время, когда назначались мировые посредники, одним из самых первых в Орловской губернии был назначен мировым посредником... назовем его хоть как-нибудь... или лучше пусть будет он без имени; не он один такой, их много... Когда он был назначен на эту должность, то счел своей обязанностью заехать к будущему товарищу по будущей службе.

— Нам надо действовать по возможности однообразно,— сказал он после первых рекомендаций и любезностей хозяину, тоже будущему посреднику.

— Это необходимо,— отвечал хозяин,— лучше и для нас, и гораздо лучше...

— И гораздо лучше для мужиков,— перебил либеральный посредник,— ежели мы станем действовать различно, могут возникнуть между мужиками толки: станут говорить, не понимая хорошенько дела, что мировые посредники действуют не по закону, а по своему произволу.

— Да, это правда...

— Мужиков наша обязанность приучать к легальности, приучить мужика, чтоб он уважал закон!

Потом пошел толковать о вреде для крестьян крепостного права, коснулся недобрым словом помещиков, находил, что

теперешнее неутешительное нравственное состояние помещиков совершенно логично вытекает из прежней жизни рабовладетелей; что крепостное право портит не столько рабов-крестьян (он крепостных от рабов не хотел отличать), сколько портит господ, пользующихся крепостным правом... Потом еще более либеральничал.

— У меня у самого есть дело,— заговорил уже за ужином посредник-либерал,— которое касается меня лично и подлежит тоже ведению мирового посредника. Вот в чем дело: мужики два года тому назад просили у меня позволения купить себе земли; им это дозволили с условием, чтоб они владели этой землей пятнадцать лет, а после пятнадцати лет чтоб эта земля сделалась барскою. Теперь как быть с этой землей? Взять ее у мужиков сейчас нельзя, да я и не хочу незаконно поступать, потому что мужики не владели еще срочных пятнадцать лет этой землей, а как сделать с ними условие?

От мирового посредника слышать подобную речь всем показалось довольно странным.

— На чьи деньги куплена земля? — спросил хозяин,— на ваши или на мужицкие?

— Разумеется, на мужицкие,— отвечал совершенно убедительно либеральный посредник.

— Но когда на мужицкие деньги куплена земля, стало быть, она и принадлежать должна мужикам.

— Но как же,— заспорил посредник,— как же? Тогда условие не будет соблюдено!

— Какое там условие?

— Как какое условие? Условие, заключенное между помещиком и крестьянами...

— Позвольте вас спросить: какое же могли с вами крестьяне заключать условие, когда они были ваши крепостные крестьяне? Условие могут заключать только две стороны, совершенно одна от другой независимые. Поэтому условия тут никакого не было, да и быть не могло; а просто вы хотели воспользоваться положением мужиков и получить на мужицкие деньги еще клок земли.

— Но согласитесь со мною сами: я до этого времени имел право... полное право!

— Никакого вы права, ни просто права, ни полного права — никакого не имели!

— Как не имел права? При существовании даже крепостного права?

— Даже и тогда не имели права притеснять крестьян! Злоупотреблять помещичьей властью и тогда, как и теперь, законом запрещалось! А как вы назовете это, как не злоупотреблением помещичьей властью?

— Нет! Я имел право дозволить и не дозволить крестьянам купить землю. Никто не знал, что освободят крестьян!

— Должны были знать!

— Как?..

— Как мировой посредник теперь, вы должны были и прежде знать, что крестьян освободят!

— Это почему?

— Кто сильно чего хочет, тот сильно верит, что то будет; мировые посредники должны были этого сильно желать... Поэтому и вы...

— Я тоже сильно желал!

— Как же вы предложили, могли предложить вашим крестьянам подобные условия?

— Это условие предложено не мною; я купил это имение на этих условиях,— с правом через пятнадцать лет взять у мужиков эту землю...

— Это все равно; как вы могли купить имение с этим грязным правом?

— Я, разумеется, не воспользуюсь этим правом; я только так спросил.

— Стало быть, и спрашивать об этом было вам не для чего.

— Я как мировой посредник хотел знать ваше мнение об этом деле... Я подарю эту землю мужикам, но в других имениях могут быть подобные этому случаи...

— Не дарите и вы земли мужикам вашим, не советуйте и другим помещикам дарить такую землю крестьянам; земля купленная должна принадлежать тому, кто заплатил за нее деньги; как же вы будете дарить чужое?

После сего не совсем, впрочем, либерального разговора мы опять стали либеральничать... еще пуще прежнего!

Спустя несколько времени мне привелось об этом посреднике много слышать, и слухи эти были, при всем их кажущемся разнообразии, донельзя однообразны; вся разница заключалась в воззрении: что одни находили дурным, то другим представлялось самым лучшим.

— Что, брат, у вас новые порядки? — заговорил я, проезжая одно село, с проходящим мужиком.

— Новые-то новые порядки! — отвечал он, поклонившись мне и идя рядом со мною.

— А что ж?

— Да так, брат! Какая такая воля пришла, об какой воле никто не слыхивал!.. Хуже всякой неволи!

— Как же хуже? Теперь ты ничего не боишься, ни от кого никакой обиды; кто тебя обидел — пошел к своему мировому посреднику, тот тебя от всякой обиды защитит; только сам не делай дурного дела. За дурное дело, сам знаешь, никто не похвалит...

— Зачем хвалить! А ты знаешь нашего посредственника?

Посредственниками мужики называют мировых посредников.

— Нет, не знаю! А кто у вас мировым посредником? — спросил я.

— А у нас такой-то...

Тут мужик назвал господина того самого, с которым я уже встречался и об котором уже говорил выше.

— Ну что, каков он у вас?

— У нас-то ничего! У нас ему и дела никакого нет! Нам-то что!

— Нет, не у вас одних, не в вашем селе; а как, мужики его любят?

— А на что ему наша любовь-то? Что он будет с нею делать, с нашей любовью-то?

— Ну все-таки любят?

— Что любить-то! Известное дело: барскую руку держит! Как ни приди — все за барина...

— И все мировые посредники барскую руку держат?

— Нет! Куда все! Есть, что дело и по-божьи ведут; мужик виноват — мужика накажет, а барин провинился в чем-то — и с барина с того же взыщет...

— Не может быть, чтобы ваш посредник без вины безо всякой наказывал мужиков.

— Кто тебе говорит «без вины наказывал...»? Только уже очень нас штряхами доезжает!

— Какими штряхами?

— А штрях: деньги ни за что берутся, вот и выходит тебе штрях.

— Как ни за что?

— А так: вина твоя такая, сечь тебя не за что, сажать тебя на хлеб и воду — тоже вина малая; делать-то с тобой нечего, вот и штрях! Как стряхнут твою мошну, вот ты и знай... лучше б уж больше провинился, наказали б, да и пустили; а штряхи-то эти другому на целый век отзовутся!

— Не надо только попадать в вину какую, а то штряхов не будет,— наставительно произнес я.

— А как ты, человек любезный, не попадешься в чем: у нашего посредника всякая вина виновата!

— Как так, всякая вина виновата?

— А так: малая какая безделица, только б ему узнать, сейчас тебе штрях! Не разберет тебе, что дело-то плевое, не стоющее внимания, а так, сейчас штрях на тебя! Оттого и называется штряхом, что ни за что берется! А наш посредник до этих штряхов большой охотник!<...>

Известного воззрения помещики сильно на него надеются: мало-мальски кто из таких помещиков недоволен своим посредником, то сейчас просит мировой съезд заменить мирового посредника посредником-либералом, называя его или просто по имени, отчеству и фамилии, или соседним мировым посредником, когда он действительно соседний мировой посредник. И такова игра природы, что ни один помещик таковой, ни одна помещица таковая не попросила ни разу в этом уезде другого посредника... Так он полюбил их, так он строго блюдет помещичьи интересы, что

часто это случается даже против желания самих помещиков.

Приезжает он к одному помещику писать уставную грамоту. Помещик объявляет ему, что хочет сделать уступку в пользу крестьян... Надо было видеть, как перепугался наш мировой посредник: он от этой уступки ожидал всеобщего восстания, если не поголовной резни!

— Что вы хотите со мной сделать? — говорил он помещику.— Вы мне этим испортите весь участок! Все мужики в участке будут указывать на вашу уставную грамоту! Я вас прошу: не делайте этого!

Но, увы! К нашему с ним негодованию, не сделалось так, как нам хотелось.

— Хоть в уставную грамоту этой уступки не пишите, на словах это сделайте! — молил он.

Не внял и этой мольбе помещик; помещик думал, что мужики могут и его самого заподозрить, если он обещанное на словах не подтвердит письменно в уставной грамоте. И в грамоту уставную занесли и эту уступку... Не стало по-нашему!

В последний раз я видел его в страшных заботах: слухи ли пронеслись или официально дали знать, что губернатор едет осматривать волости; и он принимал все зависящие от него меры, чтобы губернатор остался доволен им.

— Слышал ты, что губернатор едет осматривать волости? — спрашивал он волостного старшину на сходке, собранной по случаю введения в том имении уставной грамоты.

— Слышал! — отвечал старшина казенно-почтительным образом, титулуя его, кажется, вашим высокоблагородием или батюшкой, не помню.

— Когда слышал, так надо быть готовым к приезду губернатора.

Волостной старшина, верно, знал, как надо быть готовым к приезду губернатора.

— Все готово,— отвечал волостной старшина.— Хоть сейчас приезжай губернатор.

Что было готово, он не сказал, но посредник понял.

— Все готово? — спросил посредник.

— Все готово! — ответил старшина.

— Все?

— Как есть все!

— А Положение знаешь? — спросил посредник волостного старшину.

— Как то есть положение? — спросил волостной старшина посредника.

— Положение девятнадцатого февраля знаешь ли? — уже построже спросил посредник.

— Да ведь я неграмотный! Как же мне выучить это Положение? — заговорил волостной старшина.

— Как! Что ж такое, что ты неграмотный?! Ведь ты молитвы учишь? Сказывай, ты молитвы знаешь?

— Знаю...

— Так чтобы ты и Положение мне выучил! Чтоб как молитву знал! Чтобы к приезду губернатора непременно все Положение, как молитву, твердо знал! — подтвердил посредник волостному голове.

— Слушаю-с! — был ответ.

— И выучит волостной старшина это Положение 19 февраля, непременно выучит! Случалось же мне, да, вероятно, и не мне одному случалось, слышать, как солдаты читают свои «пунктики»; солдаты тоже неграмотные. Пунктики эти начинаются, кажется, так: «Солдат есть имя великое, знаменитое...» Стало быть, можно, хоть и трудно, а можно и Положение так же выучить, и, вероятно, волостной этот старшина, исполняя приказание своего посредственника, к приезду губернатора выучит все Положение 19 февраля; а губернатор, видя такое усердие мирового посредника, представит этого посредника к награде — чином или орденом и тем поощрит его к дальнейшим подвигам, столь же для отечества полезным.

Третий сорт мировых посредников — это люди простые, знающие быт крестьян и любимые крестьянами за беспристрастие в разборе жалоб. Но этих посредников мне случалось видеть мало, а потому об них мне и говорить не приходится. Лучше скажем несколько слов о сельских властях: о волостных старшинах и сельских старостах.

Эти новые казенные чиновники резко делятся на два разряда: к первому и лучшему принадлежат люди, выбранные на эти должности из молодежи, не искушенные еще властию, не бывшие до этого времени никакими начальниками; ко второму — люди, и до этого времени бывшие начальниками по назначению помещиков, бывшие старостами, бурмистрами, приказчиками. Первые строго смотрят, чтоб *закон был соблюден,* строго смотрят, чтоб барские и казенные повинности были исполнены, не позволяют взяток ни под каким видом, ни под каким названием, не позволяют ни себе, ни другим. Одному малоархангельскому волостному старшине, молодому человеку лет двадцати семи — двадцати восьми, помещик предлагал десять целковых за исполнение своих обязанностей; тот, исполнивший должное требование помещика, не взял этой взятки, обиделся и принес жалобу на помещика мировому посреднику. В некоторых волостях наняты писаря с тем, чтобы они учили крестьянских детей грамоте; волостные старшины не позволяли *принимать* этим учителям *благодарности* не только с временнообязанных крестьян своей волости, но и за учение детей государственных крестьян. С крестьянами они справедливы, строго требуют с них должного; но не поддаются и помещикам, хотя никогда не позволяют себе никакой дерзости в отношении к ним.

— Как же вы ладите с господами? — спрашивал я не раз, указывая на таких помещиков, которые отличались своею

требовательностью и уже несколько раз жаловались на своих мировых посредников.

— Да с теми ладить легко! Исполняй все, что он скажет тебе дельное по закону...

— Ну, а ежели он скажет тебе что не дельное, ведь ты должен отказать?

— Зачем отказывать? Не нужно: господа этого страх как не любят.

— Да как же ты сделаешь незаконное, чего по закону не следует?

— И отказать не откажу, и сделать не сделаю. Мне господ не выучить, так и читать им проповедь не стоит; а скажешь ему: я бы для вас с превеликою радостию сделал, да боюсь, так ли оно выйдет? Я спрошу мирового посредника... Какой и побоится посредника... «Нет,— скажет,— не говори посреднику, я и так обойдусь», а редкий скажет «спроси»; спросишь посредника, тот не прикажет, ты опять-таки прав: барину тому ты отказа не делал, ему и сердиться на тебя нет причины.

Совсем другим характером отличаются сельские чиновники, выбранные из прежних чиновников, бывших при помещиках. Они выбраны или по требованию, или по указанию, или по *желанию* мировых посредников, или из боязни ослабить прежнюю власть. Верней всего, что на будущих выборах мало будет из этих людей выбрано вновь на должности. Они держат себя с простыми смертными величаво, а с начальниками униженно; они уж разбирают людей: к первым, то есть к простым смертным, они относят не одних мужиков, но и бедных или в чем-нибудь ищущих у них помещиков; к другим — всех имеющих власть: своих начальников, сильных помещиков, богатых попов, даже мужиков, когда в них нужда есть. С таким господином ссориться не следует: он может как человек, знакомый с властью, и наказать, и помиловать.

— Да как же, Арсен Васильевич,— говорил я одному волостному старшине, бывшему сперва барским бурмистром,— так ведь, пожалуй, и делать нельзя; все-таки ты должен по закону делать!

— Я и сделаю по закону,— отвечал Арсен Васильевич.— Я сделаю по закону, и от закона не отступлю, и барина уважу. Человек тебя уважает, как ты его не уважишь?

— Как же ты уважишь человеку?

— Да вот хоть барин, который того стоит, хоть, к примеру, на мужиков тебе жалуется; разберешь дело, и хоть мужики правы, а все на тех мужиков штраф наложишь, потому барин сам того стоит; а не стоит того барин, так хоть и виноваты мужики — ничего не сделаешь.

— Да как же, Арсен Васильич, на правых мужиков штраф накладывать? Ну, как те мужики обидятся да жаловаться пойдут?

— В штрафах мне никто запретить не может; штраф в законе указан.

— Ну, а как жаловаться пойдут к мировому посреднику или еще к кому?

— Нет, не пойдут,— отвечал решительно Арсен Васильич,— не пойдут! Мужик жаловаться по судам не любит.

— Ну, а если с мужика возьмут взятку? Ведь у вас берут взятки?

— Ни мировой посредник, ни один волостной старшина — ни-ни! Избави Господи!

— Ну, а волостной писарь?

— Те... Да ведь я думаю, что взятка? Взятку я своему писарю позволю взять, сам позволю, потому знаю, какую взятку и какому писарю. Писарь мое дело исполняет, меня слушает, у меня находится в повиновении — как же я ему не позволю взять?

— Какую же взятку, по-твоему, Арсен Васильич, можно дозволить взять?

— Мало ли! Да вот хоть билеты мужики берут, в заработки идут... Что ж, можно! По четвертаку, по двугривенному можно взять; я своему позволил и слова не говорю.

И мужики видят, что с них берут взятки, и тоже ничего, не обижаются; мужики видят, что волостному писарю не брать взяток — придется умирать с голоду: на шестьдесят — девяносто рублей, при купленном хлебе и всем съестном, жить нельзя и простому мужику; а волостной писарь хоть и плохонький, но все-таки вроде чиновника. Мужики дают взятки волостным писарям и не обижаются; но строго смотрят, чтобы сельский староста, волостной старшина не взяли взяток *от барина,* чтобы от того их делу порухи какой не вышло. А потому, если помещик позволит что-нибудь сельскому старосте, например, лошадь, на которой ездит староста, пустить к барскому корму, то все мужики тотчас же пустят своих лошадей к барскому корму, думая, что имеют на это право. И несмотря на такое устройство сельских управлений и сельских властей, мужики мировыми посредниками более довольны, чем государственные крестьяне — окружными[6].

— Какой суд лучше? — спрашивал я одного временнообязанного крестьянина Мценского уезда,— ваш суд или однодворческий, то есть суд у государственных крестьян?

— Наш все-таки получше будет супротив однодворческого суда,— отвечал мужик.

— Чем же лучше?

— А тем: короче. У однодворцев придешь жаловаться, тебя тягают-тягают, тягают-тягают... и туда сходи, и сюда пойди... к тому иди с просьбой — бумагу подай; другому так, на словах скажи...— всю твою душеньку измучают; а после все-таки накажут. А у нас пришел к мировому посреднику с какой жалобой — он тебя сейчас же рассудит, сейчас же взыщет и ступай домой! Держать не станет!

— Чем же лучше ваш суд, когда все-таки ведет к одному концу?

— Как же можно равнять мирового посредника и окружного твоего?

— Отчего же нельзя равнять?

— Наш мировой посредник здешний житель; мировой посредственник здесь и родился, здесь и умрет, а пока жив, здесь ему жить придется; сделает что уж сильно против закону — ему на мир и глаз показать нельзя будет; где помирволит своему брату барину, а где и побережется. Да и барину помирволит — все хоть одной стороне лучше сделает... А окружной твой... с ветру пришел, что ему? Нынче здесь, завтра там! Кто узнает, какие чудеса он выделывал?

Помещики тоже, насколько могут, довольны судом; случается, остаются недовольны мировым посредником, желают перемены мирового посредника, но редко хотят переменить суд мировых посредников на более организованный, более улучшенный уездный или земский суд. И, конечно, они еще скорее бы помирились с своим настоящим положением, если бы у них были деньги или хоть кредит. При наступившей насущной необходимости в деньгах денег найти редко можно: казенные кредитные учреждения все закрыты, и именно в ту минуту, когда застала нужда в деньгах; из частных рук занять под залог имения или нельзя совсем, или же заем сопряжен с большими препятствиями, а без залога редко удается, и то за большие проценты. Да у кого и есть капиталы, тот тоже сидит без денег: помещикам нужно с вольнонаемными работниками рассчитываться иногда каждый день чистыми деньгами, на это нужны мелкие деньги, а у нас еще с начала эмансипации нельзя было разменять большой ассигнации не только на серебро, но и на мелкие ассигнации. Денег у помещиков нет, крестьяне исполняют трехденку, и барин хоть что хочешь делай — мужики не станут работать семи дней в неделю. Это все так подействовало на помещиков, что они даже и не скрываются.

— Слышали вы, — спрашивал один барин другого барина, — слышали вы, мужики вернулись назад?

— Какие мужики?

— А те, что пошли на заработки за Харьков, на Дон! Вернулись назад! Там все выгорело: весь хлеб, вся трава... дождей не было, все и выгорело...

— Пускай, пускай их нужду узнают, к нам же придут — поклонятся!

В такое-то время мировыми посредниками пишутся и поверяются уставные грамоты, причем требуется от мужиков, чтоб они подписались под уставной грамотой. Мужики, зная, что где рука — там и голова, не подписываются.

— Отчего вы не подписываетесь, рук не даете? — спрашивал я не раз.

— А как руки дать? Кабы мы знали что, для чего рук не дать!

А то там напишут Бог знает что, а тебя заставляют руки давать; дашь руку — повороту не будет; скажут: сами мужики так захотели!

— На то закон есть: что сказано, то должно сделать.

— Был бы закон, стал бы наш посредственник много толковать.

— Посредник хочет согласия вашего.

— На черта ему наше согласие! Теперь вот отрежут землю у мужиков, да как мужики рук не дадут — опять отдадут.

— Нет, не отдадут той земли, которая отойдет от мужиков к барину.

— А ты не врешь?

— Нет, не вру.

— Ой ли? А у нас уж которым вернули; мировой посредственник сперва отрезал, а там и сам вернул.

— Это как же?

— Сказал посредственник: еще год владейте, мужики, всей землей.

И по всей Орловской губернии такое дело случилось: у мужиков отрезали землю, сколько приходилось более высшего душевого надела, и отдали барину с посеянным хлебом, а потом губернское присутствие приказало дозволить мужикам посеянный хлеб взять в свою пользу. ⟨...⟩

Н. Н. Волк-Карачевский

СОРОК ЛЕТ НАЗАД (Из воспоминаний мирового посредника первого призыва)

⟨...⟩ Прошло несколько месяцев после объявления воли, и мне уже казалось, что крестьяне настолько верят, что можно начать и переговоры об окончательном прекращении крепостной зависимости, которая оканчивалась после соглашения о земельном наделе. Это прекращение наступало, при обоюдном соглашении помещика с крестьянами, — или выкупом земель, или подарком уменьшенного надела. В первом случае крестьяне получали земли больше, но должны были платить в казну и дополнительный платеж помещику; во втором случае обязательные отношения прекращались со времени подписания сделки. Обе стороны находились в нерешимости: отдать земли больше жалко, но за то получались деньги, на которые многие [помещики] думали завести рациональное хозяйство. Крестьяне боялись обязать себя платежами, но отказаться от части земли, которою владели и они и батьки их, тоже казалось ужасным. Но нужно было потребовать, и я избрал для начала одно из имений гр[афа] Кушелева-Безбородко, в имениях которого вообще было больше порядка

и были все нужные материалы для сделки тем или другим порядком. 〈...〉

В конце первого года после объявления Манифеста возвратился из-за границы молодой помещик [Кушелев-Безбородко. — *Сост.*], при первом же знакомстве со мною заявивший, что он желал бы так или иначе окончить обязательные отношения с крестьянами. С него и пошло начало. Здесь я узнал, что с крестьянами уже разрешили вопрос, на что им соглашаться. Когда я начал им толковать, что им более выгодно выкупить свой надел с помощью от правительства, так как оценка земли ниже действительной стоимости, что платеж рассрочивается на долгое время, что со временем земля еще больше вздорожает, мне отвечали: «Воно може и так, да луче, щоб нам платылы за роботу, ниж мы повынни будемо платыть. Без наших рук земля пану ничого не даст, все вона наших рук не втече».

Сделка окончилась подарком одной десятины земли на каждую ревизскую душу. Хозяин, у которого был умерший отец, не исключенный из ревизии, малолетний, родившийся до 1859 г., — все получили надел... Получить бесплатно в то время землю по такому расчету и сразу стать вне всяких обязательств к помещику, казалось самым выгодным, так как прежние мечты о том, что вся земля, которая была во владении крестьян, поступит им даром, рассеялись.

Помещики же, решаясь на такую сделку, рассуждали: у крестьян будет земли мало, не будет пастбищ, и они будут брать землю у нас на условиях, какие будут нам выгодны. 〈...〉

Почти все более крупные имения окончили таким же образом, хотя у некоторых не обошлось без попытки урвать кусочек того, что им не следовало. Такие попытки обнаруживались в желании доказать, что земли, отходящие крестьянам, по качеству принадлежат к первой местности[1], и поэтому надел должен быть рассчитан меньше, а также во включении крестьян в число дворовых, которым надела помещик мог не давать.

〈...〉 Почти все владельцы спустя года полтора после «воли» пришли к обоюдному соглашению с крестьянами, отдав им безвозмездно по десятине на ревизскую душу. Ревизской же душой считался каждый мужчина, состоящий в списках населения, составленных в 1858 г. Пробовали некоторые владельцы при расчете количества земли, которую нужно дать крестьянам, считать дворовыми тех, которые были взяты из семейных крестьян во двор в разные должности. Припоминается такой случай. Генерал С., человек очень богатый, но скупой, который почти все дни сидел «на троне» (так называлось кресло позолоченное, стоящее в доме на особенно устроенном возвышении), просил меня подготовить все нужные бумаги для окончательной сделки с крестьянами. Составив список, я занес повара Харлампия в число крестьян, так как отец его не был дворовым и отбывал панщину. Генерал начал доказывать, что Харлампий дворовый

и не имеет права на надел. Завязался спор, и, когда я решительно отказался перечислить повара в число дворовых, прибавил, что это было бы нечто похожее на то, как Собакевич записал Лизавету в число мужчин [2], генерал до того рассвирепел, что мы не кончили дела и я уехал. Через некоторое время мы помирились: Харлампий получил надел, хотя генерал и уверял, что он делает это не потому, что признает Харлампия крестьянином, а просто по великодушию.

Нет сомнения, что все эти маленькие победы зависели отчасти от тех влияний, которые шли свыше, но тем не менее они указывают и на то, что все главным образом зависело в первое время от мировых посредников. Это подтверждается, между прочим, следующим эпизодом.

Месяцев через восемь губернатор начал объезд крестьянских волостей. К одному из моих волостных правлений начальник губернии подъехал уже вечером. Его ожидали старшина, старосты ближайших сел и немало крестьян. Не выходя из коляски, он, поздоровавшись со мною, обратился к старшине: «Ну, как у вас?» Получив по обыкновению в ответ, что все, слава Богу, благополучно, князь Голицын уже хотел уезжать, когда к нему подошел крестьянин с жалобой на меня. «Ты пьян, — крикнул ему губернатор. — Старшина, посади его под арест на три дня!» — и уехал к предводителю пить чай. Переконфуженный, я подозвал к себе жалобщика и спросил, по какому делу хотел он жаловаться. Оказалось, что он представил мне купчую, так называемую «пантикулярную», т. е. написанную одним крестьянином другому, о продаже упруга (1/4 десятины) земли, но той земли, которая принадлежала помещику. Таких купчих очень много имелось у крестьян, и очень редко попадались такие, из которых было видно, что земля куплена от других сословий: казаков, мещан и т. п. Все такие купчие я представлял в губернское присутствие, которое в качестве высшего совестного суда разрешало их окончательно. Удостоверившись, что желавший пожаловаться крестьянин не пьян, а только, по его словам, «выпил осьмушку для смелости», я поехал к губернатору испрашивать амнистию. На мою просьбу князь Голицын смеясь сказал: «Да делайте с ними, что хотите».

Крестьяне, представляя такие купчие, никак не могли или не хотели убедиться, что они не имели на них права, так как и вся земля, которою они владели, признавалась помещичьей и не могла перейти к ним или по выкупу, или по непринужденному согласию бывшего владельца [3]. Это была, по мнению крестьян, явная несправедливость, с которой многие не могли примириться, и в одном имении, не моего участка, пришлось принимать крупные меры. Крестьяне говорили, что те купчие, которые они имели, доказывали, что земля их дедами и прадедами была куплена у козаков. Вопрос этот был очень запутанный, и решение его все откладывалось в губернском присутствии. Вообще, очень мало

купчих было признано такими, по которым земля была отдана крестьянам и не включалась в число надела.

В конце второго года по распоряжению Мин[истерства] внут[ренних] дел мировые посредники должны были привести в известность дело продовольственное. Во время крепостного состояния на обязанности владельцев лежал правильный взнос подушной подати и обеспечивание продовольствия крестьян на случай неурожаев. Эту обязанность помещики должны были исполнять по своему усмотрению, но в каждом имении должно было быть особое помещение (магазин), а в нем на каждую ревизскую душу по четверти ржи и по 1/2 четверти ярового хлеба. Для контроля избирались особые попечители хлебных запасов, которые обязаны были ежегодно ревизовать и представлять сведения предводителям дворянства. Книги хранились — одни у помещиков, другие в канцелярии предводителя. Попечители эти выбирались дворянами, от них получали и жалованье. Очевидно, контроль мог быть только для формы. Никто серьезно ничего и никого не ревизовал. Приезжал ежегодно «попечитель», выбираемый обыкновенно из бедных дворян; ему приносили книги, он в них делал надпись, что в наличности оказывалось все. При нашей ревизии выходило уже другое. В большинстве имений не было ни помещений особых, ни хлеба. Только в тех крупных имениях, где распоряжались управляющие, а владельцы жили в Петербурге, и помещения, и хлеб были переданы в заведование крестьянских обществ. Но везде, где жил сам владелец и имел винокуренный завод, хлеба не было. Были примеры, но очень редкие, что владелец заявлял, будто хлеб был, но он разобран крестьянами, и когда это действительно было так, крестьяне не отпирались и высчитывали количество взятого ими хлеба. Посредникам было предоставлено право решать, кто должен возвратить хлеб и сколько, — помещик крестьянам или крестьяне. Все это своевременно решалось, и когда решение входило в законную силу, то передавалось полиции для взыскания. Эта груда протоколов, пролежав много времени в полицейских управлениях, была потом передана в земские управы. От земских управ (некоторых) возбуждались ходатайства об исполнении постановлений; ответов долго не получалось,— веяло уже другим духом. Дело это (тоже некоторыми управами) переносилось в губернские земские собрания, и наконец из Министерства [внутренних дел] был получен ответ: «Так как крестьяне получили юридическое право наравне с другими сословиями, то и могут сами от себя заявлять иск!» Так эти дела и канули в вечность. 〈...〉

ИЗ ЗАПИСКИ МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ П. А. ВАЛУЕВА АЛЕКСАНДРУ II «О ПОЛОЖЕНИИ КРЕСТЬЯНСКОГО ДЕЛА В НАЧАЛЕ СЕНТЯБРЯ 1861 г.»

I. Общественный порядок и его охранение

Со времени обнародования высочайше утвержденных 19 февраля Положений протекло полгода. Встречавшиеся при введении оных в действие первоначальные затруднения устранены. Вообще установление нового порядка поземельных отношений потребовало менее усилий, чем можно было ожидать при одновременном установлении их в 44 губерниях и без предварительного учреждения сельских начальств и мировых властей, которые должны были заменить упраздненную власть помещиков и пополнить существенно ограниченные права земских полиций и дворянских предводителей. Промежуток времени между обнародованием Положений и введением в действие мировых посредников был самым критическим моментом дела. Нельзя не отдать полной справедливости усердной и неутомимой деятельности и примерному самоотвержению, обнаруженным в это трудное время большей частью дворянских предводителей и земско-полицейских чинов. О действиях войск к охранению порядка и водворению его там, где он был временно нарушаем, я уже имел счастие выразить пред вашим величеством, что «они превзошли всякие ожидания и превосходят всякую похвалу». Вашему величеству благоугодно было всемилостивейше одобрить этот взгляд и, кроме неоднократного объявления высочайшего благоволения войскам, разрешить объявление оного и тем губернским присутствиям, дворянским заседателям и чинам земской полиции, коих действия в настоящем деле заслуживали преимущественного внимания. Нельзя также не отдать должной справедливости здравому смыслу народа, во многих случаях предохранявшему его от влияния неблагоразумных толков и злонамеренных внушений, его кроткому образу действий в первое мгновение торжественно провозглашенного освобождения и в особенности его верноподданнической покорности, когда при возникавших частных волнениях к нему обращались от имени вашего императорского величества и указывали на высочайшую вашего величества волю. Случаи буйного неповиновения были чрезвычайно редки. При одновременном объявлении гражданской свободы 20 миллионам душ обоего пола, подлежавшим действию крепостного права, не пало ни одной жертвы со стороны лиц, дотоле пользовавшихся этим правом или призванным по их должностным обязанностям ко введению в действие отменяющих оное законоположений. Жертвы были только на стороне освобождаемых и пали, к счастью, только в немногих местностях вследствие необходимости поддержать решительными мерами поколебленный безрассудными толпами общественный порядок. Оружие употреблено в 5 губерниях:

Казанской, Пензенской, Пермской, Подольской и Витебской; в первых четырех по одному разу, в последней два раза. Сопротивление военной силе, в большей или меньшей мере, но без необходимости прибегать для подавления оного к употреблению оружия, встретилось в 3 губерниях: Черниговской, Харьковской и Саратовской. В Смоленской губернии был случай столкновения, где без прямого употребления оружия несколько человек лишились жизни. Наконец почти во всех губерниях неоднократно надлежало восстановить порядок посредством содействия войск для арестования зачинщиков неповиновения или для наказания наиболее в нем виновных крестьян. Но во всех этих случаях не обнаруживалось закоснелого упорства, волнение нигде не принимало опасных размеров и вообще легко объяснялось недоразумениями, возникавшими от неблагонамеренных внушений посторонних лиц, частью от естественного затруднения для крестьян сразу уяснить себе пространство и свойство дарованных им новых прав.

В настоящее время общественный порядок водворен повсеместно. Изредка встречаются случаи, где нужно прибегать к вводу военных команд в неповинующиеся селения, но эти случаи не заслуживают особого внимания, и опасность обширных и упорных волнений, по-видимому, всюду миновалась. При всем том нельзя еще считать общественного спокойствия вполне обеспеченным. Ныне господствующий порядок есть не столько результат окончательного уразумения крестьянами новых условий их быта и окончательного подчинения этим условиям, сколько последствие решительных мер, повсеместно принимавшихся к прекращению возникавших волнений. Присутствие войск почти во всех губерниях еще необходимо, и порядок охраняется не одним только законом, но и нравственным влиянием военной силы.

II. Повинности. Барщина и оброк. Повинность смешанная. Повинности горнозаводских крестьян

На уклонение крестьян от исполнения лежащих на них повинностей слышны непрерывные жалобы. Но хотя не подлежит сомнению, что в некоторых местностях оброк вносится неисправно и что барщина почти везде отбывается неохотно, небрежно и в меньшем против указанного размере, но при всем том очевидно, что жалобы преувеличены, и едва ли не следует заключить, что даже в этом отношении успех дела превосходит ожидания хладнокровного наблюдателя событий. Нельзя было надеяться, что при внезапном упразднении помещичьей власти, при более или менее продолжительном отсутствии тех ближайших к крестьянам инстанций, которые должны были заменить эту власть, при сохранении рабочих повинностей в пользу помещика без предоставления ему права взысканий за неисполнение этих повинностей, при узаконенном уменьшении женской барщины, при

безусловном устранении злоупотреблений, во многих местах доводивших барщину до 4 и 5 дней в неделю вместо 3, и, наконец, при неизбежном первоначальном впечатлении, произведенном на крестьян объявлением личной свободы, не произойдет существенного различия между массою труда, бывшего в распоряжении помещиков до обнародования Манифеста 19 февраля, и суммою рабочих повинностей, остающихся в их распоряжении после этого обнародования. ⟨...⟩

По горнозаводским имениям затруднения, возникшие в Пермской губернии, вскоре устранены[1]. В Оренбургской они еще продолжаются, хотя и без нарушения порядка, вследствие различного понимания некоторых статей Положения и различных предположений по устройству дела со стороны губернского начальства, самих заводчиков, министерств финансов и внутренних дел ⟨...⟩

III. Мирское управление. Волостные общества. Волостные и сельские начальства. Волостные суды

В настоящее время общественное управление открыто почти повсеместно. При учреждении оного в разных губерниях соблюдались, без достаточно объясненных поныне причин, различные системы действий. В некоторых губерниях открытие волостей шло рядом с открытием сельских обществ; в других сперва учреждены сельские управления и затем приступлено к учреждению волостных. В одних то и другое дружно и быстро приведено в исполнение, в других исполнение производилось медленно, например, в Нижегородской, Смоленской, Курской, где до сих пор часть волостных участков не разграничена. Взгляды на существенные условия образования волостей также были различны. Местами стремились к увеличению по возможности их размеров для сбережения издержек по волостным управлениям, что, по моему мнению, вполне правильно. В других местах, наоборот, преимущественно обращали внимание на цифру верст, означающую расстояние разных селений одной волости до центрального пункта. Иногда возникали по сему предмету пререкания в самих губернских присутствиях, например, в Симбирском, где для устранения этих пререканий нужно было неоднократное вмешательство Министерства внутренних дел. Вообще нигде не принято в надлежащее внимание, что нынешний состав волостей есть только временный, а не окончательный, ибо по совершении предуказанного высочайшею волею вашего императорского величества слияния всех свободных сельских сословий неизбежно пересоставление волостных участков во всех местностях, где селения бывших помещичьих крестьян расположены чересполосно с селениями крестьян государственных или удельных.

Полных данных о волостных и сельских обществах и управлениях до сих пор не получено. О действиях означенных управлений

и волостных судов отзывы вообще весьма удовлетворительны. Крестьяне, избранные в общественные должности, большею частью пользуются надлежащим уважением и разумно взялись за дело. Но нельзя, однако же, не заметить, что их власть и влияние не вполне действительны и даже иногда не употребляются с полным рачением, когда они требуются для охраны интересов помещиков.

IV. Мировые учреждения. Посредник. Съезды посредников. Губернские присутствия

Мировые посредники по настоящее время действуют усердно, успешно и вообще соответствуют своему назначению. Местами заметны односторонность взгляда, неопытность, неправильное понимание своего призвания и положения, выражающееся в стремлении считать себя вполне независимыми от губернского управления и от Министерства внутренних дел и не признавать над собою никакой власти, кроме правительствующего Сената. Для предупреждения недоразумений министерство внесло в Главный комитет два представления, относящиеся до ближайшего определения положения мировых посредников в общем составе местных учреждений: первое — по вопросу о порядке ревизии мировых учреждений, второе — о порядке назначения следствия над мировыми посредниками в особенности. Но при всем том, если принять во внимание число посредников (более 1600), то нельзя не признать выбора лиц в эту должность большею частью весьма удачным и не отдать полной справедливости общему направлению их деятельности. Их положение во многих случаях до крайности затруднительно. Они поставлены между крестьянами, часто не понимающими нового своего положения, и помещиками, часто не желающими понимать нового порядка вещей или медленно и с трудом к нему привыкающими. Некоторая односторонность посредников даже неизбежна при тех упорных и раздражительных нареканиях, с которыми они встречаются именно со стороны помещиков. Мое заключение по сему предмету основано на продолжительном и внимательном наблюдении за возникающими в разных местах жалобами. Я неоднократно старался удостовериться в степени их основательности в разных губерниях ⟨...⟩ и должен убедиться в том, что означенные жалобы весьма нередко приносятся до крайности опрометчиво, раздражительно и несправедливо.

⟨...⟩ О деятельности мировых съездов еще нет в виду достаточных сведений. Заметно, однако же, что вообще посредники действуют дружно и что недоразумения на съездах встречаются редко. В некоторых местах проявляется чрезмерное и неразборчивое стремление к оглашению всех своих действий и к публичности совещаний.

В губернских присутствиях встречается большое разнообразие

взглядов, направлений и системы действий. Некоторые из них чрезвычайно деятельны, например, Самарское, Владимирское, Оренбургское, Ярославское, и в их постановлениях неоднократно встречались мысли и предположения, которыми Министерство внутренних дел воспользовалось; в других, например, в Нижегородском, Тамбовском, Пензенском и большей части западных, признаки деятельности менее заметны или же преимущественно заключаются, как в Витебском, в возникающих между членами недоразумениях и пререканиях. До сих пор Министерство внутренних дел не имеет почти никаких сведений о действиях присутствий по предмету разбирательства споров между помещиками и крестьянами. Их деятельность была почти исключительно направлена к административным соображениям и распоряжениям или же к обсуждению общих вопросов, возникающих вследствие встреченных в Положениях 19 февраля поводов к сомнениям и недоразумениям.

V. Отношение общественных крестьянских учреждений к мировым и мировых к административным

Влияние мировых посредников и съездов на сельские и волостные управления и их взаимные отношения до сих пор еще ясно не обозначились. Отношения мировых учреждений к общим административным равным образом не установились определительно. Выше сего уже замечено, что со стороны посредников вообще заявляется требование полной независимости от административной власти. Хотя для точного исполнения лежащих на них обязанностей и для дальнейшего привлечения к этой должности людей благонамеренных и благонадежных необходимо оградить их самостоятельность от всяких неуместных притязаний разных административных инстанций, но, тем не менее, принимая в соображение, что посредникам предоставлены не только судебные, но и распорядительные права, нельзя, безусловно, разорвать общую связь между ними и другими местными административными властями. До сих пор, при большой внимательности и бережливости со стороны губернаторов и Министерства внутренних дел, удалось предупредить такие недоразумения или столкновения, которые могли бы повредить общему ходу дела. Первая и самая затруднительная пора миновалась. ⟨...⟩

Значение Губернского присутствия в каждой губернии есть некоторым образом значение второго губернского правления, собственно по крестьянскому делу. Присутствию дана по Положениям 19 февраля форма постоянного многочисленного учреждения. Здесь, однако же, возникает вопрос: в какой мере необходимо будет сохранить эту форму впоследствии, когда окончательно будет введено в действие новое законодательство и совершится в административном отношении слияние разных сельских сословий? Близкий к тому вопрос может быть возбужден и в отношении

к мировым посредникам, если принять во внимание, что при общем преобразовании нашего судоустройства имеется в виду учреждение особых мировых судей, круг ведомства коих в некоторых отношениях не может не совпадать с нынешним кругом ведомства посредников. Едва ли подлежит сомнению, что после полного введения в действие новых Положений губернские присутствия будут менее обременены делами, чем в настоящее время, и что при мировых судьях значение и предметы ведомства мировых посредников несколько изменятся.〈...〉

VII. Уставные грамоты. Причины их медленного составления. Обоюдное настроение умов помещиков и крестьян

Составление уставных грамот происходит весьма медленно. Их должно быть составлено более 100 тыс. К 1 сентября имелись официальные сведения только о 108. Встречаемые в этом деле затруднения и препятствия возбуждают повсеместные толки и громкие опасения. Но при внимательном рассмотрении свойства обнаруженных затруднений нельзя, кажется, не убедиться в том, означенные толки большею частью неосновательны, а опасения преувеличены.

Опыт не всегда оправдывает предусмотрительность законодателя. При издании Положений о крестьянах предполагалось, что медленность в составлении уставных грамот обнаружится со стороны помещиков, и посему постановлено в § 30 Правил о приведении в действие Положений, что в случае непредставления грамоты в указанный годовой срок все расходы по составлению оной должны быть обращены на помещика. На деле оказалось, что от составления грамот уклоняются сами крестьяне. Встреченное с их стороны нерасположение к добровольным сделкам и даже к простому изъявлению согласия на узаконение существующих безобидных для них поземельных отношений там, где эти отношения оказались вполне согласными с условиями нового закона, смутило помещиков. Чем менее одна сторона изъявляла готовности к заключению договора, тем более другая настаивала на его заключении, действуя в этом деле с самым нерасчетливым нетерпением. Между тем обоюдное настроение умов большею частью весьма естественно объясняло медленность обоюдных соглашений.

Положения 19 февраля вообще не вполне соответствовали и не могли вполне соответствовать напряженным ожиданиям крестьян. Дарованные им права не могли быть ими с первого раза оценены; повинностные льготы казались им недостаточными; в тех имениях, где повинности были незначительны, вовсе не могло обнаружиться облегчения. Между тем распространившиеся слухи и толки о предстоящих дальнейших льготах, превратное толкование установленного для введения в действие уставных грамот двухгодичного срока, неясные понятия о своих правах и обязанно-

стях вообще и о праве собственности на землю, в особенности, наконец, недоверие к помещикам и привычка крестьян прибегать в сомнительных случаях к более или менее хитрой уклончивости от предъявляемых им требований одинаково должны побуждать их к медленному ожиданию тех событий или распоряжений правительства или дальнейших уступок со стороны помещиков, которые могут казаться крестьянам более или менее правдоподобными. К выжиданию должны некоторым образом склонять их даже самые жалобы помещиков на предстоящее им разорение. Эти жалобы гласно и повсеместно разносились почти два года сряду. Для оправдания их крестьяне действительно могут предполагать в некоторых случаях нечто более для себя выгодное, чем то, что они находят в новых Положениях. Другие обстоятельства равным образом приводят их в недоумение. 20-летний срок переоброчки, установленный для ограждения интересов крестьян, кажется им слишком продолжительным. Они опасаются вступать в какие бы то ни было обязательства на столь долгое время. Еще менее уясняют они себе выгоды выкупа, рассчитанного на 49 лет. Наконец, значительное препятствие к добровольным соглашениям не только по существу дела, но даже по обрядному составлению грамот заключается в общинном устройстве крестьянского быта, в круговой поруке и в той особого рода неволе, которой подчинены члены так называемого мира. Очевидно, что где нужно разъяснять что-нибудь десяткам и сотням людей или испрашивать согласие десятков и сотен и с ними договариваться, там труднее и разъяснить, и согласиться, и договориться, чем при сношениях с отдельными лицами.

Настроение умов и направление взглядов большинства помещиков также немного способствуют к успешному ходу дела. Некоторая односторонность и раздражительность с их стороны, конечно, естественна. Они непосредственно заинтересованы в деле. Они не без основания еще чувствуют себя оскорбленными неоднократно возводившимися на них безразличными обвинениями в прямом несочувствии к освобождению крестьян и в старании затруднить, замедлить и даже приостановить это освобождение. Они провели более трех лет в тревожном ожидании разрешения крестьянского вопроса, в напрасных усилиях доставить перевес своим воззрениям на дело и ныне должны подчиниться разрешению, в некоторых отношениях прямо противоположному этим воззрениям. Кроме того, они также не без основания замечают, что сохраненные им новыми Положениями права на принадлежащие им земли не вполне обеспечены постановленными в Положениях правилами, что часть этих правил на практике трудноприложима к делу и что со стороны правительства им доселе не оказывается тех воспособлений по части преобразования их хозяйств, на которые они некоторым образом имели право надеяться. Поземельный кредит внезапно упразднен правительственным распоряжением, и действия прежних по сему предмету

банковых установлений ничем не заменены. По долговым платежам в пользу этих установлений не издано льготных правил. Вопрос о введении ипотечной системы[2] не разрешен. Правил о найме вольных работников на основаниях, практически обеспечивающих нанимателя, также не издано. Но большая или меньшая объяснимость ошибок не изменяет их сущности, а ошибочность взгляда на предмет значительной части дворянского сословия и ныне еще обнаруживается в его речах и в его поступках. Вообще упускается из виду, что при установлении обязательных наделов и обязательных повинностей правительство приняло на себя нравственную гарантию в том, что изданный им закон будет исполняться и, следовательно, что определенные этим законом повинности действительно будут отбываемы в пользу помещиков. Если на первое время в том встретилось затруднение или оказалось, что постановленные в Положениях правила по этому предмету требуют пояснений или дополнений, то еще нельзя заключать, что правительство не примет к тому надлежащих мер. Но для сего нужно время, нужны указания опыта, ближайшее обсуждение этих указаний. Первоначальный ущерб в доходах, первоначальные недоразумения, столкновения и необеспеченность повинностных прав помещиков суть именно те убытки, которые при совершении подобной реформы ими самими признавались неизбежными, именно те пожертвования, которые они сами с готовностью желали принести великому делу отмены крепостного права и за которые вашим императорским величеством изъявлена дворянству высочайшая благодарность. Если бы с первого дня оброчные и барщинные повинности везде исполнялись в указанном размере, то едва ли предстоял бы повод к жалобам на значительность приносимых помещиками пожертвований. Их расчеты при обсуждении последствий нового порядка вещей часто преисполнены неверностями. Они сравнивают прежние свои доходы с указным оброком за крестьянский надел и, выводя результат, забывают, что часть земель остается в их непосредственном распоряжении и должна быть особою статьею дохода. Или они принимают в расчет, наоборот, только доход с излишней против надела земли и считают невозможным поступление оброков с водворенных на их землях крестьян. В других случаях сравнивают все доходы, возможные при действиях новых Положений, с прежде действительно получавшимися доходами, но при сем оставляют без внимания, что сии последние были большею частью извлекаемы путем незаконного требования барщины свыше трех дней в неделю или произвольного назначения оброков, несоразмерных с ценностью отведенных крестьянам земель. Все жалобы на ограничение прав в отношении к дворовым людям и крестьянам, находившимся в личной службе при помещиках, еще менее имеют основание, ибо этими правами, истекающими не из понятия о праве собственности на землю, к которой прикреплены были крестьяне и дворовые, но из понятий

о праве на личность этих людей, едва ли можно было воспользоваться не краснея. Конечно, внезапное лишение этих прав может быть весьма тягостным для многих недостаточных помещиков, но эта тягость неизбежная, она есть прямое последствие отмены крепостного права и составляет одно из тех неудобств, которые надлежит переносить, но на которые нельзя жаловаться. Вообще помещики недостаточно вспоминают, что переворот, подобный ныне совершающемуся в России, не может обойтись без затруднений и утрат и что при этом неизбежно надлежит перейти чрез период хозяйственного и общественного быта, который существенно различен от предшедшего, но, с другой стороны, не менее различен и от последующего. Все неудобства, обнаруживающиеся в настоящей переходной поре, без правильного основания приписываются и будущей. Если добровольные соглашения с крестьянами ныне до крайности затруднительны, то из сего нельзя заключать, что они вообще невозможны. Если крестьяне не обнаруживают правильного понимания своих прав и обязанностей, то из сего равным образом еще нельзя выводить, что они и впредь не будут понимать ни тех, ни других. Многое в настоящем деле зависит от той из двух прикосновенных сторон, которая обладает и высшим образованием, и большим материальным достатком. Для окончательного успеха необходимы время, опыт, терпение, труд, изобретательность в средствах, знание нравов народа и в особенности решимость примириться с основными началами новых Положений и помогать правительству в деле приведения их в исполнение. Многие помещики еще не вполне в этом убедились и в первоначальных сношениях с вышедшими из крепостной зависимости крестьянами не обращают достаточного внимания на особенности их взгляда на дело и на необходимость некоторых уступок. Таким образом, они иногда увлекаются стремлением к округлению земель, остающихся в их непосредственном распоряжении, и преждевременно требуют обмена угодий или перенесения крестьянских усадеб, хотя не могут не знать, что крестьяне крайне неохотно подчиняются тому и другому. Иногда они обнаруживают нетерпение и раздражительность при первом неудавшемся опыте соглашения, хотя очевидно, что проявлением этих чувств можно только усилить недоверие и сопротивление крестьян. Наконец, в самых условиях предлагаемых сделок помещики нередко настаивают на мелочных подробностях или озабочиваются охранением мелочных выгод, между тем как главная забота в настоящее время должна заключаться в мирном и безотлагательном определении дальнейших обоюдных отношений, если можно — по взаимному согласию, если же этого согласия нельзя достигнуть, то на точном основании закона, без участия крестьян, руководствуясь ст. 36 Правил о приведении в действие новых Положений ⟨...⟩

IX. Отдельные вопросы 〈...〉

Новые поселения на помещичьих землях. Правила найма работников. Приписка к волостям без приписки к сельским обществам. Дворовые люди

При малонаселенности государства, неудобстве сообщений и новости установленных ныне отношений между землевладельцами и крестьянами должно встретиться затруднение в приискании вольных работников для помещичьих хозяйств. Необходимо поощрить с этою целью, с одной стороны, призыв иностранных поселенцев, о чем уже внесено представление в Главный комитет, с другой — водворение на помещичьих землях, по взаимному с ними соглашению, вышедших из крепостной зависимости дворовых людей. В отношении к иностранным поселенцам при сем желательно избегать поселения их многочисленными массами на одних местах, как доселе допускалось, а в Западном крае не допускать водворения выходцев из Царства Польского, Галиции и Познани. В отношении к дворовым людям надлежало бы допустить некоторые льготы по части податей и даже, на непродолжительные сроки, по части отбывания рекрутской повинности. Министерство внутренних дел имеет в виду войти в Главный комитет с особыми представлениями как по сему предмету, так и по общему вопросу о порядке приписки иностранных поселенцев и других лиц к волостному обществу без приписки к которому-либо из сельских, находящихся в составе волости, развивая таким образом и применяя к делу понятие о различии между административною, или волостною, и хозяйственною, или сельскою, общинами. Наконец, необходимо скорейшее разрешение вопроса о правилах для найма работников на основаниях, достаточно обеспечивающих нанимающегося и нанимателя. Этот вопрос уже рассматривался в законодательном порядке, и, кроме того, вашему величеству благоугодно было высочайше разрешить мне передать оный, вместе с вопросами о водворении новых поселенцев на помещичьих землях и об устройстве поземельного кредита, на обсуждение предстоящих в разных губерниях очередных дворянских собраний, начиная с харьковского.

Преобразования по части судебной

Для облегчения совершающего[ся] ныне во всем пространстве европейской России хозяйственного переворота необходимо усилить деятельность и поощрить предприимчивость по разным отраслям промышленности. Существенные к тому препятствия давно уже усмотрены в недостатках нашего судоустройства и судопроизводства. По сим важным вопросам составляются и отчасти уже составлены по высочайшему вашего величества повелению проекты новых законоположений, но время издания

оных еще едва может быть с некоторою достоверностью предусмотрено.

Преобразование губернского управления

Преобразование уездных и губернских учреждений признано состоящим в непосредственной связи с крестьянским делом, и посему составление подлежащих о том проектов было сосредоточено в особых комиссиях при Земском отделе Министерства внутренних дел. Проект преобразования уездной полиции, уже внесенный моим предместником на рассмотрение Государственного совета, возвращен из оного на мое заключение и в предстоящем октябре месяце имеет быть вновь мною представлен с теми изменениями и замечаниями, которые я признал необходимыми. Что же касается до проекта преобразования губернских учреждений, то по составлению оного доселе производятся только приготовительные работы. Приведение их к окончанию возложено на мою ответственность высочайшею вашего величества резолюциею, последовавшею на докладе Комиссии, рассматривающей отчет моего предместника за прошедший год. Таким образом, в настоящее время нет почти ни одной отрасли государственной администрации, в которой по высочайшим указаниям вашего императорского величества не совершалось или не предстояли существенные преобразования. Вашему величеству благоугодно было признать, что, двинув крестьянский вопрос, надлежало вместе с ним, или вслед за ним, двинуть и другие.

Выкуп

Из всех постановлений, заключающихся в Положениях 19 февраля, постановления о выкупе до сих пор наименее прививаются к новым отношениям крестьян и помещиков. В Министерстве имеются первоначальные сведения только о восьми или девяти выкупных сделках, совершенных на точном основании подлежащего Положения, но и эти сведения слишком поверхностны, чтобы из них можно было вывести точное заключение о свойстве означенных сделок. Крестьян останавливают 49-летний срок и неясное понятие о выгодах, приобретаемых для их потомства. Помещики затрудняются признавать для себя выгодною ту форму выкупа, которою они могли бы воспользоваться без соглашения с крестьянами на основании §§ 35, 65 и 66 Положения и сущность которой заключается в уступке права собственности на землю за сумму правительственными кредитными бумагами, приблизительно равную указному оброку за 13 лет. Другое препятствие к успеху выкупного дела заключается в общинном поземельном быте крестьян и в том, что при издании Положений 19 февраля преимущественно имелся в виду выкуп общественный, целыми селениями, а не участковый или подвор-

ный. Понятие о поземельном «мире» составляет вообще камень преткновения на пути правильного развития хозяйственного быта крестьян. Земледелие, как и всякая другая отрасль промышленности, требует обеспечения в пользу трудящегося результатов его труда. Это обеспечение возможно только при личной, а не при общинной собственности. Впрочем, постепенный переход от общинного или душевого начала к участковому, или подворному, важен не только в хозяйственном отношении, но и в видах охранения общественного порядка. На разряд самостоятельных хозяев легче действовать, чем на всю массу сельского населения, и в них легче находить опору охранительным мерам правительства.

В западных губерниях, где уже введено подворное начало, выкуп мог бы совершиться с меньшими затруднениями. Но в этих губерниях общий ход крестьянского дела вообще гораздо медленнее, чем в великороссийских, и Министерство внутренних дел еще не имеет в виду данных, на которых могло бы быть основано положительное по сему предмету заключение. Из северо-западных губерний не получено относительно выкупа никаких сведений. В юго-западных — главный начальник края и начальник Подольской губернии признают необходимым обязательный выкуп как единственное средство к разрешению вопроса [3]; но о способе приведения в исполнение этой меры ими не доставлено ближайших соображений.

Окончательное введение в действие уставных грамот. Отрезка излишних против надела земель

Двухгодичный срок, установленный для окончательного введения в действие уставных грамот, вообще приобрел в глазах крестьян другое значение. Они предполагают, что по истечении этого срока в условиях их быта произойдут новые для них выгодные перемены. В настоящее время трудно предусмотреть, в какой мере это заблуждение постепенно может устраниться и дать место более правильному взгляду на дело. Еще затруднительнее предопределить, какое впечатление произведет отрезка излишних против установленного надела земель и возвращение оных по миновании пяти лет в свободное распоряжение помещиков. Чем скорее успеют водвориться в понятиях всех классов народа уважение к закону и убеждение в невозможности его безнаказанного нарушения, тем спокойнее совершится это окончательное разграничение поземельных прав обеих прикосновенных сторон. Быть может, что между тем опыт яснее обозначит те дополнительные меры, которые могли бы быть приняты для обеспечения правильного и мирного исхода дела. Не все явления и последствия внутреннего развития государства могут быть подводимы под заранее изданный закон. Иногда обнаруживается необходимость узаконить то, что законом не было и не могло быть предусмотрено.

Статс-секретарь Валуев [4]

УСТАВНАЯ ГРАМОТА НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ, ГОРБАТОВСКОГО УЕЗДА, СЕЛЕНИЯ БАРКИНА, ПОМЕЩИЦЫ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТШИ АВДОТЬИ СЕМЕНОВНЫ ЕРШОВОЙ. СОСТАВЛЕНА 15 ФЕВРАЛЯ 1862 ГОДА.

I

1) В деревне Баркине значится по 10-й народной переписи мужского пола душ крестьян — 44.

Из них отпущенных после ревизии на волю не было.

2) Из числа значущихся в крестьянах не подлежат наделению землею как отказавшиеся от оного на основании 8 ст[атьи] Местн[ого] положения[1] — 5 душ.

3) Затем должны, на основании Положения, получить в пользование поземельный надел тридцать девять ревизских мужского пола душ.

II

1) Всей земли состояло в пользовании крестьян до обнародования Положения о крестьянах 214 десятин 1212 сажен[2].

2) Из них собственно под крестьянскою усадебною оседлостию пять десятин триста шестьдесят шесть сажен (в число которых входит 1 десятина 266 сажен выгона, состоящего в пользовании крестьян). ⟨...⟩

3) Для местности, где находится селение, определен Местным положением о поземельном устройстве крестьян высший размер душевого надела — 4 десятины, а низший — 1 десятина 800 сажен; а по числу душ в селении: высший размер надела на все крестьянское общество составлял бы 156 десятин, а низший 52 десятины.

4) Хотя на основании определенных Местным положением о крестьянах цифр высшего размера душевого надела в пользовании крестьян деревни Баркина должно бы остаться 156 десятин, но как всей удобной в имении земли с лесом значится по плану 214 десятин 1212 сажен, то по предоставленному владельцам праву на основании 20 ст[атьи] Местн[ого] полож[ения][3] удержать в своем распоряжении до одной трети всего количества,— крестьянам оставляется в постоянном пользовании сто сорок три десятины 8 сажен, остальная же земля должна подлежать отрезке и поступить в распоряжение помещицы. ⟨...⟩

III

1) Строение крестьянское с усадебною оседлостию перенесению на другие места не подлежит.

2) Находящийся при селении водопой остается в общем пользовании помещицы и крестьян.

3) Прогон скота к водопою с земли, остающейся в распоряжении помещицы, на пруд имеет быть по проселочной дороге, идущей в деревню Баркину.

4) Находящийся при селении выгон остается в пользовании крестьян.

IV

1) За предоставленную в пользование крестьян землю в количестве 3 десятин 1600 сажен на душу причитается на основании Положения оброка с каждого душевого надела по восьми рублей шестьдесят две с половиной копейки в год, а со всех 39 душевых наделов — триста тридцать шесть рублей тридцать семь с половиной копеек серебром в год. Но как крестьяне до обнародования Положения платили со всего общества оброка двести семьдесят четыре рубля тридцать четыре копейки, то на основании 170 ст[атьи] Местн[ого] полож[ения][4] они должны остаться при существующем оброке, что составит на каждую ревизскую душу семь рублей три с половиною копейки в год.

2) Оброк крестьяне обязаны вносить в два срока: 1 марта и 1 октября по 137 руб. 17 копеек. ⟨...⟩

4) За исправное отбывание повинностей ответствует круговою порукою все общество крестьян на основании правил, установленных Местным положением.

К подлинной уставной грамоте генерал-лейтенантша Авдотья Семеновна Ершова руку приложила.

1862 года 20 октября уставная грамота деревни Баркиной мировым посредником 1-го участка Горбатовского уезда поверена. Подписал мировой посредник Бабкин 1862 год ноября 24 дня.

Уставная грамота Горбатовским уездным съездом утверждена. Подписали: мировой посредник 2-го участка Беклемишев, мировой посредник 3-го участка Остафьев и мировой посредник 4-го участка Гутьяр.

С подлинною уставною грамотою верно: мировой посредник Бабкин.

ИЗ ГОДОВЫХ ОТЧЕТОВ НАЧАЛЬНИКА III ОТДЕЛЕНИЯ С. Е. И. В. КАНЦЕЛЯРИИ И КОРПУСА ЖАНДАРМОВ ЗА 1861—1863 ГГ.

[1861 г.]

По крестьянскому делу

Начало 1861 г. ознаменовано блистательным в истории России событием — уничтожением крепостного состояния. Чувства наро-

да выразились во многих местах, особенно внутренних губерний, молебствиями, крестными ходами, пожертвованиями на приобретение икон, на устройство в церквах приделов во имя св. Александра Невского, на сооружения в Москве, Рязани и в Таврической губернии храмов, а также памятника Пермской губернии в Очерском заводе, на учреждение богаделен, училищ, в С.-Петербурге же — на устройство больниц для рабочего населения.

Крестьяне нескольких губерний, равно дворяне Ветлужского уезда Костромской и Покровского Владимирской губерний, представляли всеподданнейшие адресы, кроме того, крестьяне многих имений и фабричные люди имели счастие поднести вашему величеству хлеб-соль в С.-Петербурге, Царском Селе, Москве, Туле и других городах.

Между тем для введения в действие законоположений 19 февраля были командированы во все губернии, населенные помещичьими крестьянами, лица свиты вашего величества, облеченные доверием устранять недоумения жителей и, в случае нарушения ими спокойствия, принимать, по соглашению с губернаторами, соответственные меры.

Обнародование высочайшего Манифеста сопровождалось везде тишиною и замечательным в некоторых частях империи проявлением трезвости, но этот порядок вскоре был нарушен. Большинство крестьян надеялось получить совершенное освобождение от обязательных повинностей помещикам и даровой надел земли. Не понимая достаточно нового Положения, они обращались за объяснением к священникам, дьячкам, отставным солдатам и разным малограмотным людям; но из сих лиц одни, по своей необразованности, особенно в селениях, отдаленных от городов, не могли дать наставлений, а другие, из личных выгод, старались применяться к желанию крестьян и толковали Положение превратно. Это дало крестьянам повод уклоняться от прежних обязанностей, не доверять помещикам и местным властям, наконец, предаваться своеволию. В то же время в Казанской и Смоленской губерниях появились самозванцы — посланники царские — для разъяснения воли. В Нижегородской один беглый солдат объявил, что он принадлежит к числу 36 защитников крестьянского сословия, избранных великим князем Константином Николаевичем; в Пензенской губернии крестьянин Егорцев, назвавшись великим князем Константином Павловичем, произвел там возмущение; в Самарской бессрочноотпускной Орловского пехотного генерал-фельдмаршала князя Варшавского полка рядовой Василий Храбров разглашал, что он — император, обещал в скором времени свободу и одного ямщика наградил медалью. Иные лица разъезжали по деревням под названием чиновников и неправильно толковали жителям об их правах, собирая за это деньги. Крестьяне, смущаемые таким образом, одновременно в разных губерниях перестали повиноваться, и для

усмирения их оказалось необходимым командировать во многие имения воинские отряды. Важнейшими из этих случаев по упорству крестьян были: Казанской губернии в имении сенатора Мусина-Пушкина, куда собралось несколько тысяч крестьян окрестных селений, приведенных в заблуждение выдававшим себя за пророка раскольником Петровым. Они не допускали арестовать его и не могли быть рассеяны иначе, как только вооруженною рукою. То же самое происходило в Пензенской губернии, сначала в чембарском поместье графа Уварова, где от ложных разъяснений священника Померанцева сборище из двух тысяч человек, сопротивляясь исправнику, заковало его, а также управителя, приказчика, трех нижних чинов, и нанесло побои нескольким солдатам; потом в имении помещика Волкова в Керенском уезде более 10 тысяч человек, собранных по подстрекательству упомянутого крестьянина Егорцева, сопротивлялись всем убеждениям властей. В обоих случаях для прекращения беспорядков признано также неизбежным употребить силу. Подобное же возмущение было в смоленском имении Павла Голицына, где более 3000 крестьян при увещеваниях исправника были окружены тремя ротами пехоты; но крестьяне напали на солдат, отняли у некоторых ружья и трех их ранили; причем толпа эта была стеснена прикладами и тем обращена к покорности. Кроме того, для усмирения неповиновавшихся оружие было употреблено еще в 4 имениях Витебской, Подольской, Екатеринославской и Пермской губерний. При всех означенных случаях лишились жизни 140 и ранено или ушиблены 170 человек.

Большая часть прочих волнений прекращена кроткими внушениями; содействие же воинских команд потребовалось только или к арестованию возмутителей и наказанию на месте зачинщиков беспокойства, или в виде кратковременного постоя для сохранения восстановленного порядка.

При тщательном изыскании причин бывших возмущений постороннего, злоумышленного к тому подстрекательства не открыто, и во всех случаях сопротивления местным властям намеренного неповиновения высочайше утвержденным правилам не оказалось. Напротив того, крестьянами постоянно выражалась непоколебимая вера в царскую волю. Одно опасение уклониться от оной и вновь подвергнуться крепостной зависимости доводило их до ослушания, по сомнению вообще в помещиках и чиновниках, которых они во многих местах обвиняли в сокрытии настоящего манифеста.

Это сомнение подкрепляли впоследствии разнесшиеся повсюду слухи, что по истечении двухлетнего срока будет объявлена новая полная воля, с дарованием земли, и что этого права будут лишены те, которые согласятся на предлагаемые теперь помещиками условия. Посему введение уставных грамот встретило везде упорное сопротивление; в надежде получить более выгод в будущем крестьяне под разными предлогами не соглашались на

условия помещиков, хотя весьма многие из последних предлагали значительные в их пользу уступки. Было несколько случаев, что грамоты, составленные по соглашению с крестьянами, они отказывались подписывать, обещаясь и без того исполнять повинности; не давали выборных для поверки представленных помещиками грамот; не принимали тех, которые были уже утверждены, и в некоторых имениях бросали их к ногам мировых посредников. Беспорядки сего рода прекращены частию воинским постоем, а частию арестованием зачинщиков.

Вообще дарование прав бывшему крепостному населению не произвело, за немногими исключениями, таких важных беспорядков, каких многие помещики в предшествовавшем году опасались. Только полевые работы шли неуспешно: крестьяне или уклонялись от них, упуская удобное время, или работали небрежно и бóльшим против прежнего числом рук, а за наемный труд требовали чрезмерно высокой платы; от этого некоторая часть хлеба осталась неубранною с полей, и посев на 1862 г. уменьшен местами до третьей части, в Рязанской же и Самарской губерниях — до половины прежнего количества.

О ВПЕЧАТЛЕНИИ ДВОРЯН И О ДЕЙСТВИЯХ ИХ ПО ПОВОДУ ОСВОБОЖДЕНИЯ КРЕСТЬЯН

В нескольких губерниях замечен ропот помещиков на уменьшение их доходов, на общее уклонение крестьян от повинностей и на потворство им со стороны губернских властей. В Калужской все предводители дворянства жаловались на односторонние действия начальника губернии ко вреду землевладельцев[1]; в Нижегородской, Курской и Псковской губерниях дворяне обвиняли губернаторов в том же и ожидали беспорядков от безнаказанности и своеволия крестьян.

Кроме того, во многих местах помещики обвиняли мировых посредников в пристрастных к крестьянам действиях, а в некоторых губерниях присовокупляли нарекание, что многие из них назначены к должности вопреки желанию дворянства; что, следуя данному от начальников губерний направлению, они оставляли жалобы оного без последствий или потворствовали самоуправству крестьян, оправдывая такое неизбежным проявлением их гражданской жизни.

Эти нарекания были в некоторых случаях не без оснований. Хотя посредники бóльшею частию беспристрастным и дельным разбирательством недоумений и споров оказались весьма полезными в деле устройства крестьянского состояния, однако некоторые из них действительно выказали себя не соответствующими своему назначению: одни, не имея достаточных сведений о сельском хозяйстве и быте крестьян, руководствовались произволом и произносили несообразные обстоятельствам решения; другие — односторонностью или уже личными своими

качествами не могли приобрести ни доверия, ни уважения общества; наконец, некоторые превышали свою власть, считая себя подчиненными не губернскому начальству, но одному только Сенату, которым были утверждены в должностях. На действиях всех этих лиц обращено надлежащее внимание министра внутренних дел.

Что касается до губернских начальств и губернских же по крестьянским делам присутствий, то в их действиях замечалась тоже неравномерность. Там, где, строго следуя новому Положению, они требовали того же и от уездных учреждений, оказывалось в народе больше спокойствия; в тех же губерниях, где хотя и не встречалось противодействия новому порядку, но не было и надзора за точным исполнением новых правил, или где губернские власти, при одностороннем на дело взгляде, считали крутые меры необходимыми и составляли урочные положения, обременительные для крестьян, там ослаблялось доверие народа к властям и скорее развивались мечты о полной свободе.

В общей сложности нельзя сказать, чтобы во внутренних губерниях дворянство не старалось привести крестьянское дело к устройству на данных началах и не содействовало тому возможными уступками и пожертвованиями в пользу крестьян. Доказательством тому служит то, что отчасти оно успевало достигать добровольных с крестьянством соглашений. Таким образом, в последнее время составлены и введены уставные грамоты во многих имениях и из числа их в довольно значительном размере с предоставлением крестьянам земли в собственность и с прекращением всех обязательных отношений.

О ВНУТРЕННЕМ ПОЛИТИЧЕСКОМ СОСТОЯНИИ РОССИИ

Земледельцы, понимая, что в настоящую минуту решается вековая их судьба, и питая свойственное всем людям желание стяжать по возможности больше выгоды, как бы не сознают пожертвований, делаемых в их пользу помещиками, не доверяют им и по сие время не оставляют надежды на предоставление им правительством постепенно еще значительнейших льгот. Таковое настроение умов у крестьян нарушает между ними и землевладельцами согласие, столь необходимое при устройстве новых обоюдных отношений. Без посредничества и твердости правительства оно могло бы повести к плачевным последствиям.

[1862 г.]

О КРЕСТЬЯНСКОМ ДЕЛЕ

Устройство сельского населения, освобожденного от крепостной зависимости, продолжалось в течение 1862 г. более спокойно, чем в предыдущем году; но крестьяне, понимая еще превратно высочайше дарованные им права, надеялись на

предоставление им безусловной свободы и полного владения дворянскою землею. Ожидание нового об этом закона по окончании двухлетнего срока прежних отношений их к помещикам в такой степени крестьянами усвоено, что большею частию препятствовало согласию их на заключение с землевладельцами условий на составление уставных грамот. Все внушения неосновательности этого ожидания не могли поколебать убеждения крестьян; они вообще не доверяли ни уступкам в их пользу помещиков, ни разъяснениям мировых посредников и земских властей, подозревая в их действиях только заботливость о сохранении личных выгод, и доказательством законности их требований считали одни лишь меры принуждений и строгости.

Чувство недоверия к дворянам проявлялось в крестьянах наиболее опасением обращения их в прежнее крепостное состояние: они отказывались подписывать не только уставные грамоты, но и все другие акты и даже свои показания, дабы чрез то не лишиться дарованных им прав и не сделаться ослушниками высочайшей воли.

В некоторых случаях крестьяне были приводимы в сомнение различным видом предоставленных им условий на устройство быта: переходом на оброк, удержанием на издельной повинности, выкупом земель или же прекращением всех обязанностей при получении в дар четвертой части надела. Они не знали, на что решиться, и приписывали все это изобретению помещиков, рассуждая, что воля царская должна быть одинакова для всех.

Беспорядки между крестьянами заключались, как выше изложено, наиболее в сопротивлении введению уставных грамот, но во многих имениях возникали и после добровольных на принятие их соглашений; крестьяне жаловались на обременительность назначаемых грамотами повинностей, особенно там, где они прежде пользовались угодьями в размере, превышающем настоящий надел; не платили оброков; отказывались от работ или желали остаться на прежней 3-дневной барщине, о чем в одном имении Симбирской губернии даже умоляли со слезами. В Нижегородской и Самарской губерниях для прекращения обязательных отношений к помещикам настоятельно домогались уступки им 1/4 части надела в дар, рассчитывая, что со временем и остальную землю они получат также безвозмездно.

В западных губерниях повинности крестьян, определяемые новым положением, хотя уменьшены на 1/10 часть против назначенных инвентарными правилами, но как до 1861 г. помещики сами не требовали 1/5 повинностей, по высокому их размеру, то введение уставных грамот в этом крае замедлялось еще более, чем в других местах, по всеобщему почти уклонению крестьян от всяких соглашений. Они тоже жаловались на излишние требования владельцев: не доверяли мировым посредникам и ожидали в 1863 г. нового указа «золотыми буквами» о свободе и дарового «царского» надела земли. 〈...〉

Для устранения беспорядков, возникавших в начале весны 1862 сего года почти повсеместно, было поручено начальникам губерний лично объезжать волости, ускорять введение уставных грамот и обращать внимание на исполнение крестьянами обязанностей, дабы им внушить, что усвоенное ими понятие ложно и что всякое отступление от Положения будет строго преследуемо. Эта мера по большей части достигла желаемой пользы, за исключением Гродненской губернии, где все усилия изменить убеждения крестьян в предстоящих новых льготах успеха не имели, и они до ожидаемого срока продолжают исполнять прежнюю барщину.

Во всех случаях недоумений и сопротивления крестьян новому порядку они повсеместно желали только правильно исполнить монаршую волю, дабы не навлечь на себя царского гнева за действия, не согласные с законом, и всегда стремились представлять лично вашему величеству свои жалобы; но в тех местах, где поняли выгоду от определенности отношений к владельцам, они были довольны введением уставных грамот, благодарили начальство за вразумление их, перестали ожидать новых льгот, работали усерднее прежнего и соглашались на выкуп; круговая порука между ними установилась, и в таких обществах преимущественно составлялись приговоры об учреждении сельских школ. ⟨...⟩

Слова, произнесенные вашим императорским величеством в Москве волостным и сельским старшинам[2], были объявлены во всех волостях и прекратили ложные ожидания, ускорив введение уставных грамот в тех имениях, где на принятие их крестьяне еще не решались.

Чувства признательности крестьян за дарование свободы были ими выражаемы и в 1861 г. в разных губерниях молебствиями о здравии вашего величества и августейшего семейства, устройством икон, денежными сборами на церкви и училища, равно представлением всеподданнейших адресов.

Сельские учреждения значительно содействовали соглашению крестьян на устройство их быта и по скорости решения дел, а также по отсутствию формальностей большею частию заслужили их доверие. Волостные старшины вообще отличались усердием и добросовестным исполнением своих обязанностей, за что многие из них удостоены награждения медалями; но выбор сельских старост был менее удачен, и они в значительной мере заменены другими.

Мировые посредники по своей деятельности, беспристрастию и по старанию успокоить враждебные отношения между помещиками и крестьянами большею частию пользовались общим уважением, и более 370 из них успели в своих участках совершенно окончить введение уставных грамот. Но многие из числа посредников подверглись обвинениям в превышении власти или в уклончивости, потворстве крестьянам, неправильных им внушениях или же в односторонних, пристрастных действиях в пользу

помещиков, а в западных губерниях, кроме того, в допущении последних увеличивать крестьянские повинности и в способствовании дворянам возбуждать сельское население против правительства.

Хотя некоторые помещики сами замедляли ход крестьянского дела для извлечения выгод из прежнего размера барщины, а частию из опасения беспорядков при введении уставных грамот, но большинство их единодушно желало скорейшего окончания с крестьянами условий, соглашаясь на значительные в их пользу уступки. Опасались также вредных последствий окончания двухлетнего срока обязательных отношений крестьян, предполагая посягательство их на собственность землевладельцев, и потому желали дозволения на выкуп крестьянского надела при содействии правительства, не ожидая перехода крестьян на оброк.

[1863 г.]

О КРЕСТЬЯНСКОМ ДЕЛЕ

С истечением в 1863 г. двухлетнего срока поземельного и общественного устройства временнообязанных крестьян дело это совершилось во внутренних губерниях почти повсеместно, хотя с некоторыми частными затруднениями, но при особенной к преодолению их заботливости со стороны правительства, вообще более мирно, чем можно было предполагать, и возникавшие в начале этого дела опасения важных волнений большею частию не оправдались.

Около половины всего числа освобожденных от крепостной зависимости крестьян этих губерний составили условия на прекращение обязательных отношений к прежним своим владельцам, а до миллиона душ приступили уже к выкупу усадьб, преимущественно по соглашению с помещиками.

Все бывшие дворовые люди получили полное освобождение. Управление сельскими обществами и волостями установилось правильно и приобрело доверие народа.

Исключительное положение крестьян Западного края в отношении к помещикам не могло привести к обоюдным между ними соглашениям, а оказавшееся противоправительственное направление дворянства и мировых учреждений совершенно остановили преуспеяние этого дела; но окончательное освобождение крестьян всего этого края от обязательных повинностей землевладельцам и обращение их таким образом в полноправных собственников избавило их от угнетений поляков и благодетельно способствовало устройству их быта.

Чувства благодарности вообще всех временнообязанных крестьян за дарованные им права не только выражались попрежнему, но были в особенности заявлены преданностию и готовностью, обще с другими сословиями, жертвовать всем по случаю политических событий[3].

В некоторой части помещичьих имений проявлялось и в этом году стремление крестьян к получению безусловной свободы. Они с нетерпением ожидали наступления 19 февраля, собирались к этому дню в города, наполняли церкви и ожидали объявления указа о безвозмездной отдаче им земли и прекращении обязательных повинностей. Неисполнение этого желания не лишило их, однако, надежды на получение новых льгот впоследствии; в некоторых же местах после 19 февраля крестьяне считали полевые наделы своею собственностью, верили слухам, разглашаемым между ними из корыстных или других, более преступных видов, и принимали разные печатные издания за объявление им полной воли. Впрочем, замечательно, что появлявшиеся в разных местах возмутительные воззвания и лжеманифесты[4] нигде не произвели желаемого агитаторами успеха, несмотря на славянскую печать и данную некоторым из них религиозную форму; но издания, составленные с совершенно противоположною целиею, или публикации вновь установленных правил, возбуждали неожиданно превратные толки и волнения в народе. ⟨...⟩

ИЗ ПИСЬМА Л. Н. ТОЛСТОГО К М. Н. КАТКОВУ ОТ 29 ИЮНЯ 1861 Г.

Любезный М[ихаил] Н[икифорович]!

⟨...⟩ Повесть, которую я Вам обещал[1], до сих пор лежит нетронутою. За кучей дел, заваливших меня со дня приезда,— хозяйство, школы, будущий журнал[2] и мир[овое] посредничество[3]. Теперь я сдал должность кандидату, по болезни. ⟨...⟩ Ежели бы возможно все печатать, что здесь делается моими милыми товарищами м[ировыми] посср[едниками], волос бы стал дыбом у всей публики, а [вместе] с тем, благодаря здравому смыслу народа, [дело] идет и в других участках хорошо.

Прощайте, жму Вашу руку и ожидаю ответа.

Ваш

Л. Толстой.

ПРОШЕНИЕ Л. Н. ТОЛСТОГО ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ЕГО ОТ ДОЛЖНОСТИ МИРОВОГО ПОСРЕДНИКА

В Тульское губернское по крестьянским делам присутствие 1862 г. Февраля 12. Я[сная] П[оляна].

Так как представленные на меня в губернское присутствие жалобы г. Костомарова о перечислении его людей в крестьяне, г. Заслонина о невведении в действие его уставных грамот, г. Банд и г-жи Артюховой о магазейном хлебе и купца Борхунова

о проданном быке[1] и другие не имеют никакого законного основания, а вместе с тем дела эти и многие другие продолжают быть решенными противно моим постановлениям, так что почти каждое постановление во вверенном мне участке отменяется, и даже старшины сменяются мировым съездом, и так как при таких условиях, возбуждающих недоверие к мировому посреднику как крестьян, так и помещиков, деятельность мирового посредника не только не может быть успешна, но становится невозможна, я покорно прошу губернское присутствие поспешить произведением дознания через одного из своих членов о вышеупомянутых жалобах и вместе с тем считаю нужным уведомить губернское присутствие, что до произведения такового дознания я не считаю удобным вступать в исправление сданной кандидату должности[2].

Н. А. К[рылов]

МИРОВЫЕ ПОСРЕДНИКИ ПЕРВОГО ПРИЗЫВА (ЛИЧНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ)

⟨...⟩ Высочайший Манифест 19-го февраля 1861 года об освобождении крестьян и раздача «Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» были объявлены народу до учреждения мировых посредников и уездных мировых съездов. Манифест был прочитан в церквах, а Положение полицейские чины развезли по деревням и раздали помещикам и крестьянам. Среди крестьян грамотных почти не было, а духовенству и сторонним людям запрещено было читать и толковать статьи, определяющие права крестьян и помещиков. Поэтому до мировых посредников на Положение смотрели, как на пророчество, которое делается понятным только по исполнении его.

На должность мировых посредников избирались местные потомственные дворяне-помещики, владеющие от 150 и более десятин и окончившие курс в учебных заведениях с правом на чин XII класса. В списки на должность мировых посредников вносились все имеющие [это] право; а из этого списка губернаторы, по совещанию с предводителями дворянства, представляли 4—5 человек на уезд в Правительствующий Сенат, который и утверждал их в должности. Посредники в правах служебных и в порядке взыскания по службе состояли в равной степени с уездными предводителями дворянства. Особенного класса им не присваивалось, что толковалось, что никакого мундира им не полагается. Это, однако, не помешало многим из них сделать себе шапки с красным околышем и с кокардой. На канцелярию, разъезды и расходы по службе назначалось в год по 1500 рублей — сумма, весьма значительная для тогдашнего дешевого времени.

К ведомству мировых посредников относилось: разбор жалоб, засвидетельствование актов, улаживание споров между помещиками и крестьянами, порубки, потравы и разбор споров по найму на работы. По делам о проступках посредники присуждали к общественным работам до 6 дней, к аресту до 7 дней, к денежному штрафу до 5 рублей и к наказанию розгами до 20 ударов.

Из этой соразмерности видно, что каждый удар ценился в 25 копеек. Но при возникшем деле в пермской уголовной палате одному невинно высеченному было присуждено по 30 копеек за удар; вероятно, 5 копеек прибавлялось за бесчестие. При составлении Положения в Главном комитете князь В. А. Черкасский настаивал, чтобы число ударов не превышало сорок без одного, как упомянуто в «Деяниях св. апостолов». Либеральные журналы того времени очень острили над этим предложением князя. Что делать, был век такой!

При составлении закона о волостном суде поднят был более курьезный разговор. Некоторые из членов Главного комитета не хотели допускать никаких изъятий от телесного наказания. ⟨...⟩

Сторонники розги находили, что волостной суд правильнее будет освобождать от розог только достойных исключения, а закон, исключая всех огульно, может породить великое зло в деревне среди вольных крестьян.

Из дел гражданских по спорам и искам мировые посредники окончательно решали дела только до 30 рублей; а дела выше этой суммы тяжущиеся могли переносить в мировой съезд.

Мировой съезд состоял из всех посредников под председательством уездного предводителя дворянства. Кроме того, на съезде участвовал с правом голоса член от правительства, обыкновенно из чиновников по назначению губернатора.

Действия мировых учреждений начались с распределения уезда на мировые участки, в которые входило по 4, по 5 волостей. Не теряя времени, мировые посредники занялись устройством волостей и выбором должностных лиц. Разумеется, приходилось на сходках разъяснять сущность самоуправления и важность того, чтобы в должности выбирали людей умных и достойных. В большинстве случаев крестьяне к этим советам отнеслись с полной серьезностью, и на первое время в сельские старосты, в волостные старшины и в волостные судьи были избраны люди толковые, трезвые и деятельные. Особую заботу на волостных сходах выказали крестьяне при выборе волостных судей, которые окончательно решали дела до 100 рублей включительно.

При образовании первых волостных правлений наибольшая трудность встречалась в подыскании подходящего человека на должность волостного писаря. Огромное число волостных судей, старшин и старост были совершенно неграмотные, а между тем волостные правления должны были вести книги приговоров, книги решений волостных судов, книгу сделок и договоров, затем списки рекрутские, окладные листы податей и повинностей и т. п. Вслед

за открытием волостных правлений власти и учреждения потребовали сведений о недоимках, о продовольственных запасах, об учениках и проч. Потом началась паспортная переписка, выписки из ревизских сказок, статистика скота, лошадей и проч. И если на первое же время образование сельских обществ, волостного суда и волостных правлений прошло не только без путаницы, но вполне честно и добропорядочно, то в этом всю заслугу надо приписать мировым посредникам первого призыва. Хлопот и разъездов было очень много, дома почти не жили.

Надо сказать, что освобождение крестьян и раздача Положений 19-го февраля были сделаны полицией ранее того времени, когда были учреждены мировые посредники. Полиция торопливо объявила, что все сборы холстом, маслом, яйцами, пряжей, шерстью и проч. отменяются, а что женских дней на барщину нельзя требовать более двух в неделю. Мужики назвали это «бабьей волей» и терпеливо ждали «мужичьей воли», которая должна была прийти через два года.

Эта бабья воля на первых порах дала мировым посредникам столько работы по разбору жалоб от помещиц на баб, что поглощала полезное время посредников, нужное на правильное приведение в действие Положения 19-го февраля. ⟨...⟩

Рядом с бабьей волей крестьянам было объявлено, что и подводы отменяются. Между тем подводы не отменялись, а только ограничивались и регулировались[1].

⟨...⟩ Разбирательство дел было публичное, словесное, без всяких форм и процедур; свидетели не приводились к присяге, и закон требовал, чтобы приговор или решение объявлялись тотчас же. По присуждению к денежному штрафу или к какому-либо наказанию мировой посредник объяснял порядок обжалования и переноса дела в мировой съезд. Все это было так ново и симпатично для людей, живших при бумажных, тайных и корыстных судах, что крестьяне в восторг приходили от мирового суда.

Про помещиков и особенно помещиц нельзя этого сказать. В каждом деле, где их находили неправыми, они видели произвол посредника и старались его чернить. Их особенно обижало, что суд посредника ставит их на одну доску с мужиком, не верит их слову, требует доказательств или свидетелей и вообще унижает их перед народом. Помещики долго не понимали, что доказательства и свидетели нужны были не для посредника, а для того, чтобы убедить другую сторону и тем привести к мировой сделке. ⟨...⟩

Мировой съезд посредников разбирал жалобы на решения посредников и занимался некоторыми распорядительными делами, выходящими из сферы власти отдельных своих членов. Эти заседания были публичные, интимного характера не имели и не представляли ничего интересного для истории. Кроме этих заседаний, были еще административные заседания для обмена мнений и взглядов. Такие съезды не были публичны и на первое

время представляли живой интерес. Тут каждый вносил свои политические убеждения и социальные понимания. ⟨...⟩

Хотя я тут пишу только об одном уголке приволжских и присурских губерний России, обобщать не смею на всю империю, но могу утверждать, что общий характер мировых съездов не резко отличался один от другого. В том съезде, в котором я участвовал, председателем был предводитель дворянства, который заведовал двумя имениями высокопоставленных лиц, живших в Петербурге. Эти лица никогда в свои имения не заглядывали, но в письмах к нашему предводителю уверенно высказывали, что эмансипация крестьян непрочна и что если ее нельзя отменить, то надо всячески ее ослабить и не увлекаться ею. Предводитель говорил, что и все соседние предводители держатся того же мнения, а что губернаторы, которые либеральничают, скоро слетят со своих мест. Но закон был объявлен, посредники были назначены, чтобы проводить его в жизнь, и хотя отголоски из Петербурга колебали слабых посредников, но и их подкрепляли слухи другого рода. В наши провинции приходил слух, что во главе либералов, защищающих эмансипацию, стоит великий князь Константин Николаевич, и на него можно опираться, как на каменную стену. ⟨...⟩

Пришел 1863-й год; 19 августа при страшной буре сгорел Симбирск. Ретрограды закричали: «Вот куда либерализм приводит! мы все сгорим!» То был страшный козырь в руках консерваторов, особенно тогда, когда присланный из Петербурга генерал принялся обвинять ни в чем не повинных либералов. Это время совпало как раз с разверстанием угодий, с переносом крестьянских усадеб и с введением уставных грамот. Тут шкурный вопрос был уже заметен на некоторых мировых посредниках первого призыва, особенно многодетных; полного беспристрастия уже не было у этих слабых натур, и они сильно подорвали свой престиж в этих самых главных распорядках крестьянской жизни.

В некоторых мировых съездах поднимался вопрос о существе власти мирового посредника, и опять-таки тут взгляды разделялись. Консерваторы находили, что это — начальник, потому что может наказывать арестом, штрафами и даже розгами. Либералы возражали, что он наказывать не может, а может только присуждать к наказанию лиц всех сословий, т. е. даже и предводителей дворянства. В одном только случае закон употребил выражение «подвергать наказанию», это при взыскании недоимок. Такими спорами и мелочами мировые съезды занимались, пока не началось настоящее дело: введение уставных грамот, поверка наделов, разверстание угодий и проч.

Прямая статья Положения хотя и требовала от помещиков, чтобы они представили уставные грамоты в течение одного года со дня получения Положения 19 февраля 1861 г., но редко кто эту статью исполнил. Мировым посредникам приходилось ездить, напоминать, просить и наконец помогать в составлении этих

грамот. В большинстве случаев грамоты являлись от помещиков через два, а то и через три года.

Поверка грамот на местах, при полном сельском сходе и при посторонних добросовестных свидетелях, часто вызывала споры между крестьянами и помещиком о достоинствах земли, о выгонах, выпусках, водопоях, прогонах для скота, а главным образом об удобных и неудобных землях. В последнем случае мировой съезд в полном составе, при добросовестных свидетелях, спорную землю должен был смотреть в натуре и постановить свое решение. ⟨...⟩

Вообще поверка наделов обходилась не без курьезов. Часто она сопровождалась желчным спором между помещиком и крестьянами; иногда обоюдными остротами и смехом, а изредка поражала замечательной уступчивостью со стороны крестьян и бескорыстием со стороны помещиков.

Встречались и такие сельские сходки, от которых нельзя было добиться никаких разумных возражений и требований. Помню одну сходку человек в пятьсот, которая говорила как заранее заученное: «Мы ни на что не согласны, а что его величество повелел, то пусть и будет!»

Была и такая сходка, тоже не менее 500 человек, которая говорила: «Нам земли не надо, если она помещичья, то пусть она у помещика и останется. Мы теперь стали вольные, так нам царь велит вольную землю нарезать».

Или еще возражение: «Мы не ослушники царскому велению, а только что нам с этого надела не жить, так незачем его и брать! Под кладбищем у нас земли целая десятина, по три аршина там на каждого хватит, чтобы закопать нас, если господам царь такую волю дал».

Можно было вывести общую характеристику сходок, что чем многочисленнее сельское общество, тем оно упорнее и неосновательнее. На сходке говорит обыкновенно один, два или три человека, а вся толпа только их поддерживает. И замечательно, что эти два, три человека на сходке — как будто самые глупые. Когда же с ними говоришь без сходки, наедине, эти самые люди оказываются очень разумными и логичными.

Большинство мировых посредников первого призыва в средневолжских губерниях было из отставных военных. И несмотря на это, огромное большинство из них было терпеливо, тактично и вполне снисходительно к невежеству и темному упорству крестьян. Были, разумеется, и бестактные посредники, которые не выносили глупых возражений и даже делали бунты с призывом войск. Хотя ясно было, что в этих бунтах они сами были виноваты, но для поддержки власти все-таки секли мужиков, а посредников не выгоняли. ⟨... ⟩

Не все мировые посредники разумно вели дело и при жалобах. Были такие, которые напоминали неопытных гувернанток: кто первый пожалуется, тот и прав, хотя Положение 19 февраля

непременно требовало при разборах жалоб выслушивать обе стороны с их свидетелями и уже после того ставить свое решение. Особенно неприятно было смотреть на тех торопливых посредников, которые произвольно относились к решениям волостного суда. По прямой статье закона волостной суд в пределах своей власти решает дела окончательно. Несмотря на это, находились посредники, которые отменяли решения суда и приказывали перерешать в другом смысле. Разумеется, если дело доходило до мирового съезда, то такому посреднику его произвол не проходил даром. Но до съезда доходила только сотая часть дел.

Из крупных ошибок мировых посредников нельзя не отметить еще их излишнее вмешательство в мирские распорядки: по разделу земли, по раскладке податей, по семейным разделам и т. п., что закон окончательно предоставлял ведению сельского схода. При этом некоторые посредники вносили на сход не только совет, но и приказание. Понятно, что эти приказания были совершенно субъективны, смотря по симпатиям посредника и по его вдохновению. Так, в разделе земли он вмешивался в сроки раздела, в количество паев; а были и такие, которые настаивали, чтобы общественную землю делить навечно. Крестьяне слушали, писарь писал приговор, который не исполнялся, а это вносило смуту в мир от тех домохозяев, которым было выгодно закрепить за собой общую землю. Между тем статья ясно говорит, что для раздела земли на подворные участки требуется согласие не менее двух третей всех крестьян, имеющих голос на сходе.

Точно так же вмешательство посредников в семейные разделы было очень неосмотрительно. В то время, до всеобщей воинской повинности[2], поставка рекрут отправлялась отдельными селениями. В первую голову брали от большесемейных, не служивших. И вот эти-то отцы и матери искали защиты посредника, если мир не дозволял им раздела до рекрутского набора. Понятно, что эти просители не высказывали посреднику истинной причины раздела. Они плакались на тесноту избы для ребят и двора для скота, жаловались на неуживчивость снох и ссоры братьев, а главное, на притеснение их миром, которому будто бы жаль усадебной земли под новый двор. И бывали случаи, что мировые посредники, не разобравши дела на сходке, разрешали самовольно разделы, тем избавляли очередного, а вместо него шел в солдаты внеочередной.

Разумеется, если на такое незаконное вмешательство мирового посредника в дела мира и приносилась жалоба в мировой съезд, то это тотчас же отменялось. Но беда в том, что крестьяне смотрели на посредников как на начальников и боялись приносить на них жалобы. Между тем съезд к своему рассмотрению имел право принимать жалобы только на решения посредника, но не на действия его, как бы они сумасбродны ни были. Действительного же контроля над посредниками никакого не было. И заслуга посредников первого призыва именно в том состояла, что они если допускали произвол в своих действиях, то не по самодурству,

а потому, что плохо понимали закон и плохо усваивали дух Положения 19 февраля. ⟨...⟩

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ А. Н. КУЛОМЗИНА

⟨...⟩ Как теперь помню, — поехал я в начале марта 1861 года в уездный город Кинешму за каким-то делом. Надвигалась уже весна, зимняя дорога в город шла на значительном протяжении по льду р. Волги; в это время, как водится, образовывались уже на реке полыньи, но лед был крепок и легко было ехать гусем в открытых санях. Едва въехал в город, мне бросилось в глаза необычное на улицах оживление: оказалось, в этот день прибыли Манифест и масса экземпляров Положения о крестьянах; Манифест прочитан был в соборе, а экземпляры Положения свободно раздавались помещикам; радость на всех лицах, общее возбуждение, на улицах группы в оживленных разговорах. Несмотря на ясность Манифеста, никто не мог дать отчета, на каких основаниях состоялось освобождение крестьян из власти помещиков, что именно постановлено и проч. Скорей захватив Положение, я помчался домой. Я узнал в городе, что на днях должны были поехать в разные стороны уезда отдельные лица местной администрации в качестве так называемых временных отделений Уездного земского суда (так называлось тогда полицейское управление) для присутствования при прочтении Манифеста по церквам. Вскоре пришла к нам в усадьбу официальная бумага, извещавшая об освобождении крестьян, в которой предлагали помещику самому объявить о том крестьянам. Старенькая пожелтевшая эта бумага сохранилась у меня до сих пор, и сколько воспоминаний она вызывает! Вслед за сим прибыл член местной полиции в наш приход, куда поспешил и я. Собрание крестьян было значительное; старый священник читал Манифест внятно и громко. Нужно сказать, что на всех сколько-нибудь понятливых людей он производил своим дивным языком глубокое, потрясающее впечатление, но народ, как я убедился, понял только одно: воля вышла. При выходе из церкви крестьяне держали себя, как и всегда, степенно и сдержанно, и только один, всегда неисправный крестьянин из бывших на барщине, сказал мне с добродушно-дерзким лицом: «Вот тебе и барщина. Не пойду больше на нее». ⟨...⟩

Однако приближалось начало полевых работ. Крестьяне поняли из Манифеста, что барщина отменена, упустив из виду, что она была временно сохранена на 2 года, а власти же, пользующейся доверием крестьян, не было налицо. Надо удивляться уже неизвестно чему более — близорукости ли тогдашнего Министерства внутренних дел или удивительному благодушию русского народа. В марте объявлена безграмотному народу воля, давно

ожидавшаяся с нетерпением, и 3 долгих месяца народ оставался без руководящей власти, так как мировые посредники были назначены в конце мая и в июне. Около нас в кабаках и у отдельных крестьян собирались мужики и слушали чтение Положения и, конечно, очень мало понимали. На весь уезд нашло смущение. Сигнал был дан в одном правобережном селении Вичуге, очень большом и богатом, но где управление было дурное, притязательное. Это село со старою барскою усадьбою рода Татищевых служило центром бумажно-ткацкой промышленности. Крестьяне на работы для весенней вспашки полей не пошли; выехали предводитель и исправник, но крестьяне отлично знали, что полиция на откупу у конторы и, конечно, отнеслись к увещаниям совершенно равнодушно. Полетели телеграммы в столицу, в том числе от прибывшего из С.-Петербурга для надзора за исполнением Положения флигель-адъютанта Арапова[1]; губернатору, без предварительного запроса его мнения, было предписано из С.-Петербурга примерным наказанием потушить бунт в самом начале. К тому, что произойдет в Вичуге, прислушивался весь уезд, и везде работы в усадьбах не начинались. Губернатор стянул войска и выехал лично; крестьяне бросились на колени и просили пощады. Несколько крестьян, кажется, трех, он наказал примерно и каждому вручил после наказания по 5 коп., сказав: «Купи свечку и поставь ее образу Спасителя в благодарность, что я тебя не засек до смерти». Дня через два во всех усадьбах начались работы. 〈...〉

〈...〉 Наконец пришла бумага с распоряжением мировым посредникам вступить в должность. Было уже начало июня. Немедленно мы съехались в уездный город на съезд, заслушали распоряжение и рассуждали, как обставить наше вступление в исправление обязанностей, чтобы самый акт этого вступления, во-первых, сделался крестьянам известным, а во-вторых, произвел на них должное впечатление, сразу внушив доверие к нам. Так как для меня вступление в должность составляло вместе с тем и вступление на государственную службу, то мне следовало принять присягу. 〈...〉 Сошлась толпа крестьян, и меня привели к присяге во внушительной и торжественной обстановке. С особенной ясностью я громогласно произнес обещание не нарушать справедливости ни ради родства и приязни, ни ради других соображений, и, как я потом узнал, это произвело должное впечатление. Немедленно после церемонии множество крестьян с жадностью стали обращаться ко мне для разъяснения разных постановлений Местного Положения. 〈...〉 Положение приходилось, впрочем, объяснять не одним крестьянам. После присяги ко мне поехали обедать присутствовавшие на ней соседи помещики, причем я убедился, что один из них — старый моряк и умный местный деятель — думал, что согласно Положению крестьянские наделы отходят через два года от помещиков без всякого на то вознаграждения. 〈...〉

⟨...⟩ Вслед за принятием каждым из нас присяги мы приступили к открытию волостей. Для этого в назначенные дни были вторично созываемы все крестьяне открываемой волости в центральное село. Тут мы им разъясняли значение дарованной им милости самоуправления и, разделив крестьян на сельские общества, приглашали к избранию сельских старост; тут же крестьяне выбирали от каждых 10 дворов выборных для волостного схода; сразу же был составляем и сам волостной сход и производимы выборы волостных старшин и судей. По окончании выборов сельские должностные лица были торжественно приводимы местным священником, в присутствии мирового посредника, к присяге в самой церкви. ⟨...⟩

Выработав совместно обдуманный нами план действий, мы твердо решили: никогда с крестьянами не миндальничать, отнюдь за ними не ухаживать, а внушать им доверие нелицеприятным строгим исполнением наших обязанностей, справедливым решением всех вопросов, простым, спокойным, но твердым обращением. Одновременно с этим решено было для водворения дисциплины настаивать самым неуклонным образом на исполнении крестьянами их обязанностей в отношении помещиков — своевременным взносом оброков, как это требовал закон, согласно установленным в каждом имении стародавним срокам. С этою целью каждый из нас, по моей инициативе, повесил у себя и в правлениях изобретенные мною таблицы с означением по каждому имению размера и сроков платежей. За две недели до срока мы посылали в правление напоминание, и в срок мы требовали представления расписки помещика или добровольно данной им отсрочки, а для отсутствующих — представления почтовых квитанций в отсылке оброка, и никогда, может быть, помещики нашего уезда не получали своих оброков столь благовременно, как за эти годы. ⟨...⟩

На первых же порах возникло множество вопросов, связанных с ведением землевладельцами своих хозяйств, основанных исключительно на даровом крестьянском труде. Хозяйство вели разного рода даровые должностные лица: старосты, ключники; леса охраняли даровые же полесовщики. С объявлением воли большинство этих лиц стали уклоняться от безвозмездного исполнения своих обязанностей. Пришлось их урезонивать, а помещикам объяснять необходимость, впредь до отмены этого рода натуральной повинности с введением уставных грамот, по крайней мере засчитывать каждому служащему полностью годовой, причитающийся с его тягла, оброк. Засим занятия мирового посредника состояли в том, чтобы вообще разъяснять крестьянам их обязанности по отношению к помещикам и полиции, а равно мирить помещиков с их дворовыми, которые все захотели под разными предлогами отделаться от двух обязательных для них лет даровой службы и иногда подставляли свои лица под заушение невоздержного барина, чтобы вслед за тем потребовать от

мирового посредника увольнения по случаю нанесенного помещиком оскорбления действием. Наконец, на обязанности нашей лежало водворение в деревнях порядка и в надзоре за волостными правлениями. ⟨...⟩

В начале июня месяца 1861 года получил я для проверки первые уставные грамоты. ⟨...⟩

Работа по проверке уставных грамот была крайне хлопотливая, трудная и весьма ответственная. С одной стороны, у крестьян упорно держался слух, что все совершаемое, уставные грамоты, их проверка и введение — все это только для вида, и скоро все земли отойдут к ним даром; что если кто подпишется под уставной грамотой, тот вновь себя закабалит. Необходимо было быть с ними крайне осторожным и ничего им не навязывать, а лишь стороною руководить их решением. С другой стороны, и помещики местные, большею частью небогатые люди, которых все состояние заключалось в крестьянском даровом труде, у них отнятом, притом люди не особенно развитые, страшно были озлоблены против правительства, громко ругались, а некоторые из них, не вникнув в Положение, неясно себе представляли, какой образ действия принять, чтобы не попасть впросак: слушаться ли мирового посредника и его советов или непременно добиваться противного тому, что он советует. Прочитав одну какую-нибудь статью Положения и не сообразив ее с остальными, они представляли требования явно незаконные, с которыми надо было считаться, т. е. долго им объяснять невозможность их требований. Надо удивляться, из-за каких мелочей возникали недоразумения между владельцами и крестьянами. По уставным грамотам во всем главном владелец не спорил, а вот требует себе какой-нибудь лоскуток в 3 или 5 десятин покосу, доказывая, что покос этот не состоял в «постоянном» пользовании крестьян, каковым пользованием обусловливалось законом включение надлежащих угодий в надел, а между тем на поверку оказывалось, что этот покос был предоставляем крестьянам за особую плату или повинность. Иногда владелец требовал себе часть крестьянской усадебной оседлости, прилегающей к его конторе, тогда как он этим пространством ранее не владел, и так далее. Озираясь назад, мне представляется, что тут меньшую роль играли соображения о материальных выгодах, связанных с владением подобными клочками, а главное, была кровная обида: вчера еще владелец властно распоряжался, а сегодня нужно доказывать законность этого распоряжения; стремление настоять на признании этой законности, тогда как в действительности распоряжение было или неясно выражено, или не вполне приведено в исполнение и, таким образом, невозможно было доказать вступление его в законную силу.

Другая категория незаконных требований помещиков касалась стремления их под видом разверстаний угодий, общих с крестьянскими, переселять крестьян, живших в непосредственной близости

к усадьбе, на новые места. Закон предоставлял это право помещикам в тех случаях, когда этого требовало разверстание чересполосных полевых угодий, а помещики требовали переноса усадеб на находившиеся во владении у крестьян пустошные земли, отделенные от присельных чужими владениями, считая подобные владения чересполосными, каковое толкование закона было явно неправильно. Признавая выделение крестьянского и помещичьего владения в отдельные отрубы непременным условием спокойного владения в будущем, мы, однако, решили ограничить такое разверстание теми, собственно, случаями, когда полями и покосами помещики и крестьяне владели [черес]полосно в границах одной дачи. Подобному разверстанию мы считали обязанностью своею всемерно содействовать, предлагая делать это сразу при составлении уставной грамоты и обязывая наших землемеров немедленно по заявлении помещиками снимать на планы всю совокупность общих владений и составлять проект разделов; так я поступил в двух или трех имениях, бывших в моем участке. 〈...〉

Крестьяне, конечно, еще более увлекались своими субъективными взглядами на условия их наделения. Уже было мною упомянуто, что в основе их воззрений лежало твердое убеждение, что проделывается не всамделишное дело, а так только для прилику, что если не вся земля владельческая, то во всяком случае вся бывшая в их пользовании земля без всяких отрезок должна быть им предоставлена на точном основании исторически сложившихся у них понятий об отношении к помещикам: «Мы ваши, а земля наша». Исходя из этих основных начал, одни из крестьян требовали себе всей бывшей в их пользовании земли, включая и леса, которые безусловно, в силу закона, отходили к помещику, во всяком же случае отстаивали каждый клочок, доказывая, что он-то и составляет самую лучшую часть надела. Другие оспаривали доброкачественность надельной земли и требовали установления законных платежей в пониженном против нормы размере. Наконец, отдельная категория крестьян, и притом встречавшаяся в каждом почти имении, состояла из лиц, хотя и числившихся крестьянами, а не дворовыми, но на деле землею не пользовавшихся, усадебной оседлости не имевших и служивших во дворе помещика. Большая их часть совершенно законно требовала исключения из надела и освобождения без земли наравне с дворовыми. Все эти различные требования вызывали массу дел, нередко доходивших до съезда [мировых посредников.— *Сост.*] и далее. В значительном, однако, большинстве случаев после продолжительных препирательств нам удавалось склонять стороны к взаимному соглашению, что не мешало некоторым дворянам сохранить в сердце осадок раздражения и даже злобы. Вообще как незаконные требования помещиков и крестьян, так и те, в правильности которых мы сомневались, мы вносили в мировой съезд или они поступали туда по жалобам заинтересованных сторон, и там они получали публичное разреше-

ние, что и служило распространению правильных взглядов на закон. ⟨...⟩

С уставными грамотами происходили и другие казусы. Так, например, один из помещиков — заслуженный открыватель Татарского пролива, водрузивший наше знамя на устьях Амура, вице-адмирал Невельской[2] представил грамоту, которая представляла собою сплошной протест против основных принципов законов 19 февраля. Во-первых, он ни за что не хотел употреблять в грамоте выражение, что надел отводится крестьянам в «постоянное пользование», и требовал, чтобы ему объяснили, в чем в этом отношении заключается мысль законодателя; засим он хотел включить в грамоту обязательство крестьян содержать отводимый им надел в надлежащем порядке; наконец, он вздумал в уставную грамоту вписать обязанность крестьян уплачивать причитающиеся с них оброки не рублями серебром, как следовало по формуле, а серебряными рублями известного чекана и достоинства, чем и хотел выразить свое негодование против правительства за отнятие его собственности и свою фронду против финансовой политики, приведшей к падению бумажной единицы. Мы, конечно, на съезде не согласились утвердить такие шуточные грамоты, постановили, что смысл закона о «постоянном пользовании» ясен сам по себе, что давать объяснения на закон не входит в нашу компетенцию, что вводить в грамоты особые условия пользования землею мы не вправе и что определение достоинства серебряного рубля зависит от правительственного распоряжения. Дело дошло до губернского присутствия, где оно, конечно, было проиграно Невельским. ⟨...⟩

Лето 1862 года было особенно хлопотливо. Нам хотелось ввести в нашем уезде уставные грамоты в установленный 2-годовой срок, и мы работали вовсю, помогая друг другу. ⟨...⟩

Самые большие затруднения представляли грамоты мелкопоместных дворян. Эти несчастные действительно были крайне обижены Положением, так как им всего выдавалось по 150 р. за каждую мужскую душу, а между тем они лишались той даровой рабочей силы, благодаря которой они жили безбедно. У них большею частию о трехдневной барщине и речи не было, а крестьяне находились почти безвыходно у них в услужении. Живя большею частью в одной с крестьянами околице, они постоянно пользовались их трудами, помощью и мелкими услугами. У самих у них большею частью не было своего инвентаря, и нередко в гости они ездили на лошадях своих крестьян, наряжая последних кучерами. Впереди себя они не видели ничего, кроме полной беспомощности и разорения, и это отразилось в нескончаемых ссорах и препирательствах с крестьянами, в желании окончательно выжать из них последние соки до наступления 2-летнего срока, в течение коего могла еще продолжаться барщина. Полевые и луговые угодья большею частью не были у этих помещиков отделены от крестьянских, и им

предстояло и самим отделиться, и крестьян наделить из того, что составляло последнее их достояние. Вся накипевшая у них желчь выливалась на посредника, и придирки к нам были бесконечные. К тому же лица эти были чрезвычайно малообразованны, по уровню мало отличались от своих крестьян, разве только по платью и некоторой весьма поверхностной грамотностью.

Своеобразною буколичностью отличалась в то время жизнь некоторых мелкопоместных дворян. Помещицы нередко жили со своими кучерами и т. д. Но особливою известностью пользовались в уезде братья Каленины, старые холостяки, которые держали у себя нескольких девиц, взятых ими из семей немногочисленных их крестьян. Эти девицы в виде ткачих были помещены в ткацкие светелки, и сами помещики преспокойно приживали с ними детей, умножая таким способом число своих подданных и нисколько этого не скрывая, и сами хвастались этим изобретением. Расчеты на приумножение этим способом доходов от имения не оправдались благодаря той же эмансипации. ⟨...⟩

К. А. Рощаховский.

МЕМУАРЫ ВРЕМЕНИ ОСВОБОЖДЕНИЯ КРЕСТЬЯН

⟨...⟩По окончании в сем (1861-м) году уборки хлеба я немедленно отправился в деревню для соглашения с срочнообязанными крестьянами относительно составления уставной грамоты. В имении моем учреждена волость[1]; крестьянам моей деревни следовало подать пример для окрестных крестьян в этом важном деле, и я надеялся, что оно пойдет легко и беспрепятственно. Предполагалось ввести уставную грамоту с 1-го октября, а первая сходка была 27 августа.

Сначала я подробно разъяснил крестьянам два вида пользования: общинного и подворного или наследственного. Видя действительную невозможность в нашей местности дробления общего надела единожды навсегда на отдельные наследственные участки, которые должны заключать в себе все хозяйство отдельных семейств, также видя величайшее затруднение внезапного перехода к четырехпольной системе, которая одна делает возможным наследственное пользование по примеру чересполосной собственности, заведенной у малороссийских казаков, крестьяне единогласно избрали для себя общинное пользование с правом разверстки земель по собственному усмотрению между домохозяевами и с правом передела этих земель, когда обстоятельства потребуют.

После того я рассказал крестьянам с должною подробностию обязанности и последствия кругового ручательства при общинном пользовании, а также личной ответственности при наследственном. Когда крестьяне разобрали, что круговое ручательство

не состоит в том, чтобы Иван работал на Петра и чтобы нерадивые ничего не делали, а трудолюбивые за них ответствовали, когда они взяли в толк, что каждый будет отвечать за себя перед обществом, которое имеет всегда возможность не допустить неисполнительности не только нравственным наблюдением за поведением своих членов, весьма важным в этом случае, но и законными мерами побуждений; наконец, когда они узнали, что при личной ответственности грозит беда, с одной стороны, от неограниченного самовластия, расточительности и разгула некоторых крестьян, отчего общество немедленно распадается на хозяев и батраков, а с другой — еще большая беда оттого, что помещик, имея единственным обеспечением временное, потом окончательное присвоение себе участка нерадивого хозяина, не упустит воспользоваться этим, причем произойдет самая опасная чересполосность помещика с крестьянами, неразлучная с борьбой, при которой сильный мира почти всегда имеет перевес перед слабым; тогда крестьяне с еще большей твердостью решились на общинное пользование за круговым ручательством. Хотя я принадлежу к противникам, а не поборникам общинного поземельного пользования, о чем довольно резко заявлено мною в последней книжке «Журнала землевладельцев»[2]; но как прежде, так и теперь я нахожу, что общинное пользование для бывших наших крестьян на первых порах при переходе их к новому порядку необходимо. Они освободились от крепостной зависимости с двумя важными пороками немалого числа своих членов — леностью и пьянством — такими пороками, при которых наследственное пользование было бы окончательною гибелью для многих семейств. Надобно, чтобы крестьяне исправились прежде нравственно, и единственное к этому средство есть община. Мы имеем этому пример на военных поселянах, которых нравы видимо улучшаются[3]. Вот почему мне было очень приятно разумное решение крестьян моей деревни, и тем более приятно, что во многих других имениях крестьяне приходят в ужас при одном предложении кругового ручательства: богатые от боязни ответствовать за бедного и оказать иногда помощь ближнему, а бедные еще от большей боязни стеснения в своей беспорядочной нерадивой жизни, потому что до сего времени они имели заботу только о дне насущном без всякого помышления об будущем.

Достигнув этого, я спросил каждого из домохозяев отдельно, а потом все общество о том, сколько они желают получить земли; причем объяснено было, до какой степени допускается уменьшенный надел и в каком размере по правилам Местного Положения сбавляется [за него] вознаграждение. Вместе с тем крестьяне были предварены, что надел определяется раз навсегда и что впоследствии они не должны ожидать для себя никакой прибавки, какое бы ни последовало увеличение их общества. Ни один из крестьян, даже из тех, которые на основании 8-й статьи Местного Положения имели право отказаться от земли, не

пожелал уменьшенного надела, и все общество единогласно просило отрезки участка полностию по числу ревизских душ, т. е. в указном размере[4]. Даже все дворовые люди, не имевшие никакого на то права, просили земли; но этим я решительно отказал, обещавши, впрочем, дать некоторым из них землю по окончании их обязательной службы, если они и тогда признают для себя выгоднее отказаться от прав и льгот, которые им предоставлены[5]. Я не хотел вследствие необдуманного увлечения дворовых людей навлечь на себя впоследствии их упрек и рад этому, потому что при окончательном составлении уставной грамоты некоторые из крестьян, имевших право на надел, от него отказались.

Оставалось указать крестьянам участок, для них предназначенный, приуроченный к их усадебным оседлостям и снабженный достаточными водопоями как в деревне, так и в степи для удобства хлебопашества. Местность предназначенного участка согласовалась с желаниями крестьян; вся моя земля была размежевана на правильные десятидесятинные клетки[6]; в отрезке по числу душ полевых угодий не могло встретиться ни малейшего затруднения, даже для простых людей, совершенно незнакомых с правилами межеванья. Межевщик мирового съезда был налицо, и ему поручено было сделать немедленно измерение усадебных оседлостей и отрезку участка при волостном старшине, сельском старосте и других крестьянах.

Этим наши предварительные суждения были кончены. Желая воспользоваться добрым настроением крестьян, я приступил к разъяснению им сущности уставных грамот, то есть двоякого способа вознаграждения: посредством издельной повинности, или отработки, и посредством платежа оброка. Я толковал им: какой бы род вознаграждения крестьяне ни избрали, предполагается, что они должны выполнять его добросовестно. Помещик будет строго следить за этим; местные власти будут ему содействовать. Издельная повинность имеет то преимущество, что крестьяне к ней привыкли и что в неурожайные годы легче отделаться работой, чем добывать наличные деньги на оброк, когда семейство страдает от голоду, а оброка помещик ни подарить, ни отсрочить не может, потому что и он как человек имеет насущные потребности, без которых не может существовать его семейство. Зато цена работы при издельной повинности дешева и невыгодна для крестьян, если принять в соображение труд добросовестный и одни урожайные годы; трудиться в чужом двору, на чужой ниве и быть всегдашним чужим работником — очень невесело; наконец, издельная повинность соединена со стеснениями, не дозволяющими отлучиться из дому и располагать временем, а также с недоразумениями обеих сторон, навлекающими бесконечные разбирательства, и паче всего, с тягостным неотступным надзором над душою человека. Крестьянин, который знает себе цену, лучше будет сам для себя трудиться, а помещику оброк заплатит. Судя по

существующим у нас ценам на работников, это нетрудно для самых бедных семейств; наймут одного и за всех рассчитаются. Даже при местных неурожаях крестьянин, не стесняемый господской работой, может что-нибудь приобресть промыслом или отправиться на заработок в места, не постигнутые бедствием. Только при выборе оброчной повинности следует трудиться бодро и неусыпно, больше, чем прежде, трудиться и строго беречь каждую денежку на черный день. Оброк, трудный с непривычки, имеет еще и то преимущество, что через него можно перейти на выкуп; а выкуп, эта честная разделка между помещиком и крестьянами, должен быть главною целью обеих сторон. Особенно он выгоден для крестьян. Крестьянин трудится при издельной повинности, собирает деньгу к деньге для платежа оброка, и его труд и его деньги тратятся им только за пользование усадебной оседлостью с отведенным наделом. При выкупе же с благодетельным содействием правительства он платит меньше и с каждым годом приобретает для своих детей и внуков частицу собственности. Так добрый отец семейства сажает на старости лет деревцо, думая не о себе, а о своем потомстве. К выкупу все должны прийти непременно, и если крестьяне отдаляют от себя выкуп, то они делают величайшее зло семейству. Их дети и внуки когда-нибудь скажут: за что наши деды и отцы тратили свои силы даром, платили деньги даром и неблагоразумно прибавили на нас горы излишнего платежа?

Мой последний довод очень подействовал на крестьян, и они все объявили желание приступить к выкупу. Я им сказал, что это дело чрезвычайной важности, которым решается вся будущая судьба их семейств, а потому его не следует кончать так опрометчиво, что они должны внимательно сообразить свои силы и, может быть, им лучше избрать на первых порах издельную повинность, пока соберутся со средствами на оброк и выкуп, что для этого я им передам уставные грамоты в разных видах с выкупным договором и предоставляю им полную свободу обдумать это дело самим, без всякого с моей стороны участия, наконец, что все их справедливые замечания и просьбы я приму охотно для соображения при окончательном составлении уставной грамоты. При сем, под влиянием искреннего желания оказать по возможности и, может быть, в последний раз крестьянам от себя добро за их службу мне и моим родителям, я предложил следующие уступки: при общинном пользовании за круговою порукою десятую часть издельной повинности, определенной Положением, или пятую часть оброка[7]; при подворном пользовании вместо этих облегчений подарок усадебных оседлостей по окончании девяти лет для исправных домохозяев, за которыми не будет оставаться никакой недоимки; наконец, при выкупе целым обществом усадебных оседлостей с полевыми угодьями скидку дополнительного платежа[8]. Мне казалось, что крестьяне должны быть мне благодарны, и я отпустил их с сердцем, полным радости, как после доброго дела, уже совсем оконченного.

Совещания крестьян открылись при полной свободе, и дело приняло неожиданный оборот. К ним присоединились крестьяне других деревень и начали принимать участие в суждениях. Одни говорили, что если я делаю уступки, то следует держаться дружно и ожидать еще больших потому, что никто себе зла не желает и за уступками, вероятно, скрываются другие льготы, которых я для себя и ради пользы других помещиков не желаю объявить; другие толковали, что не следует соглашаться на всякую уставную грамоту, потому что это есть новое закрепление; третьи настаивали, что нигде в Положении не сказано, чтобы надел ценился в 150 рублей, а в Положении сказано (ст. 66 и 67 о выкупе), что плотится только шесть процентов с оброка и, следовательно, не 7 руб. 20 коп., а гораздо менее; четвертые добавляли, что если посчитать годовой платеж в 49 лет, то им придется заплатить казне более 350 рублей с надела и что невозможно, чтобы это от них требовалось. Благоразумные люди из крестьян боялись противоречить, потому что большинство грозило сменить старшину. Наконец, в первый случившийся на неделе праздник собрался сельский сход или, скорее, общая рада, на которой решено было не соглашаться ни на изделную повинность, ни на оброк, а просить выкупа на царское слово, на царскую милость. С этим почтительно и смиренно явилось ко мне общество крестьян. Я объявил им, что царское слово, царская милость заключается для них в Положениях, которым и помещики и крестьяне обязаны равно повиноваться, что выкуп возможен только для крестьян, состоящих на оброке, а потому прежде составления договора о выкупе необходимо введение уставной грамоты на оброк; наконец, что выкупная плата так велика в сложности за 49 лет, что здесь полагаются проценты на капитал, который правительство занимает. Но как я им ни толковал таинство капитализации, они меня не поняли. Отпуская их, я советовал одуматься и предлагал на это месяц, два и больше времени, потому что, пользуясь все время их промедлением работой в настоящем размере, я ничего не теряю. Крестьяне со своей стороны просили меня повременить только до воскресенья, потому что они желали бы поскорей покончить с барщиной, которая им надоела. Я согласился и на это и советовал благоразумным людям отделить от себя тех, которые, не понимая своей пользы, будут упорствовать в своем сумасбродстве.

В воскресенье в толпе явившихся ко мне крестьян я заметил незнакомые лица посторонних. Мне объявили напрямик, что общество по-прежнему ничего больше не желает, как выкупа на царское слово, на царскую милость, и просит меня в этом скорее посодействовать. Тогда я объявил крестьянам, чтобы они отложили помышление о моем содействии в беззаконии; что я считаю их недостойными тех уступок, которые им обещал и которых их теперь лишаю; что более виновные будут открыты и подвергнуты наказанию за сумасбродные требования, ими

объявленные; что на основании 36-й ст. Прав[ил] о порядке приведения в действие Положений я не имею надобности в их согласии на уставную грамоту[9]; что эта грамота, когда придет пора, будет составлена мною на издельную повинность как более для меня выгодную; что мировой посредник введет ее, если нужно, при содействии земской полиции и что их детям останутся только в воспоминание те уступки, от которых неблагоразумные отцы отказались. Затем я приказал разойтись толпе и до приезда посредника больше не собираться.

Ничто не налагает такой печали и тоски на душу, как неудавшееся доброе дело. Я знал, что крестьяне мои одумаются, но знал также, что уж не должен делать им никаких облегчений потому более, что соседние крестьяне, принимая мое добро за долг, могли незаконными требованиями покушаться на интересы других помещиков.

Выехавши из деревни для исполнения своих служебных обязанностей, я просил мирового посредника вразумить крестьян и послать в его распоряжение станового пристава для открытия более виновных. Добрые советы мирового посредника не принесли пользы, пока становой пристав не открыл трех главных подстрекателей из моих крестьян и двух из посторонних и пока они не были наказаны с удалением от участия в суждениях на сельских сходах.

Многие удивляются уважению закону в Англии, где один полисмен водворяет в целых толпах порядок. Наш полисмен — становой пристав — один-одинешенек на пространстве нескольких тысяч квадратных верст управляется смирно и тихо с десятками тысяч рассеянного народонаселения, еще в такое важное время, как теперь, еще без всяких средств не только к восстановлению порядка, но к собственной защите,— и это никому не удивительно. Правда, в иных случаях он крестится и божится перед народом в доказательство того, что объявляет царскую волю, что требует законного; но что же ему остается делать, когда у него нет даже ни одного казака в своем распоряжении! Хвала нашему доброму народу!

Через две недели я получил приговор общества, в котором крестьяне, винясь во всем, просили у меня прощения и изъявляли готовность на введение уставной грамоты.

Занятый делами, я не торопился и только в октябре поехал в деревню. Призвав старшину, старосту и лучших хозяев, я заявил им уставную грамоту, составленную на издельную повинность без всяких облегчений, и приказал, рассмотрев ее на сходке, объяснить мне желания общества письменным приговором. Меня уведомили, что 6 душ крестьян на основании 8-й статьи Местного Положения отказываются от надела, что, за исключением их, общество желает получить указной надел полностью и что оно просит уставной грамоты на оброчную повинность. На это я им отвечал, что первые два желания совершенно законны: что же касается до оброчной повинности, то она не может быть без

платежа за полгода вперед; но, чтобы не отказать им в этом, я отсрочиваю введение уставной грамоты до 1-го ноября с тем, что если менее третьей части будет несостоятельных к платежу оброка, то я согласен принять за них работу по добровольно условленной таксе на основании 259-й ст. Местного Положения[10]. 1-го ноября, после обычного молебствия, мировой посредник выполнил все формальности введения уставной грамоты на оброк, и общество внесло мне полностию, за исключением пяти наделов, оброчную сумму. Крестьяне тут же просили меня о составлении договора на выкуп. В три схода он был составлен, рассмотрен и подписан. Срочнообязанные крестьяне моей деревни Александровки находятся теперь на таком положении:

Оброк они обязались вносить по полугодиям вперед полностью за круговым ручательством общества. По утверждении выкупного договора я обязался возвратить крестьянам ту часть оброка, какая будет следовать по расчету со времени ассигновки к выдаче мне причитающейся выкупной суммы[11]. Следующий мне дополнительный платеж я рассрочил без процентов на такое же число лет, чтобы ежегодный взнос правительству вместе с погашением этого платежа не превышал обыкновенного девятирублевого от надела оброка. По такому расчету крестьянам приходится 16 лет платить мне 241 руб. 20 коп., а 1-й год плату эту предоставлено заменить крестьянам некоторыми повинностями.

Хотя между мною и крестьянами вышло вначале недоразумение, но оно кончилось миром и полным согласием. Чтобы не иметь ни одного врага в деревне, я просил мирового посредника допустить к сельским сходам наказанных. Надобно было видеть их радость. Крестьяне эти узнали свою ошибку, узнали, что я им желал добра, и в последнее время, особенно при наших рассуждениях, вели себя вполне благоразумно. Они, конечно, потеряли несколько, но и я не удержался, чтоб не сделать им снисхождение. Я оставил их довольными, и соседи из других деревень приезжают узнать о случившемся. По утверждении выкупного договора новые собственники намерены отслужить благодарственный молебен, и я обещал быть у них на пиру.

Нерешительность, с которою крестьяне приступают к уставным грамотам, зависит много от неизвестности будущего экономического устройства обществ, им самим предоставленного. Они не знают, как распорядиться землею, поступающею в их пользование, как приступить к распределению повинностей, которые должны лежать на них, и пугаются этой неизвестности. В тех немногих местах, где введены уставные грамоты, крестьяне так и не успели еще установить должного порядка и устройства. Им нужен руководитель, который дал бы добрый совет. Не довольно того, что мы подписали уставные грамоты, отмежевали землю, сделали расчет следующего нам оброка или размера издельной повинности; надобно еще не покидать крестьян на произвол судьбы в пору для них трудную и научить, как им распорядиться

землею, из каких источников добывать оброк, как им довести свое общество до такого состояния, чтобы денежные взносы на удовлетворение повинностей поступали в нем правильно, без замешательства и недоимок, а также с соблюдением справедливости ко всем и милосердия к бедным. Хозяйственное устройство общества с этой целью теперь, на первых порах и без примера, нелегко; а между тем уже настала пора потолковать об этом важном предмете, от которого зависит будущее благосостояние крестьян, вышедших из крепостной зависимости и не умеющих воспользоваться этим благом.<...>

К ИСТОРИИ ВВЕДЕНИЯ УСТАВНЫХ ГРАМОТ (мнение мирового посредника кн. П. Церетелева)

В журналах Хорольского мирового съезда, выезжавшего для введения уставной грамоты в с. Багачку, изложены обстоятельства дела и те понимания крестьян, какие ставят их против уставной грамоты. Если б это было исключительным явлением в Багачанском сельском обществе, обязанность исполнителя была бы только выполнить закон; но члены мирового съезда, не отступая от истины, могут свидетельствовать, что те же затруднения сопровождают во всех сельских обществах переход и даже приготовления к уставным грамотам. Чтобы против совести и долга гражданства не скрывать причину общего недовольства, члены мирового съезда вместе с исполнительностью должны высказать пред правительством со всею откровенностью и ту правду, которая молча лежит в душе большинства. Поэтому следует:

Исполняя закон, уважая его как начало и основание общественного блага, безотлагательно ввести в Багачке уставную грамоту в ее сущности, то есть уменьшения повинностей соразмерно пользованию крестьянами землей, но во имя тех же закона и общественного блага не следует закрывать глаза пред затруднениями, соединенными с выполнением закона, а честно высказать их, вникнув в их причины.

Противоречия, высказываемые крестьянами относительно нового для них порядка, везде одни и те же; в основании всех лежит одно начало: «Мы хотим быть свободными,— говорят они,— нам объявлялся в церквах и самими же помещиками царский манифест, по которому мы только два года должны оставаться в прежнем положении; мы волю царскую исполним в точности, а после что Бог даст». «Но посудите сами,— сказал разумнейший из крестьян Багачки, говоривший от всех,— як бы то я пидлицовався на девять лит и сам себя закрепощал на урочну работу». «Спасибо Богу,— прибавил другой,— что исправники да становые стали реже ездить; а с урочной работой опять начнут звонить колокольчики становых, потому что опять начнутся взыскания за работу». Когда члены мирового съезда объясняли, что эта работа будет гораздо легче настоящей, следовательно, от работника

будет вполне зависеть точно выполнить ее, крестьяне говорили: «Що то уже за воля, коли гонят на урок».

На объяснение, что свобода не праздность и не произвол, что всякий совершенно свободный человек все-таки платит за землю, которую нанимает, ответ был прямой: «Коли вже нам придется наймать, то мы наймем як кому схочется: чи за гроши — за гроши, чи за копу, чи с снопа станем у пана жать», и будет каждый работать по своим силам, не связываясь барщинным уроком.

Напрасны были все убеждения, что этот новый порядок есть та же воля царская, которую они же сами хотят в точности исполнить, что это Положение уже целый год в их руках и могли они, читая его, убедиться, что по истечении года обязательно уже для мирового посредника введение нового порядка, хотя бы и владельцы не просили. Мысль крестьян та, что они должны повиноваться только первому царскому Манифесту, а Положение написано не царем, а уроки выдуманы в губернии панами.

Из 100 с лишним уставных грамот, представленных в Хорольском уезде, до сих пор только три подписаны крестьянами, как добровольная сделка на оброк; подписавшие их и до грамоты были знакомы с оброчным положением, но и подача этих грамот сопровождалась большими затруднениями. Все остальные без согласия, без подписи крестьян, которые ждут чего-то другого и думают о другом.

Чего ждут и что будет в конце этих ожиданий,— трудно отгадать; но вникая в смысл того, что ими высказывается, нельзя, не нарушая правды, сказать, что крестьяне в чем-нибудь виновны; их мысль и их слова логичны и еще, во имя той же правды — их надежда логично складывается в простоте сердца, потому что слишком было бы несправедливо требовать, чтобы простой и темный человек, освобождаясь из-под рабства, больше верил Положению для него стеснительному и недоступному, по его безграмотности, нежели наперед того заявленному в церкви короткому слову, которое сказало ему свободу от имени царя. Развитие крестьянина таково, что он совершенно теряется в понимании большой книги, во многом не понятной и для образованного человека, которому доступны издаваемые на нее комментарии.

Между тем работник видит, что враги государственного порядка работают усердно; что все, чем можно пользоваться среди невежественной массы, ловится на лету; что всякая частная сплетня, при расположении толпы верить ей получает общий толчок и общий характер. До нас постоянно доходят слухи о разных письмах и грамотках; о каком-нибудь проезжем солдате или купце, который привез ту или другую новость. Противники государственного порядка, поклонники коммунизма под видом общины горячо ведут свою пропаганду; молчать ли нам и не давать им отпора свободным голосом гражданина? Болезненные толки коммунистов потеряли бы большую часть своей заманчиво-

сти пред толпами людей несвободных, если б этим людям закон дал все права лично свободных; а теперь, при настроении необразованного народа к ожиданиям, будто бы обещанным ему, теперь эти толки все больше и больше развивают в нем недовольство и раздражение. Конечно, правительство так сильно, что может силой задавить всякую выходку, явно направленную против закона; но при размножении врагов государственного порядка эти силы будут истощаться на поддержание его, в ущерб положительной государственной деятельности; до каких пор станет их? Нужно сознаться, что закон, объявленный действующим год тому назад, не исполняется каждую минуту на практике, и сил нет у мировых учреждений следить за исполнением его на двойном основании свободы и обязательного труда.

Мы крепко верим, что общественное и государственное благо требует, чтобы зорко высматривать, куда идут стремления общества; если против закона и свободы — удалять их; если за них — пусть правительство спешит им навстречу; государство не боится свободы, потому что оно — учреждение, основанное для охранения свободы всех и каждого. Мы положительно можем сказать, что у нас эти стремления идут к законной личной свободе и что правительство, удовлетворяя им, отстранит не только много общественных колебаний, но и много насилий в будущем.

Приложение закона к высказанному — в руках правительства, которое для избежания ошибок и поверки буквы с фактом имеет больше средств, чем каждый из нас; но в помощь ему мы можем сказать, что все облегчится даже одним расширением нескольких статей Положения 19 февраля. Пускай только крестьянин, который считает себя обязанным и связанным, по собственному желанию своему — по воле — может отказаться от того, что ему в тягость или не по личному характеру. Пускай за помещиком останется обязанность, если крестьянин не отказывается от обязательного труда, удовлетворить его чем следует по Положению, но вместе с тем стать с ним в отношения свободного договора. Пускай, если крестьянин неграмотен и боится дать свое согласие, от него этого не требуют, и пока он уверится в ошибке своей, не заставляют его насильно становиться в отношения, которых он не хочет; иначе всегда останется у него убеждение, что его вовлекают в какой-то обман; а на душе навсегда останется недовольство с безнадежностью — залог верный не для реформ, а для возмущений.

Мировой посредник 1-го участка Хорольского уезда кн. П. Цертелев.

ДОКЛАД СЕНАТОРА А. Х. КАПГЕРА, РЕВИЗОВАВШЕГО В 1861—1863 ГГ. КАЛУЖСКУЮ И ВЛАДИМИРСКУЮ ГУБЕРНИИ, О СОСТОЯНИИ «КРЕСТЬЯНСКОГО ДЕЛА» ВО ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ

<...>По приезде во Владимирскую губернию мне весьма часто случалось получать [от крестьян] как письменные, так и словесные жалобы на [уставные] грамоты, ими же самими подписанные. <...> Существование во Владимирской губернии большого числа жалоб крестьян на уставные грамоты, составленные по обоюдному соглашению с помещиками, свидетельствует само по себе о неисполнении мировыми посредниками обязанностей их, иначе трудно понять, почему крестьяне подписывали грамоты, которыми предоставляемые по соглашению угодья менее выгодны, чем следующие по закону. (Иногда подобные добровольные соглашения были просто вынуждены.) Так, в имении помещика Казакова Покровского уезда, селе Фетисове с деревнями, вследствие чрезмерно тяжелых повинностей возникли в июне 1861 года беспорядки, для прекращения которых в имение, без подробного разбора жалоб крестьян, введена была военная команда. Пятьдесят человек крестьян были жестоко наказаны розгами, и вслед за этим наказанием последовало добровольное соглашение о повинностях, долженствующих быть отбываемыми крестьянами до введения уставной грамоты. Соглашение это было, очевидно, вынужденное, потому что им крестьяне обязывались отбывать в пользу помещика повинности тяжелее прежних. Мировой посредник Проскудин-Горский в этом случае не только не протестовал против такого незаконного увеличения повинностей, но даже сам засвидетельствовал акт добровольного соглашения. В участке мирового посредника Хомутова, Гороховецкого уезда, большая часть грамот составлена за подписью крестьян вследствие настояний и угроз мирового посредника, как о том заявили мне крестьяне при производстве ревизии.<...> Сведения, собранные при ревизии, и ознакомление с действиями мировых посредников приводят к заключению, что во Владимирской губернии многие уставные грамоты за подписью крестьян не имеют характера договоров двух независимых друг от друга сторон, отчетливо сознающих значение этого акта со всеми его последствиями, чем отчасти объясняется и причина неисправного платежа по этим грамотам оброков.<...>

В подтверждение вышеизложенного считаю долгом упомянуть о тех отступлениях от закона, которые подкрепляются несомненными доказательствами. Таким образом мировой посредник 4-го участка Вязниковского уезда штабс-капитан Домашнев письменно сообщил мне, что он вовсе не дозволяет крестьянам представлять какие-либо возражения. Крестьяне, не соблюдавшие этого поряд-

ка, были облагаемы Домашневым денежными штрафами. Я поставил на вид ему, что принятый им порядок явно противоречит ст[атье] 69 Прав[ил] о поряд[ке] прив[едения] в действие Полож[ения], по которому посреднику вменено в обязанность разъяснять все могущие возникнуть между крестьянами [и помещиками] недоразумения; но для того, чтобы недоразумение могло возникнуть, оно необходимо должно быть высказано, а следовательно, право крестьян предъявлять замечания при поверке грамот не подлежит никакому сомнению. Другой посредник того же уезда, титулярный советник Шумилов, на сделанный ему запрос, какими законными основаниями руководствовался он, допустив по одной из уставных грамот неправильную отрезку, отозвался, что крестьяне не представили ему против оной никаких возражений, а он, со своей стороны, не считал себя вправе вызывать их на жалобы. Подобное объяснение не только голословно, но доказывает также, что мировой посредник уклонился от лежащей на нем обязанности разъяснять крестьянам все статьи грамоты и поверять правильность ее. В Ковровском уезде мировой посредник коллежский советник Дорогин объявил крестьянам, что они могут удерживать отрезаемую у них землю в пятилетнем пользовании тогда только, когда последует на это согласие помещика. Это же самое повторил он им в моем присутствии при разборе жалобы крестьян на уставную грамоту.

В Покровском уезде составленная на имение князя Голицына, состоящее из 34 деревень, уставная грамота была введена в действие мировым посредником губернским секретарем Проскудиным-Горским с такою поспешностью, что при сем, по причине значительного протяжения имения, не могло быть и речи о соблюдении требования закона касательно указания крестьянам их надела. В Суздальском же уезде посредник поручик Баранович в письменном приказе одному волостному правлению объявил, что жалобы на уставные грамоты приносятся не в губернское присутствие, а в мировой съезд, и что составление мирских приговоров, уполномочивающих кого-либо из крестьян на принесение жалоб на уставные грамоты, совершенно излишне и что посему волостные старшины не должны их свидетельствовать. Такое распоряжение посредника, ложно истолковывая закон, воспрепятствовало крестьянам своевременно и в установленном порядке обжаловать уставные грамоты, а потому жалобы их оставались без законного удовлетворения.<...>

<...>При определении надела отступления от правил Положения встречались во Владимирской губернии весьма часто, и притом в различных видах.<...>Подвести замеченные при производстве отрезок неправильности под одну категорию не представляется возможным по причине большого их разнообразия: в них виден лишь тот общий характер, что все они имеют целью соблюсти выгоды помещиков. Таким образом, весьма часто встречались отрезки пахотных земель, между тем как в пользовании крестьян

оставались земли пустошные или отдаленные. В некоторых случаях отрезалась даже присельная земля[1], и пренебрежение мировых посредников к закону или полное его незнание простиралось до такой степени, что они вовсе не старались скрыть неправильных своих действий, а прямо объясняли в уставных грамотах, что отрезка производится из земель, ближайших к селению, приводя иногда причины, по которым она допускается, вовсе не указанные в законе, как, например, устройство помещиком постоялого двора или помещения для лесного сторожа. В других случаях в надел крестьянам были включены земли совсем неудобные, в особенности болотистые, едва ли не подлежащие совершенному исключению из их пользования; отрезки же производились из земель, хотя, быть может, отдаленнейших, но представляющих для крестьян большие удобства и выгоды. Иногда, наоборот, они были лишаемы, под предлогом неудобства, таких болотистых земель, которые всегда были в их пользовании и в коих местами были покосы и годные для пастбища скота урочища, которыми крестьяне дорожат.<...>

Господствующее почти во всей губернии худоземелье, соединенное в значительном числе уездов с уменьшением прежнего крестьянского надела, должно было, как кажется, исключить возможность частого возвышения повинностей. Тем не менее случаи эти весьма обильны, и обыкновенным поводом к тому служило или включение в состав крестьянского надела поемных лугов, или развитие между крестьянами промыслов и торговли. Хотя по силе Положений 19-го февраля 1861 года как то, так и другое условия могут служить причиной к повышению оброка, но применение этого правила допускается лишь по ближайшему собранию всех местных обстоятельств. Поемные луга действительно встречаются в губернии часто, но ценность их и доходность не везде одинакова; и выгоды, извлекаемые крестьянами от пользования ими, часто уравновешиваются низким качеством прочих полевых угодий. К сожалению, губернское присутствие считало отвод крестьянам поемных лугов безусловною причиной к увеличению повинностей, и не входило в должное рассмотрение ни доброкачественности, ни количества этих лугов. Рассматривая заявления помещиков по сему предмету, оно не соблюдало даже тех необходимых формальностей, которые установлены в законе, и утверждало повышение оброков, довольствуясь голословным удостоверением местного мирового посредника.<...>Доказательством может служить множество случаев, в которых губернское присутствие возвысило повинности без всяких основательных причин, вопреки даже мнению местных посредников.

В имении помещика Бутурлина, Суздальского уезда, селе Жадинском, возвышен оброк на том основании, что в состав крестьянского надела включены поемные луга. По произведенному посредником дознанию оказалось, что земля по кочковатости весьма недоброкачественна и что посему повода к возвышению повинности не представляется. Несмотря на такой отзыв,

присутствие признало возможным утвердить возвышение оброка, ссылаясь на то, что грамота подписана крестьянами и, следовательно, повинность возвышена с их согласия. Такое объяснение не может быть признано основательным, так как при поверке грамоты крестьяне предъявили спор против увеличения оброка, а по силе ст[атьи] 36 Прав[ил] о пор[ядке] привед[ения] в действие Полож[ений] грамота почитается добровольною лишь при согласии обеих сторон на все ее статьи.

Другой случай еще более замечателен: помещик Чертков ходатайствовал о возвышении оброка в имении его, Гороховецкого уезда, на 2 руб. 12,5 коп. с души по причине включения в надел 120 десятин ценных поемных лугов на 130 душ. Дознанием посредника обнаружено, что не только луга, но почти вся полевая земля и самые усадьбы затопляются водою, отчего для крестьян хотя и происходит некоторая польза от орошения лугов, но вместе с тем водою весьма часто смываются посевы и подмываются дома, посему он признал возможным возвысить оброк только на 1 руб. сер. Присутствие сочло нужным допустить возвышение в размере большем против предложенного посредником вместо того, чтобы войти в ближайшее рассмотрение возможности вообще какого-либо возвышения оброка при терпимых крестьянами убытках от сильного разлива реки. Все вышесказанное относится вполне и до тех случаев, где повинность возвышена по причине добычливости крестьянских промыслов и значительности их торговых оборотов.<...>

<...>Примером тому, и притом примером, часто повторяющимся во Владимирской губернии, может служить возвышение повинности на 2 руб. сер. в селе Татарове помещика Протасова, Вязниковского уезда, по причине включения в крестьянский надел поемных лугов и получения крестьянами значительных заработков в близлежащем селении Мстёре. Если включение поемных лугов и могло бы служить поводом к увеличению оброка, то никак не более чем на 1 руб. сер. Близость же села Мстёр и заработки крестьян на тамошних фабриках не могли иметь никакого в сем деле значения, так как по силе ст[атьи] 174 Мест[ного] Полож[ения] возвышение оброка более одного рубля допускается только в подстоличных имениях и в тех, где сами крестьяне производят обширную торговлю или фабричную промышленность, а не соседи их.<...>

С. И. НОСОВИЧ О ДЕЙСТВИЯХ МИРОВЫХ ПОСРЕДНИКОВ НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ

Более одной недели прошло со времени моего возвращения из объезда по новгородскому и старорусскому мировым съездам, но я не утратил еще тяжелого впечатления, которое испытал

в Новгороде, видя, как люди, призванные к такому важному назначению, каково призвание мировых посредников, сами подкапывают свое действительное значение и становятся на ряду людей, служащих отжившему, отсталому порядку вещей. Я разумею здесь тот беззаконный, несправедливый и односторонний взгляд на дело, который усвоили себе господа посредники Новгородского уезда по вопросу составления уставных грамот, и если взгляд их по отношению уставных грамот такой, то без сомнения, что и во всех своих делах, о которых я не могу, впрочем, судить, потому что они не восходят до мирового съезда, они держатся одного и того же направления, т.е. не только толкуют законоположение в пользу помещиков, но и прямо отступают или не исполняют прямых указаний его, руководствуясь личными выгодами владельцев.<...>Господа посредники берут произвол, т.е. самовольное отступление от закона, за критериум своей деятельности в вопросе определения и установления взаимных отношений помещиков и крестьян, но, с другой стороны, они строго придерживаются закона, т.е. пользуются средствами, предоставляемыми законом, для побуждения, например, крестьян к исполнению их обязанностей перед помещиком, т.е. они штрафуют крестьян на основании закона и т.п. Выходит, что, с одной стороны, они берут произвол, а с другой — закон для осуществления этого произвола; ясно, что подобный порядок неестествен, несправедлив и ведет к общественному вреду.<...>

С. Н. ТЕРПИГОРЕВ О ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯХ МИРОВЫХ ПОСРЕДНИКОВ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

⟨...⟩ Мне кажется,— и я даже убежден в этом,— что мировых посредников правильнее всего было бы сравнить с привилегированными помещиками, почему-то сохранившими за собой уничтоженное для всех остальных крепостное право. Они, каждый в своем участке, положительно восстановили, разумеется, для себя лично, крепостное право.

Такого, например, абсолютного деспотизма, бесправия и жестокости, которые установил в своем участке один из наших посредников Р-в, решительно не практиковалось ни одним из помещиков и даже им самим до 19 февраля. ⟨...⟩ Сечение происходило у него на дворе каждую неделю два раза, и, чтобы дать понятие о размерах этого упражнения, полагаю, достаточно будет, если я скажу, что кроме ординарных, так сказать, рядовых мужиков каждую субботу он непременно сек человек пять сельских старост и раз в месяц какого-нибудь волостного старшину. Это последнее обстоятельство, т. е. сечение старост и старшин, вызвало однажды для него маленькую неприятность

в виде жалобы какого-то из них губернатору. Само собою разумеется, жалобе этой никакого хода дано не было, и он продолжал едва ли не с большей еще лютостью сечь их, проделывая при том только следующую канцелярскую, так сказать, формальность. Староста, присужденный к сечению, им же в силу посреднической власти сменялся, т. е. с него снимали цепь и медаль, клали в качестве рядового мужика на скамейку, драли чуть ли не до полусмерти, потом поднимали. Он издевался над ним и производил его тут же вновь в старосты, т. е. надевал опять цепь и медали. Со старшинами процедура была несколько сложнее, так как для их смены и избрания требуется губернаторское утверждение, но он с терпением,— как выражаются в «передовых» статьях,— достойным лучшего дела, проделывал и эту формальность, и драл, драл их без конца и милосердия. Я не знаю, как в других губерниях, но в нашей это был вовсе не единственный пример такого беспримерного и совершенно безнаказанного издевательства над высочайше утвержденным «Положением 19 февраля о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости».

ИЗ ДОНЕСЕНИЙ ОФИЦЕРОВ КОРПУСА ЖАНДАРМОВ О НАСТРОЕНИЯХ КРЕСТЬЯН В 1862 г. В СВЯЗИ С ВВЕДЕНИЕМ УСТАВНЫХ ГРАМОТ

ИЗ ДОНЕСЕНИЯ ПОЛКОВНИКА БЕЛОВА ИЗ ПОЛТАВСКОЙ ГУБЕРНИИ

В помещичьих имениях Полтавской губернии уставные грамоты вводятся вообще медленно, и часто случается прибегать в этом случае к силе.

Крестьяне в темных своих понятиях составили идею ожидания какой-то новой, окончательной воли, и если принимают грамоту, то всегда с принуждением, без малейшего убеждения в необходимости, считая притом все эти обязательства как натяжкой со стороны помещиков и даже лиц, поставленных обязанностию в соприкосновение по крестьянскому делу. Такое, по их понятию, притеснение они могут терпеть, и то в виде снисхождения, только по 19 февраля будущего 1863 года, после чего, с полною уверенностию в правоте своего поступка, намерены прекратить совершенно всякую повинность помещику за наделенную им землю, как издельную, так и оброчную.

Все места постановления (кроме в обширном смысле слова «воля»), которые касаются хоть малейшего пожертвования с их стороны, они считают вышедшими не далее, как из губернского присутственного места, где заседают такие же заинтересованные лица, как и их помещики, а уставную грамоту понимают не более, как затею тех же лиц, и потому с явною неохотою, с упреками и подозрением за последствия, принимают до первого удобного

случая оставить без исполнения или в лучшей мере изменить ее, о чем от некоторых обществ возникали уже требования.

ИЗ ДОНЕСЕНИЯ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА БОГДАНОВИЧА ИЗ ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

⟨...⟩ Настроение умов вообще не совсем удовлетворительное. В сословии владельцев выражается большею частию неудовольствие по случаю опасений за положение их с семействами по истечении двух лет обязательных отношений к ним временнообязанных крестьян, которые в последнее время более и более высказывают, что после двух лет вся земля будет их, и в настоящее время почти повсеместно они отказываются от всех условий и ждут, как они выражаются, «случного часу». Владельцы, не понимая, что под этим крестьяне разумеют, многие опасаются, чтобы они не посягнули на их собственность с какою-нибудь преступною целию. От этого большая часть владельцев находится в тревожном состоянии и совершенно расстроена. Касательно же временнообязанных крестьян получаются почти из всех мест губернии сведения, что они везде единодушно говорят, что они на царский выкуп согласны и будут платить за землю польготно деньги[1], а на другое ни на что не согласны и поэтому не хотят принимать никаких грамот.

ИЗ ДОНЕСЕНИЯ ПОЛКОВНИКА ВАХА ИЗ ХЕРСОНСКОЙ ГУБЕРНИИ

⟨...⟩ Со временем обязательного введения уставных грамот во многих имениях Херсонской губернии стало проявляться упорное сопротивление крестьян к соглашению с владельцами. Крестьяне не отказывались от исполнения барщины в прежнем размере, но решительно восставали против перевода их на оброк. В этом видно опасение, не уступающее никаким убеждениям, что, став на оброк, они навсегда останутся в тех же к помещику отношениях, как оброчные крестьяне в великорусских губерниях. С своей стороны, они заявляют одну и ту же мысль: ожидать случного часа и стать на царский выкуп, с тем, чтобы помещику ничего не платить. ⟨...⟩ По распоряжению губернатора Клушина из селений, в коих обнаруживается подобное упорство, главных зачинщиков высылают в губернский город, где их употребляют на городские работы до тех пор, пока они не изъявят готовности повиноваться. Мера эта иногда удавалась.

ИЗ ДОНЕСЕНИЙ ОФИЦЕРОВ КОРПУСА ЖАНДАРМОВ «О ХОДЕ КРЕСТЬЯНСКОГО ДЕЛА В 1863 ГОДУ»

ИЗ ДОНЕСЕНИЯ ПОДПОЛКОВНИКА ЗАРИНА ИЗ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ

⟨...⟩ Из Санктпетербурга приехал крестьянин д. Коротыгинской Клеон Матвеев и привез Положение 19 февраля в красивом переплете с золотом. Он уверял, что в книге изложены новые правила и льготы для крестьян, а саму книгу называл золотою. По его словам, правила заключались в следующем:

1. Все вообще временнообязанные крестьяне должны владеть землею на 12 верст вокруг селений, в которых они проживают, а не ограничиваться 6-десятинною нарезкою, как указывают статьи высочайше утвержденного Положения 19 февраля 1861 года.

2. Не должны повиноваться гг. мировым посредникам и волостным начальствам, а управляться между собою по благоразумию.

Затем Матвеев сказал: через 3 года будет царский землемер и сделает царскую нарезку, а до тех пор уставные грамоты считать недействительными. ⟨...⟩

ИЗ ДОНЕСЕНИЯ ПОЛКОВНИКА ЛАРИОНОВА ИЗ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ

⟨...⟩ До сего времени крестьяне повсеместно, за небольшим исключением, ожидают еще нового Положения по истечении последних двух лет, данных на составление и окончательное введение в действие уставных грамот, равным образом и дворовые люди безземельные надеются на надел земли казенный, безвозмездный; в особенности заметно таковое ожидание крестьян, взявших меньший размер душевого надела, а также в том же предположении остаются крестьяне, получившие от владельцев в дар по одной десятине на душу, со включением усадебной земли. Затем состоящие на издельной повинности крестьяне работы производят неудовлетворительно.

«ВСЕПОДДАННЕЙШИЙ АДРЕС» ТВЕРСКОГО ДВОРЯНСТВА (1862 г.)

Ваше императорское величество, всемилостивейший государь!

Собравшись в первый раз после обнародования законоположений 19-го февраля 1861 г., тверское дворянство приветствует русского царя, который приступил к освобождению крестьян и искоренению всякой неправды на земле русской. Тверское дворянство объявляет торжественно, что искренно сочувствует

добрым начинаниям в[ашего] и[мператорского] в[еличества] и готово следовать за вами путем, ведущим к благоденствию русского народа.

В доказательство нашей готовности и полного доверия к лицу в[ашего] и[мператорского] в[еличества] мы решаемся представить на ваше благоусмотрение откровенное изложение наших мыслей без всякой лжи и утайки.

Манифест 19-го февраля, объявивший волю народу, улучшив несколько благосостояние крестьян, не освободил их от крепостной зависимости и не уничтожил всех беззаконий, порожденных крепостным правом. Здравый смысл народа не может согласить объявленной в[ашим] в[еличеством] воли с существующими обязательными отношениями к помещикам и с искусственным разделением сословий. Народ видит, что он со временем может освободиться только от обязательного труда, но должен оставаться вечным оброчным, преданным во власть тех же помещиков, названных мировыми посредниками.

Государь! Мы признаемся откровенно, что сами не понимаем этого положения. Такое громадное недоразумение ставит общество в безвыходное положение, грозящее гибелью государству. Что же мешает устранить его? В обязательном предоставлении земли в собственность крестьян мы не только не видим нарушения наших прав, но считаем это единственным средством обеспечить спокойствие страны и наши собственные имущественные интересы.

Мы просим привести немедленно в исполнение эту меру общими силами государства, не полагая всей ее тяжести на одних крестьян, которые менее других виноваты в существовании крепостного права. Дворянство в силу сословных преимуществ избавлялось до сих пор от исполнения важнейших общественных повинностей. Государь! Мы считаем кровным грехом пользоваться благами общественного порядка за счет других сословий; неправеден тот порядок вещей, при котором один бедный платит рубль, а богатый — ни копейки. Это могло быть терпимо только при крепостном праве, но теперь ставит нас в положение тунеядцев, совершенно бесполезных родине. Мы не желаем пользоваться таким позорным преимуществом и дальнейшее существование его не принимаем на свою ответственность.

Всеподданнейше просим в[аше] и[мператорское] в[еличество) разрешить нам принять на себя часть государственных податей, соответственных состоянию каждого. Кроме имущественных привилегий мы пользуемся исключительным правом поставлять людей для управления народом. В настоящее время мы считаем беззаконием исключительность этого права и просим распространить его на все сословия.

Всемилостивейший государь! Мы твердо уверены, что Вы искренно желаете блага России, и потому считаем священным долгом высказать откровенно, что между нами и правительством в[ашего] и[мператорского] в[еличества] существует странное

недоразумение, которое препятствует осуществлению ваших благих намерений. Вместо действительного осуществления обещанной Вами русскому народу воли Ваши сановники изобрели временнообязанное положение, невыносимое как для крестьян, так и для помещиков. Вместо одновременного и обязательного обращения крестьян в свободных поземельных собственников Ваши сановники изобрели систему добровольных соглашений, которые грозят довести до крайнего разорения и крестьян и помещиков. Они находят необходимым сохранение дворянских привилегий, тогда как мы сами, более всех заинтересованные в этом деле, желаем их отменения. Этот всеобщий разлад служит лучшим доказательством, что преобразование, требующееся ныне крайнею необходимостью, не может быть совершенно бюрократическим порядком.

Мы сами не беремся говорить за весь народ, несмотря на то, что стоим к нему ближе, и твердо уверены, что недостаточно одной благонамеренности не только для удовлетворения, но даже и для указания народных потребностей. Мы уверены, что все преобразования останутся безуспешными потому, что предпринимаются без спроса и ведома народа.

Собрание выборных земли русской представляет единственное средство к удовлетворительному разрешению вопросов, возбужденных, но не разрешенных Положением 19-го февраля.

Представляя на благоусмотрение в[ашего] и[мператорского] в[еличества] всеподданнейшее прошение о созвании Земского Собрания, мы надеемся, что искреннее желание общего блага, одушевляющее тверское дворянство, не подвергнется превратному толкованию.

С чувством верноподданнической преданности имеем счастье быть в[ашему] и[мператорскому] в[еличеству] верноподданные (далее подписи).

РЕЧЬ АЛЕКСАНДРА II 25 НОЯБРЯ 1862 г. ПЕРЕД ВОЛОСТНЫМИ СТАРШИНАМИ И СЕЛЬСКИМИ СТАРОСТАМИ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Здравствуйте, ребята! Я рад вас видеть.

Я дал вам свободу, но помните, свободу законную, а не своеволие. Поэтому я требую от вас прежде всего повиновения властям, мною установленным. Требую от вас точного исполнения установленных повинностей. Хочу, чтобы там, где уставные грамоты еще не составлены, они чтобы были составлены скорее к назначенному мною сроку. Затем после составления их, то есть после 19 февраля будущего года, не ожидать никакой новой воли и никаких новых льгот. Слышите ли? Не слушайте толков, которые между вами ходят, и не верьте тем, которые вас будут уверять

в другом, а верьте одним моим словам. Теперь прощайте. Бог с вами!

РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ЛИСТОВКА, ПРИЗЫВАВШАЯ СОЛДАТ РУССКОЙ АРМИИ НЕ ВЫСТУПАТЬ ПРОТИВ КРЕСТЬЯН ПРИ ПОДАВЛЕНИИ ВОЛНЕНИЙ

Сей циркуляр сообщайте друг другу.
Что надо делать войску?

4 сентября 1861 г. государь подписал приказ военным начальникам, как употреблять войско против народа, когда бить народ холодным оружием, когда пулей, когда картечью, когда войску слушаться полицейских чиновников, когда самим генералам командовать стрельбу по народу. Ясно: царь идет против народа!

Что же делать солдатам и офицерам?

Ничего не делать, т. е. не ходить против народа. Только этим войско может спасти Россию от бед и кровопролития.

Что станет делать царь, если солдаты не пойдут против народа? Разумеется, что поневоле отдаст народу и землю и волю, а ведь народ только из-за этого хлопочет. Стало, если войско не пойдет против народа, земля и воля достанутся народу без резни, без капли крови, спокойно.

Что станет делать царь, если солдаты пойдут против народа? Постарается не дать народу ни воли, ни земли, кровь польется реками, да еще кто кого осилит: народная правда или царский приказ — неизвестно, а солдатам от этого легче не будет.

Надо, чтоб солдаты помнили, что дело идет о земле и воле не только крепостных помещичьих крестьян, у которых по новому Положению земли урезали, а воли не дали, которых, стало, попросту сказать, обманули, дело идет также о земле и воле крестьян государственных, то есть крепостных казенных, удельных, фабричных и всяких приписных к царским заводам. Все они теперь живут крепостными у своего начальства, оно их и грабит, оно их и сечет, оно им и мешает управляться, как знают, самими собою своими выборными.

Земли, на которых они спокон веков сообща живут даром селами и деревнями, казна хочет им же вразбивку распродать за деньги. Земли, на которых никто не живет, которым малоземельным и в охоту бы заселить, земли государственные, вместо того чтоб дать на выселки за обычные подати, казна распродает своим чиновникам или раздает генералам. А все оттого, что царь государственные земли признает за царские и не хочет понять, что они не царские, а народные.

Стало, когда народ скажет: «Подати платить мы не станем на

общие нужды, отдайте нам нашу землю, чтобы всем было вдоволь, отрешите всякие барщины и оброки, дайте нам волю управляться как знаем, без помещиков и чиновников!» — народ скажет правду. Это не бунт, а требование жить по правде: это святое дело!

И за то, что народ это скажет, царь приказывает послать солдат против народа со штыком и саблей, с пулей, да картечью, проливать кровь отцов и братьев, матерей и сестер!

Солдаты должны помнить, что они взяты на службу насильно из помещичьих или из казенных крестьян, что их отцы и братья и теперь или помещичьи, или казенные, что и тем и другим нужна земля и воля. И вдруг солдаты пойдут их бить для того, чтоб царь мог у них отнять и землю, и волю для своих помещиков и чиновников! Да этого и быть не может, это противно смыслу и совести!

Не владей землей по праву и обычаю, не живи свободно и по совести, а живи, как царь велит, не владей ничем и будь рабом у помещиков и начальства — вот чего хочет царь от народа и для этого велит своим генералам учить солдата, чтобы бил поляков, как мужика.

А чего хочет поляк? Воли! А чего хочет мужик? Воли! Стало, они хотят одного и того же — воли! И за это их бить? Неужто нам помнить, что 250 лет тому назад поляки ходили на Россию[1] и через 250 лет все им мстить? Да только глупого человека, который бы в самом деле хотел мстить за то, что было 250 лет тому назад, у нас в народе и не сыщешь.

А в наше время не поляки ходили на Россию, а русские на Польшу, и не по своей охоте, а по приказу царскому. И для чего? Чтобы не смел поляк жить, как ему хочется, как ему удобнее. И из-за этого отнимают у нашего народа лучших парней в солдаты и тратят в убыток миллионы народных рублей, в поте лица трудом добытых.

Долго ли же будет нам поддерживать такую бессмыслицу и такое вздорство? Оттого царь и не дает русскому народу ни земли, ни воли, думает, что народ глуп, помогает ему и людьми и деньгами душить Польшу. И взаправду, пока русский солдат будет помогать царю душить Польшу, русский народ не будет свободен. Когда наш солдат поймет, что его брату, русскому мужику, нужна воля, тогда он поймет, что и поляку нужна воля, и оставит его мирно устраиваться у себя дома как знает.

Мешать поляку выйти на волю — все равно, что мешать мужику выйти на волю, и то и другое перед совестью — грех, а перед здравым смыслом — безумие. Дело честного русского войска не то, что мешать поляку жить по-своему, а помочь ему освободиться от немцев, которые держат его в неволе[2].

«Все это так,— скажут солдаты,— да как же ослушаться начальства?» Положим, что сам митрополит в полном облачении и с крестом в руке пришел бы к кому-нибудь и сказал бы: «Поди зарежь своего родного брата». Так тот сейчас пошел бы и зарезал? Нет! Всякий бы подумал, что митрополит с ума сошел, или сам

злодей, или клятвопреступник, играющий крестом и облачением.

А что же сделать, когда начальство приказывает солдатам идти против народа? Велит идти зарезать родного брата? Только что у начальства нет святости, которой [можно] бы слукавить и ввести человека в грех, и вместо облачения — немецкий мундир с эполетами, и вместо креста — шпицрутен! «Да это-то и страшно,— скажут солдаты.— Начальство высечет». И это скажут люди, которые не боялись ни турецких, ни французских пуль! Сотни тысяч от них недавно в Крыму костьми легли[3] их товарищи за то, что Николаю Павловичу вздумалось повздорить с французом. А тут, когда надо спасти народ русский от кровавой напасти, вдруг стало страшно и кого же? Начальства! Стыд какой! И с чего же страх-то? Ну, скажет генерал: «Стреляй по народу!» А солдаты скажут: «Не хотим, грех!» Что же сделает генерал? Сам струсит, повернет лошадь да и ускачет. «Да! Ускачет да приведет другое войско!» А если и другое войско не пойдет? Тогда что? Ну, тогда очень просто. Народу отдадут землю и волю без всякого кровопролития. Видите, что пустой страх может наделать беду и пролить неповинную кровь народа, чтобы отнять у него его достояние, а если солдаты без всякого бунта мирно и твердо скажут: «Не возьмем греха на душу, не пойдем против народа», все будет спасено — и спокойствие России, и воля народная, и достояние народное. Ведь наказать одного солдата за пьянство легко, а наказать сто человек за любовь к народу — мудрено, а тысячу — и того мудренее, а сто тысяч, а шестьсот т[illegible] и способа нет.

Да и где тут выбор — идти или не идти против народа! Кто сечет солдат? Начальство. Кто вычитает из жалованья промен крупных бумажных денег, которые и без того с каждым днем стоят все меньше и меньше, а солдатам выдается рубль на рубль? Начальство. Кто крадет муку с припека? Начальство. Кто не платит мужикам за прокорм солдата за время постоя? Начальство. А ведь, чай, солдат родился не в генеральской или полковничьей квартире и не у ротного командира в палатке, а в народной избе. Кто вскормил его детство? Народ. Кто вырастил его и делил с ним радость и горе? Народ. Кто плакал по нем, когда сдавали его в рекруты? Народ. Кто дает царю деньги на его содержание? Народ. Кто и помимо того его кормит во время постоя? Народ.

И в этот народ солдат станет стрелять по приказу этого начальства? Быть не может!

А еще как подумает: имеет солдат пятнадцать лет на службе, а домой придет бессрочным ли или в чистую отставку — нет у него ни кола ни двора; царь и начальство за службу, за битье да проголодь даже не подумали, где его приютить. Если теперь солдат не пойдет против народа и, стало, народ спокойно получит землю и волю, конечно, всякая деревня выделит своему отставному солдату его участок земли и примет его как брата, и не пойдет

он бездомником наниматься в холопы или питаться подаянием. Да не только своего, а и того, что из дворовых или из мещан на службу поступил, любая деревня, где земли вдоволь, охотно примет его и даст у себя и место на избу, и надел в поле.

А пойдет солдат против народа, тогда уж не пеняй: не с чего мужику принять его как брата, а разве как врага лютого. И останется он народу ненавистным, нигде не терпимым, бездомником. А царь и начальство по-прежнему скажут: «Службу справил, ну и прощай! Живи, как знаешь, чем бог послал, нам теперь ты не нужен». И какая же выгода в этой службе? Та ли выгода, что теперь начальство в Варшаве позволяет солдату средь белого дня с поляка часы стащить? Да ведь это только мерзко, часы солдат пропьет и в отставку все же пойдет нищим да еще гнусным воришкой и разбойником. Начальство говорит солдату: «Будь мерзавцем, грабь твоего брата, только помоги нам его зарезать, а отслужил, ступай на все четыре стороны, как вечный жид на скитание!»

Мы говорим солдату: «Спаси своего брата, не режь его, не грабь его, будь чист перед совестью, и будет тебе дан у народа приют безбедный, пока жив, и будет твоя кончина не постыдная и мирная». Что лучше, сами судите. «Да,— скажут солдаты,— не идти против народа, когда царь приказывает, может, против присяги».

Есть две присяги настоящие: одна, которую каждый человек принимает на себя, родившись,— это присяга ограждать народ, в котором он родился, от всякого врага и насилия. Это присяга природная. Другая присяга добровольная. Если кто даст обет богу — сходить ли помолиться, или помочь брату в несчастии, такой присяги не сдержать — грех. Сам захотел ее дать, так и держи слово. А третья присяга — приказная: ее дают со страху и против собственной воли. Человек или сам не знает, в чем клянется, или со страху лжет. Это не присяга, а обман.

Хорошо еще, если ради этой присяги скажут: «Ступай, спасай свой народ от врага», тогда она согласна с присягой природной.

А если скажут: «Ступай, стреляй по своему народу», тогда эта присяга противна присяге природной и становится клятвопреступлением.

Разве Бог наустил Каина убить брата своего Авеля или другой кто? А что же делает царь, когда, играя присягой, посылает солдата против народа, как же не то, что посылает Каина убить брата своего Авеля? Нет, тут уж чутьем слышится, что тот солдат или офицер, который станет стрелять по народу (русскому ли, польскому ли), просящему воли, будет проклят, как Каин.

А офицеры?

Офицеров много хороших, которые любят народ и готовы отступиться от всех своих барских выгод в его пользу, а поэтому и любят солдата,— эти, верно, не поведут его против народа. Есть много и дурных, которым побить мужика и солдата и ограбить их

нипочем. Есть много и таких, которые ни то ни се, готовы пристать к хорошим, а, пожалуй, пойдут и за дурными. Дело хороших крепко соединиться между собой и решить не идти против народа. Тогда и те, которые ни то ни се, пристанут к ним и тоже не пойдут против народа. Да и выгоды им нет помогать правительству, которое запирает школы, где их сыновья и братья могли бы обучаться, или заставляет платить за ученье деньги, которых они платить не в силах.

А дурные, дурные пусть покаются, пока есть время, да не только слезами — плакать всякий ханжа умеет,— а делом, то есть перестанут бить и грабить солдат и откажутся вести их против народа. Ведь если они пойдут против народа, начнется резня, и головы их же братьев помещиков и сестриц помещиц полетят ни за что ни про что, а не пойдут — все обойдется мирно, народу отдадут землю и волю и помещиков оставят в покое и дадут им пособие из общих государственных доходов; стало, никто обижен не будет.

Говорят, что гвардия содержана лучше, чем армия, и готова разорвать народ на части по приказу царскому.

Не верим. Содержана она лучше, а формами да ученьями измучена хуже, так что особой любви и нежности к начальству гвардии иметь не с чего. Да и не верим мы не потому, что она измучена ученьями, а потому, что и она греха и срама на себя не положит, Каином не будет, вспомнит, что она не царские наемники без роду и племени, а своего народа дети и защитники. Пора понять, что гвардия и армия — все равно солдаты, которые родились в народе и пошли служить на защиту, а не на гибель народу. Стало, дело солдатское не мешать, а помочь народу получить волю и землю. Царь подписал приказ, как и когда бить народ... С чего же ему вздумалось отдать такой приказ и велеть напечатать? Стало, он боится народа. Положим, что первый полк, который откажется, будет распущен, как в старину Семеновский или Московский полк[4]. Но зато все другие полки последуют его примеру, и кровь народная не прольется. А и то сказать, что распустить его и не посмеют, да и не посмеют и не дать народу земли и воли. Положим, что первого офицера или солдата, которые откажутся стрелять по народу, сошлют на каторгу, или прогонят сквозь строй, или расстреляют. Есть из-за чего и пострадать: умели страдать в Севастополе за ничто[5], а тут за народное дело не пострадать — стыдно. Ну, пусть одного, двоих расстреляют, зато другие офицеры и солдаты последуют их примеру, кровь народная не прольется, а имя их запишется наряду со святыми мучениками. А и то сказать, их ни сослать, ни наказать, ни расстрелять не посмеют, потому что все войско последует их примеру. Еще раз скажем: одного наказать за пьянство легко, а наказать сто человек — мудрено, а тысячу человек — и того мудренее, а сто тысяч, а шестьсот тысяч —

и способу нет. Стало, что же делать войску после царского приказа 4 сентября?

Спасти Россию от кровавой напасти, не мешать народу спокойно получить землю и волю, то есть твердо и мирно стоять, ничего не делать и не идти против народа.

Спасем же народ и благословим достояние его!

В С.-Петербурге.

ВОЗЗВАНИЕ К КРЕСТЬЯНАМ «ДОЛГО ДАВИЛИ ВАС, БРАТЦЫ!» (ноябрь 1862 г.)

Долго давили вас, братцы, мучили работой, секли розгами да кнутами, водили жен ваших и дочерей ваших к барину; все вы терпели, все надеялись, что-де батюшка царь вспомнит об нас, бедных, да защитит нас. Вот и вспомнил об вас царь: написал пять лет тому назад манифест[1]: хочу-де крестьян освободить. Поверили вы царскому слову и уж как-то, сердечные, молились богу за своего избавителя, а царь тем временем собирал советы из помещиков, судил да рядил с ними, и наконец дал вам волю. Прочитали вам эту волю, пораскинули вы умом-разумом да и призадумались. Ничего-то тут не поймешь, что это за воля такая. Вольные вы люди стали, только земли-то вам не дали, а хотите иметь землю, так выкупайте ее на свои кровные денежки. Вольные вы люди стали, и уж помещик не смеет вас тронуть, да может он пожаловаться начальникам, а те хоть полдеревни готовы передрать и сослать в Сибирь. Не поверили вы этому, не поверили, чтобы царь обещал волю дать и не сдержал своего слова царского; и подумали вы, что обманывают вас помещики да чиновники, что не царский указ они вам читают. И послал царь вразумлять вас своих генералов, и стали они вразумлять вас розгами, да солдатскими штыками, да пулями. Да уж больно было, видно, на царя-то понадеялись, и пули-то не разуверили вас. Наконец, царь сам в Полтаве велел собрать волостных голов и сказал им: «Дошли до меня слухи, что вы ждете чрез два года какой-то новой воли — никакой вам больше воли не будет», да велел еще это и в газетах припечатать. Сентября нынешнего года праздновал царь в Новгороде тысячелетие России. Некоторые из вас думали, что будет милостивый манифест и что царь даст наконец волю. А он в Новгороде-то сказал народу опять то же, что и в Полтаве: «Вы все ждете новых благодеяний, не ждите ничего больше, а торопитесь сделками с помещиками». А вместо милостивого манифеста назначил рекрутский набор. Вот вам и надежа-государь!

Нет, братцы, плоха надежда на нашего царя-батюшку. Вспомните-ка сами, кто его советники? Бары да помещики. Так

кто же ему про вашу нужду расскажет? Да коли кто и скажет ему, да коли он и захочет что сделать для вас, те же бары-помещики помешают. Хотел он освободить вас, собрал совет из помещиков, вот они-то вас и освободили. Вы думали, что царь на то и царь, чтоб слабых защищать от сильных, бедных от богатых; а на деле-то выходит, что он вместе с сильными бьет слабых, вместе с богатыми обворовывает бедных. Пророк Самуил сказал народу израильскому, когда советовал ему обойтись без царя: «И поставит [царь] тебе сотники и тысячники, и дщери ваши возьмет в мироварницы и поварницы, и села ваши и винограды ваши, и масличная ваша драгая возьмет и отдаст рабом своим; семена ваши и винограды ваши одесятствует, и стада ваша благая возьмет и одесятствует на дела своя; и пажити ваша одесятствует и вы будете ему рабы» (1-я Книга Царств, гл. 8). И наш царь оказывается, значит, царем самуиловским. Полноте, братцы, утешать себя пустяками, полно надеяться на такого государя.

Вы скажете: на кого же нам надеяться? Надейтесь, братцы, на самих себя, да и добывайте себе волю сами. Только помните, братцы, что не следует до поры до времени затевать дело по кучкам — эдак кроме беды ничего не добудете. Приведут солдат, велят им стрелять по вас, одних убьют, других изувечат, третьих сошлют в каторгу, а остальных опять отдадут помещикам, и последние будут горше первых, и себя сгубите, и другим пользы не принесете. Другое дело, как все разом скажете: «Будет, мол, терпеть-то нам от бар и от чиновников. Довольно от них потерпели — время и отдохнуть». Да и как все в один голос потребуете себе волю вольную, так отказать не посмеют, и царь со всем своим войском не в силах будет защитить своих холопов, бар да чиновников. Подумайте-ка, братцы, ведь одних помещичьих крестьян 23 миллиона да государственных 30 миллионов, а войска до 500 тысяч. Только не торопись, братцы, чтоб не испортить дело. Прежде пообдумайте да соберитесь с силами. Знайте, братцы, что и между кафтанниками есть такие, у которых болит сердце за вас, которые всем, чем могут, готовы помочь вам. Они-то и посылают вам этот листок; они же вам и напишут, когда все будут готовы подняться за святое дело, за волю вольную.

А когда все вы будете готовы стоять твердо за свое дело, тогда царь не посмеет отказать вам ни в чем и тогда можно будет от него потребовать все, что вам нужно и чего теперь не дают вам.

Теперь царь заставляет вас выкупать себе землю; и вы ее спокон веков возделывали, не зная отдыха, сколько раз отстаивали от врагов, не жалея своей крови, следовательно, она и без выкупа ваша. Тогда и потребуйте, чтобы землей владели вы, а не царь да помещики.

Теперь податями вас совсем разоряют; а зачем собирают царь да чиновники эти подати и куда их тратят — ничего не знаете. Тогда можно будет потребовать, чтобы подати назначались и расходовались не царскими чиновниками, а вами же самими,

через выборных людей, которые и будут в каждой копейке вам отчет отдавать.

Теперь же для того, чтобы судить да разбирать вас, царь держит чиновников и платит им жалованье из ваших же денег. А что вы видите от этих чииовников? Кроме притеснений, ничего. Тогда можно будет потребовать, чтобы не было этих чиновников, чтобы вас судили и разбирали не царские чиновники, а ваши же выборные люди.

Вот тогда-то, братцы, вы и будете жить без горя, вот тогда-то и будет настоящая воля. Вот такую волю и надо от царя требовать, вот за нее-то и надо стоять до последних сил.

Н. П. ОГАРЕВ
ВСЕМУ НАРОДУ РУССКОМУ, КРЕСТЬЯНСКОМУ ОТ ЛЮДЕЙ, ЕМУ ПРЕДАННЫХ, ПОКЛОН И ГРАМОТА

Прошло два года с «Положения о выходе из крепостной зависимости».

Что же в эти два года сделано? Дана ли крестьянам земля? Дана ли воля? Дана ли та земля, которая по правде не чья иная, как крестьянская, народная? Дана ли та воля, которая по правде народу приходится?

Землю русскую заселяли не царь и не казна, не дворяне и не чиновники. Землю русскую заселял народ русский. Земля — дело, Богом народу данное, и в писании сказано: «Множитесь и заселяйте землю».

А что же в эти два года сделано? Уставные грамоты насильно и облыжно подписаны, земля у народа урезана, оброки повышены; позволен выкуп, т. е. за свою же землю крестьяне должны денежки заплатить, да еще не по своей оценке, а по чиновничьей. Сбираются заставить и государственных крестьян за свои же земли казне выкуп заплатить, знать, казна-то помещик! Нет, это не Божье дело, это насильство властей, не от Бога поставленных.

Воля народная значит, что народ должен управляться мирским согласием да своими людьми выборными, а не приказными людьми и не помещиками. Землею владеть без всякого оброка и выкупа, каждому с мирского согласия безобидно. Денежный сбор на общее дело вершить с общего согласия и по мирской раскладке, а не отдавать последнее достояние чиновникам, чтоб тратили — куда никому не известно, или попросту сказать — грабили.

Воля значит,— чтобы суд был вершим людьми выборными, которым народ верит, вершим по совести человеческой и по разуму народному, а не навязан приказными, неведомо отколь взятыми, народом не прошенными,— судящими по законам, неведомо кем и для кого писанным.

Воля значит, чтобы не было насильной рекрутчины, чтобы солдат был поставлен для охраны той области, где родился и, прослужив охотно свой год на пользу своих же кровных сел и городов, возвращался бы в свою семью, на свою землю; вдаль ходил бы только, когда война есть неминучая. А не то, что теперь: когда рекрута уводят на долгие годы в дальние места и в мирное время ставят постоем на грабеж народа да еще заставляют стрелять по крестьянам.

Воля значит — чтоб не было паспортов да стеснений; когда что надо взыскать, миром взыскивалось бы с урожая да с имущества, а человек был бы волен идти, куда ему сподручно и выгодно, без того, чтобы ему чиновники пути заказывали, да на заработок не пущали, да семью в разор разоряли.

А что для этой настоящей воли народной в эти два года сделано?

Да только то, что когда народ об ней затолковал, то послали солдат пороть крестьян, по крестьянам стрелять да захваченных как преступников али собак каких расстреливать. Так было в Казани, в Пензе, в Смоленске и почитай что везде. А царь сам ездил по России, помещикам говорил, что он и сам помещик, а крестьянам объявил печатно в газетах и изустно сам своей царской речью, что другой воли народу не даст, кроме той, которую уже дал, т. е. той, где народ за свою же землю деньги заплатит, а если вздумает пенять на неправду, то быть ему битому и расстрелянному!

Хороша воля!

Нет, батюшка царь, эдак земские-то цари не поступают; это впору только заморским пришельцам да антихристам.

А ты лучше созови Земский собор из людей, народом без всякой сословной розни выбранных; пусть они и решат, и как землею владеть и как волю народную учредить. Тебе, батюшка-царь, одному с вельможами этого дела не решить. Тут надо не канцелярский приказ, секретарями писанный да князьями подписанный; тут нужен общий совет, крестьянский ум да народный толк, нужен Земский собор.

Ах, родимые, родимые! Как бы не так! Даст он вам Земский собор! Не Земский собор он даст, а опять пошлет солдат пороть крестьян да расстреливать, чтобы не было другой воли, кроме той неволи, которую русские писаря из немцев за приказным столом сочиняли.

Ну! Так не пеняй же, государь-батюшка Александр Николаевич, если народ и без твоего соизволения сам свою землю да волю возьмет, сам свой Земский собор созовет. Ты за нас не стоишь, видно, Бог велит нам всем самим за себя постоять. Быть воле Божией!

Кто же с нами, с народом, и кто против народа? Надо счесться.

Против народа большая часть дворян и чиновников, бояр

и князей, все те, которые хотят себе царя-барина, царя-помещика, а не Земского собора и не земского управления.

Но в эти два года нашлись и из дворян люди, народу преданные; они просили царя, чтобы дал всем права равные, отрешил бы льготы дворянские, уничтожил бы рознь сословную. Их царь за это в тюрьму засадил и судить велел как бунтовщиков[1].

Нашлись и офицеры, которые стали уговаривать солдат не стрелять по крестьянам, а стоять за народ. Нашлись и сочинители, которые писали в пользу народа, отстаивали его землю и волю.

Число их, может, и не больно большое, но и не малое. Да велика у них была твердость духа и вера в правоту дела народного.

И вот они собрались и поклялись перед святым крестом и Евангелием послужить народу русскому, отстоять его землю и волю противу всяких немцев и вельмож и царю доказать, что дело народное — дело правое, и добиться до созвания Земского собора.

Собрались они и стали промеж себя деньги собирать на общее дело и посылать во все концы России гонцов — собирали бы людей, народу преданных, проповедовали бы землю и волю народную, офицеров и солдат повещали бы присягать, что не станут стрелять по крестьянам, а будут стоять за них твердо и пойдут на помощь делу народному.

Пускай царь называет нас бунтовщиками, сажает в крепость да ссылает на каторгу; пускай полицейские ярыжки стараются чернить нас даже в глазах народа, будто мы и изменники-то и поджигатели-то, пускай возводят на нас всякую дьявольскую ложь и клевету. На правом деле благословение Божие, и вот же — несмотря на козни супостатов — круг людей, народу преданных, растет не по дням, а по часам, умножается число, крепнет духом и силой.

Скоро, братья крестьяне, скоро услышите вы, что везде собирают ополченья, земля отдается крестьянам, учреждается свободное, мирское управление. Тогда, значит, час настал, мы готовы и вышли на дело. В ту пору мы опять вас вот таким же листком повестим. И тогда благословясь идите с верой за свою правду народную.

А до тех пор будьте мудры, яко змии. Не портите дела вразбивку. Не восставайте отдельными селами. Вразбивку вас задавят. Мы повестим вас только тогда, когда все силы будут собраны и мы вместе можем спокойно требовать того всего, что народу по правде приходится, не боясь ни вельможеских козней, ни царских отказов.

Да еще до тех пор не забудьте, когда рекрут ставите, берите с них присягу по совести, что никогда по народу стрелять не станут и крестьян пороть не пойдут.

Сходитесь, рассуждайте, сговаривайтесь. Помечайте людей,

народу преданных, и давайте знать о них и сближайтесь с ними. Помечайте людей, народу враждебных, и давайте знать о них, чтобы и мы от них отстранялись: избегали их предательства и выставляли бы имена их на позор человечеству. А их будет немало — вельможи да чиновники и все те, которые нас называют бунтовщиками за то, что мы им мешаем высасывать кровь народную, терзать народ судом бессудным и управлением разбойничьим да отнятием у крестьян земли в свою боярско-чиновничью пользу; все те, которые ненавидят нас и преследуют за то, что мы с первого же шага объявляем о признании за народом земли и воли.

Но не страшны нам враги народные и не перестанем мы добиваться до созвания Земского собора, на котором будет провозглашено:

1) Отдача крестьянам земли без выкупа.

2) Отрешение чиновников и замена их людьми, народом выбранными.

3) Совершенное уничтожение розог и всякого сечения.

4) Уничтожение рекрутчины и устройство народного ополчения.

5) Запрет — чтобы без согласия народного Земского собора нельзя было налагать ни податей, ни пошлин и чтобы без его ведома никуда правительство денег не тратило.

6) Свобода веры.

7) Уничтожение всякой сословной розни, чтоб не было ни дворян, ни крестьян, ни мещан, а был бы только под одно народ русский.

И многое, многое еще должен рассмотреть и решить Земский собор, где бы он ни собрался, в Москве ли или где придется.

И еще раз повторяем, братья-крестьяне, готовьтесь покуда втихомолку. А придет великий, ослушной час, не выдайте правого дела. Все вместе — и солдатушек всех с собою возьмите да двинемтесь за землю и волю народную, и воскреснет Бог, и расточатся враги его.

ИЗ «ОТЧЕТА ПО ГЛАВНОМУ КОМИТЕТУ ОБ УСТРОЙСТВЕ СЕЛЬСКОГО СОСТОЯНИЯ ЗА ДЕВЯТИЛЕТИЕ С 19 ФЕВРАЛЯ 1861 Г. ПО 19 ФЕВРАЛЯ 1870 Г.»

В Положениях о крестьянах отмечен девятилетний срок со дня утверждения сих Положений, истекший 19 февраля 1870 года. С этого срока теряют свою силу некоторые временные правила, установленные в Положениях для предупреждения на первых порах после прекращения крепостной зависимости излишнего стремления крестьян покидать свои наделы в помещичьих имениях. С прекращением в 1870 году действий этих правил

устраняется из Положений 19 февраля 1861 года то, что было в них переходного, и сии Положения, не требуя при этом никаких изменений, остаются как коренной закон, окончательно определяющий устройство крестьян в России.

При издании закона 19 февраля 1861 года ваше императорское величество изволили высшее наблюдение за его исполнением возложить на учрежденный в то же время под непосредственным ведением вашего величества Главный комитет об устройстве сельского состояния.

Считаю долгом всеподданнейше представить вашему величеству в кратком обзоре отчет о деятельности сего Комитета за девятилетний срок, ныне истекший.

I

Учреждение Главного комитета

Уничтожение крепостного права, как основа к улучшению быта крестьян и исходное начало для всех других необходимых в государстве преобразований, составило первейшую заботу вашего императорского величества. Предстояло дело великое, ибо оно долженствовало дать свободу и гражданские права населению в двадцать с лишком миллионов людей*; трудное, ибо надлежало согласовать противоположные материальные интересы в 100 528 помещичьих имениях**, сложное, потому что необходимо было применить новый закон к хозяйственным и бытовым условиям страны столь обширной, как Россия.

3 января 1857 года ваше императорское величество изволили объявить собранным в присутствии вашего величества лицам свое решение приступить постепенно к освобождению в России крепостных крестьян. Тогда же учрежден для приготовительных к сему делу работ из вышеозначенных лиц в непосредственном ведении вашего императорского величества особый Комитет, который 16 февраля 1858 года наименован Главным комитетом по крестьянскому делу.

Ход дела в означенном Комитете не относится к предмету настоящего отчета. Комитет этот окончил свои занятия на исходе 1860 г., представив в Общее собрание Государственного совета проекты Положений о крестьянах, составленные на основании работ губернских дворянских комитетов, состоявших при Главном комитете, Редакционными комиссиями и Главным комитетом рассмотренные. Но затем надлежало одновременно с обнародованием сих Положений устроить наблюдение за введением их

* По 10 ревизии числилось крепостных крестьян 9 804 999, дворовых 723 725 душ мужского пола.

** В том числе мелкопоместных (до 21 души) 40 785, средних (от 21 до 500 душ) 56 000 и крупных (свыше 500 душ) 3743.

в действие и определить порядок разъяснения вопросов, которые при этом встречались. Необходимо было также установить порядок разработки и разрешения целого ряда законодательных мер касательно применения новых законоположений о помещичьих крестьянах к прочим сельским сословиям, ибо с самого начала крестьянского дела вашим императорским величеством выражена была положительная воля, чтобы все сельское состояние в России получило одинаковые права и одно общее устройство и управление.

По обсуждении этих вопросов в заседании Совета Министров и Главного комитета по крестьянскому делу 21 января 1861 г. под личным вашего императорского величества председательством ваше величество соизволили решить: одновременно с закрытием Главного комитета по крестьянскому делу учредить Главный комитет об устройстве сельского состояния — и повелели указ о сем представить к высочайшему подписанию вашего величества со всеми проектами по устройству быта помещичьих крестьян, дабы не только помещичьи крестьяне, но и все крестьяне других ведомств, и вообще сельское сословие в России видело и знало, что правительство одинаково заботится об устройстве быта их и об улучшении их состояния.

19 февраля 1861 года ваше императорское величество соизволили подписать и указ об учреждении Главного комитета об устройстве сельского состояния.

Соответственно вышеизъясненным целям на обязанность Главного комитета возложено:

1) Высшее наблюдение за введением в действие утвержденных вашим величеством законоположений о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, и разрешение всех вопросов и недоразумений, кои при этом могут возникнуть. Для сего Министерство внутренних дел, в котором сосредоточено ближайшее наблюдение за введением в действие Положений о крестьянах, обязано доводить до сведения Главного комитета о ходе этого дела вообще и представлять на обсуждение оного все те вопросы, кои могут при этом возникать и разрешение коих требует предварительного рассмотрения в порядке законодательном и исполнительном.

2) Рассмотрение разных проектов законоположений, кои должны быть составлены в дополнение Положений о крестьянах.

3) Составление и рассмотрение предположений об устройстве крестьян государственных, дворцовых, удельных, заводских и всех других.

4) Высшее наблюдение за введением в действие Положений о сих крестьянах по утверждении оных, а также разрешение могущих возникнуть при сем вопросов и недоразумений. Для сего министерства, заведующие теми крестьянами, имея ближайшее наблюдение за введением этих Положений в действие, обязаны также, каждое по принадлежности, доводить до сведения

Главного комитета о ходе дела и представлять на его обсуждение возникающие при этом вопросы.

5) Составление и рассмотрение общего сельского устава и общих предположений, касающихся сельских сословий, заведываемых разными ведомствами и управлениями.

Главный комитет находится под непосредственным ведением вашего императорского величества. Он состоит из непременных членов, участвующих в Комитете по своей должности, и из других лиц, назначенных членами Комитета по непосредственному усмотрению вашего величества. Председательствует тот из членов Комитета, который для сего вашим величеством назначен.⟨...⟩

III

Общий обзор дел, в Главном комитете рассмотренных

⟨...⟩ Вникая в общий характер дел, составляющих предмет занятий Главного комитета в продолжение первого девятилетия, можно разделить его деятельность на три периода. В первом периоде, обнимающем 1861 и 1862 годы, внимание Комитета было сосредоточено премущественно на введении в действие Положений 19 февраля, на разъяснении некоторых их статей и на разрешении вопросов, возникавших при применении их к частным случаям. Второй период обнимает 1863 и 1864 годы. В это время поступила на первый план государственная потребность немедленного прекращения обязательных отношений крестьян к бывшим владельцам в губерниях Западного края. Посему и в деятельности Главного комитета первенствующее значение имело установление мер, для сей цели необходимых. Наконец, в третьем периоде, начиная с 1865 г., существеннейшая часть работ Комитета посвящена была устройству разных крестьянских сословий, не принадлежавших к крепостному состоянию. Само собою разумеется, что этим характеризуется лишь направление деятельности Главного комитета в означенные периоды.⟨...⟩

VI

Недоразумения крестьян в первое время по обнародовании Манифеста

Недоразумения крестьян, знавших о дарованной им свободе, но еще не успевших освоиться с практическим назначением нового закона, стали обнаруживаться в особенности с открытием весною полевых работ. Недоразумения эти являлись в тех имениях, где крестьяне состояли на барщине или отбывали работы помещику сверх оброка. Сколько видно из доходивших до Главного комитета сведений, не было случаев, чтобы крестьяне отрицали право помещиков получать с них определенный оброк, но в них

возникало сомнение, совместно ли отбывание барщинной работы с новым их положением и требование с них таких работ не нарушает ли данные им права? В большинстве случаев подобные недоразумения устранялись простым объяснением, и крестьяне после непродолжительного колебания выходили на работу. В некоторых же случаях это колебание переходило в упорство, вызывавшее употребление полицейских мер строгости или введение войск в наиболее упорствующие селения.⟨...⟩

VII

Решения Главного комитета по применению Положений (апрель — июль 1861 года)

Главный комитет, сознавая, что на первых порах по возвещении отмены крепостного права некоторое замешательство в помещичьих имениях было неизбежно, считал себя призванным охранять неприкосновенность нового закона. Высказывалась в то время со многих сторон мысль, что Положения 19-го февраля по своей обширности и по самому складу языка, каким они написаны, не довольно доступны народу, и потому в Главный комитет внесено было предупреждение издать этот закон в извлечении, написанном простонародною речью. Но Главный комитет нашел, что там, где идет дело об определении взаимных прав и обязанностей, нужна совершенная полнота и точность выражений, и признал невозможным допустить такую меру, которая запутала бы понятия. Равным образом отклонено предложение дворянства одной губернии, которое для пресечения ослушания крестьян ходатайствовало, чтобы для объявления им сделано было одностороннее извлечение об обязанностях крестьян.⟨...⟩

Кроме того, Главным комитетом разрешены в это время некоторые другие возникавшие на местах вопросы. Разъяснен порядок отправления подводной повинности, сохраненной в пользу помещиков до 15 марта 1862 года; разъяснено, какие из дворовых людей в мелкопоместных имениях имеют право на надел (26 апреля); разъяснено, что дворовые девицы и вдовы имеют право и во время 2-летнего обязательного срока выходить замуж за посторонних лиц, освобождаясь вместе с тем от всяких обязательных к владельцу отношений (1 июня); разъяснены права и обязанности крестьян, взятых помещиками во двор до обнародования Положений (6 июня).⟨...⟩

VIII

Крестьянское дело во второй половине 1861 года

В июне, по мере открытия действий мировых посредников и устройства общественного управления крестьян, недоразумения

прекращались и случаи волнений становились все более и более редкими. Так как оказывалось, что волнения между крестьянами во многих местах были последствием злонамеренных внушений и толкований, то в виде временной меры губернским присутствиям предоставлено по предложениям губернаторов удалять на время до двух лет из мест жительства лиц, подстрекавших крестьян к неповиновению и беспорядка, представляя о каждом таком случае на разрешение Министерства внутренних дел.⟨...⟩

Но хотя порядок восстановлялся, однако, во многих местах обнаруживалась между крестьянами мысль, что отбывание повинностей с них требуется еще только на два года и что после сего срока будет им объявлена новая воля. Ваше императорское величество изволили во время путешествия в Крым лично разъяснить крестьянам, являвшимся на встречу вашему величеству, всю неосновательность этого толка, и слова ваши, государь, много содействовали успокоению умов. Для распространения в народе сведения о словах вашего величества, сказанных крестьянам, Комитет испросил разрешение объявить о том повсеместно особым циркуляром.

Поступившие из губерний сведения как о первых действиях мировых посредников, так и о порядке открытия волостей, устройства волостных правлений и судов и выбора в общественные крестьянские должности были в значительном большинстве случаев весьма удовлетворительны. Полевые работы шли почти везде исправно и успешно.⟨...⟩

X

Ход крестьянского дела в 1862 году. Вопросы, возникавшие по случаю введения уставных грамот

В 1862 году деятельность мировых учреждений, так же как и внимание Главного комитета, сосредоточились преимущественно на составлении и введении в действие уставных грамот. Дело это в губерниях великорусских, малороссийских и новороссийских пошло вообще с замечательным успехом. К концу установленного для сего двухлетнего срока введение в действие уставных грамот было окончено в 10-ти губерниях, а в 19-ти губерниях более трех четвертей крестьян получили грамоты.

Весною и летом 1862 г. обнаруживались еще в разных местах беспорядки, заключавшиеся в отказе крестьян принять уставную грамоту и исполнять определенную в ней повинность. Такое совпадение имело, как оказывалось при разборе такого рода дел, неизменным источником ложные слухи о предстоящей будто бы по истечении двух лет «новой воле» и предположение крестьян, будто с принятием уставной грамоты они лишают себя прав, с «новою волею» связанных. Но все эти беспорядки легко и скоро прекращались, и во второй половине 1862 г. уже почти нигде не было заметно волнений.⟨...⟩

В числе дел прежнего, крепостного времени, возникавших при составлении уставных грамот, самые многочисленные и важные были дела, касавшиеся земель, купленных крестьянами на их собственные деньги, но показанных по купчим и другим формальным актам собственностью помещика, так как крестьяне до закона 1848 года не имели права владеть недвижимым имуществом[1]. Означенный закон приглашал помещиков добровольно передать своим крестьянам формальное право на эти земли. Но как нельзя было не предвидеть, что в некоторых случаях помещики, частью по неведению, частью, может быть, и по другим побуждениям, стали бы присваивать себе крестьянские земли, то Положение 19-го февраля изъяло дела сего рода из общего правила, воспретившего крестьянам начинать иски и тяжбы по действиям и распоряжениям помещиков, совершившимся в силу существовавшего крепостного права; при этом право крестьян на предъявление таких исков ограничено было теми случаями, в коих они не пропустили десятилетней давности со времени приобретения недвижимого имущества[2].⟨...⟩ По мере составления уставных грамот, приводивших в определенную ясность взаимные поземельные отношения помещиков и крестьян, сии последние имели повсеместно случай заявлять свои права на земли, которыми они владели по прежним покупкам. Значительная часть помещиков, убедившись в правильности подобных заявлений, соглашались уступить бесспорно земли, не им принадлежавшие; но возникали и споры, и при сем оказывалось не раз, что, невзирая на пропуск десятилетней давности, справедливость иска крестьян была несомненна. Главный комитет, рассмотрев в январе 1862 г. одно из таких дел, особенно значительное по своей ценности (по Оренбургской губернии), признал необходимым употребить настояния, чтобы склонить помещика окончить это дело миролюбиво; в случае же неуспеха передать оное на решение дворянского собрания другой губернии в качестве Совестного суда с предоставлением недовольной стороне перенести дело на окончательное решение Общего собрания первых трех департаментов Сената в качестве Верховного совестного суда. В Полтавской губернии представлялись многие случаи, что бывшие крепостные крестьяне отыскивали в собственность земли, доставшиеся им по наследству от людей свободного состояния: разбор сих дел по положению Главного комитета 18 октября 1862 г. возложен на местное губернское присутствие в качестве высшего Совестного суда. Наконец, по одному делу, возникшему в Пензенской губернии, Главный комитет признал необходимым согласиться с заключением тамошнего губернского присутствия, которое ввиду особых обстоятельств признало справедливым укрепить спорные земли за крестьянами, хотя после приобретения земли эти перешли в составе целого имения к новому владельцу, а сему последнему предоставить отыскивать убытки с прежнего владельца, на имя которого земли были куплены.

XI

Вопросы относительно выкупа. Меры для облегчения помещиков. Постановления по общественному крестьянскому устройству.

В то же время начиналось дело выкупа, который, развязывая все обязательные отношения и делая крестьян поземельными собственниками, был вашим величеством с самого начала указан как окончательная цель крестьянской реформы. Первая выкупная сделка утверждена 15 февраля 1862 года. Засим выкуп пошел довольно быстро, и на разрешение Главного комитета стали восходить вопросы, возбуждавшиеся применением на практике Положения о выкупе. Вопросы эти касались: порядка производства выкупа в имениях, состоящих в споре и под запрещением; порядка выдачи выкупных свидетельств и билетов; разрешения помещикам, проживающим в С.-Петербурге, получать здесь непосредственно выкупную ссуду; безденежного печатания в ведомостях запретительных статей на земли, выкупленные крестьянами с содействием правительства; освобождения данных на выкупленные крестьянами земли от канцелярских пошлин; разрешения дворовым людям, получившим поземельный надел, выкупать оный на общем основании[3] и т. д. Все эти вопросы высочайше утвержденными Положениями разрешены в смысле возможного облегчения выкупа земли крестьянами.

Важнейшею мерою, принятою в этот период для ускорения выкупного дела, было распространение выкупной операции, согласно ходатайству дворянства, на издельные имения[4], причем предоставлено крестьянам в степной и некоторых наиболее обильных землею местностях нечерноземной полосы при заявлении помещиком обязательного выкупа право получить вместо выкупа всех угодий $^1/_4$ часть высшего или указанного надела в дар, безвозмездно.

Обращая справедливое внимание на положение помещиков, принесших значительные жертвы для устройства крестьян, ваше императорское величество изволили заметить, что переход к новому порядку отразится с наибольшею тягостью на владельцах мелкопоместных, число коих простиралось до 40 785*. Сверх льгот, которые им были даны относительно устройства крестьян, коим разрешено переселяться на казенные земли, мелкопоместным владельцам по высочайшему указанию предназначено денежное вспомоществование. Сумма всего вспомоществования определена в 5 миллионов рублей, которые отнесены на счет особого капитала, по высочайшему повелению отложенного на воспособление крестьянскому делу. Затем Главным комитетом разъяснены некоторые вопросы, касавшиеся порядка распределения и выдачи сего пособия.

---

* Крестьян в имениях сих владельцев числилось до 325 628 д[уш], в том числе 137 244, вовсе не наделенных землею.

Другая мера, принятая для воспособления помещикам и имевшая общее применение, так как она касалась вообще оброчных имений, состояла в разрешении перевода банковых долгов помещиков на земли крестьянского надела[5] с освобождением от залога остальной помещичьей земли. Вместе с этим допущена рассрочка, со сроков 1862 года, ссуд, полученных помещиками из государственных кредитных установлений, и дозволено имения, заложенные в сих установлениях, отдавать, с ведома оных, в залог частным учреждениям и лицам.<...>

XIII

Крестьянское дело в западных губерниях (1861 и 1862 гг.)

Из приведенных выше сообщений Министерства внутренних дел о ходе крестьянской реформы видно, что с первых дней уже замечалось глубокое различие в развитии сего дела между губерниями западными и прочими частями государства. Законодательство 19 февраля, установляя в местных Положениях некоторые особые правила относительно надела и повинностей крестьян в губерниях северо-западных и юго-западных соответственно условиям тамошнего хозяйства, отнеслось к дворянству сих губерний с таким же доверием, как к коренным русским дворянам, и посему вручило ему исполнение Положений на местах. Но тамошние крестьяне, видя местных дворян в качестве исполнителей закона, возвещавшего им свободу, ему не поверили и стали упорно сопротивляться действиям мировых посредников; посредники же, призывая воинские команды для укрощения крестьян, пользовались своею властию в исключительных видах своего сословия. ⟨...⟩ В западных губерниях волнения, начавшись тотчас после обнародования Манифеста, приняли столь упорный характер, что беспорядки повторялись по нескольку раз в одной и той же местности и охватывали множество имений разом. В первые месяцы 1861 года было два случая столкновений, где войско принуждено было действовать оружием, в губернии Витебской и один такой случай в Виленской[6]. Случаи беспорядков, вызвавших введение воинских команд в разные имения, были весьма многочисленны, особенно в губерниях Виленской, Витебской, Гродненской, Ковенской и Подольской. С учреждением крестьянских управлений и открытием мировых участков волнения не только не улеглись, но в некоторых местах вспыхивали с новою силою. Те же самые волнения, переходившие в сопротивление распоряжениям мировых посредников и явные беспорядки, продолжались то в одной, то в другой местности в течение всего 1862 года, несмотря на материальную поддержку, оказывавшуюся мировым посредникам со стороны местной полиции и военных команд. Вместе с тем замечалась крайняя медленность в составле-

нии уставных грамот. Неуспех этого дела в западных губерниях был столь поразителен по сравнению с ходом его в губерниях великорусских, что правительство нашлось вынужденным прибегнуть к энергическим настояниям для того, чтобы подвинуть местные мировые учреждения к составлению уставных грамот. После сего вдруг дело пошло с крайнею быстротою, так что в течение нескольких месяцев, в конец 1862 года, уставные грамоты были изготовлены для всех почти имений западного края. К сожалению, оказалось, что они составлялись домашним образом, без соображения с тем, что существовало в натуре. ⟨...⟩

XIV

Указ 1-го марта 1863 года и дополнительные к нему постановления

Когда в начале 1863 года вспыхнул в западном крае открытый мятеж, неустройство там крестьянского дела приняло характер государственной опасности, обратившей на себя внимание вашего императорского величества. Под личным председательством вашего величества в собрании членов Комитетов об устройстве сельского состояния и по делам западных губерний 9 февраля 1863 г. признано необходимым немедленно прекратить решительною мерою все обязательные отношения крестьян северо-западного края к помещикам; вместе с тем признано, что мера эта по самому существу своему должна иметь свойство не карательного распоряжения, а закона, принимаемого в видах государственных, и согласно сему составлен указ, который по обсуждении оного в заседании тех же Комитетов удостоился высочайшего подписания в 1-й день марта[7]. В силу этого закона все обязательные поземельные отношения между помещиками и поселенными на их землях крестьянами в губерниях Виленской, Гродненской, Ковенской и Минской и в 4-х инфлянтских уездах Витебской[8] прекращены с 1 мая 1863 года; с сего числа временнообязанные крестьяне сих губерний и уездов причислены к разряду крестьян-собственников; с поверкою повинностей, возложенною на поверочные комиссии, соединен выкуп состоящих в пользовании крестьян угодий, а впредь до составления выкупных актов сохранен платимый крестьянами оброк, с немедленным переводом на оброк издельной повинности и с тем, чтобы оброк вносился крестьянами прямо в уездные казначейства, откуда эти деньги выдавались помещикам. Самый порядок взноса крестьянами и выдачи помещикам оброка определен подробными правилами, рассмотренными в Главном комитете и высочайше утвержденными 19-го того же марта.

Указ 1-го марта, создавший новый общественный порядок в северо-западном крае, был дополнен некоторыми другими постановлениями, необходимыми для его исполнения. Так как во

многих случаях оказывалось, что определенный в инвентарях надел крестьян был уменьшен, а между тем повинность оставлена в прежнем размере, и эти неверные данные вошли в уставные грамоты, то признано необходимым, чтобы и повинность была сбавляема соответственно действительному размеру надела и распределяема соразмерно с оным между участками отдельных домохозяев. Затем определены соответственно основаниям указа 1-го марта состав и порядок действий поверочных комиссий. Разъяснено, что постановленная в указе 1 марта сбавка на 20 % оброка против исчисленной по уставной грамоте суммы при переводе крестьян с издельной повинности на денежную должна быть распространена и на тех крестьян, которые до 1-го марта перешли с барщины на оброк. Устранено предположение оставить крестьян северо-западного края под действием обязательного разверстания и разъяснено, что разграничение крестьянских угодий от помещичьих может происходить в сих губерниях лишь на общих для крестьян-собственников основаниях. Разъяснено, что действие указа 1 марта распространяется и на крестьян мелкопоместных имений, и за сим все дела о передаче оных в казну прекращены. Ввиду вызванного необходимостью распоряжения о совершенном устранении местных польских дворян от участия в мировых учреждениях и для облегчения перехода туда на службу русских увеличено содержание мировым посредникам, назначаемым от правительства в западные губернии.

XV

Указы 30 июля и 2 ноября 1863 года

С освобождением крестьян северо-западного края от обязательных отношений к помещикам нельзя было не предвидеть необходимости принять такие же меры и в других губерниях западного края. Еще в 1860 году бывший киевский генерал-губернатор князь Васильчиков представлял, что обязательный выкуп составляет в Украйне государственную потребность, но в то время мера эта не могла быть допущена по соображению с другими частями империи. Раздражение, а во многих местах и прямое ожесточение, возбужденное в украинских крестьянах польским мятежом, сделало ее неизбежною. По предварительном рассмотрении сего предмета в Главном комитете ваше императорское величество соизволили собственноручною резолюциею повелеть, чтобы указ об обязательном выкупе в губерниях Киевской, Волынской и Подольской был представлен к подписанию вашего величества немедленно. Составленный вследствие его указ подписан вами, государь, 30 июля 1863 года. На основании оного крестьяне трех украинских губерний с 1 сентября того же года признаны собственниками земель своего надела на тех же

началах, кои постановлены были в указе 1 марта для крестьян северо-западного края.

Оставались еще губернии Могилевская и белорусские уезды Витебской, которых не коснулась мера, освобождавшая русских крестьян от подчинения враждебному России дворянству. Генерал от инфантерии граф Муравьев[9] вслед за обнародованием указа 1 марта в губерниях Северо-Западного края предложил для ослабления влияния польских помещиков на крестьян Могилевской и Витебской губерний постановить особые правила с целию облегчить и ускорить переход тамошних крестьян с барщины на оброк. Но когда последовал высочайший указ о прекращении обязательных отношений в губерниях Киевской, Волынской и Подольской, то граф Муравьев, находя первоначальное предположение свое относительно губерний Могилевской и Витебской недостаточным, ходатайствовал о применении и здесь обязательного выкупа. В суждениях по сему предмету в Главном комитете возникло разномыслие. Одни члены разделяли мнение генерал-губернатора, другие же не признавали удобным применить обязательный выкуп в двух губерниях, в коих действовало общее великороссийское Положение, опасаясь, что это могло быть понято в великороссийских губерниях как первый шаг к принятию такой меры и в отношении этих губерний.

Собственноручною вашего императорского величества резолюциею 2 ноября 1863 года решено прекратить обязательные отношения крестьян к помещикам в Могилевской губернии и в 8-ми белорусских уездах Витебской. Сроком для сего назначено 1 января 1864 года.

Таким образом, освобождены от обязательных отношений к помещикам в Западном крае: по указу 1 марта 862 974 души (из них 683 301 состояла на барщине, 179 673 на оброке) по указу 30 июля 1 237 602 д[уши] (753 017 барщинных, 484 485 оброчных) и по указу 2 ноября 302 517 д[уш] (235 977 барщинных и 66 560 оброчных).

XVII

Крестьянское дело в великорусских губерниях в 1863—1864 гг. Дела по выкупу и по общественному крестьянскому управлению

Возвращаясь к ходу крестьянского дела в прочих частях государства, следует заметить, что 19-го февраля 1863 года истекал двухгодичный срок, назначенный для перехода крестьян и дворовых людей от прежней зависимости к их новому положению. Администрация ожидала наступления этого срока не без опасений, так как многие предсказывали, что льготы, которые с этого срока должны были войти в действие, побудят крестьян, к беспорядкам. Опасения эти усиливались вследствие ходивших

в то время в народе слухов о «новой воле». Посему предложено было тогда издать особый манифест для разъяснения народу неосновательности подобных слухов. Но ваше императорское величество по обсуждении дела в Главном комитете под личным председательством вашим изволили признать эту меру ненужною и неудобную в том отношении, что такой манифест мог бы только породить новые недоразумения.

Опасения оказались неосновательными. Срок 19 февраля 1863 года не только не повлек за собою никаких смут, а напротив, крестьянское дело все более и более принимало правильное течение. Введение в действие уставных грамот оканчивалось. К концу 1863 года введено было в действие 111 523 уставные грамоты. Если в некоторых имениях обнаруживались еще беспорядки, то они имели совершенно одиночный характер и проистекали из случайных недоразумений: так, в некоторых имениях крестьяне добивались $^1/_4$ надела в дар, не ожидая на то согласия помещика[10]; в других отказывались от перенесения усадеб, требовавшегося по Положению. Только в одной волости Пермской губернии волнение приняло более серьезный характер и привело к столкновению с войском[11]. В исходе 1863 года известия о каких-либо беспорядках или волнениях между крестьянами исчезают из отчетов, доставлявшихся в Главный комитет Министерством внутренних дел, а в 1864 году такие известия вовсе прекратились. В то же время окончательная развязка отношений между крестьянами и помещиками начинает идти быстро; выкупная операция принимает широкие размеры, так что к концу 1864 года было уже восемь губерний, в которых более половины крестьян сделались собственниками своих наделов.⟨...⟩

XVIII

Дела по обязательным отношениям крестьян к помещикам. Споры о землях, купленных крестьянами [при крепостном праве] на имя помещиков

Так как 19-го февраля 1863 года истекал срок обязательных отношений дворовых людей к их прежним владельцам, то изданы особые правила о приписке их к городам или сельским волостям и о снабжении их видами, и назначены особые средства для пособия тем дворовым людям, которые по увольнении своем останутся без средств к существованию (29 января 1863).

Вообще устройство дворовых людей по прекращении их обязательных отношений происходило без затруднений, и все высказывавшиеся дотоле опасения относительного того, что эти люди, коих число было весьма значительно (до 1 000 000 душ обоего пола), обратятся в бродяг, оказались напрасными.<...>

Другая особенность великорусских губерний заключалась в упомянутом выше факте приобретения крестьянами на собст-

венные деньги более или менее значительных пространств земли. Споры о праве собственности на эти земли, возникавшие при составлении или введении в действие уставных грамот, выказали необходимость установить порядок разрешения сих споров в тех случаях, когда буквальное применение закона, ограничивавшего право крестьян на отыскание своих земель десятилетнею давностию, вело бы к несправедливости. Вследствие сего представлен был Главному комитету проект новых по этому предмету правил, по которому разрешение исков крестьян о землях в случае истечения десятилетней давности предоставлялось в качестве высшего Совестного суда собранию губернского и уездных предводителей дворянства при участии некоторых членов губернского присутствия, председателя гражданской палаты и совестного судьи. Но при рассмотрении сего предмета в Главном комитете и Общем собрании Государственного совета выражено было мнение, что было бы удобнее, оставив правила закона 19 февраля 1861 года без изменения, предоставить министру внутренних дел входить с представлениями в Главный комитет по таким искам крестьян о землях, присваиваемых ими в собственность, к которым невозможно применить буквально означенные правила без явного нарушения справедливости. Мнение это удостоилось высочайшего вашего императорского величества утверждения 6 мая 1863 года.

На этом основании начали поступать в Главный комитет дела иногда весьма сложные и по существу своему требовавшие разбора по совести, так как самый закон прежнего времени возбранял крестьянам закреплять свое право собственности на купленные земли юридическими актами[12]. Строго придерживаясь коренного начала закона 19 февраля, Главный комитет признавал необходимым для присуждения крестьянам отыскиваемых ими земель, чтобы представлены были на то непременно доказательства письменные, в том числе и домашние акты, лишь бы они в подлинности своей не подлежали сомнению. Вместе с тем, взвешивая значение этих документов, Главный комитет в качестве Верховного совестного суда принимал в соображение и всю совокупность других, оказывавшихся по каждому отдельному случаю обстоятельств, как-то: фактическое положение, в коем находились спорные земли во время крепостного права, т.е. владели ли ими истцы отдельно от тягольных земель, переделялись ли они, или состояли в личном и наследственном владении некоторых крестьян, взимался ли за эти земли оброк и т.п.[13] <...>

XXIII

Устройство бессрочноотпускных и отставных солдат

По сложившемуся под влиянием крепостного права законодательству уволенные от военной службы нижние чины составляли

особое сословие. Иначе и быть не могло в то время, потому что крепостной человек, получая службою государству свободу, не мог по окончании оной возвратиться в прежнее свое состояние. Это положение, обеспечивая отставным и бессрочноотпускным нижним чинам личную свободу, вместе с тем отрывало их от семьи и земли и делало из них по большей части пролетариев. Ваше императорское величество изволили признать, что с упразднением крепостной зависимости крестьян прежнее законодательство об отставных и бессрочноотпускных нижних чинах отжило свой век, и повелели особой комиссии для пересмотра рекрутского устава разработать вопрос об участи и гражданском положении сих чинов, приняв при этом за основание, что солдат с поступлением на военную службу не должен лишаться прежних своих гражданских и имущественных прав и по истечении срока службы должен возвращаться в свое первобытное положение с теми лишь преимуществами, на пользование которыми он приобрел право своею службою. Составленный комиссиею под председательством статс-секретаря Бахтина проект об этом важном деле был подробно рассматриваем Главным комитетом, причем необходимо было разрешить финансовую сторону дела, т.е. вопросы о размере пособий, назначаемых уволенным в бессрочный отпуск и в отставку нижним чинам при их водворении, о средствах призрения нижних чинов, неспособных снискивать себе пропитание, и об источниках для покрытия необходимых на это расходов. Предположения по сим предметам были обсуждены Главным комитетом в начале 1867 года, и составленное на основании его заключений положение об устройстве отставных и бессрочноотпускных нижних чинов удостоилось высочайшего вашего императорского величества утверждения в 25-й день июня 1867 года.<...>

XXVI

Дела по выкупной операции

Между тем все более и более развивалась выкупная операция. К началу 1870 года в губерниях великорусских, белорусских и малороссийских *более половины* крестьян прекратили уже обязательные свои отношения к помещикам и перешли в разряд собственников[14]. Из имеющихся в Главном комитете сведений видно, что по 1-е февраля 1870 года из общего числа 7 313 000 бывших помещичьих крестьян в означенных губерниях сделались собственниками 4 043 000 душ, т.е. 55%, а осталось в обязательных отношениях 3 270 000 душ. Вообще прекращение обязательных отношений шло с наибольшею быстротою в губерниях востока и юга (черноземных). Оно почти совершенно окончено в губернии Оренбургской, где, впрочем, 3/4 крестьян сделались собственниками без содействия правительства чрез получение в дар 1/4 надела.

За Оренбургскою следуют семь губерний (Харьковская,

Екатеринославская, Херсонская, Таврическая, Черниговская, Казанская и Уфимская), где в обязательных отношениях осталось менее одной четверти (от 5 до 25%) бывших помещичьих крестьян. Затем от 26 до 49% оставалось в обязательных отношениях в 14-ти губерниях (Саратовской, Воронежской, Пензенской, Симбирской, Полтавской, Вятской, Самарской, земле Войска Донского, Тамбовской, Новгородской, Курской, Смоленской, С.-Петербургской и Тверской). Менее половины, но более одной трети крестьян сделались собственниками в 11-ти губерниях (Олонецкой, Московской, Псковской, Рязанской, Калужской, Орловской, Костромской, Ярославской, Владимирской, Тульской и Пермской). Наименьшее число крестьян-собственников находилось в губерниях: Астраханской (32%), Нижегородской (30%), Вологодской (30%) и Ставропольской (28%).<...>

<...>В последнее время Главный комитет обсуждал вопрос о настоящем положении мировых учреждений. Признавая, что учреждения эти, образованные собственно для введения в действие Положений о крестьянах, исполнили главную часть своей задачи и оказываются лишним обременением для земства в тех местностях, где все или большинство крестьянского населения перешло от обязательных отношений к полной поземельной собственности, Главный комитет счел нужным приступить к постепенному упразднению должностей мировых посредников и их съездов, начиная с означенных местностей. Вследствие сего Комитет, разрешив в настоящее время упразднение должностей членов от правительства на мировых съездах, возложил на министра внутренних дел представление полного проекта о распределении и дальнейшем устройстве дел, ныне лежащих на мировых посредниках и съездах.

К числу занятий Комитета в последних его заседаниях относится также рассмотрение тех вопросов, кои были возбуждены ввиду предстоявшего с 19 февраля 1870 года прекращения обязательства крестьян держать свои наделы в пользовании[15].

Один из сих вопросов касался права крестьян причисляться к волостям и в городские сословия. Министр внутренних дел, опасаясь, чтобы предоставленная крестьянам с наступлением 19 февраля 1870 г. свобода передвижения не вызвала с их стороны усиленного стремления переходить в городское сословие или причисляться к волостям, отказываясь от земли и обращаясь в пролетариев, полагал полезным для предупреждения сего установить в виде временной меры, чтобы перечисление крестьян в мещанство и приписка их к волостям допускались не иначе, как при условии приобретения ими недвижимого имущества в городе или волости. Но Главный комитет, признав, что в настоящее время нельзя ожидать, чтобы крестьяне, пользуясь новым своим правом,

стали легкомысленно покидать свою оседлость и обращать себя и свои семейства в бездомных батраков, и что всякое новое стеснение в переходе крестьян из одних обществ в другие ограничивало бы права, высочайше дарованные им законом 19 февраля, не нашел возможным согласиться с мерою, предложенною министром, и, с своей стороны, полагал установленные законом 19 февраля 1861 г. и дополнительным к нему постановлением 16 апреля 1862 г. правила, разрешающие увольнение крестьян из сельских обществ для приписки к другим сословиям, волостным и городским обществам, оставить без изменения. Такое заключение Комитета удостоилось высочайшего утверждения вашего императорского величества.

Другие вопросы, возбужденные ввиду наступления 19 февраля 1870 г., касались применения установленных в законе 19 февраля 1861 г. правил об отказах крестьян от обязательного пользования наделом по истечении девятилетнего срока, а также правил об обязательном для крестьян, по требованию помещика, выкупе земель их надела. В отношении сего последнего предмета Главный комитет признал необходимым возникшие по оному вопросы предоставить ближайшему соображению министров финансов и внутренних дел с тем, чтобы заключения свои они представили на рассмотрение Комитета особо от настоящего дела. Что же касается прочих вопросов, то Главный комитет, следуя неизменному правилу, что закон должен быть дополняем или поясняем лишь тогда, когда потребность в этом обнаружится из практики и по соображению с обстоятельствами, выказывающими такую потребность, счел необходимым придерживаться этого начала и в настоящем случае, а потому, дав указание по тем из вопросов, по коим замечалось явное недоразумение, счел достаточным подтвердить буквальный текст заключающихся в Положениях статей по сему предмету. По мере же применения и развития дела на местах Главный комитет входить будет в рассмотрение тех вопросов, которые являться будут из жизни. Вообще надлежащее направление крестьянского дела в новом периоде, в который оно вступает с предоставленною крестьянам ныне свободою передвижения, есть предмет существеннейшей важности, и потому особенное значение получает в настоящее время возложенная на Главный комитет обязанность наблюдения за точным применением закона 19 февраля и согласного с коренными основаниями сего закона разрешения вопросов, кои будут возникать при дальнейшем его действии.

Председательствующий в Главном комитете
(подписал) Константин.

Н. М. АСТЫРЕВ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕЛЬСКИХ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ В РУССКОЙ ПОРЕФОРМЕННОЙ ДЕРЕВНЕ

В нашей волости, как и в большинстве других, издавна существует правило для сельских старост собираться каждое воскресенье для составления так называемого в «Общем положении» волостного правления. Но уже самим «Положением» обязанности этого правления ограничены одними пустыми формальностями: каждое 1-е число приложить печати к денежным книгам в доказательство будто бы произведенного учета, который за неграмотностью членов правления никогда не производится, назначить день для продажи с торгов имущества какого-либо неплательщика, дать старшине доверенность на получение с почты денежного пакета, и только. Но единовременный созыв старост тем удобен, что при этом гораздо легче исполнить присылаемые в волость разного рода поручения и запросы от начальствующих мест и лиц. Старостам в этот день читаются начальственные предписания, относящиеся до всех или до одного из них, выдаются повестки от мирового судьи и на волостной суд, делается распоряжение о высылке в волость лиц, до которых есть дело, назначаются дни для созыва сельских сходов, если есть надобность в них, и проч. и проч. В это же время и старосты спрашивают указаний по разным возникшим в их обществах недоразумениям и вопросам: как поступить с таким-то недоимщиком, что делать по случаю несогласия, возникшего при дележе имущества между двумя братьями, надо ли выбрать опекуна к оставшимся после смерти мужика сиротам и можно ли посадить в холодную подравшихся на сходке двух сватов?<...>

<...>Что такое волостной писарь? В глазах начальства всякого сорта это пария, это раб, без мысли и воли, беспрекословно обязанный выполнять всякие требования, быть на все руки и по начальническому приказу не останавливаться даже перед не совсем благовидными вещами; в глазах мужиков это тонкая бестия, законник, крючкотвор, которым, в случае нужды, можно и попользоваться, но вообще же лучше быть от него подальше, как от души продажной, за рубль-целковый на все готовой. Так вот этот человек, с очень подозрительною нравственностью и без всякого образовательного ценза, ведет денежные и прочие книги волости, которых более 30 штук, пишет разные приговоры, выдает паспорта, составляет всякого рода акты, состоит секретарем (и скажу в скобках, главным заправилой) в волостном суде, производит статистические описания и исследования, принимает две-три тысячи дворов на страх (т.е. страхование.— *Сост.*) на сумму 200—300 тыс. руб., составляет ежегодно призывные списки для отбывания воинской повинности [на] 100—150 чел., производит поверку торговых документов и преследует всякие наруше-

ния закона в области торговли и промышленности, опекает сирот, следит за делом обучения в земских школах, за оспопрививанием в земской аптечке, следит за санитарным состоянием 10-тысячного населения, делает распоряжения в области гигиены, заведует военно-конским участком, прекращает падежи скота, составляет списки лицам, могущим быть присяжными заседателями, производит описи, аукционы и судебные взыскания, преследует нарушителей строительного устава, получает в год до тысячи входящих и выпускает до двух тысяч исходящих бумаг и проч. и проч.

<...>В большинстве случаев старшина бывает виноватым и терпит взыскания только за плохой сбор податей, что и составляет его главную обязанность; все же остальное делает писарь, и начальственные особы, хорошо знающие механизм волостного правления, со всякого рода приказаниями, личными разъяснениями и проч. обращаются всегда к писарю, а этот уже от себя делает распоряжение старшине. «Поезжай туда-то, узнай о том-то, вызови ко мне того-то»,— говорит писарь, и старшина беспрекословно исполняет его приказания, зная, что устами его глаголет высшее начальство. Большая часть старшин и писарей живут довольно ладно друг с другом потому, что интересы у них совершенно общие: ублажать начальство, по возможности выполняя хотя бы для виду, на бумаге, его предначертания и тем обеспечивая свое существование.<...>Если же поселится рознь между этими главами волости, то обе они проигрывают: писарю нет ничего легче, как подвести старшину, прочесть ему мудреное предписание, порядком не растолковав, в чем дело, или даже вовсе не читать, и ждать противозаконных действий безграмотного мужика, а потом раскрыть его ошибки перед начальством, обвинить его в небрежности, нерадении и проч. Старшина же может или непосредственно пожаловаться на лукавое мудрствование писаря, если у него есть между начальством «рука», или же действовать закулисными интригами через волостной сход, жалуясь ему на писаря, предлагая сбавить жалованье и проч.<...>

<...>Волостной суд не есть какое-либо постоянно функционирующее учреждение: оно возникает по воскресеньям, примерно в 4 часа дня, и вновь распадается после нескольких часов существования; никакие «бумаги» до него не доходят; волостной старшина и сельские старосты не имеют по закону права даже присутствовать при разборах дел, не говоря уже — руководить судом или разъяснять ему что-либо. Следовательно, единственным посредником между уездным законодательным учреждением и волостным судом опять-таки является наемное лицо — волостной писарь, не имеющий по закону права вмешиваться в разбор дела и вся обязанность которого, опять по закону же, должна ограничиваться записью постановлений этого «независимого» суда. Между тем, в силу распоряжений [уездного по крестьянским делам] присутствия[1], которые даются волостным правлениям и которыми разрешаются или возбраняются волостному

суду те или другие отправления, этот писарь является как бы председателем независимого суда, законотолкователем, единственным лицом, знающим, что дозволено суду, и поэтому накладывающим на то или другое решение суда вето.<...> Целым рядом систематизированных распоряжений уездное присутствие узаконяет беззаконие: дает простор действиям волостного писаря, т.е. сознательно подчиняет суд писарю, не выпуская этого последнего из своих ежовых рукавиц и властвуя, таким образом, над судом через посредство своего вполне зависимого подчиненного, вольнонаемного бесправного лица. .

А. Н. Минх

ИЗ ЗАПИСОК МИРОВОГО ПОСРЕДНИКА. 1861—66 ГОДЫ. (О практике крестьянского самоуправления в пореформенной России)

<...>Хотя в крепостное время все сословия в России были подчинены общим присутственным местам, но подчинение крепостных людей было большею частью только номинальное, одни лишь те уголовные преступления попадали в *земские* и *уездные* суды, которых нельзя было скрыть. Помещик большею частию был полным хозяином, судьею и распорядителем над своими крестьянами; все проступки их наказывались самим барином и, по требованию его, полицией, не входившей в разбор проступка. Тяжбы крестьян между собою или с чужими крестьянами разбирались помещиками; судов и становых крестьяне боялись за взяточничество, и потому случаи судебных тяжб были редки и почти исключительно в тех имениях, где не было самих господ и управляющие были люди недобросовестные; жалобы на крестьян лицами посторонними приносились их помещику. Вообще в каждом околотке был один из помещиков («поважнее», как выражались крестьяне), успевший приобресть доверие и влияние на окрестность, к нему обыкновенно приходили судиться и соседние крестьяне, и люди других сословий, и мелкопоместные дворяне.

Суд одного лица с давних пор стал знаком и сроднился с русским народом; вот почему и теперь мы видим, что крестьяне преимущественно прибегают к суду мирового посредника или волостного старшины (где он хорош), редко обращаясь в волостной или сельский суд.

По Положению 19 февраля у крестьян с уничтожением власти и суда помещиков введено много разнородных судов: так, единоличный суд мирового посредника, волостного старшины, сельского старосты, коллегиальный волостной суд, состоящий из 3-х и 12-ти судей*, общественные — волостного и сельского

* Судят обыкновенно 3-е или 4-ро.

схода — и мировой третейский суд; кроме того, мужика имеет право судить и становой пристав, к которому сами крестьяне редко обращаются,— «сорвет, а дела не сделает». Становые разбирают их тяжбы большею частью по делам торговым в куплях и продажах по жалобам торговцев и мещан, которые не решаются предоставить своих исков разбору *по совести* мировым посредникам, находя гораздо выгоднее судиться по законам; хорошо мужику, ежели в правом деле заступится за него мировой посредник. Очень долго крестьяне наши не усваивали себе ни одной определенной формы суда: есть у них жалоба или обида, они идут к посреднику, просят его разобрать дело, но, будучи обременены массой других дел, о которых я говорил выше, нам (мировым посредникам.— *Сост.*) приходились маловажные жалобы по спорам, дракам и мелким искам передавать волостным судам или старшинам. Волостной старшина — полный хозяин волости — выбирается волостным сходом через каждые 3 года*. Первые волостные старшины были до чрезвычайности неудачны; крестьяне выбирали сначала крикунов и людей задорных, а затем слабых и тихих, чтобы они не строго взыскивали подати и повинности. Второй выбор, 1864 года, был немного удачнее и только потому, что мировые посредники, приглядевшись к людям, могли иметь влияние на ход выборов. Смены старшин стали часты. В 10 волостях моего участка остался на второе трехлетие один широко-уступский старшина — малоросс Михаил Иванов Кулявцев, честный, строгий и справедливый; в других сменено в одно 3-летие по два и даже по три старшины. В большей части из них замечал я сильную наклонность к взяточничеству (магарычам), и ежели еще некоторые воздерживались от лихоимства, то боясь строгого взыскания мировых посредников. Вообще крестьяне охотно шли в старшины и с прискорбием расставались с этой должностью, так как жалованье от 100 до 160 руб. сер. (по моему участку) хорошо обеспечивало их**, даже зажиточные крестьяне не отказывались от этой должности. Старшина судит и рядит больше один по волости; к хорошему и честному приходят часто за разбором, минуя волостной суд и сходы; дел и жалоб по таким волостям мало, но таких у меня было всего две волости: Широко-Уступская, где старшиной Кулявцев, и Больше-Екатериновская со старшиной Аникой Ивановым Чмыховым.

Ощутителен недостаток в хороших волостных писарях; нанимаются отставные чиновники, военные писаря, конторщики, писаря государственных крестьян и грамотные из дворовых; жалованье получают смотря по числу душ в волости — от 80 до 160 руб. сер. в год. Огромное большинство их взяточники и пьяницы; те же, которые служили в полиции или в присутственных местах, кроме

---

* Волостной сход состоит из домохозяев всей волости, выбранных по одному от каждых 10 дворов селения.

** Годовой работник в 1865 г. нанимался по 40 руб. сер.

того, крючкотворы и развивают дух ябеды и тяжб. Полная безграмотность народа не дает возможности сделать хороший выбор. Частые смены, предание суду, штрафы, аресты мало помогают делу; охотников на эти должности много, но подбор до чрезвычайности жалок.

При безграмотности старшин негодяи эти обыкновенно руководят ими, пугая ответственностью и судом, постановляют преимущественно сами решения волостных судов и хозяйничают в волости даже при порядочном, но безграмотном старшине. В особенности вредны были писаря государств[енных] крестьян, которые вводили в начинающееся крестьянское самоуправление закоренелый элемент лихоимства и мошенничества волостных правлений государственных крестьян.

В моем участке при волостных правлениях не было особых *заседателей** на том основании, что я считал не только бесполезным, но и вредным набивать правления мироедами и тунеядцами; поэтому у меня волостное правление составляли старшина и волостные судьи, и только при необходимости присутствовали сельские старосты, преимущественно при учете и поверке книг волостного правления, также по вызову старшины или по особому моему приказанию.

Волостные судьи составляют собственно *волостной суд,* который имеет обширную власть в отношении крестьян, при их скудных достатках, решать окончательно их тяжбы между собой ценою до 100 руб. сер., и решение суда, внесенное в книгу, не может быть никем изменено. Несмотря на это, выбор судей до крайности небрежен; их обыкновенно 12 человек на всю волость, причем сход распределяет выбор так, чтобы каждая значительная деревня имела своего судью. Выбираются они волостным сходом на три года, заседают по очереди трое или четверо, не более одного раза в неделю или по призыву старшины и мирового посредника. Очередуются они по третям года или погодно; жалованье получают самое незначительное — около 5 руб. сер. в год. Судьи эти требовали сильного надзора, так как я не раз замечал, что они решали дела недобросовестно, будучи угощены одной зажиточной стороной. Пока у нас царит в народе невежество и безграмотность, волостной суд необходимо должен быть подчинен прямому надзору мирового посредника, а при предполагаемой реформе служебных учреждений — мирового судьи**, и тогда можно ожидать, что из него выработается правильный народный суд, иначе, подпав под влияние старшины и, или еще хуже, волостных писарей, он окончательно не привьется к русскому народу и сделается гнездом магарычей, взяток и водочной расправы.

---

* Волости были невелики, от 880 до 2300 душ мужского пола.

** А не чиновникам от губернского присутствия, как полагают при упразднении должности мирового посредника; в последнем случае будет совершенно то же, что с чиновниками государственных имуществ.

Волостной сход созывается не иначе как с разрешения мирового посредника; он ведает все общественные дела, касающиеся волости, и выбирает волостных должностных лиц. Волостной сход собирается из каждого общества по одному домохозяину от 10 дворов, которые называются *выборными*. Сначала, при первом образовании, сходы эти походили скорее на скопища, орудуемые горлопанами и задорными личностями; в настоящее же время они носят характер более серьезный, и горланов заменили доморощенные ораторы, преимущественно из пожилых, опытных домохозяев, имеющих влияние в своих обществах; случаи, чтобы волостной сход увлекся говоруном или задирой, теперь очень редки. Но не то представляют *сельские сходы,* собирающиеся под председательством старосты. Не лишним считаю взглянуть на самого старосту: по закону это распорядитель и хозяин своей деревни; к сожалению, нет почти примеров выполнения этого назначения; старосты [18]61 и [18]62 годов были больше говоруны и народ дерзкий; при выборе их крестьяне руководились той же мыслью, как и при выборе волостных старшин. Следующие годы выбор дошел до того, что в должность эту ставили лиц самых плохих, и в некоторых обществах являлась попытка назначить обязательных старост из ушедших от рекрутства крестьян, не обращая даже внимания на их поведение и нравственность. «Староста служит миру»,— говорят мужики. Жалованье ему преимущественно назначается небольшое, равное наемной годовой плате работника. Он собирает повинности там, где нет особого *сборщика,* и созывает сходы; остальные обязанности старосты исполняют большею частью очень плохо. Мир их мало уважает, между тем его часто зазывают в гости и поят, без старосты нет попойки, и я редкого старосту знаю не пьяницей; смены их очень часты. Хорошие домохозяева избегают этого выбора.

Сход уже успел составить себе идею о своей силе: «Мир — велик человек», или «против мира не пойдешь», или «мир решил»,— часто слышишь от мужика. К несчастию, при грубости и необразованности нашего народа, сознание этой силы направлено весьма дурно: наложить на преследуемого крестьянина лишнюю душу, спить с виновного магарычи и т.под. Я не видел ничего несправедливее, как [отдача] под суд сходом какого-либо проступка: попадается вор — на него надевают краденую вещь — хомут, сарафан и т.под.— водят по улицам, бьют или бросают грязью и под конец отпускают, спив [с него] ведро или более водки; чаще всего наказывают одною водкою; бывает, что и правый и виноватый ставят магарычи; при сделках и найме опять водка играет главную роль. На этих-то сходках орудуют больше всего *мироеды.* Зоркий и строгий надзор может ослабить, но не окончательно искоренить это зло, так как нет никакой возможности мировому посреднику при обширности его участка выследить эти безобразия, тем более что жалобы на водочную расправу очень редки, и действительно, пойдет ли вор жаловаться на то, что с него

спили на 4 рубля, когда он знает, что его за преступление посадят в острог.

ПРОШЕНИЕ КРЕСТЬЯН С. ШОКИНА ВАСИЛЬСКОГО УЕЗДА НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ НА ИМЯ АЛЕКСАНДРА II О ВОЗВРАЩЕНИИ ИМ ОТРЕЗКОВ (ОТ 2 ДЕКАБРЯ 1862 г.)

Всеавгустейший монарх,
всемилостивейший государь!

В мае сего 1862 года Васильскому мировому посреднику первого участка господину Демидову по селу Шокину была представлена составленная доверителем графа Воронцова-Дашкова господином Рубетским уставная грамота без участия доверителей наших, села Шокина крестьян, с отрезкою у нас из владеемой прежде до обнародования Положения земли одной трети в пользу владельца нашего; и как по уставной грамоте Васильским мировым съездом сделана несправедливая надпись в том, [что] якобы крестьяне наши села Шокина от пользования третьей части земли, прежде владеемой нами до обнародования Положений, отказались, а посему доверитель владельца нашего отнял у нас удобной земли двести двадцать десятин, из числа которой часть отдал в посторонние руки, а именно: старшине нашей волости Жучкову и сельскому старосте Жененкову, затем последняя земля осталась впусте незасеянною. Сенных покосов, равно и дровяного леса, в уставной грамоте нам нисколько не предназначено; душевой же надел вместо 4 десятин назначен нам 2 десятины 1509 сажен, а оброчная повинность не уменьшена, и все сделано в противность Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости (см. ст. 23, 33, 36, 48, 54, 69 и 70), о чем по сему предмету хотя и были приносимы жалобы в подлежащие присутственные места, но удовлетворения никакого не получали.

Всеавгустейший монарх, припадая к стопам твоим, всеподданнейше просим по предмету справедливого надела крестьян наших полным душевым наделом хлебопашенной и сенокосной удобной земли тем количеством, каким пользовались мы до обнародования Положения. Предпиши, кому следует, указом сделать распоряжения, тем более что уставная грамота составлена без участия наших крестьян и в противность Положения о крестьянах и, к крайнему нашему прискорбию, до такой степени стеснены мы, что по причине отрезки бывшей в нашем пользовании до обнародования Положения земли и недачи нам сенных покосов и дровяного леса, впоследствии неминуемо подвергнемся бедственному состоянию, а в особенности не будем иметь средств к платежу казенных и в пользу помещика повинностей.

ПРОШЕНИЕ ПОВЕРЕННОГО ОТ ОБЩЕСТВА КРЕСТЬЯН ДЕРЕВНИ ЛЫКОВОЙ ВАЛДАЙСКОГО УЕЗДА НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ ГРИГОРИЯ КУЗЬМИНА НА ИМЯ АЛЕКСАНДРА II С ЖАЛОБОЙ НА ПРИТЕСНЕНИЯ ИХ ПОМЕЩИКОМ ДЕВИЛЕНЕВЫМ (31 ДЕКАБРЯ 1865 г.)

Ваше императорское величество, августейший монарх!

Ваше императорское величество! По милости Божией и по благости своей избавили от ига рабства миллионы своего народа и указали помещикам правила о наделе крестьян землею и обоюдные отношения между ними. Но высочайшая воля ваша и благодеяния, излитые своему народу, не только не исполняются помещиками, но служат лишь к угнетению нас, крестьян, в новом нашем быту и к самому разорению. Примером служим мы, временнообязанные крестьяне Новгородской губернии, Валдайского уезда, деревни Лыковой, в числе 42-х душ, совершенно обижаемые и разоряемые сыном помещицы Николаем Петровичем Девиленевым, который отнял у нас заповедные луга, которыми владели наши старики более 30 лет, и отделил нам за нашею землею вместо обработанной многолетними трудами такую, на которой не только хлеб, но и былинка вырасти не может.

Помещик Девиленев, самовольно отобрав нашу обработанную землю, заставил огородить нашу, отнятую от [нас] землю так, что скот нам нельзя выгонять и на пастбище иначе, как чрез отнятую у нас, крестьян, г[осподи]ном Девиленевым нашу землю, и заставляющего ее еще огородить, так что нашему крестьянскому скоту пастбища нет. А чрез поле помещика если прогоним мы, крестьяне, свой скот, то он помещиком Девиленевым задерживается, и по собственному уставу его должны платить за мнимую потраву штрафные деньги. И мы должны теперь держать скотину на своих дворах, чрез что сделался падеж скота, собственно чрез помещика Девиленева, запретившего выгонять скот нам в летнее время на водопой на озеро, вблизи нашей земли находящееся, и на речку Яблоновку, впадающую в озеро.

На такие стеснительные действия помещика мы приносили жалобу мировому посреднику 2-го участка Валдайского уезда, и в апреле месяце сего 1865 года посредник со становым приставом и помещиком Девиленевым на мировом съезде нисколько не сделал к удовлетворению нас, крестьян, а лишь в пользу одного помещика Девиленева, который, будучи ободрен таким случаем, вздумал тогда же угрожать нам лишением наших домов и крестьянского нашего имущества, одним словом, разорить нас вовсе.

Ваше императорское величество! Я по доверенности нашего крестьянского общества, тоже крестьянин помещика Девиленева,

которому уплачены нами все казенные и помещичьи повинности по март месяц будущего 1866 года, и нисколько не состоя ему должными, должны терпеть и терпим совершенное угнетение и впали в бедность чрез его несправедливые притязания к нам, крестьянам, и отобрание нашей земли подложным образом: при собрании вместо высочайшего вашего императорского величества манифеста о данной нам свободе из помещичьего владения на установленных правилах составил подписки от нас, что будто бы родовую нашу землю уступаем ему, тогда как из нас, крестьян, подобных расписок никто не давал, да [и] нарезка земли, нам отведенной, сделана самовольно помещиком чрез наемного землемера, без согласия и ведома нашего, а потому, всеподданнейше представляя данную мне обществом крестьян доверенность, в числе 42-х душ, упадаю к стопам вашим, августейший монарх, с просьбою: соблаговолите повелеть возвратить нам, крестьянам, родовую нашу пахотную землю и покосы и [пользоваться] дровяным лесом для топлива наших крестьянских изб, находящихся в нашем селении, чем соизволите восстановить наш крестьянский прежний быт.

ПРОШЕНИЕ КРЕСТЬЯН СЕЛА ХОВРИНА МОСКОВСКОГО УЕЗДА НА ИМЯ АЛЕКСАНДРА II О НАДЕЛЕНИИ ИХ ЗЕМЛЕЙ (ДЕКАБРЬ 1865 г.)

Августейший монарх, всемилостивейший государь!

Всем русскоподданным оказываются великие щедроты и милости, окажите и нам, временнообязанным крестьянам Московской губернии и уезда, 4-го стана, села Ховрина, Чашинской волости, бывшего [помещика] полковника Жемчужникова.

По каким причинам мы перешли во владение московскому купцу Евграфу Владимирову Молчанову, мы знаем, от которого мы получили надел три четверти десятины на душу, которой нам для проживания недостаточно. И купец Молчанов крестьян нас, со всеми нашими постройками, перенес на другую землю, близ суседской земли и [в] весьма неудобное место для прожития нашего. Землю же мы покупаем у соседних крестьян для пастбищ скота за 60 руб. сереб[ром] каждое лето, так равно на пятиверстное расстояние нанимаем землю для пашни и покоса, надела же, полученного от купца Молчанова, нам недостает, и никак не можем проживать без наемки земли.

Почему осмеливаемся прибегнуть с просьбою к вашему императорскому величеству о том, чтобы вы оказали нам великие щедроты и милости, приказали начальству, чтобы надел земли дополнили и согласно указа и воли вашего императорского величества, данного в 1861 году 19 февраля, чтобы на каждую

душу приходило по три десятины. Раздел же мы с купцом Молчановым подписали довольными (то есть якобы по добровольному согласию.— *Сост.*) потому, что он стращал всякими угрозами. Убоясь угроз, мы и подписали.

Ожидаем милости и царской воли.

СВИДЕТЕЛЬСТВА, ИЗВЛЕЧЕННЫЕ ИЗ ГОДОВЫХ ОТЧЕТОВ ГУБЕРНАТОРОВ, О НЕПОСИЛЬНОСТИ ДЛЯ КРЕСТЬЯН ВЫКУПНЫХ ПЛАТЕЖЕЙ

ИЗ ОТЧЕТА ВЯТСКОГО ГУБЕРНАТОРА ЗА 1873 Г.

<...>С истечением 9-летнего срока, установленного Положением 19 февраля 1861 г. для обязательного пользования земельным наделом, отведенным по уставным грамотам, в Губернское присутствие поступало несколько заявлений как от целых крестьянских обществ, так и от отдельных домохозяев, не только временнообязанных, но и собственников, о желании их воспользоваться дарованным по Положению правом отказаться от земельного надела. Причины, побудившие крестьян делать подобные заявления, во всех случаях одинаковые: это, как они объясняют в своих прошениях, нежелание платить выкупные платежи за надел, по их мнению, весьма малый и недоброкачественный.

ИЗ ОТЧЕТА РЯЗАНСКОГО ГУБЕРНАТОРА ЗА 1876 Г.

<...>Все, что могли достать крестьяне своим трудом для уплаты казенных сборов,— все поступило на уплату недоимок за прошлый год и за первую половину 1876 года. В некоторых же местностях, принуждаемые энергичными мерами сельского и волостного начальства, крестьяне прибегали к последним, разорительным для них мерам, а именно: они закладывали засеянные озимые поля, продавали необходимый для продовольствия хлеб и даже отдавали под расписку выгоны, необходимые для продовольствия своего скота.<...>

ИЗ ОТЧЕТА КАЛУЖСКОГО ГУБЕРНАТОРА ЗА 1876 Г.

<...>Вообще взыскание выкупных платежей сравнительно с другими подушными окладами, за немногими исключениями, представляется все более и более затруднительным; наделы в большинстве случаев не обеспечивают суммы лежащего на них (крестьянах.— *Сост.*) выкупного долга, и потому главный источник для пополнения недоимок составляют заработки крестьян в других губерниях.

ИЗ ОТЧЕТА РЯЗАНСКОГО ГУБЕРНАТОРА ЗА 1878 Г.

<...>Деятельность полиции, направленная исключительно на взыскание недоимок, не могла иметь большого успеха вследствие крайней бедности крестьян, в особенности в некоторых местностях, где крестьяне, как, например, в нескольких волостях Рязанского, Касимовского и Спасского уездов, получили в надел такие земли, которые положительно не окупают трудов и расходов на обработку их.

<...>У некоторых обществ по требованию (их бывших.— *Сост.*) владельцев продано было все, что только можно было продать без окончательного разорения их, у других же хотя и было описано имущество, но уездные присутствия по крестьянским делам, входя в положение крестьян-неплательщиков, не согласились разрешить продажу, приняв во внимание, что продажею будет выручена такая сумма, которая уменьшит недоимку в незначительной степени; между тем, лишившись почти последнего имущества, крестьяне будут поставлены в совершенную нищету и на будущее время уже окончательно сделаются несостоятельными.<...>

ИЗ ОТЧЕТА СИМБИРСКОГО ГУБЕРНАТОРА ЗА 1879 Г.

<...>Накопление недоимок большею частию произошло от обеднения крестьян вследствие неурожаев хлеба, пожаров, падежа скота и других неблагоприятных случаев. Для пополнения этих недоимок принимались следующие меры: в некоторых обществах, с согласия их, учреждены общественные запашки, в других неисправные плательщики отдавались в заработки, а в некоторых случаях производилась опись и продажа имущества.

А. Н. ЭНГЕЛЬГАРДТ О ВЛИЯНИИ ОТРЕЗКОВ НА КРЕСТЬЯНСКОЕ ПОРЕФОРМЕННОЕ ХОЗЯЙСТВО

В настоящее время вопрос о крестьянской земле, о крестьянских наделах сделался вопросом дня. Все исследования, как известно, приводят к тому, что крестьянские наделы слишком малы и обременены слишком большими налогами. Огромные недоимки, частые голодовки, быстрое увеличение числа безземельных, которые, бросив землю, уничтожив хозяйство, распродав дворы, уйдя из деревень, только номинально считаются общинными, а в действительности такие же безземельные, как и те, не получившие наделов, которые так и пишутся безземельными, ясно доказывают, что дело не совсем ладно. Наконец, и самые ходящие в народе слухи, что скоро выйдет «Новое Положение», указывают на трудное положение крестьянства.<...>

Первое, что бросается в глаза, это то, что во многих деревнях крестьяне получили в надел менее того количества земли, какое у них было в пользовании при крепостном праве. Вся лишняя за указанным наделом земля была отрезана во владение помещика и составила так называемые отрезки, зацепки, зацепные земли. Где есть отрезки, там и крестьяне беднее и недоимок более. Очень часто можно видеть, что крестьяне, которые очень хорошо жили при крепостном праве, теперь обеднели, а те, которые были при крепостном праве бедны, теперь живут лучше.

Это совершенно ясно. Ясно, что при крепостном праве помещик, особенно если у него не было недостатка земли, оставлял в пользовании крестьян такое количество земли, которое обеспечивало бы исправное отбывание повинностей по отношению к помещику и казне. Если в пользовании крестьян было много земли, то это значит, что или земля нехороша, или не было у крестьян хороших лугов, недостаток которых нужно было пополнить плохими пустошами, или деревня лежала отдельно, не в связи с господской запашкой, окруженная чужими землями, так что нуждалась в выгоне. При наделении крестьян [землей] лишняя против Положений земля была отрезана, и этот отрезок, существенно необходимый крестьянам, поступил в чужое владение, стеснил крестьян уже по одному своему положению, так как он обыкновенно охватывает их землю узкой полосой и прилегает ко всем трем полям, а потому, куда скотина ни выскочит, непременно попадет на принадлежащую пану землю. Сначала, пока помещики еще не понимали значения отрезков, и там, где крестьяне были попрактичнее и менее надеялись на «Новую волю», они успели приобрести отрезки в собственность — или за деньги, или за какую-нибудь отработку; такие теперь сравнительно благоденствуют. Теперь же значение отрезков все понимают, и каждый покупатель имения, каждый арендатор, даже не умеющий по-русски говорить немец, прежде всего смотрит, есть ли отрезки, как они расположены и насколько затесняют крестьян. У нас повсеместно за отрезки крестьяне обрабатывают помещикам землю — именно работают круги[1], то есть на своих лошадях, со своими орудиями производят, как при крепостном праве, полную обработку во всех трех полях. Оцениваются эти отрезки — часто в сущности просто ничего не стоящие,— не по качеству земли, не по производительности их, а лишь по тому, насколько они необходимы крестьянам, насколько они их затесняют, насколько возможно выжать с крестьян за эти отрезки. Понятно, что все это зависит от множества разнообразных условий.

Добро бы еще эти отрезки сдавались крестьянам за арендную плату деньгами, а то нет — непременно под работу. И что всего нелепее, очень часто вся эта работа не приносит помещику, вследствие его неумелого хозяйства, никакой пользы и бесплодно для всех зарывается в землю. В нашей местности я один только пример и знаю, что крестьяне платят за отрезки деньгами, да и то

только потому, что имение находится в аренде у купца, который хозяйством не занимается и в крестьянской полевой работе не нуждается. И опять-таки, пускай и работой платят за отрезки, если бы крестьяне за отрезок производили какие-нибудь осенние, зимние или весенние работы, а то нет,— каждый норовит, чтобы за отрезки работали круги, да еще с покосом, или убирали луг, жали хлеб, то есть производили работу в самое дорогое, неоценимое по хозяйству, страдное время.<...>

Положение крестьян, получивших в надел ту землю, которой они владели при крепостном праве, у которых, следовательно, не было отрезков, несколько иное, пожалуй, лучшее, но и тут есть своего рода загвоздка.

Такие, пользовавшиеся при крепостном праве меньшим количеством земли, обыкновенно были крестьяне помещиков средней руки, и деревни их примыкали своими полями к господским запашкам. Есть, конечно, деревни, у которых земля особенно хороша, имеются заливные луга, отличные огороды и пр., вследствие чего помещик мог оставлять в пользовании крестьян меньше земли, но есть деревни, в которых ничего этого нет, а земли в пользовании крестьян при крепостном праве было все-таки мало. Такие деревни — обратите на это внимание — своими полями всегда прилегают к господским землям. В крепостное время крестьяне таких деревень сверх своей земли пользовались еще и господскими землями. Крестьянам во время работ отводились за яровым господские лужки для прокормления лошадей, во время вывозки навоза тоже отводились лужки, в покос мужицкие лошади кормились на выкошенных лугах, да, кроме того, каждый пригонник[2] мог, хотя и под страхом наказания, увезти охапочку сенца для своих коней. После уборки лугов и полей крестьянские лошади и скот ходили по господским лугам и пустошам. Наконец, в случае крайности помещик давал корму для лошадей или помогал в работе на господских полях своими лошадьми, особенно при бороньбе и возке.

В настоящее время установился такой порядок: чтобы пополнить недостаток в лугах, крестьяне берут у помещиков покосы с части, чтобы пополнить недостаток выгонов и приволья, берут на обработку кружки за известную плату, но с тем, чтобы пользоваться правом выгона. Положение несколько лучшее, чем в тех деревнях, которые должны работать господскую землю за отрезки, потому что все-таки получаются кое-какие деньги за работу, да и нажать помещик так сильно не может, так как если поля смежны, стало быть, и господская скотина тоже может зайти на крестьянскую землю. Но все же и тут лучшую часть времени приходится употреблять для работ на чужом поле.

Скалдин (Ф. П. Еленев)

ИЗ КНИГИ «В ЗАХОЛУСТЬЕ И В СТОЛИЦЕ»

<...>При крепостном праве величина наделов определялась в течение долгого времени и чаще всего определялась качеством почвы и местными удобствами, существовавшими в различных имениях одной и той же местности; чем хуже была почва, т.е. чем больше она требовала удобрения, тем более отводилось крестьянам выгонной и луговой земли для содержания скота. При введении уставных грамот большая часть наделов одного и того же уезда, или еще чаще — нескольких соседних уездов, была искусственно приведена к одной мерке, к высшим душевым наделам, без принятия в соображение почвенных особенностей каждого имения. При этом отрезка наделов была нередко столь значительна и коснулась таких необходимых для крестьян земель, что совершенно расстроила их хозяйство. Случаи эти так многочисленны и повсеместны, что бросаются в глаза всякому, кто беспристрастно наблюдал крестьянский хозяйственный быт, хотя бы на самом малом пространстве. Если вы заедете в деревню обнищавшую, обремененную неоплатными недоимками, и спросите крестьян о причине такой нищеты, то наичаще получите такой ответ: «Землю-то нашу он так обрезал, что нам без этой обрезной земли жить нельзя; со всех сторон окружил нас своими полями, так что нам скотины выгнать некуда; вот и плати ты за надел особо, да и за обрезную землю еще особо, сколько потребует».— «Так что же вам лучше или хуже жить против прежнего?» — «Да за то, что дали, значит, свободу, за это благодарим царя и господ, а жить не в пример стало тяжелее прежнего, сами видите». Действительно, эта обрезная земля как бельмо в глазу у крестьян, и они никак не могут примириться с мыслью, что, пользуясь ею целые века, они должны теперь нанимать ее у помещиков за особую плату. «Какое же это улучшение быта! — говорил мне один грамотный и бывалый мужик из прежних оброчных,— оброк-то на нас оставили прежний, а землю обрезали». Я сам много раз имел случай удостовериться, как сильно помещики жмут крестьян с этою обрезною землею, видя совершенную ее необходимость для их существования. Но кроме отрезки от наделов крестьяне повсюду лишались столь необходимых у них выгонов на господских полях. Еще хуже стало положение тех крестьян, которые перед самым освобождением были сведены предусмотрительными помещиками на худшие земли, на пески, яры или моховики; подобные примеры довольно нередки, и их можно встретить во всех губерниях. Бывали даже случаи, когда помещики совершенно отбирали землю у крестьян и обращали целые деревни в бобылей[1].<...>

ИЗ ОСОБОГО ЖУРНАЛА ЗАСЕДАНИЯ КОМИТЕТА МИНИСТРОВ ОТ 5—13 ИЮНЯ 1879 Г. ПО ОБСУЖДЕНИЮ ВНЕСЕННОГО МИНИСТРОМ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ Л. С. МАКОВЫМ ПРОЕКТА ОБЪЯВЛЕНИЯ С ОПРОВЕРЖЕНИЕМ СЛУХОВ ОБ ОБЩЕМ ПЕРЕДЕЛЕ ЗЕМЛИ

При докладе этого дела министр внутренних дел объяснил, что в последние годы между крестьянами стали распространяться слухи о том, что будет передел земли, причем в некоторых местностях толковали, что земля от дворян и купцов будет отнята и разделена между крестьянами по числу душ. В других же местностях говорили, что земля будет отнята у всех, без различия звания, землевладельцев, имеющих более 100 дес. К слухам о земле присоединились и толки об освобождении от подушной подати, а также и от всех платежей.

Подобные слухи стали усиленно распространяться с конца минувшего года. С этого времени в Министерство внутренних дел поступили донесения о распространении слухов из следующих губерний.

С августа 1878 г. по январь 1879 г.— из губерний Рязанской, Смоленской, Черниговской, Гродненской и Псковской; с января 1879 г.— из Казанской, Петроковской, Калужской, Новгородской, Херсонской, Киевской, Курской, Орловской, Тульской, Пензенской — всего из 15 губерний, причем в течение одного мая месяца получены сведения о распространении слухов из 11 губерний.

Министерство внутренних дел, признав необходимым принять немедленные меры к предупреждению могущих быть в среде крестьянского населения беспорядков, уже в августе 1878 г., по получении первого донесения из Рязанской губ., предложило губернаторам иметь самый бдительный и строгий со стороны полиции надзор за появляющимися в селениях подозрительными лицами. И в апреле и мае текущего года требование это было подтверждено в последний раз особыми шифрованными циркулярами и телеграммами.

Ввиду быстрого распространения слухов и явного вреда для общего порядка от укоренения в среде крестьянского населения злонамеренной пропаганды министр внутренних дел признает совершенно необходимым предположенное ныне «объявление о полной неосновательности и лживости» распространяемых слухов.

Рассмотрев засим представленный статс-секретарем Маковым, во исполнение последовавшего по этому делу высочайшего в. и. в. повеления[1] проект «объявления», Комитет министров принял в особое внимание, что из многоразличных вопросов, служащих предметами противоправительственной пропаганды,

вопросы, касающиеся устройства земельного быта крестьян, могут более других вселять смуту в понятия крестьян по тесной связи этого предмета с личными выгодами крестьянского населения.

Признавая посему предположенную министром внутренних дел меру к сохранению крестьянского населения от вредного для него увлечения вполне соответствующею своей цели, Комитет счел необходимым отнестись с крайнею осторожностью к редакции самого «объявления» в тех видах, чтобы изложение оного не могло подать хотя бы косвенного повода к неудобным среди крестьян пересудам. В тех же видах осторожности Комитет находит более правильным не оповещать это «объявление» повсеместно, а ограничиться напечатанием оного в «Правительственном вестнике» и оповещением только в местностях, где это представится полезным по ближайшему усмотрению министра внутренних дел и местных начальств.

Вследствие изложенных соображений и сделав затем в проекте «объявления» некоторые, по соглашению с министром внутренних дел, собственно редакционные исправления, Комитет полагает: исправленный проект «объявления» повергнуть на высочайшее в. и. в. благоусмотрение, испрашивая высочайшее соизволение на представление министру внутренних дел распорядиться рассылкою оного с тем, чтобы «объявление» это было оповещено, по ближайшему усмотрению главного и губернского начальств, в тех местностях и тогда именно, когда это будет признано полезным[2].

ОБЪЯВЛЕНИЕ МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ Л. С. МАКОВА ОТ 14 ИЮНЯ 1879 г. С ОПРОВЕРЖЕНИЕМ ЛОЖНЫХ СЛУХОВ О ПЕРЕДЕЛЕ ЗЕМЛИ И БОРЬБЕ С РАСПРОСТРАНЕНИЕМ ЭТИХ СЛУХОВ

С некоторого времени между сельским населением стали ходить лживые слухи и толки о предстоящем будто бы общем переделе земель.

По особому государя императора высочайшему повелению объявляю, что ни теперь, ни в последующее время никаких дополнительных нарезок к крестьянским участкам не будет и быть не может. При действии наших законов о праве собственности никогда не может случиться такой неправды и такой обиды, чтобы земля, законным порядком за кем-либо укрепленная, была у законного владельца отнята и отдана другому. Сами крестьяне владеют отведенною им землею на основании высочайше утвержденных 19 февраля 1861 г. Положений. По силе закона они спокойно пользуются своими наделами и имеют право приобретать новые земельные участки от других собственников по добровольному с ними соглашению.

Таким образом, законы наши оставляют каждого при своем и никому не позволяют посягать на чужое. Чрез это вместе с крестьянскою и всякою другою собственностью охраняется и спокойствие всего государства.

Ложные слухи о земельном переделе и о добавочных в пользу крестьян нарезках разносятся по селениям людьми злонамеренными, для которых нужно только смущать народ и нарушать общественное спокойствие. К сожалению, слухи эти нередко принимаются на веру простодушными людьми, которые передают их другим, не подозревая обмана и не помышляя о том, в какую беду они могут через это попасть сами и ввести других.

Во исполнение высочайшей воли государя императора, предостерегая сельское население от злых и коварных внушений, вменяю в обязанность сельскому, волостному и полицейскому начальникам зорко и неослабно следить за появлением злоумышленных вестовщиков и удерживать от распространения вредных вымыслов.

Статс-секретарь Маков[1].

УКАЗ 28 ДЕКАБРЯ 1881 г. «О ВЫКУПЕ НАДЕЛОВ ОСТАЮЩИМИСЯ ЕЩЕ В ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ К ПОМЕЩИКАМ КРЕСТЬЯНАМИ В ГУБЕРНИЯХ, СОСТОЯЩИХ НА ВЕЛИКОРОССИЙСКОМ И НА МАЛОРОССИЙСКОМ МЕСТНЫХ ПОЛОЖЕНИЯХ 19 ФЕВРАЛЯ 1861 ГОДА»

В бозе почивший родитель наш император Александр II, освобождая бывших помещичьих крестьян от крепостной зависимости и установляя обязательные, в смысле переходной меры, поземельные отношения их к помещикам, имел в виду, что отношения сии должны со временем прекратиться посредством выкупа крестьянами своих наделов в собственность, с содействием или без содействия правительства[1]. К этой конечной цели клонились как Положения 19 февраля 1861 года, так и изданные впоследствии, в развитие оных, узаконения[2]. В силу их по наибольшей части помещичьих имений крестьяне перешли уже в разряд крестьян-собственников, и временнообязанных крестьян числится ныне сравнительно немного. Дальнейшее оставление сих последних в обязательных отношениях к помещикам, препятствуя прочному устройству как крестьянской, так и помещичьей поземельной собственности, было бы сопряжено с важными неудобствами, в сознании коих дворянство некоторых губерний в последнее время само ходатайствовало о переводе всех временнообязанных крестьян на выкуп в виде общей правительственной меры.

Во внимании к сему еще по указаниям любезнейшего родителя нашего были составлены соображения о прекращении обязательных отношений между бывшими помещичьими крестьянами и помещиками, с возможным соблюдением выгод той и другой стороны. Соображения сии удостоились в общем их виде высочайшего одобрения в бозе почившего государя в феврале сего года. Засим подробные по настоящему предмету предположения были по повелению нашему рассмотрены сначала в Главном комитете об устройстве сельского состояния, а потом в Государственном совете.

Считая, по завету и примеру незабвенного родителя нашего, священным долгом своим заботиться о благосостоянии наших верноподданных всякого звания и состояния и следуя его благим предначертаниям о возможно лучшем устройстве крестьянского населения, повелеваем:

1. Остающихся еще в обязательных отношениях к помещикам бывших помещичьих крестьян в губерниях, состоящих на Великороссийском и Малороссийском положениях, перевести на выкуп и причислить к разряду крестьян-собственников с 1 января 1883 года.

2. Меру сию привести в исполнение на основании утвержденного нами сего числа и прилагаемого при сем Положения.

3. До перевода временнообязанных крестьян на выкуп, согласно издаваемому Положению, крестьяне сии должны состоять к помещикам в тех же отношениях, в коих находятся к ним ныне; выкуп же крестьянами наделов в собственность может до того времени производиться на существовавших доселе основаниях.

Правительствующий Совет не оставит учинить к исполнению сего надлежащее распоряжение.

УКАЗ 28 ДЕКАБРЯ 1881 г. «О ПОНИЖЕНИИ ВЫКУПНЫХ ПЛАТЕЖЕЙ»

В бозе почивший родитель наш священныя памяти император Александр II неоднократно являл крестьянам знаки своего отеческого попечения и прилагал непрестанные заботы к устройству их быта.

Прекратив крепостные отношения во всем государстве, император Александр II повелел в 1863 году уменьшить платежи по выкупу земли, причитавшиеся с бывших помещичьих крестьян всей западной полосы империи. Подобным же образом повелено было понизить выкупные платежи и по отдельным во многих других местностях селениям, которые находились в особенно неблагоприятных условиях.

Обращая внимание на положение бывших помещичьих

крестьян в прочих частях государства и желая явить и им знак нашей монаршей о них заботы, мы повелеваем:

1. Понизить выкупные платежи бывших помещичьих крестьян во всех губерниях, где были введены местные Великороссийское и Малороссийское положения 19 февраля 1861 года. Из них в губернии Могилевской и белорусских уездах Витебской (Велижском, Витебском, Городецком, Себежском, Лепельском, Невельском, Полоцком и Суражском) такое понижение произвести в тех селениях, которые перешли на выкуп по выкупным договорам и объявлениям, состоявшимся до издания высочайшего указа 2 ноября 1863 года об обязательном выкупе в Белорусском крае, если при том означенные селения не воспользовались уже впоследствии сбавкою в выкупных платежах при исправлении, по разным случаям, выкупных по тем селениям актов[1].

2. Понижение выкупных платежей произвести в размере одного рубля с каждого обложенного сими платежами душевого надела, а в местностях, состоящих на Малороссийском местном положении 19 февраля 1861 года, в размере шестнадцати копеек с каждого рубля высшего оклада выкупных платежей крестьян[2]; и

3. Понижение выкупных платежей ввести в действие: по селениям крестьян-собственников с 1 июля 1882 года; по селениям тех временнообязанных крестьян, которые перейдут на выкуп до 1883 года,— с тех сроков, с коих будут прекращены их обязательные отношения к помещикам (ст[атьи] 150 и 156 Пол[ожения] о вык[упе] 19 февраля 1861 г.[3]), а по селениям — тех из сих крестьян, которые будут переведены на выкуп на основании особого указа нашего, сего числа нами данного[4],— с 1 января 1883 года.

Независимо от сего мы повелели подлежащим учреждениям собрать подробные сведения о тех селениях бывших помещичьих крестьян, кои, по случаю разных неблагоприятных обстоятельств, находятся в особенно расстроенном хозяйственном положении и на основании данных нами указаний сделать распределение добавочного для таковых селений понижения выкупных платежей.

УТВЕРЖДЕННОЕ АЛЕКСАНДРОМ III «МНЕНИЕ» ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА ОТ 28 ДЕКАБРЯ 1881 г. «О ВЫКУПЕ НАДЕЛОВ КРЕСТЬЯНАМИ, ОСТАЮЩИМИСЯ ЕЩЕ В ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ К ПОМЕЩИКАМ, И О ПОНИЖЕНИИ ВЫКУПНЫХ ПЛАТЕЖЕЙ»

⟨...⟩ II. В дополнение к высочайшему указу о понижении выкупных платежей постановить:

1. Мера эта распространяется на губернии: Астраханскую, Владимирскую, Вологодскую, Воронежскую, Вятскую, Екатеринославскую, Казанскую, Калужскую, Костромскую, Курскую, Московскую, Нижегородскую, Новгородскую, Олонецкую, Орловскую, Пензенскую, Пермскую, Полтавскую, Псковскую, Рязанскую, Самарскую, С.-Петербургскую, Саратовскую, Симбирскую, Смоленскую, Ставропольскую, Таврическую, Тамбовскую, Тверскую, Тульскую, Уфимскую, Харьковскую, Херсонскую, Черниговскую и Ярославскую и на Область Войска Донского. Кроме того, настоящая мера распространяется на крестьян тех селений и губерний Могилевской и белорусских уездов Витебской, о которых упоминается в статье 1 высочайшего указа о понижении выкупных платежей.

2. Общая сумма понижения выкупных платежей во всех означенных в статье 1 местностях составляет двенадцать миллионов рублей в год[1]. Из них 2 000 000 покрываются из общих средств выкупной операции, 7 000 000 рублей — из свободных сумм по ликвидации бывших государственных кредитных установлений, а 3 000 000 рублей назначаются пособием на общее понижение выкупных платежей со всех бывших помещичьих крестьян, как состоящих уже на выкупе, так и имеющих на оный впредь перейти: по правилам Положения о выкупе 19 февраля 1861 года или издаваемого вместе с сим особого положения, а другая часть — на дальнейшее затем понижение выкупных платежей тех из означенных крестьян, для коих это окажется необходимым на основании нижеследующей статьи 5. ⟨...⟩

4. Общее понижение выкупных платежей в размерах, установленных высочайшим по сему предмету указом (ст. 2), приводится в исполнение с предписанных в нем сроков (ст. 3) губернскими по крестьянским делам присутствиями и казенными палатами применительно к статье 116 Положения о выкупе 19 февраля 1861 года, причем делаются в потребных случаях зачеты излишне внесенных крестьянами после упомянутых сроков выкупных платежей.

5. Сумма, какая останется от 12 000 000 рублей за общим понижением выкупных платежей, предназначается на добавочное понижение выкупных платежей тех селений бывших помещичьих крестьян, которые в том нуждаются по особенно расстроенному их хозяйственному положению. Сумма сия должна быть распределена между таковыми селениями сообразно степени их хозяйственного расстройства, по взаимному соглашению министерств внутренних дел, финансов и государственных имуществ, с тем, а) чтобы проект означенного распределения, какой по получении нужных для сего сведений будет составлен, был прежде окончательного утверждения сообщен на заключение губернских земских собраний, а в губерниях, где не введены еще земские учреждения,— губернских по крестьянским делам присутствий, с участием непременных членов подлежащих уездных присут-

ствий; б) чтобы причитающийся по каждому сельскому обществу средним числом оклад выкупного платежа за десятину удобной земли в крестьянском наделе был, за сделанным в оном понижением, общим и добавочным, не ниже подесятинного оклада оброчной подати, уплачиваемого бывшими государственными крестьянами и в соседних селениях, и в) чтобы упомянутое распределение суммы добавочного понижения выкупных платежей было окончено не позднее начала 1883 года.

6. По окончательном утверждении добавочного понижения выкупных платежей в установленном порядке понижение сие вводится в действие тем же порядком, какой указан в ст. 4 для общего понижения. ⟨...⟩

РЕЧЬ АЛЕКСАНДРА III В КРЕМЛЕ 21 МАЯ 1883 г. ПЕРЕД 630 ВОЛОСТНЫМИ СТАРШИНАМИ, ВЫЗВАННЫМИ В МОСКВУ ДЛЯ ПРИСУТСТВИЯ НА ЕГО КОРОНАЦИИ

⟨...⟩ Следуйте советам и руководству ваших предводителей дворянства и не верьте вздорным и нелепым слухам и толкам о переделах земли, даровых прирезках и тому подобном. Эти слухи распускаются вашими врагами. Всякая собственность, точно так же, как и ваша, должна быть неприкосновенна.

МАНИФЕСТ 3 НОЯБРЯ 1905 Г. «ОБ УЛУЧШЕНИИ БЛАГОСОСТОЯНИЯ И ОБЛЕГЧЕНИИ ПОЛОЖЕНИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ»

Объявляем всем нашим верным подданным:

Глубокой скорбью наполняет сердце наше смута, происшедшая в селениях некоторых уездов, где крестьяне чинят насилие в имениях частных владельцев. Никакое своеволие и самоуправство терпимы быть не могут, и властям, от нас поставленным, гражданским и военным, повелено всеми мерами предупреждать и прекращать беспорядки, карая виновных.

Нужды крестьянские сердцу нашему не могут быть оставлены без внимания.

Насилия и преступления не улучшат, однако, положение крестьян, а Родине могут они принести много великого горя и бед.

Единственный путь прочного улучшения благосостояния крестьян есть путь мирный и законный, и мы всегда ставили первейшей нашей заботой облегчение положения крестьянского населения.

В последнее время нами было повелено собрать и представить нам сведения о тех мерах, которые можно было бы немедленно принять на пользу крестьян.

По рассмотрении этого дела нами решено:

1. Выкупные платежи с крестьян бывших помещичьих, государственных и удельных уменьшить с первого января 1906 г. наполовину, а с первого января 1907 г. взимание этих платежей вовсе прекратить и,

2. Дать Крестьянскому поземельному банку[2] возможность успешнее помогать малоземельным крестьянам в расширении покупкой площади их землевладения, увеличив для сего средства банка и установив более льготные правила для выдачи ссуд.

О приведении этих мер в исполнение даны нами особые указы[3].

Пребываем в уверенности, что совместными затем трудами нашими и *лучших выборных людей земли русской,* которые должны быть свободно указаны в числе подданных наших, и крестьянами, удастся достигнуть удовлетворения дальнейших насущных нужд крестьянства без всякой обиды для прочих землевладельцев.

Уповаем, что любезное сердцу нашему крестьянское население, следуя заповедям христианского добра и любви, услышит царственный призыв наш сохранить мир и тишину и не нарушать закона и прав других лиц. ⟨...⟩

КОММЕНТАРИИ

I. КРЕПОСТНОЕ ПРАВО В РОССИИ В ПРЕДРЕФОРМЕННЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ

А. К. ТРОЙНИЦКИЙ. КРЕПОСТНОЕ НАСЕЛЕНИЕ РОССИИ НАКАНУНЕ ПАДЕНИЯ КРЕПОСТНОГО ПРАВА

Здесь приводятся выводы из статистических данных о численности помещичьих крестьян в России, собранных статистиком А. К. Тройницким, на основании обработанных им материалов 10-й ревизии, проводившейся в 1857—1858 гг. (см.: Тройницкий А. К. Крепостное население России по 10-й народной переписи. Спб., 1861. С. 51—53).

[1] *Камеральные описания* — так назывались в конце XVIII — начале XIX в. хозяйственно-статистические описания отдельных местностей страны.

[2] *Поселенные крестьяне* — крестьяне, имеющие земельный надел, т. е. «поселенные» на помещичьей земле.

ПРИКАЗЫ Н. Ф. ГРИБОЕДОВОЙ БУРМИСТРУ С. ТРОИЦКОГО КОЛОГРИВСКОГО УЕЗДА КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ

Н. Ф. Грибоедова, мать автора «Горе от ума» А. С. Грибоедова, в 1816 году купила у кн. Е. В. Мещерской с. Троицкое с 20 деревнями (вместе с 777 душами муж. пола) за 235 тыс. руб. Чтобы выплатить эту сумму, она заложила купленное имение на 4 года в опекунском совете. Для возмещения затрат Н. Ф. Грибоедова увеличила оброк с крестьян с 16 руб. 70 коп. до 51 руб. 70 коп. с ревизской души, наложила на крестьян многочисленные поборы, затеяла строительство в имении фабрики, затем отобрала у крестьян половину пахотной земли, решив завести в имении барщину. Это вызвало возмущение крестьян, на подавление которого в феврале и марте 1819 г. были посланы две военные команды. 14 крестьян по суду были наказаны кнутом и отправлены в Сибирь на каторгу, однако и Грибоедова вынуждена была в результате всего продать имение, не желая иметь больше дела с мятежными крестьянами.

Приказы Н. Ф. Грибоедовой воспроизводятся по кн.: Пиксанов Н. К. Грибоедов. Исследования и характеристики. Л., 1934. С. 90, 92—93.

[1] *...к вешнему Николе...* — Т. е. первая половина оброка должна быть внесена к 25 декабря, а вторая — 9 мая (по ст. ст.).

[2] *...посадим вас на пашню...* — Здесь угроза помещицы перевести крестьян с оброка на барщину.

[3] *Четверик* — старинная мера объема сыпучих тел; в переводе на вес 1 четверик овса составлял около 14 кг.

ДОНЕСЕНИЕ ПРИКАЗЧИКА ОСТАШКОВСКО-РЖЕВСКОЙ ВОТЧИНЫ ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНИИ (С. ХИТИЦЫ С 24 ДЕРЕВНЯМИ) ИВАНА БЕЛЕВЦЕВА КНЯГИНЕ М. И. ГОЛИЦЫНОЙ О ПОЛОЖЕНИИ ЕЕ КРЕСТЬЯН

Имение в числе 1426 душ муж. пола было получено М. И. Голицыной в 1842 г. в приданое от отца И. А. Долгорукова (участника ранних декабристских организаций «Союза спасения» и «Союза благоденствия», после 1821 г. отошедшего от декабризма; ум. в 1848 г.).

Текст донесения воспроизводится по его архивному оригиналу (Отдел письменных источников Государственного исторического музея, ф. 14 Голицыных, ед. хр. 2780, л. 134).

ПРОШЕНИЕ КРЕСТЬЯН С. МАРЬИНСКОГО БОГОДУХОВСКОГО УЕЗДА ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ НИКОЛАЮ I О ЗАЩИТЕ ИХ ОТ РАЗОРЕНИЯ ПОМЕЩИЦЕЙ ГЛАЗЕНАП

Жалоба крестьян с. Марьинского осталась без ответа. Усиление барщины вызвало в 1839 г. восстание крестьян этого имения, усмиренное военной силой. Текст прошения воспроизводится по кн.: Крестьянское движение в России в 1826—1849 гг.: Сборник документов. М., 1961. С. 341—342.

«УЛОЖЕНИЕ» ДЛЯ С. ПОРЕЧЬЯ (ГРАФОВ ПАНИНЫХ) РОСТОВСКОГО УЕЗДА ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ (1842 Г.)

Старинное с. Поречье (имение Паниных, около оз. Неро) известно как один из крупных центров ростовского торгового огородничества. В селе выделились богатые крестьяне-предприниматели, которые имели большие доходы от огородничества и, как видно из публикуемого здесь «Уложения», покупали (на имя помещика) для своих «услуг» и для сдачи в рекруты вместо себя крепостных. Основные положения даной помещичьей инструкции по управлению имением воспроизводятся по архивному подлиннику документа, хранящегося в ЦГАДА, в фонде Паниных, д. 1350, л. 1—27.

[1] *...с семейств их снимать приличное число душ...* — В данном имении практиковалась подушная система раскладки оброка; чтобы поддержать обедневших крестьян, помещик часть их оброка («оброчных душ») перекладывал на богатых.

[2] *Подушные деньги* — прямой налог с каждой души муж. пола, введенный Петром I в 1724 г. для всех податных сословий.

[3] *Рекрутские квитанции* — богатые крестьяне откупались от рекрутчины путем покупки у казны «рекрутских квитанций», каждая из которых стоила от 300 до 500 руб. сер.

[4] *Вывод* — деньги, уплачиваемые владельцу крепостных девушек, отдаваемых в замужество «на сторону».

[5] *...давать... от крепостных дел выводные.*— Речь идет о выдаче помещичьей конторой письменных разрешений («выводных») крестьянским девушкам, выходившим замуж за крестьян, не принадлежавших к данной вотчине; хранившаяся в вотчинной конторе вся документация о крестьянах называлась «крепостными делами».

[6] *Вид* — паспорт или краткосрочный «билет», выдаваемые уходящим на заработки крестьянам.

[7] *Крестьянам через переторжку друг друга не подрывать...* — Переторжка — назначение новых торгов при продаже-покупке какого-либо имущества; речь идет о запрете крестьянам перебивать торг друг у друга.

А. П. ЗАБЛОЦКИЙ-ДЕСЯТОВСКИЙ. О КРЕПОСТНОМ СОСТОЯНИИ В РОССИИ (1841 Г.)

Андрей Парфенович Заблоцкий-Десятовский (1807—1881) — государственный деятель, экономист и публицист, помощник министра государственных имуществ П. Д. Киселева в 1838—1859 гг., редактор «Земледельческой газеты» (1833—1859), статс-секретарь департамента законов Государственного совета (1859—1867), член Комитета министров (1867—1875), с 1875 г.— член Государ-

ственного совета (об А. П. Заблоцком-Десятовском см. в публикуемых в настоящем издании воспоминаниях П. П. Семенова-Тян-Шанского).

В 1841 г. по поручению П. Д. Киселева Заблоцкий-Десятовский совершил инспекционную поездку по центральным губерниям России под предлогом «обозрения управления государственными имуществами», но на деле — для изучения положения помещичьих крестьян. Эти сведения необходимы были Киселеву для составления его проекта об освобождении крестьян. «Записка» Заблоцкого-Десятовского держалась Киселевым в тайне. Опубликована была спустя 40 лет в книге самого автора: Граф П. Д. Киселев и его время. Спб., 1882. Т. IV. С. 276—328. Извлечения из этой «Записки» публикуются в настоящем издании по указанному сочинению.

[1] *...трехдневный размер...* — Имеется в виду трехдневная барщина.

[2] *Продажа людей раздробительно.* — Официально существовавший запрет «продажи крестьян и дворовых людей с раздроблением семейств» был подтвержден указом Александра I в 1809 г. А. П. Заблоцкий-Десятовский приводит случаи, когда помещики обходили этот запрет. Так, закон не запрещал помещикам отпускать на волю отдельных членов семей крепостных. В данном случае, дав «отпускную» престарелым родителям, помещик мог продать отдельно от них их детей; но чаще всего помещики практиковали создание новых семей из крестьян, предназначенных к продаже.

[3] *Эта картина едва ли не ужаснее жизни ирландцев!* — Англия, завоевавшая еще в эпоху средневековья Ирландию, установила там жестокий колониальный гнет. Страну периодически поражали голодовки, что приводило к вымиранию и массовой эмиграции населения. Европейская и русская публицистика XVIII — XIX вв. много писала о бедственном положении ирландского крестьянства.

[4] *Месячина* — плата натурой в виде месячного продовольственного пайка, выдаваемого помещиком крестьянину, лишенному земельного надела и обязанному все рабочее время находиться на барщине. Месячина являлась одним из средств интенсификации барщины, однако ввиду крайне низкой производительности труда и из-за дополнительных расходов помещика на содержание крестьян-«месячников» не получила сколько-нибудь значительного распространения.

Д. Т. ГНЕДИН. МОИ ВОСПОМИНАНИЯ

Дмитрий Титович Гнедин (1818—1885) — помещик Екатеринославской губернии, в пореформенные годы мировой посредник, земский гласный. В своих мемуарах ярко изображает быт мелкопоместного дворянства Екатеринославской и других губерний Южной России. Здесь воспроизводится отрывок воспоминаний, посвященных положению крепостных крестьян. Печатается по: Русское богатство. 1893. № 6. С. 14—17.

[1] *...их обращали в экономическую прислугу.* — Т. е. крестьяне селения переводились на положение дворовых, лишенных надела, но обязанных все дни недели работать в помещичьей «экономии». Таковые крестьяне составляли категорию «месячников» (получавших месячный продовольственный паек).

[2] *Серяк* — сермяга, кафтан из грубого некрашеного сукна.

Н. П. СЕМЕНОВ. БЫТ КРЕСТЬЯН ДО ОБНАРОДОВАНИЯ ПОЛОЖЕНИЯ 19 ФЕВРАЛЯ 1861 ГОДА

Николай Петрович Семенов (1823—1904) — младший брат П. П. Семенова-Тян-Шанского, член Редакционных комиссий по разработке «Положений о крестьянах...». Текст воспоминаний воспроизводится по кн.: Семенов Н. П. О судьбах крестьянского сословия — в России. Спб., 1894. С. 5—6, 14—16, 18—19, 26—27.

[1] *...специального полюбовного межевания дач между их владельцами...* — Имеется в виду предпринятое с 1836 г. размежевание находившихся в совместном владении помещичьих «земельных дач» (участков).

ИЗ ОТЧЕТОВ III ОТДЕЛЕНИЯ СОБСТВЕННОЙ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА КАНЦЕЛЯРИИ О КРЕСТЬЯНСКИХ НАСТРОЕНИЯХ

Здесь воспроизводятся извлечения из годовых отчетов начальника III отделения и шефа жандармов А. Х. Бенкендорфа о «внутреннем состоянии России» и «расположении умов» в 1834 и 1839 гг. по публикации: Крестьянское движение 1827—1869. Вып. 1. М.; Л., 1931. С. 9, 15—16, 23, 31—32.

[1] Имеется в виду заключение в 1839 г. брака дочери Николая I Марии Николаевны (1819—1872) с герцогом Максимилианом Лейхтенбергским.

[2] *Кантонисты* — так назывались в 1805—1856 гг. солдатские сыновья, числившиеся со дня своего рождения за военным ведомством.

[3] *...с Аманом и фараоном...* — По библейским преданиям (см. кн. «Исход», «Эсфирь»), Аман — придворный персидского царя Артаксеркса — задумал погубить евреев в Персии, за что был казнен царем. Фараон — здесь один из египетских царей, вынудивший своими жестокостями и преследованиями к переселению евреев из Египта, за что Бог наслал 10 казней на землю египетскую и потопил войско фараона в Красном море.

[4] *...преследованием раскольников...* — В 1825 и 1831 гг. учреждались секретные комитеты по «борьбе с расколом». Создавались и специальные комиссии Министерства внутренних дел для «обращения раскольников в лоно православия». На местах полицейские чиновники разоряли скиты: православная церковь насильно «перекрещивала» лиц, «отпадших от православия», наиболее упорных ссылали в монастыри «для исправления». Последнее массированное «наступление на раскол» было проведено в 1852—1853 гг. и сопровождалось массовым уничтожением раскольничьих скитов и молелен.

[5] Имеется в виду указ от 16 января 1830 г., по которому удельные имения сосредоточивались в 11 губерниях вместо 36 путем обмена удельных селений на казенные, и указ 24 января 1830 г., по которому изменялась система податного обложения удельных крестьян — подушный оброк заменялся поземельным сбором.

[6] *Бессрочноотпускные* — солдаты, отпущенные в «бессрочный отпуск» (обычно после 15 лет службы). Такая практика получила широкое применение после окончания в 1856 г. Крымской войны в силу необходимости сокращения численности армии в условиях тяжелого финансового кризиса. Бессрочноотпускной солдат возвращался в свою деревню, но по закону он был свободным человеком. Обычно бессрочноотпускные солдаты являлись наиболее активными участниками крестьянских волнений в эпоху отмены крепостного права.

ЗАПИСКА, ПРЕДСТАВЛЕННАЯ В КОНЦЕ 1857 г. ИЛИ НАЧАЛЕ 1858 г. ЧЛЕНУ СЕКРЕТНОГО КОМИТЕТА ПО КРЕСТЬЯНСКОМУ ДЕЛУ М. Н. МУРАВЬЕВУ О ХАРАКТЕРЕ ВОЛНЕНИЙ КРЕСТЬЯН ПОМЕЩИКА ФЕДОРОВА И ПОМЕЩИЦЫ КИРЕЕВОЙ В НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1852—1853 гг.

«Записка» составлена по материалам расследования волнений крестьян в 17 селениях Ардатовского уезда Нижегородской губернии неизвестным чиновником. В ней четко выражены основные крестьянские требования. Выдержки из нее воспроизводятся по архивному оригиналу (ЦГИА СССР, ф. 1180, т. XV, д. 99, л. 298—304).

[1] Речь идет о подавлении военной силой крестьянских волнений в Нижегородской губернии в 1853 г.

II. ПОДГОТОВКА КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ В РОССИИ

М. П. ПОГОДИН О ПОЛОЖЕНИИ РОССИИ В КОНЦЕ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

Михаил Петрович Погодин (1800—1875) — сын крепостного, отпущенного в 1806 г. на волю, профессор русской истории в Московском университете (с 1833 г.), член Российской Академии наук (с 1836 г.), редактор журнала

«Москвитянин» (1841—1856), сотрудник «Московских ведомостей» и «Русской беседы» в 50—60-х гг., тайный советник. Придерживался консервативных взглядов (в 30—40-х гг. — видный представитель «официальной народности»). В годы Крымской войны выступил в серии политических писем, расходившихся в списках, с критикой внешней и внутренней политики правительства и требованием проведения ряда реформ. В данной книге воспроизводятся в сокращении его письма от 18 ноября 1854 г., от 3 января и 16 мая 1856 г. по изданию: Погодин М. П. Историко-политические записки и письма в продолжении Крымской войны. М., 1874. С. 333—340, 355—358.

[1] *Далай-лама* — первосвященник ламаистской (форма буддизма) церкви в Тибете; титул появился в XV в.

[2] *Лукавии рабы и невернии, что сделали мы ... с своими десять раз десятью талантами!* — М. П. Погодин имеет в виду притчу Иисуса Христа о хозяине, который, отправляясь в чужую страну, призвал рабов своих и поручил им свое имение, раздав каждому «по силе его» деньги, чтобы они «употребили их в дело» (Евангелие от Матфея, 25, ст. 14—30). Ссылкой на эту евангельскую притчу Погодин хочет показать, что власти уподобились тем «лукавым и неверным рабам», которые расточили богатства страны и ввергли ее в бедственное состояние.

[3] Оноре Габриель Рикетти *Мирабо* (1749—1791) — видный деятель Великой французской революции.

[4] Александр Огюст *Ледрю-Роллен* (1807—1874) — французский политический деятель. После революции 1848 г. во Франции министр Временного правительства, позднее, в 1871 г., — депутат национального собрания.

[5] *Никита Пустосвят* — Никита Константинович Добрынин — видный деятель «раскола» в русской церкви в XVII в., писатель; осужден церковным собором 1666—1667 гг., один из руководителей Московского восстания 1682 г. Казнен 5 июля 1682 г.

[6] Джузеппе *Маццини* (Мадзини) (1805—1872) — революционный итальянский демократ, вождь Рисорджименто (возрождения) — движения за национальную независимость Италии от австрийского ига и за ее воссоединение, основатель революционной организации «Молодая Италия», активный участник революции 1848—1849 гг. в Италии, глава Римского правительства в 1849 г., сподвижник Гарибальди во время похода его «Тысячи» (революционного отряда) в 1859—1860 гг.

[7] *Оконель* — имеется в виду Даниел О'Коннел (1775—1847), лидер либерального крыла ирландского национально-освободительного движения, глава ирландской фракции в английском парламенте (1829—1840).

[8] *Колиивщина* — крестьянско-казацкое антифеодальное восстание 1768 г. на Правобережной Украине. Наиболее видными руководителями восстания были Максим Железняк и Иван Гонта. Восстание было жестоко подавлено царскими и польскими войсками.

[9] *...последние ужасы в Галиции* — Речь идет о крестьянском восстании в феврале—апреле 1846 г. в западной части Галиции против феодального и национального гнета. Подавлено австрийскими войсками. Галицийское восстание 1846 г. явилось прологом революционных событий 1848—1849 гг. в Австрийской империи и послужило одним из факторов, заставивших австрийское правительство провести крестьянскую реформу.

[10] См. об этом комм. 1 и 2 к Манифесту 19 февраля 1861 г.

[11] *...войною и нейтралитетом...* — Погодин имеет в виду такую форму борьбы на международной арене, как «вооруженный нейтралитет». Таковыми являлись, например, союз России, Дании и Швеции в 1780—1783 гг. для охраны торгового мореплавания во время войны Англии с Северной Америкой и союз в 1800 г. тех же стран с участием Пруссии, направленный против Англии.

[12] *Числа управляют миром, говорил Платон.* — Одним из необходимых инструментов философии Платона была математика. По Платону, математика оказывалась единственным средством достоверного изображения ума-демиурга (творца), идеи-числа вмещали всю полноту подлинного бытия.

[13] *...провозгласите амнистию всем полякам...* — Речь идет об участниках польского восстания 1830—1831 гг.

[14] *Простите наших политических преступников...* — М. П. Погодин имеет в виду сосланных в Сибирь декабристов.

[15] *Дайте право приобретать землю кому угодно, с обязанными крестьянами...* — Здесь Погодин предлагает как одну из мер личного освобождения крестьян предоставление права и недворянам приобретать населенные земли с условием перевода крепостных крестьян на положение обязанных.

[16] *...примирит вас с Венгрией, Италией...* — Здесь намек на венгерский поход русской армии в 1849 г. и поддержку в целом политики Австрии.

[17] Эдуард Иванович *Тотлебен* (1818—1884) — русский инженер-генерал, руководитель военно-инженерных работ в годы Крымской войны в осажденном Севастополе; впоследствии глава военно-инженерного ведомства России.

[18] *Неключимый раб* — негодный раб. Погодин цитирует 29-й ст. гл. 25 Евангелия от Матфея.

ИЗ «ЗАПИСКИ» А. И. ЛЕВШИНА «ДОСТОПАМЯТНЫЕ МИНУТЫ В МОЕЙ ЖИЗНИ»

Алексей Ираклиевич Левшин (1799—1879) в 1854—1859 гг. был товарищем министра внутренних дел С. С. Ланского; автор поданной 26 июля 1857 г. в Секретный комитет по крестьянскому делу «Записки», в которой были изложены первоначальные, весьма умеренные основания программы освобождения крепостных крестьян: крестьяне получали личную свободу, наделялись землей в пользование, за которую обязаны были нести фиксированные законом феодальные повинности. Извлечения из воспоминаний А. И. Левшина воспроизводятся по изданию: Русский архив. 1885. № 8. С. 475—557.

[1] *...при введении инвентарей в западных губерниях...* — Речь идет о проведении в 1847—1848 гг. «инвентарной реформы» в губерниях Правобережной Украины (Киевской, Подольской и Волынской) и Белоруссии (Минской, Могилевской и Витебской). Суть ее заключалась в составлении «инвентарей» — описаний помещичьих имений с точной фиксацией крестьянских наделов и повинностей в пользу помещика, которые впредь нельзя было изменять. Таким образом, реформа призвана была ограничить произвол помещиков в определении норм наделов и размеров повинностей. Она фактически очень мало улучшила положение крепостного крестьянства, но вместе с тем вызвала раздражение помещиков.

[2] Сергей Степанович *Ланской* (1787—1862) — граф, министр внутренних дел (1855—1861).

[3] *...прочитав речь московскую...* — Имеется в виду речь Александра II, обращенная 30 марта 1856 г. к московскому дворянству, которую Левшин цитирует выше. Более точный вариант ее приводится в настоящем издании.

[4] *Министр, слывший некогда (во времена Александра I) либералом...* — С. С. Ланской в молодости состоял членом декабристской организации «Союз благоденствия».

[5] *...совещания с ... Назимовым...* — Имеются в виду переговоры Александра II с генерал-губернатором литовских губерний В. И. Назимовым, в результате которых Назимов обещал ему склонить литовское и польское дворянство своих губерний проявить инициативу в деле освобождения крестьян.

[6] *...в крае, ему вверенном...* — Речь идет о разработанном в 1850 г. проекте проведения инвентарной реформы в трех литовских губерниях, где из-за сопротивления местного дворянства она не была реализована.

[7] Имеется в виду проект рескрипта В. И. Назимову, который был обсужден в Секретном комитете по крестьянскому делу и окончательно подписан 20 ноября 1857 г. Александром II.

[8] *Елена Павловна* (Фредерика-Шарлотта-Мария) (1806—1873) — великая княгиня, жена великого князя Михаила Павловича.

[9] *... ей принадлежащих, в Полтавской губернии...* — А. И. Левшин говорит о проекте освобождения крестьян в принадлежавшем великой княгине Елене Павловне (вдове великого князя Михаила Павловича) имении Карловка Полтавской губернии, разработанном в 1857 г. Н. А. Милютиным. Это был первый почин, хотя и сугубо местного характера, крестьянской реформы. Крестьяне имения Карловка освобождались на более благоприятных условиях (предоставление в собственность земли за умеренный выкуп), чем предлагал Левшин в своей записке.

[10] Яков Иванович *Ростовцев* (1803—1860) — генерал-адъютант, начальник штаба по управлению военно-учебными заведениями, член Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу, председатель Редакционных комиссий по разработке проекта Положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости.

[11] Алексей Федорович *Орлов* (1786—1861) — князь, шеф жандармов (1844—1856), председатель Государственного совета и Комитета министров (1856—1860), председатель Секретного комитета 3 января 1857 г. по крестьянскому делу; Владимир Петрович *Бутков* (1820-е—1881) — государственный секретарь (1853—1865); Дмитрий Николаевич *Блудов* (1785—1864) — граф, в 1839—1862 гг. — главноуправляющий 2-м отделением Собственной его императорского величества канцелярии, в 1862—1864 гг. — председатель Государственного совета, в 1861—1864 гг. — председатель Комитета министров; Владимир Федорович *Адлерберг* (1791—1884) — граф, управляющий почтовым департаментом (1842—1857), министр императорского двора и уделов (1852—1870); Павел Павлович *Гагарин* (1789—1872) — князь, член Государственного совета, в 1864—1865 гг. — его председатель, председатель Комитета министров (1864—1872), крупный помещик; Василий Андреевич *Долгоруков* (1804—1868) — князь, военный министр (1853—1856), начальник III отделения и шеф жандармов (1856—1866); Михаил Николаевич *Муравьев* (1796—1866) — граф, министр государственных имуществ (1857—1861), генерал-губернатор Северо-Западного края (1863—1865); Константин Владимирович *Чевкин* (1802—1875) — главноуправляющий путей сообщения (1853—1862); Модест Андреевич *Корф* (1800—1872) — барон, с 1843 г. — член Государственного совета, в 1848—1849 гг. — член Негласного комитета по надзору за печатью, директор Императорской публичной библиотеки (1849—1861), главноуправляющий II отделением (1861—1864), президент департамента законов Государственного совета (1864—1872); Петр Федорович *Брок* (1805—1875) — министр финансов (1853—1858), председатель департамента государственной экономии Государственного совета (1862—1864).

[12] М. А. Корф был уволен из Секретного комитета по крестьянскому делу в 1858 г.

[13] *...с министром государственных имуществ...* — Имеется в виду М. Н. Муравьев.

[14] Текст рескрипта В. И. Назимову см. в настоящем издании.

[15] Текст Отношения министра внутренних дел от 21 ноября 1857 г. губернаторам приводится полностью в настоящем издании.

[16] Александр Николаевич *Муравьев* (1792—1863) — основатель первой декабристской организации «Союз спасения». В сентябре 1856 г. был назначен нижегородским военным губернатором. Активно участвовал в подготовке крестьянской реформы, возглавляя «левое», либеральное крыло нижегородского дворянства. Вследствие интриг реакционно-крепостнической части дворянства губернии, которое составляло большинство, в апреле 1861 г. был уволен от должности. Высочайшим приказом был назначен сенатором с переводом в Москву (в Московское отделение Сената).

[17] Арсений Андреевич *Закревский* (1783—1865) — граф, в 1848—1859 гг. — московский генерал-губернатор. Реакционная деятельность Закревского на этом посту неоднократно подвергалась критике в «Колоколе» А. И. Герцена.

[18] Виктор Никитич *Панин* (1801—1874) — граф, министр юстиции (1841—1861), член Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу, с февраля 1860 г. — председатель Редакционных комиссий по выработке проекта крестьянской реформы.

[19] Имеются в виду циркуляры от 9 декабря 1858 г. и 22 января 1859 г. Первый циркуляр хотя и позволял, но регламентировал обсуждение в печати крестьянского вопроса. Второй циркуляр усиливал цензурные строгости касательно публикаций по этому вопросу: все статьи на эту тему должны были посылаться на просмотр не только в Министерство внутренних дел, но и во все остальные ведомства, которых эта тема касалась. Была запрещена всякая информация в периодических изданиях об итогах работы губернских комитетов.

[20] Речь идет о статье профессора Петербургского университета, правоведа и публициста, видного «западника» Константина Дмитриевича *Кавелина* (1818—

1885) «Освобождение крестьян в России», опубликованной в апрельской книжке «Современника» за 1858 г.

[21] Александр Григорьевич *Тройницкий* (1807—1871) — статистик, член совета Министерства внутренних дел (1858—1861), товарищ министра (1861—1867), член Государственного совета (1867—1871).

[22] Григорий Александрович *Щербатов* (1819—1881) — князь, петербургский губернский предводитель дворянства (1861—1864).

[23] К. Д. Кавелин был определен в качестве преподавателя истории русского права к наследнику-цесаревичу Николаю Александровичу (1843—1865) по рекомендации члена Государственного совета и дипломата Владимира Павловича *Титова* (1803—1891).

[24] Александр Михайлович *Горчаков* (1798—1883) — князь, канцлер, министр иностранных дел (1856—1882).

[25] *«Журнал землевладельцев»* (1858—1860) основан членом-экспертом Редакционных комиссий, казанским и пензенским помещиком Алексеем Дмитриевичем Желтухиным. Публиковал помещичьи проекты и «мнения» о крестьянской реформе, а также материалы губернских комитетов, готовивших местные проекты поземельного устройства освобождаемых крестьян.

РЕЧЬ АЛЕКСАНДРА II, ПРОИЗНЕСЕННАЯ ИМ 30 МАРТА 1856 г. ПЕРЕД МОСКОВСКИМИ ГУБЕРНСКИМ И УЕЗДНЫМИ ПРЕДВОДИТЕЛЯМИ ДВОРЯНСТВА

Выступление Александра II было вызвано просьбой московского генерал-губернатора А. А. Закревского успокоить дворян, взволнованных распространившимися слухами о близкой отмене крепостного права. Отсюда и противоречивость заявления царя: с одной стороны, стремление убедить в «неосновательности» слухов, с другой — дать понять дворянству, чтобы оно само проявило инициативу в этом деле, дабы предупредить возможность отмены крепостного права «снизу». Имеется несколько вариантов этой речи. Здесь воспроизводится наиболее точный вариант по публикации А. Попельницкого в журнале «Голос минувшего» (1916. № 5—6. С. 393).

РЕСКРИПТ ОТ 20 НОЯБРЯ 1857 г. АЛЕКСАНДРА II ВИЛЕНСКОМУ, ГРОДНЕНСКОМУ И КОВЕНСКОМУ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРУ В. И. НАЗИМОВУ

Выше (в предисловии) говорилось об обстоятельствах появления этого рескрипта.

Полный текст рескрипта В. И. Назимову здесь воспроизводится по изданию: Сборник правительственных распоряжений по устройству быта крестьян, вышедших из крепостной зависимости. Т. 1. Спб., 1861. С. 1—4.

[1] *Усадебная оседлость* — крестьянский двор с усадебной землей.

[2] *...количество земли...* — Здесь имеется в виду полевой надел земли.

Отношение министра внутренних дел С. С. Ланского к виленскому военному, гродненскому и ковенскому генерал-губернатору В. И. Назимову (Дополнительное отношение к высочайшему рескрипту об открытии комитетов в Виленской, Гродненской и Ковенской губерниях)

Данное «отношение» служило «дополнением» к рескрипту 20 ноября 1857 г. Развивая и конкретизируя основные положения рескрипта, оно определяло основания, которыми должны руководствоваться губернские комитеты при разработке местных проектов поземельного устройства освобождаемых крестьян. Подобные же «отношения» были разосланы вместе с рескриптами и остальным губернаторам. Публиковались 4 и 24 декабря 1857 г. одновременно с рескриптами. Отношение от 21 ноября 1857 г. здесь воспроизводится по изданию: Сборник правительственных распоряжений по устройству быта крестьян, вышедших из крепостной зависимости. Т. 1. Спб., 1861. С. 80—86.

[1] Статья предусматривает передачу из трех губернских комитетов литовских

губерний выработанных в течение шестимесячного срока местных проектов в Общую комиссию в г. Вильне. В остальных губерниях России таковых Общих комиссий по группам губерний не создавалось, и выработанные проекты губернских комитетов непосредственно поступали в Главный комитет, а точнее, в учрежденные позднее Редакционные комиссии.

[2] Как видим, первоначальная правительственная программа освобождения крестьян предусматривала сохранение за помещиком права контроля за деятельностью крестьянского мирского управления.

ЗАПИСКА ПРУССКОГО ЭКОНОМИСТА АВГУСТА ГАКСТГАУЗЕНА О НЕОБХОДИМОСТИ ОТМЕНЫ КРЕПОСТНОГО ПРАВА В РОССИИ, ПОДАННАЯ ИМ В ИЮНЕ 1857 г. МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ А. М. ГОРЧАКОВУ ДЛЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АЛЕКСАНДРУ II

Август Гакстгаузен (1792—1866) — немецкий барон, экономист и публицист, придерживавшийся консервативных взглядов. В 1843 г. путешествовал по России с целью изучения состояния русской общины и земельных порядков. Результаты своих исследований обобщил в трехтомном сочинении, опубликованном в 1847—1853 гг. на немецком и французском языках. 1-й том этого сочинения «Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России» был опубликован на русском языке в 1870 г. Текст записки Гакстгаузена здесь воспроизводится по кн.: З а й о н ч к о в с к и й П. А. Отмена крепостного права в России. М., 1968. С. 75.

[1] *Мадзини* (Маццини) — см. о нем в комментарии к «Письмам» М. П. Погодина.

[2] *...братии в Англии...* — Возможно, намек на Герцена и Огарева.

[3] Прочитав записку Гакстгаузена, Александр II сделал на полях замечание: «Совершенно справедливо, и в этом моя главная задача».

ПОМЕЩИЧЬИ ПРОЕКТЫ ОТМЕНЫ КРЕПОСТНОГО ПРАВА

В данном издании воспроизводятся получившие наиболее широкую известность проекты М. П. Позена, Ю. Ф. Самарина и А. М. Унковского, отражающие интересы помещиков нечерноземных, черноземных и степных регионов России.

ПРОЕКТ М. П. ПОЗЕНА

Михаил Павлович Позен (1798—1871) — крупный полтавский помещик. Проект был составлен Позеном в двух вариантах: «Первая записка о мерах освобождения крепостных крестьян» (поданная во время аудиенции 18 декабря 1856 г. Александру II в Петербурге) и «Вторая записка о мерах освобождения крепостных крестьян» (подана Александру II в 1857 г. в Киеве). Второй вариант является развитием и конкретизацией первого. В данном издании воспроизводится второй вариант по кн.: П о з е н М. П. Бумаги по крестьянскому делу. Дрезден, 1864. С. 36—40.

[1] Имеются в виду «Жалованные грамоты» 1785 г. дворянству и городам.

[2] *Казенные* имения — селения государственных крестьян, уплачивающих за пользование землею, на которой они «сидели», феодальную ренту государству в виде денежного оброка.

[3] *Задельные имения* — барщинные имения; здесь Позен предусматривает сохранение барщины за предоставленный освобожденным крестьянам надел, но с ее оценкой в рублях.

[4] Деление дворян на потомственных и личных появилось со времени издания в 1722 г. Петром I Табели о рангах. Личные дворяне получали патент на дворянство за выслугу. Личный дворянин имел все права и привилегии, за исключением права владеть крепостными крестьянами. Личное дворянство не передавалось по наследству. Категории почетных граждан двух степеней (потомственных и личных) введены в 1832 г. В категорию потомственных почетных

граждан включались дети личных дворян, церковнослужителей, ученые, художники, купцы 1-й гильдии. Они освобождались от рекрутства, податей и телесных наказаний.

ПРОЕКТ Ю. Ф. САМАРИНА

Юрий Федорович Самарин (1819—1876) — крупный помещик Самарской губернии, член самарского губернского комитета по улучшению быта помещичьих крестьян и член-эксперт Редакционных комиссий, известный публицист-славянофил. Проект Самарина, изложенный в его статье «О теперешнем и будущем устройстве помещичьих крестьян в отношениях юридическом и хозяйственном», был опубликовал в кн. 2 журнала «Сельское благоустройство» за 1858 г. Здесь воспроизводятся извлечения из этой статьи по изданию: Самарин Ю. Ф. Сочинения. Т. III. М., 1885. С. 19—21, 28—30, 40—42.

ЗАПИСКА А. М. УНКОВСКОГО ПО КРЕСТЬЯНСКОМУ ДЕЛУ

Алексей Михайлович Унковский (1828—1893) — помещик Тверской губернии, юрист по образованию, губернский предводитель дворянства (1857—1859), председатель Тверского губернского комитета об улучшении быта помещичьих крестьян, депутат «первого призыва» от этого комитета в Редакционные комиссии. В декабре 1857 г. подал Александру II записку об освобождении крестьян. Записка отражает интересы помещиков нечерноземных, промышленных губерний, стремившихся к быстрейшей ликвидации крепостных отношений, без всякого «переходного состояния», и к получению максимального выкупа не только за крестьянский надел, но и за утрату крепостного труда. Записка воспроизводится полностью по изданию: Джаншиев Г. А. А. М. Унковский и освобождение крестьян. М., 1894. С. 62—70.

[1] *...крестьянин подчинялся помещику на основании начал чисто родового быта и феодального права никогда не было...* — Здесь А. М. Унковский разделяет бытовавшую в то время в русской исторической литературе и публицистике версию о якобы коренном отличии отношений между господином и крестьянином на Западе и в России. Согласно этой версии в России существовали патриархальные отношения между крестьянином и помещиком, отсутствовал антагонизм между ними, отсутствовало феодальное право, которое имело место будто бы лишь в западно-европейских странах. Само феодальное право рассматривалось в юридическом плане отношений сюзерена и его вассала.

[2] *Пример остзейских губерний к нам неприложим.* — А. М. Унковский имеет в виду безземельный способ освобождения крестьян в остзейских губерниях в 1816—1819 гг. Возможность проведения такого варианта освобождения крестьян в Остзейском крае Унковский усматривает в отсутствии там поземельной общины.

[3] *Наш великорусский крестьянин не испытал никогда феодальной зависимости и бесприютного рабства.* — Данный вывод Унковского исходит из идеализации патриархальных отношений на Руси между помещиками и крестьянами.

[4] В число 630 424 ревизских душ мужского пола в Тверской губернии входят кроме 360 557 душ помещичьих крестьян крестьяне государственные и удельные.

А. И. ГЕРЦЕН. ЧЕРЕЗ ТРИ ГОДА (18 ФЕВРАЛЯ 1858 ГОДА)

В статье дается оценка царствования Александра II за истекшие «три года» со времени вступления его на престол. Предпринятые Александром II первые шаги по пути освобождения крестьян изменили прежнее критическое отношение Герцена к этому монарху, что и было выражено в данной статье. Статья приводится полностью по ее публикации в «Колоколе», лист 9 от 15 февраля 1858 г. (см. также: Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 13. М., 1958. С. 195—197).

[1] «Ты победил, Галилеянин!» — По преданию, слова гонителя христиан римского императора Юлиана отступника, сказанные им перед смертью. «Галилеянином» называли Христа (родом из Галилеи). Этими словами Герцен

подчеркивал историческую значимость акта Александра II, приступившего к освобождению крепостных крестьян в России.

[2] *...середь нелепой войны* — Имеется в виду Крымская война.

[3] Речь идет о книге М. А. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I», (Спб., 1857). Эта промонархическая книга, восхвалявшая «мудрость» и «гуманность» Николая I и трактовавшая декабристов как «извергов» и «цареубийц», вызвала сильное возмущение Герцена и Огарева. Герцен назвал эту книгу «подлым произведением придворного евнуха» и выступил в «Колоколе» с протестом по поводу ее опубликования. Огарев написал подробный «Разбор книги Корфа», который вошел в сборник «14 декабря 1825 г. и император Николай», изданный Герценом и Огаревым в 1858 г. в Лондоне.

[4] *...Александр II подписал первый акт...* — Речь идет о рескрипте царя В. И. Назимову от 20 ноября 1857 г.

[5] *Пеночкин* — персонаж рассказа И. С. Тургенева «Бурмистр».

[6] *...когда ваших детей ссылали в Сибирь...* — Упрек дворянству, из среды которого не раздавались голоса протеста против ссылки декабристов в Сибирь.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ. УСТРОЙСТВО БЫТА ПОМЕЩИЧЬИХ КРЕСТЬЯН (материалы для решения крестьянского вопроса)

Статья Н. Г. Чернышевского, извлечения из которой воспроизводятся в настоящем издании, была опубликована в № 9 «Современника» за 1859 г. (Здесь воспроизводится по изданию: «Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 5. М., 1950. С. 711—737). В подцензурной форме Чернышевский проводит требование освобождения крестьян без переходного периода и предоставления им всей имеющейся у них земли без всякого выкупа.

[1] *Адам Смит* (1723—1790) — известный английский экономист, крупнейший представитель классической политэкономии. Основное его произведение «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776).

П. П. СЕМЕНОВ-ТЯН-ШАНСКИЙ. НАЧАЛО ЭПОХИ ОСВОБОЖДЕНИЯ КРЕСТЬЯН ОТ КРЕПОСТНОЙ ЗАВИСИМОСТИ. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ПОСЛЕДНЕГО ОСТАВШЕГОСЯ В ЖИВЫХ УЧАСТНИКА ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ РАБОТ ЭТОЙ ЭПОХИ

Петр Петрович Семенов-Тян-Шанский (до 1906 г. Семенов, 1827—1914) — известный русский ученый-географ, путешественник, статистик и общественный деятель, активный участник освобождения крестьян в России, член редакционных комиссий. Здесь воспроизводятся в сокращенном виде его воспоминания по изданию: Вестник Европы. 1911. Февраль. С. 5—25; Март. С. 3—39.

[1] Мемуарист не совсем точно приводит слова Манифеста Александра I при восшествии на престол 12 марта 1801 г. В манифесте сказано, что новый государь будет управлять «Богом врученным» ему народом «по законам и по сердцу в бозе почивающей августейшей бабки нашей государыни Екатерины Великия».

[2] С. С. Ланской (1787—1862) в царствование Александра I являлся «мастером» (т. е. входил в высший круг) масонской ложи Палестины.

[3] Об основателе ранних декабристских организаций, «Союза спасения» и «Союза благоденствия», А. Н. Муравьеве см. комм. 16 к воспоминаниям А. И. Левшина. Принятие А. Н. Муравьевым С. С. Ланского в «Союз благоденствия» документально подтверждается показаниями члена этой организации С. В. Капниста (ГАРФ, ф. 48, д. 244).

[4] Мемуарист дает вольное изложение нравственно-пропагандистской программы «Союза благоденствия», записанной в его уставе «Зеленая книга».

[5] *Владимир Федорович Одоевский* (1803—1869) — писатель, музыкальный критик, основатель и председатель Общества любомудрия (1823—1825).

[6] *...Бибиков имел большие заслуги по крестьянскому делу.* — Имеется в виду проведение Д. Г. Бибиковым инвентарной реформы в помещичьей деревне на Правобережной Украине в 1847—1848 гг.

[7] *...в министерстве графа Киселева...* — Речь идет об учрежденном в

1837 г. Министерстве государственных имуществ, во главе которого был поставлен П. Д. Киселев.

[8] *Михаил Николаевич Муравьев* (1796—1866).

[9] *Николай Алексеевич Милютин* (1818—1872) — видный государственный деятель, придерживавшийся либеральных взглядов, один из активных участников крестьянской реформы 1861 г.; в 1859—1861 гг. — товарищ министра внутренних дел, член редакционных комиссий 1859—1860 гг.; с 1863 г. — статс-секретарь Царства Польского.

[10] *Дмитрий Алексеевич Милютин* (1816—1912) — старший брат Н. А. Милютина, видный военный и государственный деятель, военный министр (1861—1881), генерал-фельдмаршал.

[11] Имеются в виду исследовательские работы Дмитрия Алексеевича Милютина, особую известность среди которых получил его труд «История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 г.» в 5 томах.

[12] *Александр Григорьевич Строганов* (1795—1891) — граф, министр внутренних дел (1839—1841), с 1849 г. — член Государственного совета, известный коллекционер и меценат, проявлявший большой интерес к литературе, искусству, истории, археологии.

[13] *Василий Петрович Боткин* (1811—1869) — литературный критик и публицист, друг А. И. Герцена; принадлежал к идейному направлению «западников».

[14] *Иван Павлович Арапетов* (1811—1887) — директор канцелярии Министерства императорского двора и уделов, член Редакционных комиссий 1859—1860 гг.

[15] *Михаил Николаевич Лонгинов* (1823—1875) — историк литературы, библиограф, автор мемуаров.

[16] *Иван Иванович Панаев* (1812—1862) — писатель, публицист, поэт-пародист.

[17] *Михаил Александрович Языков* (1811—1885) — служащий императорского стекольного завода, близкий к кружку «Современника» и «Отечественных записок».

[18] Основанное в Петербурге Русское императорское географическое общество проводило обширные экономико-статистические и этнографические исследования России и других стран, организовывало многочисленные научные экспедиции, издавало журналы и монографические труды по этим проблемам. Оно объединило лучшие и прогрессивно настроенные научные силы в области географии, экономики, этнографии и статистики. Ряд членов этого Общества (П. П. Семенов-Тян-Шанский, Н. А. Милютин, А. П. Заблоцкий-Десятовский, В. А. Черкасский, Ю. Ф. Самарин, Е. И. Ламанский, К. И. Домонтович) стали видными деятелями крестьянской реформы.

[19] Никита Иванович *Крылов* (1807—1879) — профессор Московского университета (с 1836 г.) по кафедре истории и цензор Московского цензурного комитета в 1839—1844 гг.

[20] «Записка об освобождении крестьян в России» была действительно написана К. Д. Кавелиным в марте 1855 г.; выдержки из нее были опубликованы в 3-й книжке «Голосов из России» (1857) и в апрельском номере «Современника» за 1858 г. Полностью «Записка» была опубликована в 1886 г. в «Русской старине» и в 1898 г. во 2-м томе собрания Сочинений Кавелина.

[21] *...комитет... об ограничении крепостного права...* — Речь идет о Секретном комитете по крестьянскому вопросу 1839—1842 гг. На нем обсуждались проект П. Д. Киселева о постепенной ликвидации крепостной зависимости крестьян и действие указа 1803 г. о свободных хлебопашцах. Единственным практическим результатом работы этого комитета явилось издание 2 апреля 1842 г. указа об обязанных крестьянах, который предусматривал заключение между помещиками и крестьянами, по обоюдному соглашению, условий о предоставлении крестьянам личной свободы и надела в пользование, за что крестьяне обязаны были нести в пользу помещика оброк или барщину. Зафиксированные в договоре размеры наделов и повинностей уже нельзя было впредь изменять.

[22] «Земледельческая газета» пропагандировала передовые агротехнические методы ведения сельского хозяйства; в 1847 г. в ней была опубликована знаменитая статья А. И. Кошелева «Охота пуще неволи», доказывавшая преимущества

вольнонаемного труда перед крепостным. С момента основания газеты в 1834 г. до 1865 г. редактором ее был А. П. Заблоцкий-Десятовский.

[23] *Иван Павлович Арапетов* (1811—1887); *Константин Иванович Домонтович* (1820—1889) — директор департамента Министерства императорского двора и уделов (с 1865 г.); *Константин Сергеевич Веселовский* (1819—1901) — профессор политэкономии; *Владимир Павлович Безобразов* (1828—1889) — экономист, публицист; *Владимир Иванович Вешняков* (1830—1906) — экономист; *братья Щепкины* — Дмитрий Михайлович (1817—1867) и Николай Михайлович (1820—1886) — сыновья известного русского актера М. С. Щепкина; *Евгений Иванович Ламанский* (1825—1893) — экономист и публицист, в 1860—1863 гг. — управляющий Государственным банком; *Александр Федорович Гильфердинг* (1831—1872) — историк, этнограф, публицист и общественный деятель; *Анатолий Николаевич Куломзин* (1838—1924) — костромской помещик (о нем см. в комментарии к его воспоминаниям); *Сергей Александрович Ольхин* (1832—1871).

[24] *Кадастровые работы* (кадастр — перепись земли с ее оценкой) проводились в 1843—1857 гг. в государственной деревне кадастровыми комиссиями («отрядами») Министерства государственных имуществ в связи с переводом оброчной повинности с подушного обложения на доходы с земли и промыслов.

[25] *...ряд гонений и неприятностей.* — Речь идет об опубликованной в апреле 1858 г. в «Современнике» «Записке об освобождении крестьян в России» К. Д. Кавелина, вызвавшей недовольство Александра II.

[26] Константин Сергеевич *Аксаков* (1817—1860) — известный славянофил, публицист, историк, лингвист и поэт.

[27] Карл Васильевич *Нессельроде* (1780—1862) — граф, министр иностранных дел (1822—1856).

[28] Иван Онуфриевич *Сухозанет* (1788—1861) — генерал-адъютант, военный министр (1856—1861).

[29] Петр Федорович *Брок* (1805—1875).

[30] Александр Людвигович Штиглиц (1814—1884) — барон, придворный банкир, предводитель Петербургского биржевого комитета.

[31] Александр Сергеевич *Меншиков* (1787—1869); Владимир Федорович *Адлерберг* (1790—1884); Павел Павлович *Гагарин* (1789—1872); Виктор Никитич *Панин* (1801—1874).

[32] Речь идет о «разборе польской шляхты» после польского восстания 1830—1831 гг., т. е. проверке прав на дворянство мелкого польского шляхетства, в результате чего многие из них были исключены из этого состояния. Эту акцию на территории Правобережной Украины возглавил Д. Г. Бибиков.

[33] Имеется в виду проведение инвентарной реформы в 1847—1848 гг. в Киевской, Подольской и Волынской губерниях.

[34] *...от крепостной зависимости.* — Имеется в виду проведение в 1837—1841 гг. П. Д. Киселевым реформы в государственной деревне. Реформа включала в себя ряд административных, финансовых и хозяйственных мер. Вводилось новое управление государственной деревней: Министерство государственных имуществ в центре, в губерниях казенные палаты, в уездах — казенные округа. Вводилось также и крестьянское сельское самоуправление (общинное и волостное), подчиненное казенным округам и палатам, было проведено перечисление оброка с «ревизских душ» на землю с учетом ее доходности и неземледельческих промыслов, упорядочивалось наделение крестьян землей путем переселения малоземельных на новые земли, в казенной деревне учреждались школы и врачебные пункты. Некоторые принципы этой реформы были использованы позднее при подготовке Положений 19 февраля 1861 г.

[35] Слова из стихотворения А. С. Пушкина «Деревня».

[36] Утром 12 декабря 1825 г. молодой подпрапорщик лейб-гвардии егерского полка Я. И. Ростовцев добился аудиенции у претендента на престол великого князя Николая Павловича и подал ему донос о готовящемся восстании тайного общества декабристов в Петербурге. Ростовцев не назвал имен участников заговора, но сообщил Николаю дату восстания, назначенного на день присяги Николаю. Вечером 13 декабря Ростовцев явился на квартиру К. Ф. Рылеева и сообщил участникам тайного общества о своем доносе. Донос Ростовцева, как и полученное в Петербурге 12 декабря донесение начальника Главного штаба И. И. Дибича из

Таганрога о заговоре декабристов с перечислением ряда имен заговорщиков, побудил Николая принять немедленное решение о провозглашении себя императором и назначить присягу на день 14 декабря 1825 г.

[37] *Мария Александровна* (1824—1880) — императрица российская с 1855 г., жена Александра II, дочь герцога Гессенского.

[38] *...талантливого лидера освободительной партии...* — Так мемуарист называет А. И. Герцена, который действительно «нападал» на Я. И. Ростовцева за его донос на декабристов накануне 14 декабря 1825 г. Однако Герцен отдавал должное Ростовцеву как председателю Редакционных комиссий, не шедшему на сделку с крепостниками. Смерть Ростовцева и назначение вместо него председателем Редакционных комиссий крепостника В. Н. Панина были восприняты Герценом как крах надежд на благополучный исход крестьянской реформы, что он и выразил в редакционной статье «Колокола» от 15 марта 1860 г.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ СЕНАТОРА Я. А. СОЛОВЬЕВА «КРЕСТЬЯНСКОЕ ДЕЛО В 1856—1859 гг.»

Яков Александрович Соловьев (1820—1876) — член Редакционных комиссий (1859—1860) и управляющий земским отделом (с 1857 г.) Министерства внутренних дел, видный деятель крестьянской реформы (о нем см. в воспоминаниях П. П. Семенова-Тян-Шанского). Здесь воспроизводятся извлечения из той части его обширных воспоминаний, где речь идет о первых правительственных шагах подготовки крестьянской реформы, по изданию: Русская старина. 1880. № 2. С. 320—354.

[1] *Владимир Петрович Бутков* (1820-е—1881).

[2] Мемуарист дает преувеличенную цифру числа отпущенных на свободу крестьян по указу 1803 г. о вольных хлебопашцах: в действительности за все время действия указа было отпущено 152 тыс. душ муж. пола.

[3] Об указе 2 апреля 1842 г. об обязанных крестьянах см. коммент. 2 к Манифесту 19 февраля 1861 г.

Точнее, было обращено в обязанные крестьяне 27,2 тыс. душ муж. пола.

[4] Проект введения временных военных генерал-губернаторов был подготовлен в 1858 г. Александр II отказался его утвердить.

[5] Речь идет о серии указов 1858 г., запрещающих помещикам перевод крестьян в дворовые, сдачу вне очереди в рекруты, ссылку в Сибирь, отнятия земли, переселения.

[6] Степан Михайлович *Жуковский* (1818—1877) — член Редакционных комиссий (1859—1860), комитетов по управлению Кавказом, Сибирью, по делам Царства Польского и об устройстве сельского состояния.

[7] Предполагаемые две комиссии слились в одну, но множественное название «Редакционные комиссии» сохранилось.

[8] *...«непременные члены»...* — Т. е. С. М. Жуковский и Я. А. Соловьев.

[9] Эти сведения были изданы в качестве «Приложений к трудам Редакционных комиссий для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Сведения о помещичьих имениях свыше 100 душ м. п.» (Т. 1—6. Спб., 1860).

[10] В. Н. Панин был назначен председателем Редакционных комиссий после смерти Я. И. Ростовцева, последовавшей 6 февраля 1860 г.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Н. Н. ПАВЛОВА «РЕДАКЦИОННЫЕ КОМИССИИ 1859—1860 ГОДОВ»

Извлечения из воспоминаний Николая Николаевича Павлова, члена Московского губернского комитета об улучшении быта помещичьих крестьян (1858—1859) и члена Редакционных комиссий (1859—1860), управляющего Московской палатой государственных имуществ, воспроизводятся по изданию: Исторический вестник. 1901. № 11. С. 515—529.

[1] Ошибка мемуариста; прием, где Александр II произнес свою речь о необходимости освобождения крестьян, состоялся 30 марта 1856 г.

[2] *...собрались у Воейкова.*— Петр Петрович Воейков — председатель Московского губернского комитета об улучшении быта помещичьих крестьян. В 1859 г. находился в Петербурге в числе «депутатов первого призыва», приглашенных в Редакционные комиссии.

[3] *Александр Максимович Княжевич* (1792—1870) — министр финансов (1858—1869).

[4] *Бессрочное пользование* — имеется в виду предоставление крестьянам надельной земли не в собственность, а в пользование; *...патримониальную власть помещика...* — речь шла о сохранении после освобождения крестьян административно-полицейской власти помещика над ними.

[5] Французский писатель *Александр Дюма* (1802—1870) посетил Петербург летом 1858 г.

Григорий Александрович *Кушелев-Безбородко* (1832—1870) — граф, основатель и издатель журнала «Русское слово».

[6] Петр Андреевич *Шувалов* (1827—1889), шеф корпуса жандармов, и Федор Иванович *Паскевич* (1823—1903), генерал-лейтенант,— члены Редакционных комиссий, принадлежавшие к «партии» крепостников. Речь идет о резких столкновениях их с либеральной частью этих комиссий.

[7] Члены хозяйственного отделения Редакционных комиссий: *Николай Петрович Семенов* (младший брат П. П. Семенова-Тян-Шанского); Марк Николаевич *Любощинский* (1816—1889); Евгений Иванович *Ламанский* (1825—1902) — видный экономист; Николай Христианович *Бунге* (1823—1895) — экономист, впоследствии министр финансов; князь *Сергей Павлович Голицын* (1815—1888) — генерал-адъютант, впоследствии черниговский губернатор; *Борис Дмитриевич Голицын* (1819—1878) — генерал-адъютант; *Николай Петрович Шишков* (? — 1869) — член Московского общества сельского хоз-ва; *Виктор* Викторович *Апраксин* — граф, член Редакционных комиссий.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ П. Д. СТРЕМОУХОВА «ЗАМЕТКА ОДНОГО ИЗ ДЕПУТАТОВ ПЕРВОГО ПРИЗЫВА»

Петр Дмитриевич Стремоухов (1828 — ?) — предводитель дворянства Нижегородской губернии и депутат от Нижегородского губернского комитета об улучшении быта помещичьих крестьян. Летом 1859 г. был приглашен в Петербург в числе 21 «депутата первого призыва» от нечерноземных губерний в Редакционные комиссии. Выдержки из его воспоминаний публикуются по: Русская старина. 1903. № 11. С. 273—293.

[1] Книга французского историка и политического деятеля Алексиса Токвиля (1805—1859) «Старый порядок и революция» (1856) пользовалась большой популярностью в либеральных кругах России.

[2] *Владимир Петрович Орлов-Давыдов.*

[3] Дмитрий Николаевич *Шидловский* — член Симбирского губернского комитета об улучшении быта помещичьих крестьян, «депутат первого призыва».

[4] Алексей Андрианович *Головачев* (1819—1903) — общественный деятель и публицист, член Тверского губернского комитета по крестьянскому делу, друг А. М. Унковского.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ А. М. УНКОВСКОГО

Алексей Михайлович Унковский (некоторые сведения о нем см. выше, в комментарии к его «Записке») за подачу «адреса пяти» в 1859 г. был уволен с должности губернского предводителя дворянства. В сентябре 1860 г. сослан в Вятку. В 1861—1862 гг. выступал адвокатом по крестьянским делам против Д. А. Толстого. В 1865 г.— председатель Нижегородской контрольной палаты, с 1866 г.— присяжный поверенный в Петербурге.

Извлечения из воспоминаний воспроизводятся по изданию: Русская мысль. 1906. № 6. С. 93—103.

[1] Дмитрий Андреевич *Толстой* (1824—1889) — государственный деятель, состоял на службе в Министерстве внутренних дел, с 1853 г.— директор канцелярии Морского министерства, в начале 60-х годов занимался судебной практикой, в 1865—1880 гг.— обер-прокурор Св. Синода и одновременно (в 1866—1882 гг.) министр народного просвещения, в 1882—1889 гг.— министр внутренних дел и шеф жандармов, с 1882 г.— президент Академии наук, один из столпов реакции в 80-х годах.

[2] *Василий Андреевич Долгоруков* — князь, военный министр (1853—1858), начальник III отделения и шеф жандармов (1856—1866).

[3] Валериан Алексеевич *Татаринов* (1816—1871) — статский советник, ученый-экономист, автор исследований о финансово-кредитной системе.

[4] *...до моей ссылки.*— А. М. Унковский был в ссылке в Вятке в 1860—1862 гг. за свои либеральные выступления.

[5] Михаил Никифорович *Катков* (1818—1887) — публицист, издатель «Московских ведомостей» (с 1850 г.) и «Русского вестника» (с 1856 г.), занявших с начала 60-х годов крайне правые позиции.

[6] *«Великорусс»* — серия революционных прокламаций (в 1861—1863 гг. вышло 4 номера) с требованием радикального решения крестьянского вопроса, созыва представительного органа власти и введения конституции, независимости Польши. Издавался кружком «Великорусс» во главе с В. А. Обручевым.

[7] Иван Сергеевич *Аксаков* (1823—1886) — видный славянофил младшего поколения, сын С. Т. Аксакова и младший брат К. С. Аксакова, общественный деятель, издатель журнала «Русская беседа», газет «День», «Русь», «Москва».

Газета И. С. Аксакова «День» издавалась с 1861 по 1865 г.

[8] *...знаменитого подозрения его в неблагонадежности.*— В мае 1878 г. у И. С. Аксакова созрел план публичного протеста против решений Берлинского конгресса 1878 г., пересмотревшего условия Сан-Стефанского мирного договора 4 марта 1878 г. о границах и статусе освобожденной в результате русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Болгарии. Свой протест И. С. Аксаков изложил в статье, опубликованной в Праге и в самой России, а затем в речи 22 июня 1878 г. на собрании в Московском славянском благотворительном обществе. Статья и речь Аксакова произвели большое впечатление в России и в славянских землях, но вызвали недовольство Александра II, по распоряжению которого в конце июля 1878 г. Московское славянское общество было распущено, и И. С. Аксаков выслан из Москвы.

[9] Владимир Александрович *Черкасский* (1824—1878) — князь, общественный деятель, активный участник подготовки крестьянской реформы, публицист славянофильского направления.

[10] *Александр* Ильич *Скребицкий* (1827—1915) — историк, врач; здесь имеется в виду подготовленное им издание «Крестьянское дело в царствование императора Александра II. Материалы для истории освобождения крестьян» (Т. 1—4. Бонн-на-Рейне, 1862—1868).

[11] *...будучи в Москве головой, он не был избран на второе трехлетие.*— В. А. Черкасский принимал активное участие в подготовке Городового положения 1870 г. и был избран первым головой (председателем) Московской городской думы. Однако вскоре он вынужен был оставить эту должность в связи с тем, что, подписав адрес членов Московской городской думы Александру II о необходимости проведения новых политических реформ, вызвал неудовольствие последнего.

[12] Речь идет о расхождениях во взглядах на реформу между Ю. Ф. Самариным и членами Рязанского губ. комитета А. И. Кошелевым, Ф. С. Афросимовым (Офросимовым) и С. В. Волконским.

Александр Иванович *Кошелев* (1806—1883) — публицист славянофильского направления, крупный помещик Рязанской губернии.

[13] Вероятно, А. М. Унковский имел в виду отпуск А. И. Кошелевым в 1849 г. на волю за крупный выкуп 200 дворовых.

[14] *...Кошелев, например, оставил чуть ли не половину Сапожковского уезда Рязанской губернии...* — А. М. Унковский имеет в виду обширные имения А. И. Кошелева в названном уезде.

[15] *...послал его для исправления к Бибикову...* — В 1849 г. в списках распространялась статья Ю. Ф. Самарина «Письма из Риги», в статье говорилось

о произволе местных властей, насильственно обращавших в православие эстов и латышей. Статья вызвала сильное недовольство Николая I, который распорядился отправить Самарина под надзор киевского генерал-губернатора Д. Г. Бибикова в качестве правителя дел его канцелярии. В этой должности Самарин пробыл до своей отставки в 1853 г.

[16] *...за декабрьскую историю.*— А. М. Унковский намекает на донос Я. И. Ростовцева Николаю I о готовившемся выступлении членов тайного декабристского общества.

[17] *...снял император аксельбанты.*— Речь идет о сыне Я. И. Ростовцева, Николае Яковлевиче (1831—1897), полковнике Генерального штаба; в 1862 г. он был уволен со службы за связь с Герценом.

[18] Михаил Александрович *Бакунин* (1814—1876) — деятель русского и международного революционного движения, идеолог народничества и теоретик анархизма, друг А. М. Унковского.

[19] *Он служил у Муравьева...* — Т. е. у министра государственных имуществ М. Н. Муравьева.

[20] *Переоброчка* — пересмотр размеров оброка через определенный период в связи с изменением цен на землю.

[21] Освобождение Болгарии произошло в результате русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

[22] А. М. Унковский имеет в виду «Всеподданнейший адрес» тверского дворянства (1862 г.), который приводится в настоящем издании.

[23] Мировой суд был учрежден, согласно Судебным уставам, 20 ноября 1864 г. Он учреждался в составе одного мирового судьи по уездам и городам для разрешения гражданских исков до 500 руб. и мелких правонарушений.

ИЗ ЗАПИСКИ ЧЛЕНА ГЛАВНОГО КОМИТЕТА ПО КРЕСТЬЯНСКОМУ ДЕЛУ, МИНИСТРА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИМУЩЕСТВ М. Н. МУРАВЬЕВА «ЗАМЕЧАНИЯ О ПОРЯДКЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ КРЕСТЬЯН»

Записка была представлена в Главный комитет в 1857 г. после поездки М. Н. Муравьева по центральным губерниям России. Записка находится в фонде Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу (РГИА, ф. 1180, т. XV, д. 13, л. 222—241). Здесь воспроизводится начало записки, в которой говорится о настроениях крепостных крестьян (л. 222 об.— 223). Остальная часть записки содержит муравьевский проект отмены крепостного права.

ПРОГРАММА ОТМЕНЫ КРЕПОСТНОГО ПРАВА, ПРИНЯТАЯ 4 ДЕКАБРЯ 1858 Г. ГЛАВНЫМ КОМИТЕТОМ ПО КРЕСТЬЯНСКОМУ ДЕЛУ

В связи с усилившимися в 1858 г. крестьянскими волнениями и особенно под впечатлением восстания крестьян летом того же года в Эстонии, показавшего опасность безземельного освобождения крестьянства, правительство было вынуждено пойти несколько дальше той программы, которая была заявлена в рескриптах. 4 декабря 1858 г. Главный комитет, в соответствии с личными указаниями Александра II, принял новую программу реформы. Основные пункты этой программы воспроизводятся здесь по изданию: Журналы Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу. Пг., 1915. Т. I. С. 298—299.

[1] Речь идет о предполагаемой Редакционной комиссии при Главном комитете. Учреждена 16 февраля 1859 г.

ПИСЬМО ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННЫХ КОМИССИЙ Я. И. РОСТОВЦЕВА АЛЕКСАНДРУ II, ПРЕДОСТАВЛЯЮЩЕЕ ОБЗОР РАЗЛИЧНЫХ МНЕНИЙ, ХОДИВШИХ В ТО ВРЕМЯ В ОБЩЕСТВЕ, О СПОСОБАХ ОСВОБОЖДЕНИЯ КРЕСТЬЯН

Письмо Я. И. Ростовцева воспроизводится по изданию: Освобождение крестьян в царствование Александра II. Хроника деятельности комиссий по крестьянскому делу П. П. Семенова. Спб., 1890. Т. 2. С. 928—932.

[1] Против пункта «е», отчеркнутого сбоку карандашом, написано рукой Александра II: «Вот чего я хочу».

[2] *...Минерва родилась прямо вооруженная...* — В римской мифологии Минерва — богиня войны и государственной мудрости, а также покровительница искусств и ремесел — родилась с мечом и щитом.

АДРЕС ПЯТИ ДЕПУТАТОВ ТВЕРСКОГО, ЯРОСЛАВСКОГО И ХАРЬКОВСКОГО ГУБЕРНСКИХ КОМИТЕТОВ ОБ УСТРОЙСТВЕ БЫТА ПОМЕЩИЧЬИХ КРЕСТЬЯН НА ИМЯ АЛЕКСАНДРА II. 16 ОКТЯБРЯ 1859 Г.

Адрес был подписан призванными в 1859 г. в Редакционные комиссии членами Харьковского губернского комитета Д. А. Хрущовым и Д. А. Шретером, председателем Тверского комитета А. М. Унковским, членами Ярославского комитета Д. В. Васильевым и П. Н. Дубровиным. Был представлен Александру II 16 октября 1859 г. Несмотря на внешне верноподданнический тон адреса, в нем весьма определенно выражена либеральная программа проведения ряда политических реформ. Александр II выразил свое недовольство адресом (подписавшие адрес были отставлены от службы), однако распорядился направить его (как и адреса других депутатов от губернских комитетов) на рассмотрение в Главный комитет по крестьянскому делу. Полный текст «адреса пяти» здесь воспроизводится по изданию: Освобождение крестьян в царствование императора Александра II. Хроника деятельности комиссий по крестьянскому делу П. П. Семенова. Спб., 1890. Т. 2. С. 935—938.

[1] Пункт 2 адреса, гласящий: «Образовать хозяйственно-распорядительное управление, общее для всех сословий, основанное на выборном начале», в оригинале отчеркнут карандашом с пометой Александра II: «Т. е. конституцию!!!»

ПИСЬМО ИЗ ПРОВИНЦИИ

«Письмо из провинции» за подписью «Русский Человек» было опубликовано в 64-м листе «Колокола» 1 марта 1860 г. В литературе до сих пор идут споры об авторе этого письма. Высказывались предположения, что автором его мог быть Н. Г. Чернышевский либо Н. А. Добролюбов. Во всяком случае автором являлся один из их идейных единомышленников. В настоящем издании письмо воспроизводится по указанной публикации.

[1] *...разбитие царских кабаков...* — Имеется в виду массовый разгром питейных заведений летом 1859 г. Волнениями были охвачены 15 губерний Среднего и Нижнего Поволжья, Приуралья и центра России. 780 «зачинщиков» были преданы суду, наказаны шпицрутенами и сосланы в Сибирь. Это движение широко освещалось А. И. Герценом в «Колоколе» и приложении к нему «Под суд!» Под влиянием «питейных бунтов» 1859 г. правительство пошло на отмену в 1861 г. откупной системы на вино.

[2] В то время ходили упорные слухи о том, что Николай I, не желая пережить позорное поражение в Крымской войне, решил покончить с собой, и его лейб-медик Мандт дал ему яд. (Подробный разбор этой версии см.: Т а р л е Е. В. Крымская война. М., 1951. Т. 2. С. 347—349).

[3] Имеется в виду статья А. И. Герцена в 1-й кн. «Полярной звезды» за 1855 г.

[4] *...счастие было так близко, так возможно.*— Имеются в виду слова героини романа «Евгений Онегин» Татьяны Лариной.

[5] *...после издания рескриптов...* — Речь идет о рескриптах Александра II В. И. Назимову и П. Н. Игнатьеву.

[6] *...12-ть лет рабства...* — Автор «Письма из провинции» имеет в виду пункт циркуляра министра внутренних дел от 21 ноября 1857 г., гласящий: «Для переходного состояния следует назначить определенный срок по усмотрению губернских комитетов, но не свыше 12-ти лет».

[7] *...Центральный комитет...* — Имеется в виду Главный комитет по крестьянскому делу.

[8] Имеются в виду статьи Герцена «Августейшие путешественники» («Колокол», лист 1 от 1 июля 1857 г.) и «Высочайшие путешественники дома» («Колокол», лист 6 от 1 декабря 1857 г.). «Августейшая путешественница» — вдовствующая императрица Александра Федоровна, жена Николая I.

[9] Петр Андреевич *Клейнмихель* (1793—1869) — граф, главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями (1842—1855), фаворит Николая I; в 1855 г. уволен за злоупотребления по службе.

[10] Никколо *Макиавелли* (1469—1527) — итальянский политический мыслитель и историк. В своем трактате «Государь» развивал идею о праве монарха упрочивать свою власть, не стесняясь средствами. Термин «макиавеллизм» стал синонимом для определения политики, пренебрегающей всякими нормами морали.

[11] Алексей Андреевич *Аракчеев* (1769—1834) — всесильный временщик при Александре I, ненавидимый всей Россией; был уволен Николаем I в начале 1826 г. со службы.

[12] Адам *Мицкевич* (1798—1855) — знаменитый польский поэт, друг А. С. Пушкина. Речь идет о рассказе А. Мицкевича о приеме Николаем I А. С. Пушкина в сентябре 1826 г. в Кремле.

[13] Речь идет о широком трезвенном движении 1858—1859 гг., начавшемся с прибалтийских губерний, где инициатором движения было местное духовенство; по распоряжению Александра II с конца 1859 г. было запрещено публиковать в прессе сведения об этом.

[14] *Григорий* (Георгий Петрович Постников) (1784—1860) — митрополит петербургский и московский (1856—1860); *Филарет* (Василий Михайлович Дроздов) (1783—1867) — митрополит московский (с 1821 г.).

[15] *Франц-Иосиф* (1830—1916) — австрийский император и король Венгрии (с 1848 г.), последний из династии Габсбургов.

[16] *...роли между Голштинцами и Габсбургами...* — Намек на голштинскую кровь, начиная с Петра III, русской императорской фамилии.

[17] *....печатаете письма врагов ваших...* — См. комм. 1 к ответу А. И. Герцена автору «Письма из провинции».

ОТ РЕДАКЦИИ (ответ А. И. Герцена автору «Письма из провинции»)

Ответ А. И. Герцена помещен в том же 64-м листе «Колокола» от 1 марта 1860 г., что и само письмо. По этой публикации воспроизводится в настоящем издании (см. также: Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. Т. 14. С. 256—260).

[1] *Мне раз случилось поместить враждебную статью...* — Герцен указывает на публикацию в 29-м листе «Колокола» от 1 декабря 1858 г. направленного против него «обвинительного» письма Б. Н. Чичерина.

[2] Герцен напоминает о якобинском терроре 1793 г.

[3] Оноре Габриель Рикетти *Мирабо*, Максимилиан *Робеспьер* (1758—1794), Эммануэль Жозеф *Сийес* (1748—1846), Мари Мадлен Жозеф *Лафайет* (1757—1834) — известные деятели Французской революции конца XVIII в.

[4] *Июньская кровь...* — Герцен имеет в виду массовые расстрелы рабочих-повстанцев в Париже 24—26 июня 1848 г. генералом Кавеньяком. Эти события знаменовали собой конец революции 1848 г. во Франции.

О ДЕЙСТВИЯХ ПОМЕЩИКОВ С ЦЕЛЬЮ «ПРЕДУПРЕДИТЬ» КРЕСТЬЯНСКУЮ РЕФОРМУ

ИЗ ПИСЬМА ОРЛОВСКОГО ПОМЕЩИКА САФОНОВА ОТ 28 АПРЕЛЯ 1858 Г. Н. И. РОЗАНОВУ В МОСКВУ

Здесь приводится письмо, перлюстрированное на Петербургско-Московском почтамте; ныне хранится в Секретном архиве III отделения (ГАРФ, ф. 109. Секр. арх., оп. 1, д. 1926, л. 1, об.— 2).

ИЗ ДОНЕСЕНИЯ ЖАНДАРМСКОГО ПОЛКОВНИКА АРЦЫШЕВСКОГО ОТ 2 МАРТА 1858 Г. ИЗ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ НАЧАЛЬНИКУ III ОТДЕЛЕНИЯ

Здесь приводится извлечение из донесения по его оригиналу (ГАРФ, ф. 109, 4-я экспедиция III отделения, д. 199 за 1857—1860 гг., ч. 25, л. 27).

ИЗ ДОНЕСЕНИЯ ЖАНДАРМСКОГО ОФИЦЕРА ПОДПОЛКОВНИКА РУНИЧА ОТ 10 ЯНВАРЯ 1860 Г. ИЗ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Извлечение из этого донесения приводится по его оригиналу (ГАРФ, ф. 109, 4-я экспедиция III отделения, д. 199, ч. 34, л. 32 об.— 33).

ПИСЬМО НЕИЗВЕСТНОГО ПОМЕЩИКА (НАЧАЛО 1857 Г.) К Д. С-ВУ В РЯЗАНСКУЮ ГУБЕРНИЮ

Текст письма воспроизводится по изданию: Русская старина. 1897. № 10. С. 24—25.

[1] *...за опекунскую цену.*— Опекунский совет — учреждение, куда помещик мог заложить крепостных крестьян. При залоге Опекунский совет выдавал владельцу крепостных ссуду в размере до 70 руб. за душу с выплатой ее в течение 37 лет.

ИЗ ГОДОВЫХ ОТЧЕТОВ НАЧАЛЬНИКА III ОТДЕЛЕНИЯ ЗА 1857—1858 ГГ. О НАСТРОЕНИЯХ В СТРАНЕ В СВЯЗИ С НАЧАВШЕЙСЯ ПОДГОТОВКОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ

Здесь приводятся извлечения из «Политических обозрений», содержащихся в годовых отчетах начальника III отделения за 1857—1858 гг., по изданию: Крестьянское движение 1827—1869. Вып. 1. М., 1931. С. 112—113, 118—121, 123—125.

[1] Крепостной крестьянин помещика В. А. Бибикова Михаил Михайлов был схвачен полицией в одной из петербургских харчевен, где он читал находившимся в ней людям «из простонародья» составленную «на текстах священного писания записку» (подлинник «записки» хранится в РГИА, ф. 1286, оп. 1, д. 603, 1858 г.). После «строгого внушения», сделанного Михайлову в полицейском участке, он был отдан на поруки своему помещику.

ИЗ ДОНЕСЕНИЙ ПЕТЕРБУРГСКОЙ АГЕНТУРЫ В III ОТДЕЛЕНИЕ

В данном издании приводятся наиболее характерные донесения тайной полицейской агентуры, а также составленные в III отделении сводки из этих донесений, хранящиеся в ГАРФ, ф. 109. Секретный архив III отделения, оп. 3, д. 3215, л. 144 об.— 145, 146 об, 162 об.— 163, 183; д. 3216, л. 49 об.— 50, 51, 73; д. 3221, л. 96; д. 3224, л. 18, 25 об.— 26, 34 об.— 35; д. 3226, л. 8.

Агентурные донесения содержат сведения об откликах простого люда, в первую очередь крестьян, пришедших на заработки в столицу, на первые правительственные шаги по пути отмены крепостного права, воплощают крестьянские представления о «воле», доносят живые народные голоса.

[1] Речь идет об опубликованных и ставших известными простому люду рескриптах царя В. И. Назимову и П. Н. Игнатьеву.

[2] Имеется в виду предполагаемый в рескриптах 12-летний «переходный период», который вызвал недовольство крестьян.

ИЗ ДОНЕСЕНИЙ ОФИЦЕРА КОРПУСА ЖАНДАРМОВ РУНИЧА ИЗ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ О НАСТРОЕНИЯХ КРЕСТЬЯН ПЕРЕД ОБЪЯВЛЕНИЕМ ВОЛИ (АВГУСТ — ОКТЯБРЬ 1860 Г.)

Донесения Рунича содержат информацию о крайне напряженной социальной обстановке в помещичьей деревне накануне обнародования царского манифеста об освобождении крестьян. Публикуется по архивным подлинникам ГАРФ, ф. 109, 4-я экспедиция III отделения, д. 199, ч. 34, л. 43, 45 об., 48 об.).

О НАСТРОЕНИЯХ ПОМЕЩИКОВ В СВЯЗИ С ПОДГОТОВКОЙ ОТМЕНЫ КРЕПОСТНОГО ПРАВА В РОССИИ

Материалы, за исключением писем А. И. Кошелева, печатаются по: ГАРФ, ф. 109. Секретный архив III отделения, оп. 3, д. 1926, 1931, 1935, 3215, 3224, 3226. Выдержки из писем А. И. Кошелева к кн. В. А. Черкасскому за май—сентябрь 1860 г. публикуются по: Трубецкая О. Н. Материалы для биографии князя В. А. Черкасского. Т. I. Ч. 2. Кн. В. А. Черкасский и его участие в разрешении крестьянского вопроса. М., 1904. С. 190—191, 197).

[1] *Когда введут новую полицию?* — А. И. Кошелев надеется на преобразование административно-полицейского устройства в связи с проведением крестьянской реформы.

ИЗ ПРЕДПИСАНИЯ ПЕТЕРБУРГСКОГО ВОЕННОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА УПРАВЛЯЮЩЕМУ СВОЕЙ КАНЦЕЛЯРИИ

Печатается по: РГВИА, ф. 109, д. 10, л. 4.

РЕЧЬ АЛЕКСАНДРА II В ГОСУДАРСТВЕННОМ СОВЕТЕ 28 ЯНВАРЯ 1861 Г.

Этой речью Александр II открыл заседания Государственного совета, куда на окончательное рассмотрение поступил проект Положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. В речи заключены требования царя о скорейшем «окончании дела» во избежание социальных потрясений, а также его заверения в том, что в рассматриваемом проекте максимально учтены «выгоды» помещиков.

Речь воспроизводится по изданию: Журналы и мемории общего собрания Государственного совета по крестьянскому делу с 28 января по 14 марта 1861 г. Пг., 1915. С. 3—5.

[1] Имеется в виду закон о трехдневной барщине, изданный 5 апреля 1797 г. Павлом I. Закон рекомендовал помещикам посылать крестьян на барщину не более как в течение трех дней в неделю, запрещал требовать отбывание барщины в воскресные и праздничные дни.

[2] По указу о свободных хлебопашцах на волю выкупилось 152 тыс. душ муж. пола крестьян, а по указу об обязанных крестьянах в эту категорию было переведено в 7 помещичьих имениях 27,2 тыс. душ муж. пола крестьян.

[3] Указом 26 мая (7 июня) 1846 г. польские крестьяне, живущие на землях помещиков, освобождались от большей части «даремщины» (бесплатных работ в пользу помещика); запрещалось произвольно увеличивать денежные повинности, присоединять крестьянские надельные земли к помещичьему фольварку.

МЕРЫ, ПРИНИМАЕМЫЕ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ, ДЛЯ ПОДАВЛЕНИЯ МОГУЩИХ ВОЗНИКНУТЬ НАРОДНЫХ ВОЛНЕНИЙ В СВЯЗИ С ОБНАРОДОВАНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТОВ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ

Отношение от 12 февраля 1861 г. исправляющего обязанности военного министра генерал-адъютанта Д. А. Милютина министру внутренних дел С. С. Ланскому с повелением Александра II о мерах предупреждения и подавления народных волнений в связи с предстоящей отменой крепостного права.

Печатается по: Исторический архив. 1857. Кн. I. С. 172—173.

ОТНОШЕНИЕ ПЕТЕРБУРГСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА ГР. П. Н. ИГНАТЬЕВА НАЧАЛЬНИКУ III ОТДЕЛЕНИЯ КН. В. А. ДОЛГОРУКОВУ (ДЕКАБРЬ 1860 Г.)

Печатается по оригиналу, хранящемуся в РГВИА, ф. 109, д. 10, л. 9—14.

[1] *По случаю возникшего...* — Здесь в смысле могущего возникнуть.

Предписание петербургского военного генерал-губернатора гр. П. Н. Игнатьева с.-петербургскому коменданту.

Печатается по оригиналу, хранящемуся в РГВИА, ф. 109, д. 10, л. 45—49.

ОТНОШЕНИЕ МИНИСТРА ЮСТИЦИИ ГР. В. Н. ПАНИНА ОТ 24 НОЯБРЯ 1860 Г. ОБЕРПРОКУРОРУ СВЯТЕЙШЕГО СИНОДА А. П. ТОЛСТОМУ.

Печатается по: Церковь и реформа 1861 года// Красный архив. 1935. Т. 5 (72). С. 183—184.

[1] Александр Петрович *Толстой* (1798—1873) — граф, генерал-лейтенант, крупный помещик, обер-прокурор Св. Синода (1856—1862).

ВОЗЗВАНИЕ СВЯЩЕННИКА К ПРИХОЖАНАМ ИЗ КРЕПОСТНЫХ КРЕСТЬЯН И ДВОРОВЫХ ПОМЕЩИЧЬИХ ЛЮДЕЙ ОТ 17 ФЕВРАЛЯ 1861 Г.

Печатается по: Красный архив. 1935. Т. 5 (72). С. 186—188.

[1] Автор воззвания — Василий Степанович Лужинский — архиепископ полоцкий (1840—1866).

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ЧЛЕНА ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ЦЕНЗУРЫ Н. МУХАНОВА ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ПЕТЕРБУРГСКОГО ЦЕНЗУРНОГО КОМИТЕТА ОТ 19 ЯНВАРЯ И 14 ФЕВРАЛЯ 1861 Г.

Печатаются по: Сборник документов по истории СССР. Вторая половина XIX века. М., 1975. С. 68—71.

[1] Николай Алексеевич *Муханов* (1802—1871) — товарищ министра народного просвещения (1858—1861), с 1859 г.— член Комитета по делам печати, а с 1860 г.— член Главного управления цензуры.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ВОРОНЕЖСКОГО ГУБЕРНАТОРА Д. Н. ТОЛСТОГО

Дмитрий Николаевич Толстой (1806—1884) — граф, воронежский губернатор. Его воспоминания под названием «Дай оглянусь» были опубликованы в № 3 «Русской старины» за 1881 г. за подписью Дмитрий Т. Знаменский (с. 163—176). Здесь выдержки воспроизводятся с этого издания.

[1] Первоначально председателем Секретного и Главного (но не Центрального, как говорит мемуарист) комитета по крестьянскому делу был назначен, как уже указывалось, кн. А. Ф. Орлов. Вел. кн. Константин Николаевич был назначен вместо А. Ф. Орлова председателем этого комитета в 1859 г.

[2] *...с помощию силы.*— Речь идет о волнении крестьян с. Тишанки с деревнями в Бобровском уезде Воронежской губернии.

П. А. КРОПОТКИН. ИЗ «ЗАПИСОК РЕВОЛЮЦИОНЕРА»

Петр Александрович Кропоткин (1842—1921) — князь, историк, социолог, активный участник народнического движения 60—70-х годов XIX в., теоретик анархизма и участник анархических организаций. Извлечение из его воспоминаний

об атмосфере в Петербурге накануне и в момент обнародования отмены крепостного права здесь воспроизводится по изданию: Кропоткин П. А. Записки революционера. М., 1988. С. 152—160.

[1] Имеется в виду речь Александра II 30 марта 1856 г. перед представителями московского дворянства.

[2] Эту мысль Герцен впервые выразил в обращении «Юрьев день! Юрьев день! К русскому дворянству!» (1853 г.), затем неоднократно повторял в «Колоколе».

[3] *Как только разнеслась весть, что страстно желанную волю скоро дадут, восстания почти совершенно прекратились.*— Действительность не подтверждает это суждение П. А. Кропоткина: известные теперь данные говорят о нарастании численности крестьянских волнений в период подготовки реформы.

[4] П. А. Кропоткин зафиксировал любопытный факт: крестьяне-отходники в Петербурге знали о Джузеппе Гарибальди в Италии и даже выражали надежду, что он «придет» в Россию и освободит крестьян.

[5] *...нашего корпуса.*— Имеется в виду Пажеский корпус, в котором в то время служил П. А. Кропоткин.

[6] П. А. Кропоткин имеет в виду статьи И. С. Аксакова и И. Д. Беляева о сельской общине, опубликованные в 1858 г. в журнале «Сельское благоустройство» (приложенни к славянофильскому журналу «Русская беседа»).

III. МАНИФЕСТ И ПОЛОЖЕНИЯ 19 ФЕВРАЛЯ 1861 Г. О КРЕСТЬЯНАХ, ВЫШЕДШИХ ИЗ КРЕПОСТНОЙ ЗАВИСИМОСТИ

МАНИФЕСТ 19 ФЕВРАЛЯ 1861 ГОДА ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ПОМЕЩИЧЬИХ КРЕСТЬЯН ИЗ КРЕПОСТНОЙ ЗАВИСИМОСТИ

В Манифесте 19 февраля 1861 г. кратко излагаются основные условия освобождения крестьян от крепостной зависимости (детально они изложены в утвержденных в тот же день восьми Положениях и девяти Дополнительных правилах). Полный текст Манифеста, как и извлечения из законодательных актов крестьянской реформы, воспроизводится здесь по официальному изданию: Высочайше утвержденные его императорским величеством 19 февраля 1861 года положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. Спб., 1861.

[1] Указ 20 февраля 1803 г. о вольных хлебопашцах предусматривал освобожденне крепостных крестьян на волю за выкуп с землей целыми селениями или отдельными семействами по обоюдному согласию крестьян с помещиком. За время действия указа (до 1858 г.), как уже сообщалось выше, выкупились в свободные хлебопашцы 152 тыс. душ муж. пола (что составляло по отношению к остальному крепостному крестьянству около 1,5 %).

[2] Указ об обязанных крестьянах 2 апреля 1842 г. предусматривал предоставление крестьянам по воле помещика свободы и земельного надела в пользование, за который крестьянин был обязан (отсюда и термин «обязанный») выполнять фиксированные (но по соглашению с помещиком) повинности в виде барщины или оброка. Сохранялась вотчинная власть помещика в имении.

[3] *...до образования волостей и открытия волостных судов.*— Введение волостного управления, предусмотренного Положениями 19 февраля 1861 г., осуществлено в течение лета 1861 г.

ОБЩЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ О КРЕСТЬЯНАХ, ВЫШЕДШИХ ИЗ КРЕПОСТНОЙ ЗАВИСИМОСТИ

Данное Положение определяло в общих чертах личные и имущественные права и обязанности вышедших из крепостной зависимости крестьян, образование и функции сельских и волостных органов крестьянского самоуправления, характер «попечительства» над крестьянами их бывших помещиков на период временнообя-

занного состояния, а также порядок отбывания крестьянами казенных, земских и мирских повинностей.

[1] *...без ограничения суммы...* — Т. е. без ограничения размеров стоимости сделки.

[2] *...разнопоместного селения...* — Имеются в виду селения, которыми владели несколько помещиков.

[3] *Выселок,* или новоселье,— выделенная из селения часть крестьянских дворов, обычно поселяемая на пустоши — нераспаханных угодьях; *починок* — начало или закладка новой пашни в лесу, а с него и поселения; *застенок,* или заселок,— то же, что и выселок, но обычно на месте лесной росчисти; *односелье* — то же, что и хутор: отдельный дом с усадьбой и полевым наделом.

[4] *Земские повинности* — денежные и натуральные повинности местного обложения (денежные — на содержание административно-полицейских органов, школ, больниц и пр., натуральные — строительство и починка дорог, мостов, поставка подвод и т. д.); *мирские повинности* — повинности, устанавливаемые для содержания органов крестьянского управления (денежные) и обслуживания хозяйственных нужд данного селения (натуральные).

[5] От телесного наказания по приговору волостного суда освобождались достигшие 60-летнего возраста, исполняющие различные должности в сельском крестьянском управлении и имеющие образование не ниже уездного училища.

[6] *...сбор на обеспечение продовольствия...* — Денежные сборы для создания страхового запаса в общине на случай неурожая.

[7] *Окладные листы* — списки домохозяев с указанием размеров платимых ими повинностей.

[8] *Овражки* — род степных хомячков или сусликов, поедающих хлеб на корню.

ПОЛОЖЕНИЕ ОБ УСТРОЙСТВЕ ДВОРОВЫХ ЛЮДЕЙ, ВЫШЕДШИХ ИЗ КРЕПОСТНОЙ ЗАВИСИМОСТИ

Дворовые составляли часть крепостных крестьян, не имевших своего надела и даже хозяйства и живших во дворе помещика. В большинстве своем это прислуга в помещичьем доме. Но с конца XVIII в. все чаще помещики стали практиковать отпуск дворовых на оброк (в отход на заработки в города и промышленные центры) или отдавали их в ученье с передачей обученных ремеслу по контракту владельцу промышленного предприятия, что служило дополнительным источником дохода в помещичьем имении. Из числа дворовых рекрутировалась и «крепостная интеллигенция» — крепостные художники, архитекторы, артисты, музыканты в имениях богатых вельмож. Статус дворовых в крепостной России законодательно не был определен: от воли помещика всецело зависело уменьшить или увеличить численность дворовых в своем имении и определить их имущественное положение. Перевод крестьянина в дворовые («взятие во двор») чаще всего рассматривался как тяжкое наказание.

Данное Положение распространяло на дворовых те же «права личные, семейственные и по имуществу», какие были предусмотрены Общим положением для остальных крестьян, т. е. право приобретать движимую и недвижимую собственность, заключать сделки, участвовать в торгах.

[1] Согласно данному Положению, дворовые обязаны были в течение двух лет (до 19 февраля 1863 г.) находиться в услужении у своих бывших помещиков, а помещики обязаны были в это время давать содержание дворовым. Так что статья 4 носит противоречивый характер: с одной стороны, она разрешает уже с момента объявления освобождения крестьян дворовым вступать в брак по своему желанию, с другой — предусматривает, по сути, и согласие помещика на брак дворового, в противном случае помещик освобождался от обязанности содержать жену и детей дворового.

[2] В связи с массовыми случаями перевода крестьян в дворовые и отобранием у них земельных наделов правительство 2 марта 1858 г. издало указ, запрещающий помещикам практиковать эту меру обезземеления крестьян накануне реформы. Согласно содержанию статьи 6, помещик, нарушивший этот указ, по освобождении таковых крестьян обязан возвратить им отобранные у них наделы. Они также исключались из категории дворовых.

ПОЛОЖЕНИЕ О ГУБЕРНСКИХ И УЕЗДНЫХ ПО КРЕСТЬЯНСКИМ ДЕЛАМ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Правительство придавало большое значение учреждениям, на которые были возложены обязанности по проведению крестьянской реформы на местах. Этим и продиктовано издание специального законодательного акта, в котором детально были разработаны структура и функции этих учреждений. Первым звеном в этой системе был институт мировых посредников, вторым, утверждавшим их решения и рассматривавшим поступавшие на них жалобы,— уездный съезд мировых посредников (или мировой съезд), третьим, утверждавшим решения мировых съездов, рассматривавшим жалобы на действия первых двух звеньев, было губернское по крестьянским делам присутствие. Высшее наблюдение за действиями всех трех звеньев было возложено на Главный комитет об устройстве сельского состояния при Государственном совете. Первостепенное значение придавалось институту мировых посредников. Из 132 статей данного Положения 122 трактуют о порядке назначения, компетенции и ответственности этих должностных лиц.

Мировые посредники вводились в 43 губерниях Европейской России из 45, на которые распространялись Положения 19 февраля 1861 г.; мировые посредники не были введены в Астраханской и Оренбургской губерниях, где было крайне мало помещичьих крестьян; здесь обязанности мировых посредников выполняли уездные предводители дворянства. Всего же в России в то время насчитывалось 69 губерний. Было образовано 1714 мировых участков из расчета 10 тыс. душ муж. пола временнообязанных крестьян на участок. Во главе мирового участка был поставлен мировой посредник. Впоследствии в связи с сокращением круга обязанностей мировых посредников число их уменьшалось и увеличивался размер мировых участков. К 1871 г. число мировых посредников сократилось до 864. В 1874 г. этот институт был упразднен и заменен учрежденным Уездным по крестьянским делам присутствием, состоявшнм из председателя уездной земской управы, уездного исправника и почетного мирового судьи. Мировых посредников, избранных на первое трехлетие, называли «посредниками первого призыва», на второе — «второго призыва» и т. д.

[1] Пункты 1 и 3 статьи 34 «Устава о службе по выборам дворянским» предусматривают следующие условия, необходимые для занятия должностей по выборам в дворянские и корпоративные учреждения: «честность и безукоризненность поведения» и возраст не менее 21 года.

[2] *Губернское дворянское собрание* — корпоративный орган дворянского сословного самоуправления. В составе губернского дворянского собрания имели право голоса избранные на уездном дворянском собрании. Согласно пункту 3 статьи 6 данного Положения, такое право голоса предоставлялось и мировым посредникам.

[3] *...по распределению усадеб на разряды...* — Согласно статье 168 Местного положения, помещичьи имения по размерам платимого крестьянами годового оброка подразделялись на 4 разряда: 1-й — 12 руб. с души, 2-й — 10 руб., 3-й — 9 руб. и 4-й — 8 руб. Соответственно этому делились и крестьянские усадьбы. При выкупе усадьбы отдельно от надела доля оброка за усадьбу 1-го разряда составляла 3 руб. 50 коп., 2-го — 3 руб. 35 коп., 3-го — 2 руб. 50 коп. и 4-го — полтора рубля.

[4] *Член от правительства* — рекомендуемый губернатором и утверждаемый Министерством внутренних дел из числа местных дворян-землевладельцев представитель в уездный мировой съезд.

ПРАВИЛА О ПОРЯДКЕ ПРИВЕДЕНИЯ В ДЕЙСТВИЕ ПОЛОЖЕНИЙ О КРЕСТЬЯНАХ, ВЫШЕДШИХ ИЗ КРЕПОСТНОЙ ЗАВИСИМОСТИ

С момента подписания Манифеста и других документов крестьянской реформы устанавливался двухлетний (до 19 февраля 1863 г.) период, в течение которого бывшие помещичьи крестьяне, получив личную свободу, оставались в тех же отношениях со своими помещиками, что и до 19 февраля 1861 г., но с теми изменениями, что были определены в данных Правилах. В течение этого «пере-

ходного» периода сохранялись неизменными их дореформенный надел и прежние повинности. В течение этих двух лет предусматривалось составление и введение в действие уставных грамот, образование органов крестьянского самоуправления и организация губернских и уездных по крестьянским делам учреждений. В эти два года должны были быть определены поземельные отношения между крестьянами и помещиками (установление пореформенных земельных наделов и повинностей за них). Все это, вместе взятое, именовалось «введением в действие Положений о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости».

[1] *...перекрепление личных прав на крестьян и дворовых людей...* — Имеется в виду передача по наследству, в приданое, продажа, дарение крепостных крестьян. Таковая практика запрещалась с момента обнародования Положений 19 февраля 1861 г.

[2] Согласно пункту 2 статьи 14, помещик отныне лично не имел права телесно наказывать крестьян, он мог потребовать исполнения такового наказания только от полиции.

[3] Ко 2-му и 3-му разрядам усадеб относились те, владельцы которых «сверх земледелия имели другие особенные выгоды» (от торговли или промыслов). В таком случае размеры повинностей повышались.

ПОЛОЖЕНИЕ О ВЫКУПЕ КРЕСТЬЯНАМИ, ВЫШЕДШИМИ ИЗ КРЕПОСТНОЙ ЗАВИСИМОСТИ, ИХ УСАДЕБНОЙ ОСЕДЛОСТИ И О СОДЕЙСТВИИ ПРАВИТЕЛЬСТВА К ПРИОБРЕТЕНИЮ СИМИ КРЕСТЬЯНАМИ В СОБСТВЕННОСТЬ ПОЛЕВЫХ УГОДИЙ

Как уже указывалось выше, перевод крестьян на выкуп являлся завершающим этапом ликвидации феодальных отношений. Закон предоставлял помещикам право уже с момента обнародования Положений 19 февраля 1861 г. в оброчных и с 27 июня 1862 г. в барщинных имениях переводить крестьян на выкуп. Перевод крестьян на выкуп всецело зависел от воли помещика, который мог заключать выкупные сделки как по обоюдному соглашению с крестьянами, так и в одностороннем порядке, вопреки желанию крестьян. Закон не устанавливал предельного срока завершения выкупной операции, которая растянулась на десятилетия, хотя основная часть крестьян (67%) перешла на выкуп уже в первое десятилетие после реформы.

[1] Уплачиваемый годовой оброк приравнивался к 6% годового дохода с капитала, положенного в банк. Таким образом, если 1 руб. считался за 6%, то 100% капитала равнялись 16 руб. 67 коп.

[2] О «капитализации оброка» при определении выкупной суммы, о размерах «выкупной ссуды» и так называемого «дополнительного платежа» (т.е. вычета из выкупной суммы 20—25% ее) см. выше в предисловии.

[3] Согласно данной статье, 49-летний срок погашения выкупных платежей, вносимых казне, определялся с момента заключения выкупной сделки. Следовательно, если последняя выкупная сделка была заключена 1 января 1895 г., то заключившие ее крестьяне должны были вносить казне выкупные платежи до 1944 г.

МЕСТНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ О ПОЗЕМЕЛЬНОМ УСТРОЙСТВЕ КРЕСТЬЯН, ВОДВОРЕННЫХ НА ПОМЕЩИЧЬИХ ЗЕМЛЯХ В ГУБЕРНИЯХ: ВЕЛИКОРОССИЙСКИХ, НОВОРОССИЙСКИХ И БЕЛОРУССКИХ

Поземельное устройство крестьян определялось местными положениями. Они были построены на одинаковых принципах, но разнились в деталях в зависимости от местных условий. Было издано четыре местных положения: 1) для 24 великороссийских губерний, для Степной Украины (Новороссии — Екатеринославской, Таврической и Херсонской губерний) и двух белорусских губерний — Могилевской и части Витебской, где преобладало общинное землевладение крестьян, 2) для трех губерний «малороссийских», составлявших Левобережную Украину (Чернигов-

ской, Полтавской и части Харьковской), где преобладала подворная форма крестьянского землевладения, 3) для губерний Правобережной Украины (Киевской, Подольской и Волынской), также с преобладанием подворного землевладения крестьян (особенностью этих губерний было преобладание поместного дворянства польского происхождения и проведение здесь в 1847—1848 гг. инвентарной реформы) и 4) для Литвы и части губерний Западной Белоруссии (Виленской, Ковенской, Гродненской и четырех уездов Витебской с преобладанием литовского населения); здесь также господствовало подворное землевладение крестьян, поместное дворянство являлось преимущественно польско-литовского происхождения.

Местные положения о поземельном устройстве крестьян — важнейшие законодательные акты реформы 1861 г. Именно в них были сформулированы конкретные условия освобождения крестьян: размеры наделов и повинностей (последние определяли и размеры выкупных платежей за землю), условия отказа от надела и выхода крестьян из общины. Закон отдавал предпочтение полюбовному соглашению крестьян с помещиками. При отсутствии такового (а оно, как правило, отсутствовало) в силу вступали нормы, устанавливаемые законом.

В настоящее издание включены основные, имеющие принципиальное значение статьи Местного Положения для великороссийских, части украинских и белорусских губерний (в них числилось 7,3 млн муж. пола бывших крепостных крестьян, или более 73% бывших крепостных крестьян).

[1] Имеется в виду та часть Витебской губернии, в которой преобладало белорусское крестьянство.

[2] Эта статья предоставляла льготные условия мелкопоместным владельцам при наделении крестьян землей в черноземной и нечерноземных полосах: из общего земельного фонда в имении (включая сюда и крестьянскую надельную землю) помещик мог «удержать» за собой треть его, даже если при этом крестьянский надел оказывался меньше «низшей» нормы, устанавливаемой законом.

[3] *Разверстание* — ликвидация чересполосности крестьянских и помещичьих угодий, т.е. их отделение друг от друга, сведение каждого из них к одному месту.

[4] Принципиальное значение этой статьи заключается в том, что она на определенных условиях предоставляла крестьянам право заменить общинную форму землевладения подворной: если это решение принималось не менее чем 2/3 голосов на сельском сходе, а до перехода на выкуп, т.е. при временнообязанном состоянии крестьян, требовалось и согласие на это помещика. Заметим, что переход от общинного землевладения к подворному не означал еще выхода из общины. Упразднялась лишь земельно-передельная функция общины. В западных губерниях община имела место и при подворном землевладении.

[5] В силу круговой поруки община отвечала за исправное отбывание повинностей своих членов. Отобрание надела у недоимщика рассматривалось как крайняя мера при взыскании недоимок. Отобранный надел (или часть его) на время или навсегда переходил во владение всей общины. За отобранный надел платила повинности уже сама община или те домохозяева, среди которых был распределен надел недоимщика во время очередного передела земли.

IV. ПРОВЕДЕНИЕ В ЖИЗНЬ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ 1861 ГОДА

ИЗ ДНЕВНИКОВ П. А. ВАЛУЕВА

Петр Александрович Валуев (1814—1890) — граф, курляндский губернатор (1853—1858), директор департамента Министерства государственных имуществ (1858—1861), министр внутренних дел (1861—1868), министр земледелия и государственных имуществ (1872—1879), член Государственного совета (1879—1881), председатель Комитета министров (1874—1881). В 1861—1868 гг. в качестве министра внутренних дел осуществлял руководство проведением реформы 1861 г. в жизнь. Руководил «Высочайше утвержденной 26 мая 1872 г. комиссией для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской

производительности в России», изучавшей состояние пореформенного помещичьего и крестьянского хозяйства. Результаты обследования в 1873 г. были изданы в 5 томах.

В данном издании воспроизводятся дневниковые записи П. А. Валуева о подготовке, объявлении и первых шагах проведения в жизнь законодательных актов реформы 1861 г. по публикации: Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. Т. 1. 1861—1864 гг. М., 1961. С. 63—64, 71—72, 80, 102, 145—146.

[1] *Сергей* Григорьевич *Строганов* (1794—1882) — с 1856 г.— член Государственного совета, московский генерал-губернатор (1859—1860); в период подготовки реформы 1861 г. примыкал к помещичьей оппозиции (противников реформы).

Павел Павлович *Гагарин* (1789—1872).

[2] Николай Николаевич *Анненков* (1800—1865) — генерал-адъютант, член Государственного совета, государственный контролер (1862—1865).

[3] *...оба Адлерберга...* — сыновья В. Ф. Адлерберга — Александр Владимирович (1819—1889) и Владимир Владимирович (1818—1888).

[4] *Ольга Николаевна* (1822—1892) — великая княгиня; дочь Николая I, с 1864 г.— королева Вюртембергская.

[5] Александр Владимирович *Паткуль* (1817—1877) — генерал-адъютант, петербургский обер-полицмейстер.

[6] Речь идет о восстании крестьян в Кандеевке и Черногае в апреле 1861 г. в связи с объявлением «воли» (материалы об этом публикуются в настоящем издании).

[7] Речь идет о полученном в апреле 1861 г. по почте министром финансов А. М. Княжевичем, министром государственных имуществ М. Н. Муравьевым и княгиней Е. П. Кочубей «манифеста» следующего содержания:

«Божею милостью мы, Александр II и пр., и пр., и пр.

В манифесте нашем от 19 февраля сего года объяснили мы причины, побудившие нас постановить уничтожение крепостной зависимости. Для благоустроения одного сословия мы потребовали от другого жертвы, доселе беспримерной в истории народов,— жертвы собственности.

И российское дворянство не только безвозмездно с благородным бескорыстием отрекается от своих прав на личность крестьян, но уступает им в постоянное пользование значительную часть собственности родовых и благоприобретенных земель.

Да не думает Россия, что мы не оценили таковой жертвы дворянства, да не думает она, что и мы сами для блага отечества не готовы принести жертвы, также беспримерной в истории государей!

Вступая на прародительский престол, положили мы в сердце своем обет посвятить всю жизнь на благо нашего народа. Обет сей указал нам то, что неограниченная власть монарха, некогда необходимый образ правления, ныне уже несовместна с духом времени, ни с потребностями народа, ни с благоденствием России.

Убедясь, что дело коренного изменения положения всего государства на лучшее, исполнение клятвы, данной прародителем нашим Михаилом Федоровичем при избрании его на царство, есть жребий, чрез течение событий поданный нам рукою провидения, мы отрекаемся за нас и за наших преемников от самодержавной власти и даруем всей империи государственную уставную грамоту.

Православная Россия! Осени себя крестным знамением и призови с нами божие благословение на настоящее великое преобразование, залог блага общественного и твоего величия!

Дан в С.-Петербурге, в 20 день февраля, в лето от Р.Х. 1861-е, царствования же нашего седьмое».

(См. публикацию этого «манифеста»: Красный архив. 1933. Т. 2(57). С. 142—143.)

Текст «манифеста» сопровождало следующее письмо: «20 февраля сего года был государем императором подписан манифест, который по неизвестной причине не был обнародован.

Препровождаем вашему превосходительству копию сего манифеста».

Меры, предпринятые III отделением к розыску автора «манифеста», оказались тщетными. Подозревали авторство Н. Г. Чернышевского. «Манифест», судя по его содержанию, вышел из кругов консервативного дворянства, стремившегося к ограничению самодержавной власти монарха.

[8] Речь идет о всеподданнейшем адресе тверского дворянства (февраль 1862 г.), текст которого воспроизводится в настоящем издании.

О последствиях для подавших адрес см. в комментариях к нему.

ВОЗЗВАНИЕ АРХИЕПИСКОПА ПОЛОЦКОГО И ВИТЕБСКОГО ВАСИЛИЯ К ДУХОВЕНСТВУ ПОЛОЦКОЙ ЕПАРХИИ (10 МАРТА 1861 Г.)

Василий (Лужинский) (1790—1879) — архиепископ Витебский и Полоцкий, доктор богословия Виленского университета, член Святейшего Синода.

Текст этого воззвания воспроизводится по его публикации: Красный архив. 1935. Т. 5 (72). С. 186—188.

В своем воззвании, во исполнение специального циркуляра Святейшего Синода по епархиям, архиепископ Василий дает приходскому духовенству «программу» их проповедей и бесед с крестьянами по случаю предстоящего объявления «воли».

[1] Автор ссылается на 118-й псалом Давида, где говорится: «Буду хранить закон Твой всегда, во веки и веки; буду ходить свободно, ибо я взыскал повелений Твоих».

ПРОКЛАМАЦИЯ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО «БАРСКИМ КРЕСТЬЯНАМ ОТ ИХ ДОБРОЖЕЛАТЕЛЕЙ ПОКЛОН»

Прокламация составлена не позднее 15 августа 1861 г. (15 августа 1861 г. она уже попала в руки властей). Прокламация служила главной «уликой» обвинения Чернышевского в антиправительственной деятельности во время следствия над ним в 1862—1864 гг. Следствие не смогло доказать, а Чернышевский категорически отрицал свою причастность к составлению прокламации.

Текст прокламации здесь дан по изданию: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 7. М., 1950. С. 517—524.

[1] *...прабабка нонешнего царя Екатерина отдала в крепостные из вольных.*— Екатерина II раздала своим фаворитам 400 тыс. душ крестьян; в 1785 г. в связи с предоставлением дворянского статуса войсковой старшине на Левобережной Украине закрепила за ней сидевших на ее землях украинских крестьян.

[2] *Христиания* (ныне Осло) — столица Норвегии. Место печатания прокламации, несомненно, указано в качестве камуфляжа.

ПИСЬМО ЯКОБЫ ОТ УМАНЬСКИХ КРЕСТЬЯН К КИЕВСКОМУ, ВОЛЫНСКОМУ И ПОДОЛЬСКОМУ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРУ, ОБНАРУЖЕННОЕ 19 ФЕВРАЛЯ 1861 Г. В МЕСТЕЧКЕ ГОРОВАНЕВКЕ БАЛТСКОГО УЕЗДА ПОДОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ

Автор письма не установлен. Текст его здесь воспроизводится по изданию: Отмена крепостного права на Украине: Сборник документов и материалов. Киев, 1961.

[1] *Давнишное уманьское кровопролитное событие...* — Имеется в виду взятие восставшими украинскими крестьянами под предводительством Ивана Гонты и Максима Железняка в мае 1768 г. г. Умани.

«МАНИФЕСТ О ВОЛЕ», ОБНАРУЖЕННЫЙ В МАЕ 1861 Г. В ЛЕБЕДИНСКОМ УЕЗДЕ ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Во время восстания 5 тысяч крестьян с. Терны в начале мая 1861 г. был схвачен отставной унтер-офицер Павел Приходько, который читал им этот «Манифест о воле». На допросе Приходько отговаривался тем, что текст «Манифеста» ему дал «какой-то барин» и якобы «просил передать крестьянам с. Тернов». Харьковский уголовный суд приговорил Приходько к лишению всех прав состояния и тюремному заключению на три года. Текст «Манифеста» публикуется по изданию: Крестьянское движение в России в 1857 — мае 1861 г. Сборник документов. М., 1963. С. 497—498.

[1] *Очерет* — камыш, тростник.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Г. Д. ЩЕРБАЧЕВА ОБ ОБЪЯВЛЕНИИ МАНИФЕСТА 19 ФЕВРАЛЯ 1861 Г. В ПЕТЕРБУРГЕ

Данный текст воспоминаний петербургского чиновника Г. Д. Щербачева воспроизводится по изданию: Русский архив. 1891. № 1. С. 75—76.

[1] Заседание Государственного совета, которое имеет в виду Г. Д. Щербачев, состоялось 16 февраля.

[2] В литературе приводятся различные версии задержки обнародования Манифеста 19 февраля 1861 г., но главный довод — «правительство опасалось крестьянских волнений и отсрочило объявление Манифеста, чтобы успеть принять меры на случай «беспорядков» (Е. А. Мороховец).

ПИСЬМА ИЗ ПРОВИНЦИИ, ПЕРЛЮСТРИРОВАННЫЕ НА ПЕТЕРБУРГСКОМ ПОЧТАМТЕ, ОБ ОБЪЯВЛЕНИИ МАНИФЕСТА 19 ФЕВРАЛЯ 1861 Г. (МАРТ—АПРЕЛЬ 1861 Г.)

Не ограничиваясь донесениями с мест штаб-офицеров корпуса жандармов о «ходе крестьянского дела» в период подготовки и проведения крестьянской реформы 1861 г., III отделение собирало агентурные сведения о настроениях народа, а также производило перлюстрацию частных писем. Здесь приводятся некоторые из перлюстрированных писем за март—апрель 1861 г. о встрече Манифеста 19 февраля 1861 г. в различных местностях Российской империи по публикации: Семьдесят пять лет назад (19 февраля 1861 г.). После Манифеста. Встреча Манифеста на местах//Красный архив. 1936. Т. 1(74). С. 8, 10—12, 14, 16—17.

ИЗ ДОНЕСЕНИЙ УЕЗДНЫХ ЧИНОВНИКОВ КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ ГУБЕРНАТОРУ В. А. АРЦИМОВИЧУ ОБ ОБНАРОДОВАНИИ В УЕЗДАХ МАНИФЕСТА И ПОЛОЖЕНИЙ 19 ФЕВРАЛЯ 1861 Г.

В начале марта 1861 г. 167 доверенных лиц по заданию калужского губернатора Виктора Антоновича Арцимовича разъехались по губернии (по одному на 3—4 церковных прихода) для объявления Манифеста и Положений 19 февраля 1861 г. Им вменялось также в обязанность доставить сведения о том, как отнесутся к этим правительственным документам, возвещавшим «волю», крестьяне. В фонде В. А. Арцимовича, хранящемся в ЦГАОР СССР, содержится обширная и интересная по содержанию коллекция этих донесений. Извлечения из некоторых донесений приводятся в настоящем издании по оригиналам, хранящимся в ЦГАОР СССР, ф. 815, д. 144, л. 1—2; д. 154, л. 1 об.; д. 161, л. 2 об.; д. 169, л. 3 об.; д. 171, л. 2—4; д. 173, л. 2 об.— 3; д. 174, л. 2—3; д. 176, л. 1 об.— 2; д. 198, л. 3 об.; д. 202, л. 2 об.; д. 223, л. 1—2.

[1] *...местные свечи...*— Речь идет об обычае крестьян ставить сообща свечи в память какого-либо святого, праздника или знаменательного события.

[2] Пьер Жозеф *Прудон* (1809—1865) — французский утопический социалист. Здесь приводятся слова из его известного сочинения «Система экономических противоречий, или Философия нищеты» (1846), в котором он отстаивал мелкую собственность, не связанную с эксплуатацией наемного труда, и объявлял крупную собственность «кражей».

ЗАПИСКИ СЕЛЬСКОГО СВЯЩЕННИКА. 1861 Г.

Имя автора «Записок», приходского священника Владимирской губернии, неизвестно. Автор оставил подробный рассказ о положении в бывшей помещичьей деревне в первые годы проведения крестьянской реформы. Здесь воспроизводится яркий эпизод встречи крестьянами его прихода Манифеста 19 февраля 1861 г. по изданию: Русская старина. 1880. № 1. С. 41—44.

ИЗ РАПОРТА СВИТСКОГО ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА А. М. ДРЕНЯКИНА ОТ 13 МАЯ 1861 Г. АЛЕКСАНДРУ II О ВОЛНЕНИЯХ КРЕСТЬЯН В ЧЕМБАРСКОМ И КЕРЕНСКОМ УЕЗДАХ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ И О РАСПРАВЕ С НИМИ

Александр Максимович Дренякин (1813—1887) — генерал-майор свиты Александра II; был командирован в Пензенскую губернию для обнародования Манифеста и Положений 19 февраля 1861 г. и принятия мер против крестьянских «беспорядков». Его «рапорт» воспроизводится по документальному изданию: Крестьянское движение в России в 1857 — мае 1861 г. М., 1961. С. 424—438.

[1] *...17-е число, празднуемое всей Россией...*— 17 апреля — день рождения Александра II.

[2] Страстная неделя в 1861 г. приходилась на 17—22 апреля, а Пасха — на 23 апреля по старому стилю.

[3] Как доносил штаб-офицер корпуса жандармов из Пензенской губернии майор Лакс 21 апреля начальнику III отделения В. А. Долгорукову, среди крестьян этой губернии были распространены слухи о прибытии свитского генерала А. М. Дренякина как «царского посла», который, прибыв в Черногай, «посадил в острог исправника за то, что тот стрелял в народ, собравшийся в Черногае», что «он идет с войском расстреливать не крестьян, а помещиков», что в Кандеевке «будут раздавать билеты на вечную волю», всех помещиков и чиновников «царь велел убивать и на том же месте зарывать в землю» (Красный архив. 1939. Т. 1(92). С. 106—108).

ТЕЛЕГРАММЫ А. М. ДРЕНЯКИНА АЛЕКСАНДРУ II

Помещаемые здесь телеграммы А. М. Дренякина опубликованы в «Русской старине», № 4 за 1885 г. и являются приложением к его воспоминаниям «Сказание о волнении крестьян в Кандеевке в 1861 г.». В приложении дана и ведомость убитых, раненых и наказанных по суду участников волнений. По этим данным, было убито 11 крестьян, ранен 31, наказано шпицрутенами 104 и розгами 3. Здесь не указаны наказанные розгами десятки крестьян без суда. «Сказание» Дренякина о 1861 г. по своему содержанию повторяет его «рапорт» Александру II от 13 мая, публикуемый в настоящем издании.

Н. С. ХУДЕКОВ. БУНТ В КАНДЕЕВКЕ В 1861 ГОДУ

Автор воспоминаний — адъютант генерал-майора А. М. Дренякина и непосредственный свидетель и участник подавления волнений в Кандеевке. Воспоминания Н. С. Худекова воспроизводятся в сокращении по изданию: Исторический вестник. 1881. № 2. С. 773—793. После публикации воспоминаний Худекова в № 4 «Русской старины» за 1885 г. были опубликованы мемуарные заметки с документальными приложениями самого А. М. Дренякина под названием «Сказание о волнении крестьян в Кандеевке». «Отдавая справедливость правдивости в общем рассказа очевидца г. Худекова, бывшего тогда при мне в качестве адъютанта, отмечу некоторые неточности, встретившиеся в рассказе Н. С. Худекова»,— писал А. М. Дренякин. Эти неточности касались данных о числе убитых и раненых, также некоторых незначительных деталей. Дренякин указывает, что в Черногае было убито не 4, а 3, ранено не 8, а 4 человека,

в Кандеевке убито не 11, а 8, ранено не 28, а 27 человек. Далее Дренякин пишет: «Не помнится мне, чтоб под шпицрутенами у наказанных клочьями летело живое мясо».

Н. А. КРЫЛОВ. ВОСПОМИНАНИЯ МИРОВОГО ПОСРЕДНИКА ПЕРВОГО ПРИЗЫВА О ВВЕДЕНИИ В ДЕЙСТВИЕ ПОЛОЖЕНИЙ 19-ГО ФЕВРАЛЯ 1861 Г.

Николай Александрович Крылов (1830—1911) — член Симбирского комитета об улучшении быта помещичьих крестьян, впоследствии мировой посредник Алатырского уезда Симбирской губернии, управляющий обширным имением с. Мурасы с деревнями, принадлежавшим Языковым и находившимся в Спасском уезде Казанской губернии. Текст его воспоминаний, где повествуется о событиях в с. Бездне и деятельности Антона Петрова, здесь воспроизводится по изданию: Русская старина. 1892. № 4. С. 81—82.

[1] Владимир Александрович *Соллогуб* (1813—1882) — граф, русский писатель; в своей известной повести «Тарантас» (1845) дал яркие зарисовки провинциального быта помещиков Казанской и Симбирской губерний. Под названием Мордасы описал с. Мурасы.

[2] *Г. М. Толстой и Ф. И. Топорнин* — местные помещики; Василий Петрович *Ивашев* (1797—1840) — декабрист; Петр Никифорович *Ивашев* (1767—1838) — его отец, крупный помещик Симбирской губернии, владел 3 тыс. душ муж. пола крепостных. После него владелица с. Мурасы с деревнями — его дочь Елизавета Петровна (род. в 1805 г.); замужем за Петром Михайловичем Языковым.

[3] Благовещение Богородицы — православный праздник 25 марта ст. ст.

[4] *Церковнослужители* — служки в церкви, до дьякона включительно, не имеющие священнического сана. *Священнослужители* — имеющие священнический сан, начиная с иерея (священника).

РАПОРТ СВИТСКОГО ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА А. С. АПРАКСИНА АЛЕКСАНДРУ II О ВОЛНЕНИЯХ КРЕСТЬЯН В СПАССКОМ УЕЗДЕ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ И О РАССТРЕЛЕ ИХ В С. БЕЗДНЕ, 16 АПРЕЛЯ 1861 Г.

Антон Степанович Апраксин — граф, командированный в Казанскую губернию для объявления Манифеста и Положений 19 февраля 1861 г. и предотвращения в связи с этим крестьянских «беспорядков». В рапорте Апраксин доказывает необходимость применения оружия против восставших крестьян. Александр II по прочтении рапорта наложил резолюцию: «Не могу не одобрить действий гр. Апраксина, как оно ни грустно, но нечего было делать другого». Текст рапорта здесь воспроизводится полностью по документальному изданию: Крестьянское движение в России в 1857 — мае 1861 г. М., 1961. С. 350—356.

[1] В источниках приводятся разные цифры жертв расстрела в с. Бездне 12 апреля 1861 г. По докладу министра внутренних дел С. С. Ланского, число убитых показано 71 человек; казанский военный губернатор доносил, что было убито и умерло от ран 91 человек, раненых 87; жандармский офицер полковник Ларионов телеграфировал шефу жандармов В. А. Долгорукову о 60-ти убитых; земский исправник Р. В. Шишкин в рапорте губернатору указывал, что всего убитых и раненых насчитывается 150 человек, в том числе убитых 61 человек; адъютант казанского губернатора Ф. А. Половцев называет убитых 71 человек и раненых 115, но добавляет: «В действительности же их было гораздо больше, так как много и раненых и убитых крестьяне вынесли из толпы и увезли по деревням; по счету доктора, приехавшего на другой день и лечившего пострадавших в течение с лишком 2 месяца, всех жертв было более 350 человек» (Исторический вестник. 1907. № 11. С. 475). Принимавший участие в подавлении восстания в с. Бездне капитан Лепинский приводит те же данные о числе убитых и раненых, что и Апраксин в своем рапорте. Он сообщает и некоторые другие подробности расстрела, не указанные в рапорте Апраксина. По свидетельству Лепинского,

вокруг избы Антона Петрова собралось до 6 тысяч крестьян. По ним было сделано «четыре ружейных залпа взводными шеренгами». После четвертого залпа крестьяне бросились бежать, но каратели восприняли это так, как будто крестьяне хотят, вооружась кольями, идти в обход ротам. Тогда было сделано еще четыре залпа, после чего «толпа подала знак покорности, и пальба прекратилась». («Крестьянское движение в России в 1857 — мае 1861 г. М., 1961. С. 544).

ПОКАЗАНИЯ, ОТОБРАННЫЕ В ПОЛЕВОМ СУДЕ, БЫВШЕМ НАД КРЕСТЬЯНИНОМ АНТОНОМ ПЕТРОВЫМ

16 апреля в с. Бездне был наряжен военно-полевой суд над Антоном Петровым. Суду было вменено в обязанность «окончить военно-судное дело в 24 часа». Речь шла об осуждении Антона Петрова. Что же касается наиболее активных участников возмущения из числа крестьян, то их дело было окончено к 4 августа 1861 г. Из 16 преданных суду крестьян 5 были приговорены к наказанию розгами и отдаче в арестантские роты (один из них — к заключению в рабочий дом). Остальные были освобождены от наказания. Это сравнительно «мягкое» наказание участникам восстания казанский губернатор в своем донесении министру внутренних дел объяснял тем, что «продолжение следствия и суда поддерживает лишь беспокойное в моральном отношении состояние крестьян, усиливает недоверие, а может быть, и самое неприязненное чувство к бывшим их помещикам, коих они считают причиною постигшего их несчастья» (Крестьянское движение в России в 1857 — мае 1861 г. С. 545). Самому суровому наказанию подвергся Антон Петров, приговоренный к расстрелу.

[1] *Дручки* — колья.

РАПОРТ КОМАНДИРА КАЗАНСКОГО БАТАЛЬОНА ВНУТРЕННЕЙ СТРАЖИ СЛОВЦОВА АЛЕКСАНДРУ II ОБ ИСПОЛНЕНИИ ПРИГОВОРА ПОЛЕВОГО ВОЕННОГО СУДА НАД АНТОНОМ ПЕТРОВЫМ, 29 АПРЕЛЯ 1861 Г.

Приговор Антону Петрову был вынесен 17 апреля и в тот же день утвержден А. С. Апраксиным. Текст донесения воспроизводится по изданию: Крестьянское движение в России в 1857 — мае 1861 г. С. 365—366. На донесении Словцова помета: «Доложено его величеству 7 мая 1861 г.». Приговор был приведен в исполнение в присутствии жителей с. Бездны и согнанных представителей от селений всего Спасского уезда.

РЕЧЬ А. П. ЩАПОВА ВО ВРЕМЯ ПАНИХИДЫ ПО УБИТЫМ КРЕСТЬЯНАМ В С. БЕЗДНЕ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ 16 АПРЕЛЯ 1861 Г.

Афанасий Петрович Щапов (1830—1876) — профессор-историк Казанской духовной академии и Казанского университета, революционный демократ, связанный с революционным кружком казанских студентов, по инициативе которых в Куртинской кладбищенской церкви г. Казани 16 апреля 1861 г. была устроена панихида по убитым крестьянам с. Бездны («Куртинская панихида»). На этой панихиде и произнес свою знаменитую речь А. П. Щапов. Речь Щапова имела большой общественный резонанс и позднее распространялась в списках. Щапов был арестован. После длительного следствия он был исключен из «духовного звания», отставлен от преподавания в Казанском университете и, сверх того, постановлением Св. Синода решено было его «подвергнуть вразумлению и увещанию в монастыре». Для «увещания» ему был назначен Бабаевский монастырь Костромской губернии. Однако под давлением протеста передовых петербургских кругов Александр II 19 февраля 1862 г. отменил решение Синода: Щапову было разрешено жить в Петербурге под надзором полиции. В 1864 г. за «связь с лондонскими пропагандистами» (А. И. Герценом и Н. П. Огаревым) Щапов был выслан из Петербурга в Сибирь навсегда. Умер в Иркутске. Речь А. П. Щапова здесь воспроизводится по документальному изданию: Крестьянское движение в России в 1857 — мае 1861 г. С. 364—365.

[1] *В России за полтораста лет стали являться среди горько страдавших темных масс народных... свои христы — демократические конспираторы.*— Здесь Щапов имеет в виду известных проповедников «раскола» XVII в. протопопа Аввакума и Никиту Пустосвята.

[2] *Ныне отпущаеши раба твоего...* — Согласно евангельскому сказанию (Еванг. от Луки, гл. 2), жителю Иерусалима Симеону было предсказано, что он не умрет, не увидев Христа. Однажды Симеон пришел в храм и там увидел Богородицу с младенцем Христом, взял его на руки и произнес эти слова.

РАПОРТ СВИТСКОГО ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА А. С. АПРАКСИНА АЛЕКСАНДРУ II О ПАНИХИДЕ СТУДЕНТОВ КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА И ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ ПО УБИТЫМ КРЕСТЬЯНАМ В С. БЕЗДНЕ, 14 МАЯ 1861 Г.

Воспроизводится по изданию: Крестьянское движение в России в 1857 — мае 1861 г. С. 366—367.

На рапорте Апраксина наложена резолюция Александра II: «Потребовать от Г. А. Бибикова (казанского губернатора.— *сост.*) донесение об участии в сем деле студентов Казан[ского] университета».

ИЗ СТАТЬИ А. И. ГЕРЦЕНА «ИСКОПАЕМЫЙ ЕПИСКОП, ДОПОТОПНОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И ОБМАНУТЫЙ НАРОД» (АВГУСТ 1861 Г.)

Статья опубликована в 105-м листе «Колокола» от 15 августа 1861 г.; по этой публикации она и воспроизводится в сокращении в настоящем издании. (См. также: Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 15. М., 1958. С. 133—135.)

Поводом к написанию статьи явилось получение Герценом из России известий о причислении к лику святых воронежского епископа Тихона Задонского (1724—1783) (был воронежским епископом в 1763—1767 гг., после удалился в Воронежский монастырь). Вопрос о канонизации епископа Тихона был поставлен еще в 1846 г. воронежским архиереем Антонием Смирницким, однако в то время данный ритуал не состоялся. 25 мая 1861 г. Александр II утвердил указ-представление Св. Синода об «обретении мощей» епископа Тихона и о причислении его к лику святых. Вся эта история канонизации с едкой сатирой описана в первой части статьи. Вторая часть статьи, воспроизводимая в настоящем издании, содержит гневный протест Герцена против кровавой расправы властей с безднинскими крестьянами в апреле 1861 г.

[1] *...нашлись люди, которые, как М. П. Погодин ⟨...⟩ пожертвовали здравым смыслом и до того обрадовались Манифесту, что стали писать детский бред.*— Герцен имеет в виду статью М. П. Погодина «По поводу крестьянского дела», опубликованную в «Северной пчеле» 28 февраля 1861 г. (как раз перед официальной публикацией Манифеста 19 февраля). В этой статье Погодин рисовал фантастическую картину предстоящей встречи крестьянами Манифеста. В статье говорилось, как крестьяне в этот знаменательный день в праздничных одеждах будут молиться Богу за царя, даровавшего им волю, а затем «потянутся длинной вереницей к помещикам; низко кланяясь, поднесут им хлеб-соль, благодаря их за то «добро», которым отцы и деды крестьян «пользовались» от бар, и прося помещиков «наперед не оставить их своей милостью».

[2] *...в Казани инок Антоний...* — Герцен имеет в виду Антона Петрова.

[3] *...не попросит за шесть часов ни один архиерей...* — Воронежский архиерей Антоний подал свою просьбу-завещание о канонизации Тихона за шесть часов до своей кончины.

СЕЧЕНИЕ И УБИЙСТВА КРЕСТЬЯН В ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ

Здесь воспроизводится статья неизвестного корреспондента «Колокола» (см. лист 134 от 22 мая 1862 г.).

[1] Имеется в виду губернатор Пермской губернии Александр Григорьевич Лашкарев, ранее управляющий Лесным департаментом Министерства государственных имуществ. Редакция «Колокола» сделала примечание о А. Г. Лашкареве: «Этот Лашкарев — ханжа, известный «Колоколу», один из самых вреднейших губернаторов: безумное самоуправство его переходит далеко общий губернаторский уровень».

[2] *...с золотою строчкой...* — Крестьяне полагали, что царь пишет не иначе как золотыми чернилами.

[3] Свитский генерал-майор кн. П. Р. Багратион, командированный в Пермскую губернию, в своем донесении от 10 апреля 1861 г. Александру II сообщал о двух смертельно и одном легко раненых.

В имении Наталии Павловны Строгановой, которое было охвачено волнениями в связи с обнародованием «воли», насчитывалось 17 460 душ муж. пола крепостных заводских крестьян. За участие в волнениях было предано военному суду 243 человека, как «неповинующиеся военной команде». Из них 95 были приговорены к наказанию шпицрутенами и розгами. 16 из наказанных были сосланы в каторжные работы и в арестантские роты.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ А. И. КОШЕЛЕВА, Ю. Ф. САМАРИНА И В. А. ЧЕРКАССКОГО (АПРЕЛЬ — НОЯБРЬ 1861 г.)

Публикуемые письма А. И. Кошелева из Рязанской губернии и Ю. Ф. Самарина из Самарской содержат ценные сведения и интересные суждения о положении в деревне в первый год после объявления «воли». Воспроизводятся по изданию: Трубецкая О. Н. Материалы для биографии князя В. А. Черкасского. Т. I. Ч. 2. Кн. 2. В. А. Черкасский и его участие в разрешении крестьянского вопроса. М., 1904. С. 243—244, 282—283, 304—305, 315—317.

[1] В начале апреля 1861 г. под влиянием волнений в Пензенской губернии восстали более 8 тыс. крестьян соседних с нею имений помещиков Нарышкина, Протасьева, Сухтелен и Кайсаровой в Моршанском уезде Тамбовской губернии. Волнения были подавлены с помощью военных команд и предания наиболее активных участников волнений военному суду. Число наказанных и меры наказания установить не удалось. В той же Тамбовской губернии крестьяне с. Ширяева Кирсановского уезда 13 апреля произвели нападение на присланную для их усмирения военную команду. В результате столкновения с нею 8 крестьян были ранены, из них 3 смертельно.

[2] По закону денежные штрафы, налагаемые на сельских старост мировыми посредниками, поступали в мирские (общинные) кассы.

[3] *...венгерская пассивная оппозиция...* — Так Ю. Ф. Самарин называет поведение крестьян, не противящихся явно закону, но тем не менее не исполняющих его.

[4] *Мирской капитал* — собранные на мирские (общинные) нужды деньги крестьян в порядке самообложения.

П. И. ЯКУШКИН. ВЕЛИК БОГ ЗЕМЛИ РУССКОЙ!

Павел Иванович Якушкин (1820—1872) — писатель-этнограф, двоюродный брат декабриста И. Д. Якушкина, сын богатого орловского помещика и крепостной крестьянки. Был близок к кружку «Искры» и «Отечественных записок». Начиная с 40-х годов в течение 20 лет изучал народные обычаи, собирал материалы по различным губерниям о крестьянском фольклоре; автор многочисленных путевых очерков. В 1865 г. был выслан как «неблагонадежный» из столицы в Астраханскую губернию.

Свои наблюдения о настроениях помещиков и крестьян Псковской и Новгородской губерний П. И. Якушкин изложил в путевом очерке «Велик Бог земли русской!», опубликованном отдельной книжкой в 1861 г. Здесь приводится в сокращении по изданию: Якушкин П. И. Сочинения. М., 1986. С. 372—419.

[1] *...адрес безусловный!* — Имеется в виду обращение местного дворянства к властям с согласием на освобождение крестьян, но без указания каких-либо конкретных условий этого освобождения.

[2] *...земля в наших губерниях вся барская...* — Речь идет о преобладании помещичьего землевладения в Новгородской и Псковской губерниях и господстве там барщинной формы эксплуатации крестьян; отсюда и желание дворянства этих губерний, о чем пишет далее П. И. Якушкин, «переселить мужиков на вольные земли в Сибирь на казенный счет».

[3] «Высочайший титул» императора гласил: «Император и самодержец всероссийский, царь польский, великий князь финляндский и проч., и проч., и проч.». Упоминание в «титуле» «императора», «царя» и «великого князя» подало крестьянам мысль, что «воля от трех царей пришла».

[4] Иван Васильевич *Павлов* (1823—1904) — мценский помещик, врач, общественный деятель, журналист, публицист.

[5] *...вроде Пеночкиных тургеневских.* — Имеется в виду персонаж рассказа И. С. Тургенева «Бурмистр» из «Записок охотника» Аркадий Павлович Пеночкин — жестокий крепостник с изысканными манерами; образ, приобретший благодаря своей выразительности широкую популярность и потому часто упоминаемый. См. комм. 5 к статье А. И. Герцена «Через три года...».

[6] *Окружной* — начальник уездного округа управления государственными крестьянами.

Н. Н. ВОЛК-КАРАЧЕВСКИЙ. СОРОК ЛЕТ НАЗАД. (ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ МИРОВОГО ПОСРЕДНИКА ПЕРВОГО ПРИЗЫВА)

В данном издании приводятся извлечения из воспоминаний Никодима Никодимовича Волк-Карачевского, мирового посредника Борзенского уезда Черниговской губернии, избранного на эту должность на первое трехлетие (1861—1863 гг.), по публикации: Киевская старина. 1901. № 4. С. 37—41.

[1] *...принадлежат к первой местности...* — По размерам поземельного надела Черниговская губерния была поделена на 4 местности; для первой устанавливался надел в размере 2 $^3/_4$ дес. на душу мужского пола, для второй — 3,5 дес., для третьей — 4 дес. и для четвертой — 4,5 дес.

[2] Мемуарист ссылается на эпизод из «Мертвых душ» Н. В. Гоголя, где Собакевич в списке продаваемых Чичикову умерших «мужских душ» поместил Елизавету Воробей.

[3] Купленные при крепостном праве крестьянами земли до 1848 г. записывались на имя помещика, поскольку крестьяне не имели права приобретать недвижимую собственность на свое имя (таковое право они получили лишь по закону от 3 марта 1848 г.). Согласно Положениям 19 февраля 1861 г., от помещика зависело, признать ли за крестьянами их собственные земли, приобретенные до этого указа, или нет.

ИЗ ЗАПИСКИ МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ П. А. ВАЛУЕВА АЛЕКСАНДРУ II «О ПОЛОЖЕНИИ КРЕСТЬЯНСКОГО ДЕЛА В НАЧАЛЕ СЕНТЯБРЯ 1861 Г.»

О П. А. Валуеве см. в комментарии к его дневниковым записям за 1861—1862 гг.

Записка П. А. Валуева содержит официальную оценку Министерства внутренних дел «хода крестьянского дела» за 7 месяцев со дня обнародования Положений 19 февраля 1861 г. Она содержит важные сведения о введении органов крестьянского общественного управления и местных уездных и губернских учреждений по крестьянским делам.

Текст записки публикуется по изданию: Исторический архив. 1961. № 1. С. 66—81.

[1] *...вскоре устранены.* — Имеются в виду волнения горнозаводских крестьян

в имениях помещиков Голицыных в Пермском и Кунгурском уездах и Строгановых в Соликамском уезде Пермской губернии в конце марта — начале апреля 1861 г. Волнения усмирены с применением оружия (см. публикуемую в данном сборнике статью «Сечение и убийства крестьян в Пермской губернии»).

[2] *Ипотечная система* — выдача денежных ссуд под залог недвижимости, в данном случае земельной собственности.

[3] *...начальник края...* — Военный генерал-губернатор Киевской, Волынской и Подольской губерний, составляющих Юго-Западный край, князь И. И. Васильчиков; *начальник Подольской губернии* — Р. И. Брауншвейг.

Крестьяне на обязательный выкуп в этих губерниях были переведены в 1863 г.

[4] На докладе П. А. Валуева резолюция Александра II: «Весьма благодарен за этот очерк, совершенно согласный с теми сведениями, которые до меня доходят с разных сторон. Полагаю весьма полезным прочесть его в Глав[ном] ком[итете]».

УСТАВНАЯ ГРАМОТА НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ, ГОРБАТОВСКОГО УЕЗДА, СЕЛЕНИЯ БАРКИНА, ПОМЕЩИЦЫ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТШИ А. С. ЕРШОВОЙ

Воспроизводится по заверенной копии, хранящейся в РГИА, ф. 577 (Главное выкупное учреждение), оп. 21, 1880 г., д. 688, л. 17—18.

[1] Данная статья предусматривала исключение из числа крестьян, подлежащих наделению землей, тех, которые до 1861 г. «не участвовали в пользовании землею».

[2] В десятине «казенной меры» насчитывалось 2400 кв. саж.

[3] Статья 20 Местного положения для губерний великороссийских гласила: «Если бы... за оставлением в пользовании крестьян их надела осталось в непосредственном распоряжении помещика менее одной трети общего количества принадлежащих ему угодий, то помещик имеет право удержать в своем непосредственном распоряжении до одной трети общей совокупности удобных земель в имении».

[4] Согласно статье 170 Местного положения для губерний великороссийских, если платимый крестьянами оброк до 1861 г. был меньше установленного Положением для данной местности, то он оставался без изменения, т. е. не мог был повышен до установленной Положением нормы.

ИЗ ГОДОВЫХ ОТЧЕТОВ НАЧАЛЬНИКА III ОТДЕЛЕНИЯ С. Е. И. В. КАНЦЕЛЯРИИ И КОРПУСА ЖАНДАРМОВ ЗА 1861—1863 ГГ.

Публикуются по изданию: Крестьянское движение 1827—1869 гг. Вып. 2. М.; Л., 1931. С. 20—28, 52—53.

[1] *В Калужской* [губернии] *все предводители дворянства жаловались на односторонние действия начальника губернии ко вреду землевладельцев...* — На деле речь шла о поднятой консервативными кругами дворянства Калужской губернии кампании против губернатора В. А. Арцимовича, действовавшего в строгих рамках закона и в силу этого обвинявшегося в «потакании» крестьянам. Александр II пошел навстречу притязаниям калужского дворянства и в середине 1862 г. удалил В. А. Арцимовича с должности калужского губернатора.

[2] *...волостным и сельским старшинам...* — Имеется в виду речь Александра II 25 ноября 1862 г. перед волостными старшинами в Москве, где он прямо сказал, что «никакой иной воли не будет, кроме той, какая дана». Текст этой речи публикуется в настоящем издании.

[3] Под «политическими событиями» начальник III отделения имеет в виду польское восстание 1863 г.

[4] *...возмутительные воззвания и лжеманифесты...* — В декабре 1862 г. в московских кругах «Земли и воли» был подготовлен лжеманифест, автором которого, как потом выяснилось, был студент Московского университета Ю. Б. Бензингер. В этом «манифесте» от имени царя объявлялось о передаче крестьянам земли без

выкупа, свободе вероисповедания, о роспуске армии, введении выборных властей сверху донизу. «Манифест» призывал крестьян к сопротивлению всем властям и войскам, если они будут действовать против этой «монаршей воли». «Манифест» был отпечатан и распространялся в Поволжье. Один из его экземпляров в июне 1863 г. попал к Герцену в Лондон. Герцен выступил в «Колоколе» (лист 166 от 20 июня 1863 г.; там же приведен и текст этого «манифеста»), осудив этот акт. «Велика ответственность, которую берут на себя авторы такого рода воззваний,— писал он.— Путь этот опасен — народ перестанет верить печатному слову».

ИЗ ПИСЬМА Л. Н. ТОЛСТОГО К М. Н. КАТКОВУ ОТ 29 ИЮНЯ 1861 Г.

Письмо Л. Н. Толстого к издателю «Русского вестника» М. Н. Каткову упоминает о произволе, чинимом мировыми посредниками Тульской губернии. Письмо дается по публикации: Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Т. 60. М., 1949. С. 395.

[1] *Повесть, которую я вам обещал...* — Имеется в виду повесть «Казаки».
[2] *...будущий журнал...* — Речь идет о задуманном Л. Н. Толстым журнале «Ясная Поляна», первый номер которого вышел в феврале 1862 г.
[3] *...мировое посредничество...* — Л. Н. Толстой был назначен мировым посредником Крапивенского уезда Тульской губернии.

ПРОШЕНИЕ Л. Н. ТОЛСТОГО ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ЕГО ОТ ДОЛЖНОСТИ МИРОВОГО ПОСРЕДНИКА

Текст прошения воспроизводится по Полному собранию сочинений Л. Н. Толстого в 90 томах, т. 60, с. 505.

[1] В делах Тульского губернского по крестьянским делам присутствия перечисленные Л. Н. Толстым жалобы на него помещиков исследователями не обнаружены. Одна из жалоб, о «перечислении людей в крестьяне», вероятно, указывала на запись Толстым в число крестьян, имеющих права на надел, тех бывших крепостных, которые незаконно были переведены помещиком в дворовые.
Магазейный хлеб — страховой запас зерна на случай неурожая.
[2] Старшим кандидатом мирового посредника 4-го участка Крапивенского уезда Тульской губернии был Сергей Николаевич Толстой. 9 марта 1862 г. Л. Н. Толстой вновь вступил в исправление должности мирового посредника и оставался в ней до 30 апреля, передав ее под предлогом болезни снова С. Н. Толстому. 26 мая 1862 г. вышло определение Сената: «Артиллерии поручика графа Толстого по болезни уволить от представленного ему по утверждении Правительствующего Сената должности мирового посредника Крапивенского уезда». «Посредничество,— объяснял Толстой друзьям,— поссорило меня со всеми помещиками окончательно и расстроило здоровье, кажется, тоже окончательно».

Н. А. К[РЫЛОВ]. МИРОВЫЕ ПОСРЕДНИКИ ПЕРВОГО ПРИЗЫВА. (ЛИЧНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ)

О Н. А. Крылове см. комментарий к его «Воспоминаниям мирового посредника первого призыва о введении в действие Положения 19 февраля 1861 года».

Данный отрывок из его воспоминаний, где говорится о деятельности мировых посредников и взаимоотношениях крестьян и помещиков после отмены крепостного права, воспроизводится по публикации: Исторический вестник. 1904. № 7. С. 88—100.
[1] Подводная повинность сохранялась до 15 марта 1862 г. и ограничивалась посылкой подвод не далее 150 верст, при этом она засчитывалась за исполнение барщинных дней.

[2] Всеобщая воинская повинность была введена Воинским уставом 1 января 1874 г.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ А. Н. КУЛОМЗИНА

Анатолий Николаевич Куломзин (1838—1924) — мировой посредник Кинешемского уезда Костромской губернии, впоследствии управляющий делами Комитета министров и член Государственного совета. Его воспоминания отличаются объективностью, точностью и наблюдательностью. Содержат характерные зарисовки помещичьего провинциального быта в момент отмены крепостного права.

Воспоминания А. Н. Куломзина публикуются по изданию: Записки отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина. Крестьянская реформа 1861 г. Вып. 10. М., 1941. С. 11—15, 23—26, 29—30.

[1] Флигель-адъютант Николай Иванович *Арапов*.

[2] Геннадий Иванович *Невельской* (1813—1876) — исследователь Дальнего Востока и острова Сахалин; принадлежал к числу крупнейших землевладельцев и душевладельцев Костромской губернии.

К. А. РОЩАХОВСКИЙ. МЕМУАРЫ ВРЕМЕНИ ОСВОБОЖДЕНИЯ КРЕСТЬЯН

Автор мемуаров Константин Александрович Рощаховский (1815—1862), предводитель дворянства Бобринецкого уезда Херсонской губернии, приводит колоритные зарисовки, дающие представление о взаимоотношениях крестьян и помещиков, о составлении уставных грамот. Здесь публикуются извлечения по изданию: Киевская старина. 1887. № 6—7. С. 406—450.

[1] *В имении моем учреждена волость...* — Автор имеет в виду учреждение центра волостного управления в его имении.

[2] «Журнал землевладельцев» — о нем см. комм. 25 к «Записке А. И. Левшина «Достопамятные минуты в моей жизни».

[3] Речь идет о Херсонских военных поселениях на р. Буге. Здесь в 1817—1822 гг. было создано 12 округов кавалерии числом жителей 163 тыс. душ. муж. пола, которые подразделялись на поселян-хозяев (имевших свое собственное хозяйство) и поселенных у них, обязанных им «помогать по хозяйству» солдат «действующих эскадронов». Проведенная в 1832 г. реформа военных поселений ослабила военнопоселенный режим. Положение южных военных поселений, в отличие от северных в Новгородской губернии, было значительно лучше, ибо южные поселения имели обширные плодородные земли, вели хлебную торговлю через черноморские порты, занимались разными промыслами. Это не могло не отразиться и на нравственном состоянии южных военных поселенцев, о чем здесь пишет мемуарист.

[4] 3-я статья «Местного положения о поземельном устройстве крестьян...» предоставляла возможность отказа от наделения землей тем крестьянам, которые не имели до 1861 г. земельного надела, хотя по закону 1861 г. и получали право на надел. Как видно из мемуаров Рощаховского, никто из таковых крестьян в его имении не заявил об отказе от наделения землей.

[5] По закону 1861 г. дворовые не получали земельного надела, но обязывались находиться в услужении у помещика в течение двух лет или же вместо этой службы уплачивать оговоренную в законе денежную сумму в виде оброка. В случае, о котором идет речь в воспоминаниях Рощаховского, помещик соглашался наделить дворовых землей при условии, если и по истечении двух лет они будут продолжать ему служить. Таким образом, надел служил как бы платой бывшим дворовым за продолжение службы помещику.

[6] *Десятидесятинные клетки* — участки земли по 10 десятин в каждом.

[7] *...десятую часть издельной повинности, определенной Положением, или пятую часть оброка...* — Это составляло 7 барщинных дней с тягла (4 дня мужских

и 3 женских) в год. $^1/_5$ часть оброка для данной местности составляла 1 руб. 80 коп. за земельный надел в расчете на 1 душу муж. пола.

[8] *Дополнительный платеж* — как уже было указано выше, он составлял от 20 до 25 % выкупной суммы и уплачивался крестьянами при переходе на выкуп непосредственно помещику, остальные 75—80 % выкупной суммы крестьяне в течение 49 лет (из расчета 6 % уплаты ее ежегодно) вносили казне. Помещик лишался права взимать с крестьян эти 20—25 % в качестве «дополнительного платежа», если выкупная сделка совершалась по его одностороннему требованию. Склоняя своих крестьян к выкупу, Рощаховский как бы «дарил» им эту сумму «дополнительного платежа».

[9] Статья 36 «Правил о порядке приведения в действие Положений» гласила: «От усмотрения владельца зависит: призвать крестьян к участию в составлении уставной грамоты или составить оную без их участия».

[10] Статья 259 «Местного положения о поземельном устройстве крестьян» дозволяла помещику принудить крестьянина-недоимщика отрабатывать (по существующей оценке работ) недоимку на барском поле.

[11] Вероятно, речь идет о той оброчной сумме, которую крестьяне выплачивали до утверждения выкупной сделки, но со времени ее заключения с помещиком («ассигновки»).

К ИСТОРИИ ВВЕДЕНИЯ УСТАВНЫХ ГРАМОТ

Здесь публикуется «Особое мнение» мирового посредника Хорольского уезда Полтавской губернии кн. П. Цертелева, приложенное к журналу заседания уездного мирового съезда от 1 апреля 1862 г. о средствах к скорейшему введению уставных грамот в уезде. Публикуется по: К истории введения уставных грамот. Сообщ. П. Н. Миллер. «Мнение» мирового посредника кн. П. Цертелева // Минувшие годы. 1908. № 3. С. 208—219.

ДОКЛАД СЕНАТОРА А. Х. КАПГЕРА, РЕВИЗОВАВШЕГО В 1861—1863 ГГ. КАЛУЖСКУЮ И ВЛАДИМИРСКУЮ ГУБЕРНИИ, О СОСТОЯНИИ «КРЕСТЬЯНСКОГО ДЕЛА» ВО ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ

Александр Христианович Капгер (1812—1876) — генерал-лейтенант, сенатор. В 1861 г. был направлен в Калужскую и Владимирскую губернии для ревизии «хода крестьянского дела». Сначала (в 1861—1862 гг.) проводил ревизию Калужской, а в 1863 г.— Владимирской губерний). В Калужской губернии к нему поступали многочисленные жалобы местных помещиков-крепостников на действия губернатора В. А. Арцимовича. Во Владимирской Капгер встретился с многочисленными злоупотреблениями мировых посредников. Здесь воспроизводится часть обширного доклада Капгера, представленного в 1863 г. Александру II, о положении дел во Владимирской губернии по архивному подлиннику: РГИА, ф. 1181 (Главный комитет об устройстве сельского состояния), оп. 1, т. IV, д. 128, л. 21—35, 40—51.

[1] *Присельная земля* — угодья, примыкающие к селениям; по закону не подлежала отрезке.

С. И. НОСОВИЧ О ДЕЙСТВИЯХ МИРОВЫХ ПОСРЕДНИКОВ НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ

Сергей Иванович Носович (1831—1897) — член от правительства в мировых съездах Демянского, Новгородского и Старорусского уездов Новгородской губернии, впоследствии иркутский губернатор. В своих дневниковых записях за 1861—1863 гг. приводит конкретные данные о проведении реформы 1861 г. в Новгородской губернии. Здесь воспроизводится его дневниковая запись за 24 июля 1862 г., в которой он описывает действия мировых посредников. Публикация осуществлена по изданию: Носович С. И. Крестьянская реформа в Новгородской губернии. Спб., 1899. С. 100—101.

С. Н. ТЕРПИГОРЕВ О ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯХ МИРОВЫХ ПОСРЕДНИКОВ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ.

Сергей Николаевнч Терпигорев (псевдоним Атава, 1841—1895) — писатель-публицист. В 70—80-х гг. опубликовал серию очерков о пореформенной деревне и жизни дворян Тамбовской губернии. Очерки затем были изданы отдельной книгой под названием «Оскудение». Отрывки из них здесь воспроизводятся по изданию: Терпигорев С. Н. Собр. соч. Спб., 1882. Т. 1. С. 318—319.

ИЗ ДОНЕСЕНИЙ ОФИЦЕРОВ КОРПУСА ЖАНДАРМОВ О НАСТРОЕНИЯХ КРЕСТЬЯН В 1862 Г. В СВЯЗИ С ВВЕДЕНИЕМ УСТАВНЫХ ГРАМОТ

Приводимые здесь извлечения из донесений жандармских офицеров начальнику III отделения и шефу жандармов В. А. Долгорукову содержат сведения о причинах сопротивления крестьян введению уставных грамот. Донесения публикуются по архивным подлинникам: ГАРФ, ф. 109,1-я экспедиция III отделения, 1862 г., д. 215, л. 9 об.— 11; д. 229; д. 230, л. 7.

[1] *...платить за землю польготно деньги...* — Речь идет о желании крестьян вместо оброчных или выкупных платежей за земельный надел платить в казну небольшой поземельный сбор.

ИЗ ДОНЕСЕНИЙ ОФИЦЕРОВ КОРПУСА ЖАНДАРМОВ «О ХОДЕ КРЕСТЬЯНСКОГО ДЕЛА В 1863 ГОДУ»

Донесения жандармских офицеров начальнику III отделения публикуются по архивным подлинникам: ГАРФ, ф. 109, 1-я экспедиция III отделения, 1863 г., д. 192, л. 12; д. 197, л. 1 об.— 2.

«ВСЕПОДДАНЕЙШИЙ АДРЕС» ТВЕРСКОГО ДВОРЯНСТВА (1862 Г.)

«Адрес» был подписан губериским и девятью уездными предводителями дворянства, а также 103 дворянами Тверской губернии и подан Александру II 3 февраля 1862 г. в «Адресе» четко заявлены требования либерально-оппозиционной части дворянства. «Адрес» вызвал сильное недовольство Александра II. 22 февраля 1862 г. он приказал 13 инициаторов составления «Адреса» (А. А. и Н. А. Бакуниных, С. Балкашина, А. Демьянова, П. Глазенапа, А. Кислинского, В. Кудрявцева, М. Лазарева, Л. Лихачева, А. Неведомского, Н. Полторацкого, Н. Харламова и Л. Широбокова — мировых посредников и председателей уездных мировых съездов) заключить в Петропавловскую крепость на два года, но через несколько месяцев распорядился их освободить и вернуть на родину под надзор полиции.

«Адрес» тверских дворян, как наиболее значительное проявление либерального протеста против условий «Положений 19 февраля 1861 г.» и заявление требований проведения дальнейших реформ, нашел отклик среди либерального меньшинства калужского, московского, воронежского, рязанского и тульского дворянства. «Адрес» тверских дворян впервые был опубликован в «Колоколе» Герцена (лист 129 от 16 апреля 1862 г.). Здесь воспроизводится по кн.: Лемке М. К. Очерки освободительного движения 60-х годов. Спб., 1908. С. 447—449.

РЕЧЬ АЛЕКСАНДРА II 25 НОЯБРЯ 1862 Г. ПЕРЕД ВОЛОСТНЫМИ СТАРШИНАМИ И СЕЛЬСКИМИ СТАРОСТАМИ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Необходимость выступления Александра II перед волостными старшинами и сельскими старостами диктовалась распространившимися слухами о новой «воле» и даровании бесплатного, «царского надела», что явилось одной из причин отказа крестьян от подписания уставных грамот. Текст речи Александра II

воспроизводится по «Особому прибавлению» к № 255 газеты «Наше время» за 1862 г.

РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ЛИСТОВКА, ПРИЗЫВАВШАЯ СОЛДАТ РУССКОЙ АРМИИ НЕ ВЫСТУПАТЬ ПРОТИВ КРЕСТЬЯН ПРИ ПОДАВЛЕНИИ ВОЛНЕНИЙ

Листовка обнаружена на Украине 16 августа 1862 г. Авторство ее не установлено.

Воспроизводится по документальному изданию: Отмена крепостного права на Украине: Сборник документов. Киев, 1961. С. 356—361.

[1] *...250 лет тому назад поляки ходили на Россию...* — Речь идет о польской интервенции в начале XVII в.

[2] *...помочь ему освободиться от немцев, которые держат его в неволе.* — Автор имеет в виду, что польские земли (Поморье с Гданьском, запад с Познанью и южная часть с Краковом и Львовом) отошли в результате разделов Польши 1772, 1793 и 1795 гг. к Пруссии и Австрии.

[3] *Сотни тысяч от них недавно в Крыму костьми легли...* — Речь идет о Крымской войне 1853—1856 гг.

[4] Автор имеет в виду раскассирование лейб-гвардии Семеновского полка за возмущение в 1820 г. и судьбы лейб-гвардии Московского полка, сосланного на Кавказ за участие в восстании 14 декабря 1825 г.

[5] *...умели страдать в Севастополе за ничто...* — Здесь говорится об обороне Севастополя в октябре 1854 — сентябре 1855 г.

ВОЗЗВАНИЕ К КРЕСТЬЯНАМ «ДОЛГО ДАВИЛИ ВАС, БРАТЦЫ!» (НОЯБРЬ 1862 г.)

Данное воззвание было составлено, как полагают исследователи, студентом Казанского университета И. Н. Умновым при участии других студентов университета: Н. М. Шатилова, М. К. Элпидина, П. М. Третьякова, А. С. Орлова и Ф. Н. Бургера — членов казанского отделения тайного общества «Земля и воля» (1862—1864). Текст воззвания приводится по документальному сборнику: Русско-польские революционные связи. М., 1963. Т. 2. С. 297—299.

[1] *...написал пять лет тому назад манифест...* — Здесь авторы воззвания, вероятно, имеют в виду обнародованный в конце 1857 г. царский рескрипт В. И. Назимову.

Н. П. ОГАРЕВ. ВСЕМУ НАРОДУ РУССКОМУ, КРЕСТЬЯНСКОМУ, ОТ ЛЮДЕЙ, ЕМУ ПРЕДАННЫХ, ПОКЛОН И ГРАМОТА

Воззвание написано Н. П. Огаревым в феврале 1863 г. в расчете на предполагаемое в начале 1863 г. крестьянское восстание в связи с тем, что заканчивался двухлетний срок введения в действие «Положений 19 февраля 1861 г.», и крестьяне оказывались обмануты в своих ожиданиях с этого момента «новой воли». В воззвании кратко заявлены основные программные положения революционной демократии 60-х годов. Критика «Положений 19 февраля 1861 г.» Огаревым была изложена ранее в обширной статье «Разбор нового крепостного права», опубликованной в 101—106-м листах «Колокола» за 1861 г., а также в его прокламациях «Что нужно народу?» и «Что нужно делать войску?», опубликованных в 102-м и 111-м листах «Колокола» за 1861 г. Воззвание «Всему народу русскому...» было опубликовано в «Общем вече» (прибавлении к «Колоколу»), № 2 за 1862 г. Здесь воспроизводится по кн.: Огарев Н. П. Избранные социально-политические и философские произведения. М., 1956. Т. 2. С. 95—99.

[1] Н. П. Огарев имеет в виду посаженных в Петропавловскую крепость 13 тверских мировых посредников, подавших в феврале 1862 г. всеподданнейший адрес Александру II (текст его воспроизводится в настоящем издании).

ИЗ «ОТЧЕТА ПО ГЛАВНОМУ КОМИТЕТУ ОБ УСТРОЙСТВЕ СЕЛЬСКОГО СОСТОЯНИЯ ЗА ДЕВЯТИЛЕТИЕ С 19 ФЕВРАЛЯ 1861 г. ПО 19 ФЕВРАЛЯ 1870 г.»

На Главный комитет об устройстве сельского состояния (преобразованный 19 февраля 1861 г. из Главного комитета по крестьянскому делу) было возложено наблюдение над проведением крестьянской реформы. Он должен был уравнять в правах и обязанностях все разряды крестьянства (бывших помещичьих, государственных и удельных крестьян). Главный комитет об устройстве сельского состояния функционировал при Государственном совете и под непосредственным наблюдением самого императора. Председателем Комитета был назначен брат Александра II великий князь Константин Николаевич (1827—1892), исполнявший до этого обязанности председателя упраздненного Главного комитета по крестьянскому делу; являлся одновременно председателем Государственного совета и морским министром. Члены Комитета состояли из «непременных» по занимаемым должностям министров и управляющих ведомствами и назначаемых императором. В число «непременных» вошли: министр внутренних дел С. С. Ланской (с 1861 г.— П. А. Валуев, с 1868 г.— А. Е. Тимашев), министр государственных имуществ М. Н. Муравьев (с 1861 г.— А. А. Зеленой), министр финансов А. М. Княжевич (с 1869 г.— М. Х. Рейтерн), министр юстиции В. Н. Панин (с 1861 г.— Д. Н. Замятнин, с 1867 г.— К. И. Пален), министр уделов В. Ф. Адлерберг, управляющий II отделением императорской канцелярии Д. Н. Блудов (с 1862 г.— М. А. Корф), начальник III отделения канцелярии императора В. А. Долгоруков (с 1866 г.— П. П. Шувалов). Императором в состав Комитета были назначены: Н. И. Бахтин (член Государственного совета), П. П. Гагарин (член Государственного совета), К. В. Чевкин (главноуправляющий путей сообщений). По рекомендации вел. кн. Константина Николаевича в состав Комитета на некоторое время были введены прогрессивно настроенные Н. А. Милютин и С. М. Жуковский, позже гр. М. Т. Лорис-Меликов и А. А. Абаза.

В числе задач Главного комитета об устройстве сельского состояния были: подготовка новых законопроектов о крестьянах, которые затем поступали на обсуждение в Государственный совет, и разрешение «в исполнительном порядке» частных вопросов. О характере и деятельности Главного комитета об устройстве сельского состояния см.: Дружинин Н. М. Главный комитет об устройстве сельского состояния // Исследования по социально-экономической истории России. Труды Ленинградского отделения Института истории СССР. Л., 1971. Вып. 12.

Извлечения из «Отчета...» здесь воспроизводятся по его официальной публикации: Отчет по Главному комитету об устройстве сельского состояния с 19 февраля 1861 г. по 19 февраля 1870 г. Спб., 1870.

[1] Указ 3 марта 1848 г. предоставлял помещичьим крестьянам право покупать на свое имя земли, дома, лавки, мельницы и пр. виды недвижимой собственности, но с согласия их помещиков. Вместе с тем этот указ не признавал за крестьянами юридического права на ранее купленные земли на имя помещиков. Вместе с тем помещику разрешалось выдавать на купленные крестьянами до 1848 г. земли купчие, но при условии, если имение помещика вместе с этими землями не было заложено (Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 23. № 22042).

[2] Дополнительные правила к статье 32 «Общего Положения о крестьянах...» ограничивали иски крестьян о возвращении им земель, купленных при крепостном праве, сроком давности в 10 лет.

[3] Имеются в виду те крестьяне, которые после указа 2 марта 1858 г., согласно коему воспрещалось переводить крестьян в дворовые, все-таки были переведены в таковые. Они имели право на земельный надел и по закону 1861 г. получали право его выкупить наравне с прочими крестьянами.

[4] *Издельные имения* — т. е. в которых крестьяне выполняли барщину («издельную повинность»). Закон 1861 г. предусматривал перевод крестьян на выкуп при условии предварительного перевода их с барщины на оброк. Идя навстречу ходатайствам помещиков, правительство разрешило переводить на выкуп и крестьян, исполнявших барщину. На этот счет был издан указ от 27 июня

1862 г. «Распространение на крестьян, состоящих на изделыюй повинности, содействия правительства к приобретению ими в собственность поземельного их надела» (ПСЗ. Собр. 2. Т. 37. № 38407).

[5] *...перевода банковых долгов помещиков на земли крестьянского надела...* — В крепостное время в залог кредитным учреждениям отдавалась не земля, а «крепостные души». Этот долг после 1861 г. был переведен на выкупаемые крестьянами наделы. Из выкупной суммы, уплачиваемой крестьянами за свои наделы, вычитался долг помещика кредитным учреждениям.

[6] В конце марта 1861 г. отказались выполнять барщину в связи с толкованием Положений 19 февраля в духе крестьянских требований 25 имений Виленского, Лидского, Ошмянского и Свенцянского уездов Виленской губернии. В Ошмянском уезде в имении гр. Замойской произошло столкновение крестьян с карательными войсками, в результате которого 1 крестьянин был убит, а 10 ранено. В Витебской губернии волнения в конце марта 1861 г. вспыхнули в 56 имениях Динабургского, Люцинского и Режицкого уездов. Для усмирения их были направлены военные команды, также применявшие оружие.

[7] На заседании Главного комитета об устройстве сельского состояния 9 февраля 1863 г. была обсуждена записка министра внутренних дел П. А. Валуева с проектом указа об обязательном выкупе земельных наделов крестьян в трех литовских губерниях (Виленской, Ковенской и Гродненской) и Минской, а также в четырех уездах Витебской (Динабургском, Дризенском, Люцинском и Режицком). Записка и проект Валуева были одобрены и положены в основу закона 1 марта 1863 г. о переводе на обязательный выкуп крестьян этих губерний и уездов.

[8] *Инфлянтские уезды* — указанные в комм. четыре уезда Витебской губернии, где преобладало литовское население.

[9] Михаил Николаевич *Муравьев* в 1863—1865 гг.— генерал-губернатор Северо-Западного края.

[10] Согласно закону, как выше было указано, перевод крестьян на четвертной, или «дарственный», надел мог проводиться только с согласия помещика, все домогательства крестьян получить таковой надел без согласия помещиков, разумеется, не были удовлетворены.

[11] Здесь имеется в виду расстрел крестьян в с. Евге Кудымкарской волости Пермской губернии в начале апреля 1861 г.

[12] Право приобретать землю на свое имя (но с согласия помещиков) помещичьи крестьяне получили по указу 1848 г.

[13] Согласно данным «спорных дел» крестьян с помещиками о крестьянских покупных землях, материалов уставных грамот и вотчинных архивов, только в семи центрально-промышленных губерниях (Владимирской, Калужской, Костромской, Московской, Нижегородской, Тверской и Ярославской) в крепостное время было приобретено покупкой помещичьими крестьянами не менее 240 тыс. десятин.

[14] Речь идет о 29 губерниях европейской части России, на которые распространялось «Местное положение о поземельном устройстве крестьян, водворенных на помещичьих землях в губерниях великороссийских, новороссийских и белорусских», и о трех губерниях, на которые распространялось «Местное положение о поземельном устройстве крестьян, водворенных на помещичьих землях в губерниях малороссийских».

[15] Согласно Положениям 19 февраля 1861 г., крестьяне могли отказаться от своих наделов только по истечении 9 лет со времени обнародования Положений.

Н. М. АСТЫРЕВ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕЛЬСКИХ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ В РУССКОЙ ПОРЕФОРМЕННОЙ ДЕРЕВНЕ

Николай Михайлович Астырев (1857—1894) — писатель-публицист, разделявший народнические взгляды. В начале 80-х годов с целью изучения крестьянского быта поступил на службу в должность волостного писаря в Кочетовской волости Воронежской губернии. Свои наблюдения опубликовал в серии очерков в журнале «Вестник Европы», а затем в отдельной книге «В волостных писарях. Очерки крестьянского самоуправления» (М., 1886). Отрывки из этой книги (с. 58—59, 137—139, 201—202) и воспроизводятся здесь по данному изданию.

[1] Уездное по крестьянским делам присутствие учреждено в 1874 г. взамен упраздненного мирового уездного съезда (мировых посредников).

А. Н. МИНХ. ИЗ ЗАПИСОК МИРОВОГО ПОСРЕДНИКА. 1861 — 66 ГОДЫ. (О ПРАКТИКЕ КРЕСТЬЯНСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ)

Александр Николаевич Минх (1833—1912) — мировой посредник Аткарского уезда Саратовской губернии, в каковой должности находился два трехлетия, писатель-этнограф, собиравший сведения о народных обычаях Нижнего Поволжья, автор ряда книг и сборников материалов о фольклоре и быте крестьян. Отрывок из его воспоминаний публикуется по изданию: Материалы по крепостному праву. В Саратовской губернии. Саратов, 1911. С. 25—26.

ПРОШЕНИЕ КРЕСТЬЯН с. ШОКИНА ВАСИЛЬЕВСКОГО УЕЗДА НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ НА ИМЯ АЛЕКСАНДРА II О ВОЗВРАЩЕНИИ ИМ ОТРЕЗКОВ (ОТ 2 ДЕКАБРЯ 1862 г.)

Прошение крестьян воспроизводится по архивному оригиналу: РГИА, ф. 1291 (Земский отдел МВД), оп. 1, д. 138, л. 55—56.

ПРОШЕНИЕ ПОВЕРЕННОГО ОТ ОБЩЕСТВА КРЕСТЬЯН ДЕРЕВНИ ЛЫКОВОЙ ВАЛДАЙСКОГО УЕЗДА НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ ГРИГОРИЯ КУЗЬМИНА НА ИМЯ АЛЕКСАНДРА II С ЖАЛОБОЙ НА ПРИТЕСНЕНИЯ ИХ ПОМЕЩИКОМ ДЕВИЛЕНЕВЫМ (31 ДЕКАБРЯ 1865 г.)

Прошение воспроизводится по архивному оригиналу: РГИА, ф. 1291 (Земский отдел МВД), оп. 2, д. 42, л. 1—3.

ПРОШЕНИЕ КРЕСТЬЯН СЕЛА ХОВРИНА МОСКОВСКОГО УЕЗДА НА ИМЯ АЛЕКСАНДРА II О НАДЕЛЕНИИ ИХ ЗЕМЛЕЙ (ДЕКАБРЬ 1865 г.)

Прошение крестьян подмосковного села Ховрина воспроизводится по архивному оригиналу: РГИА, ф. 1291 (Земский отдел МВД), оп. 21, д. 40, л. 1—2.

СВИДЕТЕЛЬСТВА, ИЗВЛЕЧЕННЫЕ ИЗ ГОДОВЫХ ОТЧЕТОВ ГУБЕРНАТОРОВ, О НЕПОСИЛЬНОСТИ ДЛЯ КРЕСТЬЯН ВЫКУПНЫХ ПЛАТЕЖЕЙ

Как уже говорилось, при исчислении размеров выкупной суммы за крестьянский надел в основу была положена не рыночная цена за землю, а платимый крестьянами до реформы 1861 г. оброк, который приравнивался к 6 % этой выкупной суммы, так что она оказалась в полтора раза выше рыночной. Но уплачиваемая крестьянами в рассрочку в течение предназначенных 49 лет эта выкупная сумма фактически утраивалась. Возросла недоимочность крестьян — показатель непосильности выкупных платежей. Уже в 1863 г. она составила 46 % по отношению к годовой сумме уплачиваемых выкупных платежей, а к 1882 г. возросла до 82 %. В некоторых губерниях она превосходила годовой оклад в полтора-два раза, а по отдельным селениям — в 4,5 и более раз. Публикуемые здесь извлечения из годовых отчетов губернаторов «О ходе крестьянского дела» в губерниях обозначают причины растущих недоимок по выкупным платежам. Губернаторы объясняли рост недоимок в первую очередь действием стихийных бедствий (неурожаи, пожары, эпизоотии и пр.), однако не скрывали и глубинных

причин: недостаток земельных наделов, их недоброкачественность, несоответствие высоких платежей доходности крестьянских хозяйств.

Извлечения из отчетов губернаторов публикуются по их архивным подлинникам, содержащимся в РГИА, ф. 1181 (Главный комитет об устройстве сельского состояния), оп. 1, т. XV («Опись дел, не вошедших в контрольные реестры»): а) отчет вятского губернатора за 1873 г. (д. 24, л. 95 об.), б) отчет рязанского губернатора за 1876 г. (д. 26, л. 32 об.), в) отчет калужского губернатора за 1878 г. (д. 27, л. 92 об.— 93), г) отчет рязанского губернатора за 1878 г. (д. 28, л. 11, 18), д) отчет симбирского губернатора за 1879 г. (д. 29, л. 81 об.).

А. Н. ЭНГЕЛЬГАРДТ О ВЛИЯНИИ ОТРЕЗКОВ НА КРЕСТЬЯНСКОЕ ПОРЕФОРМЕННОЕ ХОЗЯЙСТВО

Александр Николаевич Энгельгардт (1828—1893) — профессор химии Петербургского университета; разделял народнические взгляды. В 1871 г. как «неблагонадежный» (состоял членом «земли и воли» 60-х годов) был выслан в свое имение Батищево Дорогобужского уезда Смоленской губернии, где занялся сельским хозяйством и создал образцовую экономию — предпринимательское капиталистическое хозяйство. В «Отечественных записках» за 1872—1887 гг. опубликовал серию «Писем из деревни» (в 1887 г. вышли отдельной книгой), в которых изложил результаты своих занятий сельским хозяйством, а также многочисленные наблюдения о хозяйстве своих соседей-помещиков и крестьян после реформы 1861 г. Книга А. Н. Энгельгардта переиздавалась несколько раз. Здесь воспроизводится из нее отрывок по изданию: Энгельгардт А. Н. Из деревни. 12 писем. М., 1956. С. 296—300.

[1] *...работают круги.* — За взятую у помещика в аренду землю крестьяне обязывались произвести весь цикл сельскохозяйственных работ («круг») — вспахать, засеять и убрать урожай.

[2] *Пригонник* — крестьянин, выполнявший в крепостное время сверх барщины так называемые «сгонные работы» (на сенокосе, вывозке леса, починке плотины и пр.).

СКАЛДИН (Ф. П. ЕЛЕНЕВ). ИЗ КНИГИ «В ЗАХОЛУСТЬЕ И В СТОЛИЦЕ»

Федор Павлович Еленев (псевдоним — Скалдин) — русский буржуазно-либеральный просветитель и публицист, придерживавшийся народнических взглядов. Сотрудничал в «Отечественных записках», где в 1867—1869 гг. опубликовал 11 статей под названием «В захолустье и в столице». В 1870 г. эти публицистические очерки вышли отдельной книгой. В. И. Ленин в своей работе «От какого наследства мы отказываемся?» приводил эту книгу Скалдина как пример «наследства» просветительства 60-х годов XIX в. в России, от которого отказывались в 90-х годах либеральные народники. Отрывок из этой книги публикуется по изданию: Скалдин. В захолустье и в столице. Спб., 1870. С. 213—215.

[1] *Бобыли* — крестьяне, лишенные своего хозяйства.

ИЗ ОСОБОГО ЖУРНАЛА ЗАСЕДАНИЯ КОМИТЕТА МИНИСТРОВ ОТ 5—13 ИЮНЯ 1879 Г. ПО ОБСУЖДЕНИЮ ВНЕСЕННОГО МИНИСТРОМ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ Л. С. МАКОВЫМ ПРОЕКТА ОБЪЯВЛЕНИЯ С ОПРОВЕРЖЕНИЕМ СЛУХОВ ОБ ОБЩЕМ ПЕРЕДЕЛЕ ЗЕМЛИ

С 1878 г. среди крестьян стали распространяться слухи о «черном переделе» земли. Суть их заключалась в том, что «скоро вся земля будет отобрана у помещиков и роздана крестьянам». С этим также связывалась надежда крестьян на «освобождение от подушной подати и вообще от всех платежей». В начале 1879 г. эти слухи получили широчайшее распространение. Министр внутренних

дел С. Л. Маков доносил 21 мая 1879 г.: «К сожалению, это явление почти повсеместное: почти все губернаторы чуть не каждый день пишут об этом». Распространение подобных слухов сильно встревожило правительство. В мае 1879 г. Александр II поручает Макову подготовить проект «объявления» крестьянам о неосновательности слухов о переделе земли. 3 июня проект был составлен и подвергся обсуждению 5—13 июня в Комитете министров. Материалы обсуждений, зафиксированные в «особом журнале» заседания Комитета министров, воспроизводятся здесь по изданию: Крестьянское движение в России в 1870—1880 гг. М., 1968. С. 380—381.

[1] *...во исполнение... высочайшего... повеления...*— Речь идет о резолюции Александра II на проекте Макова от 3 июня 1879 г.: «Предварительно одобряю, но желаю, чтобы оно [объявление.— *В. Ф.*] было представлено на окончательное мое утверждение чрез Комит[ет] мин[истров]».

[2] На тексте «особого журнала» заседания Комитета министров от 5—13 июня 1879 г. резолюция Александра II: «Исполнить».

ОБЪЯВЛЕНИЕ МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ Л. С. МАКОВА ОТ 14 ИЮНЯ 1879 г. С ОПРОВЕРЖЕНИЕМ ЛОЖНЫХ СЛУХОВ О ПЕРЕДЕЛЕ ЗЕМЛИ И БОРЬБЕ С РАСПРОСТРАНЕНИЕМ ЭТИХ СЛУХОВ

После обсуждения «объявления» Макова в Комитете министров оно 14 июня 1879 г. было утверждено Александром II, а 17 июня опубликовано в «Правительственном вестнике» и отдельными листами. Здесь воспроизводится по изданию: Крестьянское движение в России в 1870—1880 гг. М., 1968. С. 382.

На тексте «объявления» Макова помета управляющего делами Комитета министров М. С. Каханова: «Проект сей рассмотрен государем императором и высочайше одобрен в Царском Селе 14 июня 1879 г.».

УКАЗ 28 ДЕКАБРЯ 1881 Г. «О ВЫКУПЕ НАДЕЛОВ ОСТАЮЩИМИСЯ ЕЩЕ В ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ К ПОМЕЩИКАМ КРЕСТЬЯНАМИ В ГУБЕРНИЯХ, СОСТОЯЩИХ НА ВЕЛИКОРОССИЙСКОМ И НА МАЛОРОССИЙСКОМ МЕСТНЫХ ПОЛОЖЕНИЯХ 19 ФЕВРАЛЯ 1861 ГОДА»

К 1880 г. в 29 губерниях великороссийских и 3 малороссийских, на которые распространялись указанные Местные положения о поземельном устройстве бывших помещичьих крестьян, переведено было на выкуп уже более 85% крестьян, но остальные 15% оставались еще во временнообязанном положении и платили своим помещикам оброк. Согласно Положениям 19 февраля 1861 г., по истечении 20 лет, т.е. с февраля 1881 г., предстояла переоброчка, т.е. изменение размеров платимого крестьянами оброка. Но в условиях революционной ситуации на рубеже 70—80-х годов XIX в. правительство пошло на некоторые уступки крестьянам: приняло решение перевести всех временнообязанных крестьян на обязательный выкуп (при этом были задействованы те условия выкупа, которые применялись при проведении выкупа по одностороннему требованию помещика согласно закону, а именно: правительство выплачивало помещикам только 4/5 выкупной суммы, которую взыскивало затем в течение 49 последующих лет с крестьян; другой уступкой явилось сложение накопившихся по выкупным платежам 20 млн руб. недоимок и понижение размеров самих выкупных платежей (см. следующий документ). Положение 28 декабря 1881 г. воспроизводится по тексту: Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 1. № 577.

[1] Без содействия правительства заключались такие выкупные сделки по добровольному соглашению между крестьянами и помещиками, когда выкупную сумму крестьяне платили всю непосредственно своему помещику. Но на практике почти все выкупные сделки, как по одностороннему требованию помещика, так и по

указам об обязательном выкупе, и даже при добровольных сделках, проводились с содействием правительства, т.е. казна выплачивала помещикам всю установленную законом выкупную сумму, которую затем взыскивала с крестьян.

[2] *...изданные впоследствии, в развитии оных, узаконения.*— Речь идет об указах: 27 июня 1862 г. (разрешающем перевод на выкуп крестьян, состоявших на барщине), 1 марта, 26 июня, 30 июля и 2 ноября 1863 г. о переводе на обязательный выкуп крестьян Литвы, западных белорусских губерний и Правобережной Украины.

УКАЗ 28 ДЕКАБРЯ 1881 Г. «О ПОНИЖЕНИИ ВЫКУПНЫХ ПЛАТЕЖЕЙ»

Указ воспроизводится по тексту: Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. I. № 576.

[1] Как видно из текста закона, перевод временнообязанных крестьян в указанных двух белорусских губерниях должен был проводиться с 1 января 1883 г. на условиях указа 2 ноября 1863 г. для остальных (западных) белорусских губерний (Гродненской, Минской и части Витебской); указ предусматривал возвращение крестьянам отрезков и снижение на 20% повинностей.

[2] В 29 великорусских губерниях снижение устанавливалось исходя из размеров годовой выкупной суммы с надела, т.е. если за средний по этим губерниям душевой надел в размере 3,3 дес. крестьяннн платил в год 8 руб., то с 1881 г. с него требовалось уже 7 руб.; в трех малороссийских губерниях, где надел предоставлялся в расчете не на мужскую душу, а на крестьянский двор, годовой размер выкупных платежей понижался на 16%. Общая сумма понижения годовых выкупных платежей указана в следующем документе.

[3] Статья 150 Положения о выкупе определяла следующие сроки предоставления помещикам от казны свидетельств на получение выкупных сумм после заключения выкупной сделки с крестьянами: 1 февраля, 1 мая, 1 августа и 1 ноября. Статья 156 того же Положения указывала, что в эти сроки прекращались все обязательные поземельные отношения крестьян к помещикам н крестьяне переходили в категорию «крестьян-собственников».

[4] Имеется в виду указ 28 декабря 1881 г. о переводе на обязательный выкуп (см. предыдущий документ).

УТВЕРЖДЕННОЕ АЛЕКСАНДРОМ III «МНЕНИЕ» ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА ОТ 28 ДЕКАБРЯ 1881 Г. «О ВЫКУПЕ НАДЕЛОВ КРЕСТЬЯНАМИ, ОСТАЮЩИМИСЯ ЕЩЕ В ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ К ПОМЕЩИКАМ, И О ПОНИЖЕНИИ ВЫКУПНЫХ ПЛАТЕЖЕЙ»

Данный законодательный акт конкретизирует положение указа о понижении выкупных платежей. Воспроизводится по тексту: Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. I. № 577.

[1] В 1880 г. годовой оклад выкупных платежей (т.е. сумма выкупных платежей, которые крестьяне обязаны в течение года вносить в казну) составлял 44 млн руб.; следовательно, по закону 28 декабря 1881 г. крестьяне должны были платить уже 32 млн руб. в год, т.е. на 27,2% меньше.

РЕЧЬ АЛЕКСАНДРА III В КРЕМЛЕ 21 МАЯ 1883 Г. ПЕРЕД 630 ВОЛОСТНЫМИ СТАРШИНАМИ, ВЫЗВАННЫМИ В МОСКВУ ДЛЯ ПРИСУТСТВИЯ ПРИ ЕГО КОРОНАЦИИ

«Объявление» Макова не положило конец крестьянским слухам о «черном переделе» земли, а при вступлении на престол Александра III у крестьян вновь возродились надежды на скорый передел, сложение податей и недоимок. 27 марта 1881 г. министр внутренних дел М. Т. Лорис-Меликов разослал губернаторам секретный циркуляр, предписывая действовать крайне осторожно

«в принятии мер к успокоению умов», доносить «о каждом отдельном случае» крестьянских слухов. Сменивший его на этом посту гр. Н. П. Игнатьев 3 июня 1881 г. разослал новый секретный циркуляр, предписывая «уничтожать несбыточные надежды и ожидания крестьян». Но слухи продолжали распространяться. Александр III во время своей коронации 21 мая 1883 г. выступил с речью перед собранными на коронацию волостными старшинами с опровержением крестьянских надежд на передел земли. Речь Александра III была опубликована в «Правительственном вестнике» 24 мая 1883 г. Здесь воспроизводится по изданию: Крестьянское движение в России в 1881—1889 гг. М., 1960. С. 739.

МАНИФЕСТ 3 НОЯБРЯ 1905 Г. «ОБ УЛУЧШЕНИИ БЛАГОСОСТОЯНИЯ И ОБЛЕГЧЕНИИ ПОЛОЖЕНИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ»

В обстановке первой русской революции и под влиянием мощного аграрного движения, развернувшегося осенью 1905 г., о чем говорится в Манифесте, правительство приняло решение о прекращении взимания с бывших помещичьих, удельных и государственных крестьян выкупных платежей. К этому моменту бывшие помещичьи крестьяне, заплатив по выкупу 1540 млн руб., еще оставались «должны» казне 323,5 млн руб. Манифест 3 ноября 1905 г. воспроизводится по тексту: Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 25. № 26871.

[1] *...смута, происшедшая в селениях некоторых уездов...*— Речь идет о массовом крестьянском движении, охватившем в то время две трети южных и центральных губерний России; крестьянское движение сопровождалось разгромом помещичьих усадеб.

[2] *Крестьянский поземельный банк* был основан в 1882 г.; выдавал ссуды под залог покупаемых крестьянами помещичьих земель; облегчал помещикам продажу своих земель на выгодных для них условиях.

[3] Имеются в виду указы Сенату от 3 ноября 1905 г. «Об уменьшении и последующем прекращении выкупных платежей с крестьян бывших помещичьих и государственных» и «Об облегчении задачи Крестьянского поземельного банка к увеличению площади землевладения малоземельных крестьян» (ПСЗ. Собр. 3. Т. 25. № 26872 и 26873). Указы определяли порядок и сроки прекращения взимания выкупных платежей, а также выдачу денежных ссуд безземельным и малоземельным крестьянам на покупку земли на льготных условиях.

[4] *...лучших выборных людей земли русской, которые должны быть свободно указаны в числе других подданных наших и крестьянами...*— Имеются в виду избранные в Государственную думу депутаты.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

I. ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

Крестьянская реформа в России 1861 года. Сборник законодательных актов. М., 1954.
Положения 19 февраля 1861 года о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. М., 1916.
Российское законодательство X—XX веков. Документы крестьянской реформы. Т. 7, М., 1989.
Федоров В. А. Падение крепостного права в России. Документы и материалы. Вып. 1—3, М., 1966—1968.
Бездnинское восстание 1861. Сб. документов. Казань, 1948.
Крестьянское движение в России 1827—1869. Вып. 1—2. М., 1931.
Крестьянское движение в России в 1857 — мае 1861 г. М., 1963.
Крестьянское движение в России в 1861—1869 гг. М., 1963.
Крестьянское движение в России в 1861 г. после отмены крепостного права. Ч. 1—2. М.; Л., 1949.

Отмена крепостного права. Доклады министра внутренних дел о проведении крестьянской реформы (1861—1862). М.; Л., 1950.
Семенов Н. П. Освобождение крестьян в царствование императора Александра II. Хроника деятельности комиссии по крестьянскому делу. Т. 1—3, СПб., 1889—1892.
Журналы Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу. Т. 1—2, Птг., 1915; Скребицкий А. А. Крестьянское дело в царствовании императора Александра II. Материалы для истории освобождения крестьян. Т, 1—4. Бонн-на-Рейне, 1862—1868.
Энгельгардт А. Н. Из деревни. 12 писем. 1872—1887. М., 1960.

II. ИССЛЕДОВАНИЯ

Великая реформа (19 февраля 1861—1911 гг.) // Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Сб. ст. Т. 1—6. М., 1911.
Великие реформы в России 1856—1874. Сб. статей. М., 1992.
Джаншиев Г. А. Эпоха великих реформ. Исторические справки. М., 1905.
Дружинин Н. М. Русская деревня на переломе. 1861—1880 гг. М., 1978.
Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. М., 1968.
Зайончковский П. А. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. М., 1958.
Захарова Л. Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856—1861. М., 1984.
Иванюков И. И. Падение крепостного права в России. СПб., 1903.
Евреинов В. А. Крестьянское дело по положению 19 февраля 1861 г. // Исторический обзор. Т. 1—3. СПб., 1913.
Кованько П. Л. Реформа 19 февраля 1861 года и ее последствия с финансовой точки зрения (Выкупная операция 1861—1907 гг.). Киев, 1914.
Корнилов А. А. Крестьянская реформа. СПб., 1905.
Литвак Б. Г. Русская деревня в реформе 1861 г. Черноземный центр, 1895. М., 1972.
Литвак Б. Г. Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М., 1991.
Лосицкий А. Е. Выкупная операция. СПб., 1906.
Мороховец Е. А. Крестьянская реформа 1861 г. М., 1937.
Революционная ситуация в России в середине XIX века. Коллективная монография под ред. М. В. Нечкиной. М., 1978.
Святловский В. В. Мобилизация земельной собственности в России (1861—1908). СПб., 1911.
Тройницкий А. А. Крепостное население в России по 10-й народной переписи. Статистическое исследование. СПб., 1961.
Янсон Ю. Ю. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. СПб., 1877.
Эйдельман Н. Я. «Революция сверху» в России. М., 1989.
Emmons T. The Russian Landed Gentry and the Peasant Emancipation of 1861. Cambridge, 1968.
Field D. The Reforms of the 1860s. N. Y., 1977.

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

КОНЕЦ
КРЕПОСТНИЧЕСТВА
В РОССИИ

Документы, письма, мемуары, статьи

Зав. редакцией *Г. М. Степаненко*
Редакторы *М. И. Шлаин, В. В. Белугина*
Художественный редактор *Л. В. Мухина*
Оформление художника *И. С. Клейнарда*
Технический редактор *Г. Д. Колоскова*
Корректоры *Н. И. Коновалова, Н. В. Иванова*

ИБ № 7725

ЛР № 040414 от 27.03.92 г. Сдано в набор 14.12.93. Подписано в печать 20.05.94. Формат 60×90/16. Бумага офс. № 2. Гарнитура литерат. Печать офсетная. Усл. печ. л. 33,0. Уч.-изд. л. 36,83. Тираж 5000 экз. Заказ 1707. Изд. № 1521.

Ордена «Знак Почета» издательство
Московского университета.
103009, Москва, ул. Герцена, 5/7.

170000, г. Тверь, Студенческий пер., 28.
Областная типография.